

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕОЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХХVI.

1893.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
А. Н. Веселовскій. Воклаччо о мисеологін и поэзіи	1
В. К. Мальбергъ. По поводу метоповъ, найденныхъ въ Сали- дунтѣ въ 1891 году	60
Ө. Я. Леонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права	69
Г. В. Форстенъ. Валтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (продолженіе).	136

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. Р—скій. Идеалистическое направление въ славянской наукѣ	182
А. А. Васильевъ. Житіе иже во святыхъ отца нашего Теодора архіепископа Едесскаго. Издавъ И. Ломъловскій. С.-Пб. 1892	201
К. Н. Вестушевъ-Рюминъ. Археологическія извѣстія и замѣтки. Подъ редакціей А. В. Оршниковъ. 1893	211
Д. В. Цвѣтаевъ. Отвѣтъ критикѣ	213
А. Н. Кириичниковъ. О письмахъ монаха Іакова	261
— Книжныя новости	263
— Наша учебная литература (разборъ 12 книгъ).	1

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Оредніа и нышніа школы въ Кіевскомъ учебномъ округѣ въ 1892 году	1
---	---

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Р. Х. Меперь. Къ вопросу о димахъ Аггива (продолженіе)	97
В. Б. Ернштедтъ. Къ Дикургу оратору	140
В. И. Модестовъ. Еще о греческомъ произношеніи	141

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 4-ю марта).

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКАГО ПРАВА.

I.

Образованіе территоріи Литовскаго государства.

Литовское государство обнимало собою, кромѣ собственной Литвы, „самую коренную и древнѣйшую Русь: Кіевскую, Сѣверскую, Волинскую, Полоцкую и Туровскую земли, то-есть, территорію *зарожденія и развитія всѣхъ правовыхъ институтовъ древней Руси* (Русской Правды)“¹⁾. Институты эти строго хранились въ значеніи мѣстной „правды“ русскихъ земель и послѣ присоединенія ихъ къ Литвѣ, являлись въ XV и XVI столѣтіяхъ коренными основами литовскихъ земскихъ уставовъ, судебника, статутовъ и пр.

Въ виду несомнѣннаго, глубокаго сродства институтовъ древнерусскаго и позднѣйшаго литовскаго права, еще въ 60-хъ годахъ, въ одной изъ первыхъ работъ по литовско-русскому праву („Русская Правда и Литовскій Статутъ“), была высказана мною мысль о „настоятельной необходимости включить литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права“. Дѣйствительно, послѣднія имѣютъ значеніе исторіи права *русскаго народа*, а не государства, со всѣмъ составомъ населенія русскаго и инородческаго, и потому, какъ исторія права *всей* русской народности, она должна обнимать и исторію права такихъ частей этой народности, которыя въ старое время не входили (Литовская Русь) или донныѣ не входятъ въ составъ Русскаго государства (Русь Галицкая и Угорская)²⁾.

¹⁾ См. *М. Владимірскаго-Буданова*, Помѣстья Литовск. государства, стр. 2.

²⁾ *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ ист. русск. права, I, введ., стр. IV.

Въ нашей историко-юридической литературѣ, между тѣмъ, лишь въ сравнительно недавнее время стали появляться спеціальныя изслѣдванія по литовскому праву. Самые существенные вопросы по этой древнѣйшей отрасли русскаго права остаются доселѣ открытыми вопросами, безъ всякой научной разработки. Существующія работы по исторіи памятниковъ литовско-русскаго законодательства (Чацкаго, Даниловича, Чарнецкаго, Исинскаго и др.) далеко не исчерпываютъ всего предмета. Лишь въ послѣднее время стали появляться изслѣдованія по исторіи литовско-русскихъ сословій, въ особенности крестьянскаго и городскаго (труды Антоновича, Владимірскаго Буданова, Новицкаго, Бершадскаго и др.), также по нѣкоторымъ вопросамъ права гражданскаго (новѣйшіе труды по исторіи литовско-русскаго землевладѣнія—Владимірскаго-Буданова и г-жи А. Ефименко, по исторіи наслѣдованія—Бершадскаго и пр.). Меньше всего затронута и разработана въ нашей историко-юридической литературѣ исторія государственнаго устройства и управленія Литовской Руси. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь объ общихъ курсахъ по литовскому праву, какіе имѣются по исторіи восточно-русскаго права (Владимірскаго-Буданова, Сергѣевича).

Затрудненія въ дѣлѣ научной разработки исторіи права Литовской Руси кроются въ самомъ свойствѣ предмета научныхъ изслѣдованій. Право Литовской Руси стоитъ на рубежѣ русскаго и западноевропейскаго права, представляетъ, особенно въ позднѣйшія эпохи своего развитія, такую пеструю амальгаму началъ права русскаго, литовскаго, польскаго и нѣмецкаго, что необходимы долговременныя усилія со стороны историковъ и юристовъ для того, чтобы путемъ кропотливой, детальной разработки отдѣльныхъ вопросовъ можно было разобраться во всей пестротѣ и разнообразіи началъ, на почвѣ которыхъ развивалось литовско-русское право. Детальная разработка его въ указанномъ направленіи началась лишь въ сравнительно недавнее время. Затѣмъ, если русскіе историки-юристы, за немногими исключеніями, ограничиваются въ своихъ штудіяхъ восточно-русскимъ правомъ и оставляютъ безъ вниманія памятники политико-правоваго быта Литовской Руси, то причину этого слѣдуетъ искать, между прочимъ, въ не совсемъ вѣрномъ воззрѣніи на связь литовскаго права съ польскимъ и русскимъ и на ту роль, какую въ старое время играли въ литовско-русскихъ областяхъ элементы польскаго и нѣмецкаго права. Давая такимъ элементамъ по многимъ существеннымъ вопросамъ характеръ чуть ли не исключительныхъ основъ литовско-русскаго права,

историки мало обращали вниманія на огромное значеніе, какое удерживали здѣсь, не смотря ни на какія внѣшнія вліянія, начала древняго русскаго быта ¹⁾).

Причина малой разработки въ русской историко-юридической литературѣ основныхъ вопросовъ, въ особенности по древнему государственному устройству Литовской Руси, заключается также въ характерѣ и направленіи самихъ источниковъ. Официальные памятники — старыя грамоты, акты и другіе документальные источники, изданные до настоящаго времени, представляютъ богатый запасъ историческихъ данныхъ, въ огромномъ большинствѣ относящихся къ болѣе позднему времени существованія Литовско-Русскаго государства. Раннія эпохи его исторіи можно изучать лишь по лѣтописямъ русскимъ, съ весьма скуднымъ, однако, запасомъ данныхъ касательно древней исторіи Литовской Руси, главнымъ же образомъ — по литовскимъ и

¹⁾ См. наше изслѣдованіе „Русск. Правда и Литовск. Статутъ“, стр. 91. Для прихѣра укажемъ на господствующую доселѣ въ нашей исторической литературѣ теорію „литовско-нѣмецкаго феодализма“, которая доселѣ лежитъ въ основѣ изслѣдованій о происхожденіи и развитіи всего политическаго и административнаго строя Литовско-Русскаго государства, — о происхожденіи сословій, формъ землевладѣнія и т. д. Теорія эта, развитая еще старыми польскими историками — *Уанкиль* (См. *Dziéła Tad. Czackiego*, f. I, стр. 76, 287), *Ярошевичемъ* (*Obraz Litwy*, I, 122, II; II, 64) и другими, признается доселѣ неоспоримою научною аксіомою лучшимъ нашими изслѣдователями — *В. Антоновичемъ* (Моногр., I, 136 — 137; О крестьянахъ, 9) *Незабитовскимъ* („Чиншевое владѣніе“) и др. Между тѣмъ, по совершенно вѣрному замѣчанію Новицкаго, „феодальный“ отбѣнокъ сословныхъ отношеній въ Литвѣ (мы прибавимъ и отношеній поземельныхъ и административныхъ) объясняется вѣрнѣе преемственнымъ развитіемъ тѣхъ бытовыхъ условій, какія существовали уже раньше во всѣхъ русскихъ земляхъ, — объясняется „параллелизмомъ“ государственнаго устройства Руси западной и восточной, въ періодъ до болѣе тѣснаго сближенія первой изъ нихъ съ Польшею“, — параллелизмомъ, который „могъ возникнуть только вслѣдствіе общности происхожденія“ (Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, стр. 8 — 5). Та же мысль о старомъ параллелизмѣ политико-правоваго быта западной и восточной Руси начинаетъ высказываться въ послѣднее время и польскими историками. (См. *Яблоновскаю*, *Ziemia Wołyńska w połowie XVI w. Źródła dziejowe*, 1877, t. VI, стр. LXIV). О древне-русскомъ „феодализмѣ“ Червонной Руси см. *Шараневича*, „*Rusь wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniej w drugiej połowie XV w.*“ (1869), стр. 56 — 69. Вопросъ о формахъ землевладѣнія Литовской Руси поставленъ на строго-научную почву лишь въ новѣйшее время, въ трудахъ проф. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*: „Помѣстья Литовск. государства“ (1889) и „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Литвѣ“ (1892). Авторъ выходитъ не изъ теоріи литовско-нѣмецкаго феодализма, а изъ идеи параллелизма въ развитіи нормъ права Литовской и Московской Руси.

польскимъ хроникамъ, наполненнымъ иногда совершенно вымышленными и противорѣчащими одно другому данными, нерѣдко съ самымъ тенденціознымъ (польскимъ) направлениемъ, замѣтнымъ, напримѣръ, у Длугоша, Кояловича, Кромера, Стрыйковского и др.

Настоящій очеркъ служитъ началомъ цѣлаго ряда этюдовъ, въ которыхъ будетъ въ существенныхъ чертахъ изложена исторія литовско-русскаго права. Для настоящаго очерка мы избрали одинъ изъ основныхъ вопросовъ по государственному устройству Литовской Руси, — вопросъ объ образованіи *территоріи Литовско-Русскаго государства* и о главнѣйшихъ *формахъ территориальныхъ союзовъ*, изъ какихъ сложилось это государство. Въ русской и польской историко-юридической литературѣ нѣтъ ни одного спеціальнаго изслѣдованія по этому вопросу; отдѣльныя замѣтки и этюды разбросаны въ общихъ и спеціальныхъ трудахъ по исторіи Литвы и отдѣльныхъ областей, входившихъ въ составъ Литовско-Русскаго государства. Мы и намѣрены въ настоящемъ очеркѣ свести въ одно мѣсто то, что сдѣлано по нашему вопросу въ трудахъ русскихъ и польскихъ историковъ, и по возможности провѣрить избранный вопросъ документальными данными по источникамъ и монографіямъ, изданнымъ въ новѣйшее время.

Ближайшими и наиболѣе надежными источниками по исторіи литовско-русскаго права служатъ памятники законодательные, акты административной и судебной практики и разнаго рода частные акты-сдѣлки и пр. Заслуга изданія сборниковъ важнѣйшихъ памятниковъ литовско-русскаго права принадлежитъ главнымъ образомъ Петербургской археографической комиссіи, также временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, учрежденной при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ, и комиссіи, учрежденной для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ. Затѣмъ, изданіе нерѣдко весьма важныхъ памятниковъ западно-русской юридической старины принадлежитъ трудамъ отдѣльныхъ изслѣдователей русскихъ (Григоровичъ, Мухановъ, В. Антоновичъ и др.) и польскихъ (Дубинскій, Дзялынскій, Рачинскій, Нарбутъ, Даниловичъ, Прохаска и др.)¹⁾.

¹⁾ Приведемъ перечень главнѣйшихъ сборниковъ памятниковъ по исторіи литовско-русскаго права: *P. Dubiński, Zbiór praw u przywilejów miastu stołecznemu W. X. Lit. Wilnowi nadanych* (1788). *I. Григоровичъ, Бѣлорусск. архивъ древн. грам.* (1824). *Napierski, Index corp. hist.-diplom. Livoniae* (1833). *Voigt, Codex diplom. Prussicus* (1836—53). *II. Мухановъ, Сборникъ* (1836; второе изд. 1866). *A. Тупеневъ, Historica Russiae monumenta* (1841); *Supplementa* (1848). (*hr. Działyński*) *Zbiór praw Litewskich, od r. 1389 do r. 1529. Tudzież rozprawę*

Кромѣ того, памятники, относящіеся къ Литовско-Русскому государ-

zejmowe o łuchże prawach od ч. 1544 до ч. 1563 (1841). *Востоковъ*, Описание Ру- мянц. музея (1842). Собрание древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вилены, Ковна, Трогъ, правосл. монастырей и церкви по разн. предметамъ. Изд. Археограф. Комм. (1843). *Е. Васульскі*, Codex diplomaticus Lithuaniae (1845). Памятники, изд. Времени. Коммиссіей Кіевской (1845—1859). Акты, относящ. въ исторіи западн. Россіи. Изд. Археогр. Комм. (1846—1853). Собрание древн. актовъ и грамотъ горо- довъ Минской губ. Изд. Археогр. Комм. (1848). *Narbutt*, Pomniejsze pisma histo- guskie, wczególnie do historyi Litwy odnoszące się (1856). Грамоты, касающ. до сношеній сѣв.-запад. Россіи съ Ригой и Ганзейск. городами. Изд. Археогр. Комм. подъ редакц. *К. Е. Нанъерскаго* (1857). Собрание государственн. и частн. актовъ, касающ. Литвы. Изд. Виленск. Комм. подъ ред. *М. Круповича* (1858). Архивъ юго- западн. Россіи, изд. Врем. Комм. въ Кіевѣ (1859—1891). *I. Daniłowicz*, Skarbiec dyplomatów etc., poświęcających do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i obciennych im krajów (1860—1862). Акты, относящ. къ исторіи Южной и Западн. Россіи, изд. Археогр. Комм., подъ ред. *Н. И. Костомарова*, съ X т. *Г. Θ. Карпова* и др. (1860—1890). Акты, изд. Виленск. Комм. (1655—1890). Документы, объясняющіе исторію зап.-русс. края и его отношенія въ Россіи и Польшѣ, изд. Вл. Комм. (1866). Сборникъ правъ, привилегій, декретовъ, иллюстрацій, шлебисци- товъ и иныхъ документовъ, относящихся до дѣлости границъ, вольностей, преро- гативъ и доходовъ г. Бѣльска. Сост. *Б. Ярошевичъ* 1796 г. Разобр. и изд. *В. Ко- валевскій* (Гродненск. Губ. Внд. 1865, №№ 39, 40, 48, 50; отд. 1865). *И. Θ. Голтваи- кій*, Памятникомъ дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго въ дрен- немъ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ и въ смежныхъ русскихъ областяхъ со второй половины XIV вѣка (*Науков. Сборн.*, 1865). Археографич. Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣв.-зап. Россіи, изд. при управленіи Ви- ленск. Учебн. Округа (1867—1876). Грамоты вел. князей литовскихъ, собр. *В. Ан- тоновичемъ* и *К. Козловскимъ* и изд. при *Унив. Кіевск. Изв.* (1868). Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy Rospolitej Polskiej, z archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie, w skutek fundacyi S. A. hr. *Stadnickiego*. Wydane sta- ganem Galicyjskiego Wydziału krajowego (1866—1892). Актовая книга, содержащая въ себѣ привилегіи, данныя дворянамъ и священникамъ Пинскаго повѣта (добавл. къ „Ревизіи пуцъ и звѣрин. переходовъ въ бывш. вел. княж. Литовскомъ“, 1867). Русско-Ливонск. акты, собр. *К. Е. Нанъерскимъ*. Изд. Археогр. Комм. (1868). Описание дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Виленск. ген.-губ., изд. подъ ред. *А. Эмеля* (1869); *сю же* Архивъ Виленск. ген.-губернатора (1870). *П. Гильтебрандъ*, Ру- кописн. отдѣленіе Виленск. публ. библіотеки (1871). Историко-юридич. матеріалы, швелч. изъ актовъ книгъ губ. Витебской и Могилевской, изд. подъ ред. *Созонова* (1871—1881). *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Христоматія по ист. русск. права, т. II (1873). *Sokołowski-Szujski*, Codex epistolaris saeculi XV (Monum. medii aevi hist., 1876, t. II, отдѣльно—1876). Права, по которымъ судится малорос. народъ. Изд. подъ ред. *А. Θ. Кистяковскаго* (*Унив. Кіевск. Изв.*, 1878—1879; отд. 1879). *Θ. Добрянскій*, Описание рукописей Виленской публич. библіотеки (1882). *С. А. Бернадскій*, Документы и регестры къ исторіи литовск. евреевъ (1882). *А. Prochaska*, Codex epistolaris Vitoldi, Magni Ducis Lithuaniae, 1376—1430 (1882).

ству, содержатся въ сборникахъ польскаго права ¹⁾. Затѣмъ, дан-

Карлозъ, Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ (Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ., т. XXXV). *Hildebrand*, Liv.-Est.-u. Curländisches Urkundenbuch (1884). *Archivum ksiągъ Lubartowiczów-Sanguszków w Sławucie*, wyd. nakładem właściciela pod kierownictwem *Z. L. Radsimińskiego*, przy współudziale *P. Skobielskiego* i *B. Gorcsaka* (1887—1890). *M. Исменіа*, Уставныя земскія грамоты Литовско-Русск. государства (Унив. Киевск. Изв. 1889; отд. 1889). *A. Prochaska*, Materiały archiwalne, wycięte głównie z Metryki Litewskiej od 1348 do 1607 r. (1890). Изданія отдѣльныхъ памятниковъ—Статутовъ и пр., будутъ указаны въ одномъ изъ слѣд. очерковъ — о литовскомъ законодательствѣ.

¹⁾ Укажемъ на польскіе сборники главнымъ образомъ съ половины прошлаго вѣка. Памятники, относящіеся къ Литовской Руси (по преимуществу договоры литовскихъ князей съ польскими королями), входятъ также въ составъ старыхъ польскихъ сборниковъ, начавшихъ издаваться съ XVI столѣтія (Сборн. *Ласкаго*, *Примускаго*, *Гербурта Фульстинскаго*, *Сарникаго*, *Янушевскаго*, *Щербича*, *Завачкаго*, *Ладовскаго*, *Колудкаго*, *Кожушовскаго* и другихъ); но всѣ эти памятники цѣликомъ изданы пиарами въ ихъ „*Volumina legum*“. Съ этого польскаго „свода законовъ“ мы и начинаемъ перечень важнѣйшихъ польскихъ сборниковъ. *Volumina legum. Leges, statuta, constitutiones, privilegiae regni Poloniae, Mg, Duc. Lithuaniae etc.* In typographia S. R. M. et Reipublicae Collegij Varsaviensis Scholarium Piarum (1732—1782; нов. изд. *Іох. Охрыско*, 1859—1860). *X. А. К. Zeglicki*, Inwentarz nowy praw statutów, kostytucyi koron. y W. X. Lit. (1754). *M. Głiszczyński*, Compendium legum reg. Poloniae (1754). *M. Dogiel*, Codex diplom. reg. Poloniae et M. D. Lithuaniae (1758—1764). *M. Stoński*, Accessoria Statut. y konstytucye (1760, 1765). *St. Bursiński*, Zebranie wszystkich seymów y praw polskich (1765). *A. Zamojski*, Zbiór praw sądowych na mocy konstytucyi 1776 (1778); нѣм. перев. — Sammlung gerichtlicher Gesetze f. d. Königr. Polen u. Gr. Herzth. Lithauen (1780). *U. X. Jasiński*, Zbiór konstyt. koron. (1781). *X. T. Waga*, Inwentarz prawa statutów, konstyt. koron. y W. X. Lit. (1762, 1789). Zbiór rezoluzyi Rady Nieustającej (1785—1788). *Fr. Piekarski*, Zbiór praw polskich i W. X. Litew. (1813). *I. U. Niemcewicz*, Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce (1822—1833; нов. изд. *I. Bobrowicza*, 1838—1842). *I. W. Bandtkie*, Ius polonicum (1831). *M. Wiszniewski*, Pomniki historyi i liter. polskiej (1837). *K. Strońscyński*, Wzory pism dawnych w przerisach wystawione i objaśnione (1839). *M. Grabowski* i *A. Przesdziecki*, Zródła do dziejów Polskich (1843—1844). *L. Ryszczewski* i *A. Muczkowski*, Codex diplom. Poloniae, I—II (1847—1852); wyd. *Bartoszewicza*, t. III (1858). *St. Górski*, Acta Tomiciana (1852—1860). *K. Iarochowski*, TeKa Gabr. junoszy Podoskiego (1854—1862). *W. S. hr. de Broel-Plater*, Zbiór pamiętników do dziejów polskich (1858). *A. Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae (1860—1864). *E. Rykaczewski*, Inventarium omnium et singulorum privilegiorum, litterarum, diplomatum, scripturarum et monumentorum quaecunque in archivo regni in arca Cracoviensi continentur, (1862). *T. Lubomirski*, Codex diplomatyczny księstwa Mazowieckiego (1863). Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia (1874—1882).

ныя по исторіи литовско-русскаго права содержатся въ лѣтописяхъ русскихъ, литовскихъ, прусскихъ и польскихъ, запискахъ современниковъ и пр. ¹⁾.

¹⁾ *I. Daniłowicz*, Latopisiec Litwy i kronika Ruska (*Dziennik Wileń.* 1824; отд. 1827). Перепеч. въ журн. *Руссова* „Воспоминанія“ (1892). Изд. *А. Попова*: Лѣтопись вел. князей Литовскихъ (*Учѣн. Зап. II Отд. Акад. Наукъ*, т. I; отд. 1854). Нов. изд. въ Полн. Собр. лѣт., т. 16. *T. Narbutt*, Kronika Litewska. Лѣтопись *Виховца* (*Ромп. do dziej. Litew.*, 1846; нов. изд. въ Полн. собр. лѣт., т. 16). Русскія лѣтописи: Лаврентьевская (1872), Платовская (1871), Густынская (II. С. Л., II), Воскресенская (ib., VII—VIII) и др. Лѣт. Никоновская (1767); Супрасльская лѣт., изд. кн. *М. Оболенскимъ* (1886). Южно-русскія лѣтописи: лѣт. *Самовидца* (*Учен. въ Общ. Ист. и Др.*, 1846, кн. I, годъ 2; нов. изд. 1878); лѣт. *Сам. Велички* (1848—1864); лѣт. *Гр. Грабянки* (1854); южно-русск. лѣтописи, открыт. и изд. *Н. Бѣлозерскимъ* (1856); Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи, изд. Врем. Киевск. Коммисією (1888). Прусскія лѣтописи: *Scriptores rerum Prussicarum* (1861—1874). *Jahrbücher Joh. Lindenblatt's* hrsgb. *V. Voigt* (1823). *Kronika Wiganda s Marburga*, wyd. *Voigt i Raczyński*; (1842). Польскія лѣтописи и записки современниковъ: *M. Gallus*, *Chronicon Polon.* (Изд. *Пертца*, IX; *A. Bielowski*, *Monumenta Polon. hist.*; изд. *I. W. Bandtkie*, 1824). *Уинс. Кадубко*, *Res gestae principum et regum Poloniae etc.* (1824); *то же*—*Chronicon Polon.*, ed. *Przedziecki* (1862). *Ian Długosz*, *Historiae Polonicae libri XII* (1615, 1711—12); *Dziejów Pol.* кн. 12 (1867—1870). *Ею же* *Lites ac res gestae inter Polonos Ordinemque Cruciferorum etc.*, ed. *Dziakiński* (1855—1856). *Ian s Czarnkova*, *Chronica Polon.* (*Sommersberg*, *Scriptores rerum Silesiacarum*, т. II). *Mathiae de Michowia* (*Matwiej z Michowa*), *Chronica Polon.* (1519, 1521; въ сборн. *Pistorii*, *Polon. Hist. Corpus*, 1589, т. I). *Martin Cromer*, *De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX* (1555, 1558, 1568, 1589); перев. *Влажовского*—1611; новое изданіе—*Кроника Polska* (1857). *Ею же* *Polonia* (1577 и др. годовъ; Сборн. *Pistorii*, I); перев. *Сырокомли*—*Polska* (1853). *Marcin Bielski*, *Kronika swiata* (1534 и др. год.; послѣдн. изд. *Туровскато* въ *Bibl. Polska*, 1830). *Joach. Bielski*, *Kronika Polska* (1829—33; изд. въ *Bibl. Polska*, 1856); *Dalszy ciąg. kroniki Pol.*, wyd. *I. Bielski* (1851). *Michalonis Lithuani* *De moribus Tartarorum, Lithuanorum et Moschorum fragmina X* (1544, 1610—1615); извлеченія—въ „*Respublica, s. status Reg. Poloniae*“ etc. (1827). Русск. перев. *С. Шестякова*: О правахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ (*Архивъ Калачова*, 1855, II, и *Вѣстн. Сам. Россіи*, 1864, №№ 2 и 3). *St. Orichovius* (*Orzechowski*) *Kroniki Polskie* (1805); *Annales*, ed. *Dzalyński* (1854); польск. перев. *Влинскаго*—*Dzieła w niektórych przedmiotach pisane etc.* (1826). *A. Guagnini* *Sarmatiae Europaeae descriptio, seu Polonia, Lithuania, Russia etc.* (1578, 1581); *Kronika Sarmacyey Europejskiej* (1611). *Ею же* *Res Poloniae* (1584). *Ею же* *Deductio et origo gentis Lithuanorum* (*Polon. hist. corpus*, f. II, 1582); *De Lithuaniae gentis origine et moribus* (Сборн. *Elzewira*, 1827). *M. Strykowski*, *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi* (1582; *Zbior dziejepis. pol.*, 1766, II; нов. изд. 1846). *S. Herberstein*, *De Lithuania* (*Pistorii*, *Poloniae Historiae Corpus*, 1589, т. I). *B. Wapowski*, *Historia Polon.* (дополненіе къ *Кромеру* 1589); польск. перев.—*Dzieje korony Polskiej i W.* Ка.

Что касается литературныхъ пособій по исторіи государственнаго устройства и управленія Литовской Руси, то, какъ замѣчено выше, въ русской историко-юридической литературѣ мы не находимъ по этому вопросу ни одного спеціальнаго изслѣдованія. Польскіе юристы точно также изучали главнымъ образомъ исторію своего роднаго права и оставили весьма мало работъ, посвященныхъ спеціальному изслѣдованію политико-правовой жизни Литовскаго государства. Отрывочныя, далеко не полныя, свѣдѣнія по этому вопросу разбросаны отчасти въ общихъ курсахъ древняго польскаго права (Гарткноха, Залашовскаго, Ленгниха, Бандтке и др.)¹⁾, отчасти въ отдѣльныхъ

Lit. (1845—1848). К. *W. Kojalowicz*, *Historiae Lithuaniae partes duae (1650—1669)*; (Нѣм. перев. Шлецера). *Eius же Miscellanea regum ad statum Ecclesiae* in M. D. Lith. (1650). *Eius же Commentarius rerum in M. D. Lithuaniae per tempus rebellionis Russiae gestorum* (1653). *W. Le Vasseur sieur de Beauplan*, *Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie, jusques aux limites de la Transilvanie. Ensemble leurs moeurs, façons de vivre etc.* (1650, 1660); польск. перев. *Нямковича* (1822); русск. перев. *Ф. Устрялова*: *Описание Украйны* (1832). *Monumenta Poloniae historica*, польскія дѣтисня, изд. *А. Бялесскаго* и *Краковск. Акад.* (1864—1884).

¹⁾ Указанія на спеціальныя работы по отдѣльнымъ вопросамъ будутъ дѣлаться, по мѣрѣ надобности, въ послѣдующихъ очеркахъ. Теперь мы ограничимся перечисленіемъ лишь общихъ трудовъ по древнему польскому праву: *Th. Zawacki*, *Compendii, to jest, krótkiego zebrania wszystkich a wszystkich praw, statutów y constitucyi coronnych Rozdział I królewski, II senatorski, III sądowy, IV rycerski, V wojenny, VI kigstw koronnych* (1613). *T. Dresner*, *Institutionum juris regni Poloniae libri IV ex statutis et constitutionibus collecti* (1618). *M. Chwałkowski*, *Regni Poloniae jus publicum* (1676, 1684). *Ch. Hartknoch*, *Jus publicum Reipublicae Poloniae, Lithuaniae etc.* (Respublica Polonica, 1687, 1698). *M. Załaszowski*, *Ius publicum regni Poloniae ex statutis et constit. ejusdem Regni et M. D. Lith. collectum et additionibus ex jure civili romano, canonica, saxonice etc. historisque illustratum* (1700—1702; вт. изд. 1741—1742); третья, не окончена. изд.—*Syntagma juris universi regni Poloniae* (s. 1.—do 1750). *G. Lengnich*, *Ius publicum regni Poloniae* (1742—1746; втр. изд. 1765); польск. перев. *Moszczeńskiego* *Prawo pospolite król. Polskiego* (1761; нов. изд. 1836). *M. Gliszczynski*, *Compendium legum et constitutionum* (1754). *I. I. Załuski*, *Manuale juris publ. Poloniae* (1764). *X. W. Skrzetuski*, *Prawo polityczne narodu Polskiego* (1782—84; вт. изд. 1787). *Ch. Th. Steiner*, *Exercitationes ad juris Polon. tam publ., quam privatum* (1786). *Hugon X. Kollątay*, *Prawo polityczne narodu Polskiego* (Do st. Małachowskiego o przyszłym seymie Anonyma listów kilka, 1788, cz. IV, 2). *Uwagi polityczne, anonyma pod tyt.: Prawo pol. nar. Polsk.* (1791). *A. Trębiński*, *Prawo polityczne i civilne korony polskiej y W. X. Lit.* (1789); *I. W. Bandtkie-Słęczyński*, *Historia prawa polskiego* (1850). *S. Hüppe*, *Verfassung d. Republik Polen* (1867). *K. B. Hoffmann*, *Historia reform politycznych w dawne, Polsce* (1867).

монографіяхъ по исторіи Литвы и Польши. По исторіи Литвы существуетъ цѣлый рядъ работъ ученыхъ нѣмецкихъ (Шлецеръ, Коцебу, Фойхтъ), польскихъ (Богушъ, Лелевель, Нарбутъ, Ярошевичъ, Юевичъ, Крашевскій, Бартошевичъ, Шайноха, Стадницкій, Смолька. Вольфъ и др.) и русскихъ (Боричевскій, Гильфердингъ, Кояловичъ, Костомаровъ, И. Бѣляевъ, В. Антоновичъ, Дашкевичъ, Барбашевъ и др.)¹⁾. Изъ польскихъ источниковъ мы укажемъ только на гла-

¹⁾ *A. L. Schlözer* u *L. A. Gebhardt*, *Gesch. v. Littauen, Kurland u Lief-land* (1875). *I. Lelewel*, *Rzut oka na dawność litewskich narodów* (1808). *Ею же* *Dzieje Litwy i Rusi aż do unji z Polską* (1839; втор. изд. 1844; третье изд. въ *Polskaj dzieje i gzeszyje*, т. v.); франц. перев. *E. Rykaczewskiego*: *Hist. d. l. Lithuanie et d. l. Ruthenie etc.* (1861). *X. Bohusz*, *Rozprawa o początkach narodu i języka litewskiego* (1808). *T. Narbutt*, *Badania starożytności Litewskich* (*Tygodn. Wiśń.* 1817, II, № 71 и слѣд.). *Ею же*, *Dzieje starożytne narodu Litewskiego* (1835—1741). *Ею же* *Pomniki do dziejów Lit.* (1846). *A. von Kotzebue*, *Swidrigail. Ein Beitrag z. d. Gesch. v. Lithauen* (1820); русск. перев.: Свидригайло, вел. князь лит. (1835). *Voigt*, *Gesch. v. Preussens* (1827—1839). *II. Кенемъ*, О происхожденіи, языкѣ и литературѣ литовск. народовъ. (Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, 1827, кн. 3); нѣм. перев. р. v. *Schrötter*, съ примѣч. *C. E. Napierski* (*Magaz. d. litt. lit. Gesellsch.* 1829, Bd. I, St. 3); польск. перев.: о *Litewskiem narodu* (1827; *Dziennik Wileń.*, 1829, I). *Ею же* Литовцы (*Журн. Мин. Вн. Дѣл*, 1851, ч. 84); нѣм. пер. *Der lithauische Volksstamm* (*Bull. hist.-phil. d. Ak.*, 1851, VIII). *Z. Onasiewicz*, *Panowanie Kazimierza etc.* (1827). *Ueber Lithauens Verhältnisse zu Polen* (1831). *I. Iaroszewicz*, *Uwagi nad stanem Litwy do przyjęcia wiary Chrześcijańskiej* (Znicz, 1834). *Ею же*, О цивилизации Литвы въ трехъ первыхъ ея Хрещіанскихъ вѣкахъ (Znicz, 1835; *Biruta*, 1837), *Ею же*, Образъ Литвы под. взглядомъ ея цивилизации одъ czasów najdawniejszych до конца wieku XVIII (1844—1845). *Киркоръ*, Черты изъ исторіи и жизни литовск. народа (1844—1845; втор. изд. 1854). *II. Боричевскій*, Свѣдѣнія о древн. литовцахъ (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1844, ч. 46). *Ею же*, Исслѣдованія о происхожденіи названія и языка литовск. народа (*ib.*, ч. 46). *Ею же*, Отрывки изъ лит.-русск. исторіи (*ib.*, ч. 48). *Ею же*, Православіе и русск. народность въ Литвѣ (1851). *Ludwik s Pokiewia* (*A. L. Iu-czewicz*), *Litwa pod względem starożyt. zabytków, obyczajów i zwyczajów skreślona* (1846). *I. L. Krasszewski*, *Litwa. Starożytne dzieje, ustawy etc.* (1847—1850). *Ею же* *Wspomnienia Wolynia, Polesia i Litwy. Ею же*, *Litwa za Witolda* (1850). *Golębiewski*, *Panow. Władysl. Iagielly* (1846). *K. Stadnicki*, *Synowie Gedymina, Wielkiego władcy Litwy* (*Bibl. naukowa zakładu Ossolin.* 1847; отдѣльн. изд. 1849—1858; 2-е изданіе перваго тома, 1881). *Ею же*, *Bracia Władysława-Iagielly* (1867). *Ею же*, *Olgerd i Keistut* (1870). *Ею же*, *Koryjat Gedymin i Koryjatowicze* (*Rospr. wyds. fil.-hist. Akad. Um.*, VII). *A. Гильфердингъ*, *Литва и Жмудь* (Сочин. II). *Взглядъ на исторію зап. Россіи* (1848). *Przedziecki*, *Zycie domowe Iadwigi* (1854). *K. Szajnoch*, *Iadwiga i Iagiello* (1855; вт. изд., 1861); русск. пер. *В. Кеневича* (1880) и *Чуяко* (1882). *W. Syrokomla*, *Wycieczki po Litwie w promienach od Wilna* (1857). *II. Костомаровъ*, *Русскіе инородцы. (Русск. Слово,*

выѣшшіе труды по польской исторіи—Нарушевича, Лелевеля, Репеля и Каро, Балинскаго, Шмита, Шуйскаго, Бобржинскаго и другихъ ¹⁾.

1860, № 5). *М. О. Колловичъ*, Люблинск. унія (1863). *Ею же*, Левція по исторіи зап. Россіи (1863—1865). *Ею же*, Чтенія по ист. зап. Россіи (1884). Литва въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ (*Вѣстн. юго-зап. Росс.*, 1862, июль—окт.). *Р. Эркерта*, Взглядъ на исторію и энтографію зап. губерній (1864). *Луколовичъ*, Историч. замѣтки о Литвѣ (1864). Историч. изслѣдованія о запад. Россіи. Напечат. по опредѣленію Археогр. Комиссіи (1865). *Г. Карповъ*, Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскымъ, 1462—1508 (*Чтен. съ Общ. Ист. и Др.*, 1866, кн. 3). *И. Бялковъ*, Очеркъ исторіи сѣв.-зап. Россіи (1867). Памятники старины въ западн. губерніяхъ, надъ подъ ред. *Батюшкова* (1868—1891). *М. Омировъ*, Ягелло-Ляховъ-Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшою (1868). *И. Никитскій*, Кто былъ Гедиминъ? (*Русск. Стар.*, 1871, авг.). *В. Васильевскій*, Обращеніе Гедимина въ католицизмъ (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1872, кн. 2). *А. Mosbach*, Poszatkі Unii Lubelskiej (1872). *F. Boldt*, Die Deutsche Orden u. Lithauen 1370—1886 (1873). *Гр. Д. А. Толстой*, Римск. католицизмъ въ Россіи (1876). *В. Антоновичъ*, Очеркъ исторіи вел. княжества Литовск. до половины XV вѣка, (1878; Моногр., I). *J. Wolff*, Ród Gedimina (1886). *St. Smolka*, Szkice historyczne (1882). *Ею же*, Rok 1386 (1886). *Ею же*, Kiejstut i Jagiełło (1888). *Kętrzyński*, Szkice Prus Wschodnich (Przewodn. Literacki, 1876). *Н. Дашкевичъ*, Литовско-Русское государство, условія его возникновенія и причины упадка (*Унив. Киевск. Изв.*, 1884, № 5). *Ею же*, Замѣтки по исторіи Лит.-Русск. государства (1886). *Ею же*, Первая унія Литвы съ Польшою. *Ею же*, Борьба культуръ и народностей въ Лит.-Русск. государствѣ (*Киевск. Унив. Изв.*, 1884, окт.). *П. Брлскій*, Исторія Литовскаго государства (1889). *Теобальдъ*, литовско-лявчискіе очерки. Историч. изслѣд. (1890). *А. Барбашевъ*, Очерки литовско-русск. исторіи XVI вѣка. (1891). *И. Малишевскій*, Люблинскій съѣздъ 1569 (Памятн. русск. старины въ зап. губ. 1885 г., вып. VIII). *Д. Пловайскій*, Послѣдній Ягеллонъ и Любл. унія (*Русск. Вид.*, 1888, сент.). *Н. Дашкевичъ*, Любл. унія и ея послѣдствія (*Киевск. Унив. Изв.*, 1885, янв.). *А. Воніескі*, Poszet rodów w W. Кс. Lit. (1887); ср. *Ateneum* 1888, III, 525. *М. Любавскій*, Област. дѣленіе и мѣст. управленіе Лит.-Русск. государства ко времени изданія перв. литовск. статута (*Чтен. съ Моск. Общ. Ист. и Др.* 1892, кн. 3 и 4).

¹⁾ *Naruszewicz*, Historia Polska (1808; втор. изд. 1836). *I. Lelewel*, Dzieje Polski (1829, 1830, 1848); фр. пер. Hist. de Pologne (1844); русск. пер. Я. Ивановаго: Краткіе очерки исторіи польскаго народа (1862). *Ею же*, Polska wieków średnich (1846—1851). *Ею же*, Materiały do dziejów polskich (1847); Сборникъ Polska, dzieje i Rzeczy jej. *Röpell* u. *Caro*, Gesch. Polens (1840—1869). *А. Grabowski*, Starożytności historyczne Polskie (1840). *W. А. Maciejowski*, Polska aż do pierwszej połowy XVII w. (1842). *Ею же*, Pierwotne dzieje Polski i Litwy (1846). *Maraczewski*, Dzieje Rzeczy Pospolitej Polskiej (1842—1855). *Ею же*, Starożytności Polskie. *М. Baliński* и *Т. Lipinski*, Starożytna Polska (1843—1846; второе изд. Ф. Мартыновскаго, 1885—1888). *М. Baliński*, Studie historyczne (1856). *Н. Schmitt*, Rys dziejów narodu Polskiego (1855—1857); русск. пер. Ю. Шрейера—Исторія польск. народа (1864—1866). *Kozłowski*, Dzieje Mazowsza (1858). *Szujski*, Dzi-

Наконецъ, болѣе или менѣе обстоятельныя этюды и замѣтки по отдѣльнымъ вопросамъ литовско-русскаго права разбросаны въ общихъ курсахъ и изслѣдованіяхъ по русской исторіи — Татищева, Карамзина, Погодина, Соловьева, Иловайскаго и Бестужева-Рюмина ¹⁾).

I.

Литовско-Русское государство образовалось изъ двухъ племенныхъ элементовъ — литовскаго и русскаго ²⁾). Литва и Русь различались между собой въ этнографическомъ, религиозномъ, бытовомъ и культурномъ

еje Polski podług ostatnich badań (1862—1865). *T. Morawski*, Dzieje narodu Pol. (1875—1877). *M. Bobrzyński*, Dzieje Polski (посл. изд. 1887); русск. перев. подъ ред. проф. Н. Карѣва: Очеркъ исторіи Польши (1888). О тенденціозномъ направленіи польской историографіи, въ особенностн въ отношеніи къ исторіи Литвы и Руси, см. замѣтки въ обстоятельномъ изслѣдованіи проф. *И. П. Филевича*: Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владим. наслѣдіе, 1890, стр. 227—233. Ср. *W. Smoleński*, Szkoły historyczne w Polsce (*Ateneum*, 1886, VI).

¹⁾ *В. Татищевъ*, Исторія Россійск. (1768—1784). *Н. Карамзинъ*, Исторія государства Россійск. (1816; нов. изд., 1850—1853). *М. Погодинъ*, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русской исторіи (1846—1859). *С. Соловьевъ*, Исторія Россіи (1851—1853). *Д. Иловайскій*, Исторія Россіи (1876—1888). *К. Бестужевъ-Рюминъ*, Исторія Россіи (1872—1885).

²⁾ Въ вопросу объ образованіи литовско-русской территоріи относятся слѣдующія сочиненія: *I. Krasiński*, Polonia (1574); польск. перев. *S. Budzińskiego*: Polska, czyli opisane topograficzno-polityczne Polski (1852). *Cromer*, Polonia, sive de situ, populis etc. (1578); польск. перев. *W. Syrokomla*: Polska (1853). *A. Cellarius*, Regni Poloniae magnique ducatus Lithuaniae descriptio (1657). *M. Dogiel*, Limites regni Poloniae et M. Duc. Lithuaniae (1758). Rozkład wojewodztw, ziem i powiatów z oznaczeniem miast, a w nich mieyści konstytucyinych dla seyników w prowincyach koronnych y W. X. Litewskim (1791). *Moszyński*, Dzienn. rząd. ekonomiczny r. 1790.—*Sirisa*, Polens Ende, historisch-statistisch u. geographisch beschriben (1797). *Rodecki*, Obraz jeogr.-stat. Król. Polskiego (1830). *A. Friederich*, Historisch-geographische Darstellung Alt-u. Neu-Polens (1839). *Plater*, Opisanie jeograf., topogr., hist. i statyst. wiel. kz. Polskiego (1841). *T. Święcki*, Opis starożytnej Polski (1828). *M. Baliński* i *T. Lipiński*, Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana (1848—1846; втор., дополн. изданіе Ф. К. Мартыновскаго, 1885—1888). *I. Wislicki*, Opis królestwa Polskiego (1850). *I. Lelewel*, Opisanie krajów Polskich (1859). *St. Miłkowski*, Opis królestwa Polskiego pod względem geografii, statystyki i historii (1861). *A. Pawiński*, Polska XVI wieku, pod względem geograficzno-statystycznym (Źródła dziejowe, 1883, f. XII и слѣд.). *С. Шолоховичъ*, О границахъ Польской короны и вел. княж. Лит.-Русск. (Пам. русск. стар. въ зап. губ., VIII). Uwagi do projektu wieczystych rolnych kantonów (1789). *Hr. A.*

отношеніяхъ. Начало государству положило иногородческое племя— литовцы. Ихъ страна, залегавшая бассейнь Нѣмана, занимала мѣтѣ $\frac{1}{10}$ доли всей территоріи государства и населена была цѣлымъ ря-

Stadnicki, O wsiach tak zwanych Wołoskich na północnym stoku Karpat (1848). X. T. *Lubomirski*, Północno-wschodnie Wołoskie osady. Starostwo Radeńskie (Bibl. Warsz., 1855—1856; Sprawa włościańska, I). *Ею же*, Rolnicza ludność w Polsce, od XVI do XVIII w. (1862). *Ханенко*, Историч. очеркъ межев. учреждений въ Малороссіи (1864). *Н. Иванюшев*, О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи (*Русск. Бесѣда*, 1857, III; отд. 1868); реценз. *Комелова* (*Сельск. Благоустр.*, 1858, № 11). *В. Мацневскій*, Голосъ изъ Польни по случаю спора русскихъ писателей о началѣ и развитіи общины (*Русск. Бесѣда*, 1859, кн. 18). *Ею же*, Древняя польская сельская община (1877). *Е. Stawiski*, Rozzukiwania do dziejów rolnictwa krajowego (1852). *А. Rembawski*, O gminie (*Ekonomist*, 1872—1873; отд. 1873). *Г. Wierciński*, Gmina w obecnym i możliwym ustroju (1877). *И. Лучинскій*, Малороссійская сельская община и сельское духовенство въ XVIII вѣкѣ (*Земск. Обзор*, 1883, № 6; отд. 1888). *Ею же*, Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ (1884). *Ею же*, Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ (*Отеч. Зап.*, 1882, № XI). *Ею же*, Сабринное землевладѣніе (*См. Вѣстн.* 1889, № I). *Д. Багалъ*, Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ (*Кіевск. Стар.*, 1888, № XII). *М. Владиміръскій-Будановъ*, Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII до половины XV вѣка (Арх. Ю. З. Р., 1886, ч. VII, т. I, к отд. 1886). *Ею же*, Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XV до Люблинской униі (ib., ч. VII, т. II, к отд. 1891); рецензія—въ *Кіевск. Старина*, 1892, окт. *А. Іаблоновскій*, Starostwa Ukrainne (Źródła dziejowe, 1887, f. V). *А. Лазаревскій*, Изъ исторіи селъ и сельчанъ лѣвобережной Украины (*Кіевск. Старина*, 1891, №№ I и II). *Г-жа А. Ефименко*, О дворницахъ юго-западной Россіи (въ сочин. о дворницомъ землевладѣніи—въ *Русск. Мысли*, 1892, апрѣль и май). *А. Мѣдвѣcki*, Wiadomość o pierwiastkowej miast kawadzie w Polsce, jch szczególnych przywilejach i wolnościach, oraz o przyczynach upadku tychże miast (посрѣ 1789). *А. Trębicki*, Miasta nasze królewskie w krajach Rzeczy Pospolitey (1791). Listy do przyjaciela w okolicznościach miast tyczących się (s. a.). Prawa miast polskich do władzy rządowe, wykonawjącej i sądowniczej (s. a.). *W. Surowicki*, O upadku przemysłu u miast w Polsce (1810). *Dr. Ludkiewicz*, O zamkach (Teka Wileńska). *Н. Даниловичъ*, Историческій взглядъ на древнее образование славянскихъ и преимущественно польскихъ городовъ до XIII вѣка (*Русск. Историч. Сборн.*, 1841, кн. 2 и 3). *Fr. Dubois de Montreuil*, De tumulus, des parts et des remparts de la Russie occidentale (*Annuaire d. voyage et d. l. géogr.*, 1845, I и II). *К. hr. Tyszkiewicz*, Wiadomość historyczna o zamkach, horodyszczach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi Litewskiej. Wyd. H. Kirkor (1859). *Ею же*, O kurhanach na Litwie i Rusi (1868). Городскія поселенія Россійской имперіи, съ указаніемъ по каждому поселенію постановленій до 1860 г. (1860—1861). *М. Владиміръскій-Будановъ*, О городахъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ (въ соч. Нѣмецкое Право въ Польшѣ и Литвѣ, 1868). *В. Антоновичъ*, Исслѣдованіе о городахъ въ Юго-Западномъ краѣ по актамъ 1432—1798 гг. (Арх. Ю.

домъ отдѣльныхъ литовскихъ народцевъ, первоначально не имѣвшихъ между собой никакихъ политическихъ связей, жившихъ совершенно обособленно и независимо одинъ отъ другаго. Съ половины XIII столѣтія къ Литвѣ постепенно примыкаетъ сѣверная половина

З. Р., 1869, ч. V, т. I; отд. 1870; Моногр., I). Къ исторіи литовско-русскихъ городовъ (Предисл. къ III т. Акт. Виленск. Археогр. Комм., 1870). *A. I. (Rolle)*, *Zamieszki Podlakie* (1880). *J. Самоквасовъ*, Древніе города Россіи (1875); реценз.: *Ө. Леоттовича*, Сборн. госуд. знаний, 1875, т. II. *Л. Ваторевичъ*, Историч. значеніе городищъ (*Волинск. Губ. Вид.*, 1880, №№ 89 и 98; 1881, №№ 27—29). *Карпиński*, Лехукоп географіczny (1766). *Echarđ*, Дукуюпагз географіczny (1782). *F. Sulimierski*, *B. Ohleđowski* i *W. Walewski*, Słownik geograficzny król. Polakiego i innych krajów słowiańskich, t. I—XX (1880—1892). *Полуминъ*, Географическій лексиконъ (1778). *Максимовичъ* и *Щекатовъ*, Геогр. словарь (1801—1808). *Надеждинъ*, Опытъ историч. географіи русск. міра (Библи. д. Чт. 1837, т. 22, № 7). *Шараневичъ*, Исслѣдованіе на полѣ отечест. географіи и исторіи (1869). *Н. Барсовъ*, Матеріалы для историко-геогр. словаря Россіи (1865). *Ею же*, Очерки русской историч. географіи (1873—1885); рецензін: *Майкова* въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1874, авг.; *Замысловская*,—ib., 1875 февр.; см. *Вѣстн. Бер.*, 1886 г., январь.

Люстраціи, имевшія, податные тарифы и описанія границъ собственной Литвы, Бѣлоруссіи, Черной Руси и Литовскаго Подгѣся: Археогр. Сборникъ, т. I: 9 инвентарей—№№ 18—22, 24, 31 и др.; т. II: № 97. Акты Южн. и Зап. Россіи, II, № 165. Акты, изд. Виленск. Арх. Комм., т. II, № 93; т. XI, № 86; т. XII, № 28; т. XIII, №№ 91, 93 и 98, 100 и 101; т. XIV, 94 инвентари королевск. и частн. имѣній. Памяти. Кіевск. Комм., т. III, отд. II, № IV. Ровніа нуць и переходовъ зѣбрныхъ въ бывш. под. ки. Литовск. 1559 (1867). Люстраціи г. Вѣльска (*Гродн. Губ. Вид.*, 1865). Ординація корол. нуць въ гѣстничествахъ бывш. вел. ки. Лит. 1641 (1871). Писцовыя книги бывш. Пинскаго староства, 1561—1566 (1874). Ревизія Кобринск. экономіи, 1563 (1876). Ревизія Городненск. экономіи, 1560 (1881). Писцовая книга Пинск. и Клецкаго княжества, 1552—1555 (1884). Люстраціи и инвентари юго-зап. Россіи XVI—XVIII вѣковъ помѣщены въ слѣд. сборникахъ: Архивъ юго-зап. Россіи, ч. I, т. I, №№ 7, 89—91; т. VI, № 116; ч. IV, т. I, №№ 10, 14 и 15; ч. VI, т. I—40 инвентарей №№ 2, 8, 35 и др.; ч. VI, т. II—33 инвентаря, №V 1, 5, 7 и др.; ч. VII, т. I—20 инвент. № 14 и слѣд.; ч. VII, т. II—18 люстрацій, №№ 1, 4, 5 и др. Памяти, изд. Кіевск. Комм., т. III, отд. 2-е—три инвентаря, №№ 1—3. *Źródła dziejowe*, t. V, *Lustracye królewsczych ziem ruskich: Wołyńia, Podola i Ukrainy z pierwszej połowy XVII w.*, wyd. i monog. hist. o starostwach Ukrainych poprzedz. *A. Jabłonowski*. T. VI: *Rewizya zamków ziem Wołyńskiej w połowie XVI w.*, wyd. i szkicem hist. poprzedz. *A. Jabłonowski*. T. XIX: *Tęcyfu Podola, 1580—1542*. Матеріалы для истор. заселенія Кіевск. губ.—люстр. Житомира и пр. *E. Solecki*, *Awulska Humania* (1862)—люстр. Уманск. и Звениг. повітовъ, XVII вѣка. Акты южн. и зап. Россіи, т. II, № 70; т. X, прилож. къ № 5. стр. 782 и слѣд. *Baliński* i *Lipiński*, *Staroż. Polska*, т. II—IV, извлеч. изъ люстрацій и тарифовъ.

Западной Россіи. обнимавшая древнюю территорію земель кривичей и дреговичей (Черная и Бѣлая Русь и Литовское Полясье). Литва и сѣверо-западная Россія представляли собой основное ядро великаго княжества Литовскаго до и послѣ Лѣблинской уніи. вплоть до присоединенія княжества къ Россіи. Съ XIV столѣтія въ составъ Литовскаго государства входятъ южно-русскія земли (Кіевская, Волынская и др.), принадлежавшія къ нему около двухъ столѣтій; съ Люблинской уніи 1569 г. земли эти были присоединены непосредственно къ Польшѣ. вошли въ составъ польскихъ провинцій и лишь подъ конецъ прошлаго вѣка отошли къ Россіи. Въ указанномъ порядкѣ областей мы и рассмотримъ образованіе территоріи Литовско-Русскаго государства.

Литовскія племена жили съ древнѣйшихъ временъ по Балтійскому морю. между устьями Вислы и Западной Двины, въ нынѣшней Пруссіи. Курляндіи и частью Лифляндіи. Главный же составъ литовскаго племени, послужившій основаніемъ Литовско-Русскаго государства, занималъ своими поселеніями нижнюю половину бассейна Западной Двины, почти весь бассейнъ Нѣмана, достигалъ на западѣ до низовьевъ Вислы, а на югѣ—до средняго теченія Западнаго Буга. Такимъ образомъ, литовцы. давшіе начало новому государству, въ старину населяли нынѣшнія губерніи Ковенскую, часть Виленской, Сувалкской, Минской и Гродненской ¹⁾. Жившее въ этихъ территоріальныхъ границахъ литовское племя распадалось въ древнее время (въ X—XI вѣкахъ) на слѣдующіе народы:

1) *Летгола* (нынѣшніе латыши) ²⁾—литовское племя, жившее въ сѣверной оконечности литовской территоріи, на правой сторонѣ Западной Двины, между нижнимъ теченіемъ этой рѣки и предѣлами финскихъ племенъ—эстовъ и ливовъ.

2) *Жемгала* (семигаллы. Semigallia) ³⁾ жила вдоль лѣваго берега Западной Двины, отъ средняго ея теченія до моря.

3) *Корсь* (куроны) занимала полуостровъ, между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ.

¹⁾ К. Востужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, I, 82; В. Антоновичъ, Моногр., I, 7.

²⁾ Такъ называется это племя въ русскихъ лѣтописяхъ. Мѣстное названіе—Letgola, Latwin-gals—„Литвы конецъ“ (см. Jaroszewicz, Образ Litwy, I, 7).

³⁾ Мѣстное названіе этого племени Żemegalaš—„земли конецъ“ (Jaroszewicz, I, 7).

4) *Пруссы* (Prussi, Borussi)—крайнее западное племя, жившее по Балтійскому побережью, между Нѣманомъ и Вислой.

5) *Жмудь* (Żomojten) ¹⁾ занимала своими поселеніями нижнее теченіе Нѣмана и его притоки—Дубису и Невижь, а также поморье у устья Нѣмана.

6) *Литва* (Leticwis, Lietuwa, Lietuwnikas) ²⁾ жила на среднемъ теченіи Нѣмана и на его притокѣ Вилии. Имя этого народа сдѣлалось позже общимъ названіемъ всего племени.

7) *Ятвяги*—южная отрасль литовскаго племени, вдававшаяся узкимъ клиномъ между славянскими племенами—мазовшанами и дреговичами. Ятвяжскія поселенія достигали до Западнаго Буга и вверхъ по теченію этой рѣки до сѣверныхъ предѣловъ Волынскаго княженія ³⁾.

Всѣ эти части литовскаго племени не только не составляли въ своей совокупности цѣльнаго государства, но и каждая племенная вѣтвь въ отдѣльности имѣла значеніе „народа“ только въ этнографическомъ смыслѣ этого слова. Вся политическая и общественная жизнь древнихъ литовцевъ ограничивалась лишь тѣсными предѣлами незначительныхъ сельскихъ волостей и общинъ. „Волости эти не только не были связаны между собою никакою общею, государственною властью, но и весьма часто не сознавали общихъ политическихъ интересовъ по отношенію къ иноплеменникамъ; каждая волость и каждый вождь дѣйствовали на свою руку, независимо, иногда врозь и даже во вредъ другъ другу. До половины XIII вѣка литовское племя не составляло государства; оно представляло разсыпанную массу небольшихъ волостей, управлявшихся независимыми вождями, безъ всякой политической связи другъ съ другомъ. Народы литовскаго племени объединялись только общностью этнографической и культурною: тождество происхожденія и быта составляло между различными народами литовскаго племени связь этнографическую; тождество преданій и религіознаго культа служило связью нравственною, культурною“ ⁴⁾.

¹⁾ Отъ Żemas, низкій (*Jaroszewicz*, I, 83).

²⁾ У латинскихъ писателей называется Auctote, Auctechia, отъ лит. слова aukaztas, высокий, въ противоположность жмуди—отъ сл. žemas, низкій (*Jaroszewicz*, I, 83).

³⁾ См. В. В. Антоновича, Моногр., I, 8—9. *Baliński i Lipiński*, Staroż. Polska, 2-е изд., 1886, т. IV, стр. 10. *Jaroszewicz*, Образ Litwy, I, 7 и слѣд. (Сочиненіе Балинскаго будетъ цитироваться въ настоящей статьѣ по второму изданію (1885—1888 г.).

⁴⁾ Положенія эти обстоятельно развиты въ известной монографіи В. В. Антоновича: „Очеркъ исторіи вел. княжества Литовскаго до смерти вел. кн. Олгерда“ (См. Моногр., I, 9—16).

Въ такомъ положеніи находилось литовское племя до конца XII и начала XIII вѣка, времени появленія на сѣверныхъ границахъ литовской территоріи нѣмецкихъ поселеній. Завязавшаяся затѣмъ упорная борьба литовцевъ съ завоевательными стремленіями нѣмцевъ должна была неизбежно повлечь за собой глубокія перемены во всемъ политическомъ быту литовскаго племени. Завоевательная дѣятельность нѣмецкихъ крестоносцевъ въ отношеніи къ Литвѣ, по своимъ результатамъ, представляетъ собой такое же аналогическое явленіе, какъ и монгольскій погромъ въ отношеніи къ Руси. Тамъ и здѣсь внѣшній гнетъ, грозившій народу потерей политической независимости и самобытности, заставлялъ его сплотиться политически, подумать о необходимости иныхъ формъ общественныхъ, которыя бы болѣе обезпечивали національно-политическую независимость цѣлаго народа.

Параллельно съ потерю политической самостоятельности и подчиненіемъ нѣмцамъ литовскихъ народовъ, занимавшихъ сѣверныя части литовской территоріи и подъ конецъ XIII вѣка окончательно вошедшихъ въ составъ нѣмецкихъ владѣній¹⁾, въ центрѣ литовскихъ поселеній постепенно образуются съ половины XIII вѣка болѣе тѣсныя связи между разрозненными до тѣхъ поръ волостями и общинами, полагаются первыя начала политическаго ихъ единства.

Начало территориальнаго объединенія Литовскаго княжества полагается въ собственной Литвѣ Миндовгомъ, сыномъ Рынгольда, владѣтеля небольшой Керновской волости. Литовскія преданія приписываютъ еще Рынгольду подчиненіе нѣкоторыхъ мелкихъ владѣльцевъ литовскихъ волостей, а также сосѣднихъ русскихъ земель (въ Черной Руси): но только лишь его сынъ Миндовгъ первый проложилъ историческій путь къ политическому объединенію собственно Литвы и къ образованію затѣмъ обширнаго Литовско-Русскаго государства. Дѣло собиранія литовскихъ земель, начатое Миндовгомъ, неуклонно продолжали затѣмъ послѣдующіе литовскіе князья, въ особенности представители новой династіи—Витень и Гедиминъ, какъ полагаютъ. сыновья Пу-

¹⁾ Первая попытка нѣмецкихъ крестоносцевъ покорить пруссовъ принадлежитъ началу XIII в.; въ концѣ этого вѣка Пруссія окончательно подчинилась ордену; той же участи подверглись и другія сѣверныя племена Литвы — куроны, жемгаля и латыши. См. *Narbut*, *Dzieje*, III, 320, 373, 439; *Бестужевъ-Рюминъ*, *Ист.*, I, 299—301; *Антоновичъ*, *Моногр.* I, 17—18. Ср. *Watterich*, *Die Gründung des Ordensstaates in Preussen* (1857); *Boldt*, *Der deutsche Orden u. Lithauen* (1873); *Voigt*, *Geschichte v. Preussens* (1827—1839).

тивера, князя Эйраголы въ Жмуди ¹⁾). Территориальный составъ Литовско-Русскаго государства окончательно опредѣляется въ теченіе второй половины XIV вѣка ²⁾).

Остановимся пока на вопросѣ о томъ, какъ и какимъ путемъ западная и южная Россія въ теченіе почти одного столѣтія (съ половины XIII до 60-хъ годовъ XIV столѣтія) очутилась подъ властью великихъ князей литовскихъ и образовала изъ себя въ XV столѣтіи обширное Литовско-Русское государство.

Вопросъ этотъ имѣеть существенное значеніе въ исторіи не только литовскаго, но и вообще русскаго права. Разъ будетъ доказано, что въ XIII и XIV стол. западная и южная Русь, на территоріи которой, какъ раньше замѣчено, зародились и развились всѣ правовые институты древнерусскаго быта (Русской Правды), была *завоевана* Литвой и сдѣлалась военною добычей литовскихъ князей, распорядившихся страной по праву завоеванія, какъ „своей личной собственностью“ (Антоновичъ), мы должны, по вѣрному замѣчанію профессора М. Ф. Владимірскаго-Вуданова ³⁾, вмѣстѣ съ тѣмъ „признать, что въ эпоху литовскую исторія русскаго права попятилась назадъ ко временамъ первобытнымъ“, или же признать, что такъ было вездѣ въ древней Русѣ.

Съ легкой руки польскихъ историковъ и юристовъ—Чацкаго, Ярошевича и другихъ, впервые обратившихъ вниманіе на древніе памятники литовско-русскаго права, вошла въ обращеніе гипотеза „нѣмецко-литовскаго феодализма“, какъ ближайшаго результата завоеванія Руси Литвой ⁴⁾. Та же самая гипотеза пользуется доселѣ почти полнымъ кредитомъ и среди русскихъ историковъ и юристовъ. Завоеваніе западной и южной Руси Литвой, вмѣстѣ съ прямымъ результатомъ такого

¹⁾ *Wolff*, *Ród Gedimina*, 6.

²⁾ *Jarossiewicz*, *Obraz Litwy*, I, 38 и др. *В. Антоновичъ*, *Моногр.* I, 24—38. О Гедиминѣ и Ольгердѣ, какъ собирателяхъ Литовско-Русскаго государства, см. приведенныя выше монографіи *Спадницкаго*, *Польфи*, *Данишевича* и др.

³⁾ См. его „Очерки изъ исторіи лит.-русск. права“, I. Помѣстья Литовскаго государства, стр. 2.

⁴⁾ Чацкий, за нимъ и другіе польскіе историки и юристы стали въ одинъ голосъ высказывать мысль о завоеваніи Руси вех. князьями литовскими, сдѣлавшими по праву завоевателей „*panami i dziedzicami wszystkich ziem w kraju*“, ихъ единственными собственниками, устроившими свои владѣнія по образцу нѣмецкихъ феодаловъ Ордена, господствовавшего надъ сѣверными литовскими землями. (См. *Tad. Szackiego Dziela*, t. I, стр. 204, 219, 268, 278, 287—290 и др. *Jarossiewicz*, *Obraz Litwy*, I, 122, 153; II, 64).

завоеванія—военнымъ, феодальнымъ строемъ Литовской Руси, обращеніе всей западной половины русской территоріи, по праву завоеванія, въ „военную добычу“ литовскихъ князей. въ ихъ личную собственность и т. д.—вотъ положенія, которыя лежатъ въ основѣ какъ общихъ трудовъ по исторіи Литовскаго государства и отдѣльныхъ его областей. такъ и историко-юридическихъ изслѣдованій о сословіяхъ, землевладѣніи Литовской Руси и пр. ¹⁾).

Въ виду важности вопроса необходимо остановиться на фактическихъ данныхъ касательно „завоеванія“ Литвой западной половины русской территоріи. Нѣтъ надобности при этомъ входить въ детальный разборъ всѣхъ данныхъ: главные изъ нихъ достаточно выяснены въ трудахъ тѣхъ самыхъ историковъ, которые принимаютъ на вѣру гипотезу литовскаго завоеванія Руси.

Первыя извѣстія о „зависимости“ русскихъ земель и русскихъ князей отъ литовцевъ встрѣчаемъ еще въ XII столѣтіи. Въ половинѣ этого столѣтія (1159 г.) Городенскій князь Володаръ Глѣбовичъ былъ

¹⁾ По словамъ В. Антоновича, „происхожденіе аристократіи вел. княжества Литовскаго основано было на *завоеваніи* литвиними обширныхъ югозападныхъ русскихъ земель“. Тѣснѣе и тѣмъ, литвини „бросаются на сосѣдніе русскіе удѣлы, омыдѣвляютъ безъ труда обширную территорію и стараются дать ей такое устройство, которое болѣе всего могло бы способствовать усиленію военнаго контингента, нужнаго для борьбы съ крестоносцами. Военное устройство новозавоеванныхъ земель и измѣненіе изъ нихъ возможнаго количества боевыхъ силъ—вотъ задача, господствовавшая по преимуществу при первоначальномъ устройствѣ вел. Лит.-Русск. княженія“. Образецъ для такого устройства „былъ на лицо въ устройствѣ нѣмец. государствъ; форма *феодалная* была примѣнена литвиними. Великіе князья литовскіе *завоеваніемъ* Руси приобрѣли огромныя пространства земли и немедленно употребили всю доставшуюся имъ землю, какъ капиталъ, годный для найма военныхъ людей. Признавая въ принципѣ, на основаніи *права завоеванія*, всю землю своею *личною собственностью*, она немедленно отчуждали ее, на основаніи *ленной зависимости*, потомственной и личной“,—удѣльнымъ князьямъ, земланамъ, общинамъ городскимъ и сельскимъ и, наконецъ, отдѣльнымъ земледѣльцамъ, подѣ непремѣннымъ условіемъ военной службы. Этимъ путемъ установилась въ Литовской Руси особая сословная организація, въ корнѣ разрушившая старый земскій строй русскихъ областей Литовскаго государства (см. Архивъ Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, стр. 8—9). Положенія эти затѣмъ повторяются на разные лады позднѣйшими изслѣдователями исторіи отдѣльныхъ литовско-русскихъ областей. Таково, напримѣръ, положеніе г. Молчановскаго о „стройной феодальной іерархіи“, имѣвшей мѣсто въ организаціи населенія литовско-русскихъ областей и пр. (См. *Молчановскаго* Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ, 312—318. Ср. *Петрова* Подолія, 64; *Незабитовскаго*—о численномъ владѣніи—въ Собраніи сочин., 308; г-жи *А. Ефименко*—о дворянскомъ землевладѣніи, въ *Русск. Мысли* 1892, апрѣль, и др.).—

не только въ союзѣ съ Литвой, но и въ какой-то зависимости отъ сосѣднихъ литовскихъ волостей: „*ходивше подъ Литовою въ лѣсахъ*“. Неизвѣстный въ русскихъ лѣтописяхъ князь Всеволодъ изъ Гереники не только состоялъ въ союзѣ съ литовцами, но и женился на дочери одного изъ ихъ вождей (Дангеруте) и признавалъ себя въ извѣстной отъ него зависимости¹⁾. Ни откуда не видно, чтобы въ обоихъ случаяхъ зависимость русскихъ князей отъ литовцевъ устанавливалась именно путемъ завоеванія. Въ началѣ второй четверти XIII ст. въ Смоленскѣ сидѣла „литва“; литовскій князь, правившій Смоленскомъ, былъ удаленъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ²⁾. И здѣсь лѣтописи не выясняютъ, какимъ образомъ Литва очутилась въ Смоленскѣ. Завоеванія въ данномъ случаѣ нельзя предполагать: чтобы завоевать Смоленскъ, нужно было пройти сначала вооруженною силою промежуточные русскія земли—Полоцкую и Витебскую, на что въ лѣтописяхъ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Остается одно: смоляне могли *сами* посадить у себя литвина³⁾. Обычай посаженія на столъ литовскихъ князей, постоянно практиковавшійся позже въ Псковѣ и Новгородѣ, могъ являться лишь воспроизведеніемъ старой практики, какая раньше несомнѣнно имѣла мѣсто въ сосѣднихъ съ Литвой русскихъ земляхъ до окончательнаго ихъ присоединенія къ слагающемуся Литовскому государству. Такой же характеръ имѣеть „нападеніе“ въ 1247 году литовскаго князя Лугвенія на Пинскую область: какъ видно изъ лѣтописнаго разказа, Лугвенію помогалъ пинскій князь Михаилъ, который съ „недоброжелательствомъ“ встрѣтилъ рать галицкаго князя, шедшаго противъ Литвы. Въ данномъ случаѣ нападеніе Литвы, очевидно, не обошлось безъ содѣйствія и, быть можетъ, вызова со стороны мѣстнаго населенія, желавшаго освободиться отъ власти галицко-

¹⁾ В. Антоновичъ, Моногр., I, 21.

²⁾ Тамъ же, 24.

³⁾ Изъ лѣтописнаго разказа видно, что, при изгнаніи Ярославомъ литовскаго князя, происходила борьба („где Ярославъ Смоленску на литву и литву *побиди*“) и именно съ смолянами—сторонниками князя-литвина. Подъ „литвой“ здѣсь можно скорѣе всего разумѣть русскихъ—сторонниковъ, стоявшихъ за своего князя-литвина, какъ подъ „татарскими людьми“ Подоліи въ XIV ст. разумѣлись русскія воеводы, державшіяся татарскихъ темниковъ и атмановъ. Тотъ же Ярославъ, по удаленіи литвы, какъ бы по праву побѣдителя, навязываетъ („посади у нихъ“) Смолянамъ князя, а не предоставляетъ имъ самимъ посадить князя у себя на столѣ, какъ бы слѣдовало при обычномъ теченіи дѣлъ (См. В. Антоновичъ, Моногр., I, стр. 24, прим. 2).

волинскихъ князей¹⁾. Наконецъ, литовскія преданія, записанныя лишь въ половинѣ XVI ст. (лѣт. Выховца), сообщаютъ темныя, легендарныя извѣстія о литовскомъ „завоеваніи“, около половины XIII ст., сосѣднихъ съ Литвой русскихъ областей—Черной Руси съ Берестейской землей, литовскимъ вождемъ Эрдивиломъ. Полоцка—Мингайломъ и Пинскаго Полѣсья (Пинска, Турова и Мозыря)—Скирмунтомъ. По признанію самихъ историковъ, послѣдователей теоріи „завоеванія“, всѣ эти темныя легендарныя извѣстія „не могутъ быть сочтены достовѣрными въ подробностяхъ и заслуживаютъ только вниманія, какъ свидѣтельство поздняго преданія, указывающее на то, что въ половинѣ XIII ст. случилось общее движеніе многихъ литовскихъ вождей на Русь съ цѣлью территоріальнаго захвата“²⁾.

Достовѣрныя извѣстія о присоединеніи къ Литвѣ сосѣднихъ съ ней русскихъ земель начинаются главнымъ образомъ со времени Миндовга. Древнѣйшимъ приобрѣтеніемъ Литвы считается Черная Русь, по литовскимъ преданіямъ занятая (путемъ ли завоеванія, или иначе, — не ясно) еще Рынгольдомъ, отцомъ Миндовга; въ началѣ второй половины XIII ст. здѣсь мы находимъ русскаго князя (Романа Даниловича), правившаго этою землей по договору съ литовскими князьями, подъ условіемъ признанія надъ собой власти Миндовга³⁾. Подъ такимъ же условіемъ зависимости отъ литовскаго вождя Пинское Полѣсье, при Миндовгѣ, продолжало управляться своими старыми русскими князьями⁴⁾. При вынужденномъ подчиненіи, путемъ завоеванія, русскіе князья едва ли бы удержались въ своихъ удѣлахъ. Лѣтописи, затѣмъ, мало разъясняютъ, при какихъ именно условіяхъ вокняжились племянники Миндовга въ Полоцкѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ; извѣстно только, что вскорѣ они были удалены Миндовгомъ изъ своихъ удѣловъ за попытку отложиться отъ литовскаго вождя, коему они подчинялись въ значеніи удѣльныхъ князей⁵⁾.

Приобрѣтенія Гедимины широко раздвинули территорію слагавшагося при немъ государства; лѣтописи не даютъ, однако, точныхъ, несомнѣнныхъ указаній на завоевательный характеръ дѣятельности основателя Литовскаго государства.

¹⁾ В. Антоновичъ, Моногр., I, 24.

²⁾ Ibid., 23.

³⁾ Ibid., 24, 27, 44.

⁴⁾ Ibid., 25.

⁵⁾ Ibid., 25—26.

Такъ, извѣстно, что еще при Витенѣ, отцѣ Гедимина, Полоцкъ окончательно упрочился за Литвой (по Стрыйковскому, въ 1307 г.); но какъ и при какихъ обстоятельствахъ совершилось его присоединеніе къ Литвѣ, не извѣстно; вопросъ этотъ остается не выясненнымъ ¹⁾).

При Гедиминѣ утвердилась зависимость Минской земли отъ Литвы. При немъ сидѣлъ въ Минскѣ, въ качествѣ литовскаго подручника, русскій князь Василій; но опять таки и въ этомъ случаѣ не имѣется въ источникахъ точныхъ указаній на обстоятельства, при какихъ установилась зависимость Минской земли отъ литовскихъ князей ²⁾).

Источники, затѣмъ, не даютъ никакихъ категорическихъ указаній на завоевательный характеръ присоединенія къ Литвѣ при Гедиминѣ Берестейской земли (Подляхін). Есть, напротивъ, полное основаніе заключать, что переходъ Подляхін, зависѣвшей отъ волынскихъ князей, подъ власть Кейстута былъ результатомъ давняго недовольства населенія волынскими князьями и потому совершился безъ особенной борьбы съ населеніемъ Берестья. Изъ-за приобрѣтенія, а затѣмъ удержанія за собой этой области, литовскіе князья должны были бороться не съ самимъ населеніемъ, но съ волынскими князьями, а затѣмъ съ Польшей ³⁾).

Не находимъ также точныхъ лѣтописныхъ указаній на время и обстоятельства окончательнаго присоединенія къ Литвѣ, при Гедиминѣ, княжествъ Туровскаго и Пинскаго; извѣстно только, что княжества эти уже входили въ составъ владѣній Гедимина ⁴⁾).

¹⁾ В. Антоновичъ, Моногр., I, 45. Ср. *Stadnicki*, *Bracia Jagelly*, 21.

²⁾ В. Антоновичъ, Моногр., I, 46.

³⁾ См. *Андрияшевъ*, Очерки исторіи Волынск. земли, стр. 95. Вотъ что говоритъ по этому вопросу почтенный авторъ: „Послѣдней (въ половинѣ XII вѣка) Берест. земля вошла въ составъ Волыни и первой *отошла* отъ нея: въ началѣ XIV вѣка она уже принадлежала Кейстуту. Переходъ этотъ совершился, кажется (мы объ этомъ очень мало знаемъ), безъ особенной борьбы. Вообще, жители этой земли были недовольны волынск. князьями и постоянно старались выбиться изъ-подъ ихъ власти: въ концѣ XII вѣка они ищутъ помощи у минскаго князя; послѣ смерти Владимира Васильковича обращаются къ Юрію Львовичу. Наконецъ, неожиданная преданность, которую они высказали по отношенію къ Романовичамъ во время ихъ дѣтства, тоже очень и очень подозрительна и ее съ полнымъ основаніемъ можно истолковать тѣми же стремленіями добиться нѣкоторой самостоятельности“.

⁴⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 46. Раньше замѣчено, что старые русскіе князья сидѣли въ Пинскѣ еще при Мишдовѣ, въ качествѣ подручныхъ ему удѣльныхъ князей. Затѣмъ, не ясно, при какихъ именно условіяхъ русскіе князья при Ге-

Остаются, наконецъ, два существенно важныя приобрѣтенія Литвы при Гедиминѣ: центръ Бѣлоруссіи—Витебскъ, и центръ Южной Руси—Волинь. Приобрѣтенія эти, однако, носятъ совершенно мирный характеръ, безъ намека на завоевательную дѣятельность литовскихъ князей. Оба княжества сдѣлались достояніемъ Литвы вслѣдствіе родственныхъ связей Гедиминовичей съ мѣстными русскими князьями. Сынъ Гедимина Ольгердъ женился въ 1318 году на единственной наслѣдницѣ послѣдняго витебскаго князя. Ярослава Васильевича и, по смерти тестя (въ 1320 г.), получилъ Витебское княжество, въ качествѣ вѣна жены ¹⁾. На такомъ же точно основаніи другой сынъ Гедимина, Любартъ, вскорѣ затѣмъ утвердился на Волини, именно вслѣдствіе брака также съ единственной наслѣдницей послѣдняго волинскаго князя—Андрея Юрьевича ²⁾. На мирный характеръ присоединенія Волини и Витебска къ литовскому государству указываютъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что въ литовскую эпоху въ обѣихъ областяхъ удерживались до позднѣйшаго времени, въ качествѣ удѣльныхъ владѣтелей, подручныхъ великимъ князьямъ литовскимъ, потомки мѣстныхъ русскихъ князей—князья Друцкіе, Острожскіе, Заславскіе, Четвертинскіе и др. ³⁾.

Затѣмъ болѣе позднія литовскія преданія приписываютъ Гедимину „завоеваніе“ и другихъ русскихъ земель (Кіевщины, напримѣръ), которыя присоединены были гораздо позже къ литовскому княжеству ⁴⁾.

Нѣтъ также категорически-непреложныхъ указаній на завоевательный характеръ тѣхъ территоріальныхъ приобрѣтеній, какія сдѣлались достояніемъ Литовскаго княжества при Ольгердѣ. Къ такимъ достояніямъ Литвы принадлежатъ: Мстиславъ, Могилевъ и пограничные города Смоленской земли (со стороны Витебскаго княжества), Сѣверщина, Подолія и земля Кіевская. Къ княженію же Ольгерда

диминъ уступили свой удѣлъ литовскимъ князьямъ (Нарямунту). Несомнѣнно одно: первоначальное присоединеніе Литовскаго Погѣся совершилось путемъ добровольнаго подчиненія Литвѣ мѣстныхъ князей и, конечно, населенія; иначе—русскіе князья едва ли могли бы оставаться при Мендовѣ въ своихъ удѣлахъ, разъ съ ихъ стороны было вынужденное подчиненіе литовскому вождю.

¹⁾ Антоновичъ, 46; Wolff, Ród Gedimina, 26; Stadnicki, Bracia Jagiełły, 10.

²⁾ Wolff, Ród Gedimina, 74. И. Филевичъ, Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Волинск. наслѣдіе, стр. 43. Ею же—Къ вопросу о борьбѣ Польши и пр. (Журн. Мин. Нар. Пр., 1891, № 12, стр. 325 и слѣд.).

³⁾ См. объ этомъ ниже.

⁴⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 46.

относится временное присоединение къ литовскому государству западной окраины русской территории—Руси Галицкой¹⁾.

Что касается Метислава и других пограничных волостей Смоленской земли, то, по выражению Стадницкаго, волости эти добыты Ольгердомъ „*najcześniej zniepasczka, mniej przemocą, niż wojennym podstępem*“²⁾. По вѣрному замѣчанію того же ученаго, занятіе Ольгердомъ Брянска и вообще Сѣверской земли также едва ли могло имѣть завоевательный характеръ³⁾. Правда, въ Никоновской лѣтописи (единственномъ, достовѣрномъ источникѣ по данному вопросу) подъ 1355 г. говорится, что Ольгердъ „воевалъ Брянскъ“; по затѣмъ излагается слѣдующее, не совсемъ ясное, но, тѣмъ не менѣе, для насъ существенно важное извѣстіе: „Того же лѣта князь Василей приде изъ Орды отъ царя съ пожалованіемъ и сяде на княженіи въ Брянскѣ, и мало времени пребывъ, тамо и преставился. И бысть въ Брянскѣ мятежь отъ лихихъ людей и замятня велія и опустѣніе града; и потомъ пача обладати Брянскомъ князь литовскій“⁴⁾. Изъ этого разказа не видно, чтобы была какая либо непосредственная связь между военными дѣйствіями Ольгерда въ началѣ года и послѣдовавшимъ затѣмъ обладаніемъ Брянскомъ. Очевидно, обладаніе имъ досталось Ольгерду, какъ прямой результатъ той внутренней смуты и усобицы, которая послѣдовала въ Брянскѣ послѣ смерти князя Василія—ордынскаго подручника. Какъ видно изъ лѣтописныхъ извѣстій о предыдущихъ событіяхъ въ Брянской землѣ, брянцы болѣе всего вооружались противъ посаженія на княжій столъ ордынскихъ подручниковъ; изъ-за этого главнымъ образомъ и шла постоянная борьба въ Брянскѣ (какъ, впрочемъ, и въ другихъ русскихъ городахъ) между сторонниками разныхъ князей, какъ и съ самими князьями⁵⁾. Такъ могло быть и въ данномъ случаѣ: послѣ смерти князя Василія, „замятня велія“ могла обозначать именно такую же борьбу между сторонниками какого либо русскаго князя, ордынскаго подручника, и сторонниками сильнаго литовскаго вождя, владѣвшаго всѣми

¹⁾ Антоновичъ, 86, 113 и сл. *Stadnicki*, Olgerd, 134; *Smolka*, Kiejstut, 6; *Филевичъ*, Борьба Польши и Литвы-Руси, 84 и слѣд.; Къ вопросу о борьбѣ, 332—340.

²⁾ *К. Stadnicki*, Olgerd i Kiejstut, 134.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ Никонов. лѣт., III, 207.

⁵⁾ См. Никонов. лѣт., III, 106, 172 и пр. Ср. *В. Антоновичъ*, Моногр., I, 114.

средствами для освобожденія Брянской земли отъ ордынской зависимости. По всей видимости, въ этой борьбѣ верхъ взяли сторонники Ольгерда, который, такимъ образомъ, и могъ „начать обладать“ Брянскомъ, но только не по праву завоеванія, а въ силу признанія его власти самимъ населеніемъ ¹⁾). Вслѣдъ за Брянскомъ послѣдовало добровольное же подчиненіе Ольгерду многочисленныхъ удѣловъ Чернигово-Сѣверскаго княжества; здѣсь продолжали сидѣть и въ литовскую эпоху старые удѣльные русскіе князья (Новосильскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе и т. д.), очевидно, свободно признавшіе надъ собой власть великихъ князей литовскихъ ²⁾).

Едва ли можно отыскать какіе либо признаки прямого завоёванія и въ извѣстіяхъ касательно присоединенія Подолія къ Литовскому государству ³⁾). По общему признанію историковъ, присоединеніе этой южно-русской окраинной области произошло безъ примѣненія военной силы къ населенію, безъ борьбы и сопротивленія со стороны послѣдняго ⁴⁾). Въ лѣтописномъ разказѣ о присоединеніи Подолія къ Литовской Руси особенно ярко обрисовывается политика, какой неизмѣнно слѣдовали литовскіе вожди въ дѣлѣ собиранія русскихъ земель, управлявшихся ордынскими данниками. Политика эта выражается въ общей тенденціи „очищать“ ордынскую область отъ татаръ совокупными силами государства, затѣмъ „входить оу приязнь“ съ мѣстнымъ населеніемъ, „боролить“ его отъ орды, путемъ организаціи мѣстныхъ боевыхъ силъ, при помощи, въ нужныхъ случаяхъ, могучихъ средствъ всего государства. По совершенно вѣрному замѣчанію историковъ, рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ имѣла не Синеводская битва съ татарами, но союзъ съ „атаманами“, соглашеніе съ населеніемъ,

¹⁾ *Stadnicki*, Olگرد, 134.

²⁾ *В. Антоновичъ*, Моногр. I, 116.

³⁾ Древнія литовскія лѣтописи (изд. *Поповича*, стр. 44; *Даниловича*, 49; ср. также *Выховца*, 19) сохранили слѣдующее преданіе о ближайшихъ обстоятельствахъ присоединенія Подолія къ Литовскому государству: „Коли государемъ былъ на Литовской земли князь великий Олгирдъ и шедъ в поле съ Литовскимъ вислокомъ, побилъ татаръ на Синей воде... Княжата Корнатовичи со князя великого Олгирдовымъ прозволеніемъ и с помощію Литовской земли (пошли въ Подольскую землю)... княжата Корнатовичи пришедъ в Подольскую землю и *вошли оу приязнь со атаманми—почали боронити Подольскую землю отъ татаръ, а босакомъ (баскакамъ) выхода не почали давати... вси Подольскии города оумоуровали и всю землю Подольскую осели“* (См. *Молчановскаю Очеркъ* изв. о Подольск. землѣ, 170—178).

⁴⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 229; *Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольск. землѣ, 182, 193.

ради защиты земли отъ ордынцевъ. Присоединеніе Подолія къ Литвѣ произошло „при участіи самаго населенія, для котораго Коріатовичи являлись лишь сильными атаманами, которые, опираясь на Литву, могли играть на Подолѣ крупную роль“¹⁾.

Той же политикѣ, съ тѣми же приемами, несомнѣнно слѣдуетъ латовскій вождь и въ дѣлѣ присоединенія къ Литвѣ Кіева²⁾. Въ лѣтописномъ разказѣ нѣтъ никакого намека на сопротивленіе Ольгерду со стороны мѣстнаго населенія³⁾. Подобно Подоліи, Кіевская земля точно также „очищается“ отъ татарской зависимости; затѣмъ, съ полною вѣроятностью можно предполагать и здѣсь такую же „пріязнь“ съ мѣстнымъ населеніемъ и ту же организацію мѣстныхъ силъ для охраны края отъ ордынцевъ, какія одновременно имѣли мѣсто въ Подольской землѣ.

Наконецъ, при Ольгердѣ присоединяется временно къ Литовско-Русскому государству все Галицкое княжество (Червоная Русь). Послѣ смерти послѣдняго галицкаго князя Юрія Болеславича (въ 1340 году), Волынскій князь Любарть Гедиминовичъ, по своимъ родственнымъ связямъ, единственный законный претендентъ на Галицко-Волынское наслѣдіе, вступаетъ во всѣ права галицкихъ князей и управляетъ Червоной Русью до 1349 года, времени завоеванія Львовской земли польскимъ королемъ Казиміромъ⁴⁾.

¹⁾ Молчановскій, Очеркъ изв. о Подольск. землѣ, 182. Петровъ, Подолія, 83.

²⁾ Густынская лѣтопись (И. С. Л., II, 350) подъ 1362 г. сохранила слѣдующее преданіе о занятіи Ольгердомъ Кіева вслѣдъ за Синеvodскимъ пораженіемъ ордынцевъ, къ улусу которыхъ принадлежалъ въ то время Кіевъ съ Подоліей: „Олгердъ Кіевъ подѣлилъ съ Федоромъ княземъ (ордынск. подручникомъ) взявъ и посади въ немъ Владимира, сына своего. И нача надъ симъ владѣти, имъ же отци его данъ даяху“.

³⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 127, 229; К. Studnicki, Brasia Iugielly, 114.

⁴⁾ Въ исторической наукѣ до послѣдняго времени не подлежалъ никакому сомнѣнію фактъ завоеванія Галицкой Руси Казиміромъ тотчасъ по смерти послѣдняго галицкаго князя Юрія Болеславича въ 1340 г. (Антоновичъ, Моногр., I, 79). Впервые поколебалъ это воззрѣніе Каро (Gesch. Pol., II, 229; III, 54), но его замѣтки не измѣнили установившагося взгляда. Не могло измѣнить этого взгляда и указаніе К. Бестужева-Рюмина на 1349 г., какъ на время присоединенія Галицкой Руси къ Польшѣ (Русск. Ист., I, 298). Полное разъясненіе этого вопроса, какъ и вообще вопроса о судьбѣ Галицко-Владимірскаго наслѣдія въ XIV столѣтіи, всецѣло принадлежитъ прекрасному труду И. П. Филевича. Рядомъ неопровержимыхъ данныхъ ему удалось, между прочимъ, доказать, что волынскій князь Любарть съ 1340 г. управлялъ Галицкой Русью, отошедшей къ Польшѣ лишь послѣ завоеванія Казиміромъ Львовской земли въ 1349 г. (См. „Борьба Польши

Собственно при Ольгердѣ заканчивается образование основной территории Литовскаго государства. Приобрѣтенія, сдѣланныя затѣмъ при Витовтѣ, состояли изъ такихъ областей: которыя принадлежали къ составу Литовскаго государства лишь временно и отошли отъ него далеко раньше Люблинской уніи. Такова Смоленская земля. Какъ полагаютъ, зависимость ея отъ Литвы началась еще при Гедиминѣ; сидѣвшіе въ Смоленскѣ русскіе князья вѣрно „служили“ великимъ князьямъ литовскимъ. Окончательное подчиненіе имъ этой области принадлежитъ 1404 г.; въ началѣ XVI ст. она отошла къ Москвѣ ¹⁾. При Витовтѣ же становится въ зависимость отъ Литвы на нѣкоторое время Рязанская земля. Князь Иванъ Федоровичъ (1427—1456), тѣснимый сосѣдями, заключаетъ съ Витовтомъ договоръ о подчиненіи ему Рязанской земли, признаетъ себя подручникомъ великаго князя литовскаго и уступаетъ Витовту нѣкоторыя пограничныя волости—Тулу и пр. Зависимость эта окончилась вмѣстѣ со смертію Витовта ²⁾. Наконецъ, лѣтописное преданіе приписываетъ Витовту походы въ глубь южныхъ татарскихъ степей, расширеніе литовской территоріи вплоть до Черноморскаго побережья, построеніе цѣлаго ряда укрѣпленныхъ замковъ и поселеній на низменѣ Днѣпрѣ, съ подчиненіемъ Литвѣ окрестныхъ земель ³⁾. Но эти широкія границы Литовскаго государства на югѣ держались не болѣе полвѣка: подъ напоромъ татарской (Крымской) орды южная граница Литвы отодвигается съ конца XV ст. далеко на сѣверъ—къ берегамъ Роси и средняго теченія Ингула. За Черкасами и Подольской твердыней—Каменцомъ, къ югу шли „Дикія Поля“, пустынная степь, сдѣлавшаяся вскорѣ поприщемъ неустанной борьбы казатчины съ татарами и зависѣвшей отъ нихъ Ногайской ордой ⁴⁾. Сохранилась, впрочемъ,

и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе“, 1890, стр. 66, 84 и слѣд. Это же. „Къ вопросу о борьбѣ“ и пр., 332 и слѣд.).

¹⁾ К. Stadnicki, *Bracia Wład.-Iagielly*, 289; T. Smolka, *Kiejstut*, 10.

²⁾ А. А. У., I, № 25.

³⁾ Молчановскій, Очеркъ изв. о Подольск. землѣ, 258, 294, 325. Антоновичъ, Моногр., I, 245.

⁴⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 245—246. На принадлежность къ Литвѣ Черноморскаго побережья въ XV ст. указываетъ, между прочимъ, одинъ современный актъ—о владѣніяхъ подольскихъ магнатовъ Язловецкихъ на Черномъ морѣ, въ той мѣстности, гдѣ была при Витовтѣ гавань *Лачубей*, потомъ Хаджибей (нынѣ Одесса). Цацкій сообщаетъ объ этомъ интересномъ актѣ слѣдующее: „Widziałem ślad decyzji Władysława Iagiellończyka (Варненчика), 1442 г. między Iazłowieckim, któremu tę część ziemi nad Czarnym morzem, gdzie był i jest mały port Ка-

въ литовской метрицѣ одна старая записъ (безъ даты), записанная въ числѣ актовъ 1540 г. и составленная для „свѣдѣтства“ короля (какого—не сказано) по показаніямъ старыхъ людей—киншъ, черкешанъ и каневцевъ, о границахъ великаго княжества Литовскаго, приблизительно въ тѣхъ предѣлахъ (со включеніемъ Черноморскаго побережья), въ какихъ границы эти были опредѣлены завоеваніями Витовта ¹⁾. Въ XVI ст. Черноморье и Дикія Поля, во всякомъ случаѣ, не входили больше въ составъ литовской территоріи. Въ указанныхъ въ записи границахъ могли простираться въ это время не фактическія владѣнія Литовскаго государства, а лишь одно „право“, обоснованное на Витовтовыхъ завоеваніяхъ. По всей вѣроятности, записъ о южныхъ границахъ литовскихъ владѣній была составлена не позже второй половины XV ст., для „свѣдѣтства“ Казимира-Ягеллона, при которомъ Литовское государство на югѣ еще могло держаться старыхъ границъ, намѣченныхъ во времена Витовта.

Въ предыдущихъ замѣткахъ изложенъ, кажется, довольно ясно постепенный процессъ образованія территоріи литовскаго государства. О „завоеваніяхъ“ можетъ быть рѣчь въ начальную пору этого процесса, при первыхъ литовскихъ вождяхъ (когда еще не вполне обозначалась политика, какой затѣмъ неуклонно держались главные собиратели Литовской Руси), да въ концѣ этого процесса—при Витовтѣ, когда къ литовскимъ владѣніямъ присоединились, путемъ завоеванія, такія области, какъ южныя Дикія Поля и пр. Прибѣгать къ завоеваніямъ не было никакой надобности тамъ, гдѣ гнетущія бытовья условія стараго времени, *volens-poleus*, должны были заставлятъ русскія земли и русскихъ князей вступать въ союзъ, а затѣмъ и добровольно подчиняться власти сильныхъ и энергичныхъ литовскихъ вождей. Вспомнимъ, что систематическое „завоеваніе“ Литвой сосѣднихъ русскихъ земель, съ Мендовга и особенно Гедимина, когда литвины, тѣснимые нѣмцами, по выраженію проф. В. А. Антоновича, „бросаются на сосѣдніе русскіе удѣлы“ и безъ труда овладѣваютъ обширной терри-

czubej, darował, a swemi urzędnikami, którzy dowodzili, iż w przywileju nie było danych przesypek (тенирешн. Пересмы), a te od sto okładem lat zostały przez morze dane: quia mare abstulit aliis, nostro vero dominio adjunxit: Musiała ta rzecz byc znaczna, kiedy oto był spór, i Iazlowiecki stawianiu domów straży na tym przysipiaku się opierał: jak Władysław ten spór ukonczył, nie mogłem znaleźć dowodów“ (Dziela Tad. Czackiego, zebr. prz. Raczyńskiego, t. II, 179 примѣч. 333).

¹⁾ А. З. Р., II, № 199.

торіей ¹⁾, начинается какъ разъ въ разгаръ татарскаго разоренія русскихъ земель, обезсиливаемыхъ и безъ того, иногда до полной безпомощности, раздорами и усобицей князей и общинъ. Оплоть противъ татарскаго разоренія русское населеніе видѣло не въ ордынскихъ подручникахъ—русскихъ князьяхъ, но въ энергическихъ литовскихъ вождяхъ: смѣна первыхъ послѣдними вытекала изъ жизненныхъ условий русскихъ земель. Лишь благодаря литовскому объединенію, „русскія области получили гарантіи для спокойнаго развитія своей внутренней жизни“. Въ свою очередь, и политика литовскихъ князей, особенно на первыхъ порахъ, выражалась именно въ этомъ направленіи. Отдавая явное предпочтеніе русской гражданственности и русскимъ людямъ, литовскіе князья „съ удивительнымъ политическимъ тактомъ и безпристрастіемъ всецѣло опираются на русское населеніе государства, оберегаютъ его вѣрованія, обычаи и права, постепенно подчиняются его культурному вліянію, считаютъ свой родъ вступившимъ во всѣ права русскаго княжескаго рода и примѣняютъ къ себѣ всѣ понятія о княжеской власти и ея отношеніяхъ къ землѣ, выработанныя потомками Владиміра (Св.“ ²⁾). Въ логической связи съ этою общей политической программой литовскихъ князей стоитъ и та политика, какой они неуклонно слѣдовали въ дѣлѣ объединенія русскихъ земель, — политика „пріязни“ съ населеніемъ и „очищенія“ русскихъ земель отъ ордынцевъ и ордынской зависимости. Сказанное выше о способахъ и приемахъ присоединенія Подолія къ Литвѣ можно съ полнымъ правомъ примѣнить и къ объединенію другихъ русскихъ земель: подчиненіе ихъ власти литовскихъ князей совершалось путемъ не завоеванія, а „пріязни“, по всѣмъ видимостямъ—при содѣйствіи самого же населенія, видѣвшаго въ литовскихъ вождяхъ оберегателей (по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, до сближенія Литвы съ Польшей) спокойнаго развитія его внутренней жизни.

Со времени Витовта ³⁾ начинается внутреннее объединеніе госу-

¹⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. II, 8.

²⁾ В. Антоновичъ, Моногр., I, 229; Житницкій, Смѣна народностей въ южной Руси (*Кіевск. Старина*, 1884, сент., 14 и сл.); Лепроузъ, Бѣлоруссія и Литва, 68, 75; ея же, Подолія, 26, 59.

³⁾ Кромѣ приведенныхъ выше монографій К. Стадницкаго, Вольфа и др., о Витовтѣ см. также сочин.: А. Hlebowics, Krótki rys życia Witolda (1821); J. Bartoszewics, Witold (Encykl. Powzg. f. XXIII, 301); А. Prochaska, Ostatnie lata Witolda (1882); А. Барбашевъ, Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы (1885).

дарства, путем постепенной отмены старой удельной розни между отдельными литовско-русскими областями. Къ концу XV столѣтія удельная система падаетъ лишь въ главныхъ центрахъ отдельныхъ областей государства. Внутреннее объединеніе всего состава государства подъ непосредственною властью литовскихъ „господарей“ окончательно завершается лишь въ началѣ шестаго десятилѣтія XVI столѣтія. Инициаторовъ единой державы въ Литвѣ нельзя, конечно, ставить на одну доску съ творцами единой державы московскаго, энергически осуществлявшими, безъ всякихъ колебаній, систему добыванія удѣловъ и земель всяческими „примыслами“ (завоеваніемъ, куплей, завѣщаніемъ и пр.). Литовское единое державіе никогда не достигало такой силы и напряженія, какъ это было въ Москвѣ при Иванѣ III, а тѣмъ болѣе при его преемникахъ — строгихъ и неуклонныхъ систематикахъ, не разбиравшихъ средствъ и случаевъ для территоріальнаго расширенія и объединенія государства. Въ большинствѣ случаевъ литовскіе великіе князья подчиняли удѣльные владѣнія своей непосредственной власти по праву выморочности, при прекращеніи рода удѣльныхъ князей, или же удаляли ихъ изъ удѣловъ лишь при явномъ стремленіи къ отдѣленію отъ государства, когда отлагавшійся отъ литовскаго господаря удѣльный князь „не вехоте покори учинити и челомъ ударити“, какъ это было въ 1392 году съ нитобскимъ княземъ Свидригайломъ или вслѣдъ затѣмъ съ Владиміромъ Ольгердовичемъ, княземъ кievскимъ ¹⁾. Что литовскіе господа не были строгими систематиками въ дѣлѣ объединенія государства, видно изъ исторіи Кіевского княжества. Послѣ удаленія Владиміра Ольгердовича, княжество это не присоединяется къ владѣніямъ великаго князя, а дается въ удѣлъ Скиргайлу и только послѣ безпотомной его смерти (въ 1396 г.) обращается въ староство. Въ 1440 году Кіевскій удѣлъ опять возстановляется въ родѣ бывшаго удѣльнаго князя Владиміра Ольгердовича, переходитъ сперва къ его сыну (Александрѣ Омельковичу), а затѣмъ впуку. По смерти

¹⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 232; *Молчановскій*, Очеркъ наз. о Подольск. землѣ, 232; *Stadnicki*, *Bracia*, 306. На такихъ же основаніяхъ и по тѣмъ же новодамъ отбирались удѣлы и въ послѣдующее время, напримѣръ, въ 1482 году у князей Ольшанскихъ, Охельковичей и Вѣльскихъ, за заговоръ объ отдѣленіи отъ Литвы (*Stadnicki*, *Bracia Wladyslawa-Jagellu*, 193). Удѣлы ихъ были причислены къ владѣніямъ великаго князя; но затѣмъ, болѣею частью, снова перешли въ другіе роды удѣльныхъ князей (*Stadnicki*, *Bracia*, 202; *Wolff*, *Ród Gedimina*, 111; *Baliński*, *Starożytn. Polska*, 2-е изд. IV, 181).

послѣдняго Казиміръ вовсе не думалъ закрывать Кіевскій удѣлъ, а намѣревался передать его сыну умершаго князя (Василію Омельковичу), о чемъ и было заявлено королю радѣ. Заявленіе королевское встрѣтило, однако, сильныя возраженія со стороны литовскихъ магнатовъ—Монвидовъ, и въ особенности всесильнаго тогда Гастольда, рассчитывавшаго самому сѣсть въ Кіевѣ въ качествѣ полномочнаго старосты; король принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Кіевъ дѣйствительно поступилъ въ управленіе Гастольда ¹⁾.

При прекращеніи мужскихъ линій удѣльныхъ князей, когда представлялся „удобный случай“ объединенія, великіе князья литовскіе, однако, строго заботились о поддержаніи и сохраненіи установившихся обычаевъ въ дѣлѣ преемства удѣльныхъ владѣній. Обыкновенно удѣлы, до послѣднѣйшаго времени, переходили въ такихъ случаяхъ въ женскія линіи владѣтельныхъ родовъ до полнаго ихъ прекращенія. Такъ было поступлено, на примѣръ, съ княжествомъ Кобринскимъ (около 1490 г.) по смерти князя Ивана Семеновича, съ которымъ пресѣклось мужское поколѣніе мѣстныхъ князей: ихъ владѣтельныя права перешли сначала къ вдовѣ умершаго князя, затѣмъ къ его дочери; только послѣ бездѣтной смерти послѣдней княжество Кобринское обратилось въ староство. Черезъ нѣсколько лѣтъ, однако, Кобринскій удѣлъ опять возстановляется пожалованіемъ его королевѣ Бонѣ, послѣдней княгинѣ кобринской ²⁾.

Владѣтельныя права, переходившія въ женскія линіи, удерживались за ихъ представительницами обыкновенно подъ условіемъ брака съ „равными“ владѣтельными лицами. Около 1489 года прекратился родъ князей Мстиславскихъ въ мужскомъ поколѣніи; наследникамъ предоставлены были права на удѣлъ подъ указаннымъ условіемъ; удѣлъ Мстиславскій въ слѣдующемъ году перешелъ къ князю Михайлу Заславскому, женившемуся на одной изъ владѣтельницъ удѣла ³⁾.

¹⁾ Василію Омельковичу данъ былъ другой удѣлъ. (См. *Stadnicki*, *Bracia*, 152; *Wolff*, *Ród Gedim.*, 107, 109).

²⁾ *Wolff*, *Ród Gedim.*, 139—143. Королева, какъ увидимъ изъ очерка образованія отдѣльныхъ областей Литовско-Русскаго государства, владѣла въ теченіе многихъ лѣтъ чуть ли не половиной западно-русскихъ областей (Кобринскимъ повѣтомъ, большою частью Литовскаго Поляся съ Рогачевымъ на Днѣпрѣ и пр.) на полныхъ правахъ удѣльной „господарини“. Лишь въ 1556 году, съ выѣздомъ изъ Литвы этой послѣдней представительницы стараго удѣльнаго режима, въ Литовской Руси устанавливается единоедержавіе на всей территоріи государства.

³⁾ *Wolff*, *Ród*, 161.

Вообще говоря, въ Литовской Руси идея единой державы никогда не возводилась въ сколько нибудь строгій принципъ, который бы съ надлежащей настойчивостью проводился въ жизнь литовскими господами. Въ XV вѣкѣ объединительная тенденція, повидимому, сдѣлала уже значительные успѣхи; между тѣмъ, мы видимъ, что и въ это время, какъ и раньше, рядомъ съ удѣлами Гедиминовичей, создавались новые удѣлы для князей, отѣзжавшихъ изъ Москвы. Для примѣра укажемъ на Московскихъ выходцевъ—князей Боровскихъ, которымъ даны были въ половинѣ XV столѣтія два отдѣльные удѣла: Василій Ярославичъ получилъ въ удѣлъ Мстиславъ и Сѣверскіе города, его сынъ—Клецкъ, Рогачовъ и городокъ Давидовъ ¹⁾.

Внимательное изученіе вопроса объ объединеніи Литовскаго государства приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что установленіе единой державы въ Литовской Руси далеко не было закончено Казиміромъ ²⁾,

¹⁾ *Wolff, Röd*, 29. Такимъ же образомъ, въ 1496 году, другому выходцу изъ Москвы, князю Семену Иван. Можайскому, дана была почти половина Сѣверской земли (Черниговъ, Стародубъ, Гомель и Карачевъ съ волостями) въ „вотчину вѣчно ему и его женѣ и ихъ дѣтямъ“ (А. З. Р., I, № 139).

²⁾ Положеніе вопроса объ удѣлахъ при Казимірѣ и вообще въ XV вѣкѣ до нѣкоторой степени иллюстрируется перепиской, возникшей въ 1496 году между польскимъ и литовскимъ правительствами о предоставленіи польскому королевичу Сигизмунду удѣла въ Литвѣ. Великій князь литовскій Александръ такъ мотивируетъ свой отказъ: „Твое наше князство, великое князство, никогда не было дѣлено здавна, съ нашихъ предковъ (?). Ачъ быхмо и хотѣли то учинити (предполагалось дать Кіевъ и другіе города) для нашего брата, ино *панове рада наша и вся земля никакъ не хотѣли того доволити и допустити, до зоръ своихъ, и то мовятъ завжды передъ нами, ижъ не зыкли двухъ пановъ мѣти, бо того никогда передъ тѣмъ не бывало*“ (!). Господарь литовскій, лично ничего не имѣвшій противъ домогательства поляковъ, отказалъ въ виду сопротивленія пановъ рады. Не такъ отнесся къ этому вопросу восточный сосѣдъ, московскій великій князь Иванъ III, строгій сторонникъ объединительной политики. Узнавъ, что „князь великій да и панове (сторонники поляковъ) думаютъ, а хотѣтъ Жыгимонту дать въ Литовскомъ въ великомъ княжествѣ Кіевъ да и иные города“, Иванъ III пишетъ въ Литву къ своей дочери, великой княгинѣ Еленѣ: „мно, доч, слыхалъ я, каково было нестроеніе въ Литовской земли, коли было государей много, а въ нашей земли, слыхала еси, каково было нестроеніе при моемъ отцѣ, а опослѣ отца моего каковы были дѣла и мнѣ съ братьею... И только Жыгимонтъ будетъ въ Литовской земли, ино вашему которому добру быти?“ (А. З. Р. I, №№ 135, 136). Великій князь литовскій не даромъ ссылался на радныхъ пановъ-магнатовъ, преслѣдовавшихъ вездѣ и во всемъ лишь свои узкіе, сословные интересы. Удѣльные князья не были на руку магнатамъ, не принадлежавшимъ къ владѣтельнымъ родамъ: удѣлы князей шли въ разрѣзъ съ стремленіемъ магнатовъ превратить

при которомъ, какъ обыкновенно полагають, будто бы окончательно пала удѣльная система въ Литовской Руси ¹⁾). Факты, напротивъ, показываютъ, что удѣльное многодержавіе стало окончательно терять силу лишь въ началѣ третьей четверти XVI столѣтія, то-есть, почти предъ самой Люблинской уніей.

Великіе князья литовскіе Александръ и Сигизмундъ I получали отъ Витовта и Казимира, въ видѣ наслѣдія, не немногіе мелкіе удѣлы, владѣтели которыхъ, „снизходя на степень служилыхъ князей, не играли уже никакой политической роли“, а весьма компактный составъ чуть ли не болѣе 20-ти удѣльныхъ владѣній (въ собственной Литвѣ, Черной Руси, Бѣлоруссін, Литовскомъ Полѣсьѣ, Сѣверцинѣ и особенно на Волини). Ихъ „Божіею милостію“ наслѣдственные „паны“ и „отчичи“ представляли, въ своей совокупности, замѣтную политическую силу, съ которой во всякомъ случаѣ должны были считаться литовскіе „господари“, — силу, которая заявляла себя иногда съ большою энергіей и въ господарской радѣ-сеймѣ, и на такихъ важныхъ въ политическомъ отношеніи урядахъ, какъ намѣстники господарскіе, поеводы, старосты и т. д.

Сила эта глухо сказывается, между прочимъ, въ упорномъ протестѣ литовскихъ магнатовъ противъ уніи съ Польшей; между такими протестантами стояли на первомъ планѣ потомки старыхъ удѣльныхъ князей (Радзивиллы, Острожскіе, Сангушки, Слуцкіе-Олельковичи, Чарторыскіе, Корецкіе и др.), преслѣдовавшіе въ своемъ протестѣ не только идею государственной самобытности Литвы, но и далеко не угасшія тенденціи династическія. Тенденція эти ясно высказываются князьями-магнатами даже въ ихъ официальныхъ актахъ второй половины XVI столѣтія. Князь Николай Радзивиллъ, потомокъ старыхъ

государство въ силушную сѣть старостъ и державствъ, сперва пожизненныхъ владѣній пановъ, а затѣмъ ихъ наслѣдственныхъ вотчинъ, не многимъ отличавшихся отъ старыхъ княжескихъ удѣловъ. Въ данномъ случаѣ паны-рада премень Александра руководились такими же мотивами, какъ и рада при Казимірѣ, съ Гастольдомъ во главѣ, оппонировавшимъ изъ-за своихъ личныхъ цѣлей противъ оставленія Кіева на старомъ удѣльномъ положеніи по смерти послѣдняго его князя (см. выше). Удѣльная система пала въ Литовской Руси не въ силу ясно сознаннаго принципа государственнаго едндержавія, не подъ вліяніемъ объединительной политики литовскихъ господарей, но подъ давленіемъ сословныхъ интересовъ магнатовъ. Со второй половины XVI столѣтія удѣльная рознь въ Литвѣ уступила мѣсто не едндержавію литовскихъ господарей, а напротивъ—безграничному многодержавію польско-литовскихъ вельможныхъ пановъ.

¹⁾ *Львизкій, Уст. земск. грамоты, 49.*

удѣльныхъ князей Биржанскихъ, посланный въ 1562 г. Сигизмундомъ-Августомъ въ Ливонію, титулуется себя въ грамотахъ къ ливонцамъ: „Мы, Николай Радзивиллъ, *Божією милостію*, князь Олитскій и Нѣсвижскій“¹⁾. Мысль о реставраціи стараго удѣльнаго порядка далеко не была чужда даже знаменитому творцу Люблинской уніи—королю Сигизмунду-Августу. Предлагая въ 1567 г. (за два года до Люблинской уніи) возвратиться въ Литву потомкамъ удѣльныхъ князей Литвы—Мстиславскимъ, Бѣльскимъ и Воротынскимъ, отѣхавшимъ раньше въ Москву и служившимъ здѣсь въ качествѣ государевыхъ намѣстниковъ и пр., Сигизмундъ-Августъ обѣщаетъ сдѣлать ихъ удѣльными князьями въ ихъ старыхъ „отчипныхъ земляхъ литовскихъ“ или дать имъ новыя удѣлы и волости²⁾.

Былая удѣльная рознь, de jure прекращающаяся въ Литовской Руси въ началѣ второй половины XVI столѣтія, на дѣлѣ, въ самой жизни, не исчезала до и послѣ Люблинской уніи. Къ „цвѣткамъ“ уніи историки не безъ основанія относятъ переходъ государственной власти въ руки всемогущаго шляхетства³⁾. Съ этихъ поръ въ Литовской Руси не существуетъ больше старый „господарь“, требовавшій „покоры“ и отъ удѣльнаго князя, и отъ простаго землянина. Право на такую покору Люблинская унія передала шляхетному магнату: номинальный подданный Речи Посполитой, онъ явился на дѣлѣ, въ своемъ замкѣ и своихъ маетностяхъ, старымъ удѣльнымъ княземъ, но безъ былой „покоры“ не существующему для него больше господарю. Если въ старое время верховная власть разбивалась въ Литовской Руси между князьями великими и удѣльными, то теперь, съ половины третьей четверти XVI столѣтія, она расплывается по всѣмъ

¹⁾ *И. Малишевскій*, Любл. сѣздъ 1569 (Памяти русск. старины въ зап. губ. 1885, вып. VIII, стр. 115). Тѣ же династическія тенденціи проглядываютъ въ XVI вѣкѣ въ погонѣ современныхъ литовскихъ магнатовъ Волинской и другихъ земель за установленіемъ генеалогическаго родства ихъ съ Любартовичами (напримѣръ, Сангушки), Коріатовичами и другими Гедиминовичами. Тенденціи эти, какъ увидимъ ниже, особенно усилваются послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ и установленія избирательной системы преемства господарской власти: князья-магнаты, усвоивъ „*przydomy*“ Корыбутовъ, Любартовичей и пр., прямо становились въ ряды кандидатовъ на занятіе трона, чего, какъ извѣстно, и достигли Вишневецкіе-Корыбуты, на дѣлѣ принадлежавшіе къ потомкамъ старыхъ русскихъ князей—Рюриковичей (см. объ этомъ ниже).

²⁾ Древ. Росс. Вивл., т. XV, №№ 8, 5 и 6; *Skarbies Даниловича*, №№ 2373—2375.

³⁾ *С. Бернадскій*, Литовск. евреи, 318.

шляхетскимъ маестностямъ и замкамъ. Каждый, мало-мальски замож- ный панъ могъ безнаказанно вести себя, какъ независѣвшій ни отъ кого „господарь“. могъ по праву обрывать своимъ veto на сеймѣ вся- кое рѣшеніе государственной власти, могъ отвѣчать въ своемъ замкѣ на законныя требованія судебной и правительственной власти воору- женной силой, ружейной и пушечной пальбой ¹⁾).

II.

Перейдемъ теперь къ вопросу о *территориальномъ составѣ от- дѣльныхъ областей*, изъ которыхъ постепенно сложилось Литовско- Русское государство. Скажемъ сначала объ образованіи территоріи собственной Литвы, а затѣмъ—русскихъ областей и входившихъ въ нихъ составъ удѣльныхъ владѣній и волостей.

Территориальное объединеніе собственной *Литвы*, лишь слабо на- мѣченное Керновскимъ владѣтелемъ Рынгольдомъ, было начато на бо- лѣе прочныхъ основаніяхъ его сыномъ Миндовгомъ. При помощи зна- чительныхъ силъ, добытыхъ въ присоединенныхъ къ Литвѣ русскихъ земляхъ, Миндовгъ успѣлъ поставить въ зависимое отъ себя положе- ніе большинство мелкихъ литовскихъ владѣльцевъ. Подчиняя себѣ разрозненные литовскія владѣнія, Миндовгъ силою обстоятельствъ являлся въ роли верховнаго вождя всей Литвы ²⁾, перваго собирателя независимыхъ литовскихъ волостей и общинъ въ сложныя политиче- скія единицы—земли и княженія. Въ теченіе XIII вѣка волости соб- ственной Литвы начинаютъ постепенно группироваться въ болѣе или менѣе крупныя земли, составлявшія удѣлы мѣстныхъ литовскихъ кня- зей, подъ верховнымъ главенствомъ великихъ князей литовскихъ. Къ такимъ землямъ относятся княжества: Керновское, Трокское, Вилен- ское, Кревское, Гольшанское (или Ольшанское), Свирское, Лидское и другія.

Земля *Керновская* (по рѣкѣ Вилин, къ сѣверо-западу отъ Вильны)

¹⁾ Образчикъ такихъ „державныхъ“ отношеній литовской поземельной шляхты къ исполнительной власти, имѣвшій мѣсто послѣ Люблинской уніи, приводится проф. С. А. Бернадскимъ въ сжатомъ, но фактически обстоятельномъ этюдѣ о „Госуд. власти в литовск. обществѣ“ въ XVI вѣкѣ (См. „Литовск. евреи“, стр. 314).

²⁾ Какъ извѣстно, въ 1250 г. совершилось коронованіе Миндовга королемъ всей Литвы—„in regem totius Litvonii ac terram omnium“, по выраженію издан- ной по этому поводу буллы папы Иннокентія IV (см. *Dawidowicz, Skarbies*, № 122; ср. *Дитюнович*, Моногр., I, 38).

составляла съ XIII вѣка удѣлъ князей рода Мендовга, перваго собирателя Литовской земли. Главный городъ этого удѣла Керновъ считается древней литовской столицей (еще во время княженія Рынгольда, отца Мендовга) до временъ Гедимина, избравшаго (ок. 1321 г.) своей резиденціей Троки, а затѣмъ Вильну. При Гедиминѣ Керновскій удѣлъ достался старшему его сыну Монвиду. По смерти (въ 1392 г.) послѣдняго керновскаго князя Александра-Вигунта (сына Ольгерда), не оставившаго потомковъ, его удѣлъ былъ присоединенъ къ владѣніямъ великихъ князей, вошелъ въ число литовскихъ староствъ. При учрежденіи въ Литвѣ воеводства (въ 1413 г.) Керновское староство вошло въ составъ Виленскаго воеводства ¹⁾.

Съ половины XIII вѣка выдѣляется удѣлъ *Трокскій*, составлявшій изстаринное владѣніе Мендовга и послѣдующихъ князей его рода, а затѣмъ князей новой династіи (Витена). Въ XIV вѣкѣ (собственно съ Гедимина) Трокская земля становится однимъ изъ главныхъ центровъ Литвы, къ которому постепенно примыкаетъ почти вся западная половина Литовской земли. При Гедиминѣ Трокская земля, подъ общимъ названіемъ „княжества“, простиралась къ Лидѣ и Ковно, затѣмъ вверхъ Подляхін до границы Прусской; пространство это, обнимавшее въ то время позднѣйшее воеводство Трокское, затѣмъ Берестье, Гродно и Жмудь, служило военной границей, закрывавшей Литву отъ западныхъ сосѣдей—Польши и Нѣмецкаго Ордена. Во главѣ этого удѣла стоялъ до своей смерти Кейстуть Гедиминовичъ, строго оберегавшій слававшееся государство отъ посягательства западныхъ сосѣдей. Ягелло, враждебно относившійся къ своему сопернику Кейстуту, послѣ удушенія послѣдняго (по приказу Ягеллы) въ 1382 г., передалъ Трокскій удѣлъ Скиргайлѣ; черезъ десять лѣтъ Витовтъ заставилъ короля возвратить ему отцовскій удѣлъ (Трокскій), а затѣмъ и великокняжеское достоинство. Съ тѣхъ поръ Троки составляли основной удѣлъ, „отчину“ Кейстutowичей. Такое воззрѣніе на Трокскую землю удерживалось еще въ XV вѣкѣ, какъ это видно изъ записи (1482) великаго князя Сигизмунда Кейстutowича и его сына, заявлявшихъ, что по ихъ смерти все Литовское княжество должно

¹⁾ *Baliński i Lipiński*, *Staroż. Polska*, 2-ое изд., т. IV, 165 и слѣд. *Sulimierski*, *Słown. geogr.* IV, 47. *K. Stadnicki*, *Synowie Gedymina*, I (изд. 1881), 81; *то же*, *Wzrost Władysława Jagelły*, 241, 244; *Wolff*, *Ród Gedim.*, 10, 162. О Керновскомъ князѣ Монвидѣ см. *Latop. Даниловича*, 1; хрон. *Высова*, 17; *Długoss*, *Dzieje Pol.*, III, 377; *Narbutt*, IV, 626; V, 2. Послѣдній Керновскій князь Вигунтъ (dux *Kiernowienavis*) подписался на грамотѣ 1382 г. (*Skarbiec*, № 480).

отойдти къ польскому королю, кромѣ ихъ отчины Трокъ и другихъ отчинныхъ владѣній, остающихся въ ихъ родѣ. Съ Витовта княжество Трокское управлялось намѣстниками и старостами, а съ 1418 г. поеводами ¹⁾).

Съ конца XIII и начала XIV вѣка (собственно съ новой династїи литовскихъ князей въ лицѣ Витена и Гедимина) восточная половина Литовской земли, состоявшая изъ мелкихъ удѣльныхъ княженій, начинаетъ постепенно группироваться около другаго главнаго центра Литвы—*Виленскаго княжества*, съ Гедимина составлявшаго непосредственное владѣніе великихъ князей литовскихъ. При Евнутѣ, первомъ великомъ князѣ послѣ Гедимина, великокняжескій удѣлъ состоялъ изъ Вильны и пригородовъ: Ошмяны, Вилькомира и Браслава Литовскаго. Ольгердъ, смѣнившій вскорѣ Евнута, владѣлъ, сверхъ центральнаго удѣла, также полученнымъ еще при отцѣ, небольшимъ удѣломъ Кревскимъ, а съ 1320 г. Витебской землей (по браку съ наследницей послѣдняго витебскаго князя). При Ягеллѣ къ великокняжескому удѣлу присоединяются земли: Мстиславская, Минская и Новгородская; въ границахъ этихъ земель находились еще дробные удѣлы Гедиминовичей (Заславъ, Свислочь). Въ это время великокняжескій удѣлъ былъ значительно меньше остальныхъ княжескихъ удѣловъ и немногимъ больше удѣла Кейстута (Трокскаго). Собственно съ Витовта центральный литовскій удѣлъ начинаетъ расширяться во всѣ стороны; къ нему примыкаютъ земли Трокская, Жмудская и пр., хотя, впрочемъ, еще при Сигизмундѣ Кейстutowичѣ, какъ мы видѣли, удерживалось противоположеніе великокняжескаго удѣла, обнимавшаго восточную половину литовской территорїи, Трокской землѣ, какъ „отчинному“ владѣнію Кейстutowичей. Лишь съ Казимира владѣнія великихъ князей литовскихъ окончательно утрачиваютъ прежній удѣльный характеръ,—понятіе великокняжескаго удѣла сливается съ общимъ понятіемъ „великаго княжества Литовскаго“ ²⁾).

¹⁾ *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 239. *Naruszewicz*, *Hist. Pol.*, VII, 125, 191. *Stadnicki*, *Olgerd*, 23, 196, *Его же*, *Bracia*, 259, 270. *Bartoszewicz*, *Zygm. Kiejstut.* (*Encykłop. Powsz.*, XXVIII, 827). *Wolff*, *Ród Gedim.*, 47, 62—63, 145—146. *Smolka*, *Kiejstut*, 5—7. *Латоп. Давн.*, 27, 28, 39. *Лѣтоп. Понова*, 38; *Бызовецъ*, 33. *Strykowski*, *Hist. Pol.*, VII, 125 и 191. *Skarbiec*, №№ 480, 482, 542, 1630.

²⁾ *К*, *Stadnicki*, *Synow. Gedym.* (2-е изд.), 71 и слѣд. *Его же*, *Bracia*, 20; *Его же*, *Olgerd*, 23. *В. Антоновичъ*, *Моногр.*, I, 76. *Wolff*, *Ród Gedim.*, 26. *Smolka*, *Kiejstut*, 7, 10. *Латоп. Давн.*, 27; *Бызовецъ*, 17; *Długosz*, X, 60; *Strykowski*, *Hist.*, I, 381. Ср. *J. Kraszewski*, *Wilno od początkow jego do r. 1750* (1840—42);

Кромѣ княжествъ, составлявшихъ первоначальныя удѣльныя владѣнія великихъ князей литовскихъ, существовалъ еще цѣлый рядъ княжескихъ владѣній, облежавшихъ со всѣхъ сторонъ центральные пункты старой Литвы и постепенно примыкавшихъ къ великокняжескому удѣлу. Къ владѣніямъ рода великихъ князей литовскихъ принадлежали небольшія княжества: Кревское, Лидское и Лошское. Остальныя земли и княженія составляли удѣлы другихъ мѣстныхъ князей, зависѣвшихъ отъ великихъ князей литовскихъ.

Крево (Krew) выдѣляется въ значеніи удѣла при Гедиминѣ. Тянувшія къ этому городу волости занимали долину р. Березины до истоковъ Вилии; при раздѣлѣ литовскихъ владѣній между сыновьями Гедиминомъ, Кревская земля досталась (ок. 1338 г.) въ удѣлъ Ольгерду, а послѣ того Ягеллѣ. По смерти (въ 1391 г.) послѣдняго кревскаго князя (брата Ягеллы), Александра-Вигунта, не оставившаго потомства, Кревская земля, въ качествѣ выморочнаго владѣнія, была присоединена къ великокняжескому удѣлу и позже вошла въ составъ Виленскаго воеводства ¹⁾.

Княжество Лидское (къ югу отъ Вильны, на рубежѣ Литвы съ Черной Русью) выдѣляется также при Гедиминѣ, въ началѣ XIV вѣка. Замокъ Лида съ сосѣдними волостями, въ качествѣ небольшого княжества, принадлежалъ къ владѣніямъ Ягеллы (ок. 1387 г.); чрезъ 4 года Лидскій удѣлъ перешелъ къ Дмитрію-Корыбуту (брату Ягеллы), а вскорѣ затѣмъ къ Витовту. Въ 1397 г. княжество Лидское поступило во владѣніе одного изъ татарскихъ выходцевъ въ качествѣ старосты и съ тѣхъ поръ числилось въ составѣ великокняжескихъ владѣній ²⁾.

Къ литовскимъ же владѣніямъ Гедиминовичей, кажется, принадлежала *Лошская* волость, съ главнымъ городомъ Лоскъ (близъ Крево).

В. Васильевскій, Очеркъ исторіи г. Вильно (Памятники Рус. Старины въ запад. губерніяхъ имперіи, вып. V и VI). *Baliński*, Staroż. Polska (2-е изд.), IV, 99. *Ею же*, Opisanie statyat. m. Wilna (1835). *Ею же*, Historia m. Wilna (1836—1837). *Ею же*, Dawna Akademia Wileńska (1862). Jan ze Sliwina (Kirkor), Przechadzki po Wilnie i jego okolicach (1857; втор. изд. 1859). *Ею же*, Przewodnik (1862). *Przyałgowski*, Zymoty biskopów Wileńskich (1860). W. K., Wilno (Encykl. Powaz., 1867, t. XXVII).

¹⁾ *Baliński*, Star. Pol., 2-е изд., IV, 179, 191. *Ею же*, Krewo (Журн. Niezapominajki, 1844.) *Sulimierski*, Słown. geogr., IV, 667. *Stadnicki*, Olgerd, 23, 177. *Latop. Даниловича*, 33.

²⁾ *Baliński*, IV, 206; *Sulimierski*, Słown. geogr., V, 215; *Stadnicki*, Bracia Wład., 45. *Smolka*, Kiejstut, 11; *Latop. Даниловича*, 30.

Въ XIV ст. волость эта составляла владѣніе князей Лошскихъ, удерживавшихъ владѣтельныя права до конца XV столѣтія ¹⁾. Изъ одной записи начала XVI столѣтія (1505 г.) видно, что Лоскъ раньше составлялъ удѣлъ одного изъ князей Гедиминовичей, именно бывшаго сѣверскаго князя Дмитрія-Корыбута Ольгердовича ²⁾.

Перечисленные княжества составляли родовыя владѣнія великихъ князей литовскихъ — Миндовга, Гедимина и другихъ собирателей Литовско-Русскаго государства. Эти-то центральныя земли Литвы, послужившія первымъ основаніемъ великаго княжества Литовскаго, находились въ непосредственномъ управленіи великихъ князей или же предоставлялись имъ въ удѣлъ ихъ сыновьямъ и братьямъ. Вообще же говоря, большинство князей династій Миндовга и Гедимина старались заручиться удѣльными владѣніями въ сосѣднихъ русскихъ земляхъ, ставшихъ входить съ Миндовга въ составъ слагавшагося государства. Такъ, племянники Миндовга — Эрденъ и Товтивиль, утвердились, подъ его руководствомъ, въ земляхъ Полоцкой и Витебской. Точно также при Гедиминѣ въ русскихъ областяхъ имѣли удѣлы: его братъ Воинъ и сыновья — Наримунтъ, Коріать, Ольгердъ, Любартъ и Кейстуть ³⁾.

Такимъ образомъ, собственно литовскія владѣнія князей-собирателей Литовско-Русскаго государства сложились постепенно въ XIII—XIV столѣтіи изъ волостей и общинъ, управлявшихся въ старое время своими мѣстными старшинами и вождями безъ всякихъ сколько нибудь прочныхъ связей и зависимости между собой. Съ XIII столѣтія волости центральной Литвы сводятся въ три отдѣльныя земли: Керновскую, Троцкую и Виленскую, въ значеніи родовыхъ „дѣльницъ“ и „отчинъ“ великихъ князей литовскихъ. Въ концѣ того же вѣка и началѣ слѣдующаго образуются двѣ новыя группы волостей Гедиминовичей, вошедшихъ послѣ въ составъ великокняжескихъ владѣній. Одна группа общинъ образовалась въ Кревской и сосѣдней съ ней Лошской волости, на рубежѣ Литвы съ Бѣлоруссіей (Минской землей),

¹⁾ *Sulimierski, Słown. geogr.*, V, 755. *Baliński, Staroż. Pol.*, 2-ое изд., IV, 188.

²⁾ Отъ 1505 г. сохранилась записка о правахъ пинскаго князя на владѣніе „отчиною“ Лоскъ, по браку его съ внучкою князя Корыбута Ольгердовича (новгородъ-сѣверскаго). Лоскъ былъ въ то время во владѣніи сестры жены князя пинскаго; по ея смерти Лоскъ долженъ былъ перейти по праву „близости“ къ женѣ князя пинскаго (А. З. Р., I, № 214).

³⁾ *В. Антоновичъ, Моногр.*, I, 25—26, 76.

другая—въ землѣ Лидской, на южной окраинѣ Литвы, прилегавшей къ Черной Руси.

Въ остальныхъ частяхъ территоріи собственной Литвы, за рубежомъ владѣній князей рода Гедимина, объединеніе и собраніе раздробленныхъ и независимыхъ одна отъ другой волостей и общинъ въ болѣе или менѣе обширныя земли и княжества было дѣломъ князей, не принадлежавшихъ къ роду Миндовга и Гедимина, — потомковъ мѣстныхъ волостныхъ вождей и старшинъ. Они сумѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ, съ правами удѣльныхъ князей, иногда довольно значительный составъ волостей и общинъ, бывшихъ съ своими удѣльными князьями въ общей зависимости отъ великихъ князей центральной Литвы, какъ верховныхъ „господарей“ возникавшаго государства. Нѣкоторые изъ такихъ литовскихъ вождей и старшинъ еще въ первой половинѣ XIII столѣтія стали выдѣляться въ качествѣ собирателей Литовской земли, дѣйствовавшихъ въ этомъ направленіи независимо отъ князей рода Миндовга (Мингайло, Скирмунтъ) ¹⁾. Такая дѣятельность мѣстныхъ литовскихъ вождей непременно предполагаетъ значительныя владѣнія ихъ на родинѣ, которыя могли бы давать князьямъ достаточныя силы и средства для территориальныхъ (хотя бы и временныхъ) приобрѣтеній въ сосѣднихъ русскихъ земляхъ.

По недостатку документальныхъ данныхъ, невозможно опредѣлить со всей точностью и подробностью территориальный составъ владѣній всѣхъ удѣльныхъ князей, второстепенныхъ собирателей Литовской земли, дѣйствовавшихъ въ этомъ направленіи параллельно съ великими князьями литовскими. Впрочемъ, и то, что извѣстно доселѣ по этому вопросу, даетъ возможность, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ намѣтить образованіе территоріи отдѣльныхъ литовскихъ земель, составлявшихъ въ теченіе XIII и XIV вѣковъ удѣльныя владѣнія разныхъ мѣстныхъ князей и затѣмъ постепенно примкнувшихъ къ центральнымъ владѣніямъ великихъ князей по праву выморочности—вслѣдствіе прекращенія рода мѣстныхъ князей, и пр.

Въ источникахъ сохранились извѣстія о территориальномъ составѣ лишь болѣе значительныхъ удѣльныхъ владѣній мѣстныхъ князей, не принадлежавшихъ къ Гедиминовичамъ ²⁾. Волость такихъ князей из-

¹⁾ В. Антоновичъ, Моногр., I, 23.

²⁾ По неяснымъ и обивчивымъ указаніямъ литовскихъ хроникъ, принятымъ на вѣру старыми польскими геральдиками (Шапроцкимъ, Околевскимъ, Несецкимъ

стари располагались въ Завилейскомъ краѣ (отъ р. Вилии до Западной Двины), отчасти также въ восточной половинѣ старой Литвы (Гольшаны и др.), между Троксской и Виленской землями съ одной стороны, Лидской и Кревской землями—съ другой.

Весь сѣверный край Литвы, отъ р. Вилии до Западной Двины, изстари извѣстенъ былъ подъ именемъ *Завилейской земли*. Здѣсь располагались съ XIII вѣка владѣнія разныхъ мѣстныхъ князей, не принадлежавшихъ къ Гедиминовичамъ, именно княжества: Биржанское, Утенское и Гедройское. Затѣмъ, мѣстнымъ князьямъ, не Гедиминовичамъ, принадлежали въ юговосточной половинѣ Литвы княжества: Свирское—къ сѣверу отъ Кревской земли до Полоцкихъ рубежей, и княжества Гольшанское и Трабское—къ западу отъ Кревской земли (въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею). Въ указанномъ порядкѣ мы и скажемъ о княжествахъ, принадлежавшихъ разнымъ мѣстнымъ литовскимъ князьямъ.

Княжество Биржанское занимало сѣверный уголъ Литвы, на рубежѣ со старой землей Жемгалы, съ конца XIII вѣка составлявшей владѣніе нѣмецкихъ крестоносцевъ. Къ Биржанскому княжеству тинулъ цѣлый рядъ литовскихъ волостей, заключающихъ въ себѣ столичный городъ Бирже, до 10-ти пригородовъ и значительный составъ сельскихъ поселеній. Всѣ эти волости разбивались на двѣ половины: сѣверную—съ главнымъ городомъ княжества, и южную (съ пригородами Дубинки и Мушники); волости послѣдней располагались по сѣвернымъ рубежамъ Керновской земли ¹⁾. При Гедиминѣ одинъ изъ князей Биржанскихъ (Лиздейко) получилъ, какъ гласитъ преданіе, наименованіе *Радзивилла* (по-литовски — „добрый думца“, или совѣтникъ князей), сдѣлавшееся затѣмъ родовой фамиліей князей Биржан-

и др.), всѣ эти князья принадлежатъ къ роду завилейскаго князя Ромуца, происходящаго отъ одного изъ погумиическихъ родоначальниковъ Донширунга (или Доршпрунга). Позднѣйшіе польскіе историки (Бартошевичъ и др.) полагаютъ, что всѣ эти князья происходятъ отъ мѣстныхъ старшинъ-сподвижниковъ Мядовга, Гедмина и др.

¹⁾ Въ XV и XVI столѣтіяхъ князьямъ Биржанскимъ-Радзивилламъ принадлежали также, кромѣ родовыхъ вотчинъ въ Литовской землѣ, обширныя владѣнія въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ: Олита—въ Троксской землѣ; Несвижъ, Клецкъ и Мирже—въ Новогородскомъ повѣтѣ; Гродекъ и другія поселенія въ Млинскомъ повѣтѣ; Говядзъ и Медели — въ сѣверной Подляхѣ, именно въ Бѣльскаго землѣ (см. *Niesiecki*, Herb., VIII, 44, 57, 61; *Baliński*, III, 459; IV, 167, 171, 368, 280, 504, 525, 528, 683 и др.).

ских¹⁾. При Ягеллѣ и Витовтѣ они еще удерживали вполне значеніе удѣльныхъ владѣтелей; лишь во второй половинѣ XV вѣка князья Биржанскіе-Радзивиллы стали входить въ разрядъ литовскихъ служилыхъ князей²⁾. Съ конца XIV столѣтія родъ князей Биржанскихъ раздѣлился на существующія доселѣ двѣ линіи: *Остиковъ* и *Присковъ*, которые до послѣдняго времени удержали за собой основныя владѣнія старыхъ князей Биржанскихъ³⁾.

Утенское (или Уцянское) княжество сложилось въ XIII вѣкѣ изъ Завилейскихъ волостей, сосѣднихъ съ Биржанскимъ княжествомъ. По лѣтописному преданію, главный городъ этого княжества — Утена (Утяна или Уцяна) основанъ еще въ XII вѣкѣ Утенесомъ, однимъ изъ старыхъ вождей Литвы Завилейской. Изъ пригородовъ упоминаются въ источникахъ: Девалтовъ, Сѣсики и др. Всѣ эти волости составляли удѣлъ мѣстныхъ князей Утенскихъ. Позже княжество Утенское перешло въ родъ сосѣднихъ князей Гедройскихъ. Княжество Утенское существовало въ качествѣ самостоятельной области до конца XIV вѣка, когда большая его часть вошла въ составъ коронныхъ владѣній великихъ князей литовскихъ⁴⁾. Во владѣніи потомковъ князей

¹⁾ Родословная князей Биржанскихъ-Радзивиллъ составлена въ прошломъ столѣтіи (см. *Icones familiae ducatis Radivilianae*, 1775). По литовскимъ преданіямъ, князья Биржанскіе происходятъ отъ одного изъ поенныхъ сподвижниковъ Гедимина. Польскіе геральдики (Шапроцкій, Несецкій и др.) указываютъ, главнымъ образомъ, на Наримунта, старшаго сына Завилейскаго князя Ромуна, какъ на родоначальника Радзивилловъ (*Дитомовичъ*, Предисл. къ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, стр. 9).

²⁾ Впрочемъ, Радзивиллы еще долго пользовались, если не *de jure*, то *de facto* положеніемъ владѣтельныхъ князей. Въ 1564 г. Кристофъ Радзивиллъ даетъ г. Бирже привилей на магдеб. право, подтвержденный затѣмъ королемъ (*Baliński*, *Star. Polaka*, IV, 369). Какъ выше замѣчено, Николай Радзивиллъ титуруется въ грамотѣ 1562 года „Божією милостію“ княземъ Олитскимъ (Холмск. Русь, 1825, стр. 115).

³⁾ Есть, впрочемъ, извѣстія, что нѣкоторыя волости Биржанскаго княжества (напримѣръ, пригородъ Дубинки) еще при Витовтѣ были причислены къ короннымъ владѣніямъ вел. князей литовскихъ. См. *Baliński*, IV, 171. О Радзивиллахъ см. *Archivum Sangusz.* I, стр. 114—116 и др.; III, 41, 85 и др. О Радзивиллахъ-Остиковыхъ—*ibidem*, I, 48, 60; III, 12. Ср. *Niesiecki*, *Herbarsz*, 2-е изд. 1839 г., VII, 140; VIII, 89. *Baliński*, *Star. Pol.*, 2-е изд., IV, 368. *Sulimierski*, *Słown. Geogr.*, I, 233. *E. Tyaskiewics*, *Birze, rzut oka na przeszłość miasta, zamku i ordynacyi* (1869). Ср. *Boniński*, *Poczet rodów*, 269.

⁴⁾ Въ числѣ лицъ, подписавшихъ привилей еврейск. 1388 г., упоминается державца Утенскій—князь Михайлъ Глинскій (*Zbiór pr. Lit.*, 109).

Утенскихъ оставались до позднѣйшаго времени старыя пригороды Девалтовъ и Сѣянки съ ихъ волостями. Владѣльцы ихъ образовали позже двѣ родовыя линіи служилыхъ литовскихъ князей: *Олсуцкихъ* и *Девалтовскихъ* ¹⁾.

Третья Завилейская область, непосредственно граничившая съ Керновской землей, составляла съ XIII столѣтія отдѣльную волость князей *Гедройскихъ*, какъ полагаютъ, принадлежавшихъ вмѣстѣ съ князьями Биржанскими и Утенскими къ одному роду старыхъ Завилейскихъ князей. Къ городу Гедройце (*Giedrejtis*), стольному центру княжества, тянули волости, располагавшіяся къ сѣверу (параллельно съ Утенскимъ княжествомъ) до Западной Двины и границъ Лифлянді (польск. *Inflant*). Позже, въ XIV столѣтіи, вслѣдствіе раздѣла княжества на меньшіе удѣлы, выдѣлялись линіи Гедройскихъ князей: *Гоитусовы*, съ ихъ особымъ удѣломъ *Goigtis*, и *Кульвельские*, съ удѣломъ—*Kulwa*. Князья Гедройскіе владѣли своими волостями на положеніи удѣльныхъ владѣтелей до начала XV вѣка. При Витовтѣ большая часть ихъ волостей была присоединена къ короннымъ владѣніямъ. За Гедройскими князьями остались только волости, составлявшія раніше удѣлы *Goigtis* и *Kulwa*, но безъ старыхъ владѣтельныхъ правъ. Часть отобранныхъ владѣній была, впрочемъ, возвращена Гедройскимъ великимъ княземъ Сигизмунтомъ Кейстутовичемъ (ок. 1440 г.), въ значеніи жалованныхъ вотчинъ (то-есть, подъ условіемъ земской службы, лежавшей на мѣстной шляхтѣ). Потомки старыхъ князей Гедройскихъ—Кульвечовыхъ еще въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія владѣли Кульвой, составлявшей нѣкогда одинъ изъ удѣловъ рода князей Гедройскихъ ²⁾.

Въ восточной половинѣ собственной Литвы мѣстнымъ князьямъ принадлежали княжества: Свирское, Гольшанское и Трабское.

Волости, составлявшія съ главнымъ городомъ Свиросъ въ XIII столѣтіи отдѣльное *Свирское княжество*, первоначально принадлежали къ удѣлу князей Биржанскихъ; отъ нихъ волости эти перешли затѣмъ

¹⁾ См. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 220—225. *Sulimierski*, *Słown geogr.*, X, 600. *Niesiecki*, *Herbarsz*, 2-е изд., III, 473; IV, 119; VIII, 370.

²⁾ *Niesiecki*, *Herbarsz*, 2-е изд., IV, 85, 119, 361. *Baliński*, *St. Pol.*, IV, 169. *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, II, 546. *Bartoszewicz*, *Kniaz i książę (Dziela Bartoszewicza, t. III, 368, 371)*. Отъ времени Витонта сохранилась грамота (безъ даты) о раздѣлѣ озера Исето между князьями Гедройскими и Виленскимъ епископомъ (А. З. Р., I, № 16). Ср. *Любавская Обл. дѣленіе (Чтенія съ общ. ист. и др. 1892, IV, 111)*. *Boniecki*, *Poczet. rodów*, 61.

къ одному изъ Утенскихъ князей (Довмонтъ), вмѣсто отнятаго у него Утенскаго княжества. Этотъ то Довмонтъ считается родоначальникомъ князей Свирскихъ. На старомъ удѣльномъ положеніи князя Свирскіе упоминаются еще въ XVI столѣтіи ¹⁾.

Княжество *Гольшанское* (или *Ольшанское*) образовалось, по литовскимъ преданіямъ, еще въ XIII столѣтіи изъ волостей, располагавшихся на западныхъ рубежахъ Кревской земли и принадлежавшихъ старымъ *Завилейскимъ* князьямъ ²⁾.

Первыя документальныя свѣдѣнія объ этомъ княжествѣ принадлежатъ послѣдней четверти XIV столѣтія. Въ это время княжество составляло особый удѣлъ, раздѣлявшійся на три отдѣльныя части: центръ удѣла составляло собственно *Гольшанское* княжество въ Литвѣ, съ стольнымъ городомъ *Гольшаны* (*Ольшаны*) на р. *Гольшанкѣ*, впадающей въ *Березину*, притокъ *Нѣмана*; затѣмъ къ тому же удѣлу принадлежали: *Глуская* волость въ *Минской* землѣ, съ городомъ *Глускомъ*, и въ *Волыцкомъ* *Полѣсѣ*, ниже *Пинска*, княжество *Дубровицкое*, съ главнымъ городомъ *Дубровицей* (или *Дубровной*). Князья, владѣвшіе этимъ сложнымъ удѣломъ, носили названіе князей *Ольгимунтовъ*, *Гольшанскихъ* и *Дубровицкихъ*. Первое названіе (*Ольгимунты*, *Ольгимунтовичи*)—несомнѣнно родовое; оно указываетъ на родоначальника князей этого рода. Остальныя названія произошли отъ наименованій двухъ основныхъ частей удѣла. Первый владѣтель *Гольшанскаго*

¹⁾ Въ 1508 г. Свирскій князь *Богданъ*, очевидно, пользовавшійся еще владѣтельными правами, далъ, между прочимъ, мѣстной церкви жалованную грамоту на десятину. Родъ служилыхъ князей Свирскихъ прекратился въ концѣ XVII столѣтія (*Niesiecki*, VIII, 579; *Baliński*, IV, 197; *Sulimierski*, Słown. geogr., XI, 713). *Boniński*, Roczet rodów, 339—342.

²⁾ *Другошъ*, *Стрыйковскій* и старыя польскіе геральдики, руководясь теми же преданіями литовскими, выводятъ князей *Гольшанскихъ* отъ одного рода съ князьями *Биржанскими*, *Утенскими* и *Гедройскими*,—рода *завилейскаго* князя *Рокунда*. Полагаютъ, что *Гольша*, одинъ изъ его сыновей, получилъ въ концѣ XIII столѣтія отъ великаго князя *Наримунта* *Гольшаны* въ удѣлъ и сдѣлался родоначальникомъ князей *Гольшанскихъ*. Родъ послѣднихъ выводитъ также отъ литовскаго князя *Трабуса* (*Sulimierski*, Słown. geogr., III, 102; *Baliński*, Star. Pol., IV, 181) Позднѣйшіе исследователи полагаютъ вообще, что *Гольшанскіе* не принадлежатъ къ *Ягеллонамъ*, а происходятъ отъ какого либо мѣстнаго литовскаго князя до *Ягеллоновъ* или отъ одного изъ сподвижниковъ *Гедимина* (*Bartoszewicz*, Dzieła, 871; *Антоновичъ*, Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, 9). *Стадниціи* и другіе новѣйшіе историки считаютъ исторически достовернымъ родоначальникомъ *Гольшанскихъ*—князя *Ивана Ольгимунтовича*, упоминающагося въ актахъ второй половины XIV столѣтія (*Stadnicki*, Olgerd, 168; *Wolf*, Röd Gedim., 49 и пр.).

удѣла упоминается въ актахъ послѣдней четверти XIV столѣтія подъ именемъ князя Ивана, сына Ольгимунта Гольшанскаго (Iwan de Galscha, Iwan Sohn Awmunt,—Иванъ Ольгимунтовичъ¹⁾). Какимъ путемъ Ольгимунтъ Гольшанскій приобрѣлъ удѣлъ, путемъ-ли пожалованія отъ великихъ князей литовскихъ, или же по праву „близкости“ отъ своихъ предшественниковъ,—объ этомъ нѣтъ никакихъ документальныхъ, достовѣрныхъ свѣдѣній. Несомнѣнно одно: княжество Гольшанское существовало уже въ половинѣ XIV столѣтія (если только не раньше), когда, по всѣмъ видимостямъ, жилъ князь Ольгимунтъ. Его-то и слѣдуетъ считать родоначальникомъ князей Ольгимунтовъ-Гольшанскихъ и ихъ отрасли—князей Дубровицкихъ, жившихъ въ Волынскомъ Полѣсьѣ. Первый князь, упоминающійся въ актахъ подъ именемъ Ивана Ольгимунтовича Гольшанскаго, по своимъ владѣтельнымъ правамъ, ничѣмъ не отличается отъ удѣльныхъ князей Гедиминовичей. Наравнѣ съ послѣдними, онъ участвуетъ въ дипломатическихъ договорахъ великихъ князей съ пѣмцами, скрѣпляетъ ихъ своей подписью; подобно всѣмъ литовскимъ князьямъ, онъ даетъ присягу вѣрности (omagium) королю Владиславу-Ягеллѣ, обязуется „не отлучаться отъ короны польской со всѣми имѣніями, съ городами, съ мѣстами и съ землями“, даетъ въ качествѣ удѣльнаго князя жалованныя грамоты на земли монастырямъ (Кіево-Печерской Лаврѣ); послѣ Скиргайлы ему вѣряется управленіе Кіевскимъ удѣломъ чуть ли не на правахъ удѣльнаго князя; наконецъ, онъ родится съ Ягеллонами: его дочь выходитъ замужъ за Витовта. Положеніе преемниковъ князя Ивана Ольгимунтовича не измѣняется. Еще въ концѣ XV столѣтія они титулуются въ издаваемыхъ ими актахъ князьями „Божіею милостію“, вполне самостоятельно распоряжаются своимъ удѣломъ, имѣютъ своихъ бояръ-думцевъ²⁾ и т. д. Значеніе самостоятельнаго удѣла, подчинявшагося верховному главенству великихъ князей Литовскихъ, княжество Гольшанское утрачиваетъ не раньше начала XVI столѣтія, хотя и позже князья Гольшанскіе долго еще выдѣлялись во многомъ изъ состава второстепенныхъ слу-

¹⁾ А. З. Р., I, №№ 18. Skarbiec, № 694, 695. *Dogiel*, Cod. dipl., IV, 360.

²⁾ Arch. Sangusz. I, стр. 82. Въ актахъ нерѣдко бояре князей Гольшанскихъ стоятъ рядомъ съ боярами великихъ князей Гедиминовичей. Напримѣръ, въ одномъ актѣ 1491 г. перечисляются бояре: „бояринъ королеа Иваншко Реничъ, а бояринъ князя Александрова Юрьевича (Гольшанскаго) Юшко Гладкій“ и пр. (См. Arch. Sangusz., I, стр. 98).

жмных князей, участвовали въ господарской радѣ, были каштелянами (напримѣръ, Вильны), маршалками, намѣстниками и т. д. ¹⁾.

По сосѣдству съ Гольшанскимъ княжествомъ (къ сѣверу отъ него) располагались владѣнія (съ главнымъ городомъ Трабы, на р. Клевѣ) старыхъ князей *Трабскихъ*, повидимому одного корня съ князьями Гольшанскими. Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій, за прекращеніемъ мужской линіи князей Трабскихъ, ихъ владѣнія перешли по праву „близкости“ къ панамъ Гаштольдамъ ²⁾.

Кромѣ крупныхъ удѣловъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ родамъ литовскихъ князей, въ Литвѣ существовалъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ еще цѣлый рядъ мелкихъ волостей-княжествъ, разбросанныхъ въ различныхъ частяхъ литовской территоріи.

Въ XIII столѣтіи, по литовскимъ лѣтописямъ, самостоятельныхъ князей имѣли многія земли и волости, не принадлежавшія къ крупнымъ княжескимъ удѣламъ: земля *Заналешанская*, *Ошмяна* ³⁾, *Эйшишки* ⁴⁾, *Гравжишки* и пр. Къ современникамъ Мендовга, перваго собирателя Литовско-Русскаго государства, лѣтописи относятъ цѣлый рядъ мѣстныхъ литовскихъ князей; таковы: Довмонтъ, князь Нальщанскій, Мингайло, Скирмунтъ, Лугвеній, Рушковичи и др.

¹⁾ О князьяхъ Гольшанскихъ см.: *K. Stadnicki*, *Olgerd*, 168. *Юю же: Bra cia Wlad. Jagielly*, 193, 195. *Bartoszewicz*, *Dziela*. 371. *Wolff*, *Ród Gedim.*, 30 49, 57. *B. Антоновичъ* (Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, стр. 9). *Baliński*, *Staroz. Pol.*, 2-е изд., IV, 181. *Sulimierski*, *Slown. geogr.*, III, 102. *Niesiecki*, *Herbarz*, IV 360. *Dlugosz*, IV, 202. П. С. Л. II, 352; VI, 233. А. З. Р., I, №№ 18, 72, 202, 203, 212; примѣч. № 15; II, №№ 14, 44; *Skarbiéc*, №№ 694, 695, 1768. *Dogiel*, *Cod. dipl.*, IV, 133. *Archiv. Sangusz.*, I, стр. 79, 82, 89 и др.; III, 10, 39, 84, 105 и др.; IV, 47, 97 и др. *Prochaska*, *Cod. epist. Vit.*, № 234.

²⁾ Князей Трабскихъ, какъ и Гольшанскихъ, выводятъ отъ древняго литовскаго вождя Трабуса (*Baliński*, III, 183. *Bonieski*, 381. *Любавскій*, въ *Чтеніяхъ*, 1892, IV, 115).

³⁾ Въ XIII столѣтіи Ошмяна составляла отдѣльную волость самостоятельныхъ князей, родоначальниковъ позднѣйшей шляхетской фамиліи *Гаштольдовъ*. Последніе при Гедиминѣ еще продолжали владѣть „околицей Ошмянской“, въ значеніи простой вотчины; владѣльцы ея уже въ началѣ XIV столѣтіи занимали должности великокняжескихъ намѣстниковъ, старостъ и пр. (*Niesiecki*, *Herb.*, IV, 79; *Sulimierski*, *Slown.*, VII, 757. Ср. *Arch. Sangusz.*, I, 39, 67, 78, 124; III, 109, 241 и др.).

⁴⁾ По литовскимъ лѣтописямъ, кн. Эрдивилъ пожаловалъ, въ 1065 г., одному изъ своихъ вождей Эйшису (*Ejzsius*, *Eiksis* или *Ejza*) волость, гдѣ онъ устроилъ замокъ Эйшишки. Въ Эйшишкахъ, при Мендовгѣ, сидѣли удѣльные князья-родоначальники шляхетскаго рода *Довойновъ* (*Антоновичъ*, *Моногр.*, I, 16; *Niesiecki*, III, 394; *Sulimierski*, *Slown.*, II, 319).

Точно также послѣ Мендовга (съ 1263 г.) въ лѣтописяхъ упоминаются независимые литовскіе князья: Готорть, Люмбей, Люгайло, Буркявидь. Гильгинъ, Трабусъ и др. Всѣ эти мелкіе волостные старшины и вожди литовскіе, при новой династїи (Витена и Гедимины), утрачиваютъ былую самостоятельность; потомки ихъ образовали въ XIV и XV столѣтіяхъ главный контингентъ литовской шляхты, безъ всякихъ притязаній на наследственное званіе князей ¹⁾.

Въ источникахъ XIV и XV столѣтій встрѣчаемъ также указанія на цѣлый рядъ литовскихъ князей, не принадлежавшихъ къ прямымъ потомкамъ Гедиминовичей. Повидимому, всѣ такіе князья были мелкими удѣльными владѣльцами. Источники не даютъ точныхъ указаній ни касательно ихъ происхожденія, ни ихъ удѣловъ. Къ такимъ князьямъ литовскимъ въ XIV столѣтіи относились ²⁾: князь Юрій Витовтовичъ ³⁾, Свердейке (Swerdeyke) ⁴⁾, Остей ⁵⁾, Ковать ⁶⁾ и Айкаша ⁷⁾. Въ XV столѣтіи также были литовскіе князья, не принадлежавшіе къ Гедиминовичамъ: Иванъ Швешлай (Szwezlaj) ⁸⁾, Судемундъ—Fürst von Vesiskem ⁹⁾, Ямунтовичи ¹⁰⁾, Киндиры (Киндировичи) ¹¹⁾ и Довговдъ (Довголдъ) ¹²⁾. Между мало извѣстными князьями выдѣляется въ особенности послѣдній. Его удѣлъ не указывается въ источникахъ, но, по всѣмъ видимостямъ, онъ владѣлъ какимъ-то удѣ-

¹⁾ В. Аямоновичъ, Моногр., I, 16; *Latowiewics*, Образ Litwy, I, 88, 41.

²⁾ Данные касательно князей не-Гедиминова рода, собраны *Вольфомъ*, см. *Ród Gedim.*, 49—50.

³⁾ Упоминается въ русск. лѣтописяхъ, какъ начальникъ отряда Ольгерда подъ Псковомъ въ 1342 г. См. П. С. Л., IV, 56, 186; V, 12, 14, 223; VII, 208.

⁴⁾ Участвовалъ въ походѣ Кейстута и Ольгерда въ землю Нѣмецк. Ордена въ 1376 г.; Свердейке былъ такимъ же самостоятельнымъ вождемъ своего отряда, какъ и Ольгердъ и Кейстутъ. См. *Skarbiec*, № 457.

⁵⁾ Лѣтопись именуетъ его ошибочно внукомъ Ольгерда; умеръ въ 1382 г. См. П. С. Л., IV, 87; *Wolff*, 27, 49.

⁶⁾ Убитъ въ 1385 г. См. *Kotzebue*, *Switrigail*, 19.

⁷⁾ Въ 1349 г. было отправлено Ольгердомъ посольство къ татарамъ; въ числѣ литовск. князей, участвовавшихъ въ посольствѣ, упомина. Айкаша. См. *Wolff*, 20.

⁸⁾ Подписалъ трактатъ 1422 г.; см. *Dogiel*, *Cod. dipl.*, IV, 115. *Skarbiec*, № 1859.

⁹⁾ Лѣтопись называетъ его швагеромъ Витовта. См. *Lindenblatt*, 54; *Prochaska*, *Cod.*, стр. 1029.

¹⁰⁾ Ямунтовичи—родовое названіе князей Клецкихъ и Подберезжскихъ, имѣвшихъ удѣлы въ Черной Руси. См. ниже.

¹¹⁾ Князья Киндиры, повидимому, относились къ удѣльнымъ смоленскимъ князьямъ. См. ниже.

¹²⁾ *Wolff*, *Ród Gedim.*, 49.

ломъ. Это видно, между прочимъ, изъ присяжнаго листа князя Юрія Довговда 1401 г., въ которомъ ояъ удостовѣряеть, что по смерти великаго князя Витовта не будетъ искать „иного господаря, нижь короля полскаго Володислава, и коруны полскаго не отступати“ ¹⁾. Подобный же „omagium“ дали въ томъ же году и другіе литовскіе князья: Стародубскій, Гольшанскій и Заславскій, несомнѣнно владѣвшіе удѣлами ²⁾. Въ послѣдующее время источники говорятъ о князѣ Глѣбѣ Довгодовичѣ (сынѣ перваго князя), какъ именно объ удѣльномъ князѣ, который даетъ жалованныя грамоты на земли ³⁾, участвуетъ въ господарской радѣ, подписываетъ трактаты съ нѣмцами ⁴⁾ и привилеи великихъ князей ⁵⁾.

Изъ сдѣланнаго нами обзора удѣльныхъ владѣній въ собственной Литвѣ видно, что литовскія княжества въ большинствѣ утрачиваютъ независимость къ концу XIV вѣка. Княжества: Лошское, Биржанское,

¹⁾ А. З. Р., I, № 20.

²⁾ Ibid., №№ 17—19.

³⁾ *Круповичъ*, Собр. грамотъ, стр. 20.

⁴⁾ *Dogiel*, Cod. dipl., IV, 138.

⁵⁾ Собр. древ. грам. и акт. г. Вильны, I, стр. 9. Skarb., № 1768. *Stadnicki*, (*Synowe Gedum.*, 2-е изд., I, 198) отождествляетъ князя Довговда съ Довгирдомъ, поадѣйшимъ воеводой виленскимъ, а Рыкачевскій (*Inventarium*, стр. 377) считаетъ его сыномъ Лугвенія Ольгердовича. Съ большою основательностью рѣшаетъ вопросъ Вольфъ. Не имѣя документальныхъ основаній считать князя Довговда сыномъ Кейстута или Ольгерда, *Вольфъ* доказываетъ, что Довговдъ былъ во всякомъ случаѣ княземъ: „należał do rzędu tych kniaziów szysto Litewskiego pochodzenia, którzy albo pozostawali w pewnym stosunku pokrewieństwa z rodem Gedumina, albo byli potomkami poprzedniej dynastyi“ (*Ród Gedimina*, 49). Замѣтимъ, что, кромѣ перечисленныхъ князей, происхождение которыхъ доселѣ мало выяснено, въ вновь изданныхъ актахъ встрѣчаемъ указанія на цѣлые ряды литовскихъ князей стараго времени, безъ точнаго обозначенія ихъ происхожденія и принадлежавшихъ имъ удѣловъ. Для примѣра укажемъ на присяжную запись 1388 г. князей и бояръ—рады новгородсѣверскаго князя Дмитрія-Корыбута. Послѣдними изъ такихъ князей, зависѣвшими отъ сѣверскаго „господаря“, упоминаются удѣльные князья Григорій и Иванъ Несвижскіе (Несвижъ — одинъ изъ городовъ Черной Руси; см. объ этихъ князьяхъ ниже). Нужно полагать, что и другіе князья, участвовавшіе въ радѣ Дмитрія-Корыбута и имѣвшіе, какъ видно изъ записи 1388 г., „свои земли и города, з бояры и с людьми“, принадлежали, подобно князьямъ несвижскимъ, къ мелкимъ удѣльнымъ владѣтелямъ. Таковы князья: *Русанъ Плаксичъ*, *Федоръ Евланковичъ* и *Хвороща съ братомъ Иваномъ* (*Arch. Sangusz.*, I, стр. 8; см. также А.Ю.З.Р., I, № 2). Князь *Иванъ Евланковичъ* упоминается въ числѣ литовскихъ князей, павшихъ въ битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ въ 1399 г. (См. *Wolff*, *Ród Gedim.*, 36).

Свирское и Трабское, а также удѣлы князей Довговдовичей и другихъ мелкихъ удѣльныхъ владѣльцевъ, утрачиваютъ удѣльный характеръ къ концу XV столѣтія. Къ началу XVI вѣка удерживаетъ за собой самостоятельность, но всему видно, лишь одно княжество льшанское, сдѣлавшееся простой провинціей въ первой половинѣ XVI столѣтія. Въ концѣ концовъ вся территорія собственной Литвы стягивается къ двумъ главнымъ центрамъ: Трокамъ и Вильнѣ. Къ началу XV вѣка Литва раздѣляется на двѣ почти равныя части—княжества Виленское и Трокское. По опредѣленію Городельскаго сейма 1413 г. обѣ эти половины Литовской земли составили воеводства Виленское и Трокское. Въ такомъ территоріальномъ составѣ Литовская земля существовала вплоть до конца прошлаго вѣка (до 1795 г.), времени присоединенія къ Россіи литовскихъ областей бывшей Речи Посполитой ¹⁾).

Другая литовская область, вошедшая въ составъ Литовско-Русскаго государства, была *Жмудская земля*. Первыя начала объединенія независимыхъ волостей-общинъ, изъ какихъ изстари слагалась эта литовская область, принадлежатъ и времени Миндовга. По указаніямъ источниковъ, онъ является (около 1241 г.) не только общинъ вождемъ, но и „паномъ и королемъ“ Литвы и Жмуди ²⁾. По смерти Миндовга (1263 г.) большею частью Жмуди завладѣлъ одинъ изъ мѣстныхъ князей—Путиверь, владѣлецъ Эйрагольской волости, какъ полагаютъ, родоначальникъ новой династіи великихъ князей литовскихъ (съ Витена) ³⁾. Въ XIV ст. Жмудь составляла удѣлъ Кейстута Гедиминовича ⁴⁾, а затѣмъ Витовта. Кромѣ удѣльныхъ князей, управлявшихъ всей Жмудской землей, литовскія лѣтописи упоминаютъ (особенн при Миндовгѣ и послѣ него) о мѣстныхъ „князьяхъ“, сидѣвшихъ въ отдѣльныхъ волостяхъ въ качествѣ ихъ старшинъ и управлявшихъ ими чуть ли не на такомъ же положеніи, какъ въ собственной Литвѣ мелкіе удѣльные князья. Значеніе такихъ волостныхъ старшинъ пало

¹⁾ *Baliński, Staroż. Polska*, 2-е изд., т. IV, 239—240.

²⁾ Последнею управлѣнъ при Миндовгѣ князь Тройнатъ, въ качествѣ его наместника (*Baliński i Lipiński*, IV, 390).

³⁾ Въ литовскихъ хроникахъ Путиверь называется также Путуверь, Лютуверь, Лютуверь. Ср. Хрон. Быховца, 13. *Wolff, Ród Gedim.*, 6.

⁴⁾ Кейстутъ получилъ княжество Трокское; по хроникѣ Нарбута (стр. 17), Ольгердъ прибавилъ послѣ къ Кейстутовымъ владѣніямъ также Жмудь, что Стадницкій признаетъ достовернымъ. См. *Stadnicki, Olgerd*, 11, 23. Сл. *Петровъ*, Вѣлоруссія, стр. 69: авторъ, повидимому, полагаетъ, что Кейстутъ получилъ Жмудь во владѣніе еще при раздѣлѣ Гедиминовскаго наслѣдія между его сыновьями.

въ эпоху зависимости Жмуди отъ Нѣмецкаго Ордена, особенно же со времени окончательнаго присоединенія Жмуди къ Литовско-Русскому государству (1411 г.)¹⁾. Исторія этой области показываетъ, что населеніе ея, привыкшее къ областной старинѣ, энергически отстаивало свою политическую независимость отъ великихъ князей литовскихъ. Мало того: сосѣдній нѣмецкій Орденъ долго не оставлялъ притязаній на обладаніе Жмудью; она нѣсколько разъ переходила во владѣніе нѣмцевъ. Такимъ образомъ, тотъ же Миндовгъ, такъ заботившійся о территориальномъ объединеніи литовскихъ областей, силой обстоятельствъ вынужденъ былъ (въ 1259 г.) уступить Жмудь Нѣмецкому Ордену; вскорѣ, впрочемъ, она опять прикнула къ Литвѣ²⁾. Точно также при Витовтѣ (въ 1398 г.) западная часть Жмуди была занята нѣмцами и, хотя вскорѣ (въ 1401 г.) Литва восстановила свое обладаніе Жмудью, но черезъ три года вся эта область была снова уступлена Ордену. Лишь со времени Торунскаго трактата 1411 г. Жмудь окончательно вошла въ составъ Литовскаго государства, въ качествѣ его провинціи, подчиненной великимъ князьямъ литовскимъ. Съ этихъ поръ Жмудь составляла „княжество“, бывшее въ управленіи особаго мѣстнаго старосты (съ 1413 г.) на правахъ воеводъ другихъ литовскихъ провинцій³⁾; тивуны (или войты) управляли отдѣльными волостями (въ числѣ 28), изъ какихъ изстари состояла Жмудьская земля⁴⁾.

¹⁾ *Нювайтскій*, Исторія Россіи, II, 211. *Дашкевичъ*, Борьба культуръ (*Кіевск. Унив. Изв.*, 1884, окт. 293). *Петровъ*, Бѣлоруссія, 105.

²⁾ См. *Расульскі*, Cod. dipl. Lit., 15.

³⁾ О жмудьскихъ старостахъ см. *Zbiór praw Lit.*, 72, 73, 91; *Arch. Sangusz.*, III, стр. 43, 50; IV, 44, 323 и др. Ср. Уставы Жмудск. земли—въ А. З. Р., I, 103; III, 59; *Zbiór praw Lit.*, 67, 131; *Skarbiec Daniłowicza*, II, стр. 295.

⁴⁾ Полный составъ жмудьскихъ волостей приведенъ у *Балинскаю* (Starożyt. Pol., IV, 405). Какъ видно изъ источниковъ, составъ жмудьскихъ волостей не всегда былъ одинаковъ; волости то раздѣлялись, то соединялись. Въ концѣ XIV вѣка существовали двѣ волости: Колтыниши и Кнетовъ; позже онѣ вошли въ составъ сосѣднихъ волостей (*Baliński*, IV, 392). Въ уставѣ 1529 г. объ управленіи жмудьскими волостями упоминаются волости: Скіорстемень и Юрбарогъ (Юрборезъ), которыя позже слились съ волостью Вѣлоны. Другая волость—Дырваны, разбилась послѣ на двѣ новыя волости: большой и малый Дырваны (*Zbiór praw Lit.*, 131; ср. *Baliński*, IV, 405). Какъ видно изъ упомянутого выше устава 1529 г., большинство жмудьскихъ волостей (18) составляло „królewsczuznu“, взятая „w moc i w rodanie“ великихъ князей литовскихъ и приписанныя къ господарскимъ экономіямъ. Остальныя волости (до 10-ти) управлялись на общемъ положеніи литовско-русскихъ повѣтовъ или же состояли въ частномъ владѣніи, какъ, напримѣръ, Россіене или Кроже (*Baliński*, IV, 413, 433).

Волости эти позже получили общее названіе повѣтовъ и въ административномъ отношеніи дѣлились на двѣ части. или герартусе (Росіенскую и Тельшевскую, въ XVIII вѣкѣ перенесенную въ Шавли). Кроме того, до позднѣйшаго времени удерживалось изстаринное дѣленіе Жмуди на такъ называемые тракты (Запуцанскій, Лауданскій, Датновскій и пр.). Какъ полагаютъ, послѣднее дѣленіе беретъ свое начало еще въ тѣ времена, когда въ этой лѣсной странѣ колонизація шла исключительно по „путямъ“, главнѣйшимъ пунктамъ, соединявшимъ между собой отдѣльныя волости и общины¹⁾.

Послѣдняя литовская область—*Подлягія*, вошедшая въ составъ Литовско-Русскаго государства, занимала территорію бывшей *Ятвяжской земли*²⁾. Въ древнее время ятвяги, составлявшіе отдѣльную отрасль Литовскаго племени, занимали территорію къ югу отъ собственной Литвы, по лѣвымъ притокамъ Нѣмана-Молчади, Шарѣ, Зельвѣ, Роси и Свислочи, затѣмъ страну между Западнымъ Бугомъ и Припетью, почти до самаго волинскаго рубежа³⁾. Съ древнихъ временъ въ землѣ ятвяговъ стала развиваться русская колонизація, сначала со стороны дреговичей, затѣмъ дулѣбовъ-воляннѣ. Со временъ кievскаго князя Владиміра начинается борьба русскихъ съ ятвягами; въ началѣ XI вѣка ихъ страна входила уже въ составъ кievскихъ волостей. Съ половины XII столѣтія Ятвяжская земля подчиняется волинскимъ князьямъ, и съ этихъ поръ особенно усиливается въ этой странѣ русская колонизація и раздвигаются владѣнія русскихъ князей. Борьба съ ятвягами принимаетъ рѣшительный характеръ въ особенности при Романѣ и Даніилѣ, галицко-волинскихъ князьяхъ. Подъ ударами волинскихъ князей ятвяги постепенно отступаютъ въ глубь страны на сѣверо-западъ, за Наревъ, Лыковъ и далѣе за Бобръ, въ болота и дебри прусскія. Послѣ разгрома Ятвяжской земли при Даніилѣ (въ 1248, 1253 и 1256 гг.), окончательно загнавшаго ятвяговъ въ глубину за-Бобрянскихъ и за-Наревскихъ болотъ и лѣсовъ, ятвяги подчинились вскорѣ литовскому князю Тройдену (при Миндовгѣ); съ этихъ поръ за-Наревскія поселенія ятвяговъ вошли въ общій составъ литовскихъ волостей⁴⁾. На старыхъ сельби-

¹⁾ *Baliński, Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 390—405; *St. Stecki, Opis dysecezyi Żmudzkiej* (1890). *Ludwik z Pokiewia* (A. J. Luczewicz), *Spomnienia Żmudzki* (1842).

²⁾ См. *A. Sidgren, Ueber die Wohnsitze u. die Verhältnisse d. Iatvāgen* (1858). Заняски о западной части Гродненск. губ. Ятвяги (*Этногр. Сборн.*, 1858, выи. 3).

³⁾ *Андриашевъ*, Очерки исторіи Волинск. земли, 39.

⁴⁾ *Андриашевъ*, Очерки, 41—42, 180—181. *Философъ*, Борьба Польши и Литвы-Руси, 191.

ицахъ осталась лишь незначительная часть ятвяговъ, подчинившихся волинскимъ князьямъ еще раньше разгрома при Данилѣ сѣверныхъ ятвяжскихъ поселеній и подчиненія ихъ Литвѣ. Въ эпоху зависимости отъ Волыни, съ половины XII столѣтія, бывшая Ятвяжская земля становится извѣстной подъ общимъ именемъ *Берестейской земли*, также *Подляшійа*, или *Подляхін*, *Подльсья*, тянувшася узкой полосой, съ юга на сѣверъ, отъ границъ Волыни до Нарева и Бобра. Подляхія слагалась изъ собственно Берестейской земли (Берестья), затѣмъ земель Дрогичской, Мельницкой и Бѣльской; западную окраину Подляхін составляла такъ называемая Украина (Украиница—полоса по лѣвому берегу Буга и между Бугомъ и Наревомъ), съ городами: Воишь, Нуръ и Визна. Къ собственно Берестейскимъ городамъ принадлежали: Берестье, Дрогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, Каменецъ (на Лоснѣ), Кобринъ и др. ¹⁾. Въ такомъ составѣ Подляхія въ первой четверти XIV столѣтія (около 1316 г.) вошла при Гедиминѣ въ составъ Литовскаго государства, въ значеніи особаго удѣльнаго владѣнія (Кейстута) ²⁾. Подляхія оставалась на удѣльномъ положеніи до половины XV столѣтія (до 1445 г.), когда она (кромѣ Кобринской волости) была присоединена къ непосредственнымъ владѣніямъ великихъ князей литовскихъ ³⁾.

Близкое сосѣдство Подляхін съ Польшей, естественно, должно было повести къ столкновеніямъ Литвы съ Польшей изъ-за обладанія этой страной, а затѣмъ и къ раннему развитію колонизаціи краи, выстѣ съ распространеніемъ въ немъ польскаго права. Притязанія Польши на обладаніе Берестьемъ заявляются еще при волинскихъ князьяхъ. Въ 30-хъ годахъ XIII столѣтія Дрогичская земля была

¹⁾ *Петровъ*, Бѣлоруссія, 39—44. *Андріашевъ*, Очерки, 46, 95—99. Ср. *П. Боброевская* Брестъ-Литов. (*Вѣстн. Юго-Зап. Росс.*, 1867, кн. XI). О Берестѣ см. *Baliński*, IV, 584; *Slown. geogr.*, I, 399. О Дрогичинѣ—*Baliński*, III, 404; *Slown.*, II, 149. О Мельникѣ—*Baliński*, III, 425; *Slown.*, VI, 346; о Бѣльскѣ—*Baliński*, III, 437; *Slown.*, I, 214.

²⁾ *Андріашевъ*, Очерки, 46, 95, 201.

³⁾ По словамъ Нарушевича (*Hist.*, IV, 318), новѣты Дрогичскій, Брестскій, Бѣльскій, Каменецкій, Мельницкій и Кобринскій составляли со временъ Сигизмунда I (съ 1513—1520 г.) отдѣльное воеводство. Воеводы, впрочемъ, встрѣчались въ отдѣльныхъ земляхъ Подляхін и раньше. Въ 1430 г. Дрогичская земля, принадлежавшая къ бывшему удѣлу Витовта, управлялась воеводой въ качествѣ княжескаго намѣстника (*Skarbiec*, №№ 1427, 1491; *Prochaska*, Cod. epist. Vit., №№ 1364, 1663). Въ 1432 г. упоминается воевода Бѣльскій (*Skarbiec*, № 1639).

захвачена мазовецкимъ княземъ и возвращена Польши только при Данилѣ ¹⁾). Польскія притязанія на обладаніе Подляхіей возобновляются вскорѣ послѣ присоединенія этой области къ Литвѣ и прекратились лишь со времени договора литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казиміромъ 1366 г., когда Подляхія была окончательно признана литовской областью ²⁾). Тѣмъ не менѣе это не препятствовало развитію въ Подляхін польской колонизаціи, которая особенно усиливается съ конца XIV вѣка. Въ 1390 г. западная часть Подляшскихъ земель (Дрогичинь, Мельникъ, Суражъ и Бѣльскъ), отошедшихъ въ распоряженіе короля Владислава-Ягеллы послѣ бѣгства къ рыцарямъ бывшаго владѣтеля Подляхін—Витовта, была отдана королемъ мазовецкому князю Янушу, имѣвшему въ качествѣ зятя Кейстута притязаніе на бывший его удѣлъ въ Подляхін и въ 1382 г. пытавшемуся (неудачно, впрочемъ) овладѣть имъ вооруженной силой ³⁾). Обстоятельство это, естественно, должно было повлечь за собой усиленную колонизацію всей западной Подляхін. Въ Бѣльскомъ округѣ къ началу XVI вѣка, польское населеніе, если не преобладало, то нисколько не уступало русскому. Въ уставѣ великаго князя Александра, данномъ въ 1501 г. Бѣльскому повѣту, всѣ главныя положенія, въ особенности касательно земельного устройства, основаны преимущественно на началахъ польскаго права ⁴⁾). Вслѣдъ за возвращеніемъ (въ 1443 г.) Дрогичской земли изъ-подъ власти мазовецкихъ князей, въ ней вводится Казиміромъ польское право, что было затѣмъ подтверждено Александромъ и Сигизмундомъ ⁵⁾). Къ началу XVI столѣтія населеніе Подляхін, какъ полагаютъ, уже на половину состояло изъ поляковъ ⁶⁾). Колонизацію этого края окончательно довершила Люблинская унія 1569 г., въ числѣ условій которой было оговорено, между прочимъ,

¹⁾ Последній вскорѣ затѣмъ, какъ извѣстно, короновался въ Дрогичинѣ. См. *И. Филевича, Борьба Польши и Литвы-Руси, 191.*

²⁾ По договору 1366 года „король не будетъ имѣть никакого притязанія на замки Кейстута: Берестье, Каменецъ, Мельникъ и Бѣльскъ; за вел. княземъ Ольгердомъ остается Кобринъ“ (*Skarb.*, № 432).

³⁾ *Длугошъ, Hist. L.*, X, p. 64. *Baliński, Staroż.*, Polska, 2-е изд., III, 406. Вскорѣ послѣ того, какъ Витовтъ сдѣлался великимъ княземъ, Янушъ отступилъ отъ Бѣльска; Дрогичская же земля была выкуплена у мазовецкихъ князей лишь Казиміромъ въ 1443 г. (*Длугошъ, Hist.*, X, 38. *Baliński*, III, 406, 436).

⁴⁾ А. З. Р., I, № 189. Привилей 1501 г. подтвержденъ съ нѣкоторыми измѣненіями Сигизмундомъ-Августомъ въ 1547 г. (*Vol. leg.*, I, 287).

⁵⁾ *Zbior pr. Lit.*, 118—121. *Vol. leg.*, I, 287.

⁶⁾ *Ясинскій, Уставн. земск. грамоты, 71.*

присоединеніе къ Польшѣ земель Дрогичской, Мельницкой и Бѣль-ской ¹⁾). Въ составѣ великаго княжества Литовскаго осталась лишь Берестейская земля, образовавшая послѣ Люблинской уніи отдѣльное воеводство, вмѣстѣ съ сосѣднимъ русскимъ Полѣсьемъ, то-есть, бывшими княжествами Пинскимъ и Туровскимъ ²⁾).

Что касается удѣльнаго строя Подляхіи со времени присоединенія ея къ Литвѣ, то собственно Берестейская земля, при волинскихъ и литовскихъ князьяхъ, составляла одинъ удѣль, съ главнымъ городомъ Берестьемъ, безъ раздѣленія княжества (кромѣ Кобрина, Бѣльска и Городна) на меньшія удѣльныя владѣнія, которыя бы распредѣлялись по отдѣльнымъ Берестейскимъ пригородамъ ³⁾). Первымъ литовскимъ княземъ, владѣвшимъ Берестьемъ со времени Гедимина, считается трокскій удѣльный князь Кейстутъ Гедиминовичъ; Берестейской землей онъ владѣлъ до своей смерти (въ 1382 г.). Изъ удѣла Кейстута, нужно полагать, еще при Гедиминѣ выдѣлился Кобринъ съ его округомъ, составлявшій вмѣстѣ съ Крево отчину Ольгерда; въ значеніи его личнаго удѣла Кобринъ упоминается еще въ договорѣ 1366 г. ⁴⁾. Въ 1384 г. Подляхія была уступлена королемъ Владиславомъ Витовту въ значеніи его отчины.

¹⁾ *М. Колловичъ*, Присоединеніе Поддѣся къ Польшѣ на Любл. сеймѣ 1569 г. (Памяти. Русск. Старина въ зап. губ. 1886, выш. VIII). Въ актѣ 5 марта 1569 г. о присоединеніи Подляхіи къ Польшѣ такъ мотивируется этотъ вопросъ: „земля Подляская принадлежала къ коронѣ польской вѣчно, полнымъ правомъ, еще предъ Владиславомъ-Ягеллой и во все время его господарства, также при сынѣ его Владиславѣ; потомъ король Казимиръ, поставленный надъ обоими народами, хотѣлъ было владѣть Подляхіей отдѣльно отъ королевства, то-есть, отдѣленной отъ Магавин и оторванной отъ собственнаго тѣла, чему противились и не соглашались на то коронные станы; и мы сами считаемъ за благо заботиться о той землѣ, дабы она была возвращена къ коронѣ. По этимъ причинамъ мы присоединяемъ ту землю до неразрывной дѣлости, какъ свой подлинный членъ, къ первому и собственному тѣлу и головѣ, со всѣми ея городами, замками, мѣстами, селами и новѣтами,—присоединяемъ къ титулу коронному и къ одному тѣлу возвращаемъ и возсоединяемъ на вѣчныя времена“ (*Baliński, Staroż. Polska*, 2-е издан., III, стр. 401).

²⁾ *Sulimierski, Słown. geogr.*, VIII, 412. *Baliński, Staroż. Polska*, 2-е издан., III, 400; IV, 583.

³⁾ *Андріевичъ*, Очерки исторіи Волинской земли, 46. Въ гѣтописяхъ есть указаніе на существованіе особаго Дрогичскаго княжества. Полагаютъ, что Дрогичинъ, въ указанное гѣтописью время, могъ быть только временной столицей князя, владѣвшаго всей Подляхіей (*ibid.*, 46 и слѣд.).

⁴⁾ *Skarbiec*, № 432.

Берестейскимъ удѣломъ онъ владѣлъ до 1390 г. ¹⁾, когда, послѣ бѣгства Витовта къ рыцарямъ, его владѣнія въ Подляхія отошли къ королю. Какъ выше замѣчено, западная часть Подляхія отдана была королемъ мазовецкому князю; возвращена Литвѣ лишь при Казимирѣ. Сдѣлавшись великимъ княземъ (въ 1392 г.), Витовтъ получилъ обратно сначала Каменецкій округъ (въ 1394 г.), затѣмъ Бѣльскъ и наконецъ (съ 1408 г.) Берестье ²⁾. Въ 30-хъ годахъ XV ст., послѣ Витовта, Берестье принадлежало къ удѣлу Сигизмунда Кейстutowича и его сына Михаила. Въ 1445 г. Подляхія окончательно отошла къ непосредственнымъ владѣніямъ литовскихъ великихъ князей ³⁾.

Въ Берестейской землѣ, какъ видно изъ мѣстныхъ актовъ, въ старое время (до начала XV столѣтія) существовало отдѣльное княженіе, составлявшее владѣніе князей *Городенскихъ*, *Бѣльскихъ* и *Кобринскихъ*. Указаніе на это княженіе находимъ въ трехъ актахъ, касающихся одной изъ бѣльскихъ церквей ⁴⁾. Грамотой 1507 г. король Александръ предписалъ войту и подстаростѣ бѣльскому перенести на болѣе удобное мѣсто бѣльскую церковь Рождества Богородицы, основанную „зъ наданья княгини Вассы Михайловое, бабки нашео“ ⁵⁾. Затѣмъ, въ „ревизіи“ бѣльскихъ церквей, составленной въ 1637 г., говорится, что бѣльская церковь Рождества Богородицы основана „нѣкгда княземъ *Михаиломъ Семеновичемъ Городенскимъ*, *Бѣльскимъ* и *Кобринскимъ* и княгинею *Вассою*“ ⁶⁾. Наконецъ, въ описаніи (спресуфікасу) фундашей бѣльскихъ церквей, составленномъ

¹⁾ Въ поручной записи 1387 г. Витовтъ называется княземъ берестейскимъ (*Prochaska*, Cod. epist., V, p. 13).

²⁾ *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, 406, 438; IV, 585. А. В. Р., I, № 189. *Skarbiec*, № 649.

³⁾ *Stadnicki*, *Syn. Gedym*, II, 24, 127, 164. *Ею же*, *Bracia*, 272, 274. *Wolff*, *Ród Gedim.*, 16. *Smolka*, *Kiejstut*, 10. *Ясинскій*, *Уст. земск. грамоты*, 71.

⁴⁾ Бѣльскъ—одинъ изъ старыхъ русскихъ городовъ; вмѣстѣ съ Дрогичиномъ, Мельникомъ и пр. онъ принадлежалъ къ Берестейской землѣ (см. выше).

⁵⁾ Въ грамотѣ 1507 г. о церкви Пречистенской въ Бѣльскѣ говорится слѣдующее: „нѣж бо дей зъ наданья княгини *Вассы Михайловое*, бабки нашео, создана есть, гдѣ жъ бо и тѣло ея положено предъ Богородицею, которое съ богомольемъ перенеси“ (*Археогр. Сборн.*, I, стр. 7).

⁶⁾ „Церковь Рождества Пресвятой Владычицы нашея Богородицы, востающая на старомъ мѣстѣ, пренесенная року 1562 зъ замку Бѣльскаго, фундаванная нѣкгда княземъ *Михаиломъ Семеновичемъ Городенскимъ*, *Бѣльскимъ* и *Кобринскимъ* и княгинею *Вассою*, яко написъ опѣваетъ (показываетъ) на таблицѣ зъ образами тремя намѣстными, украшенными злотоу“ (*Арх. Сборн.*, I, стр. 230).

въ 1787 г., повторяется тотъ же фактъ основанія Богородичной церкви въ Бѣльскѣ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ, Городецкимъ, Бѣльскимъ и Кобринскимъ „дѣдичемъ“, при чемъ этотъ князь называлъ „княземъ русскимъ“¹⁾). Сколько намъ извѣстно, изъ всѣхъ историковъ старыхъ литовскихъ князей лишь одинъ Вольфъ касается вопроса о происхожденіи и владѣніяхъ загадочнаго князя Михаила Семеновича и его жены, княгини Вассы. Вольфъ полагаетъ, что этотъ князь принадлежалъ къ роду князей *Городецкихъ*²⁾, владѣвшихъ въ послѣдней четверти XIV столѣтія и позже Давидовымъ Городкомъ (ниже Турова), однимъ изъ старыхъ городовъ Литовскаго Полѣся³⁾. Тотъ же историкъ отождествляетъ княгиню Вассу (жену князя Михаила Семеновича) съ княгиней Василисой, жившей въ XV столѣтіи (ум. ок. 1484 г.), дочерью князя Андрея Ивановича Гольшанскаго, бывшей первоначально замужемъ за Иваномъ Владимировичемъ⁴⁾, княземъ Бѣльскимъ, владѣвшимъ въ первой половинѣ XV столѣтія городомъ Бѣлымъ (старымъ Бѣлгородомъ) въ Смоленской землѣ⁵⁾. Словомъ, по предположенію Вольфа, въ приведенныхъ выше актахъ рѣчь идетъ объ одномъ изъ литовскихъ князей, участвовавшихъ въ XV столѣтіи во владѣніи удѣлами Литовскаго Полѣся (Городецкимъ) и Смоленской земли (Бѣльскимъ). Всѣ эти предположенія нисколько, однако, не оправдываются при ближайшей повѣркѣ ихъ съ документальными данными. Къ этимъ даннымъ, по всему виду, почтенный польскій историкъ отнесся не съ надлежащимъ вниманіемъ. Названіе князя Михаила Семеновича *Городецкимъ* княземъ усвоено

¹⁾ „Cerkiew pod tytułem Narodzenia N. P. Maryi ab aewo immemorabili w zamku na górze fundowana od I. O. książąt *Ruskiich* Michała y *Wasila* Semenowiczow Horodeńskich, Bielskich y Kobińskich dziedziców, a ztamąd za konsensem najjaśń Alexandra króla Polskiego wydanym r. 1507, do miasta przeniesiona; ten konsens Ruskim dyalektem pisany na pergaminie y teraz jest w cerkwi Przeszyskiej, gdzie wyraża, aby ciała tychże książąt były przeniesione z cerkwią“ (Археогр. Сборн., II, стр. 257). По поводу этого сообщенія *Вольфъ* совершенно основательно замѣчаетъ, что авторъ описанія церковныхъ фундашей не умѣлъ прочесть стариннаго русскаго „pergamina“ и изъ князя Михаила Семеновича и княгини (его жены) Вассы сочинилъ князей Михаила и Василия (Ród Gedim., стр. 104).

²⁾ Ród. Gedim., стр. 81, 144.

³⁾ См. ниже о князьяхъ Городецкихъ въ Литовскомъ Полѣсѣ.

⁴⁾ Сыномъ бывшаго киевскаго князя—Владимира Ольгердовича.

⁵⁾ *Wolff*, стр. 103—104. О князьяхъ Бѣльскихъ Литовской Смоленщины см. ниже о Смоленскомъ княжествѣ.

Вольфомъ совершенно произвольно: въ приведенныхъ выше извлеченіяхъ изъ актовъ XVI—XVIII вѣковъ, этотъ князь называется *Городенскимъ*, а не *Городецкимъ*, что, какъ сейчасъ увидимъ, далеко не одно и то же. Затѣмъ, названіе того же князя Бѣльскимъ не имѣетъ ничего общаго съ названіемъ князей Бѣльскихъ, владѣвшихъ смоленскимъ городомъ Бѣлымъ. Акты, въ которыхъ сохранились свѣдѣнія о князѣ Городенскомъ, Бѣльскомъ и Кобринскомъ, относятся къ старымъ памятникамъ не Литовскаго Поляся и Смоленщины, а Берестейской земли (Подляхія или Подляся). Изъ берестейскихъ актовъ XVI столѣтія, помѣщенныхъ въ томъ же сборникѣ ¹⁾, гдѣ находятся и акты со свѣдѣніями о князѣ Михаилѣ Семеновичѣ и его женѣ, княгинѣ Вассѣ, видно, что Городно принадлежалъ въ это время къ числу берестейскихъ городовъ, и что границы тянувшихъ къ нему волостей соприкасались съ волостными границами берестейскихъ городовъ: Бѣльска (главнаго города Бѣльской земли), Гонязя и Райгорода ²⁾. Здѣсь-то, въ сѣверо-восточной окраинѣ Берестейской земли, въ литовскую эпоху и располагалось княжество, въ составъ котораго, при Михаилѣ Семеновичѣ, входили берестейскіе города: Городно, Бѣльскъ и Кобринъ ³⁾. Когда возникло это княжество и къ какому именно времени слѣдуетъ относить княженіе Михаила Семеновича и княгини Вассы, источники не даютъ точныхъ указаній. Есть, впрочемъ, одно обстоятельство, заставляющее предполагать, что этотъ

¹⁾ Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, 1867, т. I и II.

²⁾ Изъ актовъ 1522—1529 гг. видно сосѣдство Городна съ Гоняземъ и Райгородомъ (Арх. Сборн., стр. 12—13). Въ 1536 г. назначена была особая коммисія для опредѣленія границъ между Городномъ и Бѣльскомъ, съ одной стороны, и Гоняземъ и Райгородомъ, съ другой; первые два города входили въ составъ одной волости или староства—Бѣльскаго (ibid., стр. 14). Изъ описи старыхъ границъ Гонязскихъ 1536 г. видно, что по сосѣдству съ ними располагались нивы хлѣба, боры и лвы Городенскіе и пр. (ibid., стр. 26—27).

³⁾ На картѣ Андрияшева обозначены только Бѣльскъ и Кобринъ. Первый лежалъ недалеко отъ одного изъ притоковъ западнаго Буга, на одной линіи съ гор. Нуромъ (къ востоку отъ него); Кобринъ находился южнѣе Бѣльска (за Каменцемъ) по одной линіи съ Берестьемъ, къ востоку отъ него (*Андрияшевъ*, Очеркъ исторіи Волынской земли, 282). Гдѣ-то, по сосѣдству съ Бѣльскомъ находился и Берестейскій Городно. Отъ послѣдняго слѣдуетъ отличать Городень Поляскій, находившійся недалеко отъ Пинска (къ югу отъ него) и составлявшій въ до-литовскую эпоху особый удѣлъ *Городецкихъ* князей (см. ниже о Городецкихъ князьяхъ).

князь жилъ еще до начала XV столѣтія. Князь Михаилъ Семеновичъ съ женой, какъ видно изъ ихъ титула, владѣли Кобриноу, а мы увидимъ дальше, что этотъ городъ съ тянувшими къ нему волостями въ началѣ XV столѣтія выдѣляется въ удѣльное владѣніе одного изъ сыновей Федора-Сангушки, князя Ратненскаго (сына Ольгерда), потомки котораго безъ перерыва владѣли Кобриноу до конца втораго десятилѣтія XVI столѣтія ¹⁾. Значить, князь Михаилъ Семеновичъ могъ владѣть Кобриноу лишь до князей Сангушекъ, то-есть, въ XIV вѣкѣ, при Ольгердѣ, Кейстутѣ и Витовтѣ, считавшихся въ то время берестейскими князьями. Изъ договора литовскихъ князей съ королемъ польскимъ Казиміромъ (1366 г.) видно, что въ это время городъ Бѣльскъ входилъ въ составъ удѣла Кейстута, Кобринъ же составлялъ личное владѣніе великаго князя Ольгерда Гедиминовича ²⁾. Къ роду одного изъ этихъ князей, по всѣмъ видимостямъ, принадлежала жена Михаила Семеновича, княгиня Васса ³⁾. Король Александръ, въ грамотѣ 1507 г., называетъ ее своей „бабкой“ ⁴⁾ въ общемъ смыслѣ прародительницы, а въ позднѣйшемъ описаніи фундушей бѣльскихъ церквей она и мужъ одинаково называются „дѣдичами“ Бѣльско-Городенскаго княжества. Въ обоихъ случаяхъ, какъ намъ кажется, дается указаніе на принадлежность княгини Вассы къ роду мѣстныхъ литовскихъ князей владѣвшихъ Берестейской землей, а таковыми въ XIV столѣтіи могли быть лишь Ольгердъ, Кейстутъ и Витовтъ. Княжество Михаила Семеновича, заключавшее въ себѣ Бѣльскъ и Кобринъ, могло возникнуть именно въ такое время, когда оба эти города принадлежали къ одному удѣльному владѣнію. Такимъ моментомъ можно скорѣе всего считать время, послѣдовавшее за смертію Ольгерда. Можно предположить, что по смерти Ольгерда (въ 1377 г.) Кобринъ отошелъ къ удѣлу Кейстута; въ это-то время Кобринъ вмѣстѣ съ Бѣльскомъ и могъ быть данъ Кейстутомъ княжнѣ Вассѣ (дочери или иной родственницѣ, — неизвѣстно) въ значеніи вѣна, по случаю

¹⁾ См. объ этомъ ниже въ свѣдѣніяхъ о княжествѣ Кобринскомъ.

²⁾ Skarbies, № 432.

³⁾ По наследованіямъ *Вольфа*, Кейстутъ имѣлъ трехъ дочерей: Микловсу-Марію, Даничу-Анну и Рингалу-Елисавету (Ród, 52). У Витовта была одна дочь Софія (ibid., 58). Число дочерей Ольгерда неизвѣстно. Въ источникахъ упоминаются 4 дочери (одна безъ имени) отъ перваго брака и три — отъ втораго брака; между ними Васса не числится (ibid., 27—32).

⁴⁾ См. выше.

брака ея съ княземъ городенскимъ Михаиломъ Семеновичемъ. Связь кн. Вассы съ Бѣльскомъ, какъ ея „отчиной“, во всякомъ случаѣ ясно констатируется въ источникахъ. Можно именно думать, что удѣльные владѣнія князя Михаила Семеновича и его жены составились изъ двухъ отдѣльныхъ отчинъ: стараго владѣнія мужа и примкнувшаго къ нему отчиннаго вѣна жены. Князь Михаилъ Семеновичъ во всѣхъ актахъ титулуется прежде всего княземъ *Городенскимъ*; а это, какъ намъ кажется, даетъ поводъ предполагать о томъ, что Городно составлялъ истаринную его „дѣдину“; лишь послѣ брака его съ княгиней Вассой къ старой его дѣдинѣ могли, затѣмъ, примкнуть Бѣльскъ съ Кобриномъ въ значеніи вѣна жены ¹⁾. Наконецъ, въ послѣднемъ изъ приведенныхъ выше актовъ о бѣльскихъ церквахъ обращаетъ на себя вниманіе наименованіе князя Михаила Семеновича княземъ „*русскимъ*“ ²⁾. Указаніе это, содержащееся въ актѣ несомнѣнно официальнаго характера ³⁾, заключаетъ въ себѣ всѣ признаки исторической достовѣрности. Здѣсь мы наталкиваемся на фактъ, имѣвшій мѣсто чуть ли не во всѣхъ русскихъ областяхъ Литовскаго государства, — фактъ существованія удѣльныхъ князей русскаго происхожденія и послѣ присоединенія западной Руси къ Литвѣ. Русское происхожденіе князя Михаила Семеновича, какъ кажется, можно объяснить лишь въ томъ смыслѣ, что въ его лицѣ являлся послѣдній представитель бывшихъ русскихъ князей въ Берестейской землѣ, удерживавшій за собой въ XIV столѣтн небольшой Городенскій удѣлъ, въ сѣверномъ углу бывшихъ обширныхъ владѣній его предковъ, старыхъ Берестейскихъ князей. Вотъ все, что можно было извлечь изъ того скуднаго матеріала, какой доступенъ въ настоящее время по вопросу о бывшихъ Городенскихъ и Бѣльскихъ князьяхъ. Высказанныя выше положенія имѣютъ, болѣею частью, характеръ предположеній, далеко не рѣшающихъ вполнѣ вопроса; тѣмъ не менѣе, нельзя, кажется, сказать, чтобы въ основѣ

¹⁾ Изъ приведенныхъ выше извлеченій изъ берестейскихъ актовъ, въ которыхъ говорится о князѣ Михаилѣ и его женѣ, видно, что послѣдняя жила именно въ Бѣльскѣ, какъ своей старой дѣдинѣ; въ основанной ею Пречистенской церкви она и была погребена.

²⁾ См. приведенное выше извлеченіе изъ описанія фундашей бѣльскихъ церквей 1787 г.

³⁾ Нужно полагать, что указаніе на русское происхожденіе князя Михаила Семеновича взято изъ надписи объ основателяхъ Пречистенской церкви въ Бѣльскѣ: надпись эта, какъ видно изъ ревизіи бѣльскихъ церквей 1687 г., сохранилась въ Пречистенской церкви на „таблицѣ“ съ наи́стными иконами.

настоящей замѣтки не было вовсе документальныхъ данныхъ. Дальнѣйшая судьба Бѣльско-Городенскаго княжества мало извѣстна. Можно вообще думать, что, по смерти князя Михаила Семеновича и его жены, какъ видно, не оставившихъ потомства, г. Бѣльскъ снова отошелъ къ владѣнιάмъ Берестейскихъ князей, Кобринъ же, какъ сейчасъ увидимъ, возвратился въ родъ прежняго его владѣтеля — Ольгерда, именно сдѣлался въ началѣ XV столѣтія удѣломъ потомковъ одного изъ Ольгердовичей (Федора-Сангушки). Въ 40-хъ годахъ XV столѣтія бывшее Городенское княжество, вмѣстѣ со всею Берестейской землей (кромя Кобрина), вошло въ составъ владѣній великихъ князей литовскихъ¹⁾.

Изъ состава подляшскихъ земель выдѣляется въ концѣ XIII столѣтія особое удѣльное княженіе—*Кобринское*. Въ литовскую эпоху княженіе это, въ значеніи самостоятельнаго удѣла, восстанавливается, какъ замѣчено раньше, еще съ Гедимина и затѣмъ удерживаетъ за собою относительную самостоятельность до второй половины XVI столѣтія. Кобринъ (на р. Мухавцѣ и Кобринцѣ, притокахъ Западнаго Буга), къ востоку отъ Берестя²⁾, какъ полагаютъ, принадлежитъ къ старымъ пунктамъ славянской колонизаціи въ Ятвяжской землѣ³⁾. Въ документальныхъ источникахъ Кобринъ упоминается впервые въ послѣдней четверти XIII столѣтія. Волинскій князь Владиміръ Васильковичъ, распредѣляя въ 1286 г. свои владѣнія между наслѣдниками, выдѣлилъ женѣ своей Ольгѣ Романовнѣ особый удѣлъ, состоявшій изъ городовъ Кобрина и Городла⁴⁾ съ нѣсколькими селами⁵⁾.

¹⁾ Что касается Бѣльска, то сохранилось извѣстіе о томъ, что въ 1447 г. король Казиміръ отдалъ Бѣльскъ, съ танувшими къ нему подляшскими пригородами—Брянскомъ и Суражемъ, князю Михаилу, сыну бывшаго великаго князя Сигизмунда, получившему, кромѣ того, удѣльными владѣніями въ Черной Руси (Клецкъ), Минской землѣ (Койдановъ) и Сѣверщинѣ (Стародубъ). Впрочемъ, черезъ два года всѣ эти владѣнія были отобраны у Михаила Сигизмундовича (*Вызовскъ*, 55. *Stadnicki*, Syn. Ged., II, 168. *Wolff*, Ród Ged., 65). Удѣльное значеніе Бѣльской земли восстанавливается въ XVI столѣтїи, при Сигизмундѣ I, который въ 1507 г. отдалъ королевѣ Еленѣ Бѣльскъ съ Брянскомъ и Суражемъ (*А. З. Р.*, II, № 8). О Подляшскомъ Брянскѣ, на р. Нурцѣ, притоцѣ Нарва, см. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, 446; о Суражѣ на р. Наревѣ—*ibid.*, 447.

²⁾ *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, IV, 205. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 619.

³⁾ *Baliński*, IV, 619.

⁴⁾ Городель (Городло)—въ Белзской землѣ (*Baliński*, III, 850).

⁵⁾ Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, изд. Румянцова, II, №№ 4 и 5. Инст. гѣтон., стр. 595. Ср. *Андриашева*, Очеркъ исторїи Волинск. земли, 99, 196.

Первыя документальныя извѣстія о Кобринѣ и кобринскихъ князьяхъ литовской эпохи принадлежать XIV столѣтію. По договору 1366 г., заключенному Ольгердомъ и другими литовскими князьями съ польскимъ королемъ Казиміромъ, Кобринъ считается удѣломъ великаго князя Ольгерда¹⁾, получившаго Кобринъ, нужно думать, еще при отцѣ, вмѣстѣ съ Кревской волостью. По смерти Ольгерда, какъ мы видѣли, Кобринъ принадлежалъ къ составу Бѣльско-Городенскаго княжества, а затѣмъ отошелъ къ владѣніямъ Витовта. Привилеемъ 1404 г. Витовтъ пожаловалъ своему „сыновцу“ (сыну брата, племяннику) князю Роману во владѣніе Кобринъ и Грушовую, вмѣстѣ съ Несухойжею и Милановичами²⁾. Вопросъ о происхожденіи князей Кобринскихъ³⁾ до послѣдняго времени оставался весьма мало разъясненнымъ въ русской и польской исторической литературѣ. Только въ недавнее время одному изъ польскихъ историковъ (Вольфу) удалось, на основаніи документальныхъ данныхъ, удовлетворительно раз-

¹⁾ Skarbiec, № 482. Ср. *Андриашева*, Очеркъ, 217—218.

²⁾ *Wolff*, 118, 128. Привилей 1404 г. помѣщенъ въ сборн. *Рыкачевскою—Inventarium*, стр. 378, и у *Голембювскаю—Dzieje Polski od 1386 do 1506*, I, стр. 88. Въ сборникѣ *Дамиловича* только упоминается этотъ привилей (Skarbiec, № 789). Поселеніе Грушовая (и земля того же имени) принадлежало къ Кобринской волости (Ревизія пущь, стр. 4, 5, 134, 143). Несухойже и Милановичи—поселенія на Волини; въ началѣ XVI столѣтія принадлежали князьямъ Сангушкамъ (*Arch. Sang.*, I, 147).

³⁾ *Балинскій* полагаетъ, что въ литовскую эпоху Кобринскіе князья, подчинившіеся великимъ князьямъ литовскимъ, принадлежали къ роду Ольгерда, именно роду его сына Владимира, князя кievскаго, и что Кобринъ, вмѣстѣ съ Пинскомъ, былъ въ рукахъ однихъ и тѣхъ же князей, существовавшихъ еще до времени короля Сигизмунда I (*Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 620). Всѣ эти положенія не оправдываются, однако, документальными данными. Изъ источниковъ не видно, чтобы въ старое время (до XVI столѣтія) Кобринъ составлялъ когда либо одно владѣніе вмѣстѣ съ Пинскомъ. Связь между ними устанавливается лишь при Сигизмундѣ I, передавшемъ королевѣ Бонѣ въ удѣлъ Кобринскую волость и большую часть Литовскаго Полѣсья, именно бывшія княженія Пинское и Городецкое (объ этомъ см. ниже). До начала XV вѣка Кобринъ стоялъ въ связи не съ Пинскимъ, а Берестейскимъ удѣломъ, именно съ землей Бѣльской, составлявшей, какъ замѣчено выше, во второй половинѣ XIV столѣтія особую удѣльную волость: князья Городецкіе, владѣвшіе въ то время Бѣльскомъ, назывались также князьями Кобринскими. () князьяхъ Кобринскихъ см. монографіи: *Radziwiński*, *O kniaziazach Kobryńskich (Rozprawy i sprawozdania w posiedzeniu Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności, t. VII)*. *J. Wolff*, *Kniazziowie Kobryńscy (ibid., t. VIII)*. *Ето же*, *Ród Gedim.*, 116, 118, 128 и др.

рѣшить вопросъ о происхожденіи и послѣдующихъ судьбахъ кобринскихъ князей и принадлежавшаго имъ княжества ¹⁾).

Родоначальникомъ князей кобринскихъ, по документальнымъ даннымъ, является сынъ Ольгерда—Федоръ Сангушко, владѣвшій въ началѣ XV столѣтія волынскимъ удѣломъ — Ратно ²⁾. Князь Романъ, сынъ Сангушки, упоминается въ источникахъ раньше полученія имъ Кобринскаго удѣла ³⁾. По обычаю, практиковавшемуся при королѣ Владиславѣ со времени его брака съ Ідвигой, въ ихъ дворцовой жизни принималъ участіе „князь Романъ“ вмѣстѣ съ другими литовскими князьями ⁴⁾.

Кобринскій князь Романъ Федоровичъ имѣлъ двухъ сыновей: Семена и Федора ⁵⁾; изъ нихъ послѣдній, по всему видно, умеръ до

¹⁾ Мы сведемъ главныя данныя касательно кобринскихъ князей и сдѣлаемъ съ своей стороны нѣкоторыя поправки по актамъ, очевидно, не имѣвшимся въ виду г. Вольфомъ.

²⁾ Лѣтоп. *Быховца*, 22. Археогр. сборн. докум., стр. 84. *Wolff*, 116 и слѣд. О князьяхъ Сангушкахъ см. ниже—о волынскихъ князьяхъ. Родство Сангушекъ съ кобринскими князьями подтверждается родословной литовскихъ князей, помѣщенной въ Воскрес. лѣтописи (П. С. Л., VII, 256), а также однимъ изъ актовъ XVI ст. (1522 г.). Изъ этого акта видно, что, по смерти послѣдней княгини кобринской (внуки князя Романа), жившія въ то время двѣ лншіи князей Сангушковичей заявили въ 1522 г. себя единственными наслѣдниками умершей, имѣвшими право на владѣніе имѣніями „по смерти ихъ сестры“ (*Wolff*, 140). Указанія на князя Федора, какъ на родоначальника князей кобринскихъ и Сангушекъ, находятся въ синодикахъ Кіево-Печерской Лавры. Изъ нихъ видно, между прочимъ, что внукъ князя Романа Федоровича, князь Иванъ Семеновичъ кобринскій, поручилъ лаврскому клиру молиться за души его предковъ и, вычисляя ихъ поименно, ставить на первомъ планѣ своихъ прадѣда, дѣда и отца — князей Федора, Романа и Семена. Синодикамъ князей кобринскихъ и Сангушекъ хранятся въ рукоп. отдѣлѣ Румянц. музея въ Москвѣ (*Wolff*, 119).

³⁾ „Князь Романъ Федоровичъ“ упоминается въ числѣ князей, давшихъ въ 1387 г. королю Владиславу поруку въ вѣрности службы Олехна Дмитріевича (*Arch. Sang.*, I, стр. 11). Въ 1398—1394 г. „князь Романъ Литовскій“ предводительствуетъ новгородцами въ войнѣ ихъ съ великимъ княземъ московскимъ и Псковомъ (П. С. Л., IV, 100; V, 245—246; VI, 123; VIII, 64. Ср. *Wolff*, 128).

⁴⁾ О жизни князя Романа при дворѣ Владислава и Ідвиги упоминается въ актахъ, подъ 1394 и 1411—1417 гг. См. *Wolff*, *Ród Gedim.*, 128. *Przazdiecki*, *Zycie domowe Jadwigi* etc., 51, 93—104.

⁵⁾ *Вольфъ* говоритъ, что князь Романъ имѣлъ только одного сына — Семена (*Ród Gedim.*, 128), а между прочимъ, въ современныхъ актахъ упоминается также „князь Федоръ Романовичъ“, несомнѣнно, сынъ кобринскаго князя Романа. Федоръ Романовичъ упоминается въ числѣ литовскихъ князей, подписавшихъ въ 1386 г. окончаніе великаго князя смоленскаго Юрія Святославича съ королемъ Влади-

полученія отцомъ Кобринскаго удѣла. По смерти Романа Ѳеодоровича. всѣ его владѣнія перешли къ его сыну — Семену Романовичу, владѣвшему отцовскимъ удѣломъ до своей смерти въ началѣ второй половины XV столѣтія ¹⁾. По лѣтописнымъ извѣстіямъ, князь Семень Романовичъ являлся сторонникомъ Свитригайла и принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ послѣдняго съ королемъ Владиславомъ ²⁾. Сохранились два акта, принадлежащіе князю Семену Романовичу: о пожалованіи боярину Данилѣ села Пришихвосты и объ обезпеченіи вѣна княгини Ульяны. назначеніемъ ей въ особой записи (1454 г.) определенной суммы на отчинахъ князя: Кобринѣ, Черевачицахъ и Грушовой ³⁾. По смерти (ок. 1460 г.) кобринскаго князя Семена Романовича, Кобринское княженіе становится достояніемъ его семьи, то-есть, вдовы умершаго князя, княгини Ульяны, сына Ивана и двухъ дочерей — Маріи и Анны. По выходѣ послѣднихъ замужъ, Кобринь съ волостями остался во владѣніи князя Ивана Семеновича съ матерью. Со смертью этого князя (около 1490 г.) прекратилось мужское поколѣніе князей кобринскихъ ⁴⁾. На основаніи вѣновныхъ записей князя Ивана Семеновича, данныхъ имъ своей женѣ Ѳедорѣ на пожизненное владѣніе Кобринскимъ удѣломъ ⁵⁾ „вѣчно, (отдаляючи) отъ близкихъ своихъ“. и подтвержденныхъ вскорѣ великимъ княземъ

славомъ и великимъ княземъ литовскимъ Сяргайломъ; имя князя Ѳеодора Романовича стоитъ на первомъ планѣ (См. Arch. Sangusz., I, стр. 4). Въ Архивѣ Сангуш., изданномъ позже монографіи Вольфа, помѣщенъ впервые полный текстъ докончанья 1886 г.; въ сборникахъ *Соколовскаго-Шульскаго* (№ 7) и *Прозаски* (№ 28) помѣщены только извлечения, и при томъ съ ошибками въ текстѣ памятника. Нужно полагать, что князь Ѳеодоръ Романовичъ умеръ еще до полученія отцомъ Кобринскаго удѣла; по крайней мѣрѣ, о князѣ Ѳеодорѣ Романовичѣ, сколько извѣстно, не упоминается нигдѣ въ актахъ позже 1886 г.

¹⁾ Какъ полагаютъ, князь Семень Романовичъ умеръ около 1460 г. (*Wolff*, 129).

²⁾ Когда король въ 1431 г. двинулъ войска противъ Свитригайла, запершагося въ Луцкѣ, князь Семень Романовичъ первый преградилъ путь Владиславу. По словамъ *Длугоша* (*Dzięje*, IV, 411), воевода Владислава, Гриццо Кярдѣвичъ, въ битвѣ „z kniaziem Semionem, zupem kniazęcia Romana“, разбилъ его отрядъ на голову и самого князя „труномъ положилъ“. Последнее обстоятельство не вѣрно: князь Семень, какъ видно изъ современныхъ актовъ, жилъ еще долго послѣ битвы 1431 г. (*Wolff*, 129).

³⁾ Обѣ записи открыты *Вольфомъ* въ Литовск. метрикахъ. См. *Ród Gedim.*, 129.

⁴⁾ *Wolff*, 132.

⁵⁾ Записи эти приведены изъ Литовской метрики *Вольфомъ* (См. его *Ród Gedim.*, 131).

литовскимъ Александромъ ¹⁾, княгини Теодора (Софія—послѣ принятія католицизма) владѣла Кобринномъ на общемъ удѣльномъ положеніи до своей смерти (около 1512 г.) ²⁾. Въ это время единственною наследницей князей кобринскихъ оставалась сестра послѣднего изъ нихъ (Ивана Семеновича)—княгиня Анна Семеновна, бывшая замужемъ за маршаломъ Венц. Костевичемъ. Ей-то по праву „близкости“ король Казиміръ и далъ привилей на владѣніе отчиной—Кобринскимъ удѣломъ ³⁾. Со смертью ея въ 1517 г. окончательно прекратился родъ старыхъ князей кобринскихъ; ихъ удѣлъ отошелъ къ короннымъ владѣніямъ великихъ князей литовскихъ. Перечисленные владѣтели и владѣтельница Кобрина и тянувшихъ къ нему волостей считались въ одинаковой мѣрѣ удѣльными „господарями“, владѣли своимъ удѣломъ „Божією милостію“ ⁴⁾. Какъ видно изъ современныхъ актовъ, Кобринское княжество въ XV столѣтіи имѣло два главные центра: Кобринъ и Грушовую, и соотвѣтственно съ этимъ дѣлилось на два намѣстничества или воеводства, управлявшіяся отъ имени кобринскихъ князей особыми воеводами или намѣстниками ⁵⁾. Всѣ старые кобринскіе князья управляли своимъ княженіемъ, какъ видно, при непремѣнномъ участіи своей „рады“, состоявшей изъ мѣстныхъ бояръ, въ томъ числѣ и воеводъ ⁶⁾. Въ значеніи же удѣльныхъ владѣтелей

¹⁾ *Wolff*, 132; См. А. Ю.-З. Р., I, № 43.

²⁾ Княгиня Теодора, въ 1492 г., вышла замужъ за пана Юрія Пацовича „съ Кобринномъ“, какъ ея вѣномъ; овдовѣвши затѣмъ чрезъ 7 лѣтъ, она испросила у короля новое подтвержденіе владѣнія Кобринномъ, въ виду притязанія на него родственниковъ умершаго князя кобринскаго. По этому новому пожалованію Теодора владѣла Кобринномъ до своей смерти (*Wolff*, 129—134. Ср. Акты Виленск. Комм., III, №№ 1 и 2).

³⁾ *Wolff*, 137.

⁴⁾ Напримѣръ, князь Иванъ Семеновичъ, въ своемъ привилей 1469 г., подобно другимъ удѣльнымъ князьямъ Литовскаго государства, титулуется кобринскимъ княземъ „милостію Божією“ (*Wolff*, 130).

⁵⁾ См. привилей, открытые Вольфомъ въ Литовской метрицѣ (*Rid Gedim.*, 129—132). См. также привилей кобринскихъ князей, помѣщенные въ А. Ю.-З. Р., I, №№ 32, 226, 227; Акты Виленск. Комм., I, № 2 и пр.

⁶⁾ Въ актахъ кобринскихъ перѣдко говорится, что пожалованіе дается княземъ, не только „помысливши“ съ своею женою или сыномъ (А. Ю.-З. Р., I, № 230 и пр.), но и „погадавши зъ своими бояры и зъ панею вѣрною радюю“ (А. Ю.-З. Р., I, №№ 227, 228; *Wolff*, 131, примѣч. 2); „подали (земли) есмо зъ нашими бояры и слугами нашими вѣрными“ (*Wolff*, 130, прим. 3). Въ нѣкоторыхъ грамотахъ просто говорится, что при ихъ составленіи были „добрые люди“, „бояре наши ко-

князя и княгини кобринскіе до послѣдняго времени выдавали членамъ своей семьи, церквамъ, служилымъ людямъ и другимъ мѣстнымъ жителямъ привилег. листы и записи на имѣнія и по другимъ случаямъ ¹⁾).

По смерти княгини Анны Семеновны, послѣдней наслѣдницы кобринскихъ князей, Кобринъ съ его волостями, по праву выморочности, отошелъ въ составъ непосредственныхъ владѣній литовскаго господара. Еще при жизни княгини Анны король Сигизмундъ I далъ ей мужу маршалу Костевичу (1516 г.) привилегіи на владѣніе Кобринской волостью на случай смерти жены. Это распоряженіе короля стояло въ связи съ записью княгини Анны, обезпечившей для мужа владѣніе послѣ нея Кобриною назначеніемъ въ его пользу определенной выкупной суммы (очевидно, со стороны короля). Маршалъ Костевичъ дѣйствительно вступилъ въ 1519 г. во владѣніе Кобринской волостью, но уже не на правахъ удѣльнаго князя, а лишь въ качествѣ простаго старосты, владѣвшаго своимъ наданьемъ лишь въ значеніи „доживотья“²⁾, а не вотчины ³⁾. Вскорѣ затѣмъ выданъ былъ королевскій Бонъ привилегіи о переходѣ Кобринской волости въ ея владѣніе по смерти маршала Костевича. Полагаютъ, что послѣдній владѣль своимъ староствомъ вплоть до своей смерти (въ 1532 г.), когда королева Бона, въ силу даннаго ей привилегіи, вступила въ управленіе Кобриною ³⁾; но, какъ видно изъ современныхъ актовъ, положеніе этого вопроса на дѣлѣ было нѣсколько иное. Въ сборникѣ актовъ Литовскаго Полѣсья (въ „Ревизіи пуць и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ“, 1867) есть цѣлый

кобринскіе и грушевскіе, дворяне и *мѣщани*“ (см. *Wolff*, 129, прим. 5; А. Ю.-З. Р., I, №№ 32, 226; Акт. Вил. Комм., I, № 2 и пр.). Всѣ эти „добрые люди“ князей кобринскихъ несомнѣнно имѣли значеніе ихъ думцевъ, радныхъ пановъ.

¹⁾ *Вольфъ* открылъ въ Литовской метрикѣ цѣлый рядъ такихъ актовъ (см. *Ród*, 129 и слѣд.). У него нѣтъ, однако, указаній на Кобринскіе акты, давно издаваемые въ русскихъ сборникахъ (А. Ю.-З. Р., I, №№ 32, 226—228, 230; Акт. Вил. Комм., I, №№ 1 и 2; А. З. Р., I, 85, 111). Въ Архивѣ Сангушекъ, изданномъ, впрочемъ, послѣ появленія монографіи *Вольфа*, есть также кобринскіе акты (I, стр. 58, 83, 139 и др.).

²⁾ Старостинскій характеръ приобретенныхъ Костевичемъ правъ на Кобринъ выражается, между прочимъ, въ томъ, что тотчасъ послѣ полученія въ 1516 г. привилегіи Костевичъ долженъ былъ уплатить королю часть обычной въ такихъ случаяхъ старостинской платы; другая часть этой же суммы была уплачена королю Костевичемъ при вступленіи въ управленіе Кобриною (*Wolff*, 139).

³⁾ *Wolff*, 142—143.

рядъ актовъ (въ числѣ 11-ти), изъ которыхъ видно, что уже въ 1529 г. (то-есть, за 4 года до смерти Кобринскаго старосты) королева Бона распоряжалась Кобринскою волостью, какъ совершенно полновластная удѣльная княгиня ¹⁾. Съ этого времени несомнѣнно возстановляется на старомъ положеніи бывшее Кобринское княжество ²⁾.

Какъ видно изъ современныхъ актовъ, удѣль королевы Боны далеко не ограничивался одной Кобринскою волостью, составлявшей при ней отдѣльный „повѣтъ“, съ подраздѣленіемъ его по-прежнему на два намѣстничества-староства, Кобринское и Грушовое ³⁾. Ея владѣнія простирались далеко къ сѣверо-востоку отъ Кобрина, достигали рубежей Литовскаго Полѣсья, а къ сѣверу, повидимому, соприкасались съ южными границами бывшей Черной Руси. Все это пространство обнимало подчиненный королевѣ Бонѣ Селецкій повѣтъ, называвшійся также волостью и староствомъ ⁴⁾, съ центральнымъ пунктомъ—замкомъ Сельцемъ, или Селецкимъ дворцомъ ⁵⁾. Какъ будетъ сказано ниже, владѣнія королевы Боны далеко не ограничивались повѣтами Кобринскимъ и Селецкимъ, заключали въ себѣ также повѣты: Пинскій, Городецкій, Клецкій и Рогачевскій, то-есть, тянулись длинною полосой по всему Литовскому Полѣсью, захватывали часть южныхъ предѣловъ Черной Руси и достигали Придвѣпровской Бѣлоруссіи. Обширныя владѣнія королевы представляли, въ своей совокупности, дѣйствительную „державу“, управлявшуюся королевой совершенно независимо отъ общей администраціи великаго княжества Литовскаго. Владѣніями своими королева управляла при посредствѣ органовъ центральныхъ и мѣстныхъ. Лично при королевѣ находился дворъ, устроенный по образцу двора литовскихъ господарей и со-

¹⁾ Ревизія пуць, стр. 146, 147, 149—159.

²⁾ Бывшій староста Костевичъ, по всѣмъ видимостямъ, въ 1529 г. былъ все вытѣсненъ королевой Боной изъ его староства, или, если и остался въ немъ, то лишь въ качествѣ частнаго лица, владѣннаго нѣкоторыми имѣніями, оставленными за нимъ до его смерти.

³⁾ Ревизія пуць, стр. 2, 134, 139, 143, 151.

⁴⁾ Ревизія, стр. 148, 153—157.

⁵⁾ Какъ видно изъ карты Польскаго королевства 1772 г., изданной въ 1887 г. *Орельбрантомъ* въ приложеніи къ сочин. *Балискаю* (Staroż. Polska, 2-е изд., IV, 720), Селець лежалъ къ сѣверо-востоку отъ Кобрина, на одномъ изъ истоковъ Припечи, нѣсколько выше Здитова, какъ этотъ послѣдній показанъ на картѣ *Андріашева* (Очеркъ исторіи Волинск. земли, 292). О Сельцѣ см. Ревиз. пуць, стр. 147, 148, 158.

стоявшій изъ цѣлаго ряда высшихъ и низшихъ урядниковъ: канцлера, маршалковъ, охмистровъ, писарей и др. ¹⁾). Главнымъ урядникомъ, заправлявшимъ всѣми владѣніями королевы, являлся староста, называющійся въ актахъ „старостой кобринскимъ, селецкимъ, линскимъ, городецкимъ, клецкимъ и рогачевскимъ“ ²⁾). Въ зависимости отъ главнаго старосты и, какъ кажется, по его назначенію, сидѣли въ отдѣльныхъ повѣтахъ мѣстные старосты (намѣстники, держанцы, посводы и пр.) ³⁾). Всѣ эти урядники считались въ одинаковой мѣрѣ служилыми людьми королевы: каждый изъ нихъ „на замку папомъ во врадѣ будучи ни на чьей, одно на наше господарское послузѣ есть“ ⁴⁾). Последняя грамота королевы Боны по управленію принадлежавшими ей волостями относится къ 1555 году ⁵⁾). Въ слѣдующемъ году, съ выѣздомъ королевы изъ Литвы въ Италію ⁶⁾) всѣ ея владѣнія перешли въ составъ коронныхъ волостей. Въ лицѣ королевы Боны ушла изъ Литовско-Русскаго государства послѣдняя представительница стараго удѣльнаго режима; послѣ ея ухода на всей территоріи государства водворилось единодержавное „господарство“ великихъ князей литовскихъ. При введеніи въ 1564 г. въ литовскихъ областяхъ новыхъ земскихъ учреждений (повѣтовыхъ сеймиковъ, судовъ и пр.) Кобринъ съ его волостью принадлежалъ къ составу воеводства Брестъ-Литовскаго ⁷⁾).

Изъ изложеннаго очерка территоріальнаго состава бывшихъ литовскихъ областей видно, что изъ всего литовскаго племени вошли полностью въ составъ возникшаго Литовско-Русскаго государства только два народа: собственно литва и жмудь, занимавшіе центръ литовскихъ поселеній. Бывшая Ятвяжская земля вошла въ составъ Литовско-Русскаго государства въ сѣверной (за-Бобрянская земля) да юго-восточной ея окраинахъ (Берестье и Кобринъ); вся западная

¹⁾ Ревизія пущь, стр. 337 и др.

²⁾ Ревизія пущь, стр. 153, 338, 346, 353.

³⁾ Иногда сосѣднія волости, напримѣръ, Пинская и Городецкая, соединялись въ рукахъ одного старосты (Ревизія, 334); иногда же и одна волость или повѣтъ разбивался на отдѣльные намѣстничества и староства, какъ это было, напримѣръ, въ повѣтѣ Кобринскомъ (см. выше).

⁴⁾ Ревизія, 346.

⁵⁾ Ревизія, 174. По управленію собственно Подляшскими волостями послѣдняя запись королевы сохранилась отъ 1550 г. (ibid., 157).

⁶⁾ *Baliński*, *Starość Polska*, 2-е изд., IV, 620.

⁷⁾ *Baliński*, IV, 619.

половина этой области отошла къ Польшѣ. Затѣмъ, сѣверныя отрасли литовскаго племени (прусы, куроны, жемгала и латыши) заняты были въ XIII вѣкѣ упорной борьбой съ нѣмецкими крестоносцами, въ концѣ этого вѣка вошли въ составъ нѣмецкихъ владѣній и, слѣдовательно, вовсе не участвовали въ образованіи Литовско-Русскаго государства. Лишь чрезъ два съ половиной вѣка, за нѣсколько лѣтъ до Люблинской уніи (то-есть, почти предъ самымъ паденіемъ политической самостоятельности великаго княжества Литовскаго), сѣверныя области (Курляндія и Лифляндія), въ которыхъ встарину жили куроны, жемгала и латыши, вошли (съ сильно опѣмеченными бытовыми формами) въ составъ Литовско-Русскаго государства. Послѣдній магистръ Тевтонскаго ордена (Г. Кеттлеръ), тѣснимый врагами, добровольно подчинился Речи Посполитой, со всей своей страной, оставивъ ее за собой, по акту 1561 г., въ качествѣ леннаго княжества, зависѣвшаго отъ польскихъ королей. Новая область, подъ названіемъ *Inflant Polskich*, должна была, по акту Люблинской уніи 1569 г., составлять общее владѣніе Литвы и Польши. При Сигизмундѣ III Инфлянты отошли отъ Польско-Литовскаго государства, и только позже (по Оливскому трактату 1660 г.) восточная часть этой страны была возвращена Речи Посполитой, въ значеніи общаго владѣнія Литвы и Польши. Въ 1677 г. Польскіе Инфлянты были преобразованы въ отдѣльное воеводство и въ такомъ видѣ существовали до 1772 г., когда, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими областями бывшей Речи Посполитой, они отошли къ Россіи ¹⁾.

Ф. Лесеневичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ *Sulimierski*, *Stown.*, III, 278. *Baliński*, IV, 697. *A. Hilsen*, *Inflanty w dawnych swych u wietorakych aż do wieku naszego dziejach* (1750). *G. Mantuffel*, *Inflanty Polskie* (1879). *A. Самуэль*, *Инфлянты. Историческія судьбы края, извѣстнаго подъ именемъ Польскихъ Инфлантъ* (Памятная книжка Витебской губерніи на 1887 г.).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXXXVIII.

1893.

І Ю Л Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°, Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (продолженіе).	1
В. А. Семеновъ. Греческій точникъ „Изреченій Ионхія“	84
В. О. Миллеръ. Отголоски апокрифовъ въ кавказскихъ народныхъ сказаніяхъ	94
Ө. И. Лесонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права (про- долженіе).	104
Л. Таллоци. Исторія сѣверо-восточной Европы и новѣйшая мадьяр- ская историографія	186

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. А. Дьяконовъ. II. Милковъ. Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. С.-Пб. 1892	202
Ө. И. Успенскій и А. И. Кириичниковъ. Византійскій Жур- наль, издаваемый профессоромъ Крумбагеромъ	231
Е. Ш. Ковалевскій. Школьные сады Екатеринбургской губерніи съ 1890—1892 гг. Отчеты и докладъ г. Лисицына. Екате- ринославль. 1892	273
Н. Н. Дебольскій. И. Е. Германъ. Исторія межеваго законода- тельства отъ Уложенія до генеральнаго межеванія (1649— 1765). М. 1893.	277
А. И. Браудо. Новые матеріалы для исторіи русско-голландскихъ отношеній	282
— Книжныя новости	297
— Наша учебная литература (разборъ 7 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Публичная Библіотека въ 1890 году	1
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Яковъ Карловичъ Гротъ (некрологъ).	12

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. И. Крашенинниковъ. Эпиграфическіе этюды (продолженіе).	1
Н. Д. Первовъ. } Метафизика Аристотеля (продолженіе)	47
В. В. Розановъ. }	

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го июля).

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКАГО ПРАВА ¹⁾.

III.

Перейдемъ теперь къ *русскимъ областямъ*, принадлежавшимъ къ великому княжеству Литовскому. Области эти, обнимавшія западную половину Русской земли, постепенно колонизовались отдѣльными племенными группами русскихъ славянъ. Начальная лѣтопись довольно точно опредѣляетъ племенной составъ славянъ, жившихъ въ IX вѣкѣ въ западной половинѣ русской территоріи и вошедшихъ позже въ составъ Литовско-Русскаго государства.

Сѣверо-западную часть русской территоріи, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Литовскою землей, занимали изстари поселенія двухъ славянскихъ племенъ: *кривичей*, колонизовавшихся по Западной Двинѣ и верховьямъ Волги, Днѣпра, Березины и Нѣмана, и *дреговичей*, поселившихся къ югу отъ кривичей, отъ Березины до Припяти, по обѣимъ сторонамъ послѣдней. Крайнюю западную группу русскихъ славянъ, по лѣтописи, составляли *хорваты*, сидѣвшіе въ Подкарпатскомъ краѣ и послужившіе кореннымъ ядромъ образованія позднѣйшей Галицкой (Червоной) Руси ²⁾. Вторая западная же группа состояла изъ *дульбово-воляннъ* (*бужанъ*—по Западному Бугу, *лучанъ*—по р. Стыри и Горыни). Къ этой же группѣ принадлежали *древляне*, осѣвшіе по истокамъ Припяти до Днѣпра. Въ ближайшемъ сосѣд-

¹⁾ *Продолженіе*. См. мартовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

²⁾ На Угорской сторонѣ Карпатъ сидѣли погоряне, или угорская русь, которая не участвовавшая въ общихъ историческихъ судьбахъ остальныхъ русскихъ земель.

ствѣ съ древлянами и волянянами (къ востоку) колонизовались *поляне*, занявшіе западную сторону Днѣпра, отъ Припети до Руси. Изъ славянскихъ народовъ, основавшихъ свои поселенія на восточной сторонѣ Днѣпра, къ Литовско-Русскому государству примкнули *сѣверяне*—въ бассейнѣ Десны до Сулы, *радимичи*—между Днѣпромъ и Сожью и часть *вятичей* (позднѣйшая Брянская земля, по истокамъ Оки). Наконецъ, въ составъ территоріи Литовско-Русскаго государства входили нѣкоторое время земли, простиравшіяся къ югу отъ поселеній волянянъ и полянъ до Черноморскаго побережья, гдѣ въ древнее время жили *тиверцы* и *уличчи* (уличи).

Славянскія племена, по своей политической культурѣ, въ пору присоединенія ихъ къ Литвѣ, стояли на гораздо высшей ступени развитія сравнительно съ племенами литовскими, которыя, какъ мы видѣли, вплоть до XIII вѣка представляли „народы“ лишь въ этнографическомъ смыслѣ, составляли каждый въ отдѣльности разбросанную массу независимыхъ одна отъ другой сельскихъ общинъ и волостей, безъ всякихъ политическихъ связей между собою. У славянъ еще въ доисторическія времена стала развиваться и устанавливаться та самая земская организація, какая существовала вездѣ на Руси въ XI и XII вѣкахъ. Исторія застаётъ у славянъ русскихъ уже вполне сложившееся понятіе о землѣ, какъ политически организованномъ, территоріальномъ союзѣ, съ самобытною земскою властью (вѣчевою и княжескою) и съ общими земскими центрами-общинами, къ которымъ тянуло въ бытовомъ и административномъ отношеніи все населеніе данной земли. „Племена, перечисляемая въ начальной лѣтописи, суть земли-княженія, большею частію, тѣ же, какія мы находимъ въ XI и XII вѣкахъ“¹⁾. Земли Деревская (Древлянская), Кривичская, Польская (Кіевская) и т. д.—столь же древнія понятія, какъ и древляне, поляне и кривичи; въ начальной лѣтописи тѣ и другія названія употребляются совершенно безразлично. Тѣ же самыя земли, какъ видно изъ разказа лѣтописца о первыхъ кіевскихъ князьяхъ, имѣли уже на первыхъ историческихъ порахъ значеніе „княженій“, то-есть, областей, состоявшихъ во всемъ своемъ составѣ подъ нарядомъ земскихъ князей²⁾. Такимъ же доисторическимъ явле-

¹⁾ *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ ист. р. пр., I, 4.

²⁾ „И по сихъ братіи (кіевскихъ князей) держати почаша родъ ихъ княженъ въ Поляхъ (у полянъ), въ Деревляхъ—свое (княженіе), а словени — свое Новѣгородъ, а другое (княженіе) по Полотѣ. иже полочане“ (И. С. Р. I., I, 5).

ніемъ нужно считать и понятіе волости ¹⁾. Характерный ея признакъ заключается въ административномъ устройствѣ земли, какъ территоріальнаго союза, состоявшаго подъ княжескою или вѣчевою властію старшей, центральной общины. Эти-то центральныя общины (городскія или сельскія — безразлично) исторія застаётъ во всѣхъ русскихъ земляхъ; уже въ доисторическое время существовали такіе племенные центры, какъ Кіевъ, Черниговъ, Полоцкъ и пр. Ко времени князей Рюрикovichей (въ IX вѣкѣ) были на Руси въ наличности всѣ основныя начала земскаго устройства, какими характеризуется политическій бытъ Руси вплоть до образованія изъ отдѣльныхъ земель-волостей цѣльнаго государства.

Затѣмъ, еще въ доисторическое время отдѣльные народцы русскихъ славянъ стали комбинироваться въ разноплеменные территоріальные союзы. Въ эпоху призванія князей кривичи разбивались уже на отдѣльныя земли—Полоцкую и Смоленскую; часть кривичей (на сѣверѣ—Изборскъ, позже Псковъ) стояла въ связи съ словенами (Новгородскою землею). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что раздѣленіе кривичей на отдѣльныя, независимыя другъ отъ друга, земли совершилось въ доисторическое время, гораздо раньше эпохи призванія князей. Въ историческое время ни одна западно-русская земля не сохранила въ полной неприкосновенности своихъ племенно-территоріальныхъ границъ, представляла, въ большей или меньшей степени, помѣсь различныхъ племенныхъ частей, а нѣкоторыя племена и вовсе утратили свою земскую самобытность. Уже въ половинѣ X вѣка дреговичи входили въ составъ Кіевской земли. Дреговичи, разбившіеся въ XI вѣкѣ на отдѣльныя земли-княженія (княжества Пинское и Туровское), находились въ зависимости отъ Кіева; часть (сѣверная) дреговичей отошла къ Полоцкой землѣ. Подобнымъ же образомъ радимичи вошли въ составъ частью Сѣверской, частью Кривичской (Минской) земель.

Въ быту западно-русскихъ земель, вплоть до присоединенія ихъ къ Литвѣ, воспроизводится съ особенной рѣзкостью одно изъ наиболее характерныхъ явленій стараго земскаго строя русскаго народа,—именно стремленіе общинъ къ территоріальному дробленію, къ обо-

¹⁾ См. классическое мѣсто лѣтописи: „Новгородцы бо *изначала* и смоляне, и кыяне, и полочане, и *вся власти* (волости) яко же на думу на вѣча складается; на что же старѣйшіе (главные города) судуають, на томъ же пригородахъ стануть“ (И. С. Р. Л., I, 160).

собленію волостей въ независимые территориальныя союзы. Въ этомъ стремленіи, главнымъ образомъ, кроется корень той удѣльной разобщенности и политической розни, какая въ равной мѣрѣ господствовала въ старое время въ западной и восточной половинахъ древней Руси. Для примѣра укажемъ на Кривичскую землю. Къ XIII вѣку она успѣла, подобно другимъ русскимъ землямъ, раздробиться на многочисленныя удѣлы, не имѣвшіе между собой никакихъ прочныхъ, политическихъ связей. Кромѣ земель Полоцкой и Смоленской, обособившихся, какъ замѣчено, еще въ доисторическія времена, въ источникахъ находимъ указанія на удѣльныхъ князей въ Минскѣ, Витебскѣ, Изяславлѣ, Логойскѣ, Друцкѣ, Слуцкѣ, Стрѣжевѣ, Клецкѣ, Оршѣ, Свислочь, Лукомѣ, Кокенгаузенѣ и Герцикѣ. Подобное же дробленіе территоріи совершалось и въ другихъ земляхъ западной и южной Руси—Сѣверской, Черниговской, Кіевской и пр. ¹⁾

Правда, къ XIII вѣку начинается замѣчательное въ жизни южно-русскихъ земель новое движеніе, которое, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, могло бы, само собой, привести къ установленію государственнаго единства русскихъ земель. Такова именно группировка земель и удѣловъ въ болѣе крупныя политическія единицы, какъ это ясно обозначилось въ южной Руси, при Романѣ, въ фактъ соединенія Волини съ Галиціей, къ которымъ, при сынѣ его Данилѣ, примыкаетъ и Кіевская земля ²⁾. Но такая политическая комбинація не нашла себѣ поддержки въ остальныхъ западно-русскихъ земляхъ; общественныя силы ихъ истрачивались по мелочамъ въ постоянной внутренней борьбѣ, конечнымъ результатомъ которой могло быть лишь дробленіе территоріи, установленіе земской обособленности, а не государственнаго единства народа. При такихъ условіяхъ политической жизни Западной Руси, татарскій погромъ, разразившійся надъ всей Русскою землею и въ корнѣ опустошившій большую поло-

¹⁾ В. Антоновичъ, Мон., I, 20. Въ землѣ древнихъ сѣверянъ и прикинувшихъ къ ней позже сосѣднихъ волостяхъ радимичей и витичей образуется цѣлый рядъ удѣловъ—Черниговскій, Переяславскій, Новгородсѣверскій, Стародубскій, Брянскій, Бѣлевскій и пр. Волинская земля дѣлится также на нѣсколько земель-удѣловъ: Владимірско-Луцкій, Бельскій, Холмскій и пр.

²⁾ Аналогическое же движеніе замѣчается и на сѣверо-востоцкѣ русской территоріи: тамъ образуется группа суздальско-рязанскихъ земель, съ замѣтной тенденціей втиснуть въ ту же группу Новгородъ и Псковъ; начавшаяся съ XIII вѣка группировка восточно-русскихъ земель закончилась къ концу XV вѣка образованіемъ большаго государства Московскаго.

пину Западной Руси. вмѣстѣ съ начавшимся еще раньше нашествіемъ пѣмцевъ съ сѣвера на литовскія и сосѣднія русскія области, былъ могучимъ толчкомъ къ собиранію западно-русскихъ и литовскихъ земель, къ подчиненію ихъ одной общей верховной власти „господарей“ вновь возникавшаго государства — великаго княжества Литовскаго.

Первыя литовскія владѣнія на Руси, послужившія исходнымъ пунктомъ образованія Литовско-Русскаго государства, основываются въ первой половинѣ XIII вѣка въ *Кривичской землѣ*. Страна эта изъ старинъ разбивалась на двѣ неровныя половины — на Черную и Бѣлую Русь. Присоединеніе русскихъ земель къ Литвѣ началось съ Черной Руси, а затѣмъ вскорѣ распространилось и на Бѣлоруссію.

Черная Русь, удерживавшая за собою до половины XIV вѣка по преимуществу названіе „Кривичской“ земли, занимала территорію, граничившую съ южными литовскими областями, по лѣвой сторонѣ верхняго теченія Пѣмана и по сосѣднимъ притокамъ Припети. — территорію позднѣйшаго Новгородскаго воеводства съ частями Трокскаго (около Городно) и Минскаго. Предъ присоединеніемъ Черной Руси къ Литвѣ она разбивалась на отдѣльныя владѣнія русскихъ удѣльных князей: въ Городнѣ (Гродно) и Повгородѣ, съ принадлежавшими къ нимъ пригородами: Слонимомъ, Здитовымъ и Волковыскомъ. Вскорѣ, послѣ разгрома и опустошенія этихъ областей Батыевой ордой (около 1241 г.), вся Черная Русь была занята литовцами. Бывшіе русскіе удѣлы перешли съ этихъ поръ во владѣніе литовскихъ удѣльных князей, подъ главенствомъ Миндовга и послѣдующихъ великихъ князей литовскихъ. Старая система удѣловъ оставалась долго на прежнемъ основаніи и послѣ присоединенія Черной Руси къ Литвѣ.

Черная Русь въ литовскую эпоху заключала въ себѣ слѣдующія области ¹⁾.

¹⁾ *Sulimierski*; Słown., I, 739. *Baliński*, IV, 97, 290, 496, 504, 528, 537, 549. *В. Антоновичъ*, Моногр., I, 20, 23 — 25, 45. Ср. *Колломицъ*, Лекція по исторіи Западной Россіи (1863—1865). II. *Бѣлаевъ*, Очеркъ исторіи сѣверо-западной Россіи (1867). II. *Дашкевичъ*, Запѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства (1886). *А. Барбашевъ*, Очеркъ литовско-русскаго исторіи (1891). *Довнаръ-Запольскій*, Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель (1891). II. *Бобровскій*, Истор.-статист. описаніе Гродненской губ. (1863). Запѣтки о западной части Гродненской губ. (Этногр. Сборн., 1868, III). II. *Меліоранскій*, О русской Гродненской старинѣ (*Литоиск. Еларх. Вѣд.* за 1888 г.). *Paźowski*, Novogrodecum (1759). *Lachnicki*, Statystyka gubernii Litewsko-Grodzieńskiej (1917). *М. Дмитріевъ*, Нѣсколько

Гродненское княжество, съ главнымъ городомъ Гродно (Гродно), занимало западную окраину Черной Руси, по лѣвой сторонѣ средняго теченія Нѣмана. Въ древнее время область эта составляла удѣлъ русскихъ князей, зависѣвшихъ то отъ Кіевской, то отъ Волынской земли. Послѣ татарскаго нашествія (въ 40-хъ годахъ XIII вѣка) княжество было вскорѣ занято Литвою. При раздѣлѣ литовскихъ владѣній между сыновьями Гедимины, Гродненская земля, вмѣстѣ съ Трокскимъ княжествомъ и Берестьемъ, перешла въ удѣлъ Кейстута ¹⁾. Около 1347 г. Гродненскимъ княжествомъ управлялъ старшій сынъ Кейстута, Патыргъ или Патрыкъ; въ хроникахъ онъ называется *ge de Garthen*, или *Karten* ²⁾. Въ концѣ XIV вѣка (въ 1382 г.) Ягелло отдалъ эту область брату Скиргайлу; вскорѣ затѣмъ (въ 1384 г.), по соглашенію Ягеллы съ Витовтомъ Кейстutowичемъ, послѣдній получилъ Гродненское княжество вмѣстѣ съ Берестьемъ и остальной Подляхией, взаимъ отцовскихъ отчинъ-княжествъ Трокскаго и Жмудскаго ³⁾. Въ 1392 Гродненская область окончательно теряетъ удѣльный характеръ, становится провинціей, принадлежавшей къ великокняжескимъ владѣніямъ, позже къ Трокскому воеводству ⁴⁾.

Новгородское (Новгородское) княжество, занимавшее центръ Черной Руси (въ верховьяхъ Нѣмана), составляло одно изъ древнихъ владѣній русскихъ удѣльныхъ князей. Послѣ татарскаго погрома областью этой владѣль литовскій вождь Миндовгъ, учредившій свою резиденцію въ стольномъ городѣ княжества — Новгородѣ Литовскомъ (Новгородкѣ). При Гедиминѣ Новгородскимъ княжествомъ владѣль его сынъ — Коріать; въ его же удѣлъ досталось это княжество по смерти отца (въ 1340 г.). Кромѣ Новгорода Литовскаго, Коріать вла-

словъ краткаго историч. обзорѣнія лит.-русскаго Новогрудка отъ 1116 г. до конца XIV столѣтія (*Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, 1858, № 12). *I. Latkowski, Mendog (Rozprawy Akad. Krakow. Wydział hist.-filos.* 1892, t. XXVIII). *A. Lewicki, Powstanie Świdrigielly (ibid., t. XXIX)*. *F. Konieczny, Jagiełło i Witold (Przewodnik nauk. i liter.* 1892, scz. I—XII).

¹⁾ *Антоновичъ, Моногр.*, I, 77.

²⁾ *Stadnicki, Olgerd*, 207. Послѣ Патырга (ок. 1364) Гродненскій удѣлъ перешелъ было на нѣкоторое время къ Витовту (*Przewodn.*, 1892, I, 12).

³⁾ *Skarbiec, № 498*. Ср. *Zbiór pr. Lit.*, p. 1. Въ одной поручной записи 1387 г. Витовтъ называется княземъ брестскимъ и гродненскимъ (*Wolff, Ród. Ged.*, 16; *Stadnicki, Syn. Ged.*, II, 164; *Bracia*, 272, 274. *Konieczny, Przewodn.*, 1892, II, 107).

⁴⁾ *Sulimierski, Słown.*, II, 831. *Baliński*, IV, 290. А. З. Р., I, №№ 202, 203, 206 и др. Ср. *Lewicki, Rozprawy*, XXIX, 143.

дѣль Волковыскомъ и Мстиславомъ¹⁾). Изъ записи Витовта 1401 г.²⁾ видно, что послѣ Коріата Новгородомъ Литовскимъ владѣли сперва Войдаты Кейстутовичъ (ум. 1362 г.) и его сынъ Юрій³⁾, потомъ Товтивилъ Кейстутовичъ (умеръ 1390 г.)⁴⁾. Затѣмъ, удѣль этотъ снова перешелъ въ родъ Коріата—къ его сыну Осдору. Въ 1401 г. Новгородъ былъ отобранъ отъ него Витовтомъ и предоставленъ брату—Сигизмунду Кейстутовичу⁵⁾. Присяжной записью того же года Витовтъ заявляетъ, что по его смерти должно отойти къ Польнѣ все Литовское княжество, кромѣ Новгорода съ волостями, отданными въ удѣль Сигизмунду Кейстутовичу.—владѣніе это отойдетъ къ коронѣ лишь по смерти владѣльца⁶⁾. Какъ извѣстно, записъ Витовта осталась не исполненной: Литва не утрачивала своей самостоятельности еще долго послѣ Витовта, какъ и Новгородъ Литовскій продолжалъ составлять литовское владѣніе. Есть извѣстіе, что еще при Витовтѣ (около 1406 г.) Новгородское княжество, за переводомъ Сигизмунда Кейстутовича въ Сѣверщину (въ Стародубъ), поступило въ составъ непосредственныхъ владѣній великихъ князей литовскихъ⁷⁾. Въ 1428 г. восстанавливается удѣльное значеніе Новгорода Литовскаго, отданнаго Витовтомъ его женѣ Ульянѣ въ качествѣ вѣна („*dotalicij dicti vulgariter wyano*“)⁸⁾. Новгородскій удѣль находился во владѣніи княгини Ульяны, впрочемъ, не долго; вскорѣ послѣ смерти Витовта (съ 1431 г.) Новгородъ окончательно перешелъ въ управленіе великокняжескихъ наместниковъ⁹⁾.

Слоница, принадлежавшій первоначально къ числу новгородскихъ пригородовъ, вскорѣ послѣ присоединенія Черной Руси къ Литвѣ былъ захваченъ (въ 1252 г.) галицкимъ княземъ Львомъ Даниловичемъ.

¹⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., 2-е изданіе. *Wolff*, Ród Ged., 70. *Latkowski*, *Menolog*, 312 и слѣд.

²⁾ *Prochaska*, Cod., № 233.

³⁾ Сынъ Войдаты Юрій назывался *Herzog zu Nogarten* (*Wolff*, Ród Ged., 55); нужно думать, что послѣ отца Юрій владѣлъ Новгородкомъ, и только послѣ него этотъ удѣль перешелъ къ Товтивилу Кейстутовичу (*Skarbicec*, № 492).

⁴⁾ *Wolff*, Ród Ged., 55, 60. *Конечны*, *Przewodn.*, II, 12. Ср. *Бухаринъ*, 22. *Prochaska*, Cod., № 233.

⁵⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., 2-е изд., 179—180.

⁶⁾ *Prochaska*, Cod. epist. Vit., № 233.

⁷⁾ См. *Sulimierski*. *Słown. geogr.*, VII, 255. *Baliński*, *Star. Pol.*, IV, 497—499.

⁸⁾ *Prochaska*, Cod., 793.

⁹⁾ *Lewicki*. *Rozprawy Krak. Ak.*, t. XXIX, p. 169. Ср. *Narbutt*, *Dzieje nar. Lit.*, t. VI, p. 562.

чемъ; съ 1258 г., по договору Данила съ Миндовгомъ. Слонимъ остался за Литвою въ значеніи новгородскаго пригорода. Значеніе особаго удѣла Слонимъ приобрѣлъ въ концѣ XIII столѣтія, когда Гедиминъ предоставилъ Слонимъ вмѣстѣ съ Керновымъ въ удѣлъ старшему своему сыну Монвиду. Послѣ бездѣтной смерти послѣдняго Слонимскій удѣлъ достался Кейстуту. Удѣльное значеніе Слонимъ удерживалъ до временъ Витовта ¹⁾).

Кромѣ княжествъ Городенскаго, Новгородскаго и Слонимскаго, въ Черной Руси существовали въ XV и первой половинѣ XVI столѣтія мелкія удѣльныя волости, какъ это было во всѣхъ западно-русскихъ земляхъ почти вплоть до Люблинской униі. Въ источникахъ сохранились извѣстія о волостяхъ, принадлежавшихъ въ бывшей Черной Руси князьямъ Крошинскимъ, Путятамъ, королевѣ Боги, также князьямъ Тверскимъ, позже Глинскимъ и Чарторыскимъ.

Исслѣдователи не безъ основанія полагають, что первоначально удѣльныя владѣнія *князей Крошинскихъ* сосредоточивались въ Новгородскомъ повѣтѣ бывшей Черной Руси. Какъ видно изъ самаго названія этихъ князей, они владѣли въ этомъ повѣтѣ Крошиномъ (на р. Шарѣ, притокѣ Пѣмана) съ тянувшей къ нему волостью. Въ источникахъ, впрочемъ, не сохранилось никакихъ свѣдѣній, когда именно князья Крошинскіе владѣли старою своею Новгородскою отчиною; въ актахъ со второй половины XV и въ XVI столѣтіи князья эти упоминаются въ ряду „отичей“ Смоленской земли ²⁾). Старое удѣльное значеніе Крошина возстановляется въ 1499 г., когда этотъ господарскій дворъ былъ пожалованъ великимъ княземъ Александромъ кievскому воеводѣ, князю Дмитрію Ивановичу *Путятичу*. Во владѣніи Путятичой Крошинъ оставался въ теченіе XVI столѣтія до прекращенія рода этихъ князей ³⁾).

Вскорѣ послѣ назначенія князю Путятичу удѣла въ бывшей Черной Руси получаютъ тамъ же владѣнія и старые новгородскіе отичи, князья *Крошинскіе*. Взамѣнъ Смоленской ихъ отчины, ото-

¹⁾ *Baliński*, *Staroż. Polska*, IV, 549. *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, X, 824. *K. Stadnicki*, *Syn. Ged.*, I, 2-е изд., 3, 140. *Wolff*, *Röd Ged.*, 10. Ср. Ревизія пущь, стр. 194—205.

²⁾ О князьяхъ Крошинскихъ, смоленскихъ отиччалъ, см. ниже — о Смоленской землѣ.

³⁾ *Boniński*, *Poczet ród.*, 156, 266. О кн. Путятахъ см. ниже — объ удѣльныхъ княжествахъ въ Витебской землѣ.

шедшей къ Москвѣ ¹⁾), великій князь Александръ далъ князю Константину Ѳеодоровичу Крошинскому „на хлѣбокормленье“ дворъ *Побоево* въ Волковѣйскомъ повѣтѣ. Вскорѣ затѣмъ оказалось, что князь Крошинскій „на томъ ся не масть чимъ поживить“; по его челобитью, вмѣсто *Побоева*. взятаго на господаря, великій князь въ 1503 г. далъ ему господарскій дворъ *Дубно* (близъ Нѣмана, при впаденіи въ него р. Роси) въ Городенскомъ повѣтѣ, съ людьми, землями, всѣми далями и доходами, „со всимъ съ тымъ, какъ тотъ дворъ былъ на насъ держанъ, до тыхъ часовъ, поки отчизну ихъ очистимъ“, съ тѣмъ, чтобы староста городенскій „въ тотъ дворъ и въ люди не вступалъ“ ²⁾). Очищенія Смоленской отчины князей Крошинскихъ не было, и потому они продолжали владѣть волостью Дубенской на общемъ удѣльномъ положеніи. При королѣ Сигизмундѣ нѣсколько разъ (въ 1506. 1509 и 1512 гг.) давались князю Константину Крошинскому и его дѣтямъ подтвердительные привилеи на Дубенскій удѣлъ, каждый разъ до „очищенія“ ихъ отчины и выслуги ³⁾). Послѣ смерти кн. Константина Ѳеодоровича Крошинскаго (ок. 1523 г.) король Сигизмундъ оставилъ этотъ удѣлъ во владѣніи вдовы покойнаго князя, княгини Анны, записавшей въ 1531 г., съ дозволенія короля, Дубенскій дворъ *королеви Бонѣ*. По смерти княгини Крошинской, дочери ея удержали за собой новые дворы и села, заведенные на пустыхъ земляхъ Дубенскихъ; старыя же владѣнія Дубенскаго удѣла отошли, по записи княгини Крошинской, къ королевѣ Бонѣ, владѣвшей Дубенской волостью вмѣстѣ съ другими своими удѣлами до выѣзда изъ Литвы въ 1556 г. ⁴⁾).

Во второй половинѣ XV столѣтія выдѣляется въ Слонимскомъ повѣтѣ волость *Лососино*, пожалованная князю Михаилу Борисовичу, сыну московскаго выходца (съ 1393 г.), *тверскаго* князя Бориса Александровича. Въ началѣ XVI столѣтія (въ 1504 г.) волость эта перешла во владѣніе князей *Глинскихъ*, а послѣ ухода ихъ въ Москву (въ 1508 г.) была пожалована въ качествѣ наследственной вот-

¹⁾ Привилей вел. кн. Александра, 1503 г.: „Былъ намъ чоломъ казначей смоленскій кн. Константинъ Крошинскій и повѣдалъ передъ нами, штожь отчизну его всю и нашу данину непріатель нашъ вел. князь Московскій забралъ и посылъ, и не масть ся гдѣ съ жоною и зъ дѣтми своими подѣтца“ (А. З. Р., I. № 202).

²⁾ А. З. Р., I, № 202.

³⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 50.

⁴⁾ *Bonięski*, *Poczet rodow*, 157. *Любавскій*, *Областн. дѣленіе*, 177. *Sulimierski*, *Slown. geogr.*, II. 197.

чины князю Семену Александровичу *Чарторыскому*. Въ родѣ послѣдняго волюсть эта оставалась во все послѣдующее время ¹⁾).

Изъ изложеннаго видно, что раздѣленіе территорій бывшей Черной Руси на удѣльные княженія со времени присоединенія ея къ Литвѣ имѣло въ своей основѣ старую систему русскихъ удѣловъ. Удѣльная рознь окончательно исчезаетъ въ Черной Руси лишь въ XVI столѣтіи.

Въ административномъ отношеніи области, образовавшіяся на территоріи Черной Руси, въ XV столѣтіи (съ 1413 г.) тянулись къ Трокскому воеводству. Въ 1500 г. изъ него выдѣлилось особое Новгородское воеводство; въ составѣ Трокскаго воеводства остался лишь одинъ Городненскій повѣтъ. Новгородское воеводство образовалось изъ трехъ отдѣльныхъ повѣтовъ. Бывшее Новгородское княжество было раздѣлено на два повѣта: восточная половина его, со включеніемъ сосѣднихъ областей сѣвернаго Полясья (княжествъ Слуцкаго, Клецкаго и Песвижскаго), составила повѣтъ Новгородскій; западная половина, съ Волковысскомъ во главѣ, отчислена въ особый повѣтъ. Бывшій Слонимскій удѣлъ образовалъ третій повѣтъ ²⁾).

Въ такомъ составѣ Черная Русь принадлежала къ великому княжеству Литовскому до позднѣйшаго времени. Ниже будетъ рѣчь о томъ, на сколько вообще „спаялись“ русскія области съ Литвой. Теперь сдѣлаемъ замѣтку о предполагаемой Любавскимъ инкорпорации Черной Руси съ Литвой ³⁾. Онъ утверждаетъ, что Городно съ конца XIV столѣтія считался „частью собственной Литовской земли“, и ссылается на одинъ нѣмецкій актъ, именно на договоръ 1379 года ⁴⁾. Но, по справедливому замѣчанію Конечнаго ⁵⁾, Городно (Garten) въ нѣмецкихъ актахъ всегда называется „русскимъ“ городомъ. Перемиріе (pokoj, rozejm, собственно средневѣковый институтъ „*paх Dei*“ — отъѣна *Faustrecht* на опредѣленное время для извѣстныхъ мѣстностей или лицъ), установленное договоромъ 1379 года, касалось пограничныхъ земель Прусскаго Ордена и Литовскаго княжества. И вотъ какъ опредѣляется территориальный составъ мѣстностей, нейтрализуемыхъ по договору 1379 года: „*My Jagel etc. uczyniliśmy pokoj na rzecz niektórychъ naszychъ krainъ ruskichъ, orazъ ichъ ziemъ pruskichъ...*“

¹⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 56. *Boniecki*, 33, 64, 354.

²⁾ А. З. Р., II, № 7. *Baliński*, *Staroż.* Polska, IV, 496.

³⁾ Областное дѣленіе, 3, 4, 7.

⁴⁾ *Skarbiec*, № 464.

⁵⁾ *Przewodnik*, 1892, VII, 687.

nasze kraje ruskie, w części nad Niemnem leżące ku pruskiej stronie, jako to: *Wilkawick* (Волковыйскъ). *Saras* (Суражъ) etc. i *kraj Garten* (Городно), mieć mają pokoj“ etc. Русскими землями названы не только мѣстности Подляшскія (Суражъ. Дрогичинъ и пр.), лежащія по правымъ притокамъ Западнаго Буга. но и специально города Черной Руси, Волковыйскъ и Городно, находившіеся именно въ бассейнѣ Нѣмана съ прусской стороны. Затѣмъ, касательно прусскихъ земель, прилегающихъ не къ одной Подляхн и Черной Руси, но и къ чисто литовской землѣ—Трокской, въ договорѣ постановлено: „*Nawzajem zazywać będą pokoiu kraje zakonu: Osterrode etc. od Litwinów* (то-есть, жителей Трокской земли) *i Rusinów*“ (жителей Подляхн и Черной Руси). Нарушеніе „мира“ въ прусскихъ земляхъ могло быть также со стороны населенія внутреннихъ или болѣе отдаленныхъ (*dalszych*) областей Литвы (Жмуди. Виленской земли) и Руси (Волини, Полѣсья); на такіе случаи миръ прусскихъ земель и гарантируется слѣдующей затѣмъ статьей договора, по которой „*zabroniony przystęp* (въ прусскія земли) *dalszym Litwinom i Rusinom*“. Изъ сказаннаго, кажется, явствуется, что договоръ 1379 года именуется русскими землями въ одинаковой мѣрѣ мѣстности Подляшскія и Городненскія, ни разу не замѣняетъ Городненской земли и городнягъ словомъ „Литва“, какъ утверждаетъ г. Любавскій. Не убѣдительно также ссылка на судебный актъ 1532 года, въ которомъ Городно именуется „*панствомъ Литовскимъ*“: такимъ же панствомъ называются въ этомъ актѣ и Ляховичи, находившіеся въ Полѣсьи¹⁾,—Полѣсье же едва ли когда либо считалось „частью собственной Литовской земли“. Что касается избранія Новгорода Черной Руси господарской резиденціей при Миндовгѣ, то оно вовсе не означало превращенія Новгорода въ литовскій городъ. Луцкъ, бывшая резиденція Витовта, точно также не считался литовскимъ городомъ. Названіе „литовскій“, по словамъ самого Любавскаго, дано было Новгороду Черной Руси „въ отличіе“ его отъ Новгорода Сѣверскаго. Таково же происхожденіе „Литовской Руси“, „Литовскаго Полѣсья“. „Брестъ-Литовска“, литовскаго Суража или Брянска (въ Подляхн) и пр. Напрасно также Любавскій ссылается на судебный вырокъ 1499 года. Въ данномъ случаѣ шелъ споръ на судѣ между нисаремъ Оедькой Григор. Хрептовичемъ и паномъ Гаштольдъ изъ-за лововъ, принадлежавшихъ къ имѣнію перваго, Любчу. Поселеніе это находилось въ Новгородскомъ повѣтѣ, на лѣвой сторонѣ

¹⁾ *Baliński*, IV, 530, 555.

Нѣмана; на правомъ берегу этой рѣки была уже Литва; тамъ начинались литовскія владѣнія Гаштольдовъ, простиравшіяся далеко къ сѣверу, до Ошмянны и Мѣдниковъ. Сосѣднія русскія волости на лѣвомъ берегу Нѣмана, въ томъ числѣ и Любчъ, приобрѣтены Гаштольдами лишь въ 20-хъ годахъ XVI столѣтія¹⁾. Господарскій вырокъ 1499 года, присудившій ловы Хрептовичу и мотивированный тѣмъ, что „по всему великому княжеству нигдѣ папскіе мужики лововъ своихъ не имають, а наиболѣй *изъ Литвы*“, цѣликомъ направленъ противъ показанія Гаштольда, *литовскаго* землевладѣльца, заявляшаго на судѣ, что спорные ловы принадлежали „людямъ одного его сельца“. Подъ „Литвой“ въ вырокѣ разумѣются литовскія владѣнія Гаштольда, а не Любчъ и вообще русскія волости, тиуншія къ Новгороду. Въ заключеніе Любавскій касается вопроса о литовской колонизаціи Черной Руси и самъ замѣчаетъ, что о ея размѣрахъ судить довольно трудно; между тѣмъ имѣнно лишь при наличности несомнѣнныхъ доказательствъ широкаго развитія въ Черной Руси литовской колонизаціи можно говорить о Черной Руси, какъ о „части собственной Литовской земли“. Доказательства литовской колонизаціи въ Черной Руси Любавскій видитъ въ названіяхъ нѣкоторыхъ ея округовъ („Литовскій“ десятокъ въ Слонимскомъ повѣтѣ, „Йомонтскій“—въ Волковыйскомъ). Но такія названія, сами по себѣ, еще ничего не доказываютъ. Раньше приведено указаніе лѣтописи на „Литву“, сидѣвшую въ Смоленскѣ въ началѣ XIII столѣтія, и на „татарскихъ людей“ Подолии въ XIV столѣтіи; какъ мы знаемъ, въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ о русскихъ людяхъ, а не литвинахъ и татарахъ. Любавскій ссылается, затѣмъ, на указанія источниковъ—на военную службу колонизацію въ Черной Руси, на существованіе въ ней „множества имѣній литовскихъ князей, пановъ и бояръ“, на сосредоточеніе (хотя и не замкнуто) землевладѣнія въ военномъ классѣ, „вышедшемъ изъ литовскаго племени“, на занятіе „всѣхъ высшихъ и низшихъ правительственныхъ должностей членами этого класса“ и пр.²⁾ Сколько намъ извѣстно, рѣшительно нѣтъ никакихъ документальныхъ данныхъ, которыми могли бы уполномочивать изслѣдователя съ полной основательностью утверждать о сосредоточеніи въ Черной Руси землевладѣнія въ рукахъ литвиновъ не только въ такую раннюю эпоху, какъ XIII—XIV столѣтія, но и въ XV и первой

¹⁾ О владѣніяхъ Гаштольдовъ и Хрептовичей см. *Bonieski*, 27—30, 56—60. *Balibski*, IV, 524.

²⁾ Области. дѣленіе, 7.

половинѣ XVI столѣтія. Указанія на военнослужилую колонизацію и на существованіе множества имѣній литовскихъ князей и пановъ можно прослѣдить по памяткамъ, иногда весьма раннимъ, во всѣхъ русскихъ земляхъ, входившихъ въ составъ Литовскаго государства; но отсюда еще весьма далеко до заключенія о литовской ихъ инкорпорациі. Затѣмъ, если дѣйствительно въ XV и первой половинѣ XVI столѣтія высшіе и низшіе уряды занимались литвинами, при томъ не въ одной Черной Руси, но и въ другихъ областяхъ Кривичской земли, то это нисколько не было результатомъ литовской колонизаціи, какъ думаетъ Любавскій. Обстоятельство это объясняется извѣстнымъ направленіемъ административной политики, ставшимъ обозначаться въ Литовскомъ государствѣ со времени Владислава-Игеллы (съ политико-религіозной уніи, нашедшей сторонниковъ, главнымъ образомъ, въ средѣ литовскихъ пановъ) и, въ концѣ концовъ, выразившимся въ положеніи Городельскаго привилея 1413 года о допущеніи къ урядамъ высшимъ и низшимъ только католиковъ, сопричислившихся къ „польскимъ гербамъ“. Какъ извѣстно, положеніе это отмѣнено сеймовою конституціей 1563 года ¹⁾.

Бѣлая Русь (Бѣлоруссія) обнимала въ литовскую эпоху восточную половицу Кривичской земли, прилегавшую къ границамъ Литвы и располагавшуюся по Западной Двинѣ и верховьямъ Волги, Днѣпра и Березины. Бѣлорусская территория заключала въ себѣ позднѣйшія литовскія воеводства: Полоцкое, Смоленское, Витебское и Мстиславское съ частію Минскаго, и разбивалась на цѣлый рядъ удѣльных княженій, какъ и въ Черной Руси, берущихъ свое начало въ древнерусской удѣльной системѣ. Главныя княженія, на какія разбивалась Бѣлая Русь, въ литовскій періодъ представляли собой княжескіе удѣлы, образовавшіеся далеко раньше присоединенія Бѣлоруссіи къ Литвѣ. Сосѣднія съ послѣдней бѣлорусскія области (земля Полоцкая) были заняты Литвою почти въ одно время съ Черной Русью (въ половинѣ XIII вѣка); остальные части Бѣлоруссіи присоединялись къ Литвѣ въ теченіе XIV вѣка. Самымъ позднимъ приобрѣтеніемъ Литвы въ этомъ краѣ была Смоленская земля, окончательно присоединенная къ великому княжеству Литовскому въ началѣ XV вѣка ²⁾.

¹⁾ Zbiór praw lit., 7 — 12. А. З. Р., III, стр. 118. А. Ю.-З. Р., III, 158. Ср. также предисловіе къ Литовск. Статуту 1566 (*Времени. Моск. Общ. Истор. и Древн.*, кн. 23, отд. II, стр. 2—3).

²⁾ См. *Sulimierski, Słown. geogr.*, I, 193. *A. Rypński, Białorus (1840). М. Безкорниловичъ, Историч. свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи*

Территорія Бѣлоруссiи въ литовскую эпоху раздѣлялась на слѣдующія земли-княженія, изъ коихъ въ XV — XVI вѣкахъ образовались отдѣльные литовскія воеводства.

Полоцкая земля, главная бѣлорусская область (въ бассейнѣ Западной Двины), обособляется раньше другихъ русскихъ земель. Въ началѣ XII в. она становится совершенно независимымъ княжествомъ. Мѣстные князья (въ родѣ Изяслава Владиміровича) дробятъ Полоцкую землю на нѣсколько удѣловъ; возникаетъ обычная въ удѣльную пору усобица князей и общинъ за преобладаніе; для сосѣдней Литвы открывается широкое поле для вмѣшательства по внутренніи дѣла Полоцка. Велѣдъ за Черной Русью, въ половинѣ XIII в. (около 1241 г.), Полоцкая земля становится владѣніемъ литовскихъ князей (въ родѣ Миндовга). Векорѣ, впрочемъ, Полоцкъ, съ своимъ княземъ Эрденемъ, отдѣляется отъ Литвы и только при Витенѣ (около 1307 г.) окончательно присоединяется къ ней. При Гедиминѣ Полоцкъ поступилъ въ удѣлъ его брата—Вонша; послѣ его смерти (въ 1342 г.) княженіе Полоцкое перешло къ Андрею Ольгердовичу ¹⁾. Изъ присяжной записи смоленскаго князя Юрія Святославича 1386 г. видно, что въ этомъ году Андрей еще сидѣлъ въ Полоцкѣ ²⁾. Лишь въ слѣдующемъ

съ древнѣйшихъ временъ (1857). *Д. Иловайскій*, Вел. Новгородъ и Бѣлоруссія (*Русск. Вѣстн.*, 1864, № 8). *М. Букольникъ*, Историч. замѣтки о сѣверо-западн. краѣ Россiи (*Вѣстн. юго-западн. и западн. Россiи*, 1867, I; 1868, VIII). *Н. Петровъ*, Бѣлоруссія и Литва. Историч. судьбы сѣв.-русс. края. Издано П. Батюшковымъ (1890). *И. Биллего*, Исторія Полоцка, или сѣверо-западн. Руси (Разказы изъ русской исторiи, 1872, IV). *Семеновскій*, Этнографич. обзоръ Витебск. губ. *А. Сануновъ*, Витебская старина (1883). *Зеленскій*, Минская губернія (Матеріалы для геогр. и статист. Россiи, 1864). Архим. *Николай*, Истор.-статист. описаніе Минской епархіи (1864). *А. Дембовецкій*, Опытъ описанія Могилевской губерніи (1882). Краткое описаніе Ковенской губ. (1888). *А. Слунскій*, Пиславль и Туровъ (Сѣверо-западн. календ. на 1888 г.). *Мурзакевичъ*, Исторія Смоленска (1848). *Ц-бриковъ*, Смоленск. губ. (1862). *Kotlubaj*, Odsiecz Smoleńska i pokój Polański (1858). *Opis Mscislawa (Tygodn. Ilustr.*, 1872, № 245).

¹⁾ Сохранилась записъ этого князя отъ 1386 г., въ которой онъ такъ выражается о пожалованіи ему Полоцкаго удѣла: „Totum regnum Ploscoviense, quod pater noster Algirde nobis in vita sua assignavit et dedit, et post patris obitum fratres nostri nobis dederunt et assignaverunt, sicut in eorundem fratrum nostrorum patentibus litteris clarius apparet“ (*Voigt*, Cod. dipl. Pruss., IV, 39). Сохранились двѣ грамоты полоцкихъ князей: Андрея Ольгердовича и „Анофрей“ (А. З. Р., I, №№ 13 и 14). Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ грамоты принадлежать одному князю—Андрею. (См. *Конесну*, *Пржеводн.*, 1892, II, 112).

²⁾ Въ присяжной грамотѣ князя смоленскаго, данной на вѣрность королю Владиславу и великому князю литовскому Скиргайлу, между прочимъ, смолен-

году, послѣ того, какъ Полоцкъ былъ взятъ вооруженною силою, Ягелло особымъ привилеемъ¹⁾ призналъ Скиргайла полоцкимъ княземъ. Впрочемъ, онъ недолго держался въ своемъ удѣлѣ: первымъ дѣломъ Витовта послѣ того, какъ онъ сдѣлался великимъ княземъ, было удаленіе Скиргайла изъ Полоцкаго удѣла и присоединеніе его къ короннымъ владѣніямъ, съ подчиненіемъ Полоцка непосредственному управленію великокняжескихъ намѣстниковъ²⁾. Въ 1500 г. было образовано Полоцкое воеводство, существовавшее до присоединенія его къ Россіи въ 1772 г.³⁾

Витебская земля въ древнее время входила въ составъ полоцкихъ волостей. Витебскъ, считавшійся старѣйшимъ полоцкимъ пригородомъ, отдѣлился отъ Полоцка въ XII в., съ нѣсколькими подчиненными ему пригородами, и сталъ во главѣ отдѣльной земли, съ своимъ независимымъ вѣчемъ и своими удѣльными князьями. Послѣднимъ русскимъ княземъ въ Витебской землѣ былъ Ярославъ Васильевичъ, выдавшій въ 1318 г. свою дочь, единственную наследницу Витебскаго удѣла, за кривскаго князя Ольгерда. По смерти Ярослава (въ 1320 г.) Ольгердъ совершенно мирнымъ путемъ вступилъ во владѣніе Витебскою землею, въ качествѣ вѣна его жены⁴⁾. Позже Витебскъ составлялъ удѣлъ Ягеллы, а затѣмъ въ значеніи вдовьей „оправы“ перешелъ къ княгинѣ Юліанѣ, вдовѣ Ольгерда⁵⁾. По смерти послѣдней въ 1392 г., Свидригайло-Болеславъ, не желавшій учинить Витовту „покоры“, лишается отцовскаго удѣла. Завязавшаяся затѣмъ борьба изъ-за обладанія Витебскимъ княжествомъ окончилась въ

скій князь обязывается: „с кимъ король (и великій князь) не миренъ, и съ тымъ миру не держати ми, и со *Ондрсемъ Полоцкимъ* и с *полочаны* миру не держати ми, а ни слатися“ (Archivum Sangusz., I, № IV).

¹⁾ Skarbiec, № 542. Cod. epist. saec. XV, t. I, №№ 9 и 10.

²⁾ А. З. Р., I, №№ 64, 81.

³⁾ До 1500 г. Полоцкъ управлялся намѣстниками. См., напр., А. З. Р., I, № 147 и др. В. Антонович, Моногр., I, 19, 45. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 16, 20, 26, 32. *Wolf*, *Röd Ced.*, 6, 146. *Smolka*, *Kiejstut*, 9, 23, 59. *Baliński*, *Star. Pol.*, 2-е изд., IV, 481. *Stowp. geogr.*, VIII, 714. *Петроуъ*, Бѣлоруссія, стр. 26—27, 30, 32 — 36. *Н. Дашкевичъ*, Княженіе Данила Галицкаго, 119. *Latkowski*, *Mendog (Rozprawy Krak. Ak., XXVIII)*, 328, 335, 371). *Koneczny*, *Jagiello i Witold (Przewodn., 1892, II, 107; VI, 485 — 487; VIII, 686 — 689)*. Ср. Новг. лѣт., изд. 1888, стр. 274, 283. Волыск. лѣт., изд. 1871, стр. 541. Плат. лѣт., изд. 1871, стр. 569. П. С. Р., I, VII, 151. *Наніерскій*, Русско-лив. акты, № 25.

⁴⁾ *Латор. Даниловича*, 27. *Хроника Бисовца*, 17, 84.

⁵⁾ Княгинѣ Юліанѣ принадлежатъ жалованныя грамоты одной изъ мѣстныхъ церквей (А. З. Р., I, № 5).

1396 г. полнымъ присоединеніемъ его къ короннымъ владѣніямъ. Въ началѣ XVI в. (1506 г.) Витебскъ съ его областію становится отдѣльнымъ воеводствомъ, существовавшимъ до присоединенія его къ Россіи въ 1772 г. ¹⁾.

Въ составъ Витебской земли входило нѣсколько волостей русскихъ удѣльныхъ князей, сидѣвшихъ въ Оршѣ, Друцкѣ, Лукомѣ и пр. ²⁾. Тѣ же удѣлы удерживались и въ литовскую эпоху.

Орша составляла одну изъ старыхъ полоцкихъ пригородовъ; въ русскихъ лѣтописяхъ она упоминается уже подъ 1116 годомъ. Орша при Миндовгѣ (въ половинѣ XIII в.) составляла волость одного изъ его сыновей—Товтивилла. О послѣдующихъ князьяхъ оршанскихъ сохранилось мало свѣдѣній. Извѣстно только, что въ концѣ XIV столѣтія въ Оршѣ, какъ и въ соседнемъ Друцкѣ, сидѣли какіе-то мѣстные князья. Въ 1393 г. князья эти безъ сопротивленія подчинились Витовту во время его похода противъ Свидригайла, засѣвшего въ Витебскѣ. Съ этихъ поръ Оршанское княжество, по всему видно, вошло въ составъ коронныхъ владѣній ³⁾.

Друцкъ (Одруцко) — изстаринный полоцкій пригородъ, составлявшій въ XIII столѣтіи удѣлъ Друцкихъ князей. Послѣ присоединенія Бѣлороссіи къ Литвѣ въ Друцкѣ удержались старые русскіе князья ⁴⁾. въ качествѣ подручниковъ литовскихъ князей. О князьяхъ Друцкихъ сохранилось мало документальныхъ свѣдѣній. Видно, впрочемъ, что удѣльные князья держались въ Друцкѣ до конца XV или даже начала XVI столѣтія. Во второй половинѣ XIV столѣтія источники упоминаютъ о нѣсколькихъ Друцкихъ князьяхъ, пользовавшихся пра-

¹⁾ До 1506 г. Витебскъ управлялся намѣстниками (см., напр., А. З. Р., I, № 127). См. *Иловайскій*, Исторія Россіи, II, 182. *Савуновъ*, Витебск. старина, I, 567. *Антоновичъ*, Моногр., I, 25, 46. *Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольск. землѣ, 232. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 30—34, 96. *Stadnicki*, Syn. Ged., I (1881), 75. *Ею же*, Olgerd., 23 и сл. *Ею же*, Bracia Jagielly, 10, 16, 306, 309. *Wolff*, Ród Ged., 26. *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е изд., IV, 566. *Caro*, Gesch., III, 139. *Le-wicki*, 177. *Копецьку*, IV, 297.

²⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 20.

³⁾ *Stadnicki*, Bracia Jagielly, 307. *Sulimierski*, Słown., VII, 598. *Baliński*, IV, 574. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 30.

⁴⁾ См. *Антоновичъ*, въ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, стр. 9. Родоначальникомъ князей Друцкихъ старые геральдики польскіе считаютъ Михаила, сына галицко-владимірскаго князя Романа. По другой традиціи, родъ князей Друцкихъ происходитъ отъ Судислава, сына великаго князя кіевскаго Владиміра св. (*Niesiecki*, III, 409; VI, 140).

нами удѣльныхъ владѣтелей. Въ половинѣ этого столѣтія были извѣстны князья Друцкіе: Дмитрій Васильевичъ и его сыновья—Андрей и Василій ¹⁾. Въ одной изъ грамотъ Витовта (1384 г.) упоминается князь Левъ Друцкій, женившійся на одной изъ дочерей Кейстута, почему Витовтъ называетъ его своимъ шпагеромъ ²⁾. Въ Литовской лѣтописи, подъ 1392 г., упоминаются князья Друцкіе, „ударившіе челою у службу“ Витовту ³⁾. Договоръ литовскихъ князей съ Орденомъ 1398 г. подписанъ, въ числѣ другихъ князей, также княземъ Иваномъ „de Druczki“ ⁴⁾. Въ спискѣ литовскихъ князей, павшихъ въ битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ въ 1399 г., упоминается князь Андрей Друцкій ⁵⁾. Есть также свѣдѣнія объ удѣльныхъ Друцкихъ князьяхъ XV столѣтія. Въ 1443 г. Клецкій удѣлъ достался одному изъ Друцкихъ князей—Ивану Семеновичу Друцкому-Бабѣ ⁶⁾. Друцкій князь Семенъ Дмитріевичъ далъ присягу вѣрности королю Владиславу ⁷⁾. Еще въ началѣ XVI ст. Друцкъ принадлежалъ мѣстнымъ князьямъ на удѣльномъ положеніи, какъ это видно изъ извѣстія о возстаніи князя Глинскаго въ 1508 г., когда князья Друцкіе, по собственной волѣ, передали ему замокъ Друцкъ ⁸⁾. Съ XV ст. родъ князей Друцкихъ раздѣлялся на нѣсколько отдѣльныхъ линій. Кромѣ Друцкихъ-Бабъ, о которыхъ сказано выше, сюда принадлежатъ князья Друцкіе-Горскіе, Друцкіе-Любецкіе, имѣвшіе позже владѣнія на Волыни, и пр.

Въ 40-хъ годахъ XVI ст. Друцкъ находился во владѣніи одного изъ сосѣднихъ князей. Семена Ямунтовича Подбережскаго, рода старыхъ князей Клецкихъ (см. ниже). Родовое гнѣздо князей Друцкихъ досталось ему, повидному, послѣдствіемъ родственныхъ связей (скорѣе всего по браку) съ послѣдними владѣльцами Друцкаго удѣла. По смерти князя Семена Ямунтовича (около 1541 г.) Друцкія владѣнія

¹⁾ *Хмыровъ*, Алфавитн. справочн. перечень удѣльныхъ князей, № 287.

²⁾ *Prochaska*, Cod. epist. Vit., стр. 4 и 32.

³⁾ Лѣт., изд. *Поповичъ*, стр. 39.

⁴⁾ *Skarbiec*, № 695. *Raczyński*, Cod., 256.

⁵⁾ *Н. С. Р. Л.*, IV, 104, 142.

⁶⁾ *Wolff*, *Ród Ged.*, 35. Въ 1423 г. Витовтъ выслалъ противъ татаръ рать съ Друцкими княземъ Иваномъ Бабой (*Карамзинъ*, V, прим. 214). Онъ же участвовалъ въ московскомъ походѣ 1434 г. (*ib.*, прим. 238).

⁷⁾ Сб. *Муханова*, № 350. *Cod. epistol. saec. XV*, № 30.

⁸⁾ *Slown. geogr.*, II, 164.

были раздѣлены между представителями отдѣльныхъ отраслей рода князей Друцкихъ ¹⁾.

Лукомъ (позднѣйшая Лукомля), къ западу отъ Орши, на р. Ула, въ XIII в. составлялъ удѣлъ русскихъ князей, тянувшихъ къ Полоцку. Въ литовскую эпоху Лукомскіе князья упоминаются въ источникахъ до половины XVI в. Происхожденіе ихъ съ точностью неизвѣстно ²⁾. Сохранилось извѣстіе, что братъ Ягеллы, князь Андрей-Вигунтъ, бывшій полоцкій князь, удалилъ было князей Лукомскихъ изъ ихъ удѣла (въ 1386 г.); но затѣмъ они вскорѣ получили его обратно отъ Ягеллы ³⁾. Въ актахъ XV ст. находимъ подписи князей Лукомскихъ на различныхъ актахъ. Такъ, въ одномъ актѣ князя Юрія Васильевича Острожскаго, 1448 г., встрѣчается подпись князя Василія Лукомскаго; въ другомъ актѣ конца того же вѣка находится подпись князя Ивана Ивановича Лукомскаго ⁴⁾. Нарбутъ сообщаетъ, что въ 1473 г. одинъ изъ князей Лукомскихъ добровольно ушелъ въ Москву ⁵⁾. Сохранилось лѣтописное извѣстіе о другомъ князѣ Луком-

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, № 3, 11, 15. А. З. Р., I, № 145. *Boniecki*, 51. О князьяхъ Друцкихъ см. *Słown. geogr.*, II, 164. *Niesiecki*, *Herbarz Polski*, II, 49; III, 109; IV, 1378; VI, 40; VII, 218; VIII, 443. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 307. *Wolff*, *Röd Ged.*, 35, 51, 153. *Arch. Sangusz*, I, 142, 143; III, 24, 30, 268, 323, 400; IV, 483. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 30, 32 — 34. Рукописи показаніями, главнымъ образомъ, Литовской Метрики, Бонецкій различаетъ слѣдующіи линіи рода князей Друцкихъ: *Горскіе*, *Любецкіе* (или *Виденецкіе*, Видинецкіе), *Одинцевичи* (*Гольцовскіе* и *Вакриновскіе*), *Озерецкіе*, *Пуцяты*, *Соколинскіе* (*Бабы* или *Бабычи* и *Копомли*) и *Толочинскіе* (*Poczet rodów*, 3, 4, 50—51, 76, 89, 138, 165, 215, 322, 350). Родъ князей Пуцятъ въ половинѣ XVI ст. прекратился; они не упомянуты въ числѣ князей Друцкихъ, заявившихъ въ 1548 г. по родству права на выморочныя владѣнія князей Подберезскихъ (ib., 50). Последнихъ Бонецкій нестроно относитъ къ роду князей Друцкихъ; какъ увидимъ ниже, они принадлежали къ старымъ Клецкимъ князьямъ — Имунтовичамъ, не русскаго, а литовскаго происхожденія. Любавскій къ Друцкимъ же относитъ Путать, Зубровицкихъ и Шивевскихъ (Обл. дѣленіе, 253); но на это нѣтъ указаній у Бонецкаго, на котораго ссылается Любавскій.

²⁾ Въ польскихъ гербовникахъ князья Лукомскіе причисляются къ литовскимъ князьямъ Гедиминовичамъ. *Околяскій* (*Orbis Polon.*, II, 206) полагаетъ, что Лукомскіе происходятъ отъ Андрея Ольгердовича; *Колловичъ* и *Несецкій* (*Herb.*, VI, 289) причисляютъ ихъ къ роду одной изъ сестеръ Ягеллы. Польскіе историки все это считаютъ предположеніями, не подтверждающимися документальными данными (*Stadnicki*, *Bracia*, 40; *Wolff*, 89).

³⁾ *Długosz*, III, 463. *Słown. geogr.*, V, 819. *Konecny*, V, 336.

⁴⁾ *Arch. Sangusz.*, I, №№ XLVI, XCII.

⁵⁾ *Narbutt*, *Dzieje Lit.*, VIII, 275. •

скомъ, котораго король Казиміръ послалъ въ 1493 г. въ Москву съ цѣлью убійства великаго князя московскаго ¹⁾). Князя Лукомскіе упоминаются еще въ памятникахъ половины XVI вѣка ²⁾). Въ началѣ этого столѣтія Лукомъ причисленъ къ Витебскому воеводству ³⁾).

Въ составъ Витебскаго воеводства входилъ первоначально *Могилевъ* на Дитирѣ, имѣвшій въ литовскую эпоху особыхъ удѣльных князей, подчинявшихся литовскимъ господамъ. Въ числѣ литовскихъ князей, присутствовавшихъ въ Краковѣ на коронаціи Владислава-Ягеллы (въ 1386 г.), упоминается могилевскій князь Андрей Владиміровичъ, принявшій тутъ же, вмѣстѣ съ Ягеллой, католицизмъ ⁴⁾). Въ концѣ XIV и началѣ XV столѣтія Могилевъ съ волостью принадлежалъ королевѣ Ядвигѣ, въ качествѣ вѣна, полученнаго ею отъ мужа Владислава-Ягеллы. Съ Витовта Могилевъ управлялся великокняжескими намѣстниками. При великомъ князѣ Александрѣ было на время возстановлено удѣльное значеніе Могилева: въ 1503 г. этотъ замокъ съ волостями, всѣми данями и доходами поступилъ въ „доживотье“ женѣ великаго князя Еленѣ. Послѣ нея окончательно устанавливается намѣстническое управление Могилевскимъ повѣтомъ. Въ 1569 г. Могилевъ съ повѣтомъ вошелъ въ составъ Мстиславскаго воеводства ⁵⁾).

Кромѣ старыхъ княженій, въ Витебской землѣ выдѣлялись съ половины XV столѣтія мелкія удѣльныя владѣнія, изъ коихъ нѣкоторые удерживались до второй половины XVI столѣтія. Въ современныхъ памятникахъ упоминаются слѣдующія удѣльныя волости.

Кляжичи и *Тетеринъ*—бывшіе господарскіе дворы, пожалованные при Казимірѣ Ивану Юрьевичу, князю Мстиславскому, владѣвшему ими до смерти (около 1495 г.). Въ 1501 г. великій князь Александръ отдалъ эти волости „правомъ дѣдичнымъ“ женѣ своей Еленѣ съ потомствомъ ⁶⁾).

¹⁾ П. С. Р. Л., VIII, 225. *Карамзинъ*, VI, прим. 222.

²⁾ Arch. Sangusz., IV, 532.

³⁾ О Лукомѣ и Лукомскихъ князьяхъ см. *В. Антоновичъ*, Моногр., I, 20. *Stadnicki*, Bracia Ingielly, 31, 40, 199, 200. *Wolff*, Ród Ged., 89. *Sulimierski*, Słown. geogr., V, 819. *Baliński*, IV, 581. *Niesiecki*, Herb., VI, 289. *Петрогъ*, Вѣлоруссія, 30. *Boniecki*, 171.

⁴⁾ Андрей Владиміровичъ—сынъ бывшаго кievскаго, а затѣмъ слудскаго князя Владиміра Ольгердовича (*Быховецъ*, 29; *Baliński*, IV, 659).

⁵⁾ Skarbiec., № 2153. А. Ю.-З. Р., I, № 45. А. З. Р., I, № 91. Археогр. Сборн., III, № 1. *Sulimierski*, Słown. geogr., VI, 612. *Baliński*, Star. Polska, IV, 659. *Boniecki*, 181.

⁶⁾ Археогр. Сборн., II, № 2. Skarbiec., № 2186.

Смольняны съ тянувшими къ этой волости дворами при Казимирѣ же выдѣлились изъ состава господарскихъ волостей въ значеніи удѣльнаго владѣнія князей Бѣльскихъ. Послѣ ухода въ Москву князя Семена Бѣльскаго, его волость перешла къ великой княгинѣ Еленѣ, а послѣ нея сначала къ князю Константину Ивановичу Острожскому („до дву животовъ“—его и сына), а затѣмъ къ королевѣ Бонѣ, отдавшей въ 1543 г. князю Василю Сангушкѣ эту волость вмѣстѣ съ другими за уступленный ей Ковель ¹⁾,

Волости *Черчинъ*, *Градиче* и *Лосичи* первоначально составляли вмѣстѣ съ Смольнянами владѣніе князей Бѣльскихъ, а затѣмъ въ началѣ XVI столѣтія перешли къ великой княгинѣ Еленѣ ²⁾.

Волость *Оболыцы* составляла при Казимирѣ „держанье“ московскихъ выходцевъ, князей Семена Шемячича и его сына Василя. Въ 1506 г. волость эта дана была въ пожизненный удѣлъ великой княгинѣ Еленѣ, а послѣ ея смерти перешла вмѣстѣ съ волостью Горвольской къ королевѣ Бонѣ и управлялась отъ нея имени особымъ державцемъ. Въ 1543 г. королева отдала эти волости князю Василю Сангушкѣ взамѣнъ уступленнаго ей Ковеля ³⁾.

Къ самымъ позднимъ удѣльнымъ владѣніямъ, образовавшимся на восточной окраинѣ Витебской земли, принадлежатъ волости, тянувшія къ замкамъ *Усвятъ* и *Озериче* (оба—къ сѣверу отъ Витебска, близъ Смоленской границы). Усвятъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ еще въ половинѣ XIII столѣтія въ числѣ значительныхъ укрѣпленныхъ городовъ западной Руси. Въ 1526 г. оба замка съ ихъ волостями были пожалованы одному изъ потомковъ старыхъ князей Клецкихъ, Семену Ямутовичу-Подбережскому. Вскорѣ, впрочемъ, обѣ волости были отобраны отъ него и отданы королевѣ Бонѣ, владѣвшей ими до выѣзда изъ Литвы въ 1556 г. ⁴⁾.

¹⁾ Arch. Sang., I, № 136. Skarbiec, № 2136. А. З. Р., II, № 118. *Boniecki*, 294.

²⁾ Skarbiec, № 2136.

³⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 236. *Boniecki*, 294. *Любавскій*, Области. дѣленіе, 124.

⁴⁾ *Baliński*, Star. Polska, IV, 572. Писцов. книги, изд. Ими. Русск. Геогр. Общ., II, 433. *Любавскій*, 250. *Бонецкій* (стр. 181, 350) извлекъ изъ Литовской Метрики свидѣніи о владѣніяхъ въ Витебской землѣ, кромѣ перечисленныхъ князей, также князя Матвѣя *Микитинича* (волости Ездо, Кшижици, замокъ Перщикъ и пр.) и кн. *Толочко* (двор. Добрѣйскъ, Барсуковскій). Бонецкій полагаетъ, что князь Микитиничъ прибылъ въ Литву изъ Москвы съ великой княгиней Еленой (дочерью великаго князя московскаго Ивана III, бывшей замужемъ за великимъ княземъ литовскимъ Александромъ). Сохранились двѣ грамоты на вотчины князя Матвѣя Микитинича. Одна грамота дана великимъ княземъ Але-

На территоріи Витебской земли, въ Оршанскомъ повѣтѣ, находились владѣнія стараго рода мѣстныхъ князей *Путятъ* (Путятичей). Территоріальный составъ принадлежавшей имъ отчины съ точностію неизвѣстенъ. Свѣдѣнія объ этомъ сохранились лишь со второй половины XV и начала XVI столѣтій, когда главной отчиной Путятъ считалась Слободка съ нѣсколькими селами, лежавшими между Друцкомъ и Оршей ¹⁾). Кромѣ того, какъ раньше замѣчено, князья Путятичи получили въ 1499 г. отъ великаго князя Александра дворъ Кронинъ въ Новгородскомъ повѣтѣ. Затѣмъ, около половины XVI столѣтія, какъ видно изъ описи воыльскихъ замковъ 1545 г., князь Иванъ Путятъ владѣлъ въ Луцкомъ повѣтѣ, по пожалованію, имѣніемъ Мозоръ ²⁾). Вотъ все, что извѣстно по актамъ о старыхъ владѣніяхъ князей Путятъ. Дѣло въ томъ, что князья эти въ XV вѣкѣ и позже являлись нерѣдко въ составѣ членовъ господарской рады, занимали уряды старость, воеводъ и пр. Такая дѣятельность князей Путятъ предполагаетъ довольно сложный составъ принадлежавшихъ имъ владѣній, которыя должны были, во всякомъ случаѣ, превышать въ значительной степени сравнительно небольшія ихъ владѣнія, упоминающіяся въ актахъ. Неизвѣстно также съ полной достовѣрностію происхожденіе князей Путятъ. На принадлежность ихъ къ литовскимъ князьямъ нѣтъ никакихъ указаній въ источникахъ. По всей вѣроятности, князья Путятичи, какъ и ихъ сосѣди, князья Друцкіе, принадлежали къ потомкамъ древнихъ русскихъ князей ³⁾, удержавшихся

ксандромъ въ 1502 г. на полость съ дворцами Струна и Стоянишки въ Виленскомъ повѣтѣ, даннымъ князю Микитичу въ качествѣ наследственной вотчины „со всемъ правомъ, панствомъ и пожиткомъ, ничего не оставляючи на насъ и на наши наследки“. Другая грамота 1507 г. дана тому же князю королевой Еленой и на томъ же правѣ на дворцы: Ездо, Ганусовскій и Шлягеронскій (А. Ю.-З. Р., I, №№ 37 и 45).

¹⁾ *Любавскій*, Области, дѣленіе, 253. *Niesiecki*, Herb., VII, 578. Сохранилась мѣновая запись (1467 г.) князя Дмитрія Ивановича Путятича, изъ которой видно, что ему принадлежало въ Оршанскомъ повѣтѣ, близъ Друцка, нѣсколько селъ, уступленныхъ имъ по записи пану Плиничу (Arch. Sang., I, № 138).

²⁾ Памяти. *Киѣвск. Комм.*, IV, отд. 2, стр. 185. Въ XVII столѣтіи Путяты имѣли владѣнія также въ Брацлавщинѣ и Виленскомъ воеводствѣ (*Niesiecki*, VII, 574).

³⁾ На древнее, чисто-русское происхожденіе князей Путятичей, между прочимъ, намекаетъ народное преданіе, сохранившееся въ одной изъ былинъ *Киѣвскаго цикла*. Въ былинѣ „Соловей Будимировичъ“ говорится о приѣздѣ его изъ заморскаго города Леденца къ князю Владимиру и о женитбѣ его на племянницѣ Владиміра, на „княженецкой племянницѣ, молодой Запавѣ Путятинѣ“.

въ своихъ удѣлахъ и послѣ присоединенія западной Руси къ Литовскому княжеству ¹⁾). Исторически достовѣрнымъ родоначальникомъ князей Путятъ нужно считать князя Ивана Путятю, принадлежавшаго къ числу литовскихъ и русскихъ князей великокняжеской рады при Витовтѣ. Иванъ Путятя впервые упоминается въ Мельницкомъ трактатѣ Владислава-Ягеллы и Витовта, заключенномъ въ 1422 г. съ Нѣмецкимъ Орденомъ: „Ivan Putiata“ подписалъ этотъ трактатъ въ числѣ другихъ князей литовскихъ и русскихъ (*duces de terris Lithuaniae et Russiae*) ²⁾. Повидимому, тотъ же князь (Иванъ Семеновичъ Путятя) является въ составѣ рады Свидригайла, въ бытность его великимъ княземъ литовскимъ, а затѣмъ княземъ волинскимъ и киевскимъ ³⁾. Какъ видно по всему, князь Путятя являлся въ южной Руси вѣрнымъ сторонникомъ Свидригайла до самой смерти послѣднего. И позже князья Путятичи являются дѣйствующими лицами на Волини и въ другихъ южнорусскихъ земляхъ ⁴⁾. Есть также акты, указывающіе на дѣятельность князей Путятичей въ значеніи князей бѣлорусскихъ ⁵⁾. Подобно другимъ литовскимъ князьямъ, Путятичи пользовались обычными правами удѣльныхъ владѣтелей, титуловались въ своихъ грамотахъ „милостію Божьею“ ⁶⁾. позже занимали высшіе уряды—воеводъ ⁷⁾ и пр. Путятя упоминаются еще въ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія ⁸⁾. Кромѣ князей Путятъ, въ источникахъ конца XV и начала XVI столѣтія встрѣчаются Путятя и Пути-

¹⁾ Выше замѣчено, что *Любевскій* (стр. 253) относитъ Путятичей къ роду князей Друцкихъ. Основаніемъ для этого, какъ кажется, послужило лѣтописное извѣстіе о томъ, что въ 1423 г. Витовтъ выслалъ противъ татаръ, обложившихъ Одоувъ, рать съ двумя Друцкими князьями, изъ коихъ одинъ называется Иванъ Баба, другой—*Пуцятъ* (*Каримзинъ*, V, стр. 214). Какъ сказано раньше, родъ Пуцятъ прекратился въ половинѣ XVI столѣтія. Въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ Боневскимъ о князьяхъ Путятахъ, нѣтъ никакихъ указаній на связь ихъ съ князьями Друцкими (*Росчет*, 266).

²⁾ *Dogiel*, Cod. dipl., IV, стр. 110—115. *Napierski*, Index, № 1020. *Skarbiec*, № 1359.

³⁾ *Нapierskій*, Русско-лив. акты, № 190. *Его же*, Index, №№ 1299, 1324. *Skarbiec*, №№ 1545, 1562, 1603. А. Ю.-З. Р., I, № 19. *Arch. Sang.*, I, стр. 33.

⁴⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 50, 61, 70, 85 и др. А. З. Р., I, №№ 107, 224. Памяти. *Кіевск. Комм.*, IV, отд. 1, стр. 33.

⁵⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 138. А. Ю.-З. Р., II, № 72.

⁶⁾ См., напримѣръ, *Arch. Sang.*, I, стр. 138.

⁷⁾ *Воніевскі*, *Росчет*, стр. 266. А. З. Р., I, №№ 107, 224; примѣч. № 81.

⁸⁾ См., напримѣръ, Памяти. *Кіевск. Комм.*, II, отд. I, стр. 47. *Niesiecki*, *Herb.*, VII, 574.

тичи, безъ княжескаго титула, принадлежавшіе къ боярѣмъ смоленскимъ ¹⁾). Въ этихъ боярѣхъ, какъ кажется, нужно видѣть захудалую отрасль стараго владѣтельнаго рода Путятъ, рано потерявшую удѣльныя права. быть можетъ, еще при первомъ занятіи страны литовцами; въ XV столѣтіи представители этой отрасли Путятъ уже вполне вошли въ составъ мѣстныхъ боярскихъ родовъ.

Въ томъ же Оршанскомъ повѣтѣ находилась волость Подбережье, принадлежавшая князьямъ *Ямунтовичамъ-Подбережскимъ*, составлявшимъ особую отрасль старыхъ литовскихъ князей, родоначальникомъ которыхъ считается клецкій князь Ямунтъ Тулунтовичъ, жившій во второй половинѣ XIV столѣтія ²⁾). Въ числѣ литовскихъ князей, навшихъ въ битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ въ 1399 г., упоминаются князья Михаилъ и Александръ Подбережскіе ³⁾). Князья Подбережскіе затѣмъ упоминаются въ актахъ до конца первой половины XVI столѣтія, и именно въ значеніи удѣльныхъ князей. Кромѣ родовой отчины, князья Подбережскіе владѣли также господарскими выслугами. Послѣдній ихъ представитель, князь Семень Ямунтовичъ, получилъ отъ короля Сигизмунда, въ 1522 г., въ пожизненное владѣніе Керновское староство въ собственной Литвѣ; въ 1526 г. ему пожалованы витебскія волости, тянувшія къ замкамъ Усвятъ и Озернице ⁴⁾). Какъ замѣчено раньше, князь Семень Ямунтовичъ-Подбережскій владѣлъ также Друцкимъ удѣломъ, какъ видно, по родству съ послѣдними владѣльцами этого удѣла. Князь Семень Ямунтовичъ былъ послѣднимъ представителемъ рода князей Подбережскихъ. Послѣ безпотомной его смерти (около 1541 г.), родовая его отчина досталась, по его нѣповной записи, его вдовѣ, княгинѣ Феодорѣ (Федѣ) Богдановнѣ (урожденной кн. Заславской) ⁵⁾). Въ первой половинѣ XVI столѣтія упоминаются въ источникахъ Иванъ и Григорій Яцковичи Подбережскіе—представители, очевидно, захудалого рода Подбережскихъ, утратившіе, подобно Путятамъ, княжескій титулъ и числив-

¹⁾ *Bonicki*, стр. 265—266.

²⁾ О происхожденіи князей Ямунтовичей—Клецкихъ и Подбережскихъ см. ниже о Клецкомъ княжествѣ въ Литовскомъ Полѣсьи. *Несецкій* (Herb., VII, 340) ошибочно считаетъ князей Подбережскихъ особой отраслью князей Друцкихъ; ту же ошибку повторяютъ *Бонещій* (стр. 250) и *Любаскій* (стр. 253). Болѣе правильно поставленъ вопросъ *Вольфомъ* (*Ród*, 35). Ср. *Stadnicki*, *Synowie*, I, 81, пр. 148.

³⁾ *Wolff*, 36.

⁴⁾ *Bonicki*, 250. *Любаскій*, 253.

⁵⁾ *Bonicki*, 250. *Wolff*, 36, 41.

шіеся въ XVI столѣтіи господарскими дворянами. Ихъ владѣніе Басіа (Basięa), повидимому, находилось въ сосѣдствѣ съ удѣломъ князей Подберезскихъ. По смерти князя Семена Ямунтовича Яцковичи, по родству, заявили свои права на отчину этого князя и, какъ кажется, получили ее послѣ вдовы князя Семена Ямунтовича, но, понятно, безъ владѣтельныхъ правъ, какими несомнѣнно пользовались бывшіе князья Подберезскіе ¹⁾.

Среднюю часть Кривичской территоріи въ Дибировскомъ бассейнѣ, по притокамъ Березины и Припети (Свислочи и Птичу), между Черной Русью и сѣверной Бѣлоруссией, занимала *Минская земля* съ принадлежавшими къ ней мелкими удѣлами и волостями. Минская земля изстари принадлежала къ Полоцкому княжеству. Есть основаніе полагать, что еще при первыхъ князьяхъ Рюриковичахъ земля эта входила въ составъ Полоцкаго княжества ²⁾. Въ XII столѣтіи Минская земля выдѣляется въ особую область, съ своими мѣстными князьями, зависѣвшими то отъ Кіева, то отъ Полоцка. Въ половинѣ XIII столѣтія Минская земля, одновременно съ Черной Русью и Полоцкой землей, присоединяется къ владѣніямъ Миндовга ³⁾. Впрочемъ, послѣ него ослабляется власть Литвы надъ этой областью; она окончательно присоединяется къ Литвѣ лишь при Витенѣ (около 1300 г.). При Гедиминѣ Минскомъ владѣль (ок. 1326 г.) одинъ изъ русскихъ князей (кн. Василій), признавшій себя подручникомъ великаго князя ⁴⁾. При раздѣлѣ литовскихъ владѣній между сыновьями Гедимина, территоріи Минской земли не принадлежала къ составу волостей собственно литовскихъ князей: тамъ оставались удѣльные русскіе князья, въ качествѣ подручниковъ великихъ князей литовскихъ. Нѣкоторые изъ такихъ князей удерживали за собой владѣнія до XVI вѣка. Въ самомъ Минскѣ удѣльные князья, какъ видно изъ актовъ, держались до начала XV столѣтія ⁵⁾. Удѣлы, входившіе въ составъ Минской земли.

¹⁾ *Bonieski*, 51, 250

²⁾ *С. Соловьевъ*, Исторія Россіи, I, 12. *К. Вестужевъ-Рюминъ*, Русск. исторія, I, 149.

³⁾ *Latkowski*, *Mendog* (*Rozprawy Krak. Ak.*, t. XXVIII, p. 304 и слѣд.).

⁴⁾ Н. С. Р. Л., VI, 199. Ср. *Антоновичъ*, Мош., I, 45.

⁵⁾ Укажемъ, наиримѣръ, на привилей короля Владислава-Ягеллы 1387 г. о предоставленіи брату Скиргайлу въ удѣлъ, кромѣ Трокскаго княжества, также цѣлаго ряда городовъ и волостей въ Бѣлоруссіи, въ томъ числѣ и Менеска (Минска) со всѣми землями, податками, доходами и служилыми князьями (*Skarg-bies*, № 542). Въ 1408 г. съ Свиригайломъ ушелъ въ Москву князь минскій Урустай (*Lewicki*, 185).

въ началѣ XV вѣка въ большинствѣ были присоединены къ короннымъ владѣніямъ и, по рѣшенію Городельскаго сейма 1413 г., составили отдѣльное намѣстничество ¹⁾. Окончательная организація его въ воеводство принадлежитъ 1500 г., когда область эта была раздѣлена на повѣты, съ введеніемъ въ нихъ земскихъ учрежденій общинъ для всѣхъ литовскихъ областей ²⁾. На территоріи Минской земли располагался въ литовскую эпоху цѣлый рядъ княжествъ и волостей, бывшихъ во владѣніи различныхъ удѣльныхъ князей: Заславъ, Логойскъ, Гродекъ Соломерецкій, Свислочь, Койдановъ, Глускъ, Рогачовъ и др.

Къ минскимъ областямъ, удерживавшимъ до конца 40-хъ годовъ XVI столѣтія относительную самостоятельность въ значеніи удѣльныхъ владѣній литовскихъ князей, относится княжество Заславское. къ сѣверу отъ Минска между рѣкою Свислочью и Черинцей. Въ XIII вѣкѣ, предъ присоединеніемъ Кривичской земли къ Литвѣ Изяславъ составлялъ удѣлъ полоцкихъ князей ³⁾. Въ источникахъ литовской эпохи удѣльные князья, владѣвшіе Заславомъ, упоминаются лишь съ половины XIV столѣтія ⁴⁾. Первымъ удѣльнымъ княземъ заславскимъ считается сынъ Гедимина—Евнуть, которому въ 1345 г. Кейстуть и Ольгердъ вмѣсто великокняжескаго удѣла, назначеннаго ему отцомъ, дали во владѣніе Заславъ ⁵⁾. Всѣ послѣдующіе потомки Ев-

¹⁾ Минскіе намѣстники упоминаются до конца XV столѣтія (А. Ю.-З. Р., I, 31).

²⁾ *Bakiński*, IV, 665. *Sulimierski*, VI, 453. *Антоновичъ*, Моногр., I, 45, 77. *Петровъ*, Вѣлоруссія, 26, 30, 32, 63.

³⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 20. *Петровъ*, Вѣлоруссія, 30. Въ русскихъ лѣтописяхъ сохранилось преданіе объ основаніи Заслава (Изяслава) въ Кривичской землѣ еще въ X вѣкѣ, при великомъ князѣ кievскомъ Владимірѣ. Удаливъ изъ Кіева жену свою Рогнѣду (дочь полоцкаго князя Всеволода) съ сыномъ Изяславомъ, Владиміръ далъ имъ удѣлъ на сѣверѣ, въ землѣ кривичей, гдѣ около 986 г. и былъ основанъ городъ Изяславъ (*Карамзинъ*, Ист., I, стр. 189, примѣч. 440).

⁴⁾ Въ источникахъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній о Заславѣ со времени присоединенія Вѣлоруссіи къ Литвѣ вплоть до назначенія Евнута Гедимовича заславскимъ удѣльнымъ княземъ. Оставались ли старые русскіе князья въ Заславѣ въ качествѣ подручниковъ великихъ князей литовскихъ, или же ихъ удѣлъ былъ присоединенъ къ владѣніямъ сосѣднихъ литовскихъ князей,—вопросъ этотъ остается неразъясненнымъ.

⁵⁾ См. *Латор. Даниловича*, 29: „И посади (Кейстуть) его (Ольгерда) на великомъ княженіи Вильни, а Евнутію далъ Изяславъ“. Ср. *К. Stadnicki*, Syn. Ged., I, 2-е изд., 76 — 79. *Wolff*, Ród Ged., 34. *Smolka*, Kiejstut, 5, 10. *Bo-niecki*, стр. 397.

нута оставались Заславскими¹⁾ удѣльными князьями до прекращенія ихъ рода въ XVI столѣтїи. Въ современныхъ актахъ довольно точно опредѣляется послѣдовательный составъ князей Заславскихъ, происходившихъ отъ общаго ихъ родоначальника—Евнута Гедиминовича²⁾. Его сынъ Михаилъ, по документальнымъ даннымъ, яв-

¹⁾ Въ актахъ князья Заславскіе носятъ разные названія: Заславскихъ, Жаславскихъ, Жославскихъ, Жеславскихъ, Пжеславскихъ и пр.

²⁾ По словамъ *Балтійскаго* (IV, 675), Заславъ Минскій изстари составлялъ удѣлъ князей Заславскихъ, имѣвшихъ свои главныя владѣнія на Волыни; но, какъ увидимъ ниже, этотъ родъ Волынскихъ князей не имѣетъ ничего общаго съ князьями того же имени, владѣвшими Заславомъ Минскимъ. Происхождение послѣднихъ и затѣмъ родословная преемственность ихъ опредѣляется довольно точно родословными, помѣщенными въ Воскресенской лѣтописи (II. С. Р. Л., VII, стр. 51) и *Времѣнникъ* (Общ. Исторіи (X, 81), а главнымъ образомъ различными актами XIV—XVI вѣковъ, изданными въ Актахъ Зап. Росс., акт. Юго-Зап. Росс., также въ сборникахъ Даниловича (Skarbiec), Прохаски (Cod.), Архивѣ Сангушекъ и пр. Сохранился въ особенности одинъ актъ XVI столѣтїи, въ которомъ прямо указывается на Евнута Гедиминовича, какъ на родоначальника князей Заславскихъ и ихъ отрасли—позднѣйшихъ князей Мстиславскихъ (о послѣднихъ см. ниже). Въ 1567 г. король Сигизмундъ-Августъ приглашалъ возвратиться въ Литву на особый удѣлъ князя Ивана Федоровича Мстиславскаго, одного изъ потомковъ литовскихъ князей, владѣвшихъ въ началѣ XVI столѣтїя Мстиславомъ и Заславомъ, именно сына Федора Михайловича Мстиславскаго, ушедшаго въ Москву въ 20-хъ годахъ того же столѣтїи (см. Skarbiec, №№ 2316 и 2317). Князь Мстиславскій, въ своемъ отвѣтѣ на предложеніе короля, мотивируетъ свой отказъ тѣмъ, что ему не пришло бы подданнымъ короля—своего же „брата“ Гедиминовича. „Великое княжество Литовское было нашей родиной. Нашего пра-родителя *Евнута* измѣнически удалили съ престола его братья Ольгердъ и Кей-стутъ и какъ бы какому бѣдняку дали на прожитіе Новоградекъ Литовскій (?) и другія убогія мѣста, гдѣ неустанно тѣснили нашъ родъ. Какія только несчастія не испыталъ нашъ *дядь Михаилъ, сынъ Ивана Жеславскаго* (о чемъ не только писать, но и вспоминать страшно), которому дана была такая бѣдная вотчина (удѣлъ), что намъ не хватало на кашу. И это называется честью?.. Немного принесло намъ чести пребывать въ твоёмъ государствѣ удѣльнымъ княземъ, потому что какимъ образомъ, спрашиваю, твои братья могутъ оставаться потому подданными? И ты *происходишь* отъ Гедимины, ты въ 5-мъ, и въ 7-мъ поколѣніи“ (Skarbiec, № 2374; см. Дреш. Росс. Вивл. *Новиковъ*, т. XV, № 3). На основаніи документальныхъ данныхъ Стадницкій и Вольфъ довольно точно опредѣляютъ послѣдовательную преемственность Заславскихъ князей до полного прекращенія ихъ рода. Послѣ Евнута Гедиминовича владѣли Заславомъ слѣдующіи поколѣнія князей Заславскихъ: а) сынъ Евнута — *Михаилъ*, навѣннй въ битвѣ на Ворсклѣ въ 1399 г. (относящіяся къ нему акты см. *Racziński*, Codex, 64, 253; Skarbiec, №№ 516, 694, 695; *Prochaska*, Cod. Epist., 8, 52; А. Ю.-З. Р., I, № 2; *Иаско*, Hist., II, стр. 388; *Наніерскій*, Русско-лив. акты, №№ 525, 528, 910; II. С. Р. Л., IV,

ляется такимъ же удѣльнымъ княземъ, какъ и другіе Гедиминовичи. Онъ два раза участвуетъ, наравнѣ съ другими удѣльными князьями, въ заключеніи трактатовъ съ Нѣмецкимъ Ордемомъ ¹⁾. Въ трактатахъ князь Заславскій именуется „Michael Dei gratia dux Zaslaviensis“. „князь Михаилъ, сынъ Яцоты“. „Михаилъ, князь на Заславъ“ ²⁾. Подъ именемъ „князя Михаила Евнутевича“, повидимому, тотъ же Заславскій князь, вмѣстѣ съ другими литовскими князьями, участвуетъ (ок. 1390 г.) въ поручительствѣ, данномъ великому князю Скиргайлу за Гридку Гонстантиновича ³⁾. Въ числѣ литовскихъ князей, павшихъ въ 1399 г. въ битвѣ съ татарами надъ рѣкой Ворсклою, упоминается „князь Михайло Евнутевичъ“ ⁴⁾. Его сыновья, Юрій и Андрей, наследовавшіе Заславское княжество, даютъ въ 1401 г. запись въ томъ, что по смерти великаго князя Витовта не будутъ искать иного „господаря“, кромѣ короля Владислава и и короны польской ⁵⁾. Изъ актовъ, хранящихся въ Литовской Метрицѣ, видно, что князья Юрій и Андрей владѣли Заславскимъ княжествомъ по „долямъ“. Послѣ безпотошной смерти Андрея, великій князь Казиміръ въ 1440 г. далъ князю Юрію долю умершаго брата, состоявшую изъ Гонвенце, Опанова, Подоходова, Бушкевича и Лучина ⁶⁾. Къ удѣлу того же князя была вскорѣ (1443 г.) прибавлена волость Красное Село ⁷⁾. При слѣдующемъ князѣ (Иванѣ Юрьевичѣ) За-

104. 142); б) Андрей и Юрій Михайловичи: перв. ум. 1440, втор. въ половинѣ XV столѣтія (А. Ю.-З. Р., I, № 19; *Prochaska*, Cod., 75; *Skarbiec*, №№ 593 и 737; другіе акты, хранящіеся въ Литовской Метрицѣ, указаны *Вольфомъ—Röd Ged.*, 37); в) Иванъ Юрьевичъ, ум. 1501 (Археогр. Сборн. докум., VI, № 1; *Skarbiec*, № 2136); г) Федоръ, Богданъ, Иванъ и Михаилъ Пявопичи: 1-й ум. 1530, 2-й 1530 г., Михаилъ въ 1492 г. перешелъ въ княжество Мстиславское (см. ниже); Иванъ упоминается только въ концѣ XVI столѣтія въ должности паймѣсника минскаго, потомъ рошкаго (А. Ю.-З. Р., I, 31; *Stadnicki*, Syn. Ged., I, 2-е изд., 88). Богданъ и Федоръ—послѣдніе Заславскіе князья (см. А. Ю.-З. Р., I, 119, 127, 172, 206; II, 10, 76; А. Ю.-З. Р., II, 10, 81, 93; *Skarbiec*, № 2208; *Arch. Sang.*, I, стр. 96; III, 21; IV, 36; 45 и пр.).

¹⁾ *Racviński*, Cod. dipl. Lith., 64, 223; *Prochaska*, Cod. epist. Vit., 52; *Наніерскій*, Акты, № 525; *Skarbiec*, 694, 695.

²⁾ См. предыдущ. примѣч.

³⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 2.

⁴⁾ II. С. Р. Л., IV, 104, 142.

⁵⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 19; *Prochaska*, 75; *Skarbiec*, 593 (ошибочно 1390 г.) и 737.

⁶⁾ См. *Вольфа*, *Röd Ged.*, 37, гдѣ приводятся данныя изъ рукъ Литовской Метрики.

⁷⁾ Тамъ же.

славскій удѣлъ расширился новыми королевскими пожалованіемъ, состоявшимъ изъ замка Попова Гора съ дворами: Княжичи и Тетеринь, и волостями надъ рѣкою Прудъ ¹⁾). Кроме того, князь Иванъ Юрьевичъ и его сыновья были „державцами“, а затѣмъ намѣстниками въ Минскѣ, Витебскѣ, Роси, Брянскѣ и другихъ городахъ ²⁾). Съ смертію въ 1539 г. послѣдняго заславскаго князя Ѳедора Ивановича прекратился родъ Гедиминовичей, владѣвшихъ Заславскимъ удѣломъ. По праву выморочности Заславъ отошелъ въ распоряженіе великаго князя литовскаго, оставившаго его въ качествѣ простой вотчины за дочерью-наслѣдницей послѣдняго заславскаго князя ³⁾).

Въ ближайшемъ соудѣствѣ съ Заславскимъ княжествомъ, на рубежахъ Литвы и Черной Руси, располагалась изстари волость *Логойска*, составлявшая отдѣльное княженіе до начала XVI столѣтія. Логожескъ (Логойскъ, Логойско, Логвойскъ), по глѣтониміямъ, относится къ числу самыхъ древнихъ русскихъ городовъ, учреждавшихся на литовскихъ рубежахъ. Уже въ XII вѣкѣ существовалъ городъ этого названія, въ значеніи Полоцкаго пригорода. Въ 1128 г. Логожескъ былъ занятъ однимъ изъ киевскихъ князей — Изяславомъ, братомъ великаго князя киевскаго Мстислава ⁴⁾). Въ началѣ XIII вѣка, предъ присоединеніемъ бѣлорусскихъ областей къ Литвѣ, Логойскъ принадлежалъ къ числу Полоцкихъ удѣльныхъ княжествъ ⁵⁾). Въ литовскую эпоху извѣстія о Логойскѣ начинаются, сколько извѣстно, съ послѣдней четверти XIV столѣтія. Въ 1387 г. король Владиславъ-Ягелло предоставилъ своему стороннику, брату Скиргайлу Ольгердовичу, въ удѣлъ большую половину Бѣлоруссіи — Полоцкъ, Минскъ и тянувшіе къ нимъ пригороды и волости. Въ составъ этого

¹⁾ Впрочемъ, послѣднее пожалованіе, данное, очевидно, только въ „доживотіе“, по смерти Заславскаго князя (1501 г.) было причислено къ короннымъ владѣніямъ и затѣмъ поступило въ удѣлъ королевы Елены (Skarbiec, № 2136).

²⁾ А. З. Р., I, 119, 127, 206; II, 10, 76; Arch. Sangusz., I, стр. 91; А. Ю. З. Р., II, 10, 81, 93 и пр.

³⁾ Около половины XVI столѣтія Заславъ былъ пожалованъ воеводѣ трокскому Яну Глѣбовичу, въ значеніи вѣна его жены, послѣдней княжны Заславской. Въ послѣдней четверти XVII столѣтія тоже путемъ брачныхъ связей Заславъ перешелъ отъ Глѣбовичей въ родъ Смигловъ. См. *Baliński, Staroż. Pol.*, 2-е изд., IV, 674. *Niesiecki, Herb.*, III, 31; X, 98. К. *Stadnicki, Syn. Ged.*, I, 2-е изд., 88. *Wolff, Ród. Ged.*, 34—42.

⁴⁾ *Карамзинъ*, Истор. (изд. 1843 г.), II, 157, 250.

⁵⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 20. *Петровъ*, Бѣлоруссіи, 26, 30, 34.

удѣла входилъ и „весь“ Логожескъ, „съ данями, людьми и доходы“¹⁾. Изъ источниковъ не видно, какъ долго Логойскъ находился во владѣніи Скиргайла Ольгердовича. По всей вѣроятности, Логойская волость отошла отъ Скиргайла одновременно съ Полоцкомъ и другими бѣлорусскими волостями, вскорѣ послѣ того, какъ Витовтъ сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ (см. выше о Полоцкомъ княжествѣ). При Витовтѣ Логойская волость, въ значеніи „данья“, перешла въ родъ другого Ольгердовича—къ князю Андрею Владиміровичу, сыну бывшаго кievскаго, а затѣмъ слуцко-копыльскаго князя Владиміра Ольгердовича. Изъ завѣщанія, составленнаго въ 1446 г. Андреемъ Владиміровичемъ, видно, что въ это время ему принадлежалъ на удѣльныхъ правахъ Логожескъ съ цѣлымъ рядомъ городовъ и волостей: Айна, Словенескъ, Могильное, Каменецъ, Илемьница и Полоное²⁾. Завѣщатель заявляетъ, что принадлежащая ему „отчина“ составляетъ „выслугу, иже есмь выслужилъ на своихъ государехъ своею вѣрною службою, на великомъ князи Витовтѣ и на великомъ князи Жикгимонтѣ, и на своемъ господари великомъ князи Казимірѣ“³⁾. Изъ другого акта послѣдней четверти того же столѣтія видно, что „тые имѣнья князю Андрею подавалъ князь великій Витовтъ“, „тые имѣнья князю Андрею Володимировичу—данье великаго князя Витовта и держалъ тые имѣнья князь Андрей ажъ до смерти“⁴⁾. Логойская волость Андрея Владиміровича не сразу опредѣлилась въ томъ составѣ, въ какомъ о ней говорится въ завѣщаніи 1446 г. Въ Метрикѣ Литовской (рукоп.) сохранился привилей, данный Казиміромъ Андрею Владиміровичу на Каменецъ (Камень) съ „подданными“, значить, при Витовтѣ Камень еще не входилъ въ составъ волости логойскаго князя⁵⁾. Андрей Владиміровичъ упо-

¹⁾ Skarbiec. № 542.

²⁾ А. З. Р., I, № 46. Всѣ эти поселенія находились на территоріи Минской земли (*Stadnicki*. Brasia, 121). Объ Айнѣ (позднѣйшемъ Гайнѣ) см. *Baliński*, Star. Pol., IV, 679; Логойскъ—*ib.*, 680; Каменецъ (собств. Камень, къ западу отъ Минска, около Заслава) и Могильны—*ib.*, 677. О Полономъ, Словенескѣ и Илемьницѣ см. *Sulimierski*, *Slown. geogr. sub voce*. Отъ Бѣлорусскаго Полонаго отличалось Полоное, имѣніе въ Луцкомъ повѣтѣ на Волыни и въ Пляскомъ Подлѣсьи, принадлежавшее въ XVI столѣтіи Радзивилламъ (См. Памятн. Киевск. Комм., III, отд. II).

³⁾ А. З. Р., I, № 46.

⁴⁾ А. З. Р., I, № 86, „вырокъ“ великаго князя Казиміра, 1484 г.

⁵⁾ Привилей Казиміра на Каменецъ открытъ въ Литовской Метрикѣ *Вольфъ* (см. его *Röd Ged.*, 192).

минается въ источникахъ еще до получения Логойской волости¹⁾. Въ качествѣ логойскаго князя Андрей Владиміровичъ пользовался всѣми правами удѣльныхъ князей. Чуть ли не до самой смерти онъ принадлежалъ къ числу главныхъ членовъ велико-княжеской рады, и въ этомъ званіи его подпись встрѣчается на нѣсколькихъ актахъ дипломатическихъ и законодательныхъ²⁾. Своей волостью князь Андрей Владиміровичъ распоряжается совершенно самостоятельно, безъ всякаго участія въ этомъ со стороны великаго князя литовскаго. Въ 1446 г., въ бытность свою въ Кіевѣ (куда Андрей Владиміровичъ пріѣзжалъ для поклоненія праху предковъ, поконившихся въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ), логойскаго князя составляетъ завѣщаніе, которымъ всю свою волость назначаетъ, по своей смерти, жегѣ и дѣтямъ³⁾. За два года до смерти (въ 1455 г.) тотъ же князь даетъ грамоту на Полоное съ волостью своему свонку Сеньку Ивановичу⁴⁾. Съ смертію князя Андрея прекратилось мужское поколѣніе князей Логойскихъ⁵⁾; его волость, согласно съ оставленнымъ имъ завѣщаніемъ, перешла во владѣніе сначала его вдовы и сына Гѣмба, а затѣмъ дочери и, наконецъ, внучки (Оедоры), бывшей замужемъ за однимъ изъ князей Кобринскихъ (Шваномъ Семен.). Въ концѣ XV столѣтія большая часть бывшаго Логойскаго удѣла вошла въ составъ владѣній Кобринскихъ (см. выше)⁶⁾. Какъ видно изъ „вырока“

¹⁾ Въ числѣ литовскихъ князей, присутствовавшихъ въ Краковѣ на коронаціи Владислава-Ягеллы въ 1386 г., *Выговскъ* (стр. 29) упоминаетъ также объ Андрѣ Владиміровичѣ, князѣ *Монилевскомъ*. Невѣрность послѣдняго показанія доказана *Вольфомъ* (*Röd Ged.*, 103. Ср. *Studnicki*, Bracia, 120).

²⁾ Въ 1422 г. кн. Андрей Владиміровичъ подписываетъ договоръ литовскихъ князей съ нѣмцами (*Skarbies*, № 1359). Его же подпись встрѣчается въ трактатахъ 1431 и 1435 г. (*Skarbies*, 1562; *Vol. leg.*, I, № 114, 138). Въ 1432 г., вмѣстѣ съ другими литовскими князьями, Андрей Владиміровичъ даетъ нѣмцамъ ручательство въ томъ, что Свигригайло будетъ исполнять заключенный съ нѣмцами трактатъ (*Skarbies*, № 1562). Въ королевскихъ жалованныхъ грамотахъ (1452 г.), данныхъ съ участіемъ рады, упоминается въ составѣ послѣдней вмѣстѣ другими литовскими князьями и Андрей Владиміровичъ (*А. Ю.-З. Р.*, I, 28 и 29).

³⁾ *А. З. Р.*, I, 46.

⁴⁾ *А. З. Р.*, II, № 72.

⁵⁾ Единственный сынъ Андрея Владиміровича, Гѣмбъ, умеръ почти въ одно время съ отцомъ (*Wolff*, *Röd Ged.*, 102).

⁶⁾ О судьбѣ волостей бывшаго князя Логойскаго свидѣлствуютъ современные акты, изъ которыхъ видно, что нѣмціи, оставшіеся послѣ смерти Андрея Владиміровича, „княгини его держала тежъ ажъ до смерти“, послѣ нея дочь, бывшая замужемъ за паномъ Рогатынскимъ, затѣмъ внука—жена князя Швана Кобринскаго (*А. З. Р.*, I, 85; *Studnicki*, Bracia lagielly, 121; *Wolff*, *Röd*, 103).

(1484 г.) короля Казимира, присудившаго впучкѣ князя Логойскаго, княгинѣ Кобринской. „держать имѣніе (дѣда) вѣчно, какъ держалъ князь Андрей Володимировичъ“ ¹⁾. въ составъ этого имѣнія не входилъ Логойскъ. О судьбѣ его, по смерти князя Андрея Владиміровича, мало сохранилось документальныхъ извѣстій. Извѣстно только, что въ концѣ XV столѣтія Логойскъ находился во владѣніи князей Чарторыскихъ по пожалованію короля Казимира. Въ 1496 г. великій князь Александръ подтвердилъ владѣніе этимъ удѣломъ „на вѣчность“ сыну князя Чарторыскаго, Семену Александровичу, вмѣстѣ съ выслугою его отца въ Новгородскомъ повѣтѣ—Осташинимъ и Споровимъ. Послѣ смерти князя Семена Логожскъ перешелъ къ его дочери, въ родѣ которой владѣніе это и осталось ²⁾. Что касается волостей, тянувшихъ къ Логойску, то волость Айна, послѣ бездѣтной смерти княгини Оедоры (ок. 1512 г.), отошла къ господарю; Илемница, Словенскъ и Полоное перешли во владѣніе къ князю Константину Острожскому, по родству его (по женской линіи) съ княземъ Андреемъ Владиміровичемъ ³⁾.

Къ сѣверо-западу отъ Заславскаго княженія (выше Логойскихъ волостей) располагались изстаринныя владѣнія князей *Соломерецкихъ*. какъ полагаютъ, потомковъ давнихъ удѣльныхъ князей Рюриковичей, удерживавшихъ за собой удѣлъ (Соломеречь, или Гродекъ Соломерецкій, и Гродекъ Семковскій) и послѣ присоединенія Бѣлорусіи къ Литвѣ. Польскіе геральдики выводятъ этотъ родъ литовскихъ удѣльныхъ князей также отъ Кейстута; но это не подтверждается новѣйшими изслѣдованіями исторіи рода Гедиминовичей (Стадницкаго, Вольфа, Смольки и другихъ). Еще въ 40-хъ годахъ XVI столѣтія князья Соломерецкіе имѣли своихъ намѣстниковъ въ „Соломиричи“, давали жалованья грамоты монастырямъ, съ правомъ суда и серебизны съ крестьянъ ⁴⁾. Собственно лишь въ половинѣ XVI столѣтія Соломеречь окончательно утрачиваетъ старый удѣльный характеръ ⁵⁾.

¹⁾ А. З. Р., I, № 85. *Любавскій*, 114.

²⁾ *Baliński*, Star. Pol., IV, 680. Ср. *Stadnicki*, Bracia Iagielly, 120—122. *Wolff*, Röd Ged., 102—103.

³⁾ *Wolff*, Röd, 134, 137.

⁴⁾ Археогр. Собрн., I, 7, 29. А. Ю.-З. Р., I, № 186; III, № 56.

⁵⁾ *Sulimierski*, Stown. geogr., II, 826; V, 682; XI, 60. *Niesiecki*, Herbarz, VIII, 456. *Baliński*, IV, 683. Arch. Sangusz., III, 405. *Boniecki*, 328—330.

Въ памятникахъ XV вѣка упоминается особый удѣль въ Минской области—*Койдановъ* (близъ Минска, къ югу отъ него), составившій, по пожалованію великаго князя Казимира Ягеллона, часть владѣній литовскаго князя Михаила, сына Сигизмунда Кейстутовича ¹⁾. Послѣ бѣгства князя Михаила въ Москву Койдановъ съ другими волостями (Уса, Старики. Исlochъ и др.) былъ пожалованъ въ 1484 г. московскому выходцу, князю Михаилу Васильевичу Верейскому, что было подтверждено великимъ княземъ Александромъ въ 1499 г. По смерти князя Верейскаго и его жены, Койдановская волость перешла (въ 1506 г.) къ принцу Альбрехту Гантольду „по близости нанее его (жены) къ тымъ имѣньямъ“. При Сигизмундѣ-Августѣ Койдановъ сдѣлался потомственнымъ владѣніемъ князей Радзивилловъ ²⁾.

Кромѣ удѣльныхъ княженій и волостей, располагавшихся въ западной половинѣ Минской земли, источники указываютъ на новый рядъ удѣльныхъ княженій въ восточной половинѣ той же земли, въ Придвѣпровьи, въ бассейнѣ рѣкъ Березины и Припечи съ ихъ притоками. Къ главнѣйшимъ изъ такихъ княженій и волостей относились: Свислоцкое княжество, располагавшееся по среднему теченію Березины, Глуская волость—въ бассейнѣ Припечи и, наконецъ, самый крайній (къ востоку) минскій удѣль—Рогачовъ на Двѣрѣ.

Свислочъ (на рѣкѣ Березинѣ, при впаденіи въ нее притока Свислочи) принадлежалъ къ удѣльнымъ владѣніямъ еще до присоединенія западно-русскихъ областей къ Литвѣ. Въ числѣ бѣлорусскихъ городовъ, имѣвшихъ своихъ удѣльныхъ князей предъ литовскимъ занятіемъ страны, упоминается Свислочъ ³⁾. Что касается послѣдующей судьбы Свислоцкаго княжества въ Литовскую эпоху, то касательно этого сохранились лишь немногія достовѣрные свидѣтельства. О литовскихъ князьяхъ, сидѣвшихъ въ Свислочи, упоминаютъ лѣтописи литовскія и русскія впервые при Ольгердѣ, въ половинѣ XIV столѣтія. По лѣтописному извѣстію, великій князь литовскій Ольгердъ въ 1349 г. отправилъ къ татарамъ посольство изъ литовскихъ князей: Михаила-Коріата, Семена Свислоцкаго и какого-то Айкшу. Посланцы литовскіе были задержаны въ татарской неволѣ; только благодаря

¹⁾ См. Хрон. *Быховиц*, 55. *Wolff*, R6d, 165.

²⁾ *Sulimierski*, Słown. geogr., IV, 246. *Baliński*, Staroz. Polska, 2-е изд., IV, 676. *Wolff*, R6d Ged., 65. *Любавскій*, 114. *Воніескі*, 366.

³⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 20. *Истровъ*, Бѣлоруссія, 30.

посредничеству великаго князя московскаго Семена Ивановича. литовскимъ пашникамъ удалось получить свободу и возвратиться на родину¹⁾. Другое документально-достоверное свидѣтельство о Свислочи, какъ удѣльномъ владѣніи, находимъ въ привилеѣ, данномъ въ 1387 г. королемъ Владиславомъ-Ягеллой его брату Скиргайлу на цѣлый рядъ удѣльныхъ владѣній въ Бѣлоруссіи, къ составу которыхъ принадлежалъ и городъ Свислочь „съ данью, землями, людьми и доходами“²⁾. (О судьбѣ Свислочскаго удѣла въ слѣдующемъ столѣтіи, повидимому, нѣтъ никакихъ документальныхъ свѣдѣній. Въ актахъ XVI столѣтія упоминаются свислоцкіе „державцы“ и, слѣдовательно, въ это время Свислочь окончательно утратилъ старый свой удѣльный характеръ³⁾. Вотъ всѣ достоверныя данныя о Свислочи и свислоцкихъ князьяхъ. Есть, правда, еще одно темное указаніе на какого-то князя Семена, который въ 1389 г. далъ присягу вѣрности королю Владиславу-Ягеллѣ⁴⁾; но былъ ли это именно князь свислоцкій, или же иной удѣльный князь съ тѣмъ же именемъ, нельзя сказать ничего вполне вѣрнаго⁵⁾. То же самое нужно сказать и по вопросу о томъ, къ какому именно роду Гедиминовичей принадлежалъ князь Семень Свислоцкій, участвовавшій въ 1349 г. въ Ольгердовомъ посольствѣ къ татарамъ. Стадницкій считаетъ правдоподобнымъ предположеніе Нарбута о томъ, что княземъ Свислоцкимъ въ половинѣ XV столѣтія могъ быть Семень Евнутьевичъ (сынъ Евнута Гедиминовича, сидѣвшаго въ одномъ изъ минскихъ же княжествъ—въ Заславѣ)⁶⁾. По мнѣнію Вольфа, раздѣляемому также Смолькой⁷⁾, княземъ Свислоцкимъ могъ быть другой Гедиминовичъ—Семень Наримунтовичъ (сынъ Наримунта Гедиминовича, владѣвшаго Турово-Пинскимъ княжествомъ, умершій

¹⁾ П. С. Р. I., IV, 59. *Латоп. Даниловича*, 171.

²⁾ Skarbicec, № 542. Раньше 1387 г. „Логойской данью съ людьми и доходами“, какъ говорится въ привилеѣ, владѣлъ какой-то Wojszwill (ibid).

³⁾ См., напр., А. Ю.-З. Р., I, № 72, актъ 1522 г., въ которомъ упоминается державца свислоцкій—воевода кіевскій, панъ Андрей Немировичъ.

⁴⁾ Skarbicec, № 565.

⁵⁾ Даниловичъ полагаетъ (см. предм. примѣч.), что князь Семень, давшій въ 1389 г. присягу вѣрности польскому королю, былъ Семень, сынъ Евнута Гедиминовича; но, по справедливому замѣчанію К. Стадницкаго, это одно только предположеніе, не подтверждающееся никакимъ достовернымъ свидѣтельствомъ (*Stadnicki*, Syn. Ged., I. 2-е изд., 82).

⁶⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., I, 2-е изд., 82.

⁷⁾ *Wolff*, Ród Ged., 25. *Smolka*, Kiejstut, 10.

безспорно, когда—неизвестно ¹⁾). Оба предположенія остаются только личными догадками, не подтверждаются никакими достоверными данными ²⁾). Намъ кажется, что можно допустить еще одну догадку въ такой же мѣрѣ вѣроятную, какъ и приведенныя выше предположенія польскихъ историковъ. Можно допустить, что князья, сидѣвшіе въ Свислочи въ первой половинѣ XIV столѣтія, вовсе не принадлежали къ Гедиминовичамъ, могли представлять собой потомковъ старыхъ русскихъ князей, владѣвшихъ Свислочемъ до литовскаго зашитія бѣлорусскихъ областей и удерживавшихъ за собой старый удѣлъ и послѣ этого событія (какъ это было въ разныхъ мѣстахъ Литовской Руси) въ качествѣ подручниковъ великихъ князей литовскихъ. Предположеніе о русскомъ происхожденіи Свислоцкихъ князей можно считать въ такой же степени правдоподобнымъ, какъ и предположеніе о принадлежности Свислоцкаго княжества Гедиминовичамъ рода Евиута или Наримунта ³⁾).

¹⁾ См. Родословную князей Литовскихъ, помѣщен. въ *Времени*, X, стр. 80, 136, 222.

²⁾ Семень Евиутевичъ, отождествляемый съ Семеномъ Свислоцкимъ, еще жилъ въ Минской землѣ (въ Заславѣ) въ 1387 г., когда Свислочь была отдана польскимъ королемъ во владѣніе Скиргайлу (Семень Евиутевичъ попалъ въ плѣнъ къ крестоносцамъ въ 1390 г., и съ тѣхъ поръ о немъ ничего неизвестно, Лѣт. *Даниловича*, 45). Въ привилеѣ 1387 г. говорится только о Wojzwill'ѣ, владѣвшемъ раньше Логойской данью съ людьми и доходомъ, — ни о какомъ князѣ Семенѣ нѣтъ ни слова. Очевидно, Логойскъ потерялъ своихъ князей далеко раньше изданія привилея 1387 г. Но точно также нѣтъ никакихъ документальныхъ указаній и на Семена Наримунтовича, какъ свислоцкаго князя.

³⁾ Въ пользу русскаго происхожденія Свислоцкихъ князей можно, между прочимъ, привести слѣдующее, какъ кажется, не лишнее основанія, соображеніе. Какъ не разъ замѣчено раньше, русская удѣльная система не отлѣнялась въ западно-русскихъ областяхъ послѣ присоединенія ихъ къ Литвѣ; старые удѣльные города большею частію продолжали быть таковыми и въ литовскую эпоху. Разъ же допустимъ, что Свислочь, подобно другимъ русскимъ волостямъ, имѣвшимъ своихъ князей въ пору присоединенія страны къ Литвѣ, не переставала быть удѣльнымъ же владѣніемъ и въ литовскую эпоху, лишь съ замѣной русскихъ князей литовскими, становится мало понятнымъ молчаніе о нихъ со стороны лѣтописей и другихъ источниковъ. Удѣльные князья литовскіе, сидѣвшіе продолжительное время въ своихъ удѣлахъ, обыкновенно принимали, какъ члены одного и того же рода литовскихъ „господарей“, болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ судьбахъ не только своего удѣла, но и всего государства, участвовали въ господарской радѣ, оставляли свои подписи на дипломатическихъ и разныхъ законодательныхъ актахъ и пр. Все это, естественно, не могло ускользнуть отъ вниманія лѣтописцевъ, заносившихъ въ свои хроники имена всѣхъ Гедиминовичей, такъ или

Къ югу отъ Свислоцкаго княжества располагалась, по теченію рѣки Птичи, притока Припяти, большая удѣльная волость, извѣстная подъ именемъ *Глуской*. На картѣ старой Польши, составленной въ 1772 г. при Станиславѣ-Августѣ ¹⁾, по среднему теченію рѣки Птича обозначены два поселенія: Глускъ и затѣмъ ниже его Глускъ-Дубровицкій. Эти два поселенія составляли изстари центры двухъ половинъ Глуской волости. Последняя первоначально принадлежала литовскимъ князьямъ Ольгимунтовичамъ, имѣвшимъ главный свой удѣлъ въ собственной Литвѣ—въ Гольшанахъ (смотри выше). Съ раздѣленіемъ рода Ольгимунтовичей на двѣ отдѣльныя линіи—князей Гольшанскихъ и Дубровицкихъ (последніе владѣли особымъ удѣломъ—Дубровицей, въ Волинскомъ Полѣсьи, смотри ниже), Глуская волость раздѣлилась также на двѣ „доли“: сѣверная половина, съ старымъ центральнымъ мѣстомъ Глускомъ, осталась въ составѣ удѣла князей Гольшанскихъ; южная половина Глуской волости отошла къ князьямъ Дубровицкимъ. Съ этого-то времени, какъ нужно полагать, въ южной части Глуской волости появилось новое центральное поселеніе Глускъ-Дубровицкій (по Балинскому—Глуско Дубровицкое). О Глуской волости находимъ свѣдѣнія въ нѣсколькихъ актахъ до половины XVI столѣтія. Изъ такихъ актовъ видно, что волость эта еще во второй половинѣ XIV столѣтія принадлежала князьямъ Гольшанскимъ и удерживалась въ ихъ

иначе, но всегда оставлявшихъ болѣе или менѣе крупныя слѣды въ исторіи страны. Въ немъ положеніи находились русскіе князья, оставшіеся въ своихъ удѣлахъ подручниками великихъ князей литовскихъ: ихъ дѣятельность была гораздо скромнѣе, но большей части, не выходила за предѣлы принадлежавшихъ имъ удѣловъ, почему многіе изъ нихъ остались вовсе не отмѣченными ни въ мѣстныхъ хроникахъ, ни въ дипломатическихъ и законодательныхъ актахъ. Въ данномъ случаѣ во главѣ посольства 1349 г. стоялъ извѣстный въ то время по своей политической дѣятельности Михаилъ-Коріатъ, сынъ Гедимина, получившій еще при жизни отца одинъ изъ лучшихъ литовскихъ удѣловъ, съ бывшей (при Миндовгѣ) столицей возникавшаго государства—Новгородомъ Литовскимъ, и цѣлымъ рядомъ пригородовъ и волостей. При Коріатѣ Гедиминовичѣ играли въ татарскомъ посольствѣ второстепенную, мало замѣтную, роль другіе два посланца: князь Свислоцкій и Айкша (ими не литовское и не русское, скорѣе всего какой либо татарскій выходецъ-князекъ); лѣтописецъ не позаботился даже точно обозначить родовое ихъ происхожденіе—отъ русскихъ, литовскихъ или татарскихъ князей. Будь князь Свислоцкій родной племянникъ Коріата, лѣтописецъ едва ли бы оставилъ это обстоятельство безъ вниманія, точнѣе обозначилъ бы близкое родство князя Свислоцкаго съ главой посольства, чего, по всему видно, на дѣлѣ вовсе не было.

¹⁾ Пазана въ 1827 г. Ольгебрандомъ въ приложеніи ко второму изданію соч. *Балинскаго*: *Szaryż. Polska*, IV, 720.

владѣніи до половинѣ XVI столѣтія, когда, по завѣщанію одного изъ князей Гольшанскихъ, Глуская волость отошла къ непосредственнымъ владѣніямъ Сигизмунда-Августа ¹⁾. Что касается Глузка Дубровицкаго, то онъ еще въ концѣ первой четверти XVI столѣтія принадлежалъ князьямъ Дубровицкимъ и лишь по прекращеніи рода перешелъ къ старымъ своимъ владѣльцамъ—князьямъ Гольшанскимъ ²⁾.

Восточную окраину бывшего Минскаго воеводства составляла *Рогачевская* земля, съ главнымъ городомъ Рогачевомъ на Диѣбрѣ (при впаденіи въ него рѣки Друць). Земли эта выдѣляется въ значеніи удѣльнаго владѣнія во второй половинѣ XV столѣтія, при королѣ Казимирѣ, предоставившемъ въ удѣлъ московскому выходцу, князю Ивану Васильевичу Ирославичу (сыну боровскаго удѣльнаго князя Василя Ирославича), нѣсколько городовъ въ Литовскомъ Полѣсьи и Минской землѣ, въ томъ числѣ и Рогачевъ на Диѣбрѣ. Владѣніе Рогачевомъ было утверждено за тѣмъ же княземъ въ 1499 г. великимъ княземъ Александромъ ³⁾. Послѣдній владѣлецъ Рогачевской земли, сынъ упомянутого князя, Федоръ Иван. Ирославичъ, далъ въ 1509 г. отказную запись (на случай своей смерти) въ пользу короля на все свои владѣнія. Въ силу упомянутой записи владѣніи эти дѣйствительно отошли въ 20-хъ годахъ XVI столѣтія въ составъ коронныхъ волостей, а затѣмъ вскорѣ были пожалованы королевѣ Боги ⁴⁾.

¹⁾ Изъ жалованной грамоты Юрія Семеновича Гольшанскаго видно, что еще князь Иванъ Ольгимунтовичъ (сынъ основателя рода кн. Гольшанскихъ—князя Ольгимунта Гольшанскаго, см. выше), жившій во второй половинѣ XIV ст., далъ Киево-Печерскому монастырю земли въ принадлежавшей ему Глуской волости; около 1480 г. одинъ изъ тогдашнихъ владѣльцевъ Гольшанскаго удѣла, князь Юрій Семеновичъ, далъ тому же монастырю подтвердительную жалованную грамоту на имѣніе въ Глускѣ (А. З. Р., I, № 72). Въ 1483 г. сынъ упомянутого князя, Семень Юрьевичъ, записалъ своей женѣ Настасѣ „противъ ея отчизны у вѣне“ 2 тысячи копѣ на своихъ имѣніяхъ „на Барани на Луску“ (Arch. Sangusz., I, стр. 82). Затѣмъ въ 1501 г. князь Григоръ (Юрій?) Шван. Сюръевичъ Гольшанскій записалъ своей женѣ Василѣ 500 копѣ „на Глуску и Гольшанахъ, какъ опрану и посагъ“ (актъ этотъ открытъ Вольфомъ въ Литовской Метрицѣ, см. Ród Ged., 80, прим. 6). Въ 1551 г. князь Гольшанскій Павелъ (бывшій епископъ Виленскій) записалъ по завѣщанію Глускую волость Сигизмунду-Августу, которымъ вскорѣ она была пожалована жмудскому старостѣ Ходкевичу (*Baliński*, Star. Pol., IV, 693).

²⁾ *Baliński*, Star. Pol., 2-е изд., IV, 693.

³⁾ *Wolff*, Ród Ged., 29—30.

⁴⁾ *Wolff*, Ród Ged., 29, 30, 110. *Baliński*, Star. Polska, IV, 695. См. Ревизія вудъ, стр. 153, 338 и др.

Сѣверо-восточную часть территоріи Кривичской земли, въ верховьяхъ Западной Двины. Днѣпра и Волги, занимала *Смоленская земля*. Территориальное положеніе этой области, обладавшей ключемъ главныхъ въ старину торговыхъ путей западной и восточной Руси. обусловливало важное историческое значеніе этого Кривичскаго края. изъ-за обладанія которымъ велась изстари упорная борьба между русскими князьями. какъ и позже между государствами Московскимъ и Литовскимъ. Въ кievскую эпоху утвердилось въ Смоленской землѣ потомство Мономаха. Съ XII вѣка (1127 г.) эта область обособляется въ независимое княжество. составлявшее волость мѣстныхъ князей рода Ростислава Мстиславича вплоть до присоединенія Смоленска къ Литвѣ. Съ XIII столѣтія Смоленская земля, подобно другимъ областямъ сѣверо-западной Руси, начинаетъ постепенно втягиваться въ сферу литовскихъ вліяній. окончившихся къ началу XV вѣка присоединеніемъ этой области къ Литвѣ. Первая попытка поставить Смоленскую землю въ прямую зависимость отъ Литвы является еще при литовскомъ князѣ Миндовгѣ, въ пору татарскаго нашествія на русскія земли ¹⁾. Собственно же съ половины XIV вѣка начинается и болѣе и болѣе усиливается подчиненіе Смоленска литовскимъ князьямъ ²⁾. Окончательное присоединеніе Смоленской земли къ Литовскому государству принадлежитъ времени Витовта (1404 г.) ³⁾. По смерти Сигизмунда смольняне (въ 1440 г.) призвали было къ себѣ на княжій столъ мстиславскаго князя Юрія Лугвеневича; но чрезъ два года

¹⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 25.

²⁾ Документальнымъ актомъ такого подчиненія служатъ, напримѣръ, присяжный листъ 1386 г. смоленскаго великаго князя Юрія Святославича на вѣрность королю Владиславу „съ своими князьями“ (удѣльными) и со всей землей (см. А. Ю. З. Р., II, № 63; Arch. Sangusz. т. I, № 4). При Ольгердѣ, въ 1359—1363 г., присоединяются къ Литвѣ Мстиславъ, Могилевъ и рядъ пограничныхъ городовъ (со стороны Витебскаго княжества) — Бѣлгородъ, Хорвачъ, Рудня и Ржевъ (*Карамзинъ*, Ист., V, прим. 395; *Stadnicki*, Olgerd, 134; *Smolka*, Kiejstut, 6). Въ 1359 г. Смоленскомъ управлялъ Святославъ Пвановичъ, вѣрно служившій Ольгерду (о Смоленскѣ при Ольгердѣ см. *Бестужевъ-Рюминъ*, Ист., I, 492; *Антоновичъ*, Моногр., I, 110—113). Владѣвшій Смоленскомъ при Владиславѣ-Ягеллѣ великій князь Юрій Святославичъ являлся уже вполне удѣльнымъ княземъ, подчиненнымъ литовскому господарю, какъ это ясно показываетъ приведенный выше присяжный листъ 1386 г.

³⁾ *Соловьевъ*, Ист., IV, 29 — 35. *Бестужевъ-Рюминъ*, Ист., II, 40. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 102. *Stadnicki*, Bracia Jagietty, 289. И. С. Р. Л., VIII, 76. *Никонъ*, лѣт., IV, 310. Ср. *Lewicki*, *Rozprawy*. XXIX, 181—183.

Смоленскъ подчинился Казимиру ¹⁾. Съ этихъ поръ Смоленская земля вошла въ составъ литовскихъ провинцій и управлялась намѣстниками; были и воеводы, но лишь въ значеніи замѣстителей послѣднихъ и вообще подчиненныхъ имъ органовъ ²⁾. Зависимость Смоленска отъ Литвы продолжалась до 1514 г., когда онъ отошелъ къ Москвѣ. Въ смутное время Московскаго государства Смоленскъ опять было достался (ок. 1611 г.) Литовскому государству. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Смоленскъ былъ взятъ русскими въ 1654 г.; по Андрусовскому договору 1667 г. Смоленскъ уступленъ Россіи на 13 лѣтъ; наконецъ, по договору 1686 г. навсегда перешелъ подъ власть московскихъ государей ³⁾.

Старая русская система удѣловъ удерживалась въ Смоленской землѣ и послѣ присоединенія ея къ Литовскому государству. въ особенности же въ древнихъ волостяхъ смоленскихъ князей — *Вязьма* и *Торопецъ*, имѣвшихъ изстари удѣльныхъ князей. Вяземскій удѣлъ возникъ въ половинѣ XIII столѣтія. Родоначальникомъ вяземскихъ князей считается Андрей Владиміровичъ, по прозванію Долгая Рука, сынъ смоленскаго князя Владиміра Рюриковича (ум. въ 1239 г.) ⁴⁾. Въмѣстѣ съ великимъ княземъ смоленскимъ (Юріемъ Святославичемъ) далъ въ 1386 г. присягу подчиненія королю Владиславу вяземскій князь — Михаилъ Ивановичъ ⁵⁾. Послѣ окончательнаго присоединенія къ Литвѣ Смоленска, а съ нимъ Вязьмы и Торопца, ихъ старые князья продолжали владѣть своими удѣлами на прежнихъ основаніяхъ ⁶⁾. Изъ-за этихъ-то областей смоленскихъ, граничившихъ съ владѣніями Московскаго государства, завязывается въ послѣдней чет-

¹⁾ Литов. *Даниловича*, 66—69. *Быховецъ*, 54. П. С. Р. Л., III, 113. *Stadnicki*, *Bracia*, 297—298. А. З. Р., I, № 219.

²⁾ А. З. Р., I, №№ 78, 108, 128, 160 и др.

³⁾ *Петровъ*, Бѣлоруссія, 150. *Ясинскій*, Уст. земск. грамоты, 57. *М. Владимірскаго-Буданова*, Государства Московское и Литовское (*Кіевск. Унив. Изв.*, 1882; отд. 1882, стр. 4 и слѣд.). *Baliński*, *Staroż. Polska*, IV, 478. *Slown. geogr.*, X, 897. Ср. *Kottubaj*, *Odsiecz Smoleńska i pokój Polanowski* (1858). *Цебриковъ*, Смоленская губернія (1862). Памятная книжка Смоленской губ. на 1857 годъ. *Мурлакевича*, *Исторія Смоленска* (1848).

⁴⁾ П. С. Р. Л., VII, 182. *Времени*, X, 145. *Карамзинъ*, III, прим. 347.

⁵⁾ *Arch. Sangusz.*, I, № IV. А. Ю.-З. Р., I, № 63. *Boniecki*, 365.

⁶⁾ Есть, впрочемъ, извѣстія, что въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XV столѣтія Вяземскимъ удѣломъ владѣли нѣкоторое время литовскіе князья изъ рода Гольшанскихъ. См. *Stadnicki*, *Bracia Jagiełły*, 189—190, 235, 333. П. С. Р. Л., VIII, 76. *Карамзинъ*, V, прим. 191. *Boniecki*, 365.

верти XV вѣка споръ между великими князьями литовскимъ и московскимъ ¹⁾. (Споръ этотъ закончился лишь въ началѣ XVI столѣтія, когда волости, отошедшія раньше къ Москвѣ, были навсегда присоединены къ ней въ качествѣ простыхъ провинцій ²⁾).

Такимъ же предметомъ споровъ между Москвой и Литвой служили другія двѣ пограничныя смоленскія области—*Великія Луки* и *Ржева* (сѣверныя окраины Смоленской земли), издавна составлявшія *общее владѣніе* литовскихъ князей сперва съ Великимъ Новгородомъ, а затѣмъ съ Москвой, послѣ присоединенія къ ней Новгорода. При невозможности установить въ обѣихъ пограничныхъ областяхъ прочныя терригоріальныя границы владѣній Литовскихъ и Новгородскихъ, въ нихъ посылались, по изстари установившемуся обычаю, намістники или даньщики литовскіе и новгородскіе; обоимъ сосѣдямъ платили эти области дань ³⁾. Спорное положеніе пограничныхъ областей продолжалось и послѣ присоединенія Новгородской земли къ Московскому государству. Въ 80-хъ годахъ XV вѣка Ржевой и Луками уже вполне владѣлъ московскій великій князь Ивашъ III. Не смотря на постоянные протесты литовскаго великаго князя Казимира, спорныя области оставались въ исключительномъ обладаніи Москвы, что окончательно было утверждено договоромъ 1494 г. ⁴⁾.

Кромѣ г. Вязьмы съ непосредственно прилегающими къ нему волостями, къ вяземскимъ „отчинамъ“ относился цѣлый рядъ мелкихъ удѣльныхъ волостей, владѣльцы которыхъ были „изъ старины вязем-

¹⁾ См. А. З. Р., I, №№ 109, 114. Въ 1492 или въ 1493 г. князья Андрей и Василий Юрьевичи Вяземскіе (вмѣстѣ съ князьями сѣверскими—Воротынскимъ, Бѣлевскимъ и Мезецкимъ) перешли съ своими удѣлами на службу къ великому князю московскому Ивану III Васильевичу. Изъ-за этого завязалась переписка между литовскими и московскими государями (см. Сборникъ *Мушанова*, №№ 35, 36; *Skarb.*, №№ 2056, 2057. *Воніес'і*, 365).

²⁾ *Сборн. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, XXXV, №№ 4, 8, 14, 124—129. Ср. *Владимірскай-Будановъ*, Государства Московское и Литовское, 8—9. По договору 1503 г. Вязьма оставлена за Литвой; присоединена къ Москвѣ вмѣстѣ съ Смоленскомъ въ 1514 г. Въ концѣ XV столѣтія Торонецъ также числился за Литвой и управлялся намістниками великихъ князей литовскихъ (см., напримѣръ, А. З. Р., I, №№ 99 и 146); къ Москвѣ присоединенъ лишь въ 1503 г. (*Сборн. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, XXV, 35. *Skarb.*, №№ 2067 и 2156. См. *Stadnicki*, Врѣсія, 209).

³⁾ См. А. З. Р., I, № 79, запись (ок. 1479 г.) о Ржевской дани, платившейся Новгороду и великимъ князьямъ литовскому и московскому.

⁴⁾ *Сборн. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, XXXV, №№ 4, 8, 14, 124—129. *Skarb.*, № 2067. Ср. *Владимірскай-Будановъ*, Государства Московское и Литовское, 4.

скіе“, тянули къ Вязьмѣ. Указанія на такія волости и ихъ владѣльцевъ находимъ въ актахъ конца XV столѣтія, относящихся къ перепискѣ московскаго и литовскаго правительствъ касательно пограничныхъ смоленскихъ владѣній. Таковы слѣдующія вяземскія волости: *Великое Поле* и *Волста Верхняя*—отчина князя Василія Дерличина; *Середее*—отчина князей Желтыхъ; *Хлепень*, *Волочекъ Вяземскій*, *Мошленъ* и др.—отчина князя Михаила Вяземскаго; въ договорѣ 1494 г. упоминается удѣлъ князи Александра Борисовича Хлепенскаго (удѣлъ этотъ отошелъ къ Москвѣ); *Неюмиръ* и *Сочовки*—отчина князя Василія Бывалицкаго; *Козлово*—отчина князей Козловскихъ; *Глинки*—отчина князей Глинскихъ. Въ докончальной грамотѣ 1494 г. упоминаются также тянувшіе, повидимому, къ Вязьмѣ удѣлы князей Блудовыхъ и Ромейковичей. Источники не даютъ точныхъ указаній, въ какихъ именно отношеніяхъ находились „отчины“ отдѣльныхъ волостей къ „головнымъ“ вяземскимъ князьямъ. По договору 1494 г. перечисленныя волости отошли къ Москвѣ вмѣстѣ съ Вязьмой¹⁾.

Въ связи съ Вяземскимъ княжествомъ, какъ кажется, стояло княжество *Юминско-Березуйское*. Въ договорѣ 1494 г. князь Романъ Юминскій упоминается рядомъ съ княземъ Хлепенскимъ и другими князьями, удѣлы которыхъ тянули къ Вязьмѣ. Княжество Юминское (къ сѣверу отъ Вязьмы) выдѣлилось еще въ до-литовское время. Какъ видно изъ родословной древнерусскихъ князей, князья Юминскіе принадлежали къ удѣльнымъ смоленскимъ князьямъ. Зависимость этого удѣла отъ Литвы установилась въ концѣ XIV столѣтія: есть извѣстіе о томъ, что, при первомъ занятіи Смоленска Витовтомъ, къ послѣднему „приложился“ князь Юминскій съ другими пограничными князьями. Въ 1449 г., на основаніи договора великаго князя московскаго Василія Ивановича съ королею Казиміромъ, удѣлъ князей Юминскихъ отошелъ къ Москвѣ. Принадлежность этого удѣла къ московскимъ владѣніямъ окончательно признана договоромъ 1494 г.²⁾

Къ сѣвернымъ окраинамъ Смоленской земли относилась волость *Бѣльская*, съ главнымъ городомъ Бѣлымъ (древній Бѣягородъ, Бѣял. Бѣлое), къ западу отъ Ржевы, на р. Межи-Обшѣ (притокъ Западной Двины). Волость эта отошла къ Литвѣ въ 1359 г. при Ольгердѣ, вмѣстѣ съ другими пограничными смоленскими городами³⁾. Бѣльская

¹⁾ *Сборн. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, т. XXXV, №№ 2, 3, 9, 16, 20, 31, 37, 124—129, 136, 151.

²⁾ *Ibid.*, 124—129. А. З. Р., I, № 50. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 254.

³⁾ *Карамзинъ*, V, прим. 395. *Stadnicki*, Olgerd, 134. *Smolka*, Kiejstut, 6.

волость выдѣляется въ значеніи удѣльнаго княжества при Ягеллѣ, предоставившемъ г. Бѣлый въ удѣлъ князю Ивану Владиміровичу (сыну бывшаго кievскаго князя Владиміра Ольгердовича), родоначальнику всѣхъ послѣдующихъ князей Бѣльскихъ, жившихъ въ послѣдующее время въ Литовской и Московской Руся ¹⁾. Позже (въ 1484 г.) къ Бѣльскому удѣлу былъ присоединенъ г. Смольняны ²⁾. Съ 80-хъ годовъ Бѣльскіе князья начинаютъ отъѣзжать въ Москву съ своими „дѣльницами“ ³⁾; ихъ волость окончательно отошла къ Москвѣ вмѣстѣ со всею Смоленской землей въ 1514 году ⁴⁾.

Кромѣ перечисленныхъ княжествъ, въ Литовской Смоленщинѣ были также другія мелкія владѣнія, принадлежавшія различнымъ литовскимъ князьямъ. Таковы князья *Крошинскіе*, владѣвшіе „отчинами“ въ Смоленской землѣ до начала XVI столѣтія ⁵⁾, а также

¹⁾ *Быховецъ*, 29. II. С. Р. Л., VII, 255. *Stadnicki*, *Wacia Jagielly*, 188, 191. *Wolff*, *Ród*, 103. Первый князь Бѣльскій, Иванъ Владиміровичъ, упоминается въ числѣ литовскихъ князей, присутствовавшихъ въ 1386 г. въ Краковѣ на коронаціи Владислава-Ягеллы (*Wolff*, 103). Его же подпись встрѣчается на дипломатическихъ и другихъ актахъ 1422—1432 г. *Skarbiec*, №№ 1562, 1603. *Dogiel*, *Cod. diplom.*, IV, 115. *Supplementa ad histor. Russ. monum.*, I, 306, 517. *Наниерскій*, *Русско-литовск. акты*, 190. Ср. *Boniccki*, 7—9.

²⁾ *Wolff*, *Ród Ged.*, 104.

³⁾ Бѣльскій князь Федоръ Ивановичъ, участвовавшій съ князьями Гольшанскимъ и Олельконичемъ въ заговорѣ объ отторженіи отъ Литвы, бѣжалъ въ 1482 г. въ Москву; его дѣльница дана была брату его Семену (II. С. Р. Л., VI, 233. А. З. Р., I, № 126. *Stadnicki*, *Wacia*, 193, 202. *Wolff*, 106). Въ 1500 г. московскій великій князь тайно сносится съ княземъ Бѣльскимъ, Семеномъ Ивановичемъ, и другими пограничными литовскими князьями, съ приглашеніемъ „отступиться отъ Литвы съ волостями и городами“ (*Быховецъ*, 67; *Stadnicki*, *Wacia*, 26); князь Бѣльскій вскорѣ отложился отъ Литвы съ своей „дѣльницей“, по договору 1503 г. окончательно утвержденной за Москвой (*Быховецъ*, 68. II. С. Р. Л., VIII, 238; VI, 45. *Skarbiec*, №№ 2136, 2156. *Stadnicki*, *Wacia*, 207).

⁴⁾ Впрочемъ, и послѣ того нѣкоторые изъ князей Бѣльскихъ оставались въ Литвѣ. Въ 1524 г. одинъ изъ нихъ, Дмитрій Федоровичъ, отошелъ въ Москву (*Skarbiec*, № 2297); въ Литвѣ остались его братья—Семень и Иванъ (А. З. Р., II, № 224). Сигизмундъ-Августъ въ 1567 г. дѣлалъ попытку перезвать въ Литву одного изъ князей Бѣльскихъ, служившихъ въ Москвѣ; но попытка эта осталась безъ результата (*Skarbiec*, № 2373).

⁵⁾ Князья Крошинскіе впервые упоминаются въ источникахъ въ концѣ XV столѣтія; по всему видно, что они принадлежали къ старымъ русскимъ князьямъ. Происхожденіе ихъ съ точностію неизвѣстно. Польскіе историки и генеалоги считаютъ ихъ родоначальникомъ то Войдата Кейстутовича, то Вигунта Кейстутовича, но все это лишь простыя догадки (см. *Wolff*, *Ród Ged.*, 54). Удѣлъ князей Крошинскихъ состоялъ изъ цѣлаго ряда смоленскихъ волостей: Тѣши-

князя *Киндирь* (или *Киндеровичи*), упоминающіеся въ числѣ литовскихъ князей съ конца XIV до половины XV столѣтія и имѣвшие свои владѣнія также въ Смоленщинѣ ¹⁾.

Въ юго-западной части территории бывшей Смоленской земли (въ Задѣпровьи, по верхнему теченію р. Сожи) располагалось значительное княжество *Мстиславское*, граничившее съ Сѣверскою, Минскою и Витебскою землями. Въ концѣ XII столѣтія Мстиславъ (на р. Вихрь, притокъ Сожи) выдѣляется изъ Смоленской земли въ значеніи самостоятельной волости одного изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей (какъ полагають, Мстислава Романовича). Позже Мстиславское княженіе становится въ зависимость отъ сосѣднихъ русскихъ князей, въ особенности сѣверскихъ и кievскихъ ²⁾. Въ составъ Литовскаго государства Мстиславское княжество вошло при Ольгердѣ въ началѣ второй половины XIV столѣтія (около 1359 г.), вмѣстѣ

нова, Мошково, Волсты, Бѣлицкой, Буйгородской и др. (*Сборн. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, т. XXXV, №№ 3, 7. *Boniński*, *Roczet god.*, 156—157. *Любаоскій*, *Областн. дѣленіе*, 274—276). Тѣмъ же князьямъ принадлежали „данины“, жаловавшіяся Казиміромъ и Александромъ въ концѣ XV столѣтія: Болваничи (на р. Сожи), Чернятичи, Бабиничи и др. Въ 1502 г. дань великимъ княземъ Александромъ князьямъ Крошинскимъ подтвердительной привилеіею на слѣдующія владѣнія: Тѣшиновъ, Сукромно, Заолея, Мошково, Гнездиловъ, Чернятичи, Бабиничи, Чертину, Ожарово, Пловучое и Новоградекъ (всѣ въ Смоленскомъ повѣтѣ). Вскорѣ затѣмъ смоленскія имѣнія Крошинскихъ отошли къ Москвѣ; какъ замѣчено раньше, въ 1503 г., въ замѣнъ утраченныхъ вотчинъ и выслугъ, Крошинскимъ данъ „на хлѣбокормленіе“ дворъ Дубно въ Городецкомъ повѣтѣ, отошедшій въ началѣ 30-хъ годовъ XVI столѣтія къ королевѣ Бонѣ (см. выше). Кромѣ того, князья Крошинскіе въ XVI столѣтіи получали данины въ собственной Литвѣ—Ракишки, Буйницу и др. Въ 1522 г. князь Иванъ Филипповичъ Крошинскій продалъ владѣнія панамъ Гаштольдамъ (*Boniński*, 157).

¹⁾ Происхожденіе князей Киндеровичей, какъ и Крошинскихъ, съ точностію не извѣстно. Польскіе историки причисляють князей Киндировъ не къ Гедиминичамъ, но къ потомкамъ другихъ княжескихъ литовскихъ родовъ стараго времени (*Wolff*, 49). Въ числѣ литовскихъ князей, павшихъ въ 1399 г. въ битвѣ съ татарами на Ворсклѣ, упоминается князь Иванъ Дмитріевичъ Киндиръ (И. С. Р. А., IV, 101, 142). Его сынъ Глѣбъ Киндеровичъ участвовалъ въ 1432 г. съ другими литовскими князьями въ поручительствѣ за Свиригайла въ томъ, что послѣдній будетъ точно исполнять заключенный имъ съ Орденомъ договоръ (*Наніерскій*, *Русско-ливонск. акты*, 190; *Skarbies*, № 1603). Извѣстно затѣмъ, что въ 40-хъ годахъ XV столѣтія князь Александръ Киндеровичъ (другой сынъ князя Ивана Киндира) владѣлъ въ Смоленщинѣ селомъ Слободкой, а княгиня Киндерова—Отпѣвомъ (*Wolff*, 49).

²⁾ *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, VI, 771; *Baliński*, *Staroz. Polska*, 2-е изд., IV, 656.

съ Могилевомъ, Бѣгородомъ (Бѣлымъ) и другими пограничными смоленскими городами ¹⁾). Исторія Мстиславскаго княжества въ литовскую эпоху довольно точно опредѣляется по сохранившимся документальнымъ даннымъ. Мы остановимся на немъ съ бѣльшей подробностью, въ виду того, что въ судьбахъ этого княжества воспроизводятся всѣ главныя явленія, характеризующія вообще удѣльный бытъ литовскихъ областей стараго времени.

Мстиславское княжество первоначально слагалось изъ главнаго города Мстислава съ тянувшими къ нему издавна волостями. Въ теченіе XV и особенно въ первой половинѣ XVI столѣтія территориальный составъ Мстиславскаго княжества постепенно расширяется путемъ королевскихъ пожалованій мѣстнымъ князьямъ замковъ, дворцовъ и волостей, принадлежавшихъ къ сосѣднимъ областямъ — Смоленской, Сѣверской и пр. Въ пору принадлежности Мстиславскаго княжества Лигвеновичамъ оно состояло изъ стольнаго города Мстислава и нѣсколькихъ пригородовъ, лежавшихъ на территоріи сосѣдней Сѣверщины: Мглина, Хотимля, Дрокова и Поповой Горы, съ тянувшими къ нимъ волостями. Въ концѣ XV столѣтія, когда прекратился старыи родъ мѣстныхъ князей (потомковъ Лигвена Ольгердовича), и княжество Мстиславское поступило въ удѣлъ одного изъ заславскихъ князей (рода Евнута Гедининовича), княжество это состояло изъ двухъ замковъ: Мстислава и Мглина, принадлежавшаго къ Сѣверскимъ городамъ (въ сосѣдней съ Мстиславскимъ княжествомъ верхней части Сѣверщины), съ цѣлымъ рядомъ дворцовъ (Гранское, Рясна, Доброе, Людогощъ, Порадино, Михайловское, Колодязи, Будогощъ) и волостей ²⁾). Всѣ эти замки, дворцы и волости составляли изстаринную „отчину“ князей Мстиславскихъ. Кромѣ Мстиславской отчины, образовавшейся, какъ видно изъ актовъ, еще при первыхъ князьяхъ Лигвеновичахъ, послѣдніе владѣли также

¹⁾ *Карамзинъ*, Ист., V, прим. 395. *Stadnicki*, Olgerd, 134. *Smolka*, Kiejstut, 6. *Boniecki*, 191—194.

²⁾ А. З. Р., I, № 172. Ср. ib., №№ 43, 62, 65, 66, 82 и др. Дроковъ и другіе пригороды отошли въ это время на господари. Изъ нихъ замокъ Попова Гора пожалованъ въ 1501 г. великимъ княземъ Александромъ его женѣ Еленѣ. Волость Хотимль съ другими сѣверскими городами (Карачовомъ, Черниговомъ и др.) отошла около 1496 г. къ князю ѳемпу Михайловичу Можайскому сначала „до воли“ господарской, а съ 1499 г. — въ потомственную вотчину. По трактату 1503 г. Дроковъ и другіе сѣверскіе города, бывшіе во владѣніи князей Мстиславскихъ, отошли къ Москвѣ (А. З. Р., I, №№ 139, 167, 192, стр. 288. Сборникъ *Мушанова*, № 58. *Skarbiec*, №№ 2107, 2136, 2156. См. *Любовскій*, 136).

„данинами“, получавшимися въ качествѣ „выслугъ“ отъ великихъ князей литовскихъ. Въ концѣ XV столѣтія, съ прекращеніемъ рода князей Лингвеневичей, и принадлежація имъ „данины“ отошли къ короннымъ владѣніямъ ¹⁾. Въ XVI столѣтіи присоединяются къ Мстиславскому княжеству новыя владѣнія. Въ 1503 г. замокъ Мглинъ, съ нѣкоторыми другими сѣверскими городами, отошелъ къ Москвѣ; взамятъ утраченной волости мстиславскіе князья получаютъ отъ великаго князя Александра волостку Снеглины въ Кревскомъ повѣтѣ (въ собственной Литвѣ, см. выше Кревское княжество), пока Мглинъ не будетъ возвращенъ отъ Москвы ²⁾. Въ 20-хъ годахъ XVI столѣтія Кревская волость считалась „выслугою“ мстиславскихъ князей и состояла изъ замка на Ласѣ, двухъ дворцовъ — Снагло и Ожунчей, и изъ „купленны“ — дворца Сырмажа ³⁾. Затѣмъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ приобрѣтенія Кревской волости, при великомъ князѣ Александрѣ къ Мстиславскому княжеству присоединяется замокъ Радомль, одинъ изъ сосѣднихъ смоленскихъ городовъ ⁴⁾. Въ концѣ XV или началѣ XVI столѣтія въ составъ Мстиславскаго княжества входитъ замокъ Молодеченскій (Молодечно), данный мстиславскимъ князьямъ сначала въ „доживотъ“, а затѣмъ (въ 1511 г.) въ потомственную вотчину ⁵⁾. Какъ видно изъ актовъ XV столѣтія, княжество Мстиславское раздѣлялось первоначально на два повѣта: Мстиславскій и Мглинскій, а въ XVI столѣтіи на повѣтъ сѣверный—Мстиславскій (съ

¹⁾ Ibid., I, № 131. Источники не указываютъ точно на территоріальный составъ „данины“, отошедшихъ въ концѣ XV столѣтія отъ Мстиславскаго княжества.

²⁾ А. З. Р., I, № 205.

³⁾ А. З. Р., II, № 107.

⁴⁾ Въ привилеѣ короля Сигизмунда, 1507 г., говорится о Радомлѣ, какъ о волости, приобрѣтенной мстиславскими князьями при прежнемъ великомъ князѣ: привилеѣ 1507 г. только подтверждаетъ за ними владѣніе Радомлемъ. Этотъ привилеѣ открытъ Вольфомъ въ Литовской Метрицѣ (см. *Rôd Ged.*, 13). Въ 1525 г. мстиславскій князь Михаилъ Ивановичъ уступаетъ въ „хлѣбкормленіе“ замокъ Радомль съ тянувшими къ нему дворцами и волостями сыну своему Федору Михайловичу, что было утверждено королемъ, пока онъ не „осмотритъ“ князя Федора какимъ либо инымъ „держаньемъ“ (А. З. Р., II, № 136). Изъ грамоты 1527 г. видно, что въ это время Радомль опять отошелъ въ общій составъ Мстиславскихъ волостей; въ это время сынъ мстиславскаго князя Федоръ Михайловичъ отъѣхалъ въ Москву (А. З. Р., II, № 148).

⁵⁾ А. З. Р., II, № 69. Въ 1525 г. Молодечно и „купленная“ Дашлевская даны княземъ Михаиломъ Ивановичемъ въ вѣно дочерямъ (ibid., № 138). Къ пожалованіямъ же принадлежалъ замокъ Городокъ (*Сборн. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, XXXV, стр. 637 и сл.).

замками Мстиславомъ и Радомлемъ) и южный—Рясненскій (съ замкомъ Рясна). управлявшіеся княжескими намѣстниками, тивунами и другими урядниками ¹⁾. Кромѣ замковъ, дворцовъ и волостей, составлявшихъ отчину, выслуги или купчины мстиславскихъ князей, на территоріи ихъ княженія находились также вотчины монастырей, церквей и мѣстныхъ пановъ-бояръ. Земскимъ боярамъ, служилымъ людямъ также давались князьями изъ состава княжескихъ волостей „выслуги“ подъ условіемъ „послушанія“ и „службы“ князьямъ ²⁾.

Личный составъ удѣльныхъ князей, владѣвшихъ Мстиславскимъ княжествомъ въ литовскую эпоху, опредѣляется (хотя не всегда точно) въ мѣстныхъ лѣтописяхъ и актахъ. Въ одной фундушевой записи 1576 года находимъ указаніе на перваго „пана“ мстиславскаго—Василія Михайловича Наримунта, князя пинскаго (внука Наримунта Гедиминовича), который въ 1355 году (будучи будто бы мстиславскимъ „паномъ“) основалъ въ Коренцѣ Опшянскаго повѣта церковь Божьей Матери ³⁾. По показанію это едва ли можно признать исторически достовернымъ: въ 1355 году Мстиславъ вовсе не входилъ въ составъ Литовскаго государства и потому не могъ подчиняться собѣднимъ литовскимъ князьямъ ⁴⁾. По лѣтописнымъ извѣстіямъ, Мстиславъ занятъ былъ великимъ княземъ Ольгердомъ по смерти послѣдняго смоленскаго князя, около 1359 года, и оставался затѣмъ подъ непосредственною властью Ольгерда ⁵⁾. Первымъ удѣльнымъ княземъ, владѣвшимъ Мстиславомъ, считается сынъ Ольгерда—Корыгейло, Василий-Казиміръ, получившій въ управленіе Мстиславъ отъ

¹⁾ А. З. Р., I, №№ 43, 177; II, №№ 27, 136. Археогр. Сборн., II, № 8.

²⁾ О пожалованіи монастырямъ и церквамъ земель и разныхъ доходовъ на ихъ содержаніе см. А. З. Р., I, №№ 43, 62, 65 и др. О пожалованіи выслугъ княжскимъ служилымъ людямъ см. *ibid.*, II, 52. О боярскихъ выслугахъ: Стрежевича, *ibid.*, II, № 70; Оedorовича, *ibid.*, 75; Толкачевича—Археогр. Сборн., VII, 3—5 и др.

³⁾ Акты Виленск. Комм., XI, № 18. стр. 42.

⁴⁾ Составитель фундушевой записи 1576 г., королевскій писарь и референдарій великаго княжества Литовскаго, Гавріилъ Война, владѣвшій лихвіемъ Курепомъ въ послѣдней четверти XVI столѣтія, едва ли могъ имѣть точныя свѣдѣнія о первыхъ фундаторахъ мѣстной церкви, основавшихъ ее назадь тому два вѣка,—могъ ошибочно, руководясь державшимся въ то время темнымъ преданіемъ, назвать перваго фундатора церкви, пинскаго князя, „паномъ“ мстиславскимъ, чего на дѣлѣ вовсе не было. Если въ XVI столѣтіи владали въ грубыхъ историческія ошибки составители лѣтописныхъ сводовъ и гербовниковъ, то тѣмъ болѣе возможны были подобныя же ошибки со стороны составителей частныхъ записей.

⁵⁾ *Карамзинъ*, Ист., V, примѣч. 395. *Stadnicki*, Olgerd, 134. *Smolka*, Kiejstut, 6.

брата Владислава-Ягеллы. Съ точностію не извѣстно, когда именно Корягейло вступилъ въ управленіе Мстиславомъ. Извѣстно только, что въ 1386 году онъ сидѣлъ въ Мстиславѣ во время осады послѣдняго войскомъ смоленскаго князя Юрія ¹⁾. Мстиславъ находился во владѣніи Корягейла до 1390 года, когда этотъ князь палъ въ битвѣ съ нѣмцами ²⁾. Родоначальникомъ послѣдующихъ князей мстиславскихъ считается другой сынъ Ольгерда, Лингвонъ-Семень, сдѣлавшійся удѣльнымъ княземъ въ Мстиславѣ въ 1392 году ³⁾. Мстиславское княжество перешло послѣ Лингвена Ольгердовича (ум. около 1431 года), по наследственному порядку въ нисходящей линіи, сперва къ его сыну Юрію ⁴⁾, а затѣмъ къ внуку—Ивану Юрьевичу ⁵⁾, бывшему послѣднимъ мстиславскимъ княземъ изъ рода Лингвена Ольгердовича. Сохранилось, впрочемъ, извѣстіе о томъ, что въ началѣ 30-хъ годовъ XV стол. Мстиславъ вышелъ было на нѣкоторое время изъ владѣнія Лингвеновичей. Въ 1432 г. княжество Мстиславское взято было великимъ княземъ Сигизмундомъ у князей-отчичей, державшихъ сторону Свидригайла. Князь Юрій Лингвеновичъ получилъ свою отчину обратно лишь при Казимірѣ и вступилъ въ управленіе удѣломъ въ 1442 г. Къ этому времени относится жалованная грамота (1443 г.) князя Юрія Онуфриеву монастырю. Черезъ два года тотъ же князь снова лишается удѣла за участіе въ заговорѣ князя Михаила Сигизмундовича, добивавшагося великокняжескаго стола ⁶⁾. Казиміръ взялъ Мстиславъ въ свое распоряженіе и въ 1446 г. отдалъ

¹⁾ Лѣт. *Дамбловича*, 42. II. С. Р. Л., IV, 92. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 31, 252. *Konesta*, III, 203; IV, 297.

²⁾ Лѣт. *Дамбловича*, 49. *Chron. Wigand'a*, 330. *Chron. Анонима Гезенскаго* (*Sommersberg*, II, 154). *Stadnicki*, *Bracia*, 252.

³⁾ Лѣт. *Дамбловича*, 210. II. С. Р. Л., III, 96; VI, 124; *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 287. *Wolff*, *Ród Ged.*, 43. *Lewicki*, 195. Документальныя свѣдѣнія о князѣ Лингвенѣ см. А. З. Р., I, № 10. Археогр. Сборн. докум., VII, № 4. *Racziński*, *Cod. dipl. Lith.*, 132, 138. *Dogiel*, *Cod.*, IV, 115. *Prochaska*, *Cod. epist. Vit.*, 17. *Akta Grodzkie*, VII, 50. *Sokolowski-Szujski*, *Cod. epist. saec.* XV, 5, 13. *Skarbiec*, № 1545.

⁴⁾ Умеръ послѣ 1456 года. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 293. *Wolff*, *Ród Ged.*, 160. *Długosz*, IV, 42. А. З. Р., I, № 43. Археогр. Сборн., VII, 3—5. А. И., I, № 46. *Skarbiec*, № 2013. Древн. Росс. Вивл., XIV, 33.

⁵⁾ Умеръ около 1489 года. *Stadnicki*, *Bracia*, 301 и слѣд. *Wolff*, 160. Жал. грамоты Ивана Юрьевича и его жены Юліаны: А. З. Р., I, №№ 62, 65, 66, 68, 82. Археогр. Сборн. докум., II, № 2. Бѣлорусск. архивъ *Гриморовича*, № 2.

⁶⁾ Лѣт. *Дамбловича*, 56, 68. *Быховецъ*, 64. А. З. Р., I, № 73. *Stadnicki*, *Bracia*, 293—299.

его въ удѣль русскому князю Василю Ярославичу Боровскому. Мстиславъ, однако, не долго находился во владѣніи Ярославича: чрезъ два года Мстиславъ возвращенъ былъ старому удѣльному князю въ качествѣ его отчины: въ 1448 году Юрій Лингвеновичъ опять становится мстиславскимъ княземъ и присутствуетъ на Люблинскомъ сеймѣ этого года въ качествѣ посла отъ Литвы¹⁾. По смерти Юрія (послѣ 1456 г.) Мстиславское княжество, какъ раньше замѣчено, переходитъ къ его сыну, Ивану Юрьевичу (последнему мстиславскому князю изъ рода Лингвена Ольгердовича, умершему ок. 1489 г.), а послѣ него къ наследникамъ по женской линіи, сперва къ женѣ умершаго князя (умерш. ок. 1495 г.), а затѣмъ къ его дочерямъ²⁾. Великій князь Александръ привилеємъ 1495 г. предоставилъ мстиславскимъ княжнамъ „мѣшкати на отчинѣ своей, пока ихъ милости дастъ Богъ облюбенцовъ (женеховъ)—княжать, которые будутъ равни имъ; тогда государь хочеть о ихъ милости мыслити, а ихъ не хочеть опустити, яко кровныхъ своихъ; а боярамъ всемъ казалъ ихъ милости послушными быти во всемъ такъ, какъ то *господарынъ* своихъ“³⁾. Облюбенецъ, „равный“ княжнамъ, вскорѣ явился: заславскій князь Михаилъ Ивановичъ (изъ рода Евнута Гедиминовича, см. выше о заславскихъ князьяхъ). Сохранились два привилея великаго князя Александра, данныя въ 1499 году заславскому князю. Въ одномъ изъ нихъ пожалованіе ему Мстиславскаго княжества обуславливается бракомъ съ княжной Юліаной, наследницею послѣдняго мстиславскаго князя⁴⁾; затѣмъ, въ другомъ привилеѣ формулируется самое пожалованіе княжества. По этому привилею заславскому князю дается Мстиславское княжество въ полномъ его составѣ, со всѣми замками, дворцами и волостями, съ боярами и ихъ имѣніями, „со всимъ правомъ и папствомъ, ничего на насъ не оставляючи, со всимъ, потому што здавна къ тымъ замкомъ и дворомъ прислухало, подлугъ того, какъ тыи замки держали князь Юрей Лингвеновичъ, а потомъ сынъ его князь Иванъ. А дали то сомо ему у вотчину, вѣчно, на вѣки вѣчныхъ, и его княгини, и ихъ дѣтемъ, и потомъ будущимъ ихъ счадкою: волень оиъ то отдати, и продати, и замѣнити, и къ своему

¹⁾ *Dlugosz*, V, 42. Въ 1455—1456 гг. тотъ же мстиславскій князь издаетъ жалованную грамоту (Археогр. Сборн., VII, 3—5).

²⁾ *Wolff*, *Röd Ged.*, 161.

³⁾ А. З. Р., I, № 131.

⁴⁾ Этотъ привилей нигдѣ не напечатанъ. Свѣдѣнія о немъ изъ Литовской Метрики сообщаетъ *Вольфъ* (*Röd Ged.*, 42).

вжиточному обернути, какъ самъ налѣпѣй разумѣючи¹⁾). Слѣдующій литовскій господарь Сигизмундъ I, въ 1507 году, далъ мстиславскому князю подтвердительный привилей на владѣніе принадлежащимъ ему княжествомъ на прежнихъ основаніяхъ²⁾). Какъ видно изъ жалован-ныхъ грамотъ, принадлежащихъ мстиславскому князю Михаилу Ивановичу³⁾, онъ долго пользовался общими правами удѣльныхъ князей. Въ своихъ грамотахъ мстиславскій князь титулуется: „Божьей милостью“ (обычная формула титула всѣхъ удѣльныхъ князей), имѣеть своихъ думцевъ-бояръ⁴⁾, управляетъ княжествомъ, подобно всѣмъ литовскимъ князьямъ, совершенно самостоятельно, чрезъ своихъ намѣстниковъ, тивуновъ, заказниковъ, дѣцкихъ и другихъ урядниковъ⁵⁾). Во время войны съ московскимъ великимъ княземъ, въ 1514 году, мстиславскій князь поддается съ своей отчиной-княжествомъ московскому государю, но затѣмъ, послѣ битвы подъ Оршей, обратно отходить къ литовскому господарю, который особымъ привилеемъ принялъ его въ прежнюю „яску“, безъ всякой „мерзачки“ и „шкоды“ для его чести, въ виду того, что поступленіе въ московскую службу сдѣлано было мстиславскимъ княземъ „отъ неволи“⁶⁾). Въ такомъ положеніи находился вопросъ о Мстиславскомъ княжествѣ и князьяхъ до начала 1526 г. Еще въ февралѣ и маѣ этого года мстиславскій князь даетъ жалованная грамоты Пустынскому монастырю на земли, съ дозволеніемъ заселенія пустошей и съ освобожденіемъ послѣднихъ отъ суда и наряда всѣхъ мѣстныхъ вридниковъ⁷⁾). Въ данномъ случаѣ мстиславскій князь пользовался такими же владѣтельными пра-

¹⁾ Что касается мстиславскихъ бояръ, получавшихъ „выслуги“ и „данни“ отъ прежнихъ мстиславскихъ князей, то имъ предоставлено владѣть своими имѣніями: „мають имѣня свои держати, и съ тыхъ имѣней ему (новому князю) мають служити и во всемъ его мають послушни быти, потому, какъ и предкомъ его служили; а онъ ихъ безъ вины не маєть зъ имѣней рушати... а которыхъ бы бояре зъ нихъ мстиславскіи и мглинскіи не хотѣли ему служити, ино имъ ѣхати прочь вольно, со всеми своими статки, куды хогятъ, а имѣнья оставивъ“ (А. З. Р., I, 172. *Stadnicki*, Syn. Ged., 90—99. *Ею же*, *Bracia*, 302. *Wolff*, 42, 161).

²⁾ Привилей 1507 года открытъ Вольфомъ въ Литовской Метрицѣ (см. *Wolff*, 43).

³⁾ Сохранился довольно длинный списокъ такихъ грамотъ. См. А. З. Р., I, №№ 177, 211, 215, 217; II, 21, 27, 63, 94, 104, 107, 132, 142. А. Ю. З. Р., I, №№ 35, 52, 58, 70, 75. *Arch. Sangusz.*, III, 23. *Археогр. Сборн.*, II, №№ 3, 4, 6—10.

⁴⁾ См., напр., *Археогр. Сборн.*, II, № 8. А. З. Р., II, № 27.

⁵⁾ А. З. Р., I, №№ 43, 82, 177; II, 27, 142; *Археогр. Сборн.*, II, № 8.

⁶⁾ Н. С. Р. Л., VI, 255. *Киразинъ*, *Ист.*, VII, примѣч. 294. *Бестужевъ-Рюминъ*, *Ист.*, II, 185. А. З. Р., II, № 92.

⁷⁾ А. З. Р., II, № 142. *Археогр. Сборн. докум.*, II, № 10.

вами, какъ и всякій независимый „господарь“ въ своемъ княженіи. Между тѣмъ, чрезъ мѣсяць (въ іюнѣ того же года) положеніе дѣлъ въ Мстиславскомъ княжествѣ радикально измѣняется: князь лишается удѣла, послѣдній превращается въ обыкновенное староство. Въ управленіе бывшимъ княжествомъ вступаетъ маршалокъ господарскій, панъ Глѣбовичъ, назначенный „s ganięcia królewskiego“ державцемъ мстиславскимъ и радомскимъ ¹⁾. Съ этою катастрофой, очевидно, стоитъ въ связи отъѣздъ въ томъ же году въ Москву сына мстиславскаго князя Оедора Михайловича ²⁾. Источники мало объясняютъ обстоятельства, при какихъ мстиславскій князь лишенъ былъ удѣла; судя по аналогическимъ случаямъ того времени, можно полагать, что причиной лишенія удѣла былъ отказъ мстиславскаго князя въ „покорѣ“ литовскому господарю. Какъ бы то ни было, но отъѣздъ въ Москву сына мстиславскаго князя, а затѣмъ, вѣроятно, и замышлявшійся послѣднимъ отъѣздъ туда же побудили короля идти на мировую съ опальнымъ княземъ: въ слѣдующемъ (1527) году князю Михаилу Ивановичу возвращается его старая отчина, но уже далеко не на прежнихъ удѣльныхъ правахъ. Въ записи, данной по этому поводу княземъ мстиславскимъ ³⁾, послѣдній отдаетъ себя въ опеку и послушаніе королю и беретъ себѣ „за мѣсто сына“ королевича Сигизмунда. съ тѣмъ, чтобы, по смерти его, мстиславскаго князя. королевичъ, по праву усыновленія, вступилъ во владѣніе „на вѣчныя часы“ всѣми замками, дворами и волостями, принадлежавшими къ Мстиславскому княжеству. Тогда же королевичу были переданы всѣ старыя „привилія“ литовскихъ господарей, на основаніи которыхъ мстиславскіе князья владѣли своею отчиной удѣломъ, вмѣстѣ со всѣми записными листами самихъ мстиславскихъ князей ⁴⁾. Вслѣдъ за этой записью послѣдовалъ привилей короля о предоставленіи мстиславскому князю старыхъ его замковъ съ дворцами и волостями „въ держанье до его живота, отдаляючи (бывшую отчину) отъ всихъ при-

¹⁾ Свѣдѣнія объ этомъ сообщаетъ Вольфъ, на основаніи актовъ, открытыхъ имъ въ Литовской Метрицѣ (*Wolff, Ród, 43*).

²⁾ *Карамзинъ*, Ист., VII, прим. 94. См. *Skarbies*, №№ 2316 и 2317.

³⁾ Нужно полагать, что записъ эта дана мстиславскимъ княземъ „отъ неволи“; условія ея, по всему видно, были продиктованы королемъ. Содержаніе записи, хранящейся въ Литовской Метрицѣ, объясняется отчасти въ сообщеніи о ней *Вольфа* (*Ród, 43*), отчасти же въ господарскомъ привилей, изданномъ въ томъ же году; здѣсь приподятся главныя условія записи мстиславскаго князя (*А. З. Р., II, № 148*).

⁴⁾ *А. З. Р., II, № 148*.

роженцовъ мстиславскихъ“. Князю предоставлено пользоваться данями со всѣми „приходами и вжитками“, держать отъ себя урядниковъ ¹⁾, известное число драбовъ (солдатъ, въ числѣ 50-ти, не больше) и „слугъ своихъ почетъ не малый“. Въ заключеніе король обязывается: князя Михаила „не маемъ съ тыхъ замковъ рушити, а ни подь нимъ кому ихъ отдавати ажъ до его живота“ ²⁾. Изъ изложеннаго ясно видно, что за бывшимъ удѣльнымъ владѣтелемъ Мстислава остался лишь одинъ титулъ князя, безъ стараго владѣтельнаго характера; удѣльный князь превратился въ простаго державца-урядника господарскаго. И самое обязательство не „рушить“ князя изъ данныхъ ему замковъ до его смерти вскорѣ затѣмъ было нарушено: чрезъ годъ мстиславскій князь вовсе удаляется изъ его держанья, управленіе имъ всецѣло предоставлено новому державцу—господарскому намѣстнику Яну Ильичу. Связь князя мстиславскаго съ бывшимъ его удѣломъ удержалась лишь въ выдачѣ ему намѣстникомъ мстиславскимъ половины даней, слѣдовавшихъ въ господарскую казну изъ сборовъ съ бывшаго Мстиславскаго удѣла ³⁾. Въ XVII ст. изъ Мстиславскаго староства образуется отдѣльное воеводство, существовавшее до присоединенія его къ Россіи въ 1772 г. ⁴⁾.

Къ сѣверо-востоку отъ Смоленска располагался удѣлъ старыхъ *Дорогобужскихъ князей*, съ главнымъ городомъ Дорогобужемъ на Днѣпрѣ. Въ лѣтописи, подъ 1300 г., Дорогобужъ упоминается въ значеніи удѣла князя Андрея Владиміровича, по прозванію Долгая Рука (сына смоленскаго князя Владиміра Рюриковича), родоначальника князей Вяземскихъ ⁵⁾. Въ 1404 г. Дорогобужскій удѣлъ вошелъ въ составъ владѣній Витовта и, какъ кажется, продолжалъ управляться

¹⁾ Но это уже не старыя княжіе „слуги“, знавшіе только своего мѣстнаго князя, служившіе ему лично, какъ вѣрные его бояре и служилые люди. Князь, по королевскому привилею, можетъ назначать только такихъ урядниковъ, которые бы „намъ, господарю, и къ великому князству Литовскому вѣритъ и справедливо служили“.

²⁾ А. З. Р., II, № 148.

³⁾ А. З. Р., II, №№ 155, 162 и др.

⁴⁾ *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, VI, 774. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 656. Балинскій полагаетъ, что Мстиславское воеводство образовалось вскорѣ послѣ Люблинской уніи 1569 года, но изъ актовъ видно, что Мстиславское староство существовало еще въ 1614 году; воеводы и другіе замковые и земскіе уряды появляются въ Мстиславѣ, по всѣмъ видимостямъ, не раньше половины XVII столѣтія. (См., напримѣръ, *Археогр. Сборн.*, II, №№ 25, 62 и др.).

⁵⁾ П. С. Р. Л., VII, 182. *Карамзинъ*, III, прим. 347.

старыми своими князьями, сдѣлавшимися подручниками великаго князя литовскаго. Въ начальные годы правленія Казимира (въ 40-хъ годахъ XV ст.) Дорогобужскій удѣлъ отошелъ къ господарскимъ волостямъ и былъ пожалованъ королемъ папу Кгастовичу. вмѣстѣ съ нѣкоторыми пограничными городами Смоленщины, по договору 1503 г., Дорогобужъ отошелъ къ Москвѣ. Въ началѣ XVII столѣтія, во время московскихъ самозванцевъ и междуцарствія, Дорогобужъ, подобно другимъ смоленскимъ городамъ, переходилъ то къ Литвѣ, то къ Москвѣ; по Деулинскому трактату 1618 г. Дорогобужъ отошелъ къ королю Владиславу IV, затѣмъ въ 1632 г. снова взятъ русскими. По Поляновскому трактату 1634 г. Дорогобужъ еще разъ отошелъ къ польскому королю и, наконецъ, Андрусовскимъ миромъ 1667 г. окончательно закрѣпленъ за Россіей ¹⁾.

Къ Дорогобужскимъ волостямъ относились въ литовскую эпоху владѣнія князей Жилинскихъ и Глазыничей-Пузынниныхъ.

Жилинь (Жулинь). одна изъ Дорогобужскихъ волостей, составляла во второй половинѣ XV столѣтія „родовое гнѣздо“ мѣстныхъ князей *Жилинскихъ*. Изъ договора 1494 г. видно, что въ это время отчина князей Жилинскихъ числилась еще въ составѣ литовскихъ владѣній; Жилинь отошелъ къ Москвѣ въ 1503 г. Тѣмъ же князьямъ принадлежали въ XVI столѣтіи господарскія „данины“ въ повѣтахъ Смоленскомъ (Клино у истоковъ Десны, также Ветлины), Виленскомъ (Гаидунинки, Туденински и пр.), Вилькомирскомъ (Рогово) ²⁾ и пр.

Другой родъ удѣльныхъ дорогобужскихъ князей—*Глазыны* (Глазынич) и ихъ отрасль *Пузыны* (Пузынны). Ихъ отчинами считались: Мстиславецъ и волости (Присельи и др.), тянувшія къ Лучину Городку. Своими волостями князья эти владѣли по особымъ „дѣльницамъ“. Въ концѣ XV вѣка Мстиславецъ составлялъ дѣльницу князя Ивана Глазына; послѣ ухода его въ Москву принадлежавшая ему дѣльница была отдана великимъ княземъ Александромъ, въ 1496 году, его брату, Олехнѣ Глазынѣ, „отдаливши (отъ владѣнія отцовской дѣльницей) дѣти князя Иванови“. вмѣстѣ съ тѣмъ дѣльница князя Олехна, состоявшая изъ волостей Лучина Городка, была пожалована князю Ивану Константиновичу Вяземскому, въ замѣнъ его старой отчины, отошедшей къ Москвѣ. Кромѣ отчинъ, князья Глазыничичи получали въ разное время господарскія „данины“. Въ послѣд-

¹⁾ Skarbiec, № 2156. *Sulimierski*, Słown. geogr., II, 123. *Любаскій*, 274.

²⁾ Skarbiec, №№ 2067, 2156. *Boniecki*, 424—425. *Любаскій*, 284.

ней четверти XV столѣтія упоминаются въ источникахъ выслуги Глазыничей въ Смоленскомъ (Бугино, вол. Катупская, Щебиницы, Кожуховъ, Козинъ и пр.) и Слониномъ (вол. Мамаевская) поѣздахъ. По трактату 1503 г. отошли къ Москвѣ Метиславецъ, Лучинъ и другія пограничныя отчины и выслуги князей Глазыней. Въ источникахъ нѣтъ указаній на особую отчину-дѣльницу князей Пузынниковъ; видно только, что имъ принадлежалъ какой-то удѣлъ: въ началѣ XVI столѣтія князья эти ставили въ походъ 8 коней изъ своей дѣльницы. Въ замѣтъ послѣдней, отошедшей къ Москвѣ, король Сигизмундъ въ 1516 г. далъ князьямъ Пузынниковымъ дворъ Носсово въ Мельницкомъ поѣздѣ; данина эта была подтверждена въ 1520 году. Происхожденіе князей этого рода не опредѣляется въ источникахъ. Есть основаніе предполагать русское ихъ происхожденіе, какъ и большинства другихъ удѣльныхъ князей смоленскихъ. На русское происхожденіе Глазыней и Пузыней, между прочимъ, намекаетъ древній синодикъ Супрасльскаго монастыря, гдѣ въ ряду старыхъ удѣльныхъ князей смоленскихъ упоминается „родъ князя Глазыничя и его брата, князя Ивала Пузынина“. Въ источникахъ литовской эпохи князья этого рода упоминаются до конца XVI столѣтія ¹⁾).

На территоріи Смоленской земли существовали, какъ видно, главнымъ образомъ со временъ Казимира удѣльныя владѣнія сосѣднихъ князей сѣверскихъ (верховскихъ). Въ источникахъ упоминаются въ особенности смоленскіе удѣлы князей *Одоевскихъ*, *Воротынскихъ*, *Масальскихъ*, *Мезецкихъ* и *Перемильскихъ*. Въ XV и началѣ XVI столѣтія они приобрѣли, на положеніи господарскихъ выслугъ и данинъ, различныя смоленскія волости, большею частію прилегавшія къ сосѣднимъ рубежамъ Сѣверщины ²⁾).

¹⁾ Археогр. Сборн., IX, 457. А. З. Р., I, № 128. Skarbiec, № 2156. *Bonięcki*, *Rozzet god.*, 75, 266. *Любавскій*, *Областн. дѣленіе*, 274. Особой отраслью князей Пузыней считаются князья *Отинскіе* (*Bonięcki*, 217).

²⁾ Такимъ образомъ, князья *Одоевскіе* получили при Казимирѣ смоленскую волость Болванчи. Имъ же принадлежала волость Чернытчи, въ 1496 г. отошедшая къ князьямъ Крошнскимъ. Около 1495 г. князь Михаилъ Ивановичъ Одоевскій получилъ Жаринъ (*Bonięcki*, 214). Князьямъ *Воротынскимъ* пожалованы въ 1447 г. въ держанье волости „у Смоленской державѣ“: дворъ Пѣмчиновскій, Городечна, Ужепередъ, Ковылна, Демянъ съ Синопотомъ. Держанье это въ 1455 году было подтверждено за княземъ Федоромъ Воротынскимъ „у вотчины“ ему и его дѣтямъ. Въ грамотѣ, данной по этому поводу, точно опредѣляется составъ вотчины: пожалованы „волости, на имя: Демена и Городечна съ Ужьперепетомъ, Ковылна, Крайшино по обѣ стороны Васы рѣки (притока Оки), Кцинь, Озерескъ,

Въ источникахъ XV и первой половины XVI столѣтія упоминаются, наконецъ, мелкія владѣнія разныхъ мѣстныхъ князей, главнымъ образомъ, въ Смоленской и Витебской земляхъ. Большинство такихъ князей принадлежало, повидимому, къ потомкамъ старыхъ русскихъ князей, удержавшихъ за собой отчины при Гедиминовичахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, за отходомъ ихъ отчины къ Москвѣ въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія, получали отъ великихъ князей литовскихъ новыя владѣнія въ разныхъ мѣстахъ Литовской Руси ¹⁾.

IV.

Перейдемъ къ исторіи литовскихъ областей, образовавшихся на территоріи бывшей земли *дреговичей* (позднѣйшаго *Литовскаго Полѣсья*), занимавшей бассейнъ рѣки Припети, по обѣимъ ея сторонамъ, отъ истоковъ до впаденія ея въ Днѣпръ. Земля Дреговичская, вслѣдъ за Древлянской, еще при первыхъ кievскихъ князьяхъ, составляла одну изъ кievскихъ волостей; сѣверная часть Полѣсья (княжества Клецкое и Слуцкое) подпала зависимости отъ полоцкихъ князей. Съ XII столѣтія начинается вліяніе на Полѣсье волинскихъ, а затѣмъ литовскихъ князей. Мѣстныя преданія говорятъ о литовскихъ наѣз-

Логинскъ, Нѣмчиновскій дворъ нашъ въ Смоленску⁴. Въ „держанья“ тѣхъ же князей, по пожалованію, были другіе пограничныя смоленскіе пригороды и волости: Пустой Моцинь, Вѣжична, Заложонье, Волета Нижняя и др. (А. З. Р., I, № 57. *Сборн. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, т. XXXV, №№ 3, 6, 7, 9, 115, 136. *Любавскій*, 278—280). Точно также князья *Мосальскіе* получаютъ въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія цѣлый рядъ смоленскихъ волостей: Площове, Мартыново, Радощино, Болшово, Броникова, Ршанова, Коптева, Мочулова, Онцыпалова, Дуровицы (дворецъ), Жолтопосовичи, Горки, Жуково и др. (*Воніескі*, 175. *Любавскій*, 275, 279). Князья *Мелецкіе* владѣли, по пожалованію, волостью Городечны („до воли“), также нѣкоторыми изъ волостей, тянувшихъ къ пригороду Акдыреву (*Любавскій*, 278, 280). Наконецъ, князья *Премисльскіе* въ XV столѣтіи имѣли въ „держанья“ смоленскія волости: Тарбѣвъ и Оленовъ (*Сборн. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, т. XXXV, 136).

¹⁾ Богѣ или менѣ подробныя свѣдѣнія о такихъ князьяхъ собраны Болецкимъ, главнымъ образомъ, въ Литовской Метрицѣ. Къ такимъ князьямъ относятся: Вулгакъ (какъ полагаютъ, потомки князей Пипскихъ-Наримунтовичей), Бурневскіе, Юрскіе, Коркордины, Мошковскіе, Мунча, Осовицкіе, Ростницкіе, Губкины-Ростовскіе, Сенскіе, Шшевскіе, Туча, Уваровичи-Ощитовскіе, Вдача, Зубревицкіе и Зиземскіе (*Воніескі*, *Розсет godów*, стр. 17, 115, 145 и др.).

дахъ въ Пинское Полѣсье еще во второй половинѣ XII столѣтія ¹⁾. Прямая зависимость Полѣсья отъ Литвы, какъ замѣчено раньше, началась еще съ Миндовга и закончилась при Гедиминѣ смѣной въ главныхъ волостяхъ русскихъ удѣльныхъ князей литовскими ²⁾. Въ теченіе послѣдующихъ двухъ вѣковъ (съ XIV до половины XVI столѣтій) Литовское Полѣсье разбивалось на отдѣльныя княженія, бывшія въ зависимости отъ великихъ князей литовскихъ. Удѣльныя владѣнія исчезаютъ въ этомъ краѣ лишь въ началѣ третьей четверти XVI столѣтія ³⁾. Полѣсье сѣверное, граничившее съ областями Черной Руси и Минской земли, состояло изъ отдѣльныхъ волостей и удѣловъ, тянувшихъ съ полоцкими и минскими областями сначала къ воеводству Виленскому и позже образовавшихъ съ сосѣдними землями Черной Руси особое Новгородское воеводство. Пинское Полѣсье тянуло первоначально къ Трокскому воеводству; значеніе отдѣльнаго воеводства оно приобретаетъ съ 1564 года, когда, вмѣстѣ съ бывшей Берестейской землей, Полѣсье составило воеводство Брестъ-Литовское ⁴⁾.

Территорія Литовскаго Полѣсья, послѣ присоединенія этого края при Гедиминѣ къ великому княжеству Литовскому, разбивалась на нѣсколько княженій: Пинское, Туровское, Городецкое, Клецкое, Слуцкое и Несвижское.

Пинскъ (Пинескъ лѣтописей и актовъ), на р. Пинѣ (одномъ изъ

¹⁾ Литовскія преданія относятъ къ 1160 г. первое появленіе въ Полѣсьи литовцевъ, подъ предводительствомъ вождя Скирмунта, одержавшаго побѣду надъ Мстиславомъ, княземъ волынскимъ и туровскимъ (*Baliński, Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 641, 653).

²⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 25, 46.

³⁾ Послѣдній привилей королевы Бонны, выданный ею въ качествѣ удѣльной княгини пинской и городецкой, принадлежитъ 1556 г. (Ревизія пуцъ и переходовъ звѣрин. въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ, стр. 118).

⁴⁾ *Sulimierski, Słown. geogr.* VIII, 579, 641; *Baliński, Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 582, 641 и слѣд. В. Антоновичъ, Моногр., I, 23, 25, 46, 76. *Андріашевъ*, Очеркъ исторіи Волынской земли, 201. *Енцикл. Powsz.*, t. XX, 727. *Stadnicki, Syn. Ged.*, I (2-е изд.), 9, 62, 75; II, 24, 127. *Его же*, *Bracia Ingielly*, 153. *Wolff, Rüd. Ged.*, 19—23, 30, 108—111. Ср. В. *Завитиничъ*, Область дреговичей (*Труды Киевск. Духовн. Акад.*, 1886, авг.). *Довнар-Запольскій*, Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель (1891). *Еремичъ*, Очерки Вѣлорускаго Полѣсья (1868). *И. Мамисесскій*, Очеркъ исторіи Турова (Творенія св. отца нашего Кирилла, епископа туровскаго, 1880). *Киркоръ*, Литовское и Вѣлорусское Полѣсье (Живопис. Россіи, подъ редакціей П. Семенова, 1882, III). *Панкинъ*, Полѣсье (1883). *Rehman, Kotlina Przypeci i blota Poleskie (Ateneum, 1886, tt. II и IV).*

истоковъ, образующихъ р. Припеть), упоминается въ Несторовой лѣтописи впервые подъ 1097 г. На сколько можно судить по источникамъ, область, тянувшая къ Пинску, составляла съ XII вѣка удѣлы кievскихъ, а затѣмъ волынскихъ князей. Въ пору присоединенія Полѣсья къ Литвѣ при Гедиминѣ, Пинское княженіе составляло владѣніе мѣстныхъ удѣльныхъ князей волынскихъ, ставшихъ въ зависимость отъ Литвы, какъ замѣчено раньше, еще при Миндовгѣ и затѣмъ окончательно вытѣсненныхъ изъ Полѣсья при Гедиминѣ ¹⁾.

При какихъ именно обстоятельствахъ совершилась въ Пинскомъ Полѣсьи при Гедиминѣ смѣна русскихъ князей литовскими, вмѣстѣ съ окончательнымъ присоединеніемъ Пинскаго княжества къ Литвѣ (1315—1320 гг.), источники не даютъ точныхъ и подробныхъ указаній. Известно только съ полной достовѣрностью, что Пинскъ и другіе полѣсскіе города при Гедиминѣ уже входили въ составъ литовскихъ областей ²⁾. Судя по темнымъ преданіямъ, записаннымъ въ литовскихъ лѣтописяхъ, можно думать, что установленіе въ Полѣсьи при Гедиминѣ непосредственнаго режима литовскихъ князей, смѣнившихъ собой старыхъ волынскихъ князей, не обошлось безъ борьбы съ Гедиминомъ ³⁾; но на сколько въ такой борьбѣ активно участвовало самое населеніе страны, трудно, конечно, судить по недостатку достовѣрныхъ и точныхъ указаній. Судя, впрочемъ, потому, какъ въ соседнихъ областяхъ (подлянскихъ), зависѣвшихъ тоже отъ волынскихъ князей въ пору присоединенія этихъ областей къ владѣніямъ Гедимица, населеніе относилось къ своимъ мѣстнымъ князьямъ и къ ихъ борьбѣ съ Гедиминомъ ⁴⁾, можно съ нѣкоторой вѣроятностью

¹⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 25, 46. *Stadnicki*, Syn. Ged., II, 24. Въ послѣдней четверти XIII и началѣ XIV столѣтія Полѣсье составляло владѣнія Юрія Владиміровича, князя волынскаго, съ его сыновьями Дмитріемъ и братомъ Демидомъ (П. С. Р. Л., II, 226). При Дмитріѣ Юрьевичѣ Полѣсье перешло подъ власть Гедимица. Послѣдующая судьба пинскихъ князей мало извѣстна. Какъ полагаетъ Максимовичъ (Письма о князьяхъ Острожскихъ, въ „Собр. сочин.“, I, 166), пинскіе князья, вытѣсненные изъ Полѣсья Гедиминомъ, дали начало роду князей Острожскихъ на Волыни; но это предположеніе опровергается польскими историками (см. *Kulikowski* і *Radziwiński*, *Kniaziowie i Szlachta*, 14; ср. *Wolff*, *Ród Ged.*, 19). Мнѣніе Максимовича раздѣляетъ профессоръ *В. Антоновичъ* (Моногр., I, 46) и, кажется, Баргошевичъ (см. *Dziela I. Bartoszewicza*, t. III, 369, 389 и пр.).

²⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 46.

³⁾ Андрияшевъ, Очеркъ исторіи Волынск. земли, 201.

⁴⁾ См. Андрияшевъ, Очеркъ исторіи Волынск. земли, 95. Ср. выше о присоединеніи къ Литвѣ западно-русскихъ областей.

полагать, что при такихъ же условіяхъ могло имѣть мѣсто и окончательное присоединеніе къ Литвѣ Пинскаго Полѣсья. Здѣсь, какъ и въ Подляхн, волинскіе князья своею внутренней политикой могли издавна возбуждать недовольство въ населеніи; въ Полѣсьи, какъ и въ сосѣдней Подляхн, Гедиминъ могъ, поэтому, вести борьбу не столько съ самимъ населеніемъ, сколько лишь съ князьями волинскими ¹⁾. Мѣстные князья безъ поддержки населенія, естественно, не могли успѣшно вести борьбу съ литовскимъ вождемъ: дѣло кончилось подчиненіемъ Турово-Пинской земли Гедимину, вмѣстѣ съ смѣною русскіхъ удѣльныхъ князей литовскими ²⁾.

По свидѣтельству лѣтоисей, Полѣсье еще при жизни Гедимина поступило въ удѣлъ его сына Наримонта-Глѣба ³⁾, въ видѣ обширной области — отъ истоковъ р. Припети до Днѣпра, со включеніемъ Пинской, Туровской, Мозырской земель и значительной части Волинскаго Полѣсья ⁴⁾. Исторія послѣдующихъ пинскихъ князей до послѣдняго времени была весьма мало извѣстна. Лишь благодаря тщательному ознакомленію съ сборниками актовъ, изданныхъ въ Россіи ⁵⁾, а также непосредственному изученію актовыхъ книгъ Литовской Метрики (по рукописямъ), польскимъ историкамъ послѣдняго времени ⁶⁾ удалось собрать и въ достаточной степени выяснить всѣ

¹⁾ На борьбу, главнымъ образомъ, съ мѣстными князьями намекаетъ и *Стрыйковский* (I, 381): „Pinsko ze wszystkimi okolicznemi przytęcytościami nad Przypęcią rzeką aż dosięgającemi dostał był Gedymin woiaę pod Władzimirzem, ruskim kniazem“.

²⁾ *Андріашевъ*, Очеркъ, 201.

³⁾ Лѣтоп., изд. *Даниловичемъ*, стр. 27. Лѣтоп. *Выховци*, 17. См. *Антоновичъ*, *Моногр.*, I, 76. *Stadnicki*, *Syn. Ged.*, I (2-е изд.), 9, 75; II, 24. *Wolff*, *Ród Ged.*, 13, 19.

⁴⁾ *Stadnicki*, *Syn. Ged.*, II, 24. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 641. Наримонтъ (Наримунтъ), какъ полагають, умеръ около 1348 г. (Гедиминъ умеръ 1341 г.) и, слѣдовательно, владѣлъ Литовскимъ Полѣсьемъ при жизни отца и погѣ него весьма продолжительное время, около 30-ти лѣтъ (*Wolff*, 19). Иного мнѣнія авторъ статьи о Пинскѣ въ *Енсукл. Powz.*, т. XX, 727.

⁵⁾ Археогр. комиссіями: Петербургской, Виленской и Кіевской. По исторіи Пинскаго и другихъ полѣскихъ повѣтовъ важны въ особенности акты, издаваемые Виленск. Комм. въ „Ревизіи пуцъ и переходовъ звѣринныхъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ“ (1867); здѣсь содержится масса привилеевъ Пинскихъ князей XIV и въ особенности XV и XVI столѣтій.

⁶⁾ Стадницкому и въ особенности Вольфу. См. его сжатый, но весьма обстоятельный и богатый новыми данными этюдъ: „Ród Gedimina. Dodatki i poprawki do dzieł Hr. K. Stadnickiego: Synowie Gedimina“ etc. 1886.

главныя документальныя данныя по исторіи Пинскаго княжества. Мы сдѣлаемъ сводку главныхъ свѣдѣній объ этомъ княжествѣ, вибѣтъ съ разъясненіемъ хронологическихъ неточностей, встрѣчающихся въ изслѣдованіяхъ по исторіи Пинскаго княжества.

Между изслѣдователями исторіи Пинскаго княжества господствовало до послѣдняго времени не мотивированное, впрочемъ, никакими документальными данными убѣжденіе въ томъ, что, по смерти перваго же удѣльнаго князя пинскаго—Наримонта Гедиминовича, его удѣль перешелъ въ другіе княжескіе роды¹⁾. Вольфу удалось доказать, что это случилось лишь спустя столѣтіе (во второй половинѣ XV столѣтія). Дѣйствительно, документальныя данныя съ достаточной убѣдительною говорятъ, что послѣ Наримонта Пинскій удѣль перешелъ къ его сыну Михайлу, родоначальнику всѣхъ послѣдующихъ пинскихъ князей рода Наримонтовичей²⁾. Объ этомъ князѣ сохранилось мало свѣдѣній³⁾. Гораздо больше документальныхъ данныхъ имѣется о слѣдующемъ пинскомъ князѣ—Василіѣ Михайловичѣ Наримонтѣ или Наримонтовичѣ⁴⁾. Въ фундушевой записи XVI вѣка находимъ свидѣтельство о томъ, что въ 1355 году „Васылъ Михаловичъ Наримонтъ, князь пинскій“, основалъ церковь въ Куренцу Ошмянской волости⁵⁾. Князь Василій „Наримонтовичъ“ мѣняется съ Павломъ Котовичемъ землями (островами) въ Пинской волости⁶⁾. „Князь Василь Пинскій“ даетъ въ 1386 году присягу вѣрности королю Владиславу и коронѣ

¹⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., I (2-е изд.), 9, 62, 69. Ср. *Baliński*, Staroż. Polska, IV, 642.

²⁾ *Wolff*, Ród (Ged., стр. V—VI, 14, 16, 19—21. *Smolka*, Kiejstat, 10.

³⁾ Его существованіе подтверждается наименованіемъ слѣдующаго Пинскаго князя—Василія *Михайловича Наримонта*, или *Наримонтовича*, то-есть, сына Михаила Наримонтовича,—первое наименованіе по отцу, второе по дѣду (см. Матеріалы для геогр. и статист. Россіи, *Зеленскаго*: Минск. губ., I, 22). Вольфъ не безъ основанія полагаетъ, что пинскимъ княземъ можно считать „князя Михаила“, который, съ нѣсколькими другими литовскими князьями, числился въ составѣ посольства, отправленнаго въ 1340 г. Витовтомъ къ татарамъ (П. С. Р. Л., IV, 59; VII, 215. Лѣтоп., изд. *Даниловичемъ*, 171. Ср. *Wolff*, 10).

⁴⁾ Полагаютъ, что здѣсь нужно разумѣть Наримонта, сына Ольгерда, брата Ягеллы, а не Наримонта Гедиминовича (Енцикл. *Powzszchna*, XX, 727; *Baliński*, Star. Pol., IV, 642). Но Вольфъ доказалъ, что въ числѣ сыновей Ольгерда вовсе не было князя съ именемъ Наримонта: такое имя принадлежало лишь одному сыну Гедимина—пинскому князю (*Wolff*, Ród, 79—87).

⁵⁾ Акты Вил. Комисс., XI, № 18.

⁶⁾ Ревизія пущъ, стр. 232. Сынъ князя „Федюшко“ приложилъ къ мѣновому листу отцовскую печать.

Польской¹⁾. Въ слѣдующемъ году онъ же съ другими мѣстными князьями даетъ ручательство Бенедикту, воеводѣ галицкому²⁾, помогаетъ, затѣмъ, Витовту въ войнѣ съ Польшей, сдаетъ Владиславу-Ягеллѣ Галичъ³⁾ и, наконецъ, около того же времени даетъ Скиргайлу поручительство за Гвидка Константиновича⁴⁾.

По смерти Василя Михайловича (въ концѣ XIV столѣтія) Пинское княжество переходитъ къ его сыну Юрію⁵⁾ и затѣмъ послѣ него утрачиваетъ свою самостоятельность. Не извѣстно съ точностью, когда именно и по какимъ причинамъ Пинскъ вышелъ было изъ-подъ власти своихъ удѣльныхъ князей—при жизни ли Юрія Васильевича, или позже. Назначеніе этого князя псковскимъ намѣстникомъ въ 1410 году, повидному, указываетъ на то, что Витовтъ, именно взаимно утраченного удѣла, могъ дать князю Юрію намѣстничество въ Псковѣ. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что сынъ Юрія Васильевича — Александръ Носъ, не владѣлъ Пинскомъ; при великомъ князѣ Свидригайлѣ князь Носъ (его ревностный сторонникъ) получилъ въ управленіе Луцкъ⁶⁾. При великихъ князьяхъ Сигизмундѣ-Войдатѣ и Казимирѣ Ягеллонѣ бывшее Пинское княжество управлялось великокняжескими намѣстниками⁷⁾.

¹⁾ *Prochaska*, Cod. epist. Vit., 10. Skarbiec, № 531. См. *Konieczny, Przewodni.*, 1892, VIII, 686.

²⁾ *Prochaska*, Cod., 13.

³⁾ *Нарушевскъ*, Hist., VI, 85. *Stadnicki*, Syn. Ged., II, 127.

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 2.

⁵⁾ Подобно отцу, онъ также оставилъ слѣды въ дипломатическихъ актахъ и въ лѣтописяхъ. Въ 1398 г. онъ подписалъ трактатъ Витовта съ Орденомъ (*Raczubski*, Cod. dipl. Lith., 256; Skarbiec, № 695; *Налиерскій*, Русско-лив. акты, 528; ср. № 910; въ изданіи Луки Давида, VII, 39—44, приведены всѣ подписи трактата). Въ лѣтописи *Выжовца* (стр. 38) сохранилось извѣстіе о Юріѣ, князѣ пинскомъ, по прозванію Носъ, который отъ имени Витовта былъ въ 1400 г. въ Псковѣ намѣстникомъ. *Балинскій* полагаетъ (IV, 642), что въ концѣ XIV ст. (именно въ то время, когда удѣльнымъ княземъ въ Пинскѣ несомнѣнно былъ еще Юрій Нармонтовичъ) Пинскомъ могъ владѣть стародубскій князь Сигизмундъ Кейстутовичъ (братъ Витовта), на томъ основаніи, что въ 1396 г. онъ былъ фундатомъ францисканской коллегіи въ Пинскѣ; но подобная фундація могла быть частнымъ дѣломъ всякаго ревностнаго католика и помимо мѣстнаго князя. Въ половинѣ XIV ст., какъ замѣчено выше, кн. Василий Нармонтовичъ основалъ церковь въ Ошмянской волости, а между тѣмъ не видно, чтобы онъ былъ удѣльнымъ владѣтелемъ этой волости.

⁶⁾ *Dlugosz*, Dzieje Pol., IV, 200. *Wolff*, 20.

⁷⁾ Сохранилась грамота великаго князя Сигизмунда (1432--1440) папу Андрею, намѣстнику пинскому, объ отводѣ Михаилу Лиху пожалованныхъ ему данниковъ

Впрочемъ, Пинскъ не долго оставался безъ удѣльнаго князя: при Казимірѣ же (около половины XV столѣтія) старые пинскіе князья возвращаются въ свой удѣлъ въ лицѣ князя Юрія Семеновича¹⁾. Въ пинскихъ актахъ половины XV столѣтія этотъ князь является со всѣми владѣтельными правами: онъ даетъ жалованныя грамоты церквямъ на имѣнія, распоряжается повинностями пинскаго населенія и проч.²⁾, Юрій Семеновичъ умеръ послѣднимъ удѣльнымъ княземъ въ своемъ родѣ. Пинское княжество, какъ выморочное владѣніе, вошло въ составъ великокняжескихъ волостей³⁾.

Въ началѣ 70-хъ годовъ XV столѣтія Пинскій удѣлъ снова восстанавливается въ другомъ родѣ литовскихъ князей Гедиминовичей. Какъ замѣчено раньше, по смерти (въ 1470 году) кievскаго князя Семена Олельковича (изъ рода Ольгерда) его удѣлъ превращается въ староство; вдовѣ и дѣтямъ умершаго князя взаимѣнъ Кіева назначенъ былъ другой удѣлъ — Пинскъ съ тянувшими къ нему полѣскими волостями. Условія такого пожалованія точно опредѣляются привилеемъ Казимира, даннымъ въ 1471 году княжнѣ Маріи Семено-

съ землей (Ревизія пуць, стр. 123). Точно также Казиміръ, въ привилеѣ (безъ даты) на имя пинскаго намѣстника князя Юрія, приказываетъ оставить за Сыропятомъ имѣніе въ Пинскѣ, каковымъ онъ владѣлъ при „дядѣ“ Казимира — великомъ князѣ Сигизмундѣ (*ibid.*, см. также А. З. Р., I, № 190).

¹⁾ Внука Василя Михайловича (*Wolff*, 21). Изъ предыдущаго примѣчанія видно, что при томъ же Казимірѣ былъ въ Пинскѣ намѣстникомъ князь Юрій. По всей вѣроятности, это и есть князь Юрій Семеновичъ, которому Казиміръ возвратилъ потомъ удѣлъ его предковъ.

²⁾ Одна изъ жалованныхъ грамотъ этого князя (безъ даты) сохранилась въ „Ревизіи пуць“ (стр. 252). Изъ другаго позднѣйшаго акта видно, какъ самостоятельно распоряжался тотъ же князь повинностями населенія (*ibid.*, стр. 255). Самый привилей о восстановленіи удѣльныхъ правъ пинскаго князя не извѣстенъ; сохранился только привилей Казимира, данный князю Юрію Семеновичу на вотчину изъ нѣсколькихъ селъ (изъ Метрики, у *Вольфа*, стр. 23). Этотъ же князь упоминается въ числѣ лицъ, бывшихъ въ 1452 году въ Луцкѣ по случаю смерти Свидригайла (*Dlugosz*, V, 97. См. *Wolff*, *Ród*, 23).

³⁾ Изъ одного привилея Сигизмунда-Августа (безъ даты) видно, что бывшій князь пинскій Юрій Семеновичъ „привернулъ“ было къ тяглой службѣ бояръ пинскихъ Прасоловича и Сочковича; отъ этой службы освободилъ ихъ позже Казиміръ, когда Пинскъ перешелъ подъ его власть послѣ Юрія Семеновича (Ревизія пуць, стр. 255). Въ актахъ первой половины XV столѣтія упоминается пинскій князь Михаилъ Константиновичъ (А. З. Р., I, № 96 и пр.), но онъ не владѣлъ Пинскомъ, жилъ въ Луцкѣ на Волыни (*Wolff*, *Ród*, 24). Повидимому, Михаилъ Константиновичъ потомокъ одного изъ Наримонтовичей, Александра Носа, получившаго при Свидригайлѣ въ управленіе Луцкъ (*Wolff*, 22).

вой на владѣніе Пинскомъ¹⁾. Стадницкій полагаетъ, что Пинскъ съ волостями данъ княгинѣ Маріи и ея дѣтямъ лишь въ пожизненное владѣніе (*dożywotne posiadanie*)²⁾; но это не оправдывается документальными данными. Въ привилеѣ 1471 года говорится о пожалованіи Пинска княгинѣ Маріи и ея „потомству“, при чемъ также выговаривается для господара право „взяти Пинескъ опять къ своей руцѣ“, съ тѣмъ, чтобы дано было вмѣсто него другое „такъ доброе имѣнье, какъ и Пинескъ“³⁾. Изъ актовъ видно, что Пинскъ составлялъ общее владѣніе семьи кievскаго князя, то-есть, не только княгини Маріи, но и ея сына и дочери съ ихъ потомствомъ. Первоначально все привилеи писались отъ имени княгини и ея сына, князя Василя Семеновича; распоряженія по удѣлу дѣлались княгинею пинской не иначе, какъ „досмотрѣвши того съ сыномъ своимъ“⁴⁾. Затѣмъ, по смерти

¹⁾ Привилеи 1471 г. нигдѣ не напечатаны. Свѣдѣніи о немъ сообщаетъ *Вольфъ* по Литовской Метрицѣ (*Ród*, 17, 25 и 108).

²⁾ См. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 153. Стадницкій имѣлъ въ виду государскій вырокъ, данный въ 1499 г. по случаю притязанія княгини Маріи на участіе во владѣніи Слуцкомъ (удѣломъ брата ея мужа): слущій князь Семень Михайловичъ показалъ, между прочимъ, что „господарь король е. м. граничную землю Кіевъ на себе взялъ, а ея хлѣбокормленіе противъ того тобѣ (княгинѣ Маріи) и дѣтемъ твоимъ далъ его милость городъ Пинескъ“ (*А. З. Р.*, I, № 163). „Хлѣбокормленіе“, по старой правовой терминологіи, означало „право пользования и распоряженія“; подъ понятіе хлѣбокормленія входило пожалованіе и „до живота“, и „въ вотчину“. Понятіе „*dożywotnego posiadania*“ выражалось другимъ техническимъ терминомъ: „наданья до живота“, пожалованіи въ „доживотье“. Въ памятникахъ доживотье строго отличается отъ срочнаго, временнаго пожалованія „до воли“ господара и отъ пожалованія наследственнаго—„въ отчину“ дѣтямъ и всѣмъ „будущимъ напотомъ сщадкамъ“ и пр. Доживотье и вотчина могли обуславливаться правомъ господари взять послѣ „до своихъ рукъ“ доживотье и вотчину, но всегда съ пожалованіемъ иного, равнаго отобранному „добра“. Хлѣбокормленіе и доживотье—два существенно различныя понятія: первое составляетъ одинъ изъ моментовъ понятія *права собственности*, второе входитъ въ ученіе о *правн-властннхъ по времени*, обозначаетъ владѣніе не безсрочное, потомственное (отчину), но лишь владѣніе „до живота“—пожизненное владѣніе, до смерти того, кому дано пожалованіе. Что въ данномъ случаѣ пинская княгиня Маріа получила Пинскъ съ волостями не въ пожизненное, а потомственное владѣніе, подтверждается, какъ нельзя лучше, судимымъ листомъ великаго князя Александра 1501 г., въ которомъ говорится о пожалованіи Пинска съ волостями „у отчину“ князю Ярославичу, его женѣ и дѣтямъ, „потому какъ былъ далъ отецъ нашъ, король е. м., *тещи его княгини Семеновой*“ (*А. З. Р.*, I, № 191).

³⁾ *Wolff*, *Ród*, 108. Ср. *А. З. Р.*, I, № 163, вырокъ 1499 г., гдѣ въ извлеченіи приводится привилеи 1471 г.

⁴⁾ См., наприм., Ревизія нуцъ, стр. 283.

послѣдняго (въ 1496 году), въ управленіи княжествомъ принимаетъ участіе вмѣстѣ съ княгинею пинской и ея дочь, княжна Александра¹⁾. Владѣтели Пинскаго удѣла, какъ видно изъ актовъ, имѣли значеніе такихъ же „господарей“²⁾, какъ и другіе литовскіе удѣльные князья. Въ Пинскихъ привилеяхъ, изданныхъ княгинею Маріей съ дѣтьми, она постоянно титулуется: „Божьею милостью“³⁾, управляетъ волостями чрезъ намѣстниковъ и другихъ урядниковъ⁴⁾ и издаетъ привилеи и листы⁵⁾, главнымъ образомъ, на пожалованіе имѣній и земель своимъ служилымъ людямъ. Кроме того, есть привилеи на покупку слугой дворища у мѣщанина⁶⁾ и на льготы отъ мѣстныхъ службъ и повинностей⁷⁾. Всѣ привилеи и листы пинской княгини носятъ совершенно самостоятельный характеръ: не видно, чтобы требовалось утвержденіе ихъ великимъ княземъ литовскимъ⁸⁾. Съ дру-

¹⁾ См. Ревизія пущъ, привилеи въ 1496 г., стр. 84, 95, 113, 123, 217, 290. Есть только два привилеи начала 1496 г., составленные одною княгиней пинской, безъ участія ея дочери (ib., стр. 105, 287).

²⁾ Въ листѣ великаго князя литовскаго Александра, данномъ въ 1501 году (еще при жизни княгини Маріи) пинскимъ мѣщанамъ, между прочимъ, говорится: „а *господаромъ* пинскимъ (то-есть, мѣстнымъ князьямъ) держати ихъ (жителей Пинска) по тому, какъ бывало за великаго князя Витовта“ и пр. (А. З. Р., I, № 190).

³⁾ См. Ревизія, стр. 63, 78 и др.

⁴⁾ А. З. Р., I, № 190.

⁵⁾ Книгинѣ Маріи принадлежитъ до 25 грамотъ, помѣщенныхъ въ „Ревизію пущъ“, см. стр. 63, 76, 79, 84, 95 и пр.

⁶⁾ „Докладывалъ намъ слуга нашъ *нашъ* Федько Тпшковичъ, што быхмо ему призволили дворищо въ мѣщанина нашего Войвашка Розбесвичя купити въ Запольи; и мы призволили ему тое дворищо купити и Ивашку мѣщанину нашему тежъ есмо призволили ему продати.. а Ивашку такъ ему продать, какъ самъ былъ купилъ“ (Ревизія пущъ, стр. 287).

⁷⁾ Привилеи 1488 г.: „Били намъ челоуъ Зиновъ Лозичъ, чтожъ были посадили ихъ на служебной землѣ. И мы есмо и зъ сыномъ своимъ того досмотрѣли, штожъ онъ сынъ боярскій естъ, и мы есмо все ему то отпустили; не давати ему ни сѣна, ни овса, вѣчно, ни подъ ворота ему не пойти и на каждое дѣло не маеть тежъ пойти, ни жили отъ боярынь есгь, какъ который“ (Ревизія, стр. 282). Привилеи 1494 г.: „Били намъ челоуъ Ицковичи о сѣно и о овесъ и о *полудѣ* и о каждое дѣло, ижъ быхмо имъ отпустили, и мы есмо имъ тое отпустили вѣчно и непорушно и дѣтямъ, ижъ имъ овса и сѣна не давати и полудья и на каждое дѣло имъ не пойти ни съ топоромъ, а ни съ сохомъ“ (ibid., стр. 285).

⁸⁾ Есть только одинъ случай, когда привилеи пинской княгини были подтверждены великимъ княземъ литовскимъ Александромъ. Но это не было общимъ правиломъ: въ данномъ случаѣ лицо, получившее отъ пинской княгини привилеи на имѣніе въ ея удѣлѣ, считалось бояриномъ „господарскимъ“, а не княжескимъ,

гой стороны, „господарство“ пинскихъ владѣтелей имѣло извѣстныя предѣлы: удѣлъ долженъ былъ управляться „подавному“, какъ было при старыхъ господаряхъ, безъ „кривды“ для населенія и безъ введенія „новинны“. Судьей такихъ новинъ, нарушавшихъ интересы и права удѣльнаго населенія, являлся общій господарь всѣхъ литовско-русскихъ областей—великій князь литовскій; въ силу своего верховнаго „господарства“ онъ могъ быть въ потребныхъ случаяхъ единственнымъ компетентнымъ посредникомъ между удѣльными „господарями“ и подчиненнымъ имъ населеніемъ¹⁾.

Какъ видно изъ сохранившихся пинскихъ грамотъ, относящихся ко времени княгини Маріи, она управляла удѣломъ вмѣстѣ съ сыномъ до половины 1495 года, когда послѣдовала смерть послѣдняго²⁾.

и потому, естественно, для полной силы полученнаго имъ пожалованія должно было само позаботиться объ утвержденіи привилей своимъ непосредственнымъ господаремъ—великимъ княземъ литовскимъ (см. Ревизія пущь, стр. 103—105).

¹⁾ Такъ было, напримѣръ, въ 1501 г. (еще при жизни пинской княгини Маріи Семеновой), когда великому князю литовскому Александру были челомъ койти и всѣ мѣщане пинскіе о томъ, что „княгиня Семенова Александровича, княгиня Марья, кривды имъ вчинила и новинны ввела: подходы у нихъ брала, верховныи и возовыи, и посылавала на свои дѣла, гдѣ хотѣла“ и пр., чего жители Пинска „здавна не давали“. Въ удостовѣреніе своихъ правъ нищаче представили господарю литовскому льготные листы великихъ князей Сигизмунда и Казимира. Александръ предписалъ пинскимъ наместникамъ (княгини Маріи) и ихъ служилымъ людямъ брать съ жителей сборы и облагать ихъ новинностями „подавному“, безъ всякихъ „новинъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ предложено „господаромъ пинскимъ (то-есть, княгинѣ Маріи и ея дочери съ жителями) держати ихъ (пинскихъ мѣщанъ) по тому, какъ бывало за великаго князя Витовта и за Жлигимонта, и перво сего за отца нашего короля его милости“ (А. З. Р., I, № 190). Подобное же внимательство великаго князя литовскаго во внутреннія дѣла Пинскаго княжества мы встрѣтимъ и позже, при слѣдующемъ князѣ Федорѣ Ивановичѣ Ярославичѣ (см. ниже).

²⁾ Послѣдній листъ съ именемъ князя Василія Семеновича относится къ 3-му іюля 1495 г. (Ревизія, стр. 218). Затѣмъ 23-го февраля 1496 г. появляется привилей уже съ именемъ княжны Александры (*ibid.*, 128 и 290). Къ промежутку времени между 3-мъ іюля 1495 г. и 23-мъ февраля 1496 г. и слѣдуетъ относить смерть пинскаго князя. Между тѣмъ, въ числѣ пинскихъ грамотъ находимъ листъ, отъ 29-го іюля 1503 г., „княгини Семенова Александровича, княгини Марьи и зъ сыномъ своимъ со княземъ Василіемъ Семеновичемъ“ (Ревизія, стр. 96). Выходитъ, что въ 1503 г. находились еще въ живыхъ не только княгиня Марія, но и ея сынъ. Чтобы объяснить происхожденіе листа 1503 г. и достовѣрность заключающейся въ немъ даты, обратимся вообще къ исторіи актовъ, помѣщенныхъ въ упомянутомъ сборникѣ пинскихъ привилеевъ. Дѣло въ томъ, что сборникъ, изданный въ 1867 г. подъ названіемъ „Ревизія пущь“ и пр., состоитъ изъ

Владѣльцами Пинскаго княжества остались старая княгиня и ея дочь, владѣвшая сообща удѣломъ Пинскимъ до 1498 года ¹⁾, когда состоялся бракъ дочери пинской княгини съ княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Ярославичемъ ²⁾. Въ слѣдующемъ году княгиня Марія испросила у великаго князя Александра подтвержденія привилея, даннаго ей Казиміромъ на владѣніе Пинскомъ ³⁾, что Вольфъ объясняетъ нежеланіемъ княгини раздѣлять власть съ зятемъ. Между тѣмъ изъ актовъ видно, что не только въ томъ же году (20-го апрѣля 1498 года), когда состоялся бракъ дочери княгини Маріи, ея зять принимаетъ участіе въ дѣлахъ Пинскаго княжества (въ качествѣ мѣстнаго князя разбираетъ поземельные споры жителей), но и послѣ привилея 1499 года, при жизни тещи, даетъ отъ своего имени и жены Олены жалованныя грамоты на земли и другія угоды въ Пинскомъ удѣлѣ

двухъ отдѣльныхъ частей: въ первой содержится самая опись пуць 1559 г. съ документами, представленными владѣльцами пуць писцу Воловичу на мѣстѣ, при самомъ производствѣ описи; вторая же—заключаетъ въ себѣ особую актовую книгу пинскаго городского суда (книга помѣчена 1554 г.). Книга эта образовалась изъ актовъ, представленныхъ пинскими землевладѣльцами во время измѣненія пинскихъ волокъ, предпринятаго послѣднею владѣльцею Пинскаго удѣла, королевою Боной, раньше 1555 г. (см. Ревизія, стр. 87—88). Въ эту-то книгу или „реестръ наданья замку Пинскаго“, державца рогачевскій панъ Матей Войтѣховичъ „оказалъ“ для записи, между прочимъ, привилей бывшей княгини пинской Маріи и ея сына Василя Семеновича, подъ датой: „іюля 29-й день, въ лѣто 6996 (1488), индикта G“ (см. Ревизія, стр. 216—217). Во время послѣдовавшей затѣмъ описи пинскихъ пуць въ 1559 г. панъ Мартинъ Войтѣховичъ „покладалъ“ предъ писцикомъ Воловичемъ хранившіяся у него привилей, по содержанію рѣшительно тождественный съ тѣмъ, какой еще при королевѣ Бонѣ, во время измѣренія ея волокъ, былъ „оказанъ“ длянесенія въ книгу пинскаго городского суда державцемъ рогачевскимъ Матвѣемъ Войтѣховичемъ. Оба привилея разнятся только въ датѣ: привилей городской книги 1555 г. имѣетъ дату—6996 г. по лѣтосчисленію отъ сотворенія міра, а привилей, представленный въ 1559 г. писцу Воловичу, обозначенъ датой 1503 г. по лѣтосчисленію отъ Р. Хр. Несомнѣнно, позднѣйшій актъ есть не больше, какъ копія, снятая изъ актовой книги пинскаго городского суда позднѣйшимъ владѣльцемъ имѣнія, но съ ошибочнымъ переводомъ подлинной даты (6996 г.) на новое лѣтосчисленіе (вмѣсто 1488 г.—1503 г.). Въ 1503 г. не было въ живыхъ ни княгини Маріи, ни ея сына; Пинскимъ удѣломъ управлялъ въ это время вполне самостоятельно зять покойной княгини, князь Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичъ (см. ниже).

¹⁾ См. Ревизія пуць, стр. 84, 95, 113, 128, 217 и 290. *Wolff*, 109.

²⁾ *Wolff*, 109. Ѳедоръ Ярославичъ—внукъ Василя Ярославича, удѣльнаго князя боровскаго, ушедшаго изъ Москвы въ 1446 г. и получившаго въ удѣлъ Мстиславское княжество (см. выше).

³⁾ Привилей 1499 г. находится въ Литовской Метрицѣ (*Wolff*, 109).

своимъ слугамъ и мѣстнымъ церквамъ ¹⁾). Въ пинскихъ актахъ говорится, что „князь Феодоръ Ивановичъ Ярославичъ дочку ея милости (княгини Маріи) съ тымъ замкомъ Пинскомъ понялъ“ ²⁾). Здѣсь заключается, кажется, прямой намекъ на то, что главнымъ брачнымъ условиемъ въ данномъ случаѣ было предоставленіе князю Ярославичу Пинскаго удѣла, какъ вѣна его жены. Привилей 1499 года вызванъ былъ, можно думать, не столько желаніемъ старой княгини сохранить за собой всецѣло власть надъ княжествомъ, сколько необходимостью для нея оградить себя отъ опасности полнаго устраненія отъ власти, въ виду притязаній, несомнѣнно обнаруженныхъ ея зятемъ, какъ видно по всему, тотчасъ же вслѣдъ за заключеніемъ брака съ княжною пинской. Привилей 1499 года могъ имѣть цѣлью только огражденіе правъ княгини, а не устраненіе зятя отъ участія въ управленіи княжествомъ на правахъ удѣльнаго князя.

Смерть пинской княгини Маріи, послѣдовавшая въ 1501 г. ³⁾, ни въ чемъ не измѣнила положенія дѣлъ въ Пинскѣ. Князь Феодоръ Ивановичъ Ярославичъ принималъ, какъ только-что замѣчено, участіе въ управленіи Пинскимъ удѣломъ на общемъ положеніи удѣльнаго князя еще со времени его брака съ пинскою княжною. Вслѣдъ за смертію старой княгини онъ издаетъ жалованныя грамоты, какъ уже вполнѣ самостоятельный князь ⁴⁾). Историки полагаютъ, что *тотчасъ* послѣ смерти княгини Маріи (весной 1501 г.) ⁵⁾ король Александръ далъ особый привилей на Пинскъ съ тянувшими къ нему волостями дочери умершей княгини и ея мужу, князю Феодору Ивановичу Ярославичу ⁶⁾; но положеніе это вовсе не подтверждается документальными данными. Самый актъ о пожалованіи Пинска зятю умершей княгини не сохранился ни въ Литовской Метрикѣ, ни въ мѣстныхъ актовыхъ книгахъ. Единственное указаніе на „листъ“ (безъ обозначенія даты) великаго князя Александра о „подтверженіи“ за княземъ Ярослави-

¹⁾ Ревизія, стр. 277 (1498 г.), 107 и 220 (1500 г.).

²⁾ Ревизія, стр. 79, 317.

³⁾ Wolff, 109.

⁴⁾ Ревизія пущь, стр. 274 (грамота 26-го мая 1501 г.), 239 (гр. 12-го іюля 1501 г.) и пр.

⁵⁾ Она жила еще 24-го марта 1501 г., когда пинскіе мѣщане жаловались на ея „приады“ королю (А. З. Р., I, № 190); 10-го іюня того же года мѣщане обращаются къ королю съ такою же жалобой на князя Феодора Ивановича Ярославича, въ то время уже самостоятельно управлявшаго Пинскимъ княжествомъ (ib., № 191).

⁶⁾ Wolff, 109—110.

чемъ, его женой и дѣтьми права на владѣніе Пинскомъ находимъ въ судной грамотѣ великаго князя Александра отъ 10-го іюня 1501 г., данной пинскимъ мѣщанамъ по поводу ихъ жалобъ на „кривды“ и „новинны“, вводившіяся ихъ „господаремъ“—княземъ Ярославичемъ ¹⁾). Разъ допустимъ, что бывшая пинская владѣтельница, княгиня Марія, умерла тотчасъ послѣ изданія грамоты отъ 24-го марта 1501 г., въ которой говорится о ней, какъ о находившейся еще тогда въ живыхъ владѣтельница Пинска ²⁾, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что князь Ярославичъ, вступившій тотчасъ же въ управленіе Пинскимъ княжествомъ на основаніи даннаго ему великокняжескаго привилея, успѣлъ затѣмъ въ теченіе одного-двухъ мѣсяцевъ натворить столько „кривдъ“ и ввести столько „новинъ“ по управленію своимъ удѣломъ, что ниччале уже въ началѣ іюня того же года (то-есть, чрезъ мѣсяць или полтора послѣ предполагаемаго полученія княземъ Ярославичемъ привилея на владѣніе Пинскимъ княжествомъ) вынуждены были обратиться къ литовскому господарю съ челобитьемъ о защитѣ ихъ отъ неправдъ и притѣсненій со стороны мѣстнаго ихъ князя. Думается намъ, что на дѣлѣ данный вопросъ стоялъ нѣсколько иначе. Внимательное изученіе челобитья пинскихъ мѣщанъ и вообще содержанія даннаго по его поводу судебного листа великаго князя Александра отъ 10-го іюня 1501 г. приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что въ этомъ листѣ говорится о пожалованіи князю Ярославичу Пинска съ волостями не какъ о только-что совершившемся фактѣ, но именно какъ о дѣлѣ довольно давнемъ, и что съ другой стороны, только продолжительная практика „кривдъ“ и „новинъ“, неуклонно вводившихся и поддерживавшихся княземъ Ярославичемъ, могла вызвать рѣшимость ниччале обратиться къ литовскому господарю съ челобитьемъ о защитѣ. Есть основаніе полагать, что упомянутый листъ великаго князя Александра относится не ко времени, послѣдовавшему за смертію княгини Маріи, а къ 1498 г., когда состоялся бракъ ея дочери съ княземъ Ярославичемъ. „Подтвержденіе“ великимъ княземъ Александромъ правъ князя Ярославича и его жены на владѣніе Пинскимъ княжествомъ, по всему видно, стоитъ въ тѣсной связи съ условіями состоявшагося между ними брака: князь Ярославичъ, по выраженію современныхъ актовъ, „съ тѣмъ замкомъ Пинскимъ понялъ“ дочь княгини Маріи ³⁾ и, какъ

¹⁾ А. З. Р., I, № 191.

²⁾ Ibid., № 190.

³⁾ Ревизія пущъ, стр. 79, 317, см. выше.

показано раньше, дѣйствительно сталъ осуществлять свое право на обладаніе Пинскимъ удѣломъ еще при жизни тещи; „подтверженіе“ такого обладанія вслѣдъ за бракомъ князя и могло быть главною задачею господарскаго привилея. Возможность такой постановки вопроса подтверждается, какъ намъ кажется, совершенно аналогическимъ случаемъ, имѣвшимъ мѣсто въ Мстиславскомъ княжествѣ въ слѣдующемъ 1499 г. Въ концѣ XV столѣтія Мстиславское княжество, за прекращеніемъ мужской линіи мѣтнаго княжескаго рода, перешло въ женскую его линію—къ дочерямъ послѣдняго мстиславскаго князя. Одна изъ нихъ въ 1499 г. вышла замужъ за Михаила Ивановича, князя Заславскаго. Вслѣдъ за ихъ бракомъ и данъ былъ великимъ княземъ Александромъ князю Заславскому привилей на обладаніе Мстиславскимъ княжествомъ въ качествѣ родовой „вотчины“ его жены, единственной наслѣдницы бывшихъ мстиславскихъ князей¹⁾. Такъ несомнѣнно было и въ Пинскомъ княжествѣ въ 1498 г.: по установившимся изстари въ Литовскомъ государствѣ обычаямъ преемства удѣльныхъ столовъ, всякая переимѣна въ личномъ составѣ княжескихъ родовъ, для своей полной юридической силы, должна была непременно получать окончательную санкцію со стороны верховной власти всего государства, что и формулировалось въ особыхъ привилеяхъ великихъ князей литовскихъ.

Дальнѣйшая судьба Пинскаго княжества во многомъ сходна съ судьбой княжества Мстиславскаго при послѣднемъ князѣ Михаилѣ Ивановичѣ Заславскомъ: та же первоначальная полнота владѣтельныхъ правъ мѣтнаго „господаря-отчича“, та же, затѣмъ, уступка владѣтельныхъ правъ литовскому господарю, наконецъ, то же самое лишеніе удѣла еще при жизни бывшего когда-то полновластнаго его владѣтеля.

По источникамъ, касающимся первой половины княженія Оедора Ивановича Ярославича, Пинскъ съ его волостями составляетъ „землю“. „княжество“, „вотчину“. Владѣтель этой земли-вотчины титулуется „господаремъ отчиннымъ“, „отчичемъ“²⁾, со всей совокупностью правъ и полномочій, какими въ Литовскомъ государствѣ въ старое время вообще пользовались всѣ удѣльные князья. Пинскій князь, какъ высшій судья въ своемъ удѣлѣ, вершить поземельныя и нынѣ дѣла подвластнаго ему населенія³⁾, даетъ привилеи и листы на

¹⁾ А. З. Р., I, № 172. См. выше о Мстиславскомъ княжествѣ.

²⁾ См., напримѣръ, А. З. Р., I, № 191. Ревизія пущь, стр. 321 и пр.

³⁾ Ревизія, стр. 222, 277.

земли и другія угодыя церквамъ ¹⁾, въ особенности же служилымъ людямъ (исегда подѣ условіемъ „службы“) ²⁾, также „на боярство“ ³⁾, освобожденіе населенія отъ разныхъ сборовъ и повинностей. отпускъ челяди на волю ⁴⁾ и пр. Пинскій князь предоставляет мѣстнымъ (пинскимъ) жидамъ права и льготы, какими въ то время пользовались евреи въ Берестыи и другихъ литовскихъ городахъ ⁵⁾. Князь управляетъ своей волостью самъ или чрезъ намѣстника, „держашаго“ сго имень городъ ⁶⁾, пользуется мѣстными сборами и данями и пр. Вообще, какъ выражается грамота 1501 г., князь „масть держати (свою вотчину) такъ, какъ то отчичь, прибавляючи и розшириваючи, какъ то самъ налѣпой разумѣючи, какъ то господарь отчинный свое имѣние волень къ своему вжитку обернути, какъ онъ всхочеть“ ⁷⁾.

Но тутъ же намѣчаются и предѣлы власти удѣльнаго князя. Кромѣ „покоры“ литовскому господарю, на общемъ основаніи съ другими удѣльными князьями, для пинскаго князя, по актамъ, обязательна также покора „старинѣ“, исконному обычаю. Въ управленіи княжествомъ онъ долженъ дѣйствовать „постарому“, „какъ здавна бывало“, „водлугъ господарскихъ данинъ и листовъ“, по которымъ князья его рода получили право на удѣлъ и пр. ⁸⁾. При всякой „новинѣ“ и „кривдѣ“ со стороны мѣстнаго князя, при всякомъ произвольномъ нарушеніи старины и притѣсненіи населенія, послѣднее уполномочивалось самимъ обычаемъ искать защиты у литовскаго господаря. Своимъ властнымъ листомъ, а въ важныхъ случаяхъ и „господарскимъ“ судомъ съ панами-радою литовскій великій князь отмѣнялъ мѣропріятія мѣстнаго князя, шедшія въ разрѣзъ съ стариной. освобождалъ населеніе отъ необычныхъ сборовъ и палоговъ, установившихся мѣстнымъ княземъ не постарому, не такъ, какъ „здавна бывало“, и т. п. ⁹⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 321.

²⁾ Ibid., 239, 274, 311, 319.

³⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 40.

⁴⁾ Ревизія пущь, стр. 304.

⁵⁾ А. З. Р., I, № 227. Arch. Sangusz., I, стр. 134.

⁶⁾ А. З. Р., I, № 191: „имъ (Пинскомъ) масть намѣстникъ его (князя Федора Ивановича Ярославича) держати, который будетъ отъ него городъ держати“.

⁷⁾ А. З. Р., I, № 191.

⁸⁾ См. А. З. Р., I, № 191.

⁹⁾ При князѣ Ярославичѣ было нѣсколько случаевъ подобнаго вмѣшательства великаго князя литовскаго во внутреннія дѣла Пинскаго княжества (см., напримѣръ, А. З. Р., I, № 191. А. Ю.-З. Р., I, № 54. Ревизія пущь, стр. 304).

Въ концѣ перваго десятилѣтія XVI столѣтія болѣе рѣзко и рѣшительно обозначается поворотный пунктъ въ исторіи пинскихъ князей: ихъ старая вотчина превращается въ „доживотье“, съ кореннымъ ограниченіемъ владѣтельныхъ правъ князя и съ подчиненіемъ его личной зависимости отъ великаго князя литовскаго. Это было дѣломъ „соглашенія“ ¹⁾ князя пинскаго Ярославича съ королемъ Сигизмундомъ I, который привилеемъ 1509 г. установилъ положеніе пинскаго князя на совершенно новыхъ основаніяхъ. Въ своемъ привилеѣ король заявляетъ, что, во первыхъ, онъ принимаетъ князя Федора Ивановича Ярославича съ женой подъ свою защиту ²⁾ и обязуется до ихъ смерти не трогать ихъ владѣній, и, повторныхъ, князь пинскій, на случай смерти своей и жены, записываетъ королю все свои владѣнія и „скарбы“ и обязывается, безъ разрѣшенія короля, ничего не раздавать изъ своихъ владѣній ³⁾. Въ то же время все наданья и привилеи на владѣнія, принадлежавшія князю Ярославичу, были сданы для храненія въ Любелскую ратушу ⁴⁾.

Съ этихъ поръ, понятно само собою, какъ должно было усилиться внимательство литовскаго господаря во внутренніи дѣла княжества. Хотя номинально князь пинскій не переставалъ считаться удѣльнымъ владѣтелемъ, но на дѣлѣ это былъ только пожизненный посессоръ, а не старшій „господарь-отчичъ“; въ своихъ владѣтельныхъ правахъ князь подчинился весьма существенному ограниченію, именно въ правѣ пожалованія имѣній изъ пинскихъ волостей не иначе, какъ съ согласія короля ⁵⁾. По смерти (въ 1518 г.) княгини Олены,

¹⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаютъ польскіе историки (см. *Wolff*, 110). Намъ думается, что въ данномъ случаѣ имѣла мѣсто только въ болѣе мягкой формѣ та же исторія, уступки королю владѣній „отъ неволи“, какая продолна была позже въ 1526 г. съ мстиславскимъ княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Заславскимъ, записавшимъ все свои владѣнія королевичу Сигизмунду (см. выше о Мстиславскомъ княжествѣ). Если въ 1509 г. и существовало соглашеніе, то одна ли можетъ быть рѣчь о добровольномъ принятіи его княземъ Ярославичемъ: по всему видно, условія такого соглашенія были продиктованы одною стороною — властною волей Сигизмунда I.

²⁾ У *Балинскаго* — „*pro d. opieka*“ (IV, 642).

³⁾ *Wolff*, 90, 110. *Rykaszewski*, Inventarium, 385. См. *Baliński*, Star. Polska, 2-е изд., IV, 642. *Encykł. Powszechna*, XX, 727. *Skarbiec*, № 2197 (здѣсь, впрочемъ, изложено лишь краткое сообщеніе о владѣніяхъ пинскихъ, уступленныхъ королю).

⁴⁾ Сообщено Вольфомъ по Литовской Метрицѣ (*Wolff*, 110).

⁵⁾ Привилеи на земли и пр. издавались пинскимъ княземъ и послѣ акта 1509 г., но, понятно, лишь подъ упомянутымъ въ этомъ актѣ условіемъ. Есть привилеи позднѣйшаго времени, въ которыхъ земельное пожалованіе князя, обу-

жены князя Ярославича. права послѣдняго на владѣніе Пинскомъ съ волостями были обезпечены, съ одной стороны, завѣщаніемъ его жены, какъ законной наслѣдницы бывшихъ пинскихъ князей, а съ другой — новымъ привилеемъ короля, обязавшагося не отбирать у князя Пинскъ до его смерти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, напоминавшаго ему о старомъ его обязательствѣ беречь, а не растрчивать „скарбъ“ и волости пинскія ¹⁾).

Смерть князя Ярославича послѣдовала въ 1521 г. ²⁾. Историки полагаютъ, что этотъ князь до самой смерти владѣлъ въ цѣлости своею пинскою поссессіей; послѣдняя лишь съ 1521 г. становится непосредственною королевскою волостью, которая затѣмъ особымъ привилеемъ 1523 г. дана была во владѣніе королевѣ Бонѣ ³⁾. Положеніе это, какъ оказывается, далеко не оправдывается документальными данными. сохранившимися въ современныхъ пинскихъ актахъ. Сохранились двѣ грамоты королевы Боны, данныя ею въ качествѣ „господарини Пинскаго княжества“ раньше привилея 1523 г. ⁴⁾. Изъ этихъ грамотъ видно, что королева Бона была „господарыней“ Пинскаго княжества (по другой грамотѣ — повѣта) уже въ 1520 г. (въ октябрѣ), то-есть, еще при жизни князя Ярославича. Одновременно съ королевой и послѣдній дастъ записи на земли ⁵⁾, по уже, оговоренное обмѣною „службой“, оговаривается въ томъ смыслѣ, что, по смерти князя пинскаго, служба съ пожалованнаго имѣнія должна отправляться въ пользу великаго князя литовскаго, къ которому переходятъ всѣ пинскія владѣнія (Ревизія пуць, 72, 288).

¹⁾ *Wolff*, 110—111.

²⁾ Послѣдняя его грамота относится къ 17-му декабря индикта 9-го, то-есть, 1520 г. (Ревизія пуць, стр. 222). Въ грамотѣ 16-го мая 1522 г. и 22-го декабря того же года (индикта 10-го) король Сигизмундъ называетъ князя Федора Ивановича „небожчикомъ“—покойникомъ (*ibid.*, стр. 324, 225). Ср. *Wolff*, 111.

³⁾ *Wolff*, 111—112.

⁴⁾ Одна грамота послана королевой изъ Кракова еще въ октябрѣ 1520 г. „державци нашому князю нашому Пинскому Ивану Михайловичу“ о назначеніи Богданца на его отцовскій приходъ Пинской церкви св. Юрія, вмѣсто попа, опредѣленнаго раньше княземъ Ярославичемъ (Ревизія пуць, стр. 252). Другою грамотою 23-го февраля 1522 г. королева Бона заявляетъ: „била намъ чоломъ боярыня наша пинская Анна Василевская и просила, абыхмо ей съ ласки наше на хлѣбокормленье дали двѣ дворыща въ *поствя нашомъ Пинскомъ*... котрые дворыща мужъ ее небожчикъ Василевскій за листомъ нашимъ до воли и ласки наше держалъ, и на нихъ ее отумеръ, на которыхъ она до сего часу спокойне сѣживала“, королева дала ей имѣніе мужа „до воли и ласки наше *юсноподарское*“ (*ibid.*, стр. 242).

⁵⁾ Послѣдняя записъ князя Ярославича относится къ 17-му декабря 1520 г. Ревизія, стр. 222).

видно, въ качествѣ не стараго удѣльнаго князя, а лишь частнаго владѣльца, за которымъ оставлены были ради „хлѣбокормленія“ лишь нѣкоторыя имѣнія въ принадлежавшемъ ему нѣкогда княжествѣ. Первоначальный привилей, полученный въ 1520 г. (а можетъ быть, и раньше) королевой Боной на „господарство“ въ Пинскомъ княжествѣ, какъ видно, не сохранился въ Литовской Метрицѣ; господарскій привилей 1523 г., открытый Вольфомъ въ Метрицѣ ¹⁾, по всѣмъ видимостямъ, представляетъ подтверждаемый актъ первоначальнаго привилея, въ силу котораго королева Бона, какъ оказывается, была „господарыней“ Пинскаго княжества еще въ 1520—1522 годахъ.

Королева Бона, въ качествѣ удѣльной владѣтельницы Пинской земли, выдала въ послѣдній разъ свой господарскій привилей въ началѣ 1556 г. ²⁾. Послѣ выѣзда ея изъ Литвы въ томъ же году Пинское княжество навсегда утратило былую удѣльную самостоятельность, окончательно вошло въ составъ коронныхъ волостей ³⁾.

Въ тѣсной связи съ Пинскимъ княжествомъ находилась съ древняго времени другая полѣсская область—княжество *Туровское*, располагавшееся по среднему теченію р. Припети. Въ лѣтописяхъ уже въ X столѣтіи упоминается г. Туровъ (на р. Припети), древнѣйшій центръ Турово-Пинской земли. По преданію Рогволодъ, одинъ изъ старыхъ полоцкихъ князей временъ Игоря, утвердился было въ Туровской области, бывшей вообще въ зависимости отъ Кіева. При великомъ князѣ Владимірѣ Туровъ сначала составлялъ удѣлъ его сына Святополка, а затѣмъ управлялся намѣстникомъ Владиміровымъ. Съ Ярославичей Туровъ постепенно обособляется отъ Кіева; съ 1157 г. онъ дѣлается центромъ самостоятельнаго удѣльнаго княжества съ своими особыми князьями, между которыми распредѣлялась Турово-Пинская область на разныя удѣльныя волости. Туровомъ преемственно владѣли сыновья и внуки Ярослава; въ XII вѣкѣ онъ составлялъ удѣлъ Мономаховичей. Во второй половинѣ этого столѣтія въ Туровскомъ княжествѣ утверждается одинъ изъ Изяславичей (рода старшаго сына Ярослава), князь Юрій Ярославичъ съ потомствомъ. При нихъ Турово-Пинская область окончательно выдѣляется изъ состава кіевскихъ волостей и становится позже въ извѣстную зависимость отъ галицко-волынскихъ князей. Съ Миндовга начинаются на Полѣсьи литовскія

¹⁾ *Wolff, Röd Ged.*, стр. 112.

²⁾ Ревизія нуць, стр. 118.

³⁾ *Sulimierski, Słown. geogr.*, VIII, 167. *Baliński, Staroz. Polsku*, 2-е изд., IV, 641.

вліянія, закончившіяся при Гедиминѣ смѣною мѣстныхъ князей литовскими, именно въ лицѣ Наримонта Гедиминовича и его преемниковъ ¹⁾. Сохранилось, впрочемъ, преданіе, что при Гедиминѣ въ Туровѣ сидѣли еще мѣстные князья, въ качествѣ подручниковъ великаго князя литовскаго ²⁾. При Гедиминовичахъ Туровъ совершенно заслонялся Пинскомъ, сдѣлавшимся главнымъ центромъ Литовскаго Полѣсья. Туровъ и Давидовъ Городокъ, по всему видно, составляли до второй половины XV столѣтія одно удѣльное владѣніе, сначала Давида Дмитриевича, потомъ его сына Митка (см. ниже о городечныхъ князьяхъ). По смерти послѣдняго (въ 1440 г.) оба города стихъ волостями перешли къ Свидригайлу и находились въ его владѣніи до смерти (1451 г.) ³⁾. Послѣ Свидригайла Туровомъ управлялъ въ качествѣ великокняжескаго намѣстника князь Василій Федоровичъ Острожскій ⁴⁾. Очевидно, въ это время Туровъ вовсе вышелъ изъ состава волостей пинскихъ князей, сдѣлался короннымъ владѣніемъ великихъ князей литовскихъ. При великомъ князѣ Александрѣ Туровская волость была пожалована въ вотчину князю Михаилу Львовичу Глинскому, имѣвшему главныя свои владѣнія въ Киевской землѣ ⁵⁾. При королѣ Сигизмундѣ I, послѣ измѣны Глинскаго и ухода его въ Москву (въ 1508 г.) ⁶⁾, Туровъ былъ пожалованъ князю Константину Ивановичу Острожскому и его женѣ. По смерти послѣдней, въ 30-хъ годахъ XVI столѣтія, Туровъ отошелъ къ короннымъ владѣніямъ ⁷⁾.

Гораздо больше повѣстій сохранилось въ источникахъ касательно исторіи третьей полѣсской области—княжества *Городецкаго*, располагавшагося по сосѣдству съ Туровскимъ княжествомъ, по южнымъ его

¹⁾ В. Антоновичъ, Монагр., I, 76. *Соловьевъ*, II, 255 и слѣд. Данниа касательно древней исторіи Турова сгруппированы въ монографіяхъ А. Служкаго „Нзяславъ и Туровъ“ (Сѣверо-Западн. Календарь за 1888 г.) и Я. Малышевскаго „Очеркъ исторіи Турова“ (въ сочиненіи: „Творенія св. отца нашего Кирилла, епископа Туронскаго“, Киевъ, 1880). Къ сожалѣнію, я не могъ имѣть подъ рукой этихъ монографій и ознакомился съ ними лишь по извлеченіямъ, сдѣланнымъ въ сочиненіи Н. Петрова: Бѣлоруссія и Литва, 1890, стр. 12, 14, 37—39.

²⁾ *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 652.

³⁾ Ревизія пущъ, 327. *Arch. Sang.*, I, № 47.

⁴⁾ *Boniecki*, *Poczet*, 230.

⁵⁾ А. З. Р., I, № 222. *Boniecki*, 63.

⁶⁾ См. А. З. Р., II, №№ 33, 36. Ср. *Бестужевъ-Рюминъ*, *Ист.*, II, 177—178. *Encykl. Powszechna*, X, стр. 8.

⁷⁾ А. З. Р., I, №№ 93; II, 105, 157. *Kulikowski*, *Kniazowie*, p. 56.

рубежамъ. Князья Городецкіе становятся извѣстными по смерти Ольгерда (1377 г.). Мѣстные лѣтописи сообщаютъ, что одна изъ дочерей Ольгерда (Марія) вышла замужъ (позже 1382 г.) за „князя Давида“¹⁾. Историки не безъ основанія отождествляютъ его съ „княземъ Давидомъ Дмитриевичемъ Городецкимъ, записаннымъ съ княгиней своей Маріей“ въ синодикъ Любечскій²⁾. Главнымъ городомъ принадлежавшей князю волости считается Городекъ (Городенъ на одномъ изъ притоковъ р. Припети, ниже Турова), называвшійся, какъ полагаютъ, по имени основателя Городкомъ Давидовымъ (позднѣйшій Давидгродекъ)³⁾. Одновременно съ княземъ Давидомъ Городецкимъ упоминаются въ источникахъ (около 1390 г.) „князь Иванъ Городецкій и его братъ князь Юрій“, которые вмѣстѣ съ другими князьями давали великому князю ручательство за Гридка Константиновича, обвинявшагося въ побѣгѣ и иномъ „лихѣ“⁴⁾. Всѣ эти князья, можно думать, сообщали владѣнны (до начала XV столѣтія) Городецкимъ княжествомъ. Въ источникахъ нѣтъ точныхъ указаній на происхожденіе князей Городецкихъ. Одно несомнѣнно: нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ принадлежности этихъ князей къ Гедиминовичамъ, какъ и къ литовскимъ князьямъ другихъ родовъ (напримѣръ, Жмунтовичамъ). Остается одно весьма вѣроятное предположеніе: князья Городецкіе, сидѣвшіе во второй половинѣ XIV столѣтія въ Городкѣ съ тянувшими къ нему волостями, были потомками старыхъ русскихъ, турово-пинскихъ

¹⁾ Лѣтоп., изд. *Дамблосичемъ*, 30.

²⁾ *Wolff*, 31. Ср. *Милорадовичъ*, Любечъ, 1871, 38. Стадницкій ошибочно называетъ мужа Маріи старостой гродненскимъ (Olgerd, 172): по указанію Вольфа, Стадницкій въ данномъ случаѣ говоритъ о зятѣ Гедимины, также Давидѣ, но только не князѣ (*Wolff*, 31).

³⁾ *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 652. Сохранилось мѣстное преданіе о томъ, что Давидовъ Городекъ, еще въ древнія времена, въ кievскую эпоху, основанъ однимъ изъ союзниковъ туровскаго князя Тура—ятвяжскимъ княземъ, принявшимъ въ крещеніи имя Давида (*Петровъ*, Бѣлоруссія, 18). Въ числѣ городовъ, принадлежавшихъ въ 1005 г. къ составу Туровской епархіи, упоминается Городекъ (*ibid.*, 17); быть можетъ, это позднѣйшій Давидгродекъ. Къ числу тѣхъ же городовъ принадлежалъ и *Городенъ* (ниже Пинска), выдѣлившійся съ своей волостью въ XII столѣтіи, послѣ Мономаха, въ особый удѣлъ (Городецкій), стоявшій въ связи съ удѣлами Туровскимъ и Пинскимъ (*Петровъ*, Бѣлоруссія, 30, 37, 39). Въ литовскую эпоху Городенъ входилъ, кажется, въ составъ Пинскаго княжества (Ревизія пущъ, 171 и слѣд.). Въ первой половинѣ XVI столѣтія Городенъ вмѣстѣ съ Пинскомъ принадлежалъ къ владѣніямъ королевы Боны (Ревизія пущъ, стр. 174, 179).

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 2.

князей. Ни откуда не видно, чтобы „господари“ Городка времени Игеллы, Скиргайла и Витовта приобрѣли Городецкую волость въ видѣ новаго пожалованія отъ кого либо изъ Гедиминовичей. Дочь Ольгерда имѣла мужемъ князя Давида, несомнѣнно, бывшаго городецкимъ владѣтелемъ раньше брака съ нею. Разъ предположимъ, что князь Давидъ сталъ владѣть Городкомъ лишь послѣ брака съ княгиней Ольгердовой, въ качествѣ вѣна послѣдней, станетъ мало понятнымъ, почему другіе князья Иванъ и Юрій тоже считались князьями Городецкими ¹⁾. Остается предположить, что Городецкая волость была изстаринною „вотчиной“ Давида Дмитріевича, какъ и князей Ивана и Юрія. Намъ представляется настоящій вопросъ въ такомъ видѣ: русскіе князья турово-пинскіе, въ пору окончательнаго присоединенія Полѣсья къ Литвѣ, не повсе были вытѣснены изъ своихъ удѣловъ Гедиминомъ и послѣдующими литовскими владѣтелями полѣскихъ областей. Уступивъ главныя части удѣла (Пинскъ, Туровъ и пр.) Наримонту Гедиминовичу и его потомству, старые русскіе князья могли, однако, удержаться въ Полѣсьи (какъ это было и въ другихъ областяхъ Литовской Руси), именно въ южныхъ волостяхъ бывшаго Туровскаго княжества, и основать здѣсь, если не при Наримонтѣ, то при его преемникахъ, Городокъ—новый центръ своей волости. Въ первой половинѣ XV столѣтія (до 1440 г.) Городецкимъ княжествомъ владѣлъ сынъ Давида Дмитріевича, князь Митко Давидовичъ, называющійся въ современныхъ актахъ „сестренцемъ“ великаго князя Свидригайла Ольгердовича, „господаремъ“ Городецкой волости ²⁾. Послѣдующая владѣтельница Городка, великая княгиня Свидригайлова, говоритъ въ одной изъ своихъ записей (1492 г.), что король Казиміръ пожаловалъ ей Городецкое княжество на такомъ же положеніи, на какомъ его „держалъ“ князь Митко: подобно всѣмъ „господарямъ“ литовскимъ, великимъ и удѣльнымъ, онъ „былъ воленъ, кого хотѣлъ, пожаловати (земскимъ имѣніемъ подъ условіемъ службы) своихъ слугъ, того жаловалъ“ ³⁾. Кромѣ своего княжества, князь Митко могъ оказывать извѣстное вліяніе и на общія дѣла государства: вмѣстѣ съ другими князьями онъ принималъ участіе (въ теченіе 1412—1416 гг.) въ двор-

¹⁾ Оба князя около 1390 г. участвовали въ порукѣ за Гридка Константиновича; они принадлежали, слѣдовательно, къ одному поколѣнію съ Давидомъ; второе поколѣніе (князь Митко, сынъ Давида) дѣйствуетъ позже, въ 10—30-хъ годахъ слѣдующаго столѣтія.

²⁾ Ревизія пущъ, стр. 327.

³⁾ Ibid., стр. 330.

цовой жизни короля Ягеллы, получалъ отъ него земельныя владѣнія въ Полѣсьи и въ другихъ мѣстахъ и пр. ¹⁾. Князь Митко Давидовичъ оставался „господаремъ“ своей волости до смерти (1440) ²⁾. Съ нимъ прекратился, какъ мы полагаемъ, одинъ изъ старыхъ родовъ русскихъ князей, владѣвшихъ когда-то всею Полѣсьемъ. Ихъ волость перешла было послѣ князя Митка въ родъ Ольгерда, именно къ его сыну Свидригайлу-Болеславу ³⁾, но затѣмъ опять получила владѣтелей чисто русскаго происхожденія. Премницей Свидригайла, послѣ его смерти въ 1451 г., была русская княжна Анна Ивановна Тверская (двоюродная сестра Бориса Александровича, князя тверскаго), бывшая съ 1431 г. замужемъ за Свидригайломъ ⁴⁾. Кромѣ Городка, княгиня Свидригайлова получила отъ короля Казимира также волости въ повѣтахъ Слонимскомъ (Здитовъ) ⁵⁾ и Пинскомъ (Дворцы) ⁶⁾. Княгинѣ Аннѣ Свидригайловой принадлежить нѣсколько привилеевъ и записей, данныхъ ею мѣстной церкви и служилымъ людямъ на имѣнія, также на освобожденіе мѣстныхъ жителей отъ повинностей ⁷⁾. Изъ этихъ записей двѣ обозначены подъ 1492 г. ⁸⁾. Можно думать, что Городокъ, еще при жизни княгини Анны, отошелъ въ распоряженіе короля; за ней остались только нѣкоторыя волости, въ зна-

¹⁾ *Wolff*, 31.

²⁾ Обстоятельства его смерти записаны въ грамотѣ (1451 г.) Свидригайла. Князь Городецкій, вслѣдствіе навета одного изъ своихъ служилыхъ людей, Радимила, по приказу Сигизмунда, былъ лишенъ свободы, а затѣмъ и жизни. Извѣстникъ, очевидно, вскорѣ послѣ того уличенный въ клеветѣ, долженъ былъ бѣжать въ Подолію, гдѣ и умеръ; его имѣніе было конфисковано княземъ (Ревизія пуць, 327).

³⁾ Ревизія пуць, стр. 327, привилей Свидригайла, изданный имъ въ качествѣ городецкаго князя въ годъ его смерти (1451).

⁴⁾ *Wolff*, 165.

⁵⁾ *Baliński*, *Staroż. Polsku*, 2-е изд., IV, 562.

⁶⁾ Ревизія пуць, стр. 334. Привилей короля Казимира находится въ Литовской Метрицѣ (см. *Wolff*, 166).

⁷⁾ Ревизія пуць, стр. 330, 384, 340, 342, 358. *Круповичъ*, Собраніе грамотъ и пр., стр. 20. Упомянуты и др. записи, данныя княгиней Свидригайловой (см., напримѣръ, Ревизія пуць, 329).

⁸⁾ Ревизія пуць, стр. 330 и 358. Вольфъ полагаетъ, что княгиня Анна уже не жила въ 1486 г., когда король Казимиръ далъ Федковичу, ключнику луцкому, Привилей короля по этому вопросу найденъ Вольфомъ въ Литовской Метрицѣ безъ точнаго обозначенія даты, указанъ только „индиктъ 4“ (*Wolff*, 167). Тотъ же привилей упоминается въ сборникѣ *Даниловича*, подъ 1393 г. (*Skarbiec*, № 644) и въ Акт. Зал. Россіи подъ 1456—1471 гг. (I, № 59).

чении „хлѣбкормленія до живота“ ¹⁾). При жизни же княгини Анны (около 1492 г.) ²⁾ Городецкое княженіе было пожаловано королемъ Казиміромъ выходцу изъ Москвы—князю Ивану Васильевичу Ярославичу (сыну удѣльнаго князя Боровскаго, Василя Ярославича) ³⁾, получившему во владѣніе, кромѣ Городка Давидова, также Клецкъ и Рогачовъ ⁴⁾. Пожалованіе это было, затѣмъ, подтверждено въ 1499 г. королемъ Александромъ ⁵⁾. Въ управленіи Городецкою волостью участвовала вся семья князя Ивана Ярославича ⁶⁾. Грамоты выдаются городецкимъ княземъ при „боярахъ нашихъ“ ⁷⁾. Въ качествѣ удѣльнаго владѣтеля, князь Иванъ Васильевичъ выдаетъ выроки по спорамъ между мѣстными жителями ⁸⁾, даетъ церквамъ земли и часть своихъ сборовъ (татарщины и пр.) на содержаніе причта ⁹⁾, жалуетъ имѣнія своимъ служилымъ людямъ ¹⁰⁾ и освобождаетъ жителей отъ повинностей ¹¹⁾. Последняя записъ, данная княземъ Иваномъ Васильевичемъ Ярославичемъ, принадлежитъ 1507 г. ¹²⁾. По смерти князя Ивана Васильевича Ярославича (1508 г.), его владѣнія, вмѣстѣ съ Городецкою волостью, перешли къ сыну его Оедору, владѣвшему въ то время Пинскимъ княжествомъ по браку съ наслѣдницей послѣдняго пинскаго князя ¹³⁾. Оедоръ Ярославичъ, впрочемъ, недолго владѣлъ Городецкою волостью на полныхъ удѣльныхъ правахъ. Черезъ

¹⁾ На это указываетъ грамота короля Казиміра отъ 1490 г. (индикта 8) *наместнику* городецкому напу Судивоевичу объ отводѣ земли *ключнику* городецкому Васку Александровичу (Ревзія пуцъ, стр. 172).

²⁾ Князю Ивану Вас. Ярославичу принадлежатъ двѣ грамоты 1492 г. (Ревзія, 329 и 358).

³⁾ Князь Василій Ярославичъ еще раньше сына (въ 1446 г.) ушелъ изъ Москвы въ Литву и получилъ здѣсь въ удѣлъ Мстиславъ, также сѣверные города — Брянскъ, Гомель и Стародубъ (*Wolff*, 29; см. выше о Мстиславскихъ князьяхъ).

⁴⁾ *Wolff*, 29. См. выше о Клецкѣ и Рогачовѣ.

⁵⁾ Привилей 1499 г. открытъ Вольфомъ въ Метрихѣ Литовской (*Wolff*, 29).

⁶⁾ Грамоты даются княземъ Иваномъ Васильевичемъ, „помысливши“ съ княгиней (его женой) Евдокіей, сыномъ Оедоромъ „и со князнями нашими“ (Ревзія, 358), или съ однимъ сыномъ Оедоромъ (*ibid.*, 368).

⁷⁾ Въ одной грамотѣ указано 5 бояръ, очевидно, составлявшихъ „раду“ князя (Ревзія, 348).

⁸⁾ Ревзія, стр. 342.

⁹⁾ *Ibid.*, 348, 358.

¹⁰⁾ *Ibid.*, 329, 342; см. также А. З. Р., I, № 214.

¹¹⁾ *Ibid.*, 334.

¹²⁾ *Ibid.*, 348.

¹³⁾ *Wolff*, 30, 110. См. выше.

годъ послѣ вступленія его во владѣніе Городецкимъ удѣломъ (1509 г.) онъ записалъ, на случай своей смерти, всѣ свои владѣнія королю Сигизмунду. На основаніи тогда же издавнаго королевскаго привилея, князь Ярославичъ владѣлъ съ тѣхъ поръ Городкомъ, какъ и остальными волостями, лишь въ качествѣ „доживотья“, безъ права самостоятельнаго отчужденія волостей въ постороннее владѣніе ¹⁾). Какъ видно изъ современныхъ актовъ, князь Федоръ Ивановичъ Ярославичъ еще при жизни былъ устраненъ отъ управленія Городецкой волостью: во второй половинѣ 1520 г. Городокъ Давидовъ находится уже въ непосредственномъ владѣніи короля Сигизмунда I ²⁾), распоряжавшагося Городецкой волостью чрезъ назначенныхъ имъ старостъ-наместниковъ ³⁾). Грамоты Сигизмунда I по управленію всей Городецкой волостью доходятъ до 1528 г. Въ слѣдующемъ году „господариней“ Городка съ тянувшими къ нему волостями становится королева Бона, послѣдняя городецкая княгиня. Съ ея выѣздомъ изъ Литвы (въ 1556 г.) княжество Городецкое, вмѣстѣ съ Пинскими и другими ея владѣніями, окончательно утрачиваетъ свой удѣльный характеръ, навсегда отходитъ въ составъ коронныхъ волостей ⁴⁾).

¹⁾ На этомъ основаніи всѣ привилеи и записи князя Федора Ивановича Ярославича, выданные имъ послѣ 1509 г. (Ревизія пущъ, стр. 320, 330, 332, 335, 336, 341, 342, 349, 358), признавались недействительными послѣдующими владѣтелями Городка—королемъ Сигизмундомъ I и королевой Боной. Въ ихъ подтвердительныхъ привилеяхъ на наданья Федора Ярославича постоянно встрѣчаемъ такую цитату: „ачъ князь Федоръ, полецывшиися намъ съ имѣньи своими, не мѣлъ моцы подданнымъ своимъ записывати и раздавати“ (Ревизія пущъ, стр. 333, 339, 345, 356).

²⁾ Послѣдняя запись, принадлежащая князю Ярославичу по управленію Городецкимъ княжествомъ, выдана имъ 24-го іюня 1520 г. (Ревизія пущъ, стр. 342). Чрезъ три съ половиной мѣсяца, съ 6-го октября того же года, король Сигизмундъ уже непосредственно распоряжается Городецкой волостью, даетъ мѣстнымъ боярамъ привилеи на имѣнья и пр. (*ibid.*, 184; ср. стр. 178, 350, 185, 339, 344).

³⁾ Ревизія пущъ, стр. 178.

⁴⁾ Изъ сопоставленія датъ послѣднихъ (по времени) грамотъ Сигизмунда I по управленію Городецкой волостью и первыхъ грамотъ королевы Боны выходитъ, что въ промежутокъ времени отъ 1524 до 1528 г. (включительно) Городокъ съ волостями управлялся одновременно Сигизмундомъ I и королевой Боной. Первому принадлежать отъ этого времени двѣ грамоты: 1525 и 1528 г. (Ревизія, 171 и 173; быть можетъ, сюда относится также грамота на стр. 350). Тому же времени принадлежитъ пять грамотъ королевы Боны (*ibid.*, 337, 339, 345, 356). Обстоятельство это мы объясняемъ въ такомъ смыслѣ, что первоначально королева Бона получила въ управленіе Городецкое княжество въ полномъ составѣ,—часть волостей оставалась въ непосредственномъ распоряженіи Сигизмунда I. Съ 1529 г. Бона стала владѣть Городецкимъ княжествомъ въ полномъ его составѣ.

Клецкъ (Клеческъ) на р. Верхней Лани принадлежитъ къ числу старыхъ западно-русскихъ городовъ; въ XI и XII столѣтіяхъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ Дреговицкой земли ¹⁾. Въ числѣ удѣльныхъ князей, сидѣвшихъ въ западно-русскихъ городахъ до присоединенія русскихъ земель къ Литвѣ, упоминаются, между прочимъ, князья клецкіе ²⁾. Ничего не извѣстно о судьбѣ этихъ князей и ихъ удѣла въ пору присоединенія Полясья къ Литвѣ. Можно, однако, догадываться, что на первыхъ порахъ старые клецкіе князья продолжали сидѣть въ своемъ удѣлѣ подѣ главенствомъ и въ зависимости отъ великихъ князей литовскихъ. Догадка эта имѣетъ нѣкоторое основаніе въ виду общей политики Гедимина и его преемниковъ, какой они держались въ дѣлѣ присоединенія къ Литвѣ русскихъ областей. Отдавая области, присоединявшіяся къ Литовскому княжеству, въ цѣломъ ихъ составѣ въ управленіе литовскихъ князей, великіе князья литовскіе оставляли въ мелкихъ удѣлахъ старыхъ русскихъ князей, съ подчиненіемъ ихъ мѣстнымъ литовскимъ князьямъ, сидѣвшимъ въ центральныхъ городахъ присоединенныхъ къ Литвѣ областей. Русскіе князья, затѣмъ, замѣнялись князьями литовскими, при отказѣ ихъ въ „покорѣ“, или же удѣлы ихъ отходили въ распоряженіе великихъ князей литовскихъ по праву выморочности и пр. Первые свѣдѣнія о клецкихъ князьяхъ литовскаго происхожденія находимъ въ источникахъ второй половины XIV столѣтія. Литовскія и русскія лѣтописи сообщаютъ подѣ 1396 г. извѣстіе о „князѣ Ямонтѣ“ (Ямунтѣ), которому Витовтъ предоставилъ Смоленскую землю въ качествѣ намѣстничества ³⁾. Черезъ два года тотъ же самый князь подписался на трактатѣ съ Орденомъ, какъ князь клецкій—„Jaminus de Kleszko“ ⁴⁾. Въ слѣдующемъ году въ битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ палъ, въ числѣ другихъ литовскихъ князей, и „князь Ямунтъ Тулутовичъ“, бывший смоленскій намѣстникъ ⁵⁾. Этоть-то

¹⁾ *Baliński*, IV, 528.

²⁾ *В. Антоновичъ*, Моногр., I, 20. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 30. *Пюодитъ*, Исслѣдованія и лекціи, т. VI, стр. 41—42.

³⁾ *Латор. Даниловича*, 48, 213. *Выховецъ*, 35. П. С. Р. Л., IV, 101, 142.

⁴⁾ *Raszynski*, Cod. dipl. Lith., 253. *Skarbiec*, 695. Ср. *Wolff*, 34, 36.

⁵⁾ Въ лѣтописныхъ спискахъ литовскихъ князей, навшихъ въ битвѣ 1399 г., князь клецкій упоминается подѣ разными названіями: „князь Ямонтъ Тулутовичъ“, „князь Ямонтъ Тулутовичъ“, „князь Ямонтъ, иже въ Смоленску бѣ“, „князь Ямонтовичъ“, „князь Ямонгъ, намѣстникъ смоленскій“ (П. С. Р. Л., II, 352; III, 104; IV, 104, 142; V, 251; VI, 73; XV, 458. *Латор. Даниловича*, 218. *Выховецъ*, 36. Ср. *Wolff*, 36).

князь Ямунтъ Тулуновичъ и считается родоначальникомъ литовскихъ князей, извѣстныхъ позже подъ именемъ Ямуновичей, князей клецкихъ и подберезскихъ, но принадлежавшихъ къ потомкамъ Гедиминовичей, но представлявшихъ собой отрасль особаго рода литовскихъ князей, какихъ было не мало въ Литвѣ въ эпоху образованія Литовско-Русскаго государства ¹⁾. Сыновья князя Ямунта—Семень и Михаилъ Ямуновичи, какъ видно изъ документальныхъ источниковъ, продолжали считаться князьями клецкими. Семень (Сенько) Ямуновичъ подписался на актѣ уніи Литвы съ Польшею 1401 г. и на Торунскомъ трактатѣ съ Орденомъ 1411 г., подъ именемъ „*Syenco filius Jamunth, Litwaniae dux*“ ²⁾. Другой сынъ Ямунта, князь Михаилъ Ямуновичъ, владѣлъ отцовскимъ удѣломъ, повидимому, до начала 40-хъ годовъ XV столѣтія, когда Клецкъ поступилъ въ распоряженіе великаго князя литовскаго ³⁾. Потомки того же князя Ямунта Тулуновича образовали другую линію Ямуновичей, извѣстныхъ подъ именемъ князей *Подберезскихъ*. Какъ замѣчено раньше, родою отчиной ихъ было Подберезье въ Оршанскомъ повѣтѣ Витебской земли. Было ли Клецкое княжество общей отчиною обѣихъ линій князей Ямуновичей, или же князья Подберезскіе владѣли только Витебскимъ удѣломъ,—вопросъ этотъ остается совершенно невыясненнымъ.

¹⁾ Прежнимъ польскимъ геральдикамъ и историкамъ изъ князей рода Ямуновичей былъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, сынъ Ямунта Тулуновича—князь Семень Ямуновичъ, подписавшій въ 1411 г. трактатъ съ Нѣмецкимъ Орденомъ подъ именемъ: „*Syenco filius Jamunth, Lithuaniae dux*“ (*Raczyński*, Cod. dipl. Lith., стр. 129—138). Старые геральдики (Кояловичъ) полагали, что Семень Ямуновичъ, какъ и другіе Ямуновичи, жившіе въ старой Литвѣ, принадлежали къ особому роду литовскихъ князей, но происхожденію своему не принадлежавшихъ къ потомкамъ Гедиминовичей. К. Стадницкій не соглашается съ этою догадкою; онъ отождествляетъ Семена Ямунта, подписавшаго трактатъ 1411 г., съ Семеномъ, сыномъ Евнута Гедиминовича; другимъ же Ямуновичамъ отказываетъ вообще въ княжескомъ происхожденіи и считаетъ ихъ простымъ шляхетскимъ родомъ (*K. Stadnicki*, Syn. Ged., 2-е изд., 81). Въ новѣйшее время вопросъ о князьяхъ Ямуновичахъ былъ подвергнутъ новому пересмотру польскимъ историкомъ І. Вольфомъ. На основаніи документальныхъ источниковъ, неизвѣстныхъ Стадницкому, Вольфъ доказалъ, по нашему мнѣнію, совершенно неопровержимо основательность догадки старыхъ польскихъ геральдиковъ о томъ, что князья Ямуновичи не принадлежали къ Гедиминовичамъ, а представляли потомковъ самостоятельнаго рода литовскихъ князей (*I. Wolff*, 34—35, 37, 41).

²⁾ *Raczyński*, Cod. dipl. Lith., стр. 132. *Prochaska*, Cod. epist. Vit., стр. 73. Ср. *Wolff*, 34.

³⁾ *Wolff*, 85.

Съ прекращеніемъ рода князей Имунтовичей Клецкій удѣлъ не скоро, однако, утратилъ свою самостоятельность. Есть извѣстіе о томъ, что въ 1442 г. Клецкое княжество, вмѣстѣ съ сѣверскими городами, поступило (по пожалованію) во владѣніе одного изъ Гедиминовичей— князя Михаила, сына Сигизмунда Кейстutowича ¹⁾, а въ слѣдующемъ году было пожаловано Бабичову, одному изъ сыновей Ивана Семеновича, удѣльнаго князя Друцкаго-Бабы ²⁾. Около 1492 г. Клецкъ съ городомъ Рогачевомъ (въ Минской землѣ) становится, по пожалованію Казимира, удѣломъ московскаго выходца — Ивана Васильевича Ярославича (сына бывшаго боровскаго князя Василя Ярославича, потомка Дмитрія Донскаго). Великій князь Александръ позже подтвердилъ Клецкій удѣлъ за Ярославичемъ. По его смерти (въ 1508 г.) Клецкъ съ другими владѣніями перешелъ къ его сыну Федору Ивановичу Ярославичу съ женой, составившимъ тогда же запись о переходѣ ихъ удѣла въ распоряженіе короля послѣ ихъ смерти ³⁾. Въ силу этой-то записи Клецкій удѣлъ въ 20-хъ годахъ XVI столѣтія отошелъ къ господарскимъ владѣніямъ ⁴⁾. При Сигизмундѣ I еще разъ возстанавлиется Клецкій удѣлъ путемъ пожалованія его королевѣ Бонѣ ⁵⁾. Лишь въ началѣ второй половины XVI столѣтія, съ отъѣздомъ Боны изъ Литвы, Клецкъ окончательно утрачиваетъ удѣльную самостоятельность ⁶⁾.

Слуцкъ, главный городъ Слуцкаго княжества, располагавшагося на Случи и Оресѣ, притокахъ Припети, выдѣлялся въ значеніи

¹⁾ Хрон. *Вихован*, 55. *Wolff*, 65. *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е изд., IV, 528.

²⁾ *Wolff*, 35. О князьяхъ Друцкихъ, владѣвшихъ однимъ изъ бѣлорусскихъ удѣловъ,—см. выше.

³⁾ *Skarbiec*, № 2197. *Wolff*, Ród, 29, 90, 100. Ревизія пущъ, стр. 360.

⁴⁾ О князьяхъ клецкихъ рода Ярославичей см. довольно подробныя свѣдѣнія въ соч. *Вольфа*: *Ród Ged.*, 29 — 30. Акты, касающіеся князей Ярославичей, помѣщ. въ А. З. Р., I, №№ 190, 191, 227; II, 101, 108; *Skarbiec*, № 2197. Приписей Пинскаго повѣта въ прилож. къ „Ревизіи пущъ в. княж. Лит.“, I, 328, 329, 334, 358 и мн. др.; *Arch. Sangusz.*, I, 134 и пр. Писц. книга Пинск. и Клецк. княж., 416, 419, 426 и пр.

⁵⁾ Отъ этой послѣдней удѣльной владѣтельницы Клецкаго княжества дошла пожалованная подтвердительная грамота 1524 г. боярину клецкому Горянну на имѣніе, пожалованное ему прежними клецкими князьями (А. Ю.-З. Р., I, № 77). Въ грамотѣ находимъ весьма важныя указанія на отношенія мѣстныхъ земле-владѣльцевъ къ своимъ удѣльнымъ князьямъ, на ихъ поземельныя права, повинности и пр. Ср. Ревизія пущъ, стр. 361—363, 346, 353.

⁶⁾ *Baliński*, Staroż. Pol., 2-е изд., IV, 528. *Sulimierski*, Słown. geogr., IV, 122.

особаго удѣла еще до присоединенія Польши къ Литвѣ ¹⁾. Первое упоминаніе въ литовскую эпоху о слуцкихъ князьяхъ находимъ въ одной изъ поручныхъ записей (1387 г.) Витовта и другихъ литовскихъ князей, въ томъ числѣ и князя Юрія Слуцкого ²⁾, какъ полагають, принадлежавшаго къ роду Наримунта Гедимшиновича ³⁾. Съ конца XIV столѣтія удѣлъ этотъ переходитъ къ Владимиру Ольгердовичу и затѣмъ держится въ потомствѣ до конца XVI столѣтія. Удаливши въ 1395 г. изъ Кіева Владимира Ольгердовича (см. выше), Витовтъ предоставилъ ему во владѣніе замокъ *Копыль*, съ значительной волостью, простиравшейся отъ истоковъ Нѣмана до впаденія р. Случи въ Днѣпръ; въ составъ этой волости входилъ Слуцкъ съ нѣсколькими пригородами: Романовомъ, Старобинномъ, Пясечною, Любаней и пр. ⁴⁾. Слуцкъ становится стольнымъ городомъ княжества при сынѣ Владимира — Александрѣ (Олелькѣ, откуда наименованіе всего его потомства Олельковичами) ⁵⁾. Князья Слуцкіе-Олельковичи весьма долго, не только въ XV, но и въ XVI столѣтіи, удерживали за собой значеніе удѣльныхъ владѣтелей. Родъ Олельковичей-Слуцкихъ прекратился въ концѣ XVI вѣка ⁶⁾.

¹⁾ В. Антоновичъ, Моногр., I, 20.

²⁾ „Dux Georgius Slucensis“ (*Prochaska*, Cod. epist. Vit., 13).

³⁾ Такого мнѣнія держится *Вольфъ* (*Röd*, 20). Онъ полагаетъ, что Юрій Слуцкій могъ быть братомъ князя пинскаго—Василія Мих. (сына Нарим. Гедим.), именно въ виду близкаго сосѣдства Слуцка съ Пинскомъ. Стадницкій полагаетъ, что Юрій Слуцкій—братъ Ягеллы и Витовта, не подтверждая, однако, своего мнѣнія никакимъ документальнымъ доказательствомъ (*Syn. Ged.*, 21, 127; *Gracia*, 33).

⁴⁾ По *Стрѣльковскому* (стр. 133), Копыльскій удѣлъ обнималъ значительное пространство: „отъ того мѣста, гдѣ начинается Пѣманъ, до мѣстечка Пиотрковицъ, гдѣ Случь въ Припеть, а Припеть въ Днѣпръ впадаетъ, въ совокупности въ длину и ширину болѣе 300 миль“. Изъ одного акта 1499 г. видно, что въ это время княжество раздѣлялось на два повѣта: *Слуцкій*, съ гор. Случескомъ и тянувшими къ нему „дворами“ (Ивань, Погостъ и Ольговичи), и повѣтъ *Копыльскій* (*А. З. Р.*, I, № 163).

⁵⁾ См. „Потомки вел. князя Ольгерда—Олельковичи“ (*Вѣстн. Юго-Зап. Росс.*, 1868, кн. 6). Въ XV вѣкѣ Олельковичи играли въ Литовскомъ государствѣ важную роль представителей русской народности (*В. Антоновичъ*, Моногр., I, 232, 237—241). Известно, что при Казимирѣ существовалъ проектъ избранія одного изъ Олельковичей въ великіе князья литовскіе (Памятн. русск. старинн, выи. VIII, 125).

⁶⁾ По смерти послѣдняго слуцкаго князя—Михаила Юрьевича, его владѣніи перешли къ одному изъ князей Радзивилловъ, въ качествѣ вѣна его жены, дочери слуцкаго князя. По опредѣленію *Вольфа* (*Röd Ged.*, 111—114), преемственность князей слуцкихъ шла въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Владимиръ Ольгер-

Несвижъ съ его полостью, располагавшеюся у истоковъ Нѣмана, къ юго-востоку отъ Новгорода Литовскаго, еще до присоединенія къ Литвѣ принадлежалъ къ числу мелкихъ удѣльныхъ владѣній мѣстныхъ русскихъ князей. Къ такимъ князьямъ относится Юрій Несвижскій, наивнѣйшій съ другими русскими князьями въ битвѣ съ татарами на р. Калкѣ въ 1225 г. ¹⁾ Потомки этихъ-то русскихъ князей, какъ полагаютъ, продолжали держаться въ Несвижскомъ удѣлѣ и послѣ присоединенія Западной Руси къ Литвѣ ²⁾. Въ актахъ конца XIV и начала XV столѣтій упоминается князь Иванъ Несвижскій въ значеніи удѣльнаго владѣтеля Несвижа въ сѣверномъ Полѣсьи ³⁾. Кромѣ Полѣскаго удѣла, князья Несвижскіе въ концѣ XIV столѣтія имѣли владѣнія также въ Сѣверщинѣ. Изъ современныхъ актовъ видно, что въ составѣ рады новгородъ-сѣверскаго князя Дмитрія-Корыбута числились князья Григорій и Иванъ Несвижскіе, владѣвшіе въ Сѣверщинѣ „людьми, землями и городами“ ⁴⁾. Сохранилось затѣмъ извѣстіе о томъ, что „князь Ѳедко“, по всей вѣроятности, сынъ упомянутого выше князя Ивана Несвижскаго, еще въ 1430 г. владѣлъ Несвижемъ въ сѣверномъ Полѣсьи ⁵⁾. Съ этого же года князь Ѳедко Несвижскій является сподвижникомъ Свидригайла; вмѣстѣ съ нимъ князь Ѳедко вскорѣ перешелъ на Волинь, гдѣ и сдѣлался родоначальникомъ волинскихъ князей Несвижскихъ, ставшихъ позже называться князьями Збаражскими, Вишневецкими и пр. ⁶⁾. Нѣтъ точ-

довичъ (съ 1395—1398); 2) Омелько Влад. (ум. 1454); 3) Михаилъ Омельковичъ (ум. 1481); 4) Семень I Млх. (ум. 1503); 5) Юрій I Семен. (ум. 1542); 6) Юрій II Юрѣв. (ум. 1579). Въ концѣ XVI столѣтія съ смертію сыновей Юрія II родъ Омельковичей прекращается. О служившихъ князьяхъ см.: *Коллосичъ, Чтенія*, 124 и др.; *Бестужевъ-Рюминъ*, II, 36; *Нловайскій*, Ист. Россіи, II, 177 и слѣд.; *Центровъ*, Бѣлоруссія, 96; *К. Stadnicki*, Syn. Ged., II, 21, 127; *его же*, *Bracia Jag.*, 33, 118, 123—124, 149, 154. 178; *Wolff*, *Ród Ged.*, 16, 21, 101, 102, 109, 111—112, 114; *Baliński*, *Star. Pol.*, 2-е изд., IV, 537; *Sulimierski*, *Slown. geogr.*, IV, 386, X, 837; *Niesiecki*, *Herb.*, изд. 1839, VII, 69. Ср. А. З. Р., I, №№ 28, 46, 56, 83, 94, 98, 99, 163, 165; II, 101, 199, 230. А. Ю.-З. Р., I, №№ 44, 49, 76, 232. А. II, I, 94. *Arch. Sangusz.*, I, 111; III, 49.

¹⁾ П. С. Р. Л., I, стр. 219.

²⁾ *Baliński*, IV, стр. 505.

³⁾ *Sokotowski-Szujski*, *Cod. epist. saec. XV*, 12, 23. *Rykaczewski*, *Inventar.*, 271. *Prochaska*, *Cod.*, 92. *Wolff*, 119. *Kulikowski*, *Kniazowie*, 35.

⁴⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 8—9. *Skarbicc*, № 555. *Rykaczewski*, 375. *Baliński*, IV, 504.

⁵⁾ *Baliński*, IV, 505. *Sulimierski*, *Slown. geogr.*, VII, 118.

⁶⁾ *Skarbicc*, №№ 1562, 1592, 1603. *Ганіерскій*, Русско-лив. акты, № 1304. *Wolff*, 158. О князьяхъ Несвижскихъ на Волини см. ниже—о Волинской землѣ.

ныхъ свѣдѣній о томъ, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ князья Несвижскіе утратили старую свою отчину въ сѣверномъ Полѣсьи. Извѣстно только, что въ XV столѣтіи (съ 40-хъ годовъ) Несвижъ находился въ частномъ владѣніи пановъ Кишковъ; позже Несвижъ перешелъ отъ нихъ по праву „близкости“ къ князьямъ Радзивилламъ ¹⁾. Есть, наконецъ, извѣстіе о томъ, что еще въ началѣ XVI столѣтія князья Несвижскіе имѣли владѣнія въ сосѣднемъ съ Несвижемъ Слонимскомъ повѣтѣ ²⁾. Повидимому, въ этихъ князьяхъ нужно видѣть особую отрасль старыхъ владѣтелей Полѣскаго Несвижа, какъ видно, еще въ первой половинѣ XV столѣтія (когда Несвижъ отошелъ въ частное владѣніе) перешедшихъ въ сосѣдній Слонимскій повѣтъ и основавшихъ здѣсь свою оспѣдность.

Ф. Лесотевичъ.

¹⁾ Съ 1547 г. князья Радзивиллы, на основаніи особаго королевскаго привилея, стали титуловаться князьями Несвижскими. См. *Baliński*, IV, 505. *Sulimierski*, Słown., VII, 118. О родѣ князей Несвижскихъ см. *Wolff*. 119, 158. *Boniecki*, Poczet, 209.

²⁾ Въ источникахъ упоминается князь Борисъ Несвижскій, владѣвшій въ началѣ XVI столѣтія имѣніемъ въ Слонимскомъ повѣтѣ. Имѣніе это, какъ видно, послѣ бездѣтной смерти князя Несвижскаго, отошло къ господарскимъ волостямъ и въ 1530 г. было пожаловано королемъ Сигизмундомъ пану Бокіеву. См. *Boniecki*, Poczet rodów, p. 212.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХС.

1893.

ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°, Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 23

И. Н. Ждановъ. Василий Буславичъ и Волкъ Восславевичъ
(продолженіе) 199

Ф. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права (продолженіе) 259

В. И. Модестовъ. Записки по Тацитѣ 327

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. Ф. Орловскій. Энеида Виргилія. Переводъ Н. Кошмичъ-Самаринъ. С.-Пб. 350

Ф. И. Успенскій. Византина. Очерки, матеріалы и записки по византийскимъ древностямъ. Книга II. Съ таблицами и планами. Д. Ф. Бялскаго. С.-Пб. 1893. 364

А. А. Павловскій. Τὰ ἐν Ἀκροπόλει ἀγάλματα κατὰν ἀρχαϊκῆς τέχνης. Θεμιστοκλῆς Σοφοῦλης. Ἐν Ἀθήναις. 1892. 379

Н. П. Кондаковъ. А. Л. Вертье-Делавардъ. Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса. С.-Пб. 1893 388

А. М. Ону. П. Соколовъ. Церковная реформа императора Юсіфа II. Саратовъ. 1892 397

— Книжныя новости 410

— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ) 15

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

— Наши учебныя заведенія: Кавказскій учебный округъ въ 1891 году (окончаніе) 106

Л. Л.-ръ. Письмо изъ Парижа 140

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Вал. В. Майковъ. Эпиграммъ Пиндара въ честь Аркесіады Киринскаго (продолженіе). 97

С. А. Жебелевъ. Женская голова изъ Аргооскаго Иреона 111

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 4-ю декабря).

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКАГО ПРАВА ¹⁾.

Образование территории Литовско-Русскаго государства.

Южная Русь ²⁾ вошла въ составъ территории Литовско-Русскаго государства въ XIV вѣкѣ, частью еще при Гедиминѣ, главнымъ же образомъ при Ольгердѣ. При немъ широко раздвинулись границы Литовско-Русскаго государства. Вновь приобретенная территория обнимала обширное пространство: съ одной стороны отъ Оки и истоковъ

¹⁾ *Продолженіе*. См. июльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ См. *Бантишъ-Каменскій*, *Исторія Малой Россіи* (1822; втор. изд. 1880). *Н. Срезневскій*, *Украинскія былія, 1657—1710* (1838). *Ею же*: *Истор. обзоръ нѣе гражд. устройства Украины со времени ея заселенія* (1839). *Ею же*: *Русское населеніе степей и поморья въ XI—XIV вв.* (*Извѣст. II. Отд. Ак. Наукъ*, XIII). *А. Сколковскій*, *Исторія Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша Запорожскаго* (1841; втор. изд. 1846). *Н. Маркевичъ*, *Исторія Малороссіи* (1842—1843). *Г. Котискій*, *Исторія руссовъ, или Малой Россіи* (*Учен. съ Общ. Ист. и Др.*, 1846, I—IV; отдѣльно—1846). *Рышельманъ*, *Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи* (1850). *М. Grabowski*, *Україна* (1850). *И. Кулишъ*, *Записки о Южной Россіи* (1856—1857). *Ею же*, *Хмельницкія* (1861). *Ею же*, *Исторія воссоединенія Руси* (1874). *Ею же*, *Отпаденіе Малороссіи отъ Польши, 1340—1654* (1890). *М. Потодинъ*, *О мнѣніи запустѣннн Украины въ нашествіе Батыево и населеніи новопршлымъ народомъ* (*Русская Беседа*, 1857, IV; Сборн. сочи., I). *Максимовичъ*, *О припнахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ, бывшаго въ XVII вѣкѣ* (*Русская Беседа*, 1857, IV; Сборн. соч., I). *Г. Милорадовичъ*, *Матеріалы для исторіи Южной Руси* (1858). *И. Костомаровъ*, *Днѣ русскія народности, великорусская и малорусская* (*Основа*, 1861, №№ 3 и 10; Историч. моногр., I). *Ею же*: *Богданъ Хмельницкіи, послѣд. изд.* 1884). *Ею же*, *Борьба украинскнхъ казаковъ съ Польшей* (*Отеч. Зап.*, CV). *В. Bartoszewicz*, *Co znaczyła i gdzie była Ukraina* (*Bibl. Warsz.*, 1864, II; *Dzieła Bart.*, t. III). *Szajnocha*, *Zdobycze rżuga Polskiego. Dwa lata. dziejów naszych* (szkice historyczne, III). *Д. Мордовецъ*, *Габдяматчина, историч. монографія* (1870). *Г. Карповъ*, *Переговоры объ условіяхъ соединенія Малороссіи съ Великою Россіей* (*Журн. Мин. Нар.*

Сейма до Западнаго Буга, съ другой—отъ нижнихъ притоковъ Припечи въ глубь Черноморскихъ стеней. Все это пространство состояло изъ нѣсколькихъ группъ южно-русскихъ областей, начальное образованіе которыхъ относится еще къ первымъ временамъ русской исторіи, именно земель: Сѣверской, Кіевской и Воынской; татарской эпохѣ принадлежитъ образованіе земли Подольской, составившей съ второй половины XIV столѣтія южную окраину Литовско-Русскаго государства. Мы рассмотримъ образованіе территоріи южныхъ областей Литовской Руси въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ эти области перечислены выше.

V.

Сѣверская земля (Сѣверщина), въ пору присоединенія къ Литвѣ, занимала Заднѣпровье, отъ Посемья и нижняго теченія Десны до Угры и Оки, съ одной стороны, и отъ Днѣпра до истоковъ Сейма, съ другой, и образовалась изъ бывшихъ земель сѣверянъ, частію также радимичей и вятичей. Въ концѣ XI столѣтія область эта составляла обширную систему княжескихъ волостей, входившихъ въ составъ княжествъ-земель: Черниговской, Новгородсѣверской и Брянской; кромѣ того, къ Черниговскому княжеству первоначально тянули Муромъ и Рязань. Въ половинѣ XIII столѣтія, вслѣдствіе крайняго дробленія Сѣверскихъ удѣловъ, монгольскаго разоренія и другихъ причинъ, старое главенство князей, сядѣвшихъ въ Черниговѣ, падаетъ; Муромско-Рязанскій край вовсе выходитъ изъ состава Сѣверскихъ волостей; центръ тяготѣнія Сѣверской земли переносится съ юга на сѣверъ,—къ Брянску начинаетъ тянуть вся Сѣверская земля. Въ началѣ второй половины XIV вѣка, при великомъ князѣ

Пр., 1871, т. 158). *Его же*, Начало историч. дѣятельности Богдана Хмельницкаго (1873). *Левинскій*, Очеркъ внутр. исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII вѣка (*Унив. Изв. Кіевск.* 1874, № 7). *В. Антоновичъ*, О гайдамакахъ, 1700—1768 (Арх. Юго-Зап. Рос., 1876, ч. III, т. III). *Его же*, Послѣднія времена казачества (*Кіевскія Старина*, 1887, авг.). *В. Антоновичъ* и *В. А. Левицкій*, Историч. дѣятели Юго-Зап. Россіи (1883). *Jablonowski*, Starostwa Ukrainne (*Źródła dz.*, т. V) *И. Житецкій*, Смѣна народностей въ Южной Руси (*Кіевскія Старина*, 1884, сент. ноябрь). *М. Владимірскій-Будановъ*, Населеніе юго-запади. Россіи отъ половины XIII до половины XV вѣка (Арх. Ю. З. Р., 1886, ч. VII, т. I; отд. 1886); отъ половины XV вѣка до Люблинской Уніи (*ib.*, 1890, ч. VII, т. II, отд. 1891). *Д. Эваримскій* „Вольности“ (земля) запорожскихъ казаковъ (1890). *Его же*, Исторія запорожскихъ казаковъ (1892).

литовскомъ Ольгердѣ, къ литовскимъ владѣніямъ присоединяются Брянскъ и другія волости Сѣверской земли. Какъ видно изъ источниковъ, области, подчинившіяся Ольгерду, частью при его жизни, частью при его преемникахъ, разбились на нѣсколько отдѣльныхъ группъ удѣльныхъ владѣній. Одна изъ такихъ группъ обнимала верхнюю часть Сѣверщины—собственно Брянскую землю съ Брянскомъ и Трубчевскомъ, составлявшими при Ольгердѣ удѣлъ его сына—Дмитрія старшаго. Другіе города (Карачевъ, Новосиль, Воротыньскъ и др.) составляли съ своими волостями отдѣльныя владѣнія цѣлаго ряда русскихъ удѣльныхъ князей непосредственныхъ подручниковъ литовскихъ великихъ князей. Средняя часть Сѣверщины, съ Стародубомъ во главѣ, составляла удѣлъ стародубскаго князя, Александра Патрикѣевича (впука Пинскаго князя Наримонта Гедиминовича). Наконецъ, нижняя Сѣверщина, съ двумя главными центрами—Черниговомъ и Новгородѣвскомъ, по всему видно, принадлежала первоначально двумъ сыновьямъ Ольгерда: Дмитрію-Корыбуту и Скиргайлу-Ивану ¹⁾. Кромѣ Сѣверщины, при Витовтѣ (въ началѣ XV вѣка) становится въ зависимость отъ Литвы на нѣкоторое время также Рязанская земля, отошедшая въ половинѣ XIII вѣка изъ состава Сѣверскихъ волостей; зависимость эта, впрочемъ, окончилась со смертію Витовта ²⁾. Въ оставшейся за Литвой Сѣверской землѣ не долго удерживалось первоначальное дѣленіе ея на удѣлы, существовавшіе при Ольгердѣ. Появляются новыя комбинаціи Сѣверскихъ удѣловъ, состоявшихъ подъ властію различныхъ литовскихъ и русскихъ князей-подручниковъ великихъ князей литовскихъ. Въ первой половинѣ XV столѣтія главные Сѣверскіе удѣлы, въ которыхъ до того времени сидѣли различные литовскіе князья, въ большей своей части объединяются (впрочемъ, на короткое время) въ лицѣ Свидригайла-Болеслава Ольгердовича, затѣмъ Сигизмунда Кейстутовича и его сына, Михаила. Лишь въ одномъ Трубчевскомъ княжествѣ удерживался безъ перерыва старый родъ мѣстныхъ князей Ольгердовичей (Дмитрія старшаго) вплоть до присоединенія этого княжества къ Москвѣ ³⁾. Во второй половинѣ XV столѣтія появляется въ Сѣверской землѣ цѣлый рядъ московскихъ выходцевъ:

¹⁾ Основанія принятаго нами раздѣленія Сѣверщины на удѣлы между Гедиминовичами послѣ присоединенія ея къ Литвѣ будутъ указаны ниже, при обзорѣ исторіи каждого изъ указанныхъ удѣловъ.

²⁾ А. А. Э., I, № 25. См. объ этомъ выше.

³⁾ См. объ этомъ ниже—обозрѣніе отдѣльныхъ Сѣверскихъ княжествъ.

князя Иванъ Можайскій ¹⁾, Иванъ Шемяка ²⁾, Василий и Иванъ Ярославичи (удѣльные князя Борюскіе ³⁾), Михаилъ Борисовичъ Тверской ⁴⁾ и др. Между ними распредѣляются всѣ главные Сѣверскіе удѣлы: Черниговскій, Новгородсѣверскій, Стародубскій, Брянскій и др. ⁵⁾; во владѣніи литовскихъ князей Гедиминовичей оставалось, повидимому, лишь одно Трубчевское княжество. Чуть ли не въ каждомъ изъ главныхъ Сѣверскихъ княженій происходитъ дробленіе территоріи на волости старшаго („большаго“, „велебнаго“ и пр.) и меньшихъ, удѣльныхъ князей, „послушныхъ“ князю большому. Удѣльные князья дѣлились на линіи, тянувшія по временамъ то къ той, то къ другой Сѣверской землѣ ⁶⁾. Дробленіе на мелкія удѣльные владѣнія сохранялось до послѣдняго времени, въ особенности въ украинныхъ (верховскихъ) удѣлахъ Брянской земли; мѣстные князья (назавна русскіе), нерѣдко одной и той же линіи, тянули попеременно то къ литовскимъ, то къ сосѣднимъ московскимъ князьямъ. Эта-то неопредѣленность пограничныхъ владѣній въ Сѣверщинѣ со второй половины XV столѣтія вызывала постоянные споры между правительствами литовскимъ и московскимъ. Борьба между ними изъ-за пограничныхъ владѣній окончилась въ началѣ XVI столѣтія присоединеніемъ къ Московскому государству всей Сѣверской земли. Первыя приобрѣтенія въ ней сдѣланы были Московскимъ государствомъ на основаніи трактата 1494 г. съ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ: по этому трактату къ Москвѣ отошли удѣлы пограничныхъ сѣверскихъ князей (Новосіальскихъ, Одоевскихъ, Воротыньскихъ, Перемысльскихъ, Бѣлевскихъ, Говдыревскихъ и частію Мезецкихъ) ⁷⁾. Результатомъ возникшей вскорѣ затѣмъ войны Литвы съ Москвою было занятіе Москвою всей Сѣвер-

¹⁾ А. З. Р., I, №№ 52, 114, 139, 167. Skarb., №№ 2067, 2121, 2122.

²⁾ А. З. Р., I, №№ 50, 114, 180, 194. А. Ю.-З. Р., II, № 97. Skarb. №№ 2067, 2121.

³⁾ П. С. Л., VI, 174; VIII, 117. Skarb., № 2067.

⁴⁾ Skarbiec, № 2067.

⁵⁾ Удѣлы, полученные князьями—Можайскимъ, Шемякою и Ярославичами, точно опредѣляются въ источникахъ (см. ниже). О владѣніяхъ же князя Тверскаго нѣтъ прямыхъ указаній; но изъ того обстоятельства, что въ источникахъ онъ упоминается вмѣстѣ съ другими московскими выходцами, получившими удѣлы въ Сѣверщинѣ, можно, кажется, заключать, что тамъ же имѣлъ владѣнія и князь Тверской.

⁶⁾ См. ниже объ удѣлахъ въ отдѣльныхъ Сѣверскихъ земляхъ.

⁷⁾ *Кирамвинъ*, Ист., изд. 1834, VI, прим. 896. Skarbiec, № 2067.

ской земли, отошедшей къ Московскому государству на основаніи мирныхъ трактатовъ 1503, 1508 и 1523 гг. ¹⁾ Къ Московскому государству Сѣверская земля принадлежала до 1611 г. По Деулинскому трактату 1618 года Сѣверскіе города были снова присоединены къ Польшѣ, сначала временно (на 14 лѣтъ), а въ 1634 г. — навсегда. Заднѣпровская Украина отошла окончательно къ Россіи съ 1654 г., что было утверждено трактатами 1667 и 1686 г. ²⁾

Скажемъ нѣсколько словъ объ отдѣльныхъ княжествахъ старой Сѣверщины, въ пору зависимости ея отъ великихъ князей литовскихъ. Къ сожалѣнію, отъ этой эпохи сохранилось весьма мало документальныхъ извѣстій. Лѣтописи (особенно литовскія) даютъ лишь отрывочныя, а иногда совершенно неточныя и противорѣчивыя показанія о судьбѣ Сѣверскихъ княжествъ въ литовскую эпоху. Оттого въ исторической литературѣ русской и польской доселѣ немало встрѣчается спорныхъ вопросовъ о судьбахъ отдѣльныхъ областей Литовской Сѣверщины. Мы постараемся сгруппировать несомнѣнныя, документальныя данныя объ этой землѣ и, по возможности, выяснять существенные вопросы, главнымъ образомъ касательно образованія удѣльнаго строя Сѣверщины, со времени подчиненія ея Литвѣ до присоединенія къ Московскому государству въ началѣ XVI столѣтія.

Прежде всего скажемъ о *Черниговскомъ княжествѣ*, древнѣйшемъ центрѣ, къ которому въ старое время тянула вся Сѣверская земля. Исторія этой древне-русской области въ литовскую эпоху, сколько намъ извѣстно, до настоящаго времени остается весьма мало разра-

¹⁾ А. З. Р., I, № 192; II, № 120. Skarbies, № 2156. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., XXXV, 348.

²⁾ См. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, V, 172, 314 и слѣд. *Бестужевъ-Рюминъ*, Исторія, II, 168—171, 177, 181—189. *Иловайскій*, Исторія, II, 218. *Антоновичъ*, Монографія, I, 115, 177. *Владимирскій-Будановъ*, Государства Московское и Литовское, 6—9. *Дашкевичъ*, Борьба культуръ, 824. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 114—148. *Stadnicki*, Synowie Gedymina, I (изд. 1881), 40—41; II, 168—169. *Ею же* Bracia Jagielly 54, 167, 206—209, 279 и др. *Ею же*, Olgerd, 133, 140, 181, и *Bar-toszewicz*, Trubecka sprawa (Encykl. Powsz., XXV, 593). *Wolff*, Ród Gedymina, 17, 29, 56, 90—95, 152, 174. *Smolka*, Kiejstat, 9. *Baliński*, Staroz. Polska, 2-е изд., III, 511. *Sulimierski*, Słown. geogr., I, 826; VII, 254; XI, 247 и др. По исторіи Сѣверщины до присоединенія къ Литвѣ см. сочин. *А. Голубовскаго* Исторія Сѣверской земли до половины XIV вѣка (Сборн. соч. студентовъ Имп. Унив. св. Владим., 1881, вып. II); *Д. Базалъ*—подъ тѣмъ же заглавіемъ (ibid., вып. IV). Ср. также *Boniński*, Poczet rodów, p. 6, 15, 190 и пр. *А. Lewicki*, Powstanie Świdrigielly (*Rozprawy Akad.* Krak., t. XXIX). *F. Koncesny*, Jagiello i Witold (*Przewodnik*, 1892, zes. I и сл.).

ботанной въ русской и польской исторической литературѣ. Къ числу нерѣшенныхъ въ наукѣ вопросовъ принадлежитъ существенно важный для насъ вопросъ о первыхъ литовскихъ князьяхъ, владѣвшихъ Черниговской землей послѣ присоединенія къ великому княжеству Литовскому. Изъ источниковъ видно, что, если не тотчасъ послѣ присоединенія Чернигова къ Литвѣ, то во всякомъ случаѣ при жизни Ольгерда и его сыновей, Черниговъ съ его волостями принадлежалъ къ удѣльнымъ владѣніямъ Ольгердовичей. Сохранились различныя указанія на первыхъ черниговскихъ князей Гедиминова рода. Выховецъ называетъ сына Ольгерда—Константина, княземъ Чарторыскимъ и Черниховскимъ¹⁾. Тотъ же самый фактъ повторяется затѣмъ у Стрыйковского, Коляловича²⁾ и др. Другое извѣстіе о Черниговскомъ князѣ изъ рода Гедиминовичей (и именно Ольгердовичей) находится въ синодикѣ старыхъ Сѣверскихъ князей русскихъ и литовскихъ, сохранившемся въ архивѣ Антопѣвскаго Любечскаго монастыря: „Великаго князя Дмитрія Черниговскаго и брата его князя Іоанна, великаго князя Скяргайла“³⁾. Историки русскіе и польскіе различно относятся къ изложеннымъ извѣстіямъ о первыхъ Черниговскихъ князьяхъ рода Гедиминовичей. Одни (Стадницікій, Антоповичъ) обходятъ полнымъ молчаніемъ извѣстіе Выховца о Черниговскомъ князѣ Константиинѣ и обращаютъ все свое вниманіе на второе извѣстіе о князѣ Дмитріѣ. Другіе (Вольфъ) только констатируютъ извѣстіе о Константиинѣ, князѣ Черниговскомъ, не признавая и не отвергая категорически достовѣрности этого извѣстія⁴⁾. Наконецъ, нѣкоторые (Смолька) высказываются въ пользу признанія достовѣрности факта, сообщаемаго Выховцемъ, и полагаютъ, что Константинъ получилъ Черниговскій удѣлъ еще при жизни отца (Ольгерда)⁵⁾. Съ своей стороны, замѣтимъ, что,

¹⁾ *Narbutt*, *Pomniki*, стр. 22. См. *Wolff*, *Ród Gedym.*, 95.

²⁾ *Strzykowski*, *Kronika* (изд. 1840), II, 57. *Koźłowski*, *Hist. Lith.* (изд. 1850), I, 353. *Wolff*, 82.

³⁾ См. № 48-й Любечскаго синодика, помѣщеннаго въ *Чтеніяхъ съ Нил. Моск. Общ. Ист. и Др.*, 1871, кн. 2. О Любеч. синодикѣ см. *Клещинъ-Самаринъ*, По поводу Любечскаго синодика, 1874. *Милорадовичъ*, Любечъ, 1876. *Р. Зотовъ*, О Черниговскихъ князьяхъ по Любечскому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время, 1892.

⁴⁾ *Wolff*, *Ród Gedymina*, 82, 87, 95.

⁵⁾ Смолька говоритъ, что „prawdziwie późniejsze tylko źródła wymieniają Czernichów jako dzielnicę Konstantego, nie podając wiadomości, kiedy ją otrzymał. Samo jednak położenie geograficzne Czernichowa, pomiędzy dzielnicami dwóch braci Konstantego, Brjańskiem a Kijowem, świadczy za prawdopodobieństwem tej wia-

какъ будетъ показано ниже (см. о князьяхъ Чарторскихъ на Волини), нельзя считать исторически достовѣрнымъ показаніе Быховца о Константинѣ Ольгердовичѣ, какъ князѣ Чарторскомъ и Черниговскомъ. Затѣмъ, если даже признаемъ этотъ фактъ не подлежащимъ сомнѣнію, то все-таки показаніе о Константинѣ, князѣ „Черниговскомъ“, нельзя относить именно къ Чернигову Сѣверскому. Дѣло въ томъ, что поселеніе, по имени котораго Быховецъ называетъ князя Чарторскаго также Черниговскимъ, существовало въ старое время въ той же Волинской землѣ, гдѣ находился и Чарторскъ, главная часть удѣла Константина¹⁾). Изъ актовъ, недавно изданныхъ въ „Архивѣ Сангушекъ“, видно, что въ Волинской землѣ, въ Збаражчинѣ, къ югу отъ Кременца, находилось во второй половинѣ XV столѣтія поселеніе Чернеховъ (Черниховъ) на р. Стрыпѣ, притокѣ Днѣстра. Въ актахъ упоминается также Черниховъ въ Владиміромъ повѣтѣ²⁾). Въ виду изложенныхъ данныхъ мы полагаемъ, что слѣдуетъ признать болѣе достовѣрнымъ второе изъ приведенныхъ выше извѣстій о первыхъ Черниговскихъ князьяхъ, именно извѣстіе синодика Любечскаго монастыря о *Дмитріи*, князѣ Черниговскомъ. Но здѣсь возникаютъ новыя затрудненія: въ числѣ сыновей Ольгерда было два князя, носившихъ одно и то же имя Дмитрія; изъ нихъ одинъ (старшій) происходилъ отъ перваго брака Ольгерда; другой, называвшійся также Корибутомъ, принадлежалъ къ числу дѣтей Ольгерда отъ второй жены³⁾). Кто именно изъ этихъ двухъ князей Ольгердовичей былъ въ дѣйствительности Черниговскимъ удѣльнымъ княземъ, на этотъ вопросъ источники не даютъ точнаго, категорическаго отвѣта. Вопросъ этотъ различно рѣшается историками. Квашнинъ-Самаринъ, въ своей брошюрѣ о Любечскомъ синодикѣ, пола-

domości i przemawia za tem, że Konstanty dzielnicę tę otrzymał za życia ojca, podobnie jak jego bracia“ (*Smolka, Kejstut i Jagiełło, 1888, стр. 9*).

¹⁾ Чарторскъ находился на Волини, къ сѣверу отъ Луцка, на р. Стыри притокѣ Припяти, въ области, тянувшей къ Луцку (см. *Baliński, Staroż. Polska, 2-е изд., III, 45*).

²⁾ Arch. Sangusz., I, стр. 54; III, 29. Упоминается „Черниховъ“ также въ Рогатинскомъ повѣтѣ Галиціи (*ibid.*, стр. 184; ср. *Baliński, II, 866*). О географич. положеніи Волинскаго Чернихова см. карту Польши 1772 г., изд. въ 1886 г. *Орельбрандомъ* въ приложеніи къ сочин. *Балмискаю*: „*Staroż. Polska (2-е изд.) IV, 720*. Во второй половинѣ XV ст. одинъ изъ князей Чарторскихъ владѣлъ нѣкоторое время Черниговомъ Сѣверскимъ, но лишь въ качествѣ великокняжескаго старосты, а не удѣльнаго князя (см. *Wolff, 93*).

³⁾ *Wolff, 87*.

гается, что Черниговъ принадлежалъ къ удѣлу князя Брянскаго Дмитрія Ольгердовича (старшаго), что Вольфъ считаетъ болѣе, чѣмъ сомнительнымъ ¹⁾. Иначе рѣшаетъ данный вопросъ проф. В. Антоновичъ: по его предположенію, Дмитрій-Корыбутъ владѣлъ удѣлами Брянскимъ и Новгородъ-Сѣверскимъ, Дмитрій же старшій удѣлами Черниговскимъ и Трубчевскимъ ²⁾. Вольфъ нерѣшительно высказывается по спорному вопросу. Онъ считаетъ, какъ только что замѣчено, сомнительнымъ положеніе о принадлежности Чернигова Дмитрію Ольгердовичу старшему; но, какъ кажется, онъ едва ли склонялся къ мысли о томъ, что Дмитрій-Корыбутъ могъ одновременно считаться удѣльнымъ княземъ Новгородъ-Сѣверска и Чернигова ³⁾. Между тѣмъ, такое именно рѣшеніе вопроса намъ кажется наиболѣе близкимъ къ истинѣ, не только въ виду географическаго положенія упомянутыхъ городовъ, находившихся между собой въ ближайшемъ соудствѣ, но и въ виду сопоставленія документальныхъ данныхъ, относящихся къ упомянутымъ двумъ князьямъ Ольгердовичамъ. Въ синодикѣ Антоіевскаго Любечскаго монастыря сохранились слѣдующія свѣдѣнія объ этихъ князьяхъ:

„№ 48. Великаго князя Дмитрія Черниговскаго и брата его князя Іоанна, великаго князя Скиргайла“.

„№ 53. Дмитрія Ольгердовича, и княгиню его Анну, и сыновей ихъ: князя Михаила, кн. Іоанна“ ⁴⁾.

Въ послѣднемъ извѣстіи говорится не о Корыбутѣ, а Дмитріѣ Ольгердовичѣ старшемъ, какъ это видно изъ показанія родословной литовскихъ князей о томъ, что Дмитрій, старшій сынъ Ольгерда, съ своей женой Анной оставилъ двухъ сыновей: Михаила и Ивана, изъ коихъ первый былъ родоначальникомъ князей Трубецкихъ ⁵⁾. Разъ же оказывается, что второе извѣстіе Любечскаго синодика, подъ № 53, относится къ Дмитрію Ольгердовичу старшему, владѣвшему, какъ будетъ показано ниже, верхней частью Сѣверщины (Брянскомъ и Трубчевскомъ), является вполне правдоподобнымъ предположеніе о томъ, что въ первомъ извѣстіи синодика Любечскаго, подъ № 48,

¹⁾ См. *Кашинъ-Самаринъ*, По поводу Любечскаго синодика, 1874, стр. 220. Ср. *Wolf*, 92.

²⁾ *В. Антоновичъ*, Моногр., I, 115.

³⁾ На стр. 92-й своей брошюры *Вольфъ* ставитъ вопросительный знакъ при имени князя Дмитрія Черниговскаго.

⁴⁾ *Милорадовичъ*, Любечъ, 37—38.

⁵⁾ *Временникъ Общ. Исторіи и Древн.*, X, 82; II. С. Р., Л., VIII, 255, Ср. *Wolf*, 92.

можетъ быть рѣчь лишь о Дмитріѣ-Корыбутѣ, какъ именно о князѣ Черниговскомъ. Тотъ же синодикъ ставитъ съ этимъ княземъ въ прямую связь его брата—князя Юанна, вел. кн. Скиргайла. Синодикъ въ этомъ случаѣ несомнѣнно указываетъ на Черниговъ, какъ на удѣльное владѣніе обоихъ братьевъ¹⁾. Изъ источниковъ не видно, въ какихъ именно отношеніяхъ находились между собой братья Корыбутъ и Скиргайло. Вопросъ этотъ, впрочемъ, нѣсколько разъясняется указаніями разныхъ актовъ 80-хъ годовъ XIV столѣтія, въ которыхъ говорится о Корыбутѣ, какъ о князѣ Новгородъ-Сѣверскомъ, безъ упоминанія о Черниговскомъ его удѣлѣ²⁾. Обстоятельство это, какъ намъ кажется, можно объяснить лишь въ томъ смыслѣ, что Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскъ составляли удѣлъ Корыбута и Скиргайлы, и что первоначально Корыбутъ жилъ въ Черниговѣ (почему въ Любечскомъ синодикѣ и называется Черниговскимъ княземъ), а затѣмъ позже (приблизительно около 80-хъ годовъ XIV столѣтія) перешелъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, сдѣлавшійся съ этихъ поръ главнымъ центромъ нижней, по-Деснянской половины Сѣверщины. Скиргайло при этомъ могъ оставаться въ Черниговѣ на положеніи удѣльнаго князя, „послушнаго“ главному князю Корыбуту, сидѣвшему въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Указаніе на Скиргайла, какъ именно Сѣверскаго князя, находимъ въ поручной записи (безъ даты), данной Скиргайлу князьями Плаксичами и другими *Сѣверскими* князьями и боярами за Гридка Константиновича³⁾. Въ позднѣйшихъ актахъ (80-хъ годовъ XIV столѣтія) сохранились свѣдѣнія о Скиргайлѣ, какъ объ удѣльномъ князѣ, владѣвшемъ (около 1382 г.) Трокскимъ удѣломъ, а затѣмъ (около 1387 г.) Полоцкомъ и другими волостями въ Литвѣ и на Руси⁴⁾. Быть можетъ, въ это время Скиргайло (ум.

¹⁾ Сохранилось также въ позднѣйшихъ источникахъ, именно у *Длугоша* (Hist., X, 138), сообщеніе о томъ, что Скиргайло владѣлъ въ концѣ XIV ст. (ок. 1392 г.) Стародубомъ. Въ сообщеніи этомъ несомнѣнно перепутаны историческіе факты (ниже мы увидимъ, что въ данное время въ Стародубѣ сидѣли литовскіе князья другаго Гедиминова рода); но, тѣмъ не менѣе, въ основѣ наложеннаго сообщенія, по всему видно, лежитъ смутное преданіе о томъ, что во второй половинѣ XIV ст. Скиргайло дѣйствительно принадлежалъ въ Сѣверскимъ князьямъ, и именно въ южныхъ областяхъ Сѣверщины, что и констатируется болѣе точно синодикомъ Любечскаго монастыря (Ср. *Stadnički*, Bracia, 279; *Wolff*, 146).

²⁾ О Корыбутѣ, какъ Новгородъ-Сѣверскомъ князѣ, см. ниже подробнѣе.

³⁾ А. Ю.-З. Р. I, № 2. О князьяхъ Плаксичахъ и другихъ см. ниже о Новгородъ-Сѣвер. княжествѣ.

⁴⁾ *Stadnički*, Bracia, 255, 259. *Wolff*, 145—146.

1396 г.) пересталъ вовсе числиться въ ряду Сѣверскихъ князей¹⁾. Что касается Дмитрія-Корыбута, то, какъ видно изъ актовъ, за отказъ въ „покорѣ“ онъ лишился Сѣверскаго удѣла въ концѣ 1393 г.²⁾: его удѣлъ (то-есть, не только Новгородъ-Сѣверскъ, но и, быть можетъ, Черниговъ) перешелъ во владѣніе Ѳедора Любартовича, взамѣнъ утраченнаго имъ Волинскаго удѣла (см. ниже)³⁾. Любартовичъ, впрочемъ, не долго сидѣлъ въ нижней Сѣверщинѣ: въ 1398 г. въ послѣдней является бывший Витебскій князь, Свидригайло-Болеславъ, младшій сынъ Ольгерда. Впрочемъ, и этотъ князь также вскорѣ оставилъ Сѣверщину и лишь въ 1407 г. Витовтъ разрѣшилъ ему жить въ Брянскѣ, но, какъ видно, и отсюда Свидригайло долженъ былъ вскорѣ уйдти. Лишь черезъ 10 лѣтъ (около 1418—1420 г.) Свидригайло окончательно примирился съ Витовтомъ и получилъ отъ него обратно старыя Сѣверскія владѣнія, обвинавшія удѣлы Черниговскій, Новгородъ-Сѣверскій и Брянскій. Въ Сѣверщинѣ Свидригайло оставался, затѣмъ, до самой смерти Витовта (1430 г.)⁴⁾. Послѣ Свидригайла, какъ видно по всему, Черниговское княжество было присоединено къ короннымъ владѣніямъ и управлялось великокняжескими наместниками⁵⁾. Лишь подъ конецъ XV столѣтія въ Чернигов-

¹⁾ По крайней мѣрѣ, Смирдаило вовсе не упоминается въ присяжномъ листѣ удѣльныхъ князей нижней Сѣверщины, данномъ имъ въ 1388 г. въ вѣрности службѣ королю Владиславу и коронѣ Польской за себя и за своего „господаря“ великаго („велебнаго“) князя Корыбута, сидѣвшаго въ Новгородѣ-Сѣверскѣ (Arch. Sang., I, стр. 8). Будь въ это время послѣднему „послушенъ“ Смирдаило, какъ князь Черниговскій, онъ участвовалъ бы въ общей присягѣ удѣльныхъ князей Черниговскихъ и Новгородсѣверскихъ.

²⁾ Еще въ ноябрѣ 1393 г. рязанскій князь Олегъ Ивановичъ ручался Владиславу за вѣрность службѣ своего зятя—Дмитрія Корыбута (А. Ю.-З. Р., II, № 67. Arch. Sang., II, стр. 16. *Lewicki, Rosprawy*, XXIX, стр. 146).

³⁾ *Stadnicki, Syn. Gedym.*, II, 106—108. *Wolff*, 152. См. записъ Ѳедора Любартовича, данную имъ въ 1393 г. въ качествѣ Сѣверскаго князя (А. Ю.-З. Р., II, № 66). Сѣверскій удѣлъ данъ ему „до воли“ господарской.

⁴⁾ *Lewicki, Rosprawy*, XXIX, 192. *Stadnicki, Syn. Gedym.*, II, 169. *Его же* *Wacisa Jagielly*, 223, 309, 317. *Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольск. землѣ, 257. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 114. *Иловайскій*, Исторія, II, 218. Отъ 1420—1424 г. дошло нѣсколько грамотъ Свидригайла, въ которыхъ онъ именуется „въ Божьей милости княземъ Черниговскимъ и инымъ“ (Arch. Sang., I, стр. 26, 28. А. З. Р., I, № 32. А. Ю.-З. Р., I, № 15). Подпись Свидригайла сохранилась также на трактатѣ Владислава и Витовта съ гнѣцами 1424 г.; здѣсь онъ именуется „Beleslaus, alias Swidrigal, dux Czerniechoviensis“ (*Dogiel, Cod. dipl.*, IV, 114. *Skarbiec*, № 1359. *Prochaska*, Соб. № 1084. *Długosz, Hist.*, V, 219).

⁵⁾ Въ источникахъ упоминаются въ качествѣ Черниговскихъ наместниковъ кн. Чарторгскій и Глинскій (А. З. Р., I, №№ 133, 139).

ской землѣ на короткое время возстановляются старыя удѣльные порядки. Въ 1496 г. вел. князь Литовскій Александръ пожаловалъ московскому выходцу Семену Ивановичу, князю Можайскому, Черниговъ съ другими Сѣверскими городами „вѣчно“ ему и дѣтямъ; вскорѣ (въ 1499 г.) Сѣверскій удѣлъ признанъ былъ потомственнымъ владѣніемъ князя Можайскаго, съ полными „отчипными“ правами¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ князь Можайскій отъѣхалъ въ Москву; въ 1500 г. Черниговъ и другія Сѣверскія владѣнія этого князя были присоединены къ Московскому государству²⁾.

Новгородъ-Сѣверское княжество, вмѣстѣ съ Черниговскимъ и другими сѣверскими волостями, составляло владѣніе потомковъ Черниговскаго князя, Олега Святославича. Послѣ присоединенія Сѣверщины къ Литовскому государству при Ольгердѣ, Новгородъ-Сѣверскій край достался въ удѣлъ его сыну, Дмитрію-Корыбуту. Въ значеніи Новгородъ-Сѣверскаго князя Корыбутъ выступаетъ въ актахъ начала 80-хъ годовъ XIV столѣтія³⁾. Въ пору первой уніи Литвы съ Польшей Корыбутъ вмѣстѣ съ своей радой далъ (въ 1388 году), подобно другимъ литовскимъ князьямъ, присягу въ вѣрности королю Владиславу и Коронѣ польской⁴⁾. Подпись Корыбута находимъ въ земскомъ при-

¹⁾ А. З. Р., I, №№ 189, 167. Skarbiec, № 2107. Собрн. Муханова, № 58.

²⁾ Отъѣздъ Сѣверскихъ князей въ Москву мотивируется религіозными преслѣдованіями (*Stadnicki*, Syn. Gedum., II, 169. *Вестужецъ-Рюминъ*, Ист., II, 170. Ср. Skarbiec, № 2121).

³⁾ *Stadnicki*, Olgerd, 181. *Wolff*, 90, 152.

⁴⁾ Листою 1388 г. Корыбутъ, по совѣту съ своей радой и землянами, обязался „поддаться с людьми и с землями и с городами и с твержами нашими на вѣки вѣкомъ тому истому Володиславу, королеви Польскому, и Лдвенѣ и ихъ дѣтемъ и корунѣ польской... от тыхъ мѣстъ съ нашими дѣтми чистая вѣрность и полна будемъ держати.. а николи ни в одно верема не отставати, ани отступити на вѣки, и къ ихъ доброму радити, а лихого вѣрнѣ остерегати“ (*Arch. Sang.*, I, стр. 10. *Prochaska*, Codex epistolarius Vitoldi, № 29,—здѣсь обозначена дата 1386). Тому же 1388 году принадлежитъ присяжный листъ мѣстныхъ удѣльныхъ князей (въ числѣ 6-ти), „послушныхъ“ Корыбуту, и бояръ (до 20-ти), составлявшихъ раду Корыбута. Княжая рада, со всѣмъ „поспольшествомъ“ и „земьянами“, „со всеми своими землями и городами, в бояры и съ людьми, вѣрность правая и неизрушная слюбилъ“ и за „велебнаго князя Дмитрия, кнѣзь именовъ Корыбут, князя Новгородскаго и Сѣверскаго, господара нашего много“ поручилась, „лиже со всею своею землею и с городами вѣрне будетъ..., ани коли отстанеть; павлибы хотлибы коли отстати явно алибо тайно, тогда мы со всѣмъ поспольшествомъ земли его хочемъ его отстати и его дѣтей, а нивчомъ его не хочемъ послушни быти, але короля польскаго и корунѣ польской вѣрнѣ хочемъ быти, а николиж не хочемъ отставати, и на вѣки и во шити часы николижъ ихъ не отстати“ (*Arch. Sang.*, I, стр. 8—9. Skarbiec, № 555. *Rykaczevski*, Inventarium, 375).

вилей 1387 года и другихъ актахъ Владислава-Ягеллы ¹⁾). Сохранилась также одна изъ жалованныхъ грамотъ Корибута (около 1386 года) ²⁾). Дмитрій-Корибутъ считался „велебнымъ“ княземъ сѣверскимъ, „господаремъ“ не только „посполства“ своего княжества, но и другихъ удѣльныхъ волостей, въ которыхъ сидѣли мѣстные князья, „послушные“ старшему князю Сѣверскому ³⁾). Подобно всѣмъ удѣльнымъ князьямъ того времени, Корибутъ имѣлъ свою особую „раду“ изъ мѣстныхъ князей и бояръ и управлялъ главными городами чрезъ своихъ воеводъ ⁴⁾). Какъ выше замѣчено, за отказъ въ послушаніи великому князю Витовту Корибутъ въ 1393 году утратилъ свой удѣлъ въ Сѣверщинѣ, — Новгородъ-Сѣверскъ перешелъ къ Федору Любартовичу ⁵⁾). Какъ видно изъ его присяжнаго листа 1393 года, онъ получилъ Сѣверскую землю со всѣми городами „до воли“ господарской ⁶⁾). Любартовичъ не долго оставался въ Сѣверщинѣ: въ 1398 году онъ, вмѣстѣ съ Свидригайломъ, былъ уже въ Венгріи. Чрезъ два года Свидригайло, при посредствѣ великаго магистра, примирился было съ Витовтомъ и получилъ отъ него во владѣніе Новгородъ-Сѣверскій, хотя вскорѣ затѣмъ (послѣ 1403 года), вслѣдствіе новыхъ несогласій съ Витовтомъ, долженъ былъ оставить Сѣверскій удѣлъ ⁷⁾). Послѣдній отдалъ былъ Витовтомъ его брату, Си-

¹⁾ Zbiór pr. Lit., стр. 1 и слѣд.; Skarbiec, №№ 588 и 589.

²⁾ А. З. Р., I, № 7.

³⁾ Въ присяжной записи 1386 г. Корибутъ названъ „dominus et heres de Nowogródek“ (*Prochaska*, Cod. epist. Vitoldi, № 29). Въ виду названія Корибута „heres“ *Колечный* (Przewodnik, 1892, sez. VIII, p. 686) полагаетъ, что Корибутъ получилъ отъ Ягеллы Новгородъ-Сѣверскій удѣлъ „dziedzicznie, wbrew litewakiemu zwyczajowi“, что „tytuł heres zastanawia, bo ojciec Korybuta, Olgierd, tam nie władał, Korybut był pierwszym Gedyminowicem na Siewerzyszczyźnie“. Кто же, какъ не Ольгердъ, приобрѣлъ всю Сѣверщину и далъ Корибуту, какъ и другимъ литовскимъ князьямъ, удѣлъ въ Сѣверщинѣ? Видъ источника, кажется, ясно говоритъ объ Ольгердѣ, какъ первомъ „господарѣ“ Сѣверскихъ земель, — его „heres“ и могъ считаться Корибутъ еще раньше 1386 г. Ничего тутъ не было противнаго литовскимъ обычаямъ.

⁴⁾ Arch. Sang., I, стр. 8—10, 16. Въ присяжномъ листѣ рады Корибута упоминается въ числѣ радныхъ бояръ два воеводы: Глѣбъ Евдокимовичъ и Скушь, воевода Новгородскій; первая, повидимому, сидѣлъ въ Черниговѣ (*ibid.*, стр. 8).

⁵⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., II, 167. *Wolff*, 152. *Lewicki*, *Rozprawy*, XXIX, 146.

⁶⁾ А. Ю.-З. Р., II, № 66. Arch. Sang., I, стр. 13—14. *Supplementa ad hist. Russ. monum.*, стр. 509.

⁷⁾ *Stadnicki*, Syn. Gedum., II, 168—169. *Его же*, *Bracia*, 309, 313. *Молчановскій*, *Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ*, 257.

гизмунду Кейстутовичу ¹⁾). Свидригайло позже опять появляется въ Сѣверщинѣ: примирившись съ Витовтомъ, Свидригайло въ 1420 году получилъ старый Сѣверскій удѣлъ и владѣлъ имъ до смерти Витовта (1430 года) ²⁾). Въ 40-хъ годахъ того же столѣтія упоминается въ качествѣ Новгородъ-Сѣверскаго князя Михаилъ, сынъ великаго князя Сигизмунда (Войдата) ³⁾). При Казимірѣ Ягеллонѣ (во второй половинѣ XV столѣтія) утвердился въ Новгородъ-Сѣверскомъ княжествѣ московскій выходець, князь Шемяка ⁴⁾). Сынъ послѣдняго, князь Василій Ивановичъ Шемятичъ, изъ-за религиозныхъ притѣсненій, начавшихся въ Литовской Руси при великомъ князѣ Александрѣ, отбѣжалъ въ 1499 году въ Москву, съ своей отчиной ⁵⁾). По договорамъ 1503 и 1523 годовъ Новгородъ-Сѣверскій, вмѣстѣ со своей Сѣверщиной, окончательно отчисленъ былъ къ владѣніямъ московскихъ государей ⁶⁾).

¹⁾ *Stadnicki, Syn. Gedym., II, 168.*

²⁾ *Stadnicki, Wzascia, 323—324. Петровъ, Бѣлоруссія, 114. Lewicki, 192.* Въ современныхъ актахъ Свидригайло титулуется княземъ Черниговскимъ, Сѣверскимъ и Трубецкимъ (?) (*Prochanka, Codex epistol. Vitoldi, № 1034. А. Ю.-З. Р., I № 15. Dlugosz, Hist., V, 219.*

³⁾ *Stadnicki, Syn. Gedym., II, 169.*

⁴⁾ А. З. Р., I, 180. Изъ переписки, возникшей въ 1500 г. между правительствами московскимъ и литовскимъ по поводу подчиненія московскому великому князю Ивану III литовскихъ князей: Стародубскаго Семена Ивановича, Можайскаго и Новгородъ-Сѣверскаго Василя Ивановича Шемятича, видно, что при Казимірѣ Ягеллонѣ отбѣжали въ Литву отцы упомянутыхъ князей, бывшіе московскіе удѣльные князья, Можайскій и Шемяка. На заявленіе пословъ Ивана III о переходѣ къ нему на службу съ отчинами князей Стародубскаго и Сѣверскаго, великій князь литовскій Александръ отвѣчалъ: „ино вѣдаетъ самъ государь вашъ (Иванъ III), какъ тыхъ князей отцы выѣхали отъ его отца къ отцу (Казиміру) господара нашего, королю его милости, и надъ его отцомъ (Ивана III) и надъ нимъ самимъ, которую зраду вчинили; и отецъ господара нашего ихъ отцомъ подавалъ города и волости свои имъ на поживенье“ (*ibid.*, стр. 203, II). Московскимъ „изгнанникомъ“ былъ не князь Василій Шемятичъ (какъ полагаетъ *Львовскій*, см. его „Областное дѣленіе Литовско-Русскаго государства“, *Чтенія*, III, стр. 47), но его отецъ—Иванъ Шемяка, ушедшій изъ Москвы, повидимому, одновременно (около 1450 г.) съ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ (А. З. Р., I, № 52). Съ перешедшей отъ отца Сѣверской „отчиной“ Василя Ивановича Шемятича въ 1499 г. и отбѣжалъ въ Москву.

⁵⁾ *Карамзинъ, VI, прим. 481. А. З. Р., I, №№ 180, 194.* Шемятичъ и послѣ подчиненія Москвѣ продолжалъ владѣть своимъ старымъ удѣломъ и утратилъ его лишь въ 1523 г. (*Бестужевъ-Рюминъ, Исторія, II, 170, 181—182.*

⁶⁾ Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., XXXV, 348 и слѣд. А. З. Р., I, № 192, стр. 288; II, № 120.

Кромѣ князей, сидѣвшихъ въ главныхъ удѣлахъ нижней Сѣверщины, къ князьямъ „украиннымъ“, или „украинникамъ“¹⁾, относились также мѣстные князья, сидѣвшіе въ разныхъ мелкихъ волостяхъ Чернигово-Сѣверской земли и бывшіе „послушными“ господамъ всей этой земли. Въ радѣ Сѣверскаго князя Дмитрія-Корыбута, давшей въ 1388 году присягу вѣрности королю Владиславу за себя и своего господара „велебнаго“ (старшаго или большаго, великаго) князя Сѣверскаго, на переднемъ планѣ стоятъ, очевидно, мѣстные же Сѣверскіе князья, подчинявшіеся старшему князю центрального города Чернигово-Сѣверской земли и имѣвшіе „свои земли и города, своихъ бояръ, землянъ и людей“ (поспольство)²⁾. Къ составу Корыбутовой рады 1388 года принадлежали слѣдующіе князья, бывшіе „подъ рукою, послушными“ Сѣверскому князю: Давидъ Дмитріевичъ, князь Русанъ Плаксичъ, Василій Даниловичъ, Ѳеодоръ Евлашковичъ, Хвороща съ братомъ Иваномъ, Григорій и Иванъ Несвижскіе³⁾. Одинъ изъ князей Евлашковичей (Иванъ) упоминается въ числѣ князей, павшихъ въ битвѣ съ татарами на Ворсклѣ въ 1399 году⁴⁾. Несвижскіе, какъ замѣчено раньше, представляютъ отдѣльную отрасль князей Несвижскихъ сѣвернаго Полѣсья; волости этихъ князей несомнѣнно были также въ нижней Сѣверщинѣ, и потому сами князья

¹⁾ Подъ украинниками и украинскими князьями разумѣлись князья Новгород-сѣверскіе, Стародубскіе, Бѣльскіе и другіе князья Сѣверщины и Смоленщины, сидѣвшіе въ порубежныхъ волостяхъ съ Московскимъ государствомъ (см., напр., А. З. Р., I, № 192, стр. 238, 259). Специальнымъ названіемъ князей, сидѣвшихъ въ пограничныхъ волостяхъ верхней половины Сѣверщины, въ Брянской землѣ, въ особенности въ пограничныхъ ея волостяхъ (Бѣлевской, Воротынской и пр.), было „князья верховскіе“. Любавскій переводитъ это названіе терминомъ „верхнеовскіе“, въ виду того, что указанные волости расположены на „верховьяхъ“ Оки (см. *Любавскій*, Областное дѣленіе, стр. 49). Подобное объясненіе термина „верховскій“ намъ кажется не совсемъ удачнымъ. Терминъ этотъ скорѣе всего можно противопоставлять термину „понизовскіе“. „Верховскіе“ князья Брянщины отличались отъ князей нижней половины Сѣверщины—Черниговскихъ, Стародубскихъ и др.

²⁾ Arch. Sang., I, стр. 8—9. Тестъ Корыбута, рязанскій князь, Олегъ Ивановичъ, ручался въ 1393 г. за него въ томъ, что онъ ничего не учинитъ ни противъ короля Владислава, ни „противъ тыхъ, што суть подъ рукою его (Корыбута) послушни“ (Arch. Sang., I, стр. 16). Здѣсь, повидимому, разумѣются князья и бояре Корыбутовой рады 1388 г.

³⁾ Arch. Sag., I, стр. 8. Въ Skarbiec (№ 555) и *Rykascowski*, Inwentar. (375), всѣ эти лица до Несвижскихъ включительно причисляются къ князьямъ, *duces*. Ср. *Wolff*, *Ród.*, 94, 150.

⁴⁾ *Wolff*, *Ród Gedym.*, 86.

находились въ „послушаньи“ сѣверскому князю Корибуту. По всему видно, упомянутые князья, подручники сѣверскаго князя Корибута, принадлежали къ потомкамъ удѣльныхъ Чернигово-Сѣверскихъ князей, сидѣвшихъ въ отдѣльныхъ городахъ и волостяхъ нижней Сѣверщины, быть можетъ, еще до присоединенія ея къ Литовскому государству ¹⁾. Таковы были извѣстные по русскимъ лѣтописямъ князья Рыльскіе, Путивльскіе и Глуховскіе. До присоединенія Рыльска къ Литвѣ въ немъ сидѣли потомки Черниговскаго князя, Олега Святославича ²⁾. Нужно думать, что къ потомкамъ тѣхъ же Ольговичей принадлежалъ князь Рыльскій Ѳеодоръ Патрикѣевичъ, павшій въ 1399 году съ другими литовскими князьями въ битвѣ съ татарами на рѣкѣ Ворсклѣ ³⁾. Связь Рыльской волости съ Чернигово-Сѣверской землей удерживалась до конца XV столѣтія, когда Рыльскъ, принадлежавшій къ владѣніямъ Повгородъ-Сѣверскаго князя Семена Ивановича Шемятича, отошелъ со всей его отчиной къ Москвѣ ⁴⁾. Къ потомкамъ тѣхъ же князей Ольговичей принадлежали старые князья Путивльскіе и Глуховскіе, упоминающіеся въ источникахъ долитовской эпохи. Въ концѣ XV столѣтія въ Путивлѣ сидѣлъ въ качествѣ великокняжескаго намѣстника князь Богданъ Ѳеодоровичъ Глинскій ⁵⁾. Потомки глуховскаго князя Семена Михайловича удер-

¹⁾ *Колосовичъ* (Hist. Lith., t. II, p. 14) называетъ Давида Русана Плаквича и другихъ князей, упоминающихся въ записи 1388 г., князьями *Сѣверскими*, посланными Новгородъ-Сѣверскимъ княземъ Корибутомъ къ Ягеллѣ для принесенія присяги за себя и Корибута. Замѣтимъ при этомъ, что князья Плаквича („князь Левъ Плаквичъ, Левъ Васильевъ сынъ Русинъ Плаквичъ“) упоминаются въ другомъ современномъ актѣ, именно въ поручной записи (безъ даты), данной Свиргайлу (раньше о немъ замѣчено, какъ о Сѣверскомъ князѣ, до начала 80-хъ годовъ XIV столѣтія владѣвшемъ вмѣстѣ съ Корибутомъ Чернигово-Сѣверскимъ удѣломъ) нѣсколькими князьями и боярами за какого-то Гридка Константиновича (А. Ю.-З. Р., I, № 2). Въ томъ же актѣ упоминаются и другіе, очевидно, также Сѣверскіе князья, участвовавшіе въ ручательствѣ за Гридка: князь Ѳеодоръ *Мирли*, братъ его Дмитрій *Лимлята Братина* и князь Юрій *Кожюсно*. Ни у Боцекаго, ни у другихъ историковъ, нѣтъ никакихъ указаній на послѣднихъ трехъ князей.

²⁾ П. С. Р. Л., II, 130.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 104, 142.

⁴⁾ *Карамзинъ*, Ист., VI, прим. 481. Въ числѣ Сѣверскихъ городовъ, отошедшихъ къ Москвѣ по договору 1503 г., показанъ „городъ Рыльскъ съ волостями“ (А. З. Р., I, № 192, стр. 288).

⁵⁾ А. З. Р., I, №№ 129, 158; II, № 76. П. С. Р. Л., II, 130. *Любавскій*. Областное дѣленіе, въ *Чтеніяхъ*, III, стр. 44.

жались въ литовскую эпоху въ лицѣ князей Новосильскихъ и Вортыньскихъ, имѣвшихъ владѣнія въ Брянской землѣ ¹⁾.

Среднюю часть Сѣверской земли занимало *Стародубское* княжество, съ древнихъ временъ составлявшее особое удѣльное владѣніе русскихъ князей. Еще въ XIV столѣтіи существовали удѣльные князья Стародубскіе изъ рода Рюриковичей ²⁾. Первымъ удѣльнымъ княземъ Стародуба Сѣверскаго въ литовскую эпоху считается внукъ Наримонта Гедиминовича—князь Александръ Патрикѣвичъ. Получилъ ли онъ удѣлъ еще при жизни Ольгерда (умершаго въ 1377 году), или же въ позднѣйшее время,—на этотъ вопросъ источники не даютъ категорическаго отвѣта. Первые документальныя извѣстія объ этомъ князѣ въ источникахъ принадлежатъ концу XIV и началу XV столѣтія ³⁾. Какъ видно изъ современныхъ актовъ, Александръ Патри-

¹⁾ *Любаевскій*, Областное дѣленіе (*Учениа*, III, 47). См. ниже о Брянской землѣ.

²⁾ *Wolff*, 17. Къ Рюриковичамъ принадлежалъ князь Патрикій Давидовичъ Стародубскій, записанный въ синодикѣ Антоніевскаго Любецкаго монастыря: „§ 40: Князя Патрикія Давидовича Стародубскаго, принимшаго ангельскій образъ, и княгиню его Елену, и сына ихъ князя Іоанна“ (*Милорадовичъ*, Любечъ, 87). Проф. В. Антоновичъ ошибочно отождествляетъ Патрикія Давидовича съ племянникомъ Ольгерда—Патрикѣемъ Наримонтовичемъ и считаетъ его первымъ литовскимъ удѣльнымъ княземъ Стародуба-Сѣверскаго, получившимъ его въ удѣлъ отъ Ольгерда еще при его жизни (*Мовопр.*, I, 115). Въ родословной литовскихъ князей (II. С. Р. Л. VII, 254) составъ семьи Патрикія Наримонтовича опредѣляется изъ 8-хъ сыновей: Александра, Юрія и Федора. Самъ Наримонтъ упоминается только какъ участникъ въ дѣлахъ Новгородскихъ въ 1383—1397 г. (*Wolff*, 16). Столь же ошибочно Стадницкій относитъ Стародубъ къ владѣніямъ перваго Брянскаго князя Дмитрія Ольгердовича старшаго: въ лѣтописи, на которую ссылается Стадницкій, находимъ указаніе на одинъ Трубчевскъ, какъ владѣніе князя Дмитрія (II. С. Л. VIII, 84. *Stadnicki*, Olgerd, 140; *Wacław Jagiełły*, 24). Затѣмъ въ лѣтописномъ сводѣ Быховца (стр. 39) записано темное преданіе, повидимому, еще отъ временъ Ольгерда, о какомъ-то князѣ Андрей Лукомскомъ и Стародубскомъ, дочь котораго Марія была первой женою Витовта (*Wolff*, 56). Въ виду общаго характера лѣтописи Быховца нельзя считать исторически достовернымъ извѣстіе о князѣ Андрей Стародубскомъ.

³⁾ Подъ 1388 г. Стародубскій князь упоминается въ числѣ лицъ, бывшихъ при дворѣ Владислава и Ягеллы (*Wolff*, 17). Его подпись находится на трактатѣ 1398 г., заключенномъ съ нѣмцами (*Kaczynski*, Cod. diplom., стр. 256. *Skarbiec*, №№ 694, 695. *Prochaska*, Cod. epist. Vit., 54). Въ 1400 г. тотъ же князь даетъ присягу вѣрности королю Владиславу и Коронѣ польской (А. З. Р., I, № 17. *Skarbiec*, № 723, *Prochaska*, Cod., 71). Въ 1402 г. Стародубскій князь, вмѣстѣ съ Семеновъ-Лингеніемъ Ольгердовичемъ, участвуетъ въ защитѣ Брянской земли отъ Рязанской рати (II. С. Р. Л., IV, 106; V, 232; VI, 181; VIII, 75).

кѣевичъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ всего государства, жилъ нѣкоторое время при дворѣ Ягеллы, участвовалъ въ заключеніи мирнаго трактата Литвы съ нѣмцами и пр. ¹⁾). Александръ Патрикѣевичъ владѣлъ Стародубомъ Сѣверскимъ до 1406 года: за враждебныя дѣйствія противъ князя литовскаго Витовта, во время войны послѣдняго съ Василиемъ Дмитріевичемъ Московскимъ, Стародубскій князь лишился своего удѣла, который Витовтъ отдалъ сначала Свидригайлу, а въ 1408 году брату своему, Сигизмунду Кейстутовичу ²⁾). Въ качествѣ Стародубскаго князя Сигизмундъ подписалъ трактатъ съ нѣмцами 1422 года ³⁾). Сигизмундъ оставался въ Сѣверщинѣ до 1432 года, когда онъ, по низверженіи Свидригайла, сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ ⁴⁾). Старый его удѣлъ въ Сѣверщинѣ, впрочемъ, продолжалъ числиться за нимъ до его смерти (1440 года) и управлялся его намѣстниками. При Казимірѣ Ягеллонѣ главные сѣверскіе удѣлы, въ томъ числѣ и Стародубскій, раздаются русскимъ выходцамъ-князьямъ, лишившимся своихъ удѣловъ въ Московскомъ государствѣ и уходившимъ въ Литву. Къ такимъ выходцамъ принадлежалъ бывший Боровскій удѣльный князь Василій Ярославичъ. Въ 1446 году онъ получилъ отъ Казимира въ „вотчину“ цѣлый рядъ сѣверскихъ городовъ, въ томъ числѣ и Стародубъ ⁵⁾); вскорѣ, впрочемъ, Ярославичъ ушелъ обратно въ Москву ⁶⁾). Есть указанія въ источникахъ, что Стародубъ поступилъ въ слѣдующемъ (1447) году по пожалованію Казимира во владѣніе Михаила, сына бывшаго великаго

¹⁾ *Stadnicki*, Syn. Gedum., I (изд. 1881), 40. *Wolff*, Ród Gedum., 17.

²⁾ Свидригайло въ 1408 г. ушелъ въ Москву. Стародубскій его удѣлъ и былъ послѣ того переданъ Витовтомъ брату Сигизмунду. См. *Lewicki* (*Rozprawy*, XXIX, p. 184). *Długosz*, Hist., III, 571. *Script. rer. Pruss.*, III, 291. *Prochaska*, Cod. epist. Vit., стр. 136. *Wolff*, 18. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 10, 46. Александръ Патрикъ позже получилъ во владѣніе Корець.

³⁾ *Dogiel*, Cod. dipl., IV, 114. *Skarbies*, № 1359.

⁴⁾ *Stadnicki*, Bracia Jagielly, 838. *Wolff*, 18. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 46. При Сигизмундѣ, около 1429 г., упоминается въ Воскресенской гѣтописи какой-то стародубскій князь Федоръ Пестрой (П. С. Р. Л., VIII, годъ 6937. *Stadnicki*, Syn. Gedum., I, изд. 1881, стр. 41). Можно догадываться, что здѣсь рѣчь идетъ о какомъ либо мелкомъ удѣльномъ князѣ (повидному, русскаго происхожденія), сидѣвшемъ въ Стародубщинѣ и бывшемъ въ „послушаніи“ старшаго князя Стародубскаго.

⁵⁾ П. С. Р. Л., VI, 174; VIII, 117.

⁶⁾ *Stadnicki*, Bracia Jagielly, 49. *Wolff*, 29. *Любавскій*, Областное дѣленіе (*Чтенія*, III, 46).

князя Сигизмунда ¹⁾. Во второй половинѣ XV столѣтія Стародубъ Сѣверскій съ Гомелемъ былъ отданъ Казимиромъ въ вотчину другому московскому выходцу Ивану Андреевичу Можайскому, вмѣсто Брянскаго удѣла, даннаго ему въ 1450 году ²⁾. Въ 1496 и началѣ 1499 года великій князь Александръ далъ сыну Ивана Можайскаго, Семену, подтвердительные привилеи на владѣніе Стародубомъ Сѣверскимъ въ качествѣ наследственной вотчины ³⁾. Въ концѣ 1499 года князь Семень Ивановичъ, вмѣстѣ съ другими сѣверскими князьями, передался съ своей вотчиной великому князю московскому ⁴⁾. По договорамъ 1503 и 1523 годовъ, Стародубъ съ волостями остался во владѣніи московскихъ государей ⁵⁾.

Къ востоку отъ Стародуба, по среднему теченію Десны, располагалось старое *Трубецкое* княжество. Послѣ присоединенія Сѣверщины къ Литовскому государству при Ольгердѣ (въ 1356 г.), Трубецкъ (Трубецкскъ) принадлежалъ первоначально къ владѣніямъ Брянскаго князя, Дмитрія Ольгердовича ⁶⁾, и только послѣ его смерти (въ 1399 г.) выдѣлился въ особое княжество, пожалованное Витовтомъ сыну умершаго Брянскаго князя, Михаилу Дмитріевичу, родоначальнику послѣдующихъ князей Трубецкихъ ⁷⁾. Послѣ Михаила

¹⁾ Кромѣ Стародуба Сѣверскаго, удѣлъ Михаила слогался изъ Койданова въ Минской землѣ, Клецка въ Полѣсьи и Бѣльска, Брянска и Суража въ Подляхін (*Визволицъ*, 55. *Stadnicki*, Syn. Gedum., II, 169). Въ 1449 г. король Казимиръ отобралъ у Михаила Сигизмунда пожалованный ему удѣлъ и его самого выгналъ изъ Литвы (*Wolff*, 65).

²⁾ А. З. Р., I, №№ 52 и 189. *Любаевскій*, Областное дѣленіе (*Ученія*, III, 46). Стародубъ могъ сдѣлаться вотчиной Ивана Андреевича Можайскаго въ промежутокъ времени между 1479 г., когда этотъ князь получилъ подтвердительный привилей на Брянскъ (*Skarbies*, № 1998), и 1494 г., когда въ Брянскѣ былъ великокняжескій намѣстникъ (А. З. Р., I, № 119).

³⁾ А. З. Р., I, №№ 189 и 167. *Stadnicki*, Syn. Gedum., II, 169. *Бестужевъ-Рюминъ*, Ист., II, 181. *Любаевскій*, Областное дѣленіе, 46.

⁴⁾ *Карамзинъ*, Ист., VI, прим. 481. А. З. Р., I, № 180. *Skarbies*, № 2121.

⁵⁾ А. З. Р., I, № 192, стр. 288; II, № 120. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., XXXV, 348. Князь Можайскій продолжалъ владѣть своей вотчиной и послѣ отъѣзда въ Москву вилотъ до своей смерти въ 1519 г., когда его удѣлъ отошелъ въ общій составъ великокняжескихъ владѣній (*Бестужевъ-Рюминъ*, Ист., II, 182).

⁶⁾ П. С. Р. Л., VIII, 84, *Stadnicki*, Olgerd, 140; *Bracia*, 20. По показанію *Визволицъ* (стр. 22), припаятому также Стрыйковскимъ и Коломичемъ, Трубецкъ составлялъ удѣлъ другаго сына Ольгерда, Вишгольта-Андрея; но Вольфъ доказалъ, что такого сына вовсе не было у Ольгерда (*Wolff*, *Ród Gedum.*, 82, 84).

⁷⁾ П. С. Р. Л., VII, 255. *Stadnicki*, *Bracia*, 110—111. *Wolff*, 92.

Дмитріевича его отчина перешла къ его сыновьямъ Юрію и Семену повидимому, бывшимъ въ зависимости отъ Свидригайла, владѣвшаго въ то время (1420—1430) главными Сѣверскими удѣлами: Брянскимъ,, Новгородсѣверскимъ и Черниговскимъ ¹⁾). Князья Трубецкіе владѣли своей отчиной по отдѣльнымъ „дѣльницамъ“: Юрій Михайловичъ владѣлъ одной половиной Трубецка, братъ его Семень Михайловичъ другой половиной ²⁾). По отъѣздѣ Юрія Михайловича въ Москву его дѣльница не перешла къ его брату, но была причислена къ короннымъ волостямъ и отдана въ „держаніе“, кажется, въ качествѣ простаго староства, сначала князю Ивану Чарторыйскому, затѣмъ господарскому конюшему, пану Гринко Воловичу ³⁾). Только въ 1495 году, по особому челобитью Ивана Юрьевича (сына ушедшаго въ Москву князя Юрія Трубецкаго), была пожалована ему великимъ княземъ Александромъ старая дѣльница отца (половина Трубецка) въ „вѣчное держанье“, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ владѣлъ той же дѣльницей его отецъ при Казимірѣ ⁴⁾). Съ занятіемъ въ 1500 году города Трубецка

¹⁾ Зависимостью Трубецкихъ князей отъ Свидригайла объясняется его титулъ: князя Черниговскаго, Сѣверскаго и Трубецкаго (*Prochaska, Codex epistol. Vitoldi* № 1034. См. *Любаевскій, Областное дѣленіе*, 46. *Lewicki*, 192).

²⁾ *Wolf*, 92.

³⁾ А. З. Р., I, № 125. *Wolff*, 92. *Bonieski*, 32.

⁴⁾ А. З. Р., I, № 125. Вольфъ открылъ въ Литовской Метрицѣ одинъ судный актъ 1499 г., изъ котораго видно, что, по смерти послѣдняго державца половины Трубецка, Гринка Воловича, князь Юрій возвратился обратно на родину и получилъ старшій свой удѣлъ—половину Трубецка. Приведенный выше привилей 1495 г. великаго князя Александра о пожалованіи Трубецка сыну Юрія не подтверждаетъ, однако, этого факта: изъ этого привилея ясно видно, что сынъ Юрія получилъ отцовскую дѣльницу непосредственно послѣ Воловича на основаніи представленнаго имъ, въ подтвержденіе своихъ правъ на дѣльницу отца, листа, даннаго послѣднему на Трубецкѣ еще Казиміромъ (А. З. Р., I, № 125). Вторая половина Трубецка составляла дѣльницу потомковъ Семена Михайловича, втораго сына Михаила Дмитріевича, родоначальника князей Трубецкихъ. Внуку послѣдняго Иванъ Семеновичъ Трубецкой получилъ въ 1490 г. отъ Казиміра привилей на 6 копѣ изъ Путивльскаго мыта (изъ Литовской Метрики; см. *Wolff*, 92). Той же дѣльницей владѣли въ 1499 г. князья Трубецкіе, Андрей и Иванъ, сыновья Ивана Семеновича. Они-то возбудили предъ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ искъ о томъ, что ихъ дядя, князь Иванъ Юрьевичъ (владѣвшій по привилею 1495 г. половиной Трубецка), не даетъ имъ удѣла въ ихъ Трубецкой отчинѣ, которой сообща владѣли ихъ дѣдъ съ его отцомъ, а ихъ отецъ съ нимъ. Великій князь, вырокомъ своимъ 1499 г., предписалъ князю Ивану Юрьевичу и брату его Александру раздѣлиться отчиной съ племянниками, князьями Иваномъ и Андреемъ Ивановичами (изъ Литовской Метрики; см. *Wolff*, 93).

московской ратью, князя Трубецкіе съ своими дѣльницами подчинились московскому государю ¹⁾. По договору 1503 и 1523 годовъ, Трубецкѣ съ волостями окончательно былъ отчисленъ къ Московскому государству ²⁾.

Верхнюю часть Сѣверщины составляла *Брянская* земля, располагавшаяся по верховьямъ Десны и Оки съ ихъ притоками. Какъ замѣчено выше, съ половины XIII столѣтія Брянскъ съ его областью становится главнымъ центромъ всей Сѣверщины, что обуславливалось ³⁾ прежде всего самымъ географическимъ положеніемъ верхней Сѣверщины, располагавшейся, подобно Смоленщинѣ, у ключа главныхъ въ старину торговыхъ путей западной и восточной Руси. Главенство Брянской земли выражалось, между прочимъ, въ старѣйшинствѣ мѣстныхъ князей, являвшихся нерѣдко въ роли какъ бы представителей всей Сѣверщины и потому носившихъ титулъ великихъ князей Черниговскихъ ⁴⁾. Какъ замѣчено раньше, подчиненіе Брянска

¹⁾ *Карамзинъ*, Ист., VI, прим. 481. *Stadnicki*, Bгасіа, 112. *Wolff*, Ród Gedym. 90—94. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 45. Очеркъ исторіи Трубецкихъ князей изложенъ также въ этюдѣ Бартошевича: „Trubecka sprawa“ (Енцикл. Powaz. XXV 598—600).

²⁾ А. З. Р., I, № 192, стр. 288; II, № 120. *Skarbiec*, № 2156.

³⁾ По словамъ Любавскаго, „возвышеніе Брянска, по всей вѣроятности, стояло въ связи съ приливомъ въ его область населенія, которое съ приходомъ татаръ должно было покинуть бассейнъ Семи и нижней Десны и искать спасенія въ лѣсистыхъ и болотистыхъ верховьяхъ Оки и Десны“. (Областное дѣленіе, 44). Мысль о запустѣнн нижней Сѣверщины съ приходомъ татаръ можно считать такимъ же „историческимъ міражемъ“ (по выраженію проф. Антоновича), какъ и вообще міѣніе польскихъ, отчасти и русскихъ (Погодина) писателей о мнимомъ запустѣнн южной Руси съ XIII столѣтія (*Антоновичъ*, Моногр., I, 224; *Владимірскаго-Буданова*, Населеніе юго-западной Руси отъ половины XIII до половины XV вѣка, 4 и слѣд.). Еще и теперь (а тѣмъ болѣе въ XIII столѣтіи) область бассейна Сейма и нижней Десны почти въ такой же степени лѣсистая и болотистая страна, какъ и верховья Десны и Оки. Населеніе Посемья и Подесенья находило спасеніе отъ татаръ у себя же въ своихъ чуть ли не первобытныхъ лѣсныхъ и болотистыхъ захолустьяхъ и трупобахъ, въ сплошную покрывавшихъ (мѣстами и доселѣ покрывающихъ) все Посемье и нижнее теченіе Десны. Укрываться въ далекихъ Брянскихъ лѣсахъ не было надобности для населенія: надежныя лѣсныя убѣжища были въ то время подъ бокомъ чуть ли не у каждаго поселенія нижней Сѣверщины.

⁴⁾ *Ипатьевская* лѣтопись, 575. См. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 49. Въ известномъ синодикѣ Антоіевскаго Любецкаго монастыря есть указанія на такое значеніе Брянскихъ князей. (См. синодикъ, помѣщ. въ *Ученикъ* Моск. Общ. Ист. и Древ., 1871, кн. II). Потомки старыхъ Брянскихъ князей, происходившихъ отъ Черниговскихъ Ольговичей, жили еще въ началѣ XV столѣтія въ Смоленскѣ,

Ольгерду (въ 1356 году) было результатомъ стремленія брянцевъ освободиться отъ ордынской зависимости путемъ признанія надъ собой власти сильнаго литовскаго вождя. Въ лѣтописномъ извѣстїи о занятїи Брянска Ольгердомъ говорится, что послѣ „замятни велїей“, послѣдовавшей за смертію послѣдняго русскаго князя (Василїя), „нача обладати Брянскомъ князь Литовскїй“ (Ольгердь)¹⁾. Изъ этого сообщенїя видно только, что Брянскъ въ 1356 году поступилъ во владѣніе Ольгерда; но нѣтъ прямого указанїя, чтобы тогда же былъ посаженъ въ Брянскѣ удѣльный князь²⁾. Первымъ удѣльнымъ княземъ въ Брянскѣ, какъ видно изъ источниковъ, былъ Дмитрій Ольгердовичъ старшїй, а не Дмитрій-Корыбутъ, какъ полагаютъ Стадницкїй и Антоновичъ³⁾. Дмитрій Ольгердовичъ впервые упоминается въ званїи Брянскаго князя въ договорѣ о перемирїи, заключенномъ въ 1372 г. Ольгердомъ и Кейстутомъ съ московскимъ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ (Донскимъ)⁴⁾. Кромѣ Брянска, къ владѣніямъ Дмитрія Ольгердовича принадлежалъ также Трубецкъ⁵⁾. Что касается „верховскихъ“ князей, владѣвшихъ удѣлами на сѣверо-восточныхъ окраинахъ Сѣверской земли, то въ источникахъ нѣтъ указанїя, чтобы въ литовскую эпоху они когда либо зависѣли отъ князей Брянскихъ; по всему видно, упомянутые князья непосредственно подчинялись великимъ князьямъ Литовскимъ⁶⁾. Во время

куда они ушли послѣ занятїя Брянска Ольгердомъ. Въ Любецкомъ синодикѣ упоминается князь Романъ Михайловичъ Брянскїй, убитый въ Смоленскѣ въ 1401 г., и его сынъ князь Семень (*Милородовичъ*, Любечъ, 86).

¹⁾ Никоновская лѣтопись, III, 207. П. С. Р. Л., X, 228.

²⁾ *Стадницкїй* (Włascia Jagielly, 41) полагаетъ, что Брянскъ сталъ управляться особымъ удѣльнымъ княземъ съ 1356 г., то-есть, тотчасъ послѣ подчиненїя Брянска Ольгерду. *Вольфъ* (Ród Gedum., 90) съ полной основательностью утверждаетъ, что назначенїе въ Брянскъ особаго князя могло случиться и гораздо позже.

³⁾ *Stadnicki*, Włascia Jagielly, 41, 49; *Olgerd i Kiejstut*, 181, 209. *Антоновичъ*, Моногр., I, 115. Разъясненїе вопроса о первомъ Брянскомъ князѣ — Дмитріѣ старшемъ, а не Корыбутѣ, принадлежитъ *Вольфу* (Ród, 92, 152. Ср. *Smolka*, Kiejstut, 9). Дѣйствительно, Корыбутъ нигдѣ въ источникахъ не называется княземъ Брянскимъ. Названїе это вездѣ дается Дмитрію Ольгердовичу, о которомъ говоритъ, какъ мы замѣтили раньше, Любецкїй синодикъ подъ № 53: „Дмитрія Ольгердовича и княгиню его Анну, и сыновъ ихъ: князя Михаила, князя Иоанна“ (см. выше о кн. Черниговскихъ).

⁴⁾ По этому акту перемирїе распространяется на князя Дмитрія Брянскаго и всѣхъ князей, живущихъ въ земляхъ Ольгерда и смоленскаго князя Святослава Ивановича (*Skarbiec*, № 451).

⁵⁾ См. выше о Трубецкихъ князьяхъ.

⁶⁾ См. объ этомъ ниже.

вторженія въ Сѣверщину московской рати (въ 1379 г.), Брянскій князь со всей семьей и боярами, какъ полагають, изъ-за недовольства возведеніемъ въ великіе князья литовскіе младшаго брата Ягеллы, отъѣхалъ въ Москву ¹⁾, откуда онъ воротился на родину около 1388 года. Въ этомъ году Дмитрій Ольгердовичъ далъ присягу вѣрности королю Владиславу и коронѣ польской ²⁾. Брянскій князь, по возвращеніи изъ Москвы, получилъ обратно свой удѣлъ: въ 1390 году Дмитрій Ольгердовичъ заключаетъ окончательное примиреніе съ королемъ и вмѣстѣ съ послѣднимъ описываетъ границы своего удѣла ³⁾. Дмитрій Ольгердовичъ княжилъ въ Брянской землѣ до 1399 года, когда онъ вмѣстѣ съ другими князьями палъ въ битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ ⁴⁾. Въ позднѣйшихъ литовскихъ хроникахъ ⁵⁾ сохранилось извѣстіе о томъ, что въ началѣ XV столѣтія (то-есть, тотчасъ по смерти Дмитрія Ольгердовича) Брянскомъ владѣлъ Стародубскій князь Александръ Патрикѣевичъ ⁶⁾. Княженіе его въ Брянскѣ продолжалось недолго: въ 1402 году Брянскомъ управлялъ намѣстникъ Витовта, Романъ Михайловичъ ⁷⁾. Въ слѣдующемъ году Брянскъ становится, впрочемъ, не надолго (до 1408 года) удѣломъ Свидригайла, который окончательно утвердился въ Брянщинѣ лишь съ 1420 года, послѣ примиренія съ Витовтомъ ⁸⁾. Свид-

¹⁾ Еще раньше отъѣхали въ Москву Андрей Ольгердовичъ Полоцкій, Дмитрій Михайловичъ Волынкскій и др. (*Wolff*, 91). Объ отъѣздѣ въ Москву Дмитрія Ольгердовича см. II. С. Р. Л., VIII, 34. Ср. *Stadnicki*, *Bracia Jagiellu*, 110. *Wolff*, *Ród Gedum.*, 91. Принятый въ московскую службу великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, Брянскій князь получалъ Переяславскій удѣлъ и въ 1380 г. принималъ участіе въ войнѣ московскаго государя съ татарами (*Stadnicki*, *Bracia*, 110. *Wolff*, *Ród*, 152).

²⁾ Собраніе государственныхъ и частныхъ актовъ, изд. Виленскою археографическою Коммисс., подъ редакціей *Круповича*, I, № 4. *Skarbiec*, № 563. *Stadnicki*, *Bracia*, 111. *Wolff*, 91.

³⁾ *Skarbiec*, № 575. *Wolff*, 91, 152.

⁴⁾ II. С. Р. Л., IV, 104, 114. *Wolff*, 91, 152.

⁵⁾ См. *Стрыковский*, *Kronika Polska*, изд. 1846, IV, стр. 58.

⁶⁾ *Stadnicki*, *Syn. Gedum.*, II, 168. *Ею же*, *Olgerd*, 209.

⁷⁾ См. IV Новгородскую лѣтопись, II. С. Р. Л., IV, подъ 6910 годъ. Ср. *Stadnicki*, *Bracia Jagiellu*, 49. *Любавскій*, *Областное дѣленіе*, 45.

⁸⁾ См. *Стрыковский*, *Kron. Polska*, изд. 1846 г., IV, 485—486. *Kojałowicz*, *Hist. Lith.*, II, 72; V, 219. *Długosz*, *Hist.*, III, 571; XI, 392. *Лѣтоп. Даніиловича*, 230. II. С. Р. Л., VI, 141. *Prochaska*, *Cod. epist.*, № 1034. *Skarbiec*, №№ 850 и 876. Ср. *Stadnicki*, *Syn. Gedum.*, II, 169; *ею же*, *Bracia*, 49, 317, 323. *Иловайскій*, *Ист.*, II, 218. *Петровъ*, *Бѣлоруссія*, 114. *Любавскій*, *Областное дѣленіе*, 46. *Lewicki*, 184, 192.

ригаило оставался Брянскимъ княземъ до 1430 года, когда онъ, по смерти Витовта, перешелъ въ Вильну, въ качествѣ великаго князя Литовскаго ¹⁾, послѣ чего въ Брянскѣ настаетъ слова намѣстническое управленіе. Въ 1446 году Брянскъ съ другими Сѣверскими городами (Стародубомъ и пр.) былъ пожалованъ въ вотчину московскому выходцу, Василию Ярославичу, князю Боровскому, вскорѣ, впрочемъ, ушедшему обратно въ Москву ²⁾. Въ 1450 году Казимиръ Ягеллонъ пожаловалъ Брянскъ въ „вотчину“ московскому выходцу, Ивану Андреевичу, князю Можайскому, на такихъ же основаніяхъ, на какихъ Брянскъ до того принадлежалъ королю; князь Можайскій обязался „съ того вѣрцо служити“ королю ³⁾. Въ 1479 году тотъ же король далъ князю Можайскому подтвердительный привилей на владѣніе Брянской вотчиной на старыхъ основаніяхъ ⁴⁾. Позже Брянскъ былъ отчисленъ къ короннымъ владѣніямъ; вмѣсто него князю Можайскому была пожалована новая вотчина—Стародубъ съ Гомелемъ (см. выше). Въ 1494 году упоминается Брянскій намѣстникъ, князь Федоръ Жеславскій (Заславскій) ⁵⁾. По договору короля Александра съ Московскимъ великимъ княземъ въ 1494 году Брянскъ остался за

¹⁾ *S'adnicki*, *Bracia Jagielly*, 324 — 327. *Любовскій*, *Областное дѣленіе*, 46 *Петровъ*, *Вѣлоруссія*, 114.

²⁾ П. С. Р. Л., VI, 174—175; VIII, 117. *Stadnicki*, *Bracia*, 49. *Любовскій*, *Областное дѣленіе*, 46. *Стадинскій* (*Syn. Gedum.*, II, 169) полагаетъ, что въ 1447 г. Брянскъ съ другими Сѣверскими городами, по пожалованію Казимира, перешелъ въ руки Михаила, сына бывшаго великаго князя литовскаго Сигизмунда. Но изъ источниковъ (именно хроника *Бышовца*, 55) видно, что князь Михаилъ въ 1447 г. получилъ удѣлъ въ различныхъ областяхъ Литовской Руси: 1) въ Подляхін Бѣдзскъ съ Суражемъ и Бринскомъ (о немъ см. выше); 2) въ Вѣлоруссія — Койдапонъ; 3) въ Подѣсья—Клецкъ и 4) въ Сѣверцінѣ—Стародубъ. Князь Михаилъ дѣйствительно владѣлъ Бринскомъ, но только не Сѣверскимъ, а Литовскимъ (см. *Wolff*, *Ród Gedum.*, 65).

³⁾ Самый привилей, данный князю Можайскому на Брянскій удѣлъ, не сохранился. Извѣстна только послушная грамота 1450 г. Казимира боярамъ брянскимъ, мѣстичамъ и всѣмъ „мужамъ“ Брянскимъ, которыхъ король обязываетъ быть ему „послушными во всемъ, какъ насъ самихъ, а съ отчаніемъ своихъ и со всего своего имѣнія, какъ хто што первѣй того держалъ, служите ему. А ему васъ приказали есмо съ вашихъ имѣній не гнати, а ни отнимати, а въ церковное ся ни во што не вступати; а суды судити по старымъ, какъ у васъ издавна пошло, а своихъ новыхъ судовъ, а некоторыхъ пошлинъ новыхъ не вводити“ (А. З. Р., I, № 52. Сборникъ *Муханова*, стр. 22).

⁴⁾ *Skarbiac*, № 1998. Сборникъ *Муханова*, № 20.

⁵⁾ А. З. Р., I, 119.

Литвой; къ Москвѣ онъ отошелъ лишь со времени трактата 1503 года ¹⁾).

На сѣверовосточной окраинѣ Сѣверщины, въ землѣ древнихъ вятичей, по верховьямъ Оки съ ея притоками, располагались изстаринные удѣлы русскихъ князей Черниговскаго дома, подъ именемъ *князей верховскихъ*, владѣвшихъ своими родовыми отчинами въ теченіе всей литовской эпохи, вплоть до присоединенія Сѣверщины къ Московскому государству ²⁾. Удѣлы верховскихъ князей, носившіе обычное въ старое время названіе земель, отчинъ, дѣльницъ или дольницъ, простирались вдоль восточныхъ и сѣверныхъ границъ Брянщины и разбивались на отдѣльныя группы волостей, которыя связывались между собой принадлежностью одному роду мѣстныхъ князей, пользовавшихся въ предѣлахъ своего рода владѣтельными правами на ихъ родовыя отчины и дѣльницы.

Самую значительную группу волостей-удѣловъ составляли владѣнія потомковъ князей Черниговскихъ, именно потомковъ Семена Михайловича Глуховскаго и Новосяльскаго (сына св. Михаила Черниговскаго). Главными центрами владѣній этой группы верховскихъ князей были города: *Новосиль*, *Бѣлевъ*, *Одоевъ* и *Воротынскъ*, расположенные отдѣльной группой въ верховьяхъ Оки и ея притоковъ ³⁾. По сосѣдству съ этими княженіями, въ области между верхнею Окой, Десной и Угрой, располагалась вторая группа удѣльных владѣній русскихъ князей-потомковъ Мстислава Михайловича Карачевскаго; сюда относились удѣлы князей: *Карачевскихъ*, *Кромскихъ*, *Козельскихъ*, *Мосальскихъ*, *Перемышльскихъ*, *Елецкихъ* и *Хотетовскихъ* ⁴⁾. Наконецъ, третью группу русскихъ удѣловъ составляли владѣнія,

¹⁾ Skarbies, № 2067. А. З. Р., I, № 192, стр. 288; II, № 120. См. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 49. *Любавскій*, *Областное дѣленіе*, 46.

²⁾ *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 191, 196, 208—209. *Wolff*, *Ród Gedymina*, 10, 27. *Одоевъ*, *Ист.*, V, 172, 314 и сл. *Бестужевъ-Рюминъ*, *Ист.*, II, 168, 171, 177. *Петровъ*, *Вѣлорусскіи*, 114, 144, 148. *Антоновичъ*, *Моногр.*, I, 115. *Владиміръскій-Будановъ*, *Государства Московское и Литовское (Кіевск. Унив. Изв., 1882)*. *Любавскій*, *Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лит.-Русскаго государства (Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн., 1892, III и IV)*. Довольно подробныя замѣчанія о верховскихъ князьяхъ принадлежать Владиміръскому-Буданову (стр. 6—9) и особенно Любавскому (стр. 47—56). Въ своемъ очеркѣ мы обратимъ вниманіе въ особенности на вопросы, не надлежаще выясненные въ перечисленныхъ трудахъ.

³⁾ См. *Любавскій*, *Областное дѣленіе*, 47. *Воніескі*, 6, 213, 214, 389.

⁴⁾ *Любавскій*, 52, 280, 282. *Воніескі*, 156, 171—176.

расположенные въ бассейнѣ р. Жиядры, по сосѣдству съ волостями Козельскими и Перемышльскими, и принадлежавшія князьямъ *Мезецкимъ* и *Говдыревскимъ*, потомкамъ Торусскаго князя Юрія Михайловича ¹⁾. Въ каждой изъ этихъ группъ княжескихъ владѣній сидѣлъ свой мѣстный родъ изстари русскихъ князей, дѣлвившихся на отдѣльныя линіи, съ сохраненіемъ однако стараго родоваго ихъ единства. Между князьями одного рода различался старшій (большой) князь отъ удѣльныхъ; между тѣми и другими происходили обычные въ то время переходы княжескихъ владѣній по родовому наслѣдованію, путемъ купли, завѣщанія и пр. Порядки эти сохранялись въ быту мѣстныхъ князей въ теченіе всей литовской эпохи ²⁾.

Верховскіе князья не все въ одно время подчинились великимъ князьямъ литовскимъ. При Ольгердѣ къ Литовскому государству примкнули лишь нѣкоторые князья изъ рода Новосильскихъ и Карачевскихъ ³⁾; князья этого рода переходили на литовскую службу также при Витовтѣ и въ послѣдующее время ⁴⁾. Времени Витовта (1407 — 1408 гг.) принадлежитъ подчиненіе литовскимъ государямъ князей Бѣлевскихъ; при Казимірѣ подчинились нѣкоторые изъ князей Одоевскихъ, Новосильскихъ и Воротынскихъ, служившихъ раньше московскимъ князьямъ ⁵⁾. Зависимость отъ Литвы верховскихъ князей второй и третьей группы (Мосальскихъ, Мезецкихъ и другихъ) принадлежитъ также, большею частью, времени Витовта (1407—1408); нѣкоторые князья (Козельскіе, Елецкіе, Перемышльскіе) примкнули къ Литовскому государству лишь въ половинѣ XV столѣтія ⁶⁾.

Не вездѣ, впрочемъ, удержались старые роды русскихъ князей: въ XV столѣтіи появляется цѣлый рядъ городовъ, перешедшихъ изъ владѣній верховскихъ князей въ непосредственное распоряженіе вели-

¹⁾ *Любаевскій*, Областное дѣленіе, 55. *Boniński*, 179. Князья верховскіе, кромѣ отчины, получали въ разное время отъ великихъ князей литовскихъ „данины“ въ Смоленщинѣ (см. выше), также въ Брянскомъ повѣтѣ. Въ концѣ XV столѣтія, напримѣръ, князю Андрею Кромскому даны были „до осмотра“ волости Волконескѣ и Рославль (*Boniński*, 156).

²⁾ *Будановъ*, Государства Московское и Литовское, 6.

³⁾ Въ 70-хъ годахъ XIV столѣтія, при Ольгердѣ, упоминаются въ источникахъ два брата, князья Новосильскіе: одинъ изъ нихъ, князь Иванъ Семеновичъ, былъ подручникомъ Ольгерда, другой — Романъ Семеновичъ, служилъ великому князю московскому (*Любаевскій*, Областное дѣленіе, 47, 53).

⁴⁾ *Любаевскій*, 48, 53.

⁵⁾ *Ibid.*, 49. *Boniński*, 213. *Skarbiec*, №№ 1889, 1950.

⁶⁾ *Любаевскій*, 53—55.

кихъ князей литовскихъ. Изъ источниковъ не видно, какимъ именно путемъ верховскіе города и волости очутились во власти литовскихъ господарей; можно думать, что это случилось скорѣе всего путемъ испомѣщенія князей другими волостями взамѣнъ уступленныхъ имъ великимъ князьямъ волостей и городовъ. Такимъ образомъ, города Мценскъ и Любутскъ, принадлежавшіе въ старое время къ княжеству Карачевскому, уже въ первой половинѣ XV столѣтія управлялись великокняжескими намѣстниками ¹⁾. Главный городъ Карачевского княжества (Карачевъ) въ послѣднюю четверть XV столѣтія составлялъ также непосредственное владѣніе великихъ князей литовскихъ. Въ 1496 году волости Карачевъ и Хотимль были отданы великимъ княземъ Александромъ Семену Можайскому „до воли“ ²⁾; въ 1499 году волости эти пожалованы тому же князю „на вѣчность“ ³⁾. Въ то же время и другіе города (напримѣръ, Мосальскъ и Козельскъ), принадлежавшіе къ удѣльнымъ владѣніямъ мѣстныхъ князей, стали переходить въ непосредственное распоряженіе великихъ князей литовскихъ ⁴⁾.

Пограничные князья, въ силу обычая, практиковавшагося въ старину вездѣ на Руси, въ особенности на „порубежьяхъ“ и „сумежьяхъ“ русскихъ земель, служили „на обѣ стороны“, то-есть, состояли въ докончаньи „послушанія“ и службы одновременно Литвѣ и Москвѣ, двумъ сосѣднимъ государствамъ. Въ 1491 году Иванъ III заявлялъ королю Казимиру: „вѣдомо ему самому, что нашимъ предкамъ, великимъ князьямъ и литовскимъ великимъ князьямъ, тѣ князья (Одоевскіе, Воротыпскіе и Бѣлевскіе) на обѣ стороны служили съ своими отчинами нашему отцу (Василію Темному) и намъ самимъ

¹⁾ Ibid., 51—52.

²⁾ А. З. Р., I, № 189, гр. II. О пожалованіи волости Хотимль одновременно съ Карачевымъ говорится въ подтвердительной грамотѣ 1499 года (ibid., № 167).

³⁾ Обѣ волости даны князю Можайскому „вѣчно, ему и его княгини, и ихъ дѣтямъ и потомъ будущимъ ихъ счадкомъ“, со всеми дворами и волостями, „съ даянми грошовыми и медовыми, и съ мыты, и со всеми платы и доходы, што здавна къ тымъ замкомъ и волостемъ прислухало“, съ правомъ „продати, и огдати, и замѣнати, и къ своему вжиточному обернути, какъ самъ налѣтѣй разумѣючи“. Князь Семень не воленъ вступаться въ имѣнья и земли мѣстныхъ князей и бояръ (А. З. Р., I, № 167).

⁴⁾ *Любаевскій*, 53. Козельскъ, на р. Жиандрѣ, одинъ изъ старыхъ удѣльныхъ городовъ (съ XII столѣтія), въ 40-хъ годахъ XV столѣтія былъ въ распоряженіи короля Казимира. Въ 1447 году Козельскъ данъ князю Федору Львовичу Воротыпскому. См. *Sokołowski-Szujski*, Cod. epist. vaec., XV, № 28. *Boniecki*, 389 *Sulimierski*, Stown., IV, 548.

служили тѣ самые князья и ихъ отцы¹⁾). На такой двусторонній характеръ службы верховскихъ князей указываетъ докончальная грамота 1449 года московскаго великаго князя Василія Васильевича съ королемъ Казиміромъ. Московскій князь, очевидно, имѣвшій извѣстныя права на князей верховскихъ, вставилъ въ докончанье такую статью: „А Верховскіи князи што будутъ издавна давали въ Литву, то имъ и нынѣчи давати, а болшы того не примышляти“²⁾). Въ такой двусторонней зависимости отъ Литвы и Москвы находились, кромѣ упомянутыхъ выше князей, также князья Мосальскіе и др.³⁾. Зависимость верховскихъ князей „на обѣ стороны“ вполне аналогична съ двусторонней же зависимостью сѣверныхъ окраинъ Смоленской земли—Ржева и Великихъ Лукъ, составлявшихъ издавна общую „волость“ сперва Новгорода съ Литвой, затѣмъ государствъ Московскаго и Литовскаго⁴⁾. Зависимость верховскихъ князей „на обѣ стороны“ образовалась не подъ татарскимъ вліяніемъ⁵⁾, но имѣетъ свои корни

¹⁾ *Владимірскій-Будановъ*, Государства Московское и Литовское, 7. Ср. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 51—52.

²⁾ А. З. Р., I, № 50.

³⁾ *Любавскій*, Областное дѣленіе, 53. Изъ докончальныхъ грамотъ (1442—1489 гг.) князей Новосильскихъ, Одоевскихъ и Воротынскихъ съ великимъ княземъ литовскимъ Казиміромъ видно, что, кромѣ московскихъ великихъ князей, верховскіе князья находились въ обязательныхъ отношеніяхъ и связяхъ также съ князьями Переяславскими и Пронскими. Въ докончальной грамотѣ князя Федора Альфонича Новосильскаго 1442 года съ Казиміромъ находимъ слѣдующую статью: „А зъ великимъ княземъ московскимъ, хто будетъ Московское княженье великое держати, и съ великимъ княземъ Переславскимъ, хто будетъ Переславское княженье великое держати, и со княземъ великимъ Пронскимъ, хто будетъ княженье Пронское великое держати: ино имъ межы себе (то-есть, князю Новосильскому съ упомянутыми тремя князьями) судъ по старинѣ; а чого межы себе не въправятъ, ино положити на великаго князя Казиміровѣ воли, и великому князю Казиміру того досмотрѣти и въправити, коли тыи три князи великіи, верьху писаны, зъ великимъ княземъ Казиміромъ будутъ въ докончаньи, или зъ его сыномъ, или зъ намѣстникомъ, который будетъ держати послѣ его великое княженье Литовское“ (А. З. Р., I, № 41). Та же самая формула воспроизводится въ послѣдующихъ докончаньяхъ 1459 и 1483 г. (*ibid.*, №№ 63 и 80).

⁴⁾ См., напримѣръ, запись около 1479 года о Ржевской дани (А. З. Р., I, № 79). Ср. *Владимірскій-Будановъ*, Государства Московское и Литовское, 4—6.

⁵⁾ Такимъ вліяніемъ, повидимому, объясняетъ г. Любавскій происхождение службы верховскихъ князей „на обѣ стороны“—Литвѣ и Москвѣ. По его словамъ, „такая служба была вполне естественна вслѣдствіе положенія верховскихъ княжествъ въ сосѣдствѣ съ Московскими владѣніями и на украинѣ, непрерывно подвергавшейся нападѣніямъ татаръ, общаго врага Московскаго и Литовскаго

вообще въ автономныхъ правахъ старыхъ русскихъ князей и земель. Свою политическую независимость они гарантировали изстари путемъ рядовъ и докончаній съ сосѣдними князьями и землями; въ отношеніи къ нимъ, какъ своимъ союзникамъ, князья принимали на себя извѣстныя служебности, въ видахъ обоюдной охраны и обороны принадлежавшихъ имъ волостей. Такое автономное положеніе удалось верховскимъ князьямъ удержать за собой въ литовскую эпоху вплоть до окончательнаго присоединенія ихъ владѣній къ Московскому государству въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій. Князья верховскіе отстаивали свою „службу“ на обѣ стороны въ собственныхъ интересахъ: въ случаѣ кривды со стороны Москвы князья находили для себя „судъ“ въ Литвѣ, и наоборотъ: кривда литовская уполномочивала верховскихъ князей „спить цѣлованье доловъ“, предоставляла имъ „волю“ перейти въ безраздѣльное „послушаніе“ къ другой союзной сторонѣ—московскому великому князю ¹⁾.

государствъ“ (Областное дѣленіе, 50). Ближе къ истинѣ стоитъ объясненіе проф. Владимірскаго-Буданова: общее владѣніе Литвы и Москвы пограничными землями, по его словамъ, „объясняется весьма просто тѣмъ, что оба государства: и Литовское, и Московское, образовались изъ древне-русскихъ земель, границы которыхъ никогда не были очерчены точно. Прочность границъ опредѣляется не столько географическими условіями, сколько составомъ и сознаниемъ населенія. Когда существовали независимыя Новгородская и Полоцкая земли (рѣчь идетъ объ общемъ владѣніи Ржевомъ и Великими Луками), одинаково русскія, то пограничнымъ между ними областямъ было все равно, къ какой бы онѣ ни принадлежали. Общее владѣніе ими возможно было такъ же, какъ общее владѣніе городомъ Москвою для потомковъ Калиты. Все это были „князи крестьянскіи—одниъ челоувѣкъ“ (Государства Московское и Литовское, 5).

¹⁾ Всѣ эти положенія категорически сформулированы въ докончаньяхъ XV столѣтія верховскихъ князей съ литовскимъ великимъ княземъ (А. З. Р., I, №№ 41, 63 и пр.). Въ концѣ 1492 года Семенъ Воротынскій, отъѣхавшій въ Москву на службу, такъ объяснялъ великому князю Литовскому Александру причины своего отказа отъ литовской службы: „язъ служилъ еси отцу твоему (королю Казимиру) и былъ еси у отца твоего, господара моего, у крестномъ цѣлованьи, на томъ, что было отцу твоему *за отчину нашу стояши и боронити отъ ескаго*: мно свѣдомо тебѣ, что отчина моя отстала, и отецъ твой за отчину мою не стоялъ и не боронилъ, а мѣ, противъ отчины моеѣ, городовъ и волостей не замыслилъ. И къ тебѣ еси послалъ бити чедомъ, чтобы пожаловалъ мене потому, въ докончанье и въ крестное цѣлованье (принялъ), какъ отецъ твой мене жаловалъ, города бы еси мѣ обмыслилъ противъ моеѣ отчины, чмъ быхъ мѣ къ тебѣ служити: и твоя милость мене не жаловалъ, города не далъ, и въ докончанье не принялъ, а за отчину за мою не стоялъ; а бояръ моихъ не жаловалъ, не чтилъ, какъ отецъ твой нашихъ бояръ жаловалъ, чтилъ. Ино не я выступилъ,

Такимъ именно союзнымъ характеромъ отличаются отношенія верховскихъ князей къ литовскимъ господарямъ. Отношенія эти установились между ними еще со временъ Витовта, путемъ взаимныхъ докончаній, вполне напоминающихъ старыя ряды и докончанья восточно-русскихъ князей великихъ и удѣльныхъ. Таковы, напримѣръ, сохранившіяся до нашего времени докончанья князей Новосильскихъ и Одоевскихъ съ великимъ княземъ Казиміромъ 1442, 1459 и 1483 гг., вступавшихъ къ нему на службу „по князя великого Витовътову докончанью“¹⁾. Въ основѣ отношеній верховскихъ князей къ великимъ князьямъ литовскимъ лежали вообще изстаринныя начала, на какихъ построились междукняжескія отношенія древней Руси. Докончанья, опредѣлявшія „службу“ верховскихъ князей, имѣли въ существѣ дѣла такой же характеръ личныхъ союзовъ князей, главнымъ образомъ, ради обороны своихъ волостей, какъ и всѣ ряды и докончанья древне-русскихъ князей. Князья верховскіе вступали въ докончанья съ великими князьями литовскими, какъ „равные съ равными“: взаимная оборона и защита—главный и, можно сказать, единственный пунктъ, къ которому собственно сводились всѣ отношенія, существовавшія между князьями верховскими и литовскими господарями. Въ источникахъ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы князья верховскіе, подобно другимъ литовскимъ князьямъ, принимали дѣятельное участіе въ общихъ дѣлахъ государства: жили при дворѣ господарей, участвовали въ ихъ радѣ и пр. Верховскій князь знаетъ лишь свою землю, свою дѣльницу; въ ней онъ совершенно самостоятельный господарь-отчичъ, какъ и всякій древне-русскій удѣльный князь. Съ Литовскимъ государствомъ его связывалъ лишь временный, личный союзъ²⁾ по весьма условному докончанью съ литовскимъ господа-

твою милость,—ию отца твоего крестное дѣлованіе и твое съ мене доловъ; запыже въ листу стоять въ докончалномъ отца твоего: „А по нашемъ животѣ, кто будетъ держати великое княжество Литовское нашихъ намѣстниковъ, ию имъ приняти князя Семена Федоровича въ таково жѣ докончанье и въ свое жалованье; а не имутъ жаловати и не примутъ въ докончанье, ию со князя Семена Федоровича крестное дѣлованье доловъ, а ему воля“ (А. З. Р., I, № 106).

¹⁾ А. З. Р., I, № 41, 63, 80.

²⁾ Мы не рѣшаемся употребить въ данномъ случаѣ терминъ: „политическая федерація“. Федерація въ точномъ смыслѣ государственнаго союза предполагаетъ не только политическую самобытность федеративныхъ частей, но и „единство жизни“, постоянство и прочность федеративныхъ связей, основанныхъ не на временныхъ и условныхъ рядахъ и докончаньяхъ (какъ было вездѣ въ удѣльной Руси), а на прочномъ, органическомъ, государственномъ законѣ. О политической

ремъ: нарушалось dokonчанье (съ чьей бы то ни было стороны), князь получалъ „волю“, отъѣзжалъ изъ литовской службы и этииъ порывалъ всякія связи своей дѣльниці съ государствомъ Литовскимъ.

федерациі едва ли можетъ быть рѣчь тамъ, гдѣ союзное dokonчанье, установленное сегодня, нарушается завтра, гдѣ федеративная часть отпадаетъ отъ своего цѣлаго, нерѣдко по чисто случайнымъ обстоятельствамъ, какъ это было обычнымъ явленіемъ въ удѣльной Руси, а въ XV столѣтіи во всей верхнеокской Сѣвериніи. Еще менѣе уместно придавать „федеративный“ характеръ Литовско-Русскому государству въ XV и XVI столѣтіяхъ, какъ это выгадается доказать г. Любавскій въ своемъ очеркѣ „объ областномъ дѣленіи и мѣстномъ управленіи Литовско-Русскаго государства“ (стр. 2, 26, 62). Мысль о федеративномъ строѣ послѣднего Любавскій обосновываетъ на такихъ послыкахъ, какъ „политическая особность“ областей, объединенныхъ только „въ единой верховной власти“, жившихъ по своимъ мѣстнымъ привилегіямъ и пр. Ниже мы подробно рассмотримъ затронутый Любавскимъ вопросъ. Здѣсь замѣтимъ только, что на нашъ взглядъ авторъ не вполне вѣрно опредѣляетъ значеніе историческихъ данныхъ, на какихъ основаны комбинируемыя имъ послыки и дѣлаемый изъ нихъ основной выводъ о федеративности Литовскаго государства. „Особностью“, даже съ политическимъ отгѣнкомъ, отличались и восточно-русскія земли еще въ XVI столѣтіи; земли эти жили также по своимъ особымъ уставамъ еще въ пору Судебниковъ. Тѣмъ не менѣе никто не рѣшится настаивать на мысли о федеративности Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Г. Любавскій едва ли правъ, утверждая, что земли Литовской Руси въ XVI вѣкѣ связывались съ государствомъ лишь единой верховной властью, и слѣшкомъ преувеличиваетъ значеніе уставныхъ грамотъ отдѣльныхъ земель XV и XVI столѣтій. Грамоты эти не были плодомъ уставнаго творчества самихъ земель (какъ, наиримѣръ, Псковская судная грамота), но такимъ же пожалованіемъ, какъ и, примѣрно, Двинская грамота 1397 года или грамота Бѣлозерская 1468 года. Области жили по мѣстнымъ уставамъ въ Литовскомъ и Московскомъ государствахъ въ существѣ дѣла, на одномъ и томъ-же основаніи— не въ силу своей политической особности и самобытности, не по праву земскаго самоуправленія (политической децентрализациі), а лишь въ силу одного пожалованія, основанія самаго шаткаго и не прочнаго, которое могло быть лишено всякой силы и во всякую минуту волей той же власти, которая его создала. Старое земское единство и самобытность западно-русскихъ областей, какъ увидимъ ниже, въ литовскую эпоху были въ корнѣ разрушены очень рано начавшимся дробленіемъ земель на „староства“ и „повѣты“, съ своими особыми старостами, великокняжескими намѣстниками, позже воеводами, непосредственно подчинявшимися литовскимъ государямъ. Если и можетъ быть рѣчь о „правительственной децентрализациі“ въ литовско-русскихъ областяхъ, то не иначе, какъ лишь въ смыслѣ развитія бесвязанной системы староствъ, быстро разросшихся въ силовую сѣть магнатскихъ вотчинъ-державъ, куда (съ Люблинской уніи) не проникала больше никакая земская и государственная власть. Подобная „децентрализациа“ могла привести лишь къ одному результату—политическому банкротству Рѣчи Посполитой, судьбу которой раздѣляло вошедшее въ ея составъ великое княжество Литовское.

И действительно, источники указывают на постоянные переходы въ XV столѣтїи князей верховскихъ то изъ Литвы въ Москву, то обратно: нельзя указать ни на одинъ моментъ въ исторїи верховскихъ князей въ литовскую эпоху, когда бы они въ полномъ составѣ служили литовскимъ господарямъ.

Что касается, затѣмъ, отчины верховскихъ князей, то принадлежность ихъ къ Литовско-Русскому государству опредѣлялась не территоріальными правами литовскихъ господарей на владѣнія верховскихъ князей, но твердыми, разъ навсегда установленными, рубежами украинныхъ владѣній Литвы и Москвы въ верхнеокской Сѣверщинѣ, но исключительно лишь личной службой верховскихъ князей-отчичей: кому изъ сосѣдей (литовскому или московскому великому князьямъ) въ данное время служилъ верховскїй князь, тому подчинялась и принадлежавшая князю земля или дѣльница, и то лишь до тѣхъ поръ, пока ихъ отчичъ служилъ литовскому или московскому великому князю: отъѣзжалъ верховскїй князь отъ своего господаря, за нимъ шла непременно и его отчина. Въ этомъ случаѣ сказывается коренное различіе въ положенїи князей верховскихъ и другихъ князей литовскихъ, владѣвшихъ удѣлами въ разныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства. Князья литовскїе получали свои владѣнія отъ господарей въ видѣ милости — наданья, пожалованія, выслуги, „до воли“ господаря, „въ доживотье“ или „въ вотчину“. Главнымъ основанїемъ удѣльныхъ правъ и „службы“ литовскихъ князей являлось именно господарское пожалованье доживотья или вотчины. Такое пожалованіе нисколько, однако, не уничтожало правъ господаря на пожалованное доживотье или вотчину. Господарь могъ, по своему произволу, взять обратно въ свое распоряженіе пожалованную вотчину, могъ пожаловать удѣльнаго князя другой волостью (какъ это было, напримѣръ, съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ во второй половинѣ XV столѣтїа,—см. выше) и пр. Разъ удѣльный князь отказывался отъ „покоры“ и „послушанья“ своему верховному господарю, онъ прежде всего лишался своихъ удѣльныхъ владѣній, зачастую становился въ положеніе изгоя, волей-неволей долженъ былъ уходить за рубежъ литовской земли или же просто изгонялся изъ нея и вообще подвергался всѣмъ послѣдствїямъ своего изгойнаго положенія. Въ иномъ положенїи находились верховскїе князья въ теченіе всей литовской эпохи. Они были изстариными отчичами своихъ родовыхъ дѣльницъ далеко раньше dokonчанїй о службѣ, заключавшихся ими съ литовскими великими князьями. Въ источникахъ нѣтъ

нигдѣ ни малѣйшаго намека, чтобы князья верховскіе, служившіе литовскимъ господарямъ, получали отъ послѣднихъ свои родовыя дѣльницы и вотчины въ видѣ пожалованій и выслугъ; напротивъ, въ своихъ dokonчаніяхъ верховскіе князья ревниво отстаиваютъ свои родовыя дѣльницы отъ всякихъ притязаній на нихъ со стороны великихъ князей литовскихъ, всегда обязывавшихся не вступаться въ отчину, „земля и воды“ поступавшихъ къ нимъ на службу верховскихъ князей (см. выше). Служба ихъ основывалась на личномъ ихъ dokonчаньи съ литовскими господарями, а не на владѣніи дѣльницами. Службная зависимость верховскихъ князей не имѣла никакого вліянія на ихъ удѣльныя владѣнія, нисколько не умаляла ихъ отчинныхъ правъ на дѣльницы. Замѣчательно, что въ актахъ о раздѣлѣ пограничныхъ волостей между литовскимъ и московскимъ великими князьями конца XV столѣтія, гдѣ только дѣло идетъ о раздѣлѣ верхнеокскихъ областей, говорится главнымъ образомъ о раздѣлѣ самихъ верховскихъ князей¹⁾; за ними уже слѣдовали на ту или другую сторону принадлежавшія имъ отчины и дѣльницы.

Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ въ верховскихъ областяхъ Сѣверщины не могли установиться здѣсь прочныя границы между сосѣдними государствами Литовскимъ и Московскимъ. При свободѣ княжескихъ отъѣздовъ на службу въ ту или другую сторону, было обычнымъ явленіемъ въ XV столѣтіи (особенно при Иванѣ III и Казимірѣ), что роды верховскихъ князей дѣлились на линіи, изъ коихъ одна служила Москвѣ, другая Литвѣ. Дѣло доходило до того, что, напримѣръ, „одна половина гор. Одоева принадлежала князю, служившему Литвѣ, а другая князю, служившему Москвѣ. Купить какой нибудь князь Федоръ удѣлъ у дяди или двоюроднаго брата, вытѣснить ли его силою изъ сосѣдней улицы,—тѣмъ самымъ измѣняетъ уже границу между двумя громадными государствами“²⁾. Подобное перемѣщеніе границъ могло случаться при всякомъ переходѣ владѣній верховскихъ князей по родовому наслѣдованію, по завѣщанію, куплѣ и т. д.: мѣнялся владѣлецъ дѣльницы,

¹⁾ Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., XXXV, 124—129. „А князи Новосильскіе Одоевскіе и Воротынскіе и Бѣлевскіе всѣ мои великого князя Ивана и моихъ дѣтей къ нашему великому княжеству“. Князя Мезецкіе подѣленъ по полямъ: одинъ изъ нихъ достался Московскому, другіе—Литовскому великому князю (*Владимірскій-Будановъ*, Государства Московское и Литовское, 8—9).

²⁾ *Владимірскій-Будановъ*, Государства Московское и Литовское, 6. Ср. Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., XXXV, 3, 37 и пр.

мѣнялась и принадлежность его отчины къ тому или другому сосѣднему государству. Правительства литовское и московское не разъ принимали мѣры къ точному установленію границъ своихъ владѣній, постановляли, чтобы князья, служившіе прежде съ своими удѣлами данному государству, продолжали служить ему навсегда. Но все это долго не вело ни къ чему: отъѣзды князей верховскихъ продолжали практиковаться попрежнему. Правда, литовскій господарь, напримѣръ, могъ силою удержать за собой удѣлъ отъѣхавшаго князя; но дѣло въ томъ, что послѣдній всегда находилъ для себя охрану въ службѣ „на обѣ стороны“. Московскій государь, принимавшій къ себѣ на службу князей, отъѣзжавшихъ отъ Литвы, требовалъ отъ литовскаго правительства не вступаться въ отчины отъѣхавшихъ и не разъ заявлялъ, что „за своихъ слугъ хочеть стоять и боронити ихъ, колько намъ Богъ поможетъ“¹⁾. Конецъ споровъ изъ-за верховскихъ князей и ихъ волостей положенъ былъ мирными договорами 1494 и особенно 1503 г., когда волости верховскихъ князей виѣстѣ со всей Сѣверницею окончательно отошли къ Московскому государству²⁾.

VI.

Со второй половины XIV столѣтія вошло въ составъ Литовско-Русскаго государства *Кіевское княжество*³⁾. Въ старое время оно

¹⁾ См., напримѣръ, А. З. Р., I, № 180.

²⁾ *Любавскій*, Обл. дѣленіе, 51—56. Князья верховскіе (напримѣръ, Мосальскіе, Мелецкіе и др.) и позже упоминаются въ числѣ служившихъ князей литовскихъ (см., напримѣръ, А. З. Р., II, №№ 9, 56). Князья эти, оставшіеся въ Литвѣ или же уходившіе изъ Москвы, испомѣщались вотчинами и доживотьями въ разныхъ литовскихъ областяхъ на общемъ положеніи служившихъ князей.

³⁾ О судьбѣ этого княжества въ литовскую эпоху см. слѣдующія монографіи: В. Антоновичъ, Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (*Кіевская Старина*, 1882, и Монографіи, I, 47—50, 121, 127, 221 и слѣд.). Дашкевичъ, Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, 42—66. *Владимірскій-Будановъ*, Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII столѣтія, 38 и сл. *Грушевскій*, Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія, 470—497. *Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, 36—38, 235—248. *Stadniński*, Synowie Gedymina, II, 23; *Bracia Jagielly*, 114—118, 124, 139, 149—162, 280. *J. Bartoszewicz*, Szkic dziejopisów Kijowa (Album Malow. Raczyńskiego, 1861—62). *Wolff*, Ród Gedymina, 101, 107—108, 150. *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е изд., II, 499—646. *E. Rulikowski*, Kijów (*Sulimierski*, Słownik geogr., IV, 61 и слѣд.). См. также *H. Захрвскій*, Очеркъ исторіи Кіева (1836); *его же*, Описаніе Кіева (1868); *его же*

носило специальное названіе „Руси“ или „Русской земли“ и занимало бывшую землю полянъ съ частью земли Древлянской. Послѣ присоединенія Кіева къ Литовско-Русскому государству, въ составъ Кіевской земли вошла также часть лѣвобережной Украины—бывшее Переяславское княжество. Послѣ Батыева нашествія Кіевская земля находилась въ такой же зависимости отъ Орды, какъ и другія, подчиненныя ей, русскія земли, и управлялась по-старому русскими князьями, получавшими ханскіе ярлыки на Кіевское княженіе ¹⁾. По преданію, сохранившемуся въ Густыпской лѣтописи подъ 1362 г., Кіевъ занятъ былъ Ольгердомъ вскорѣ послѣ побѣды надъ татарами при Синей водѣ ²⁾; на мѣсто сидѣвшаго въ то время въ Кіевѣ князя Федора, ордынскаго подручника, Ольгердъ назначилъ сына своего Владимира кіевскимъ удѣльнымъ княземъ. По словамъ лѣтописи, кіевляне съ этихъ поръ стали платить дань Ольгерду (очевидно, вмѣсто Орды) ³⁾. Не смотря на утрату Кіевской земли, ордынцы продолжали еще долго называть ее своимъ улусомъ и дѣлали попытки возвратитъ ее

Лѣтопись и описаніе Кіева (1858). *М. Максимовичъ*, Нѣчто о землѣ Кіевской (Украинецъ, 1864). *Патилевичъ*, Сказаніе о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи (1864). Сборникъ матеріаловъ для исторіи Кіева (изд. Кіевской комиссіи, 1874). *Новицкій*, Матеріалы для исторіи заселенія Кіевской губерніи. *А. Соболевскій*, Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева (*Кіевск. Унив. Изв.* 1885). *Н. Короновскій*, Нѣсколько словъ о землѣ древлянъ (*С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1861, № 24). *Войняковъ*, Кіевская губернія (1867). *Е. Rulikowski*, Opis powiatu Wasilkowskiego. *В. Антоновичъ*, О мѣстоположеніи древн. Кіевскаго Звенигорода (*Чтенія въ Ист. Обществу* Цесари, 1879, I).

¹⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 121.

²⁾ *И. С. Р. Л.*, II, 850. Объ обстоятельствахъ присоединенія Кіева къ Литовскому государству сказано выше, при разсмотрѣніи общаго вопроса о „завоеваніи“ Литвы юго-западной Россіи.

³⁾ О занятіи Кіева Ольгердомъ говорится въ лѣтописи слѣдующее: „Ольгердъ Кіевъ подъ Федоромъ княземъ взялъ и посади въ немъ Володимера, сына своего. И нача надъ симъ владѣти, имъ же отци сѣю дань дааху“ (*И. С. Р. Л.*, II, 850). Стадницкій переводитъ вторую половину лѣтоп. сообщенія такъ: „t. j. roszał nad tymi władać, którým ojcowie jego (Гедимину?) *niegdys* dań składali“ (Вгасіа, 114, прим. 8). Прибавка слова: *niegdys* (нѣкогда), совершенно измѣняетъ буквальный смыслъ лѣтописнаго сообщенія. По Стадницкому выходитъ, что лѣтописецъ намекаетъ на отца Ольгерда, то-есть, Гедимина, которому кіевляне будто бы платили дань; между тѣмъ, лѣтопись говоритъ лишь о томъ, что дань платилась отцу Владимира, то-есть, Ольгерду. Кіевская дань въ этомъ случаѣ вполнѣ однородна съ „полѣтнимъ“, ежегодной данью, уплачивавшейся до пощидѣвшаго времени съ своихъ волостей перховскими князьями Свѣрцинии, одновременно съ кіевлянами признавшими надъ собой власть Ольгерда.

подъ свою власть. Вопросъ объ обладаніи Кіевомъ окончательно рѣшенъ въ пользу Литвы лишь въ началѣ XV столѣтія при Витовтѣ ¹⁾.

Первое упоминаніе въ источникахъ о Владимірѣ Ольгердовичѣ, послѣ занятія имъ Кіевского удѣла, находимъ въ трактатѣ Ольгерда и Кейстута съ магистромъ Вильгельмомъ, заключившими въ 1367 г. перемиріе подъ названіемъ *pac lantguncilogum*. Въ числѣ лицъ, которымъ поручено было составленіе трактата, на первомъ планѣ упоминается съ литовской стороны *Woldemar*, сынъ Ольгерда, „короля“ литовскаго (*regis Lethoviae*) ²⁾. Въ качествѣ кіевского князя Владиміръ Ольгердовичъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ подъ 1382 г. ³⁾. Послѣ принятія Владиславомъ-Ягеллой польской короны, Владиміръ Ольгердовичъ выдалъ три грамоты (1386, 1388 и 1389 гг.) на вѣрность службы Владиславу и коронѣ польской ⁴⁾. Вскорѣ затѣмъ, вслѣдствіе отказа Владиміра Ольгердовича въ „покорѣ“ Витовту, занявшему въ 1392 г. великое княженіе ⁵⁾, Витовтъ, по договору съ Скиргайломъ Ольгердовичемъ, уступилъ ему Кіевскій удѣлъ; но только въ 1395 г. имъ удалось соединенными силами заставить Владиміра отказаться отъ Кіева и уступить его Скиргайлу ⁶⁾. Послѣдній кня-

¹⁾ Антоновичъ, Монарх., I, 128.

²⁾ *Dogiel*, Codex dipl., IV, № 56, стр. 78. *Skarbies*, № 437. Ольгердъ и Кейстутъ одинаково называются въ трактатѣ 1367 г. „*reges Lethoviae*“.

³⁾ Въ этомъ году Владиміръ, кіевскій князь, задержалъ въ Кіевѣ и посадилъ въ заточеніе Діонисія, архіепископа Суздальскаго, возвращавшагося изъ Царьграда уже въ санѣ митрополита, за то, что онъ ходилъ туда безъ его „повелѣнія“ (И. С. Р. Л., VIII, 49).

⁴⁾ *Stadnicki*, *Bracia Jagiellu*, 115.

⁵⁾ По литовской лѣтописи, Владиміръ Ольгердовичъ „не восхотѣ покоры учинити и челомъ оударити великому князю Витовту“ (Лѣт. *Попова*, 39. Лѣт. *Даниловска*, 46). Въ лицѣ кіевского князя отказывалась отъ „покоры“ литовскому государю собственно Кіевская земля, стоявшая за старую областную самостоятельность. Очевидно, Витовтъ потребовалъ отъ Кіевской земли такого же „послушанія“, какъ и отъ земли Подольской (см. о послѣдней пѣже). По всѣмъ видимостямъ, до Витовта отношенія обѣихъ земель къ литовскимъ государямъ были одинаковы: связью ихъ съ Литовскимъ государствомъ служили главнымъ образомъ ихъ князья, бывшіе въ личномъ „послушаніи“ великимъ князьямъ литовскимъ. Витовтъ впервые потребовалъ отъ подолянъ и кіевлянъ такой же „покоры“, въ какой находились другія литовскія области. Покура эта и установилась въ Кіевской землѣ со времени Скиргайла, которому по смѣщеніи Владиміра Ольгердовича переданъ былъ Кіевскій удѣлъ на общемъ основаніи съ другими удѣльными князьями Литовскаго государства.

⁶⁾ Лѣтоп. *Даниловска*, 46. *Быжовска*, 34. *Stadnicki*, *Bracia*, 117. *Wolff*, *Ród Gedym*, 151. *Lewicki*, 143, 146.

жилъ въ Кіевѣ не болѣе года: въ концѣ 1396 г. онъ умеръ безпотно, какъ полагають, отъ отравы ¹⁾. Кіевская земля была присоединена Витовтомъ къ короннымъ владѣніямъ и стала управляться великокняжескими намѣстниками—старостами или воеводами ²⁾. Свидригайло, бывшій великимъ княземъ литовскимъ въ 1430—1432 г., продолжалъ владѣть Кіевщиной и послѣ того, какъ онъ оставилъ великое княженіе и ушелъ на Волинь. Какъ видно изъ грамоты Свидригайла 1438 г., въ составъ его Волинской рады входилъ кіевскій воевода, панъ Юрша, очевидно, управлявшій Кіевомъ подъ властью Свидригайла; къ великому князю Сигизмунду перешелъ Кіевъ лишь подъ конецъ его княженія ³⁾. При Казимірѣ-Ягеллонѣ снова восстанавливается старое удѣльное значеніе Кіевской земли. Въ 1440 г. Кіевъ со всей волостью былъ пожалованъ въ „доживотье“ князю Александру (Олелько), сыну смѣщеннаго Витовтомъ Владиміра Ольгердовича ⁴⁾. Князь Олелько, какъ видно по всему, владѣлъ Кіевской землей на такихъ же основаніяхъ, какъ раньше его отецъ; въ актахъ онъ титулуется: „государемъ-отчичемъ“ кіевскимъ ⁵⁾ и даетъ жалованныя грамоты монастырямъ, служилымъ князьямъ и пр., наравнѣ съ другими удѣльными князьями ⁶⁾. Князь Олелько умеръ въ 1455 г.,

¹⁾ Лѣтоп. *Даниловича*, 47. *Narbutt*, *Dzieje staroż.* etc., V, 547. *Wolff*, 151.

²⁾ По смерти Скиргайла Витовтъ отдалъ Кіевъ въ управление князю Ивану Ольгимунтовичу Гольшанскому (см. выше объ удѣльныхъ княженіяхъ въ собственной Литвѣ), какъ полагають, на общемъ положеніи намѣстника (Лѣт. *Даниловича*, 47. II. С. Р. Л., II, 352. *Stadnicki*, *Bracia Jagiełły*, 280. *Любавскій*, Обл. дѣленіе, 87). На такихъ же основаніяхъ управлялъ Кіевомъ и князь Михаилъ Ивановичъ, преемникъ Ивана Ольгимунтовича (*Выховецъ*, 46. *Любавскій*, 37). Въ подлинныхъ трактатахъ 1422 г. Михаилъ Ивановичъ названъ „старостой“ (capitaneus) кіевскимъ (*Dogiel*, *Codex dipl.*, IV, 110—115. *Skarbiec*, № 1359). Въ числѣ князей, павшихъ въ 1399 г. въ битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ, упоминается загадочный князь кіевскій—Иванъ Борисовичъ (II. С. Р. Л., II, 104, 114); не принадлежитъ ли онъ въ потомкамъ русскихъ князей, сидѣвшихъ въ какомъ либо Кіевскомъ удѣлѣ до занятія Кіева Ольгердомъ въ 1362 г.? Что здѣсь нельзя разумѣть князя Ивана Гольшанскаго, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

³⁾ А. З. Р., I, № 36. В. *Антоновичъ*, Грамоты великихъ князей литовскихъ, № 8. *Любавскій*, 37.

⁴⁾ *Выховецъ*, 56. *Stadnicki*, *Bracia Jagiełły*, 124.

⁵⁾ А. Н., I, № 259.

⁶⁾ Кіевскій князь Александръ Владиміровичъ съ своей княгиней московскою (Анастасіей Васильевною) и дѣтьми пожаловалъ десятину изъ Турца въ пользу Лаврашевскаго монастыря (А. З. Р., I, № 28). Изъ одной позднѣйшей грамоты (1496) видно, что князь Олелько, какъ и его преемникъ, князь Семенъ, дали мѣстному служилому князю Федору жалованныя грамоты на имѣніи въ Кіевскомъ повѣтѣ (*Arch. Sang.* I, стр. 111. Ср. *ibid.*, III, 49).

оставивъ двухъ сыновей: Семена и Михаила. На челобитье послѣднихъ о раздѣлѣ между ними Кіевской земли Казиміръ, смотрѣвшій на бывшее владѣніе ихъ отца, какъ только на „доживотье“, отвѣчалъ отказомъ за вину ихъ дѣда, князя Владиміра, „бѣгавшаго въ Москву и тѣмъ пробѣгавшаго отчину свою Кіевъ“. Кіевская земля цѣликомъ была предоставлена королю „отъ себя“ въ управленіе князю Семену, въ значеніи по отчине, а лишь пожалованія „до живота“¹⁾. Тѣмъ же менѣе, князь Семень Олельковичъ правилъ своимъ пожалованіемъ, какъ и его отецъ, на общемъ положеніи удѣльнаго князя и, подобно отцу, титуловался „господаремъ-дѣдичемъ“ Кіевской земли²⁾. Со смертію (въ концѣ 1470 г.) Семена Олельковича навсегда прекратилась самостоятельность Кіевской земли³⁾. Съ назначеніемъ послѣ Семена Олельковича новаго правителя-воеводы (пана Мартына Гаштольда—не князя и не православной вѣры) кіевляне не хотѣли было мириться, но затѣмъ силою „принуждены быша“ подчиниться присланному воеводѣ: „и отселѣ на Кіевѣ князи пересташа быти, а вмѣсто князей воеводы насташа“⁴⁾.

Въ актахъ очень долго встрѣчаемъ упоминанія о „Кіевской землѣ“⁵⁾; универсалъ 1569 г. о присоединеніи ея къ Польшѣ назы-

¹⁾ *Вызовецъ*, 61. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 149. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 37—38.

²⁾ Доп. къ А. З. П., I, стр. 488. *Stadnicki*, *Bracia*, 139. *Wolff*, *Ród Gedym*, 108.

³⁾ По словамъ *Длугоша* (*Hist.*, XIII, 462), Семень Олельковичъ предъ смертію послалъ королю свой лукъ и коня, на которомъ бился за него съ татарами, и поручилъ онекъ короля Кіевское княжество и свою семью. Какъ замѣчено выше (см. общее замѣчаніе объ удѣльномъ строѣ Литовско-Русскаго государства), Казиміръ имѣлъ намѣреніе оставить въ Кіевѣ князя Василя, сына умершаго Семена Олелько; но это намѣреніе встрѣтило въ господарской радѣ сильную оппозицію, въ особенности со стороны магнатовъ (Монвида и Гаштольда), указывавшихъ на то, что, переходя отъ отца къ сыну, Кіевская земля можетъ превратиться въ наследственное удѣльное княжество. Король предоставилъ семьѣ умершаго князя Пинскъ въ „хлѣбокормленье“, а „граничную землю Кіевъ на себе взять“ (А. З. П., I, № 163. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 152—153. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 38). Позже (въ 1496 г.) было въ ходу предположеніе, раздѣлявшееся, повидимому, великимъ княземъ Александромъ и нѣкоторыми членами господарской рады, сторонниками Польши, предоставить Кіевъ съ другими городами „въ удѣлъ“ королевичу Сигизмунду; но предположеніе это не состоялось (А. З. П., I, №№ 135 и 136).

⁴⁾ А. З. П., I, 358. Въ 1489 г. кіевскимъ воеводой былъ панъ Юрій Пацовичъ, въ 1496 г. князь Дмитрій Шутятчъ и пр. (А. З. П., I, № 98, 41).

⁵⁾ См., напримѣръ, А. З. П., II, № 164, стр. 209. Привилей кіевской шляхты 1520 г.: „А которые князи и панове и бояре литовскіе въ Кіевской землѣ“...

вѣсть ее по-старому Кіевскимъ княжествомъ ¹⁾). Во всякомъ случаѣ, едва ли можно документально обосновать мысль о томъ, что, кромѣ замѣны князей воеводами, старые административные порядки и установленія въ Кіевской землѣ остались въ силѣ на прежнихъ основаніяхъ ²⁾). Ближайшимъ результатомъ отиѣны княжескаго наряда было выдѣленіе изъ состава земли Кіева съ его непосредственной волостью въ особое „староство“ или „повѣтъ“ ³⁾, вмѣстѣ съ утратой имъ былого значенія земскаго центра, къ которому тянуло населеніе всей земли. Выдѣленіе кіевскихъ пригородовъ и волостей въ отдѣльные намѣстничества и староства началось еще раньше, при Витовтѣ. именно со времени перваго присоединенія (въ 1396 г.) Кіевской земли къ короннымъ владѣніямъ и введенія по городамъ отдѣльнаго намѣстническаго управленія. На такое же положеніе дѣлъ въ Кіевской землѣ въ началѣ XVI столѣтія указываютъ слѣдующія двѣ статьи привилея кіевской шляхтѣ 1507 г.: „А волости Кіевскія кіяномъ держати, а иному никому. А городки кіевскіе въ нашей волн: кіяномъ будемъ давати, комуси будетъ годити“ ⁴⁾. Пока Кіевская земля составляла удѣльное княженіе, до тѣхъ поръ мѣстные старосты и намѣстники подчинялись общей мѣстной власти—кіевскимъ князьямъ; старое земское единство принадлежавшей имъ области сохранилось въ полной силѣ: всѣ волости и города тянули къ одному общему центру—Кіеву. Съ отиѣной княженія и съ выдѣленіемъ самаго Кіева въ отдѣльный повѣтъ староство съ своимъ особымъ намѣстникомъ-воеводой, прежнее единство земли должно было сразу рухнуть: земля разбилась на совершенно обособленныя волости и староства, не имѣвшія между собой ничего общаго; каждое намѣстничество, каждое староство, съ своими независимыми другъ отъ друга правителями, получили видъ отдѣльныхъ земель округовъ, зависѣвшихъ непосредственно отъ литовскаго господари. Немаловажный ударъ старому земскому единству Кіевской области былъ также нанесенъ, съ одной стороны, шляхетскими привилеями (какъ видно, еще съ Витовта), выдѣлившими древне-русское боярство изъ земщины, какъ особый привилегированный „пародъ“, а съ другой—магдебургскимъ правомъ (съ половины или конца XV столѣтія), поставившимъ „мѣста“ въ

¹⁾ Vol. leg. II, 84. *Stadnicki Bracia Jagielly*, 153.

²⁾ *Любавскій*, Областное дѣленіе, 38.

³⁾ По Длугошу, Кіевъ послѣ отиѣны князей былъ обращенъ въ староство (in capitaneum), а по Стрыйковскому—въ „повѣтъ“ (*Stadnicki, Bracia*, 153).

⁴⁾ А. З. Р., II, № 30.

совершенно изолированное положеніе въ отношеніи къ остальному земскому населенію.

Мысль о разрушеніи стараго земскаго единства Кіевской земли вслѣдъ за упраздненіемъ Кіевского удѣла не представляетъ чего либо новаго въ наукѣ; мысль это давно уже высказана компетентными изслѣдователями ¹⁾. Поосновательность этой-то мысли пытается доказать г. Любавскій въ своемъ изслѣдованіи объ „Областномъ дѣленіи и мѣстномъ управленіи Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута“ ²⁾. На основаніи цѣлаго ряда соображеній авторъ приходитъ къ конечному заключенію о томъ, что политическое и административное единство Кіевской земли сохранилось и послѣ упраздненія въ ней удѣльнаго стола. Представителемъ такого единства является, по мнѣнію г. Любавскаго, кіевскій воевода; къ нему „при упраздненіи Кіевского удѣла перешли многія функции бывшаго удѣльнаго князя“; ему, „какъ высшей инстанціи“, подчинялись великокняжескіе намѣстники; его же суду подлежали всѣ мѣстные князья, паны и бояре, къ какому бы повѣту ни принадлежали, и пр. Свои положенія авторъ мотивируетъ документальными данными, извлеченными изъ извѣстнаго привилея Сигизмунда I Кіевской землѣ (1507 г.), а также изъ нѣкоторыхъ актовъ (рукописныхъ) Литовской Метрики. Въ одномъ изъ послѣдующихъ очерковъ—объ областномъ управленіи Литовско-Русскаго государства, мы подробно разсмотримъ вопросъ о литовско-русскихъ воеводахъ и ихъ отношеніяхъ къ другимъ областнымъ правителямъ. Теперь ограничимся лишь общей замѣткой о воеводахъ кіевскихъ.

Прежде всего остановимся на привилеѣ Сигизмунда I Кіевской землѣ (собственно шляхтѣ кіевской). Въ подтвержденіе своего положенія о томъ, что кіевскій воевода вовсе не былъ равноправнымъ съ намѣстниками пригородовъ, г. Любавскій ссылается на одну изъ статей этого привилея и полагаетъ, что кіевскій воевода, „сѣдши съ князи и бояры“, судилъ всѣхъ князей, пановъ и бояръ этой земли, къ какому бы повѣту они ни принадлежали, „о грабежи безправные“ ³⁾. По этой формулировкѣ статьи кіевского привилея дѣйствительно выходитъ, что кіевскій воевода, по выраженію автора, „высшая инстанція“ для великокняжескихъ намѣстниковъ, являлся виѣстѣ

¹⁾ См., напримѣръ, В. Антоновичъ, Моногр., I, 246 и слѣд.

²⁾ *Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн.* 1892, кн. III, стр. 38; IV, 236 и слѣд.

³⁾ Областное дѣленіе, 237.

съ тѣмъ главнымъ, компетентнымъ судьей для всей кievской шляхты, къ какому бы повѣту кто ни принадлежалъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности дѣло это стояло нѣсколько иначе. Нужно помнить, что кievскій уставъ 1507 г. — чисто шляхетскій привилей ¹⁾; въ немъ „кievской шляхтѣ“ предоставляются права и вольности, какія стала приобретать шляхта литовско-русская еще со временъ Владислава-Ягеллы и Витовта. Какъ извѣстно, въ ряду шляхетскихъ „вольностей“ одно изъ первыхъ мѣстъ занимало право литовско-русской шляхты на непосредственный судъ литовскаго господаря (съ радой). Это-то право предоставляется и кievской шляхтѣ въ привилей 1507 г.: „а коли проступитъ бояринъ, ино намѣстнику нашему (здѣсь разумѣются не только намѣстники, сидѣвшіе въ бывшихъ кievскихъ пригородахъ, но и самъ кievскій воевода), осудивъ и за поруку давши, до насъ отложить; мы такъ волни будемъ въ той винѣ взяти и отпустить“ ²⁾. Въ болѣе важныхъ случаяхъ (каковы въ особенности „грабежи безправные“), когда требовался немедленный судъ на мѣстѣ, что называется, по горячимъ слѣдамъ, кievской шляхтѣ предоставлялось право обращаться на мѣстѣ же къ суду кievскаго воеводы; но этотъ судъ, однако, вовсе не былъ обязателенъ ни для кого изъ кievскихъ князей, пановъ и бояръ. Кievскій воевода судить, „сѣдши съ князи и бояры“, лишь въ такихъ случаяхъ, когда самъ обиженный обратится къ его суду, „коли бы ся который князь, або панъ, або челоувѣкъ нашъ *пожаловалъ* нашему воеводѣ на князя, або на боярина кievскаго“. По дѣламъ о „грабежахъ безправныхъ“, какъ и въ другихъ случаяхъ, вовсе не отмѣнялась подсудность мѣстной шляхты непосредственному господарскому суду. Съ жалобой о грабежѣ, какъ и по другимъ дѣламъ, каждый панъ и бояринъ имѣлъ право, минуя воеводу и намѣстника, обращаться прямо къ господарю литовскому, какъ единственному, компетентному судѣ литовско-русской шляхты. Даже въ томъ случаѣ, когда жалоба о грабежѣ уже заявлена воеводѣ и назначенъ „рокъ“ (проемъ явки сторонъ къ воеводскому суду), предоставлялось шляхтѣ, „по вступая у право“ предъ воеводой, перенести все дѣло на судъ господарскій: „а хто бы, не

¹⁾ Привилей Сигизмунда I данъ кievской шляхтѣ въ подтвержденіе правъ и вольностей шляхетскихъ, предоставленныхъ ей листомъ короля Александра. Вольности эти, какъ видно изъ привилея Сигизмунда, въ большинствѣ стали устанавливаться еще при Витовтѣ (А. З. Р., II, № 30).

²⁾ А. З. Р., № 30, стр. 34.

вступая у право, передъ нашимъ воеводою отозвался на насъ, на господаря, того пустити передъ насъ" и пр. ¹⁾).

Какъ увидимъ ниже изъ очерка управленія и суда по литовско-русскому праву, въ послѣднемъ никогда не исчезало одно изъ коренныхъ возрѣній древне-русскаго права о „посредническомъ“ характерѣ суда и наряда, какъ князя, такъ и другихъ органовъ общественной власти. Возрѣніе это выражалось въ широкомъ развитіи въ литовско-русскомъ правѣ, съ одной стороны, института полюбовныхъ и пріятельскихъ судовъ (позднѣйшихъ „комиссій“, комиссіонныхъ судовъ), а съ другой — системы „приказаній“, или порученій, дававшихся въ каждомъ данномъ случаѣ господаромъ какъ состоявшей при немъ радѣ, такъ и кому либо изъ господарскихъ намѣстниковъ, старостъ и воеводъ, — приказаній, состоявшихъ въ порученіи третейскаго разбирательства по разнымъ вопросамъ и дѣламъ административнымъ и судебнымъ. Затѣмъ, основное начало древне-русскаго административнаго строя земской эпохи, выражавшееся въ непосредственной зависимости намѣстниковъ и волостелей отъ князей безъ всякихъ іерархически-подчиненныхъ отношеній между самими областными правителями, строго держалось и въ литовской Руси до и послѣ упраздненія въ пей княжескихъ удѣловъ: намѣстники, старосты (волостели восточно-русскихъ земель) и воеводы, въ удѣльную эпоху подчинившіеся непосредственно мѣстнымъ удѣльнымъ князьямъ, съ упраздненіемъ въ областяхъ княжескихъ удѣловъ стали подчиняться также непосредственно литовскимъ господарямъ, вступившимъ во всѣ права старыхъ удѣльныхъ князей. Понятіе іерархически-подчиненныхъ одна другой областныхъ „инстанцій“ въ равной мѣрѣ было чуждо какъ восточно-русскому праву вплоть до Петровской административной реформы, такъ и праву литовско-русскому до и послѣ Люблинской уніи. Слѣдуетъ также имѣть въ виду и другую, весьма замѣтную аналогію въ развитіи административныхъ порядковъ Литовской и Московскоѣ Руси: тамъ и здѣсь изстари удерживалась административная обособленность „грамотчиковъ“ — крупныхъ землевладельцевъ (монастырей, большихъ бояръ-вотчинниковъ и пр.), подчинившихся непосредственному суду и наряду князя и княжеской думы. Обособленность эта позже въ Литовской Руси приняла польскую форму исключительной, сословной привилегіи мѣстной поземельной шляхты, тогда какъ въ Московскоѣ Руси административная обособленность

¹⁾ А. З. Р., II, стр. 35.

старыхъ грамотчиковъ стала позже проникаться началами монгольскаго „тарханства“ — служебно-тягловаго и административно-судебнаго подчиненія тарханщиковъ непосредственному суду и управѣ московскихъ государей. Если затѣмъ въ литовско-русскихъ актахъ встрѣчаемъ указанія на то, что воеводѣ данной области вѣрятся иногда дѣла, касающіяся другаго повѣта или владѣній мѣстнаго князя и крупнаго пана-землевладѣльца (старыхъ грамотчиковъ), то это вовсе не значитъ, что эти дѣла вѣрялись воеводѣ, какъ административному „главѣ и старшинѣ“ цѣлой земли, принявшему функции бывшаго удѣльнаго князя и, подобно послѣднему, имѣвшему въ зависимости отъ себя, какъ „высшей инстанціи“, намѣстниковъ пригородныхъ и крупныхъ волостныхъ и повѣтовыхъ землевладѣльцевъ. Въ основѣ всѣхъ подобныхъ случаевъ, несомнѣнно, лежитъ система личныхъ „приказаній“, дававшихся лишь временно на данные случаи. Литовско-русское административное право знало въ этомъ отношеніи лишь систему временныхъ распоряженій и порученій господаря, по отдѣльнымъ административно-судебнымъ случаямъ, никогда не устанавливало никакой общей системы областныхъ инстанцій высшихъ и низшихъ, словомъ, строго держалось древне-русскаго административнаго начала: каждый намѣстникъ-староста вѣдалъ, на одинаковыхъ основаніяхъ съ воеводой, своей волостью-повѣтомъ, каждый зналъ лишь одну высшую инстанцію—власть литовскаго господаря. Въ одинаковомъ „послушаніи“ и зависимости отъ него находился всякій мѣстный урядникъ-правитель (будетъ ли то воевода, староста, маршалокъ цѣлой земли, или же намѣстникъ-староста небольшой волости-повѣта), сажавшійся на данный урядъ самимъ господаремъ. Въ этомъ отношеніи не было рѣшительно никакой существенной разницы вообще между литовскими воеводами и другими областными правителями, намѣстниками-старостами и пр. Система „приказаній“ лишь на данные случаи особенно ясно опредѣляется въ актахъ, касающихся администраціи Волинской земли, гдѣ, по гипотезѣ г. Любавскаго, луцкій староста занималъ будто бы такое же главенствующее положеніе, какъ въ Кіевской землѣ мѣстный воевода ¹⁾. Между тѣмъ, какъ будетъ показано ниже ²⁾, если Луцкій староста иногда дѣйствительно вѣдалъ дѣла другихъ волостей и повѣтовъ, не тянувшихъ непосредственно къ Луцку, то вовсе не въ силу общаго административнаго

¹⁾ Любавскій, Областное дѣленіе, 211.

²⁾ См. въ слѣдующей главѣ—о князьяхъ Збаражскихъ и ихъ отношеніяхъ къ луцкому старостѣ и вообще къ мѣстнымъ господарскимъ урядникамъ.

главенства и старшинства луцкого старосты, но лишь въ силу давшагося ему, обыкновенно вмѣстѣ съ другими мѣстными урядниками, въ каждомъ данномъ случаѣ господарскаго „приказанья“ — „досмотрѣти“ данное дѣло и дать по нему свой „судъ“. Въ волинскихъ актахъ находимъ указанія на такіе случаи рассмотрѣнія дѣлъ нѣсколькими мѣстными урядниками по „господарскому приказанію“, когда первенство давалось, напримѣръ, кременецкому намѣстнику, луцкій староста и волинскій маршалокъ занимали при этомъ второстепенное положеніе ¹⁾. Въ такомъ же смыслѣ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ трактовать и тѣ документальныя данныя, которыя приводятся г. Любавскимъ въ подтвержденіе его гипотезы касательно главенства и старшинства кievскаго воеводы въ ряду другихъ мѣстныхъ урядниковъ-намѣстниковъ, державцевъ и старостъ, назначавшихся литовскимъ господаремъ правителями отдѣльныхъ кievскихъ волостей,

¹⁾ Такой случай принадлежитъ 1475 г. по дѣлу о дѣльницахъ князей Збаржскихъ (Arch. Sang, I, № IXXIV, стр. 69—70). Замѣчательно, что г. Любавскій ссылается, между прочимъ, и на актъ 1475 г. тамъ, гдѣ онъ излагаетъ свою гипотезу о главенствѣ луцкаго старосты, не смотря на то, что этотъ актъ рѣшительно опровергаетъ упомянутую гипотезу. Такое невнимательное отношеніе автора къ показаніямъ актовъ, обнародованныхъ въ печати, невольно наводитъ на сомнѣніе въ томъ, чтобы онъ излагалъ въ надлежащемъ освѣщеніи и архивныя данныя, извлеченныя имъ изъ рукописныхъ матеріаловъ Литовской Метрики. Данныя эти не подлежатъ никакой ближайшей проверкѣ касательно полной точности и вѣрности передачи ихъ въ изложеніи нашего автора. Во всякомъ случаѣ было бы вполнѣ желательно, чтобы почтенный авторъ, какъ видно по всему, пользовавшійся богатымъ запасомъ архивныхъ данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ Литовской Метрики, не ограничился изложеніемъ этихъ данныхъ въ своемъ изслѣдованіи, но обнародовалъ ихъ полностью въ печати, въ приложеніи ли къ своему изслѣдованію, или же въ видѣ отдѣльнаго сборника, какъ это сдѣлалъ не такъ давно Прохаска, издавшій въ 1890 г. „Materiały archiwalne, wycięte głównie z Metryki Litewskiej od 1348 do 1607 г.“, или же проф. С. А. Бернадскій, издавшій въ 1882 г. „Документы и регистры къ исторіи литовскихъ евреяхъ“. Капитальный трудъ петербургскаго профессора о литовскихъ евреяхъ, обоснованный главнымъ образомъ на предварительно обнародованныхъ имъ матеріалахъ Литовской Метрики, безмѣрно выигрываетъ именно тѣмъ, что лежащія въ основѣ этого труда документальныя данныя подлежатъ самой тщательной проверкѣ, благодаря именно предварительно изданному сборнику архивныхъ матеріаловъ. Нужно пожалѣть, что примѣру проф. Бернадскаго не послѣдовалъ нашъ авторъ: достоверность его выводовъ подлежала бы тогда основательной проверкѣ, да и само изслѣдованіе значительно выиграло бы въ томъ отношеніи, что автору не пришлось бы наполнять свою работу массой совершенно лишняго матеріала, разъ этотъ послѣдній былъ полностью изданъ отдѣльно отъ самаго изслѣдованія.

старостѣ и повѣтовѣ. По всему видно, кievскій воевода, подобно луцкому старостѣ, вѣдалъ отдѣльно или большею частью вмѣстѣ съ другими мѣстными намѣстниками-старостами дѣла касавшіяся разныхъ кievскихъ волостей-повѣтовъ, не въ силу своего административнаго главенства надъ остальными кievскими урядниками, но на основаніи „господарскихъ приказаній“, дававшихся великими князьями литовскими лишь на данные случаи, какъ это издавна практиковалось на Волыни и въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ. Во всякомъ же случаѣ данныя, приводимыя Любавскимъ въ подтвержденіе доказываемой имъ гипотезы главенства кievскаго воеводы, а вмѣстѣ съ этимъ и административно-политическаго единства Кievской земли при воеводахъ, извлечены изъ архивныхъ актовъ, вовсе не приведенныхъ полностью въ изслѣдованіи автора, не подлежатъ поэтому никакой точной научной провѣркѣ; отсюда и главное положеніе, основанное на такихъ данныхъ, остается лишь простой, мало доказанной гипотезой, въ научномъ отношеніи не имѣющей никакого серьезнаго значенія ¹⁾.

¹⁾ Дѣйствительно, всѣ архивныя данныя, приводимыя г. Любавскимъ въ подтвержденіе своихъ положеній, лишь резюмируются, а не приводятся въ полномъ составѣ актовъ, изъ какихъ они извлечены авторомъ. Для провѣрки такихъ данныхъ авторъ указываетъ читателю лишь на листы и книги Литовской Метрики, гдѣ помѣщены самые акты. Провѣрка актовыхъ показаній, какъ эти послѣдніе изложены авторомъ, возможна была бы лишь въ такомъ случаѣ, еслибы авторъ, вмѣсто ничего не дающихъ ссылокъ на книги и листы недоступной для читателей Литовской Метрики, потрудился полностью помѣстить въ примѣчаніяхъ тѣ самые архивные акты, изъ коихъ онъ черпалъ доказательства предлагаемой имъ гипотезы. Въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ же изъ такихъ доказательствъ Любавскій дѣлаетъ цѣлое открытіе, утверждая, что при кievскомъ воеводѣ будто бы существовало какое-то, невѣдомое доселѣ „судебно-административное присутствіе“ (не губернскаго ли правленіе нашего времени?), состоявшее изъ намѣстниковъ-старостъ кievскихъ пригородовъ, которые, въ качествѣ помощниковъ кievскаго воеводы, „на ряду съ центральными кievскими урядниками (?), вершатъ вмѣстѣ съ нимъ (воеводой) общія дѣла всей Кievской земли“. Это-то „присутствіе“ при кievскомъ воеводѣ авторъ смѣло выводитъ отъ удѣльнаго времени, приравниваетъ его къ бывшей княжеской думѣ (Областное дѣленіе, стр. 236). Выходитъ, что рядомъ съ кievскимъ воеводой дѣйствовали какіе-то другіе „центральные кievскіе урядники“, что, дагѣ, при воеводѣ, какъ при удѣльныхъ князьяхъ, существовало особое, какъ видно, постоянное присутствіе, въ родѣ старой княжеской думы и т. д. И всѣ эти смѣлыя положенія мотивируются весьма несложными доказательствами: „Такъ, наиримѣръ, намѣстники житомирскій и черкасскій вмѣстѣ съ воеводою Андреемъ Пейпровичемъ выдаютъ (но какъ выдаютъ—по собственной ли инициативѣ, или по господарскому „арказа-

На территории Киевской земли располагались в литовскую эпоху владения различных удельных князей. Мы укажем на главнейшие киевские удѣлы, болѣе или менѣе извѣстные по источникамъ.

На крайнемъ западномъ рубежѣ Киевской земли, по сосѣдству съ владѣніями волынскихъ князей Корецкихъ и Острожскихъ, располагалась по р. Случи въ литовскую эпоху *Звягольская* волость, съ главнымъ городомъ Звяголемъ (или Звягелемъ, теперешнимъ Новградволынскомъ, Волынской губ.). Исторія Звяголя до присоединенія Южной Руси къ Литовскому государству мало извѣстна. Полагаютъ, что Возвягль, одинъ изъ Болоховскихъ городовъ XIII столѣтія, есть позднѣйшій Звяголь Киевской земли ¹⁾. Въ XV столѣтіи Звягольская волость принадлежала къ Киевской землѣ; въ одномъ изъ актовъ конца XV столѣтія говорится о принадлежности Звяголя къ Киевскому „повѣту“ ²⁾; позже, какъ видно, послѣ Люблинской уни., когда образованы были особыя воеводства Волынское и Киевское, Звягольская волость отошла къ Волини ³⁾. Какъ видно изъ актовъ, Звяголь составлялъ владѣніе особыхъ князей звягольскихъ, происхождение которыхъ не опредѣляется въ источникахъ. Сколько извѣстно, князья звягольскіе впервые упоминаются въ привилеѣ князя Свидригайла, 1446 г. Въ числѣ членовъ его рады, подписавшихся на этомъ привилеѣ, упоминаются, между прочимъ, „князь Иванъ Звягольскій, братъ его князь Семень“ ⁴⁾. Затѣмъ, на записи п. Ивашка Дичка, продавшаго дворъ и село Ровное въ 1461 г. князю Семену Васильевичу Несвижскому, въ числѣ „светковъ“ подписался „князь Иванъ

нїю“) въ 1521 г. удостовѣреніе бывшему воеводѣ киевскому пану Юрью Миколаевичу относительно расходовъ его „изъ пензей власныхъ“ въ бытность киевскимъ воеводой. Намѣстниковъ-старостъ киевскихъ пригородовъ мы встрѣчаемъ не разъ при киевскомъ воеводѣ, когда тотъ рѣшаетъ какія нибудь важныя дѣла“. Вотъ и всѣ доказательства, накрѣпленные ссылками на книги и листы Литовской Метрики, и только. Такимъ же малоубедительнымъ, голословнымъ характеромъ отличаются и другія архивныя данныя: провѣрить подлинность и точность ихъ формулировки нѣтъ никакой возможности, и именно потому, что авторъ ограничился лишь ссылками на книги Литовской Метрики и не позаботился привести подлинный текстъ самихъ актовъ (см. Областное дѣленіе, стр. 288 и слѣд.).

¹⁾ *Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ, 118—119. Звяголь есть также въ Галиціи (*ibid.*, 128). Быть можетъ, къ Болоховцамъ тянулъ Галиціей, а не Киевскій Звяголь. Какъ увидимъ ниже, Болоховскіе города располагались, по всѣмъ видимостямъ, группой близъ Галичины, на юго-западномъ рубежѣ Волини.

²⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 117. Ср. А. З. Р., II, № 29, гр. III.

³⁾ *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, 519.

⁴⁾ *Wolff*, *Ród Gedym.*, стр. 98.

Борисовичъ Звягольскій¹⁾). Последними владѣльцами Звягольской волости, послѣ которыхъ Звяголь, очевидно, по праву выморочности, за прекращеніемъ рода мѣстныхъ князей-отчичей, отошелъ къ великокняжескимъ владѣніямъ, были князья Василій и Андрей Семеновичи Звягольскіе²⁾). Оба эти князя имѣли въ 1483 г. тяжбу съ княгиней Маріей Семеновой Трабской изъ-за присвоеннаго князьями Звягольскими имѣнія Остра и другихъ; король Казимиръ присудилъ эти имѣнія князю Трабской³⁾). Изъ приведеннаго выше привилея Свидригайла, владѣннаго Полыню, Брацлавщиной и Кіевской землей, видно, что князья Звягольскіе, наравнѣ съ другими мѣстными князьями, были въ „послушаньи“ Свидригайла, принадлежали къ составу его мѣстной рады. Въ свою очередь князья Звягольскіе пользовались обычными правами удѣльныхъ князей-отчичей. Въ привилеѣ великаго князя литовскаго Александра, 1499 г., есть, на примѣръ, указанія на земельныя пожалованія, какія давались Звягольскими князьями ихъ служилымъ людямъ (слугамъ)⁴⁾). Казимиръ-Ягеллонъ, очевидно, послѣ прекращенія рода князей Звягольскихъ, взялъ ихъ волость „къ своимъ рукамъ“. Въ 1488 г. упоминается великокняжескій намѣстникъ звягольскій Окушка Калениковичъ, въ 1496 — Яковъ Мезъ⁵⁾). Въ концѣ XV столѣтія снова возстановляется удѣльное значеніе Звягольской волости. Въ 1499 г. великій князь литовскій Александръ пожаловалъ Звяголь со всѣми его „приселками“ въ отчину „вѣчно на вѣки“, князю Константину Ивановичу Острожскому и его „властнымъ наследкамъ“, „со всемъ правомъ, панствомъ и власностью“, „тѣмъ же обычаемъ какъ же и перво того держали князата: князь Василей а князь Андрей“ (бывшіе Звягольскіе князья)⁶⁾). На тѣхъ же основаніяхъ король Сигизмундъ, привилеемъ 1507 г., подтвердилъ „вѣчно на вѣки вѣкомъ“ владѣніе Звягольской волостью за княземъ Константиномъ Острожскимъ, его дѣтьми и „напотомъ будущими его

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 54. А. Ю.-З. Р., I, № 19.

²⁾ Arch. Sang., I, стр. 117. А. Ю.-З. Р., II, № 29, гр. III. Любавскій почему-то полагаетъ, что во владѣніи князей Звягольскихъ ихъ волостью былъ перерывъ; но касательно этого обстоятельства мы не нашли никакихъ указаній въ источникахъ (*Любавскій*, Обл. дѣленіе, 241).

³⁾ *Bonieski*, Roczet rodów, стр. 420—421. А. З. Р., I, № 77.

⁴⁾ Arch. Sang., I, стр. 118.

⁵⁾ *Любавскій*, Обл. дѣленіе, стр. 241.

⁶⁾ Arch. Sang., I, стр. 117—118.

счадки и его ближніи¹⁾). Въ позднѣйшее время Звяголь перешелъ во владѣніе князей Любомирскихъ, а затѣмъ Потоцкихъ²⁾.

Въ Киевской землѣ находились также владѣнія другихъ князей. Такъ, въ началѣ XVI столѣтія Брягинская волость, на р. Брягинкѣ, притокѣ Припяти, была пожалована (1507 г.) князю Михаилу Васильевичу *Збаражскому* „до живота“, а въ 1512 г. на вѣчность со всѣмъ—съ мѣстомъ, городищемъ, селами и разными доходами³⁾. Позже князьмъ Збаражскимъ принадлежали также другія Киевскія волости⁴⁾.

На такомъ же основаніи, какъ видно изъ актовъ, князья *Острожскіе* владѣли замкомъ Чудновымъ съ волостью въ Киевскомъ повѣтѣ (на р. Тетеревѣ) еще со временъ киевскаго князя Семена Олельковича (умершаго въ 1470 г.). Въ 1507 г. король Сигизмундъ далъ новое пожалованіе князю Константину Ивановичу Острожскому на владѣніе замкомъ Чудновымъ съ волостью, ему и „его справедливымъ наслѣдникомъ и напотомъ будущимъ ихъ счадкомъ, вѣчно и непо-рушно, со всѣмъ правомъ и панствомъ, такъ долго и широко и округло, кака ся здавна, за отца нашего и перво того за князя Семена Александровича, въ своихъ границахъ мѣлъ, ничего не оставляючи на насъ и на наши наслѣдники“⁵⁾. Тому же князю Константину Острожскому принадлежалъ замокъ Черняховъ съ мѣстомъ, въ Киевскомъ же повѣтѣ (на р. Сухой Быстрицѣ)⁶⁾.

Замокъ Островъ съ волостью еще со временъ Витовта составлялъ удѣлъ князю Миткѣ *Сыжирн*⁷⁾, перешедшій послѣ его смерти, по „близкости“, въ качествѣ отчины, къ его дочери Маріи, бывшей замужемъ за княземъ Семеновичемъ Трабскимъ⁸⁾. Княгиня Трабская въ своемъ завѣщаніи записала Островъ съ другими киевскими воло-

¹⁾ А. З. Р., II, № 29, гр. III.

²⁾ *Baliński, Staroż. Polska*, 2-е изд., III, стр. 43, 518.

³⁾ *Любаевскій*, Обл. дѣленіе, 239.

⁴⁾ Сохранилось, напримѣръ, извѣстіе о томъ, что въ началѣ XVII ст. находились во владѣніи князей Збаражскихъ имѣнія Киевскія: Сяковецъ, Лойовець, Вижна и нижняя Кропивна (*Boniński, Roczet rodów*, 413). О князьяхъ Збаражскихъ см. въ слѣдующей главѣ.

⁵⁾ А. З. Р., II, № 29, гр. I.

⁶⁾ *Любаевскій*, Обл. дѣленіе, стр. 244.

⁷⁾ Боневскій полагаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о Миткѣ Давидовичѣ, племянникѣ великаго князя Свидригайла, казенномъ по приказанію великаго князя Сигизмунда (*Ревизія пущь*, 327. *Boniński, Roczet rodów*, 351).

⁸⁾ А. З. Р., I, № 77.

стями сыну своей сестры, бывшей замужемъ за п. Гаштольдомъ; запись эта въ 1505 г. была утверждена Александромъ Ягеллономъ. Съ тѣхъ поръ Островъ съ волостью остался во владѣніи рода Гаштольдовъ ¹⁾.

При королѣ Казимирѣ Ягеллонѣ замокъ Любечъ (на Днѣпрѣ) съ волостью былъ пожалованъ (1484 г.) въ удѣльное владѣніе московскому выходцу, князю Василю Михайловичу *Верейскому* ²⁾; пожалованіе это было затѣмъ подтверждено въ 1499 г. Александромъ Ягеллономъ. Въ началѣ XVI столѣтія Любечъ перешелъ во владѣніе дочери князя Верейскаго, бывшей замужемъ за п. Гаштольдомъ. За послѣднимъ Любечъ былъ признанъ сначала въ качествѣ простаго „доржанія“, а въ 1516 г. пожалованъ тѣмъ же Гаштольдамъ въ „вѣчность“ ³⁾.

Къ старымъ удѣльнымъ князьямъ Киевскимъ принадлежали князья *Глинскіе*. Родоначальникомъ ихъ считается татарскій выходецъ, князь Лексада, прибывшій при Витовтѣ въ Литву и получившій въ удѣлъ Глинскъ (на р. Сулѣ, въ нынѣшнемъ Роменскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Путивля), по имени котораго князь Лексада и его потомки стали называться князьями Глинскими ⁴⁾. Достоверное показаніе о происхожденіи и древнемъ удѣлѣ князей Глинскихъ находимъ въ ихъ родословной: „къ великому князю Витовту пріѣхалъ служить князь татаринъ Лекса, да крестился, а въ крещенье дано ему имя Александръ; а вотчина у него была Глинскъ, да Глинница, да Полтава“ ⁵⁾. Въ актахъ впервые при Свидригайлѣ, въ составѣ его рады, упоминаются князья Иванъ и Борисъ Глинскіе (1437—1443 гг.); изъ нихъ Борисъ числится въ ряду литовскихъ князей, давшихъ присягу вѣрности новому королю Владиславу ⁶⁾. Кромѣ упомянутыхъ выше, основныхъ отчинъ, князья Глинскіе получали въ потомственное владѣніе отъ бывшихъ киевскихъ князей Омельковичей (Омелька и его сына, Семена), а затѣмъ отъ литовскихъ господарей, цѣлый рядъ

¹⁾ *Boniński*, *Poczet rodów*, 311, 351.

²⁾ Кромѣ Киевскаго удѣла, князю Верейскому были пожалованы владѣнія въ Бѣлоруссіи—Койдановъ и другія волости (см. выше). Въ Московскомъ княжествѣ, до ухода въ Литву въ 1483 г., князь Василій Михайловичъ владѣлъ удѣломъ, состоявшимъ изъ Верей, Вышгорода, Малоярославца и Бѣлозерска.

³⁾ *Boniński*, *Poczet rodów*, 366. *Любаскій*, *Обл. дѣленіе*, 244. А. З. Р., I, № 114. *Skarbiec*, № 2067. *Сборн. Русск. Ист. Общ.*, XXXV, 398—402, 485—486.

⁴⁾ *Boniński*, *Poczet rodów*, 63.

⁵⁾ А. З. Р., I, примѣч., стр. 17, № 60.

⁶⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 34, 38, 43. *Sokołowski-Szujski*, *Cod. epist. s. XV. Boniński*, *Poczet rodów*, 63.

киевскихъ волостей, частью также приобрета́ли купле́нными по сосѣдству съ киевскими отчинами ¹⁾. Въ началѣ XVI столѣтія одинъ изъ князей Глинскихъ (кн. Богданъ) получилъ въ вотчину замокъ Путивль съ тянувшей къ нему волостью; въ одномъ изъ актовъ (1512 г.) князь Богданъ Глинскій, поэтому, прямо титулуется княземъ Путивльскимъ ²⁾. Кроме киевскихъ волостей, князья Глинскіе получали въ разное время господарскія выслуги во многихъ литовско-русскихъ областяхъ. Таковъ Туровъ съ волостями ³⁾, пожалованный въ качествѣ выслуженной вотчины въ началѣ XVI столѣтія, и другія волости, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ Литовской Руси ⁴⁾.

Князья Глинскіе владѣли своими волостями-вотчинами, выслугами и купле́нными по особымъ дѣльницамъ и вообще пользовались обычными правами литовскихъ князей. Первые князья Глинскіе, упоминающіеся въ актахъ (1437—1443 гг.), находились въ „послушаніи“ Свидригайла, владѣвшаго Киевскимъ удѣломъ, и принадлежали къ его мѣстной радѣ; князь Борисъ Глинскій числился подканцлеромъ Свидригайла ⁵⁾. Князья Глинскіе состояли позже въ послушаніи киевскихъ князей Олельковичей, а затѣмъ вообще литовскихъ господарей. Подобно другимъ удѣльнымъ князьямъ, Глинскіе давали жалованныя грамоты, имѣли своихъ бояръ и служилыхъ людей, упра-

¹⁾ Въ актахъ упоминаются слѣдующія волости въ Киевскомъ повѣтѣ, принадлежавшія князьямъ Глинскимъ: Гатная (на р. Красной), Гостомль, Ставокъ, Рунитъ Новый и Старый, Тогановъ, Очковъ, Гладковичи, Тулубле, Неграшовъ, вол. Хотѣвская, Меленская, Биринская, Немирская; затѣмъ, отдѣльныя имѣнія Бобровое и Суцаны въ Ольвской волости, Голубѣвъ, (или Голубѣй) въ Завской волости; въ Черкасскомъ повѣтѣ—волость Рядовоново на р. Тясминѣ (А. З. Р., I, №№ 129, 158, 171, 178; II, № 37. Arch. Sang., I, стр. 111. *Bonięcki. Rozz. godów*, 65).

²⁾ А. З. Р., I, № 73. Ср. *Лубавскій*, Обл. дѣленіе, 245.

³⁾ А. З. Р., I, № 222. См. выше о Туровскомъ княжествѣ.

⁴⁾ По источникамъ, князьямъ Глинскимъ до ухода ихъ въ Москву принадлежали слѣдующія имѣнія въ русскихъ областяхъ: подъ Клецкомъ три двора (А. З. Р., II, № 38); въ Сѣверщинѣ: волость Вулковичи въ Стародубскомъ повѣтѣ и волости Смоленскъ и Жукъ (на Деснѣ) въ Черниговскомъ повѣтѣ (А. З. Р., I, № 138, 158); въ Подляхін—Гонядзь (*Bonięcki, Rozzet*, 64); въ Слонимскомъ повѣтѣ—Лососино (*ibid.*); въ Минскомъ повѣтѣ—вол. Германовская, Кгаряково, Гиратовичи и Готовичи (А. З. Р., I, № 158. *Bonięcki, Rozzet*, 65); въ Витебскомъ повѣтѣ—Клевичій десятокъ или волость Клевича (А. З. Р., I, № 164; II, № 40). Упоминаются также какія-то волости князей Глинскихъ въ Смоленскомъ повѣтѣ (А. З. Р., I, № 78).

⁵⁾ Arch. Sang., I, стр. 34, 38, 43.

влявшихъ подъ именемъ „сотниковъ“ отдѣльными волостями князей Глинскихъ ¹⁾).

Съ конца XV и въ началѣ XVI столѣтія князья Глинскіе, служившіе литовскимъ государямъ въ разныхъ высшихъ урядахъ—воеводъ, намѣстниковъ и пр., подобно другимъ князьямъ-украинникамъ, стали уходить въ Москву. Первымъ литовскимъ выходцемъ является здѣсь князь Иванъ Глинскій, ушедшій въ Москву еще въ 1482 г.; его дѣльница перешла къ братьямъ ²⁾). Главные же представители рода литовскихъ князей Глинскихъ, братья Михаилъ, Василій и Иванъ Львовичи, вмѣстѣ съ племянниками—Дмитріемъ Васильевичемъ и Юрьемъ Хромымъ, вслѣдствіе „зрады“ (измѣны) государю, ушли въ Москву въ 1508 г.; ихъ дѣльницы были конфискованы въ государеву казну, частью же розданы другимъ князьямъ (Корецкому, Пинскому) и панамъ литовскимъ, остававшимся вѣрными государю ³⁾). Князья Глинскіе, не участвовавшіе въ измѣнѣ своихъ родичей и потому оставшіеся въ Литвѣ, вошли въ рядъ захудалыхъ служилыхъ князей, владѣли лишь незначительными помѣстьями въ новѣтахъ Волковыскомъ, Витебскомъ и др. ⁴⁾).

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ самыми крупными магнатами-владѣльцами въ Кіевщинѣ являются волинскіе князья—*Ружинскіе* и особенно *Вишневецкіе*. Своими обширными помѣстьями они владѣли чуть ли не на такомъ же обособленномъ положеніи, какъ и старые удѣльные князья, именно внѣ всякой административной зависимости отъ мѣстныхъ государскихъ намѣстниковъ-старостъ ⁵⁾). Владѣнія князей Ружинскихъ сосредоточивались преимущественно въ Правобережной Украинѣ, въ особенности въ Бѣлоцерковскомъ староствѣ ⁶⁾). Изъ ни-

¹⁾ А. З. Р., I, № 178.

²⁾ А. З. Р., I, № 78.

³⁾ А. З. Р. II №№ 33, 34, 37, 40, 76. *Bonieski*, *Rozzet*, 64—65. *Антоновичъ*, *Моногр.*, I, 241—244.

⁴⁾ *Bonieski*, *Rozzet rodów*, 66—67.

⁵⁾ Проф. В. Антоновичъ прямо называетъ удѣльными князьями Вишневецкихъ, владѣвшихъ въ XVI—XVII столѣтіяхъ дѣлами рядомъ задніпровскихъ замковъ и волостей (Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, стр. 19, 23, 27, 29).

⁶⁾ Въ правобережной половинѣ Кіевщины принадлежали князьямъ Ружинскимъ слѣдующіе земли и отдѣльныя волости: Котельня, Попельня, Скирже, Бакожине, Ромацовъ, Чарилка (Грытково), Жидовцы (Жидове или Матишевичи), Ставище, Гиряки (Шрипки), Кошляки, Сквирь, Городице, Буки (Бурки) и Строковъ (*Źródła dziejowe*, V, стр. 113, *Льстрація Кіевского воеводства начала XVII столѣтія*. Ср. *Bonieski*, *Rozzet*, 286—287).

вентаря имѣній князя Дмитрія Вишневецкаго, составленнаго въ началѣ XVII столѣтія, видно, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ князья Вишневецкіе владѣли значительнымъ числомъ замковъ и волостей главнымъ образомъ на территоріи бывшаго Переяславскаго княжества ¹⁾).

Кромѣ удѣльныхъ владѣній кievскихъ князей, располагавшихся особняками на территоріи Киевской земли и имѣвшихъ значеніе совершенно обособленныхъ въ административномъ отношеніи волостей, Киевская земля разбивалась на отдѣльныя намѣстничества-староства, держанья и волости, бывшія въ управленіи господарскихъ намѣстниковъ-старостъ и державцевъ. Въ правобережной Киевщинѣ, со времени упраздненія великаго кievскаго княженія, образовался рядъ отдѣльныхъ намѣстничествъ или староствъ—административныхъ районовъ, имѣвшихъ каждый своихъ особыхъ правителей, называвшихся то господарскими намѣстниками, то старостами, то державцами ²⁾. Какъ будетъ показано ниже (въ VIII главѣ, о Подольской землѣ), во второй половинѣ XV столѣтія и, повидимому, въ началѣ XVI столѣтія, литовскія владѣнія ниже Подольскаго замка Брацлава, къ востоку и югу отъ Днѣстровскаго притока Мурахвы, тянулись не къ Подолію, а къ сосѣднему Черкасскому намѣстничеству ³⁾. На лѣвой сторонѣ Днѣпра располагались также отдѣльные повѣты, староства и волости, обнимавшія южную часть Сѣверской земли—Посемье (между прочимъ, со включеніемъ Путивля), территорію бывшаго Переяславскаго княжества, со включеніемъ поселеній средняго Поддѣпровья по Сулѣ, Пселѣ и Ворсклѣ ⁴⁾. Какъ видно изъ люстрацій Киевскаго пос-

¹⁾ Къ владѣніямъ Вишневецкихъ, по инвентарю Михаила Вишневецкаго, отпосланы: Полтава, Чигиринъ, Лубны, Хороль, Пирятинъ, Золотоноша, Прилуки, Лохвица, Ромны и др. волости заднѣпровской Украины (*Przedzielski*, Podole, I, 41—44. *Stęcki*, Wołyń, II, 230). О кievскихъ владѣніяхъ Ружинскихъ и Вишневецкихъ см. *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, III, 806, IV, 492; V, 777; VII, 916, 955 и др.

²⁾ Любавскій насчитываетъ въ правобережной Киевщинѣ, съ конца XV до начала второй четверти XVI столѣтія, шесть намѣстничествъ-староствъ: Мозырь, Овручъ, Чернобыль, Житомиръ, Черкасы, Каневъ и нѣсколько отдѣльныхъ волостей господарскихъ (Олевская, Вышгородская, Завская) и панскихъ (Обл. дѣленіе, 237—243)

³⁾ А. З. Р., II, № 109. Ср. *ibid.*, II, № 6, 200. Skarbiec, № 746. *Петровъ*, Подолія, 66.

⁴⁾ Въ половинѣ XV столѣтія, по лѣтописямъ, къ Киевскимъ волостямъ относились: Переяславль (на Трубежѣ), Соویتинь (на Сулѣ), Роменъ и др. Къ Киевскимъ же волостямъ относятся южныя мѣстности, упоминаемыя въ ярлыкѣ Менгли-Гирея, 1506 г.: Сибпорожь, Синечъ (на Сулѣ), Лоспчи (на Пселѣ), Хотмышь (на Ворсклѣ), Осколь и др. (И. С. Р. Л., VI, 240. А. З. Р., II, № 6. *Любавскій*, Обл. дѣленіе, 244—247).

водства первой четверти XVII столѣтія, территориальный составъ Киевской земли въ это время окончательно опредѣлился въ формѣ отдѣльных „староствъ“, на какія раздѣлялось Киевское воеводство вплоть до присоединенія во второй половинѣ XVII столѣтія Киева и лѣвобережной Украины къ Московскому государству ¹⁾).

Киевская земля принадлежала къ великому княжеству Литовскому до половины XVI столѣтія. Въ 1569 году, на основаніи особаго привилея, изданнаго раньше акта Люблинской уніи, бывшее Киевское княжество было присоединено непосредственно къ Польнѣ. Формула уніи Киевской земли съ польскимъ королевствомъ опредѣляется въ актѣ 1569 года такъ: „Княжество и землю Киевскую и всѣхъ обывателей той земли освобождаемъ навсегда отъ подчиненія, власти, повинностей и установленій великаго княжества Литовскаго, дѣлаемъ вольными и къ королевству Польскому, какъ равныхъ къ

¹⁾ По оцртраціямъ Киевскаго воеводства 1616 и 1622 г., оно слагается изъ 11-ти отдѣльных староствъ: Житомирскаго (замокъ и нѣсколько селъ), Овручскаго (замокъ Овручь, мѣстечки—Михайловъ, Меджиречь и Прославецъ и нѣсколько селъ и частныхъ „земель“), Лубецкаго (мѣста Любечъ и Лойова Гора и рядъ волостей), Острожскаго (мѣсто Острогъ, мѣстечки Бобровица и Вышгородъ съ волостями), мѣста Киевъ, стар. Каневского (мѣсто Каневъ и хутора по люстр. 1616 г., 32 поселка по люстр. 1622 г.), Переяславскаго (мѣсто Переяславъ, мѣстечки: Березань, Яготинъ, Гельмазовъ, Быковъ и Лблоновъ; селъ нѣтъ, один хутора по люстр. 1616 г.; къ 1622 г. прибавилось мѣстечко Миргородъ и 25 селъ или хуторовъ), Черкаскаго (по люстр. 1616 г.—мѣсто Черкасъ, мѣстечки—Бровица, Аркалей, Олта и Кропивно, двѣ частныя „земли“—Сиверь и Ворскла; по люстр. 1622 г. прибавились: 4 мѣстечки—Мандалия, Богушково, Константинъ, городище Сарское и 16 селъ), Богуславскаго (мѣсто Богуславское, безъ селъ; по люстр. 1622 г. прибавилось 13 селъ или хуторовъ), Бѣлоцерковскаго (мѣсто Бѣлая Церковь, 4 мѣстечка—Табора, Тригѣсье, Гуляники и Романовъ и 18 селъ и хуторовъ; по люстр. 1622 г. прибавилось мѣстечко Скиръ, Городище, слободы Любомиръ и Пастѣча и до 40 селъ или хуторовъ) и Корсунскаго (мѣсто Корсунь и 6 мѣстечекъ—Стебловъ, Чигринъ, Даниловъ, Крыловъ, Демидовъ и Вышгородъ; селъ нѣтъ, один хутора). См. *Źródła dziejowe*, V, 77 и слѣд. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 284). Въ пору присоединенія лѣвобережной Украины къ Московскому государству старыя киевскія староства были сведены въ „полки“ и „сотни“. Въ церенисныхъ книгахъ, составленныхъ въ 1654 г. по случаю привода къ присягѣ на Московское подданство жителей украинскихъ городовъ и селъ, находимъ подробныя свѣдѣнія о территориальномъ составѣ полковъ—Полтавскаго, Миргородскаго и Бѣлоцерковскаго. Въ Полтавскомъ полку числилось 13 городовъ, 6 мѣстечекъ и 5 слободъ, въ Миргородскомъ—10 городовъ и 6 мѣстечекъ, въ Бѣлоцерковскомъ—17 городовъ и два мѣстечка; въ послѣднемъ полку селъ вовсе не было, а лишь один хутора (А. Ю.-З. Р., X; прилож. къ № 5, стр. 300 и слѣд., 782 и слѣд.).

равнымъ, вольныхъ къ вольнымъ людямъ присоединяемъ,—какъ собственный и истинный членъ къ первому и собственному тѣлу и головѣ, — въ общность, честь, собственность и въ титулъ короны присоединяемъ“¹⁾. Образование Киевскаго „воеводства“ по образцу польскихъ областей принадлежитъ времени уніи Киева съ Польшей²⁾. Унія эта продолжалась почти столѣтіе. Въ 1654 году Киевъ навсегда отошелъ къ Россіи, что затѣмъ подтверждено было Андрусовскимъ миромъ 1667 года и окончательно договоромъ Россіи съ Польшей въ 1686 году. На основаніи этихъ трактатовъ къ Россіи отошла вся Лѣвобережная Украина съ заднѣпровскою частью Киевскаго воеводства, съ городами Любечемъ, Островомъ, Переяславлемъ и частью Черкаскаго староства; на правой сторонѣ Днѣпра за Россіей остался только Киевъ съ ближайшими городами — Трипольемъ, Васильковымъ, Стайками и Вышгородомъ. Вся остальная часть Киевскаго воеводства осталась за Польшей и была присоединена къ Россіи лишь въ 1795 г.³⁾

VII.

Съ конца первой четверти XIV столѣтія входятъ въ составъ Литовско-Русскаго государства *Волинская земля*⁴⁾. Земля эта зани-

¹⁾ Vol. leg. II, 85. *Baliński*, Staroż. Polska, II, 499. *Dziatyński*, Zbiór pr. Lit. 77. Універсалъ о присоединеніи Киевской земли къ Польшѣ изданъ 6-го іюня, актъ же Люблинской уніи 1-го іюля 1569 г. Точно также раньше Любл. уніи изданы акты о присоединеніи Подляхін (5-го марта) и Волини (26-го мая). См. *Stadnicki*, *Bracia Jagiełły*, 158.

²⁾ *Stadnicki*, *Bracia Jagiełły*, 153.

³⁾ *Stadnicki*, *Bracia Jagiełły*, 162. *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е изд., II, 500.

⁴⁾ *C. Руссовъ*, Волинянскія записки (1809). *Карамзинъ*, Исторія госуд. Росс. (1816, т. I и III; позд. изд. 1846). *I. Потоцкій*, Древн. исторія Волинск. губ. (1829). *B. Zimorowicz*, Triplex Leopoldis, czyli historyi miasta Lwowa, wyd. *M. Piwocki* (1835). *Зубрицкій*, Исторія народа русскаго и іерархіи въ Галиціи (1837). *Ею же*, Крит. историч. повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной, или Галицкой Руси (1845). *Ею же*, Gränzen zwischen der russischen u. polnischen Nation in Galizien (1849). *Ею же*, Исторія древн. Галицко-русс. княжества (1852—1855). *Ею же*, Аваніимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ (1855). *Ею же*, Kronika miasta Lwowa. *T. Czacki*, Opisanie historyczne i topograficzne zamku Krzemienieckiego (*Słowianin*, 1839, II). *A. Przebzdziecki*, Podole, Wołyń i Ukraina (1841). *M. Baliński* и *T. Lipiński*, Starożytna Polska (1843 — 1846; 2-е изд., III, 1886). *Noworzucki*, Wiadomość historyczna o zamku Krzemienieckim na Wołyniu (*Bibl. Warsz.*, 1848, II). *H. Немишевъ*, Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волини (1849). Со-

мала древнюю територію славянскаго племени дулѣбовъ, носившихъ позже названія бужанъ, затѣмъ волынянъ (вельнянъ), слѣдвшихъ по западному Бугу и по притокамъ Припети (Стыри, Горыни и Случи). Позже населеніе Волыни становится извѣстнымъ подъ различными мѣстными

именами, Исторія Россіи (1851—1858). *К. Stadnicki*, Synowie Gedymina, I, 1849 (2-е изд., 1881); II, 1858. *Ею же*, Bracia Władysława Jagielly (1867). *Ею же*, Olgerd i Kiejstut (1870). *Ею же*, O początkach arcybiskupstwa i biskupstw katolickich łacińskiego obrządku na Rusi halickiej i Wołyniu (1882). *М. Смирновъ*, Судьбы Червоной или Галицкой Руси до соединенія ея съ Польшею (1860). *И. Шараневичъ*, Исторія Галицко-Володимірской Руси до 1453 г. (1863). *Ею же*, Исследование на полѣ отечеств. географіи и исторіи (1869). *Szaraniec*, Kościelne sprawy na Rusi za rządów Kazimierza W. (Bibl. Ossolin., 1863, II). *Ею же*, Rządy Władysława Opolaskiego w Polsce (Bibl. Ossolin. 1864, IV). *Ею же*, Rys wewnętrznych stosunków Galicyi Wschodniej w drugiej połowie XV wieku (1869). *А. hr. Stadnicki*, Ziemia Lwowska za rządów polskich w XIV i XV w. (Bibl. Ossolin., 1863, III). *Т. I. Stecki*, Wołyń pod względem statyst., historycz. i archeol. (1864—1871). *Ею же*, Zuck starożytny i dzisiejszy (1876). *Ею же*, Miasto Równe (1880). *Ею же*, Książęce gniazdo (1885). *М. Dwiduszycki*, Kronika domowa (1865). *Ею же*, Starostowie ruscy i lwowscy (*Przewodn. literac. i nauk.*, 1875). *Максимовичъ*, Письма о князьяхъ Острожскихъ (1866, Полное собраніе сочиненій, I). *Ею же*, Дубровница (Пол. собр. соч., II). *Кривинскій*, Историч. очеркъ Волыни (Труды Волыnsk. Губ. Статист. Комит., 1867). Кременьць, урядный городъ Волыnsk. губ. (*Волыnsk. Губ. Вид.* 1868, №№ 98—101). *Stupnicki*, Galicya pod względem topogr.-geogr. statyst (1869). *Сендульскій*, Мѣстечко Вишневецъ (*Волыnsk. Еларх. Извѣст.*, 1872, № 22). *К. Вестужевъ-Рюминъ*, Исторія (1872—1885). *Н. Дашкевичъ*, Княженіе Данила Галицкаго (1878). *Ею же*, Волоховская земля (1878). *Ею же*, Литовско-Русское государство, условия его возникновенія и причины упадка (*Кіевск. Унив. Изв.* 1884). *Ею же*, Замѣтки по исторіи Литовско-Русск. государства (1885). *Reifenkugel*, Die Gründung d. röm-katholischen Bisthümer in d. Territorien Halicz u. Wladimir (*Arch. f. österr. Gesch.*, 1875, t. 52). *Я. Головинскій*, Карпатская Русь (*Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1875, VI). *Гórnki*, Stowunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią (*Przewodn. lit. i nauk.*, 1875). *Д. Иловайскій*, Исторія Россіи (1876—1888). *В. Перовскій*, Мѣстечко Корець и князья Корецькіе (*Волыnsk. Губ. Вид.* 1876, № 79). *Ею же*, Матеріалы для исторіи Волыни (1879). *Ј. Bartoszewicz*, Książ i książę (1876; Dzieła *J. Bartoszewicza*, 1881, III). *Ею же*, Wołyń (Енцикл. Повяз., t. XXVII). *Ею же*, Włodzimierskie księstwo (ibid.). *Ею же*, Wiśniowieccy i Zbarascy książęta (ibid., XXVII, XXVIII). *А. Jabłonowski*, Starostwa Ukrainie w pierwszej połowie XVII w. (*Zródła dziejowe*, 1877, V). *Ею же*, Ziemia Wołyńska w połowie XVI w. (ibid., VI). *В. Антоновичъ*, Очеркъ исторіи вел. княж. Литовск. (1878. Монографія, 1886). Свяж. *Н. Трипольскій*, Историч. изслѣдованія о городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Волыnsk. губ. (1879). *Ruśkowskii* i *Radzimiński*, Książowie i szlachta między Sanem, Wierzchem, Bugiem etc. (1880). *А. И. Добрянскій*, О западныхъ границахъ подкарпатской Руси со временъ Владиміра св. (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1880, III). *А. Lewicki*, Obrazki z najdawniejszych dziejów Przemysła (1881). Chelm (Енцикл-

наименованіями: червянъ, владимірцевъ, лучанъ и пр. ¹⁾). Древнѣйшимъ центромъ Волинской земли считается городъ Воляня (Вельня). Позже первенствующее значеніе переходитъ къ Червену, а затѣмъ къ Владимиру ²⁾, сдѣлавшемуся стольнымъ центромъ Волини съ конца X столѣтія (съ Владимира Св.), когда Волянь вошла въ составъ волостей кievскихъ князей. Собственно же съ конца XI столѣтія Во-

Ровнъ., 1881, V). Городъ Холмъ и его святыня (1882). *Линиченка*, Взаимныя отношенія Руси и Польши до конца XII вѣка (*Кіевск. Унив. Изв.* 1882—1883). *Reka-dok*, Iuri II, posledni kniže Veŕkeré Malé Rusi (*Sbornis Miu. Král. Cšsk.*, 1883); Исслѣдованіе о Червенныхъ городахъ (*Холмско-Варш. Вѣстн.*, 1884). *Барсовъ*, Очерки русск. историч. географіи (1885), Холмская Русь (Памяти русск. старини въ Западн. губ., изд. подъ ред. *П. И. Батюшкова*, 1885, VII и VIII). *Д. Навоайскій*, Данилъ Романовичъ Галицкій и начало Холма (*ibid.*, VII). *Г. Хрущевичъ*, Городъ Холмъ (*ibid.*, XX), Краткій очеркъ состоянія Холмской Руси въ религ. отношеніи со времени введенія христіанства до церкви. уніи на Брестск. соборѣ (*ib.*, VIII). *Е. Крижановскій*, Забужная Русь (1885). *А. Ломинозъ*, Червенскіе города. Историч. очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червои Руси (1885). *Ею же*, Грамоты малорусскаго князя Юрія II (*Чтен. съ Моск. Общ. Ист. и Др.*, 1887, II). *Л. Рафальскій*, Путешествіе по Острожскому уѣзду (*Волинск. Губ. Вѣд.*, 1886, № 48). *I. Wolff*, Ród Gedumina (1886). *М. Вобrzyński*, Dzieje Polski (1887). *А. Semkowicz*, Krutyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza do r. 1384 (1887). *А. Петрушевичъ*, О галицко-русскихъ митрополитахъ (Галиц. Ист. Сборн., III). *Н. Ниде*, Wyrok lwowski r. 1421 (1887). *S. Smolka*, Kiejałut i Jagiełło (1888). *Андріашевъ*, Очеркъ исторіи Волинск. земли до конца XIV столѣтія (Сборн. сочин. студент. Унив. св. Владимира, 1888, вып. 6; отдѣльно—1888). *Н. Петровъ*, Волянь; историч. судьбы Юго-Запад. края. Изд. *П. Батюшковымъ* (1888). *К. Liske*, Kilka uwag o sądownictwie czerwonoguskim (*Kwartaln.*, 1888, III). *Е. Breiter*, Władysław Opolski (1889). *К. Gorszycki*, Połączenie Rusi Czerwonéj z Polską przez Kazimierza Wiel. (1889); рец. *Н. Филевича* (*Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.*, 1889, сент.). *Ө.*, Историч. очеркъ угро-русскаго народа и угро-русск. церкви (*Славянск. Извѣстія*, 1889, № 52). *Н. П. Филевичъ*, Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1889; отд. 1890); рец. *Линиченка* (*Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1891, май), *С. Лисевича* (*Прzewodn. liter. i nauk.*, 1891, I и II) и *Чучинскаго* (*Kwartaln. Histor.*, 1891, I). Отзывъ *Н. Филевича*: Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірск. наслѣдіе (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1891, дек.). *Грушевскій*, Волинскій вопросъ, 1097—1102 (*Кіевск. Старина*, 1891, №№ 4 и 5). *М. Любаевскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литов.-Русск. государства (*Чтен. съ Общ. Ист. и Др.*, 1892—1893). *Lewicki*, Powstanie Swidrigiełły (*Rozprawy Krak. Ak.*, t. XXIX). *Копецкы*, Jagiełło i Witold (*Przewodnik*, 1892).

¹⁾ *Андріашевъ*, Очеркъ ист. Волинск. земли, 7 и слѣд.

²⁾ Какъ полагають, на правомъ берегу Западнаго Буга, западнѣе пооднѣйшаго Владимира. См. *Андріашевъ*, Очеркъ, 9, 58. *Филевичъ*, Борьба, 176.

льнѣ выдѣляется въ отдѣльное княжество ¹⁾, составлявшее волость Всеволода Владиміровича, въ родѣ котораго земля эта, съ незначительными перерывами, оставалась до начала XIV столѣтія, то-есть, до времени присоединенія Волыни къ Литовско-Русскому государству. Въ теченіе этого времени образовался на Волыни рядъ отдѣльных княженій-земель, сводившихся въ три основныя группы: княжества Холмско-Червенское (съ XIV столѣтія просто Холмское) и Белзское, образовавшіяся въ послѣдней четверти XII столѣтія изъ старыхъ „Червенскихъ городов“ ²⁾, и княжества Владимірское и Луцкое, составлявшія Волынскую землю въ тѣсномъ смыслѣ ³⁾. Луцкъ съ его волостью занималъ восточную часть Волыни и выдѣлялся въ особое княжество съ половины XII столѣтія, когда къ Волыни была присоединена Погорина, сосѣдняя часть территоріи бывшей Древлянской земли ⁴⁾.

Кромѣ этихъ коренныхъ областей, въ составъ волостей Волынской земли входили въ разное время сосѣднія русскія земли, именно: Галичина съ Забужьемъ, Берестейская земля, Понѣманье и, наконецъ, земля Кіевская.

Галичина (Галицкая или Червоная Русь) уже при Олегѣ находилась въ извѣстной связи съ кіевскими волостями, какъ это показываетъ участіе хорватовъ (древнихъ насельниковъ Галичины) въ Царьградскомъ походѣ Олега. При св. Владимірѣ Галичина вмѣстѣ съ Волынью несомнѣнно принадлежала къ кіевскимъ волостямъ и лишь позже (съ конца XI столѣтія) выдѣлялась въ особое княжество ⁵⁾. Въ концѣ XII столѣтія возстановляется старое единство Червоной Руси и Волыни: обѣ земли (около 1197—1200 г.) соединяются подъ властью Романа Мстиславича, князя волынскаго, и затѣмъ почти до половины XIV столѣтія (до 1349 г.), подъ общими наименованіемъ „Волынской земли“, составляютъ волость мѣстныхъ князей галицко-владимірскихъ или волынскихъ ⁶⁾.

¹⁾ *Филевичъ*, Борьба, 181.

²⁾ *Андріяшевъ*, Очеркъ, 81—95.

³⁾ *Ibid.*, 54—81.

⁴⁾ Погорина простиралась съ востока по водораздѣлу съ Случью, на югѣ—за Случь до истоковъ южн. Буга. См. *Андріяшевъ*, Очеркъ, 37—38.

⁵⁾ *Филевичъ*, Борьба, 176—181.

⁶⁾ *Андріяшевъ*, Очеркъ, 147, 159, 163, 173, 199. *Филевичъ*, Борьба, 184—185. *Яблоновскій*, *Zródła dziejowe*, VI, стр. LIX.

Что касается Забужья (Забужной Руси, или Люблинской земли) ¹⁾, то первоначально земля эта, въ особенности сѣверная ея часть, тянула къ Киеву, затѣмъ къ Турово-Пинскому княжеству и, накопецъ, вошла въ составъ галицко-волинскихъ волостей. Къ Польшѣ Люблинская земля отошла окончательно лишь въ началѣ XIV столѣтія ²⁾.

Съ половины XII столѣтія въ составъ Волинскихъ волостей вошла Берестейская земля (Подляхія), а съ половины слѣдующаго вѣка утвердилось вліяніе волинскихъ князей также въ Турово-Пинскомъ княжествѣ ³⁾. Въ началѣ XIV столѣтія Подляхія и Понѣманье отошла подъ власть литовскихъ князей ⁴⁾.

Накопецъ, въ началѣ XIII столѣтія территоріальныя владѣнія Галицко-Владимірскихъ князей расширяются далеко на востокъ, достигаютъ крайнихъ рубежей Кіевского Поднѣпровья. Съ 1202 года Кіевская земля становится волостью волинскаго князя Романа Мстиславича; Кіевомъ онъ владѣлъ до своей смерти. Зависимость Кіевской земли отъ Галицко-Волинскихъ князей продолжалась до татарскаго нашествія ⁵⁾.

Изъ изложеннаго видно, что наибольшій территоріальный составъ имѣла Галицко-Волинская земля при Романѣ и Данилѣ. Въ это время волинскимъ князьямъ подчинилось населеніе доброй половины юго-западной Руси, на обширномъ пространствѣ между Карпатами и Вислой съ запада и Днѣпромъ съ востока, между верховьями Нѣмана,

¹⁾ Забужье русское занимало въ старину пространство между Вислой, Бугомъ и Нуромъ. Западная часть составляла Украину (*Крыжановскій*, *Забужная Русь*, 76. *Филевичъ*, *Борьба*, 189—190).

²⁾ См. *Филевичъ*, *Борьба*, 191, прим. 3. Какъ полагаютъ, Люблинская земля до XIII столѣтія была весьма мало связана съ Польшей, представляла, по выраженію Крыжановскаго, своего рода Сѣчь, пріютъ бродячаго и гулящаго люда (*Крыжановскій*, *Забужн. Русь*, 48. *Филевичъ*, *Борьба*, 188). Въ концѣ 20-хъ годовъ XIII столѣтія установилась несомнѣнная независимость Люблинской земли отъ Галицко-Волинской Руси при Данилѣ Романовичѣ; зависимость эта продолжалась до 1253 г. Въ концѣ того же вѣка (около 1292 г.) русскимъ опять удалось захватить Люблинскую землю. Къ Польшѣ она отошла лишь въ 1302 году. (*Андриличевъ*, *Очеркъ*, 178, 200. *Филевичъ*, *Борьба*, 185—191; ср. 26).

³⁾ *Андриличевъ*, *Очеркъ ист. Волинской земли*, 9, 46. *Филевичъ*, *Борьба*, 190—192. Сынъ Романа, Шарнъ, нѣкоторое время управлялъ и Литвой, уступленной ему Войшелкомъ, сыномъ Миндовга (*Андриличевъ*, 183).

⁴⁾ *Андриличевъ*, 201.

⁵⁾ Предъ этимъ нашествіемъ въ Кіевѣ сидѣлъ воевода Данила Романовича. Позже Кіевъ отошелъ къ другимъ русскимъ князьямъ—Пррославу Всеволодовичу, затѣмъ Александру Невскому (*Андриличевъ*, 148—151, 169).

Вобра и Нарева съ сѣвера и верхнимъ бассейномъ южнаго Буга и Днѣстра съ юга. Послѣ татарскаго нашествія территориальный составъ Галицко-Волинской земли начинаетъ быстро уменьшаться. При ближайшихъ наслѣдникахъ Данила Романовича отходить отъ Волини Киевская земля; въ началѣ XIV столѣтія отпадаютъ отъ Волини Забужье, Берестье и Понѣманье. Ко времени присоединенія Волинской земли къ Литовско-Русскому государству ея территориальный составъ ограничивался Галичиной и коренными Волинскими областями: Холмской, Белзской, Владимірской и Луцкой ¹⁾.

Изъ-за обладанія этимъ-то „галицко-волинскимъ наслѣдіемъ“, оставшимся послѣ волинскихъ князей Романовичей, завязывается въ XIV столѣтіи упорная борьба между государствами Литовско-Русскимъ и Польскимъ.

Обладаніе Волинской землей входило въ общую задачу литовской политики, намѣченной вполнѣ сознательно еще со времени Гедимиша: объединеніе западно-русскихъ земель подъ властью литовскихъ вождей было въ интересахъ какъ Литвы, оказавшейся безсильной въ борьбѣ съ нѣмецкими крестоносцами, такъ и русскаго населенія, желавшаго избавиться отъ ордынской зависимости. Въ борьбѣ Литвы-Руси съ Польшей всѣ литовскіе князья были одинаково солидарны: для Литовско-Русскаго государства Волинь, какъ и Берестье, составляло порубежье, стоявшее на стражѣ литовскихъ владѣній со стороны западныхъ сосѣдей, въ особенности Польши и Венгрии ²⁾. Борьба съ

¹⁾ Понятіе „Волинской“ земли не только при старыхъ князьяхъ Романовичахъ, но и въ пору установленія на Волини власти литовскихъ князей не ограничивалось собственно Волинскими землями: Белзской, Холмской, Владимірской и Луцкой, но распространялось также и на Галичину. Положеніе это, на нашъ взглядъ, бесспорно доказано проф. И. П. Филевичемъ. Указанное понятіе Волинск. земли лежитъ въ основѣ, напримѣръ, лѣтописнаго опредѣленія территоріи владѣній Любарта: „а Любарта принялъ володимерскій князь къ дотце во Володимерь и въ Луцкѣ и во всю землю Волинскую“. Въ русскихъ лѣтописяхъ „Волинскими“ князьями называются и такіе, какъ Лень, сидѣвшій въ Галичинѣ (Ипат. лѣт., 588); точно также Волинскими городами называются не только Владиміръ или Луцкъ, но и Львовъ, Черемныль, Галичъ и Самборъ (И. С. Р. Л., VII, 240). То же понятіе имѣетъ Волинская земля въ житіи митрополита Петра и ир. (См. И. Филевичъ, Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси за галицко-волинское наслѣдіе, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891, декабрь, стр. 326, 339). Этимъ же значеніемъ Волинской земли доказывается справедливость мысли о правахъ Любарта не только на Луцкъ и Владиміръ, но и на Галицкую землю (Филевичъ, Борьба, 47—48, 82).

²⁾ См. *Smolka*, Kiejstut, 10.

Польшей въ XIV столѣтїи ведется, поэтому, не одними мѣстными силами, бывшими въ распоряженіи волинскаго князя Гедиминовича (Любарта), но, по возможности, силами всего Литовско-Русскаго государства. Солидарность дѣйствій Гедиминовичей въ борьбѣ съ Польшей за галицко-волинское наслѣдіе въ особенности высказывается въ трактатахъ о разграниченіи владѣній литовско-русскихъ и польскихъ: въ этихъ трактатахъ принимаютъ дѣятельное участіе всѣ представители литовскихъ интересовъ, не только волинскій князь Любарть, но и, главнымъ образомъ, великій князь литовскій Ольгердъ, Кейстутъ и др. ¹⁾).

Съ другой стороны, территоріальныя приобрѣтенія на Русь составляли не менѣе жизненный вопросъ для сосѣдней Польши, въ отношеніи къ которой въ то время многое свидѣтельствовало о „крайнемъ истощеніи силъ польскаго организма“. По признанію самихъ польскихъ историковъ, Польша двинулась на Русь „за хлѣбомъ насущнымъ“ и, дѣйствительно, нашла въ Русской землѣ обильные его запасы, поддержавшіе истощенныя силы Польши ²⁾. Стремленіе Казимира подчинить себѣ земли, принадлежавшія къ великому княженію Галицкому, ближайшимъ образомъ могло основываться на династическихъ счетахъ, по которымъ на галицкое наслѣдіе имѣли право князья Мазовецкіе, переуступившіе ихъ польскому королю ³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что подобные счета могли служить только формальной основой территоріальныхъ захватовъ Польши на Русь: добываніе въ русской землѣ „насущнаго хлѣба“ являлось вполне реальной подкладкой борьбы Польши съ Литвой-Русью, закончившейся лишь въ послѣдней четверти XIV столѣтія.

Начало польскихъ попытокъ территоріальныхъ приобрѣтеній въ сосѣдней Русской землѣ совпадаетъ съ смертью Юрія-Болеслава, послѣдняго представителя (по женской линіи) галицкихъ князей Романовичей. Движеніе Казимира на Русь въ 1340 г. не привело ни къ какимъ благоприятнымъ для Польши результатамъ ⁴⁾. Первое территоріальное приобрѣтеніе Польши въ Русской землѣ упоминается въ 1345 г., когда во власти Казимира уже находился Санокъ, крайній

¹⁾ *Филевичъ*, Борьба, 101—102, 113—114. *Ею же*, Къ вопросу о борьбѣ и проч., 341.

²⁾ *Stolka*, Rok 1386, стр. 76. *Филевичъ*, Борьба, 53.

³⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 128.

⁴⁾ *Филевичъ*, Борьба, 55 и сл. Къ вопросу о борьбѣ и пр., стр. 337.

западный городъ Галицкаго княжества ¹⁾. Въ 1349 г. предпринято было Казиміромъ новое движеніе на Русскую землю, въ результатѣ котораго было завоеваніе Польшей въ томъ же году Львовской земли (вмѣстѣ съ Галичемъ); завоеваніе простерлось также на Кременецъ ²⁾. Трактатомъ о двухлѣтнемъ перемиріи, заключеннымъ въ 1352 г. литовскими князьями (Евнутомъ, Кейстутомъ, Любартомъ и др.) съ Казиміромъ, положено было: королю „держати Львовскую землю исполна“, а литовскимъ князьямъ (собственно Любарту) „держати Володимѣрьскую, Луцкую, Бѣзъскую, Холмскую, Берестинскую (последнюю—Кейстуту) исполна жъ; а Кременецъ держати Юрью Паримощтовичю отъ князей литовскихъ и отъ короля, за два лѣтъ“ ³⁾. Перемирие 1352 г. не имѣло значенія окончательнаго рѣшенія вопроса о галицко-волинскомъ наслѣдіи: оно лишь временно закрѣпило за Казиміромъ пріобрѣтеніе, сдѣланное имъ тремя годами раньше. Территориальныя пріобрѣтенія на Волыни, достигнутыя Казиміромъ вооруженной силой въ 1366 г., еще болѣе слѣзили литовскія владѣнія въ этой южно-русской области. Благодаря союзу съ орденомъ, вторгшимся въ Литву и отвлекшимъ литовскія силы для защиты государства съ сѣвера, Казиміръ успѣлъ въ одинъ походъ захватить значительную часть Волинской земли. По договору 1366 г. ⁴⁾, заключенному

¹⁾ Въ 1339 г. Санокъ еще принадлежалъ къ Галицкой землѣ. Когда онъ отошелъ къ Польшѣ,—неизвѣстно. Полагаютъ, что это могло случиться не въ 1340 г., но позже, быть можетъ, въ томъ же (1345) году, отъ котораго дошло извѣстіе о Санокѣ, какъ городѣ, бывшемъ уже во власти Казиміра (*Филевичъ*, Борьба, 87: Къ вопросу о борьбѣ, 338—339).

²⁾ *Филевичъ*, Борьба, 88—93.

³⁾ А. З. Р., I, № 1. Ср. *Филевичъ*, 93, 97, 100. При Казимірѣ Галичина дѣлилась на три части: Покутье—все пространство отъ Днѣстра до Карпатъ, въ болѣе узкомъ смыслѣ—уголъ между Черемошемъ и Прутомъ; Подгорье—западная часть Покутья, прилегавшая къ Карпатамъ; Подолье (лѣгонис. Понизье)—Галицкое Подлѣстовье, къ востоку отъ р. Стрипы (*Филевичъ*, Борьба, 102). Въ 1379 г. Галичина отошла было къ Венгріи; въ 1387 г. окончательно присоединена къ Польшѣ. Галичина рассматривалась сначала въ значеніи „*królewskazupa*“, бывшей въ полномъ распоряженіи короля, составила личное его достояніе. Лишь со времени Единской конституціи 1433 г., уравнившей Галицію по правамъ и привилегіямъ съ остальными частями королевства, Галичина, подъ общимъ именемъ русскаго воеводства, вошла въ общій составъ польскихъ провинцій (*Филевичъ*, Борьба, 3, 53, 116—118, 120, 208—209).

⁴⁾ Проф. И. П. Филевичъ, въ своемъ изслѣдованіи: „Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-волинское наслѣдіе“ (стр. 104—108), изложилъ рядъ доводовъ, говорящихъ о договорѣ 1366 г., какъ о „позднѣйшей и при томъ весьма грубой поддѣлкѣ“. Послѣдовавши, затѣмъ, разъясненія другихъ изслѣдователей, вызван-

Ольгердомъ и другими литовскими князьями (Кейстутомъ, Евнутомъ. Любартомъ и др.) съ польскимъ королемъ, Казиміромъ, послѣднему досталась вся западная половина собственно Волынской земли: Владиміръ съ округами—Городельскимъ, Любомльскимъ, Турійскимъ, Ратнепскимъ, Коширскимъ и Влучимскимъ; затѣмъ къ Польшѣ отошли Кремепецъ, Перемысль ¹⁾, Олеска, Белзъ, Грабовецъ, Холмъ, Щебрешицъ и Лонатицъ. Во владѣніи Любарта осталась, по тому же договору, Луцкая земля со всѣми старыми ея волостями: Стожкомъ. Даниловымъ, Закамнемъ, Шумскомъ, Острогомъ, Полоннымъ и Межибожемъ. Кромѣ Луцкой земли, король отказался въ пользу Любарта отъ нѣсколькихъ округовъ, тянувшихъ непосредственно къ Владиміру; сюда причислены были: Ветлы, Любяжъ, Чернечь Городокъ, Камень и Мельникъ ²⁾.

Что касается недавно изданнаго въ архивѣ Сангушковъ ³⁾ договора Любарта съ Казиміромъ, то, по всему видно, его нельзя считать предварительнымъ соглашеніемъ, предшествовавшимъ договору литовскихъ князей 1366 г. Еслибы въ дѣйствительности Любартовъ договоръ намѣчалъ именно предварительныя условія, которыя затѣмъ были санкционированы соглашеніемъ другихъ литовскихъ князей, то между условіями обоихъ договоровъ не было бы значительной разницы, какая замѣчается между ними. Въ Любартовскомъ договорѣ заключается именно цѣлый рядъ *уступокъ* со стороны короля въ пользу Луцкаго князя,—уступокъ, гораздо болѣе льготныхъ для послѣдняго, сравнительно съ условіями договора литовскихъ князей 1366 г. Уступки. выговоренныя на предварительномъ соглашеніи, непремѣнно, въ такой

ния трудомъ проф. Филевича, повели, какъ кажется, къ болѣе положительному разрѣшенію спорнаго вопроса. Въ своемъ отвѣтѣ („Къ вопросу о борьбѣ“ и пр.,—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891, декабрь, стр. 341) проф. Филевичъ, съ полной добросовѣстностью серьезнаго ученаго, не настаиваетъ больше на прежнемъ своемъ мнѣніи о значеніи договора 1366 г.

¹⁾ Перемышль съ тянувшими къ нему волостями, повидямому, входилъ въ составъ владѣній Любарта до 1366 г. и отошелъ къ Польшѣ лишь въ этомъ году, послѣ похода Казиміра въ Волынскую землю. Раньше отошедшія къ Польшѣ земли (Львовская и Галицкая) вовсе не упоминаются въ договорѣ 1366 г.

²⁾ Послѣднія двѣ мѣстности, подъ именемъ Мельника и Каменя Кошерскаго, обозначены на польской картѣ 1772 г. (*Baliński*, IV, 720) выше Владиміра, къ востоку отъ р. Турія. Договоръ 1366 г. изложенъ у Нарушевича (*Historya*, изд. Лейпц., 1887, IX, стр. 244 и сл.; въ изд. Варшавск., т. VI, стр. 241 и слѣд.), Даниловича (*Skarb.*, № 432), Рыкачевскаго (*Inventarium*, 871).

³⁾ Arch. Sang., I, № 1.

или иной формѣ, вошли бы въ окончательный договоръ, а ихъ-то именно и нѣтъ въ послѣднемъ: договоръ 1366 г. весь направленъ противъ литовскихъ интересовъ. Уступки несомнѣнно могли появиться лишь позже. Въ то время, какъ договоръ 1366 г. отрѣзываетъ отъ любартовскихъ владѣній, можно сказать, прямой линіей все Владимірское княжество (за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, тянувшихъ съ востока непосредственно къ Владиміру), въ договорѣ съ Любартомъ Казиміръ сдѣлалъ ему значительную уступку, ограничившись Владиміромъ и сравнительно незначительнымъ, тянувшимся къ нему, округомъ ¹⁾. Затѣмъ, Любартовскій договоръ заключаетъ другія, несомнѣнно выгодныя для Любарта, условія ²⁾, которыя опять не вошли въ договоръ литовскихъ князей, чего на дѣлѣ не было бы, разъ Любартовъ договоръ дѣйствительно имѣлъ значеніе предварительнаго соглашенія, предшествовавшаго основному договору 1366 г.

Въ виду изложенныхъ соображеній нужно полагать, что Любартовскій договоръ былъ на дѣлѣ сепаратнымъ, дополнительнымъ соглашеніемъ Любарта съ Казиміромъ, состоявшимся уже послѣ договора 1366 г. ³⁾, когда, какъ видно по всему, польскій король согласился на значительныя уступки въ пользу лужскаго князя. Если это такъ, то становится понятнымъ, почему позднѣйшій договоръ заключенъ однимъ Любартомъ, безъ участія другихъ литовскихъ князей: Любартовскій договоръ ограничился исключительно вопросами, касавшимися одной Волыни, и ни малѣйшимъ образомъ не шелъ въ разрѣзъ съ общелитовскими интересами, почему онъ и не нуждался вообще въ санкціи со стороны остальныхъ князей.

Наконецъ, разъ признаемъ Любартовскій договоръ не предварительнымъ соглашеніемъ, а самостоятельнымъ дополненіемъ къ договору

¹⁾ Округъ этотъ простирался къ Владиміру, съ весьма небольшимъ протяженіемъ къ востоку и сѣверу. Сѣверные предѣлы земель, отошедшихъ къ Казиміру, не переходили за Стоходъ съ одной и верховьевъ Турія—съ другой стороны (Филевичъ, Борьба, 105—106).

²⁾ „Мыто не примышляти, но какъ изъ вѣка пошло; а по старымъ дорогамъ гостемъ пойти куда хочеть, а гостя не приневоляти, но куда хочеть, туды поидеть“. Въ договорѣ литовскихъ князей Любартъ безусловно обязывается помогать королю своимъ войскомъ въ случаѣ войны его съ кѣмъ бы то ни было,—въ Любартовскомъ договорѣ сдѣлано исключеніе на случай войны короля съ „братьями“ Любарта, который, въ такомъ случаѣ, не обязанъ помогать ни той, ни другой сторонѣ (Arch. Sang., I, № 1).

³⁾ Въ какое именно время—незавѣстно, но во всякомъ случаѣ до 1370 г., когда оба договора были уже вполнѣ нарушены съ литовской стороны (см. ниже).

литовскихъ князей 1366 г., можно, какъ кажется, болѣе точнымъ образомъ выяснитъ также вопросъ о томъ, имѣлъ ли договоръ 1366 г. такой же характеръ временнаго „перемирья“, какъ и договоръ 1352 г., или же его нужно считать окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о галицко-волинскомъ наслѣдіи? Въ договорѣ 1366 г. нѣтъ точныхъ указаній по вопросу о времени, на какое онъ былъ заключенъ, то-есть, нужно ли считать его „вѣчнымъ“ миромъ, или же только срочнымъ перемирьемъ? Намъ кажется, что этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ, приблизительно разрѣшается, разъ сопоставимъ оба договора, какъ отдѣльные самостоятельные акты, дополняющіе другъ друга въ опредѣленіи отношеній Польши и Литвы-Руси къ галицко-волинскому наслѣдію. Если признать договоръ литовскихъ князей 1366 г. „вѣчнымъ“, безсрочнымъ миромъ, то несомнѣнно слѣдуетъ признать таковымъ же и послѣдовавшій затѣмъ, дополнительный договоръ Любарта съ Казиміромъ. И наоборотъ: разъ основной договоръ имѣлъ характеръ лишь временнаго соглашенія, не рѣшавшаго въ корнѣ спорныхъ вопросовъ,—и дополнительный договоръ не могъ имѣть инаго значенія, не могъ идти въ разрѣзъ съ обще-литовскими интересами и вообще не могъ выходить, въ этомъ отношеніи, изъ рамокъ опредѣленной основнаго договора. Въ этомъ-то послѣднемъ смыслѣ, какъ кажется, и ставится данный вопросъ въ Любартовскомъ договорѣ: въ немъ находимъ (впрочемъ, не совсѣмъ ясно) упоминаніе о срокѣ, въ теченіе котораго обязательно исполненіе условій, изложенныхъ въ договорѣ ¹⁾. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, несомнѣнно, Любартовскій договоръ

¹⁾ „Оль (доколь) на годъ минеть Дмитріевъ день“ (26-го октября), то-есть, договоръ заключается на годъ съ Дмитріева дня, Издатели архива Саугушекъ полагаютъ, что упомянутый срокъ касается не всего договора, а лишь условія о взаимной военной помощи, а также „nie wspierania Geduiminowiczów przeciw Kazimierzowi W.“ (послѣдняго условія нѣтъ въ договорѣ: Любарта не могъ обязываться за другихъ литовскихъ князей). См. Arch. Sangusz., I, стр. 154, нр. I, пунктъ б. По справедливому замѣчанію проф. Н. П. Филевича (Борьба, 108, нр. I), изложенное предположеніе не имѣетъ за себя никакихъ основаній. Въ исторіи междусоюзныхъ „докончаній“, заключавшихся въ старое время князьями, вездѣ, какъ на Руси и Литвѣ, такъ и у другихъ славянъ и вообще среднепѣkovýchъ европейскихкихъ народовъ, едва ли есть хоть одинъ примѣръ установленія срочности условія о вооруженной взаимной помощи въ докончаньяхъ, по существу, безсрочныхъ, то-есть, имѣвшихъ характеръ „вѣчнаго мира“. Условіе о взаимной помощи и охранѣ вездѣ и всегда было основнымъ пунктомъ междусоюзныхъ докончаній стараго времени,—пунктомъ, опредѣлявшимъ основной характеръ всего докончанья. Разъ взаимная помощь выговаривалась лишь на время, и все докончанье носило срочный характеръ, и наоборотъ.

твердо держался договора 1366 г.: Любарть, въ своемъ договорѣ, не могъ произвольно измѣнять ни одного изъ коренныхъ условій, принятыхъ раньше по соглашенію литовскихъ князей, разъ такое или иное измѣненіе могло идти во вредъ литовскимъ интересамъ ¹⁾).

И дѣйствительно, послѣдующія дѣйствія Гедиминовичей вполне оправдываютъ возвращеніе на договоръ 1366 г., какъ лишь на „временное перемирие“, а не „вѣчный миръ“. Не прошло и пяти лѣтъ, какъ оба договора Гедиминовичей были въ корнѣ ими нарушены, и это обстоятельство не вызвало съ польской стороны, какъ видно, никакого серьезнаго протеста: Гедиминовичи, очевидно, дѣйствовали по праву, не соображаясь больше съ договоромъ 1366 г., потерявшимъ силу за истеченіемъ срока, на какой онъ былъ принятъ. Тотчасъ по смерти Казимира въ 1370 г. Кейстуть съ Любартомъ взяли Владиміръ безъ всякаго сопротивленія съ польской стороны; къ Литвѣ отошли затѣмъ и другія мѣста, занятая съ 1366 г. польскими гарнизопами ²⁾. Къ этому же времени слѣдуетъ относить и возвращеніе Холма и Белза изъ польскаго обладанія; извѣстно, по крайней мѣрѣ, что Белзско-Холмская земля не была подвѣдома Владиславу Опольскому, которому новый король (Людвикъ) въ 1372 г. передалъ въ управленіе Галичину ³⁾. Лишь въ 1377 г. Холмско-Белзская земля была окончательно завосвана поляками и навсегда вышла изъ состава Волынской земли ⁴⁾. Видно также, что въ томъ же году были заняты поляками и нѣкоторые другіе волынскіе города, которые лишь по смерти Людовика (1382 г.) были сданы Любарту обратно мадьярскими начальниками занятыхъ городовъ ⁵⁾.

Польско-литовская борьба изъ-за территоріальныхъ приобрѣтеній въ русской землѣ прекратилась, собственно говоря, съ тѣхъ поръ, какъ съ исторической арены сошли Ольгердъ, Кейстуть и Любарть ⁶⁾—главные борцы старой Литвы-Руси, крѣпко державшіеся

¹⁾ По договору 1366 г. Любарть обязанъ, въ случаѣ веденія войны королемъ и великимъ княземъ литовскимъ, помогать имъ своимъ войскомъ; въ свою очередь, въ такихъ же случаяхъ король и великій князь обязываются помогать Любарту своими войсками (*Skarbiec*, № 432).

²⁾ Какъ полагаютъ, литовцы въ 1370 г. доходили до Сандомира безъ особаго сопротивленія со стороны поляковъ (*Филевичъ*, Борьба, 109—110).

³⁾ *Филевичъ*, Борьба, 110.

⁴⁾ *Ibid.*, 110, 112.

⁵⁾ *Филевичъ*, Борьба, 116.

⁶⁾ Солидарность этихъ трехъ братьевъ Гедиминовичей, дружно преслѣдовав-

политики территориальной цѣльности и національно-политической самобытности Литовско-Русскаго государства. Территориальныя приоб-рѣтенія и захваты въ Галицко-Волинской землѣ закрѣплены за Польшей не столько „случайностью“ — бракомъ Ягеллы съ Ядвигой ¹⁾, сколько полной переимѣной фронта въ польско-литовской политикѣ, обозначившейся вскорѣ послѣ смерти Ольгерда и Кейстута. Переимѣна эта, вызванная, главнымъ образомъ, необходимостью борьбы съ сильными сосѣдями (между ними на первомъ планѣ становится съ XV столѣтія Москва), приняла вполне законченную форму польско-литовской уніи новой политической системы, первая начала которой были заложены при Владиславѣ-Ягеллѣ и затѣмъ послѣдовательно развиты при его преемникахъ—Ягеллонахъ. Это-то новое направление польско-литовской политики безповоротно рѣшило вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ литовско-русскихъ областей, въ томъ числѣ и Волинской земли. Какъ извѣстно, однимъ изъ первыхъ актовъ Люблинской уніи 1569 г. было присоединеніе Волыни непосредственно къ Польшѣ.

Рядомъ съ польскимъ вопросомъ, вліявшимъ на территориальный составъ Галицко-Волинской земли, послѣдняя должна была считаться въ литовскую эпоху также съ другимъ, не менѣе существеннымъ вопросомъ—съ ордынскою зависимостью, въ силу которой Волинская земля считалась такимъ же татарскимъ „улусомъ“, какъ и другія русскія земли, подручныя ордынскимъ ханамъ. Въ Сѣверщинѣ, Кіевщинѣ и Подоліи татарскій вопросъ былъ безповоротно порѣшенъ сразу, можно сказать, въ самый моментъ присоединенія ихъ къ Литовско-Русскому государству. Не такъ стоялъ татарскій вопросъ въ Галицко-Волинской землѣ: подобно старымъ волинскимъ князьямъ Ромаловичамъ и Даниловичамъ, Любарть и Казиміръ, боротившіеся изъ-за обладанія Галицко-Волинской землей, должны были волей-неволей стать въ ряды „ханскихъ холоповъ“.

Татарское владычество установилось на Волыни и въ Галичинѣ въ одно время съ другими южно-русскими землями. Первое наше-ствіе Батыевой орды на Галицко-Волинскую землю относится къ 1240 г. Ордынское данничество этой земли было формально признано лишь въ концѣ 1245 г., когда Данилъ Романовичъ долженъ

шихъ и осуществлявшихъ въ своей дѣятельности одинаковую политическую программу, указано въ правдивомъ и мѣтвомъ очеркѣ проф. *И. П. Филевича* (Борьба, 113—115).

¹⁾ *Филевичъ*, Борьба, 53.

былъ явиться къ хану на поклонъ, признать свою зависимость отъ него, съ обязанностью платить татарскую дань и вообще стать въ положеніе ханскаго „холопа“. Впрочемъ, на первыхъ порахъ замѣчалась нѣкоторая разница въ отношеніяхъ волынскихъ князей къ ордѣ сравнительно съ другими русскими князьями. На Волини и въ Галичинѣ дань татарскую собирали не ордынскіе баскаки, а сами князья; послѣдніе не ѣздили въ орду ни на поклонъ, ни за ярлыками на княженіе и пр. Вмѣшательство татаръ въ галицко-волинскія дѣла началось лишь при Львѣ Даниловичѣ, впервые призвавшемъ татаръ въ Галицкую Русь. Съ этихъ поръ отношенія татаръ къ галицко-волинскимъ князьямъ подходятъ подъ общій типъ ордынской зависимости, какой въ то время подлежали вообще князья сѣверной и восточной Руси: „тогда бяхуть вси князи Русци в воли татарской покорени“¹⁾. По смерти послѣднихъ князей Даниловичей (Андрея и Льва), Узбекъ присылаетъ въ Русь двухъ своихъ намѣстниковъ. Юрій-Волеславъ сѣлъ на галицкомъ столѣ не безъ согласія ханскаго²⁾. То же было, нужно полагать, и при назначеніи Любарта наслѣдникомъ всѣхъ владѣній будущаго его тестя, Андрея Юрьевича, волинскаго князя.

Отношенія Литвы къ татарамъ послѣ занятія Волинской земли сразу не могли установиться со всей точностью. Татарскій вопросъ на Волини и въ Галичинѣ, естественно, долженъ былъ опредѣляться прежде всего борьбой, завязавшейся между Любартомъ и Казиміромъ изъ-за галицко-волинскаго наслѣдія. Татары, силою вещей, должны были принять въ этой борьбѣ сторону литовскаго князя: въ данномъ случаѣ интересы татаръ вполнѣ совпадали съ интересами Любарта. Участвуя въ отпорѣ Казиміру, при первомъ его нападеніи на Галичину (въ 1340 г.), татары прежде всего охраняли свои права на Русскую землю. Союзъ Любарта съ татарами, порванный было на время, возобновленъ съ 1351 г. Татары въ это время дѣйствуютъ за одно съ литовцами: союзъ Ольгерда и Любарта съ татарами былъ вызванъ именно занятіемъ Галичины Казиміромъ³⁾.

Въ первомъ договорѣ литовскихъ князей съ Казиміромъ (1352 г.) въ полной силѣ проявляется ордынская зависимость Волинской земли, — зависимость эта имѣется въ виду обѣими сторонами, заключавшими

¹⁾ Илат. лѣт., 588. См. *Андришисъ*, Очеркъ, 175, 185 — 187, 193. *Филевичъ*, Борьба, 49.

²⁾ *Филевичъ*, Борьба, 50.

³⁾ *Филевичъ*, Борьба, 101—102.

договоръ, — и литовскими князьями, и Казиміромъ. По договору 1352 г., „Руси *неволя* пойти и с татары“ въ случаѣ похода ихъ „на ляховъ“, отъ татарской „неволи“ освобождается русская сторона лишь въ случаѣ похода татаръ на Русь, которая короля „слушаетъ“¹⁾. Есть извѣстіе о томъ, что чрезъ три года послѣ упомянутаго договора Казиміръ вынужденъ былъ признать себя ханскимъ данникомъ, именно въ силу обладанія Галичиной, считавшейся въ то время татарскимъ улусомъ²⁾.

Зависимость отъ татаръ Волинской земли, какъ и всей южной Руси, продолжалась до Синеводской побѣды Ольгерда надъ татарами. Правда, и послѣ того татары долго еще не перестаютъ считать всю южную Русь своимъ улусомъ, дѣлаютъ не разъ попытки (битва на р. Ворсклѣ 1399 г.) возстановить свои старыя права. Та-

¹⁾ Въ договорѣ 1352 г. говорится о зависимости Волинской земли, какъ отъ хана („царя“) Золотой Орды и его темниковъ („князей темныхъ“), такъ и отъ „татаръ“ орды Подольской. Отношенія къ „царю“ опредѣляются слѣдующей статьей договора 1352 г.: „а поидеть ли царь на ляхи, а любо князь темный, княземъ литовскимъ помагати, аже поидуть на Русь, што короля слушаетъ, литовскимъ княземъ не помагати“. О правахъ Подольской орды на „Русь“ рѣчь идетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи условій договора 1352 г.: „аже поидуть татарове на Львовскую землю, тогда Руси на львовецѣ не помагати; аже поидуть татарове на ляхи, тогда Руси *неволя* пойти и с татары“. (А. З. Р., I, № 1). Смыслъ обѣихъ статей договора одинъ и тотъ же. Мѣстные князья, управленіе русскими землями въ качествѣ ордынскихъ подручниковъ, по основному началу ордынскаго права, несли обязательную „службу“, въ силу которой они должны были, по требованію хана, участвовать во всѣхъ татарскихъ походахъ; исключеніе изъ этого общаго правила допускалось только на случай военныхъ предпріятій татаръ въ русскихъ же земляхъ: въ такихъ случаяхъ татары обходились собственными силами, безъ участія въ предпріятіи записѣвшихъ отъ татаръ русскихъ князей. Это-то основное правило татарскаго военнаго права, практиковавшееся неждѣ на Руси въ татарскую эпоху, и имѣли въ виду составители договора 1352 г.: Любарть съ подвластной ему Русью, по этому договору, имѣеть „неволю“ помогать татарамъ въ ихъ походахъ „на ляховъ“ и освобождается отъ такой „неволи“ въ случаѣ татарскихъ походовъ на Русь, которая „слушаетъ“ короля польскаго. Какъ извѣстно, въ пору составленія договора 1352 г. татары, сидѣвшіе въ Подоліи, отложились уже отъ Золотой Орды, составляли самостоятельную Подольскую орду. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ нашего договора, раздѣленіе татарской орды не вліяло на уменьшеніе ордынскаго зависимости русскихъ земель. Зависимость эта только раздвоилась между золото-ордынскимъ „царемъ“ и его темниками, съ одной стороны, и татарскими „князьями“ Подольской орды — съ другой: русскіе одинаково были въ „неволѣ“ тѣхъ и другихъ.

²⁾ Филевичъ, Борьба, 52.

тарскій вопросъ окончательно порѣшенъ при Витовтѣ; съ тѣхъ поръ татары нерѣдко тревожили Русь своими набѣгами, но уже не заявляли на нее прежнихъ правъ, какъ на свой улусъ.

Перемѣна отношеній южной Руси къ татарамъ послѣ Сивеводской битвы сказалась въ послѣдовавшихъ затѣмъ договорахъ Казимира съ литовскими князьями 1366 г. и отдѣльно съ Любартомъ. Договоры эти были заключены послѣ Сивеводской битвы; въ нихъ уже нѣтъ и помину о „неволѣ“ татарской. Обѣ договаривающіяся стороны, какъ видно, не только не рассчитывали на какой либо союзъ съ татарами, но именно должны были принимать мѣры противъ грозившихъ имъ въ одинаковой мѣрѣ татарскихъ набѣговъ. Съ этой именно цѣлью въ обонхъ договорахъ Казимира устанавливается для договаривающихся сторонъ взаимная обязанность помогать другъ другу противъ „непріятелей“, подъ которыми, какъ видно по всему, разумѣлись по преимуществу татары ¹⁾).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ф. Лесковичъ.

¹⁾ Skarbiec, № 432. Arch. Sang., I, № 1. См. *Филевичъ*, Борьба, 102, 105, прим. 2.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІ.

1894.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашова и К°, Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	3
А. А. Дмитріевъ. Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири	1
Ф. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права (<i>продолженіе</i>)	46
Л. В. Рутковский. Общій характеръ англійской философіи	108
В. Андреевъ. Русскія похны придаточима предложенія	129

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. В. Цвѣтаевъ. В. Амальротъ. Великіе греческіе ваятели IV-го вѣка до Р. Хр. I. Пракситель. Москва. 1893.	150
Всев. Ф. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпуски XV, XVI и XVII. Тифлисъ. 1894.	186
Н. В. Волковъ. Къ исторіи русскаго языка.	208
Н. В. Ястребовъ. Я. Амосъ Коменскій. Великая дидактика. Перевелъ съ латинскаго А. Щепинскій. С-Петербургъ. 1898	228
А. И. Соболевскій. Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изсгѣдованія „Измарагда“. В. А. Яковлева. Одесса. 1893	233
И. Везгинъ. По поводу рецензій о Наказѣ императрицы Екатерины II.	238
— Книжныя новости	240
— Наша учебная литература (разборъ 7 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

И. П. Филевичъ. Девятый археологическій съездъ въ г. Вильнѣ.	1
Е. П. Ковалевскій. Народное образованіе на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго (<i>продолженіе</i>)	39
Л. Н. Майковъ. Николай Саввичъ Тихомировъ (<i>некрологъ</i>).	79

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Г. С. Дестунисъ. Замѣтки по направленію текстовъ въ общій лѣтописяхъ Франціи	1
Н. Н. Платонова. „Риторика“ Аристотеля (<i>продолженіе</i>)	12
М. И. Ростовцевъ. О новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпей	45

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Журнала Миннотерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1881 годъ	1
--	---

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го января).

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКАГО ПРАВА ¹⁾.

VII.

Волинская земля вошла въ составъ Литовско-Русскаго государства еще при Гедиминѣ, и при томъ, какъ замѣчено раньше, не по праву завоеванія, а на такомъ же точно основаніи, на какомъ при томъ же Гедиминѣ Витебская земля поступила въ управленіе его сына Ольгерда (въ значеніи вѣна его жены). Главнымъ актомъ, съ котораго начала обозначаться связь Волинской земли съ Литовско-Русскимъ государствомъ, считается „соглашеніе“ о бракѣ Любарта-Дмитрія Гедиминовича съ единственною наследницею — дочерью послѣдняго владимірскаго князя рода Даниловичей. Фактъ приобрѣтенія Любартомъ права на княженіе въ Волинской землѣ именно въ силу означеннаго брачнаго акта можно считать безспорно установленнымъ въ наукѣ. Но затѣмъ, при ближайшемъ опредѣленіи деталей этого факта, начинается между учеными рядъ рѣзкихъ разногласій рѣшительно по всѣмъ существеннымъ вопросамъ. Таковы вопросы о личности послѣдняго владимірскаго князя, послѣ котораго Волинь перешла въ литовскія руки, объ условіяхъ брачнаго соглашенія и о времени заключенія брака Любарта съ наследницею волинскаго князя, о времени вступленія Любарта въ управленіе Волинью, объ объемѣ принадлежавшихъ ему территоріальныхъ владѣній, объ отношеніи Любарта къ Галицкому княженію и пр. Всѣ эти вопросы стали разъясняться лишь въ сравнительно недавнее время,

¹⁾ *Продолженіе.* См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1898 годъ.

благодаря изслѣдованіямъ чешскаго ученаго Ржежабека ¹⁾ и русскаго профессора И. П. Филевича ²⁾. Этимъ ученымъ удалось сдѣлать „значительный и важный шагъ впередъ для разрѣшенія спорныхъ попросовъ“ ³⁾ касательно судебъ Галицко-Волынской земли въ пору борьбы изъ-за обладанія ею между Польшей и Литвой-Русью ⁴⁾.

¹⁾ *Řežabek, Jiri II, poslední kníže věškeré Malé Rusi (Сбор. Му. Крал, Сѣск., 1883)*. Критическая обработка изслѣдованія Ржежабека принадлежитъ А. В. Лопгину, въ его монографіи: Грамоты малорусскаго князя Юрія II (*Чтен. съ Общ. Ист. и Древн., 1887, II*).

²⁾ См. не разъ цитированную нами его диссертацию „Борьба Польши и Литвы-Руси“ и его замѣтку „Къ вопросу о борьбѣ“ и пр. (см. выше).

³⁾ Такое совершенно вѣрное замѣчаніе сдѣлано однимъ изъ польскихъ критиковъ, именно С. Лисевичемъ (*Przewodnik liter. i nauk., 1891, I и II*) собственно объ изслѣдованіи Филевича, но то же замѣчаніе въ равной мѣрѣ относится и къ монографіи Ржежабека.

⁴⁾ Нельзя не обратить вниманія на знаменательный фактъ плохой прививки новыхъ научныхъ выводовъ въ трудахъ русскихъ изслѣдователей до самаго послѣдняго времени. Для примѣра укажемъ на большое изслѣдованіе молодого ученаго М. К. Любавскаго: „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовскаго Русскаго государства во времени изданія перваго Литовскаго Статута (*Чтен. съ Общ. Ист. и Древн. 1892 — 1893*)“. По занимающему насъ вопросу г. Любавскій усвоилъ лишь одинъ изъ выводовъ новыхъ изслѣдователей польскихъ и русскихъ, именно касательно личности послѣдняго польнскаго князя (Андрея Юрьевича), послѣ котораго Волынь перешла къ Любарту (Областн. дѣленіе, 36). Что же касается другихъ вопросовъ, то, какъ видно по всему, г. Любавскій мало знакомъ съ послѣдними научными выводами по этимъ вопросамъ и повторяетъ, что называется, зады, которые пора бы, кажется, оставить, какъ не пущныя „переживания“ отъ старыхъ научныхъ воззрѣній и выводовъ. О трудахъ по нашему вопросу новыхъ ученыхъ западныхъ и русскихъ—Ржежабека, Смольки, Вольфа и другихъ, нигдѣ нѣтъ и намекъ у г. Любавскаго. Ссылая на диссертацию Филевича встрѣчается лишь всего одинъ разъ (въ приведенномъ выше мѣстѣ монографіи Любавскаго); весьма важныя разъясненія по галицко-волынскому вопросу, вызванныя диссертацией Филевича въ нашей и польской литературѣ за 1891 г. (критич. замѣчанія гг. Лисевича, Чучинскаго и Линиченка и отвѣтъ на ихъ замѣчанія со стороны проф. Филевича) также нисколько не приняты во вниманіе г. Любавскимъ. У него находимъ, кромѣ того, новыя воззрѣнія, но съ ними едва ли можно согласиться. Таково положеніе о томъ, что будто бы Любартъ первоначально держалъ только нисколько волостей „въ кормленіи“ и занялъ Волынскую землю лишь около 1336 г. по смерти галицко-волынскаго князя Юрія II. Г. Любавскій ссылается при этомъ на изслѣдованіе Андрияшева (Очеркъ ист. Волынской земли, 208, прим. 4); но тамъ говорится о томъ, что Любартъ въ данное время „взяжилъ“ въ Луцкой землѣ, а не держалъ ее „въ кормленіи“, какъ утверждаетъ г. Любавскій. Выраженіе: въ кормленіи, поставленное въ кавычкахъ у г. Любавскаго, показываетъ, что выраженіе это какъ будто откуда-то имъ взято,

Документальнымъ основаніемъ положеній, высказанныхъ разными учеными русскими и польскими касательно перваго литовскаго князя въ Волинской землѣ, служить слѣдующее лѣтописное сообщеніе: „а Любарта припялъ володимерскій князь к дотце (у Быховца—„за зятя“) во Володимеръ и въ Луцескъ и во всю землю Волинскую“¹⁾. Въ этомъ извѣстіи точно опредѣляется только личность Любарта и владѣнія князя волинскаго; остальные детали—неизвѣстныя величины, которыя предстояло изслѣдователямъ отыскать путемъ анализа всѣхъ сколько шибудь подходящихъ къ искомому вопросу данныхъ. Нѣтъ надобности приводить результаты трудовъ разныхъ ученыхъ (Стад

но откуда—онъ не указываетъ. Кромеъ и Длугошъ, на которыхъ есть ссылки у Андришева и которыхъ, повидимому, имѣлъ въ виду и г. Любавскій, не говорятъ ни о какомъ кореннѣи Любарта, а лишь указываютъ на то, что Любартъ, сдѣлавшись волинскимъ княземъ (но при какихъ условіяхъ, не сказано), выгнать оттуда или подчинить себѣ старыхъ русскихъ князей (см. *Андришевъ*, Очеркъ, 208, прим. 4). Замѣтимъ кстати, по поводу общаго направленія изслѣдованія г. Любавскаго, что этотъ, повидимому, только-что начинающій ученый принадлежитъ къ изслѣдователямъ самой послѣдней формациі, поставившимъ для себя главной задачей „архивныя открытія“. Изслѣдованія и открытія въ такихъ архивныхъ сокровищницахъ, какъ, напримѣръ, Литовская Метрика, безъ малѣйшаго сомнѣнія, дѣло въ высокой степени важное и серьезное: всякій, кто интересуется русской стариной, долженъ быть благодаренъ тѣмъ, кто выводитъ на свѣтъ Божій архивныя данныя. Объ этомъ, конечно, не можетъ быть никакого спора. Но дѣло въ томъ, что сами-то научныя изслѣдованія, обоснованныя на архивныхъ открытіяхъ, могутъ быть полезными для изслѣдователей и самой науки лишь подъ однимъ условіемъ, когда изслѣдователь основательно ознакомится какъ съ наличнымъ документальнымъ матеріаломъ, обнародованнымъ въ печати, такъ и съ тѣмъ, что сдѣлано уже въ науцѣ на основаніи такого матеріала прежними изслѣдователями. Разъ такихъ условій нѣтъ въ наличности, изслѣдователю непременно грозитъ опасность произвольныхъ и одностороннихъ выводовъ, или, по меньшей мѣрѣ, лишній трудъ пошлаго открытія Америки, во всякомъ же случаѣ—построеніе „историческихъ миражей“, въ немаломъ количествѣ накопившихся въ послѣднее время въ изслѣдованіяхъ по исторіи южной Россіи не только польскихъ, но и русскихъ ученыхъ (не малая вина въ построеніи такихъ „миражей“ падаетъ на долю, между прочимъ, ученыхъ Киевской „школы“). Къ такимъ же „миражамъ“ относится и рядъ, на нашъ взглядъ, совершенно произвольныхъ положеній г. Любавскаго. „Миражи“, какими изобилуетъ его изслѣдованіе, какъ намъ кажется, являются естественнымъ результатомъ ненадлежащаго знамо и ства автора съ документальными данными, извѣстными уже въ печати, а также съ научной разработкой избранныхъ имъ вопросовъ.

¹⁾ Лѣт. *Даниловича*, 27; *Быховецъ*, 15. Въ Воскр. лѣтоп. (II. С. Р. Л., VII, 256): „А седьмой сынъ Гедиминовъ Любартъ, а взялъ его волинскій князь къ дочкѣ на свое мѣсто на княженіе“.

ницкаго, Антоновича, Андрияшева и др.), старавшихся такъ или иначе разрѣшить занимающій насъ вопросъ. Для нашей цѣли будетъ достаточно намѣтить такія стороны вопроса, которыя можно считать наиболѣе выясненными въ наукѣ.

Таковъ вопросъ о личности владимірскаго князя, который, по лѣтописному извѣстію, призналъ своимъ наследникомъ Любарта Гедиминовича. Лѣтопись имѣетъ въ виду не Льва Юрьевича (какъ полагаютъ Стадницкій, Антоновичъ, Андрияшевъ и др.), но его брата— Андрея Юрьевича, дѣйствительно владѣвшаго Владиміро-Луцкой землей въ то время, какъ Левъ сидѣлъ въ Галичинѣ¹⁾.

Касательно брака Любарта съ дочерью владимірскаго князя, единственною наследницею принадлежавшаго ему княжества, съ несомнѣнностію можно полагать, что при жизни владимірскаго князя могло состояться лишь одно соглашеніе о будущемъ бракѣ его дочери съ Любартомъ, какъ и относительно будущаго наследства въ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ, которое должно было перейти къ Любарту²⁾. Дѣло въ томъ, что при жизни владимірскаго князя, Андрея Юрьевича (ум. 1321 г.), бракъ между указанными лицами былъ рѣшительно невозможенъ по каноническимъ правиламъ, именно въ виду полного несовершеннолѣтія, если не самого Любарта³⁾, то во всякомъ случаѣ его будущей жены, бывшей полною малолѣткою при

¹⁾ *K. Stadnicki, Syn., II, 25. Wolff, Ród Gedym., 74. Антоновичъ, Моногр., I, 50—51. Андрияшевъ, Очеркъ, 207. Rejzabek (Casop., 211). Филевичъ, Борьба, 42—43. Любавскій, Обл. дѣленіе, 38.* По показанію Стадницкаго (однако, безъ точнаго указанія на источники), первою женою Любарта была дочь Льва Юрьевича, луцкаго князя (Syn., II, 25). Антоновичъ открылъ даже ея имя—Пуша, но опять безъ указанія на источникъ (Моногр., I, 51). По болѣе достоверному показанію русскихъ источниковъ, въ данномъ случаѣ рѣчь могла идти только о бракѣ Любарта съ Анной, дочерью владимірскаго князя Андрея Юрьевича (*Химроръ, Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей, стр. 33, № 352. Ср. Wolff, Ród Gedym., 74.*)

²⁾ Въ смыслѣ такого соглашенія и нужно понимать приведенное выше лѣтописное извѣстіе о назначеніи Любарта вѣтемъ волынскаго князя. См. *Ржежабекъ, Сѣбор., 211, и Филевичъ, Борьба, 43.*

³⁾ У *Нарбута (Dzieje staroż. narodu Lit., I, 156 и слѣд.)* есть извѣстіе о томъ, что отъ послѣдней (3-й) жены Евы (Евы) Гедимины имѣлъ 3-хъ сыновей: Любарта, родивш. 1299 г., Евнута—1301 и Коріата—1306 г. (См. *Wolff, Ród, 9.*) Какъ извѣстно, Любартъ былъ самый младшій сынъ Гедимины; если положимъ, что Любартъ родился въ началѣ XIV столѣтія, то выйдетъ, что въ годъ смерти нареченнаго тестя (1321) Любартъ имѣлъ всего 16—17, много 20 лѣтъ.

жизни своего отца ¹⁾. Существуетъ весьма правдоподобное предположеніе (Ржежабека), что бракъ Любарта состоялся лишь въ началѣ 30-хъ годовъ XIV столѣтія, когда его невѣста достигла надлежащаго брачнаго возраста ²⁾.

Сопоставимъ теперь занимающій насъ фактъ брачнаго соглашенія по волинскому наслѣдству съ извѣстнымъ уже намъ фактомъ брака другого сына Гедимина, Ольгерда, съ дочерью витебскаго князя, Ярослава Васильевича. Въ обоихъ случаяхъ положеніе дѣлъ одно и то же: въ Витебскѣ и на Волини предстояло въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ прекращеніе мужскаго поколѣнія княжескихъ домовъ,—въ наличности оставались единственныя ихъ представительницы — дочери послѣднихъ владѣтелей обоихъ княжествъ. Затѣмъ, оба факта совпадаютъ и во времени. Бракъ Ольгерда состоялся въ 1318 г., по предварительному соглашенію Гедимина съ витебскимъ княземъ о правѣ наслѣдованія послѣ него Витебскимъ княжествомъ въ пользу Ольгерда, въ значеніи вѣна его жены,—право это и было затѣмъ осуществлено въ 1320 г. по смерти витебскаго князя ³⁾ Судя по всѣмъ даннымъ, относящимся къ вопросу о Волинскомъ и Витебскомъ наслѣдіяхъ, соглашеніе о нихъ могло быть одновременнымъ дѣломъ инициативы и авторитетнаго воздѣйствія, главнымъ образомъ, со стороны Гедимина, руководившагося въ данномъ случаѣ династическими видами и общими интересами слагавшагося государства. Владимірскій князь умеръ въ 1321 г.; значить, соглашеніе о наслѣдствѣ послѣ него въ пользу Любарта могло состояться почти около того же времени, какъ и соглашеніе по Витебскому наслѣдству.

Затѣмъ, какъ ясно видно изъ приведеннаго выше лѣтописнаго сообщенія о волинскомъ наслѣдіи, послѣднее касалось „всей Волинской земли“, подъ которой въ то время разумѣлась, какъ мы уже знаемъ, не одна Владиміро-Луцкая земля, но и вся Галичина ⁴⁾.

¹⁾ О малолѣтствѣ дочери владимірскаго князя см. *Филевичъ*, Къ вопросу о борьбѣ, 326.

²⁾ *Сбор. Мнв. Сѣк.*, 211, пр. 81. *Филевичъ*, Къ вопросу о борьбѣ, 326. По показанію русскихъ лѣтописей (П. С. Р. Л., VII, 215), въ 1349 г. Любартъ женился во второй разъ на дочери князя ростовскаго и имѣлъ отъ этого брака сыновей: Федора, Лазари и Семена (*Wolff*, 74).

³⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 46; *Wolff*, 26. *Stadnicki*, Bracia, 10.

⁴⁾ Противъ мысли о правѣ Любарта на „всю Волинскую землю“ высказываются Стадниціи, Андришентъ и др. Стадниціи полагаютъ, что за Любартомъ было признано лишь одно Луцкое княжество; позже не разъ мѣнялись границы

Если жъ это такъ, то понятно само собою, что въ вопросѣ о соглашеніи по волинскому наслѣдію былъ не меньше другихъ заинтересованъ также наличный владѣтель Галичины — Левъ Андреевичъ, подобно брату, не имѣвшій прямого мужскаго потомства. Онъ, естественно, долженъ былъ принимать непосредственное участіе въ соглашеніи по волинскому наслѣдію.

Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и другаго дѣятеля, безъ содѣйствія котораго едва ли бы могло мирно и успѣшно состояться соглашеніе о волинскомъ наслѣдіи. Въ данномъ случаѣ рѣчь вѣдь шла о судьбѣ одного изъ татарскихъ улусовъ, — вопросъ, къ которому ордынское правительство никоимъ образомъ не могло безучастно относиться: рѣшеніе вопроса о волинскомъ наслѣдіи въ пользу Любарта непременно предполагаетъ согласіе на него со стороны та-

любартовскихъ владѣній, — лишь одинъ Луцкъ составлялъ удѣлъ Любарта до самой его смерти (Synowie Gedym., II, 25). Вслѣдъ затѣмъ, однако, въ противорѣчіе съ своимъ же положеніемъ, Стадницкій утверждаетъ, что, по смерти послѣдняго галицко-полинскаго князя Юрія II (мнимаго сына Андрея Юрьевича) въ 1338 г. Русь Червоная перешла „до kądzieli“, то-есть, по дочери Андрея и сестрѣ Юрія, Маріи, къ Болеславу Малонцкому, Гедиминъ же и Любартъ „имѣя самымъ правомъ, что и Болеславъ, Русь Червоную“ (то-есть, по kądzieli — браку Любарта) забрали всю Волинскую землю (ibid., 26). По словамъ Андрияшена, „лѣтописецъ ошибся (утверждая, что Любарта принялъ владимірскій князь „во всей землѣ Волинской“); позже дѣйствительно онъ (Любартъ) овладѣлъ въ Владимірской землѣ; это случилось сейчасъ же послѣ смерти Болеслава Тройд. (на слѣд. 206 стр. утверждается, что это случилось еще при жизни Болеслава, въ 1339 г.). По женѣ же Любартъ получилъ только „Луцкъ“. Въ подтвержденіе послѣдняго своего положенія г. Андрияшевъ ничего не могъ привести, кромѣ ссылки на извѣстный уже намъ договоръ литовскихъ князей съ Казимиромъ 1366 г. (Skarbiś, № 432), гдѣ дѣйствительно Любартовскія владѣнія ограничиваются Луцкимъ княжествомъ (Андрияшевъ, Очеркъ, 207, прим. 4). По вѣдъ договоръ 1366 г. явился 30—40 лѣтъ позже того времени, о которомъ трактуется г. Андрияшевъ; затѣмъ, какъ мы уже знаемъ, до этого договора Любартъ *все время* владѣлъ въ одинаковой мѣрѣ и безъ перерыва Луцкомъ и Владиміромъ, — послѣдній въ 1366 г. захваченъ Казимиромъ, но затѣмъ вскорѣ (въ 1370 г.) снова возвращенъ Любарту (см. объ этомъ выше). Категорическія указанія на права, приобретенныя Любартомъ по женѣ, не только на Владиміро-Луцкую землю, но и на Галичину, находимъ въ польскихъ источникахъ. Въ родословной таблицѣ литовскихъ князей, помѣщенной у Писторія (Corp. hist. Pol., III, 166), говорится: „Lubardus a patre nihil acceperat, sed ex uxore dux erat Leopoliensis et Vladimiriensis. Uxor filia et heres ducis Leopoliensis et Vladimiriensis“. То же самое подтверждаетъ Длугомъ (X, 404): „Lubardus matrimonium filiae unice ducis Vladimiriensis, cum qua illi ducatus Leopoliensis et Vladimiriensis obveniebant“. Ср. также Яна (Hist., II, 629) и Кромера (L. XII, p. 309).

тарской власти. Прямыхъ указаній на это въ источникахъ не имѣется; но нѣтъ также указаній и на протестъ со стороны татаръ противъ вступленія Любарта въ права владиміро-луцкаго князя по смерти его нареченнаго тестя—Андрея Юрьевича. Есть, затѣмъ, косвенное указаніе на то, что ордынское правительство было солидарно съ русскими и литовскими князьями въ рѣшеніи вопроса о любартовскомъ наслѣдїи. Когда по смерти галицкаго князя Льва Юрьевича (въ 1322 г.) открылся вопросъ о наслѣдїи Галицкаго стола (изъ-за чего завязалась борьба между различными претендентами), ордынское правительство спѣшить посылкой въ Галичъ своихъ намѣстниковъ (конечно, съ достаточною военной силой), по всему видно, ради береженья не однихъ своихъ улусныхъ правъ (они слишкомъ твердо стояли въ данномъ случаѣ), но и чьихъ-то иныхъ правъ на галицкое наслѣдіе. Такими правами, охранявшимися въ данное время Ордой, могли быть только права Любарта; быть можетъ, и самая посылка въ Галичину татарскихъ намѣстниковъ состоялась по рѣшенію, заранѣе принятому при общемъ соглашеніи по галицко-волинскому наслѣдію.

При такихъ условіяхъ и обстоятельствахъ состоялось еще при жизни послѣдняго волинскаго князя изъ рода Даниловичей рѣшеніе вопроса о галицко-волинскомъ наслѣдїи въ пользу Любарта-Дмитрія Гедиминовича. Въ 1321 году умираетъ волинскій князь, Андрей Юрьевичъ ¹⁾. Какъ видно изъ современныхъ актовъ, Любартъ немедленно же является въ роли полноправнаго князя, не только луцкаго, но и владимірскаго. Въ фундушевомъ привилей Любарта, данномъ 18-го декабря 1322 года въ Луцкѣ основанной имъ же мѣстной соборной церкви Іоанна Богослова и епископу луцкому и острожскому на пожалованныя имъ села и разные доходы (съ подтвержденіемъ неприкосновенности церковнаго суда владыки), Любартъ титулуется: „Милостию Божею.. Луцкій и *Володимерскій* князь“ ²⁾. Нѣтъ никакихъ основаній считать этотъ привилей подложнымъ, какъ это полагаютъ изслѣдователи, считающіе Любарта только луцкимъ княземъ. Привилей Любарта имѣетъ свою исторію, доказывающую вполне его подлинность. Онъ былъ подтвержденъ въ 1497 году великимъ княземъ Александромъ, а въ 1629 году—королемъ Сигизмундомъ III. Въ описи соборной луцкой церкви, составленной 16-го декабря 1585 года по случаю передачи ея въ вѣдѣніе епископа Кирилла Тор-

¹⁾ *Филевичъ*, Юрьба, 42.

²⁾ Арх. Ю.-В. Р., ч. I, т. VI, № 1.

лецкаго, въ числѣ актовъ, данныхъ князьями и частными лицами въ разное время на принадлежащія этой церкви имѣнія, стоитъ на первомъ планѣ „привилей головный (главный) великаго князя Любарта на церковь соборную святаго Иоана Богослова, который тую церковь соборную фундавалъ, гдежь и гробъ его, въ той церкви. и теперь есть“ ¹⁾. Въ 1738 году грамота Любарта, какъ „головной привилей“ церкви, была внесена въ луцкую городскую книгу въ точномъ польскомъ переводѣ ²⁾. На Любарта, какъ князя всей Волини, указываетъ также другой современный актъ-привилей, данный (нѣсколько позже привилей луцкой церкви) Кейстутомъ (княземъ Подляшскимъ) и Любартомъ Торунскимъ кунцамъ на проѣздъ чрезъ Подляхію и Владимірскую землю до Луцка ³⁾. Во всѣхъ послѣдующихъ актахъ, гдѣ только упоминается территоріальный титулъ Любарта, онъ всегда именуется княземъ „Володимерскимъ“ ⁴⁾. Историки, не признающіе за Любартомъ права наслѣдія (по женѣ) на Владимірскую землю, полагаютъ, что онъ „завладѣлъ“ ею позже (въ концѣ 30-хъ годовъ XIV столѣтія) ⁵⁾. Дѣло въ томъ, что ни въ моментъ открытія Владимірскаго наслѣдія (въ 1321 году, по смерти Андрея Юрьевича),

¹⁾ Ibid., № 46, стр. 206—207.

²⁾ Въ такомъ видѣ привилей Любарта помѣщенъ въ томъ же Архивѣ Юго-Зап. Россіи, въ прибавленіи къ описи луцкой церкви 1685 г. (ч. I, т. VI, № 46, стр. 206).

³⁾ *Филевичъ*, Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси, 327.

⁴⁾ Такова грамота византійскаго царя 1347 г. на имя Любарта, князя Владимірскаго, гдѣ царь завѣщаетъ его о подчиненіи Руси кіевскому митрополиту (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1847, т. 54, стр. 131 и 139). Въ грамотѣ Любарта 1379 г. на учрежденіе товарныхъ складовъ иностранними гостями въ Владимірѣ и Луцкѣ онъ титулуется великимъ княземъ Володимерскимъ и Луцкимъ (*Akta grodz. i ziemskie*, III, 30) и пр.

⁵⁾ По словамъ Андрияшева, по смерти Андрея и Льва (въ 1324 г.) Юрію II (младшему сыну Андрея) досталась западная Волинь съ Владиміромъ и Галиціей, восточная же съ Луцкомъ перешла къ Любарту; затѣмъ же, по смерти Юрія II (1339 г.) Любартъ „завладѣлъ“ Владимірскою землею (Очеркъ, 202—203, 208). Сходное же положеніе высказалъ и г. Линиченко въ своемъ спорѣ съ Филевичемъ по вопросу о Галицко-Волинскомъ наслѣдіи (*Филевичъ*, Къ вопросу о борьбѣ и пр. 329). Ближе къ истинѣ рѣшается данный вопросъ Стадницкимъ, извѣстнымъ знатокомъ исторіи Литовской Руси: говоря, что Русь Червоная перешла къ Болеславу Тройденевичу „pro kądzieli“ (какъ вѣно жены), (Стадницкій затѣмъ прибавляетъ, что Гедиминъ и Любартъ „tem razem prawem (то-есть, по kądzieli) со Boleslaw Rus szereg., zabrali całą ziemię Wolyńską“ (Syn. Gedym., II, 26). Антоновичъ также полагаетъ, что Волинь (не одна Луцкая земля) „перешла во власть Любарта Гедиминовича по наслѣдству, безъ завоеванія“ (Моногр., I, 50).

ни позже не было въ наличности полноправнаго „Владимірскаго“ князя, у котораго приходилось бы Любарту „завоевывать“ Владимірскую землю: законнымъ владѣтелемъ ея являлся одинъ Любарть, вступившій полностью въ права своего тестя, бывшаго владѣтеля всей Волынской земли. Въ подтвержденіе мысли о „завоеваніи“ Любартомъ Владимірской земли обыкновенно ссылаются на сообщенія Кромера и Длугоша о томъ, что, занявъ Волынскую землю, Любарть изгналъ или подчинилъ себѣ природныхъ русскихъ князей, сидѣвшихъ въ разныхъ мѣстахъ на Волыни въ качествѣ мелкихъ удѣльныхъ князей ¹⁾. „Борьба“ съ этими князьями, однако, не имѣетъ ничего общаго съ „завоеваніемъ“ страны: борьба эта есть не больше, какъ продолженіе такой же точно борьбы старыхъ волынскихъ князей Романовичей съ зависѣвшими отъ нихъ мелкими удѣльными князьями. И при Романовичахъ, и при Любартѣ, дѣло шло вовсе не о завоеваніи той или другой волынской области, а лишь исключительно о „покорѣ“ и „послушаніи“ сидѣвшихъ въ нихъ удѣльныхъ владѣтелей „великому князю“ всей Волынской земли. Вступивъ по праву наследованія во все права старыхъ волынскихъ князей Даниловичей, Любарть, естественно, былъ въ правѣ требовать „покоры“ себѣ отъ мѣстныхъ князей, какъ и вообще отъ всего населенія подчиненной ему земли. Разъ удѣльный князь отказывался отъ послушанія своему „господарю“ великому князю, послѣдній, по стародавнему обычаю, равно практиковавшемуся въ юго-западной Руси до и послѣ присоединенія къ литовско-русскому государству, могъ, на совершенно законномъ основаніи (не по праву завоевателя), удалять непослушныхъ князей изъ ихъ удѣльныхъ владѣній. По справедливому замѣчанію профессора Филевича, „овладѣвать Волынью Любарту не было никакой надобности, потому что это владѣніе составляло его законное право; къ мысли объ этомъ давно должно было привыкнуть и населеніе, и, между прочимъ, боярство, представителей котораго мы дѣйствительно увидимъ потомъ на сторонѣ Любарта. Только потому, что это законное право Любарта не могло быть, по обстоятельствамъ, осуществлено въ полномъ объемѣ, онъ и добивался его осуществленія всю свою жизнь“ ²⁾.

¹⁾ *Андріашевъ*, Очеркъ, 208, пр. 4: „Lubardus Gedimini.. filius, cum Vladimiriensium ducis filiam uxorem duxisset omni eo tractu Russiae, qui Litwanis finitimus est, Russiae ducibus, vel ejectionis, vel in ditionem acceptis, potitus est“ (*Кроммеръ*, I. IX, p. 308). „Lubardus... ejectionis (изъ Волыни) antiquis Russiae principibus, cum nonnullis aliis pertinenciis accipabat“ (*Длугошъ*, I. IX, p. 1087).

²⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891, декабрь, стр. 329.

О правах Любарта собственно на галицкое наследіе мы говорили выше; теперь изложимъ лишь нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній.

Вопросъ о галицкомъ наследіи возникаетъ въ 1322 году, когда умеръ Левъ Юрьевичъ, послѣдній галицкій князь изъ рода Даниловичей ¹⁾. Въ теченіе трехлѣтней борьбы, завязавшейся между различными претендентами, охрана спорнаго наследства ведется при-слапными изъ орды ханскими намѣстниками (1322—1324 года) ²⁾. Главными претендентами на галицкое наследіе являются: Любартъ (по женѣ) и Юрій II Болеславъ (по отцу, мазовецкому князю Локетку-Казимиру II, какъ полагаютъ, имѣвшему своей женою дочь Юрія Львовича, то-есть, сестру умершихъ князей галицко-волинскихъ, Андрея и Льва) ³⁾. Вопросъ о галицкомъ наследіи улаженъ былъ лишь чрезъ три года, и опять таки, какъ видно по всему, не безъ воздѣйствія со стороны Гедимина, старавшагося дать борьбѣ изъ-за сказаннаго наследія направленіе, возможно выгодное для династическихъ интересовъ литовскихъ князей. Намъ думается, что успѣшный исходъ кандидатуры Юрія II стоитъ въ весьма тѣсной связи съ бракомъ его съ дочерью Гедимина, Офкой-Маріей ⁴⁾. По всемъ видностямя, соглашеніе объ этомъ бракѣ между Гедиминомъ и Юріемъ-

¹⁾ *Филевичъ*, Борьба, 42. Большинство изслѣдователей (Стадницкій, Андрияшевъ и др.) полагаютъ, что послѣднимъ галицкимъ княземъ изъ Даниловичей былъ Юрій II—именный сынъ Андрея Юрьевича, что только по его смерти въ 30-хъ годахъ XIV столѣтія Галицкое наследіе переходитъ къ Болеславу Тройденновичу. (*Stadn.*, Syn., II, 25. *Андрияшевъ*, 202, 207—208 и пр.). Еще Нарушевичъ догадывался, что Болеславъ и Юрій II одно и то же лицо, какъ и Литопоничъ считаетъ не лишнимъ правдоподобныхъ основаній мнѣнію о тождествѣ Юрія II и Болеслава (Моногр., I, 51). Ржежабекъ неопровержимо доказалъ, что Левъ Юрьевичъ былъ послѣднимъ княземъ Галицкимъ изъ рода Даниловичей, преемникъ же его Юрій II одно и то же лицо, что и Болеславъ (*Rzeżabek*, Jiri II, *Cá-sop. Mus. Cěsk.* 1883. Ср. *Филевичъ*, Къ вопросу о борьбѣ, 319—320).

²⁾ *Филевичъ*, Къ вопросу о борьбѣ, 324.

³⁾ *Андрияшевъ*, Очеркъ, 206. *Филевичъ*, Борьба, 43.

⁴⁾ *Dlug.*, III, 146, 183; IX, 155. Ср. *Wolff*, Ród Gedim., 8. По Стадницкому, женою Болеслава Мазовецкаго, утвердившагося въ Галичинѣ, была дочь Андрея и сестра Юрія II (Syn. Ged., II, 26). Вѣроятно, руководясь такимъ показаніемъ Стадницкаго, Любавскій и пришелъ къ тому заключенію, что Андрей Юрьевичъ, признаваемый имъ, согласно съ новыми изслѣдованіями, Владимірскимъ княземъ, имѣлъ двухъ затѣвъ: Любарта и Болеслава Тройденновича, утвердившихся, по словамъ Любавскаго, около 1336 г. первый—во всей Волынской землѣ, второй—въ Галичинѣ (см. Областное дѣленіе, 38—39). Такъ механически комбинируются у новыхъ изслѣдователей разнорѣчивыя показанія источниковъ, какъ видно, безъ внимательной, критической оцѣнки ихъ исторической достовѣрности.

Болеславомъ состоялось одновременно съ улаженіемъ вопроса о галицкомъ наслѣдїи. Последнее и могло быть признано съ литовской стороны за Болеславомъ лишь подъ условіемъ брака галицкаго наслѣдника съ дочерью Гедимина ¹⁾). Безъ такого условія Гедиминъ и Любарть едва ли бы легко согласились уступить, хотя бы временно, притязаніямъ польскаго претендента на галицкое наслѣдіе. Трудно, конечно, опредѣлить со всею точностью, какое именно положеніе занималъ во всемъ этомъ дѣлѣ законный наслѣдникъ галицкаго стола—Любарть Гедиминовичъ. Во всякомъ случаѣ онъ не вовсе отказывался отъ своихъ правъ на галицкое наслѣдіе, что доказывается послѣдующими дѣйствіями Любарта и его сторонниковъ среди мѣстнаго боярства. Своимъ согласіемъ на занятіе Юрьемъ галицкаго стола, по всему видно, лишь въ значеніи „доживотья“, Гедиминъ и Любарть не отмѣняли правъ послѣдняго на тотъ же столъ, но лишь отсрочивали ихъ осуществленіе, пока будетъ длиться „доживотье“ Юрія-Болеслава ²⁾). Наконецъ, какъ извѣстно изъ лѣтописныхъ сообщеній, признаніе галицкаго стола за Юріемъ-Болеславомъ (какъ раньше занятіе стола владими́ро-луцкаго Любартомъ) не обошлось безъ согласія хана ³⁾.

При такихъ условіяхъ Юрій-Болеславъ утвердился въ 1325 году на галицкомъ столѣ совершенно мирнымъ путемъ, вмѣстѣ со смѣной сидѣвшихъ съ 1322 года въ Галичѣ татарскихъ наместниковъ ⁴⁾). Любартовское наслѣдіе находилось въ рукахъ Юрія-Болеслава въ теченіе 15 лѣтъ. Въ 1340 году умираетъ (какъ полагаютъ, отъ отравы) этотъ несомнѣнно ревностный проводникъ польско-католическихъ интересовъ въ Галичинѣ, до значительной степени расчистившій и подготовившій почву для дальнѣйшихъ территоріальныхъ захватовъ

¹⁾ Бракъ Болеслава съ дочерью Гедимина, вѣроятно, въ виду неполнаго совершеннолѣтія послѣдней, былъ заключенъ лишь чрезъ 6 лѣтъ (въ 1331 г.) послѣ того, какъ Болеславъ занялъ Галицій столъ (*Длугошъ*, IX, 155. *Wolff, Ród*, 8. *Филевичъ*, Борьба, 43; Къ вопросу о борьбѣ, 325).

²⁾ Юрій-Болеслава едва ли можно назвать „блюстителемъ Любартова наслѣдія“. Юрій являлся представителемъ и блюстителемъ прежде всего своихъ родныхъ, польскихъ интересовъ; для него были безразличны права Любарта и представительственныя имъ литовско-русскіе интересы. Настоящими блюстителями Любартова наслѣдія, при Юрьѣ и послѣ него, являлись представители страны (извѣстный Детко), поддерживали и воины (князь Острожскій). См. *Филевичъ* Борьба, 84; Къ вопросу о борьбѣ, 328.

³⁾ *Филевичъ*, Къ вопросу о борьбѣ, 324.

⁴⁾ *Филевичъ*, Борьба, 43; Къ вопросу о борьбѣ, 324—325.

Польши въ Галицко-Волинской землѣ. Послѣдовавшее вслѣдъ за смертью Юрія осуществленіе правъ Любарта на галицкое наслѣдіе вполнѣъ доказывается, какъ прямыми указаніями на то польскихъ источниковъ ¹⁾, такъ и всѣмъ ходомъ возгорѣвшейся на галицкой почвѣ борьбы между Казимиромъ и представителями Любарта ²⁾. Борьба изъ-за галицко-волинскаго наслѣдія, какъ мы уже знаемъ, привела въ 1349 году къ безспорному присоединенію къ Польшѣ всей Галицкой Руси, а вполсѣдствіи и Бездско-Холмской земли. Территоріальныя владѣнія Любарта и его преемниковъ ограничились съ тѣхъ поръ лишь рубежами Владиміро-Луцкой земли.

Остается еще выяснитъ вопросъ о владѣтельныхъ правахъ Любарта, на сколько это вообще необходимо для опредѣленія главнаго нашего предмета—большей или меньшей территоріальной самостоятельности принадлежавшихъ Любарту владѣній. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Любартъ вступилъ въ права волинскаго князя, подчинившаяся ему область стала считаться составной частью литовско-русскаго государства. Борьба съ Казимиромъ изъ-за волинскаго наслѣдія велась не однимъ Любартомъ, но и другими представителями государства; отъ имени князей литовскихъ заключались и договоры объ этомъ наслѣдіи. Въ 1352 году литовскіе князья, въ докончаніи съ Казимиромъ, порѣшили: „королеви держати Львовскую землю исполна, а намъ (литовскимъ князьямъ) держати Володимѣрьскую, Луцкую, Белзскую, Холмскую, Берестинскую исполна жъ“ ³⁾, хотя на дѣлѣ всѣ эти земли составляли владѣнія только двухъ князей—Кейстута (Берестье) и Любарта. Послѣдній не считался вполнѣ самостоятельнымъ волинскимъ „господаремъ“, который бы относился къ литовскому великому князю, какъ „равный къ равному“. Любартъ, какъ и другіе литовскіе князья, долженъ былъ признавать надъ собой власть общаго ихъ господаря—великаго князя литовскаго.

Съ другой стороны, нельзя отрицать также нѣкоторой весьма замѣтной разницы въ положеніи Любарта сравнительно съ другими

¹⁾ *Филевичъ*, Борьба, 47, прим. 5: „Boleslao... per toxicum interempto Lubardus filius Gedimini... eundem ducatum Russiae possidebat (Mon. Polon. Hist., II, 629). Прибавимъ также указаніе Кромера: „Illo (Boleslaw) interempto Lubartus cum ducatum possidebat“ (L. XII, p. 309). Указанія Длугоша (X, 404) и родословной литовскихъ князей (Pistorii Corp., III, 166) приведены выше.

²⁾ *Филевичъ*, Борьба, 55—88.

³⁾ А. З. Р., I, № 1.

литовскими князьями, за исключеніемъ развѣ одного Кейстута (при Ольгердѣ ¹⁾). Литовскіе удѣльные князья получали свои владѣнія изъ рукъ великаго князя до „воли“, въ „доживотье“ или „отчину“; территоріальными правами на нихъ, какъ великаго, такъ и удѣльныхъ князей, опредѣлялись взаимныя отношенія ихъ между собой. Въ иномъ положеніи былъ Любарть; онъ ничего не получилъ отъ отца и лишь по женѣ пріобрѣлъ владѣтельныя права на отчину старыхъ волинскихъ князей Даниловичей. Отношенія Любарта къ великому князю литовскому опредѣлялись, поэтому, не территоріальными правами послѣдняго на удѣлъ Любарта, но лишь одной личной обязанностью Любарта, какъ „литовскаго“ князя, состоять въ „послушаніи и „покорѣ““ верховному вождю государства. Территоріальныя права на Волинскую землю пріобрѣлъ великій князь Литовскій Гедиминъ не самъ по себѣ, а лишь чрезъ Любарта и его жену—прямыхъ наслѣдниковъ Волинскихъ князей. По договору 1366 г. Кременецкая, Белзская, Холмская и другія русскія земли уступлены Казимиру великимъ княземъ Ольгердомъ, вмѣстѣ съ братомъ его Любартомъ ²⁾; нѣтъ сомнѣній въ томъ, что по вопросу о владѣніи Галицко-Волинскимъ наслѣдіемъ на первомъ планѣ стояли права Любарта ³⁾, а затѣмъ уже слѣдовали права Ольгерда.

Точно также во внѣшнихъ сношеніяхъ Любарть, подобно Кейстуту ⁴⁾, несомнѣнно трактовался самостоятельнымъ владѣтельнымъ лицомъ. Это видно, напримѣръ, изъ грамоты византійскаго императора (1347 г.) ⁵⁾: съ вопросомъ о подчиненіи всей Руси ⁶⁾ митрополиту кievскому императоръ обращается прямо къ владимірскому князю Дмитрію-Любарту, а не къ литовскому господарю Ольгерду, какъ слѣдовало бы въ виду важнаго общегосударственнаго значенія такого вопроса, какъ церковно-іерархическое положеніе и права Русской земли. Затѣмъ, на относительно самостоятельное положеніе

¹⁾ См. *S. Smolka*, *Kiejstat i Jagełło*, стр. 5 и слѣд.

²⁾ *Scarbies*, № 482.

³⁾ Территоріальныя владѣнія Любарта ограничили лишь съ договора 1366 г., когда все почти Владимірское княжество отошло къ Польшѣ и по пожалованію Казимира было отдано подольскому князю Александру Коріатовичу. Господство послѣдняго надъ Владиміромъ продолжалось до 1370 г., когда все Владимірское княженіе снова отошло къ Любарту (*Молчановскій*, *Очеркъ извѣст. о Подольск. землѣ*, 214—215. *Smolka*, *Kiejstat*, 10).

⁴⁾ *Smolka*, *Kiejstat*, 5.

⁵⁾ *Журн. Мин. Нр. Нр.*, 1847, т. 54, стр. 131, 139. Ср. *Wolff*, *Röd*, 73.

⁶⁾ Въ это время Любарть владѣлъ не только Волинію, но и всей Галичиной.

Любарта во внѣшнихъ сношеніяхъ указываетъ ясно сепаратный трактатъ Любарта съ королемъ польскимъ Казимиромъ ¹⁾, заключенный, какъ мы уже знаемъ, вскорѣ послѣ известнаго трактата (1366 г.) литовскихъ князей съ тѣмъ же королемъ. Въ своемъ „докончаньи“ Любартъ опредѣляетъ (доканчиваетъ) отношенія свои къ Казимиру, какъ равный къ равному, — обѣ стороны одинаково обязываются другъ другу „помогати на всякого неприятеля, безо всякоѣ хитрости и лести“ ²⁾. Подобный оборонительный союзъ (съ условіями касательно разграниченія владѣній, взиманія торговыхъ пошлинъ и веденія свободной гостьбы по старинѣ) могъ заключать, во всякомъ случаѣ, не простой удѣльный князь, а лишь государь самостоятельной земли. Въ этомъ отношеніи положеніе Любарта представляетъ нѣкоторое сходство съ положеніемъ верховскихъ князей Сѣверщины, пользовавшихся, какъ мы знаемъ, также полными территоріальными правами на свои дѣльницы и состоявшихъ въ союзѣ „послушанья“ и „службы“, не только съ великимъ княземъ литовскимъ, но и съ сосѣдними князьями московскимъ, переяславскимъ и пронскимъ. Подобно верховскимъ князьямъ, „зависимость“ Любарта отъ литовскаго государя, по всему виду, подходила скорѣе подъ старый типъ между княжескихъ отношеній древней Руси (когда все опредѣлялось лишь свободнымъ рядомъ независимыхъ князей), чѣмъ подъ позднѣйшій типъ „подданства“ и „службы“ удѣльныхъ князей, ставшихъ устанавливаться въ равной мѣрѣ въ Московскомъ и Литовскомъ государствахъ ³⁾.

¹⁾ Arch. Sang., I, № 1.

²⁾ Любавскій замѣчаетъ по поводу докончанья Любарта, что „король часть Владимірской земли возвратилъ Любарту, но за то Любартъ обязался королю службою, помогати на всякаго неприятеля“ и пр. (Областн. дѣленіе, 89). намекая, очевидно, на зависимость Любарта отъ короля, будто бы установившюся на основаніи заключеннаго между ними докончанья. Но, какъ ясно видно изъ этого докончанья, „служба“ въ данномъ случаѣ имѣла обоюдный характеръ: король, съ своей стороны, обязался также помогати Любарту на всякаго неприятеля. Такая же обоюдная „служба“ короля и литовскихъ князей опредѣляется и предшествующимъ договоромъ 1366 г. (Skarb., № 432).

³⁾ Политическая дѣятельность Любарта, дающая право приравнивать его къ двумъ другимъ Гедиминовичамъ — Ольгерду и Кейстуту, какъ равносильнымъ борцамъ за литовско-русскіе интересы, очень мѣтко очерчена въ слѣдующей правдивой замѣткѣ проф. П. П. Филевича: „Въ дѣятельности трехъ Гедиминовичей нельзя не замѣтить строгаго и выдержаннаго распредѣленія ролей: Кейстутъ является по преимуществу борцемъ съ нѣмцами, Ольгердъ занимается дѣлами русскими и татарскими, Любартъ стоитъ на стражѣ интересовъ Литвы со стороны Польши. На трехъ фронтахъ державы Гедимина мы видимъ по его смерти трехъ его сы-

Находясь на особомъ положеніи въ отношеніи къ великому князю литовскому, Любарть, въ свою очередь, являлся „милостію Божіею великимъ княземъ“ ¹⁾ въ отношеніи къ подчиненной ему русской землѣ. О подчиненіи Любарту удѣльныхъ князей Волини говорятъ польскіе историки (Кромель, Длугошъ) ²⁾. По свидѣтельству грамоты Владислава-Ягеллы 1386 г., князь Ѳеодоръ Острожскій отправлялъ въ отношеніи къ владимірскому князю Любарту такія же точно служебности (*sergicia*), какія затѣмъ принялъ на себя въ отношеніи къ королю Владиславу ³⁾. Въ той же самой зависимости отъ Любарта, несомнѣнно, находились и другіе удѣльные князья, сидѣвшіе при Любартѣ въ разныхъ волостяхъ Волинской земли ⁴⁾. Сохранилось извѣстіе о томъ, что мѣстные удѣльные князья (Острожскій, да, вѣроятно, и другіе) получали не отъ литовскаго господаря, а непосредственно отъ Любарта, удѣлы и другія пожалованія (на-

новой, унаслѣдовавшихъ отъ отца, какъ показываютъ ихъ дѣла, его великій духъ. Дѣятельность ихъ представляетъ рѣдкій, едва ли не единственный въ исторіи примѣръ, не только стойкости и мужества, но и такихъ истинно братскихъ отношеній, которыя въ болѣе извѣстныхъ намъ отношеніяхъ Ольгерда и Кейстута вызываютъ общее удивленіе историковъ. Картина, однако, неполная, ибо въ ней не достаетъ третьяго брата. Удалившись на югъ еще при жизни отца (Любарть жилъ въ то время въ Подляхѣн, владѣніяхъ Кейстута), онъ остался на мѣстѣ до самой кончины. Сорокъ лѣтъ провелъ въ неустанной борьбѣ. Сознаніе важности занимаемаго имъ поста, непрерывная опасности со стороны врага не давали Любарту никакой возможности принимать участіе въ другихъ литовскихъ дѣлахъ, — вотъ почему молчатъ о немъ восточно-русскіе и нѣмецкіе историки“ (*Филевичъ Борьба*, 113).

¹⁾ „*Dux magnus*“ по грамотѣ Владислава-Ягеллы 1386 г. См. Arch. Sang., I, № I и VI. Akta Grodz. i Ziemskie z arch. Bernard., III, № 30. Suplem. ad hist. Rus. monum., 128. Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. I, № 46, стр. 206; т. VI, № 1 Ср. *Конесту*, I, р. 10.

²⁾ *Кромель*, L. IX, р. 308. *Длугошъ*, L. IX, р. 1087.

³⁾ Arch., Sang., I, № V.

⁴⁾ Изъ современныхъ источниковъ видно, что при Любартѣ былъ на Волини цѣлый рядъ зависѣвшихъ отъ него, удѣльныхъ русскихъ и литовскихъ князей. Таковы князья: Острожскіе (*Stadnicki*, Syn. Ged., II, 163; *Андрилушевъ*, 61, 77; *Яблоновскій*, *Źródła dziejowe*, VI, стр. LXVI, LXXII), Ратисненскіе, Степанскіе и Дубровицкіе (*Prochaska*, Cod., № 35, 109; Skarb., № 695; *Андрилушевъ*, 29; *Stadnicki*, Syn., II, 127; *Bracia*, 33), Четвертинскіе (Arch. Sang., I, стр. 11; *Яблоновскій*, *Źródła*, VI, стр. LXVIII; *Андрилушевъ*, 79), Песвижскіе (*Stadn.*, Syn., II, 81; *Wolff*, 156), Холмско-Бѣлзскіе (Юрій Нарим. еще до 1352 г., *Smolka*, 10; *Филевичъ*, Борьба, 93; *Андрилушевъ*, 84, 230; *Wolff*, 15; *Stadn.*, Syn., II, Dodat. III) и др. См. ниже объ удѣльныхъ Волинскихъ князьяхъ.

примѣръ, право на сборъ мыта и пр.)¹⁾; непосредственная зависимость Волинскихъ князей отъ литовскаго господара началась только послѣ Любарта, когда вообще измѣнилось положеніе Волыни въ Литовскомъ государствѣ. Въ радѣ Любарта мѣстные князья являлись первыми его совѣтниками²⁾).

Что касается, наконецъ, общихъ отношеній Любарта къ своимъ владѣніямъ, то онъ называетъ ихъ въ своихъ грамотахъ „нашею“ областію, ея население „нашими“ боярами, землянами и пр.³⁾ Въ фундушевой грамотѣ Луцкой соборной церкви, данной Любартомъ въ первый же годъ его княженія (1322 г.), находимъ весьма важныя опредѣленія о церковныхъ имѣніяхъ, владычьемъ судѣ и нарядѣ,—опредѣленія, развитыя рѣшительно въ духѣ древне-русскихъ церковныхъ уставовъ⁴⁾. Изъ источниковъ, наконецъ, видно, что при

¹⁾ *Stadnicki*, Syn., II, 163. Arch. Sang., I, № V и VI.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 1.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 1.

⁴⁾ Этотъ актъ не простая фундушевая записъ, а церковный уставъ епископа Луцкой. Приведемъ вторую, болѣе важную для насъ, половину этого любопытнаго акта, служившаго позже для мѣстной церковной власти главной охраной ея автономіи противъ притязаній овладѣвшихъ краемъ представителей католицизма. „Тые вси села, отъ насъ къ церкви Божой приданые, маєт держати господарь богомолецъ нашъ Климентій, владыко Луцкій и Острожскій, и вси паствуники его вѣчно и непорушно, а за насъ и чада наша Господа Бога молити и добромъ посполитомъ, вкупе же съмыслимомъ (церковнымъ соборомъ)? нашимъ, вонервыхъ яко пастырь и отецъ нашъ, при насъ и при соимомъ князевъ и боярь нашихъ, радити и совѣтовати, а вси и церкви и ихъ освещенниками, нищихъ обителями, болницами, странноприемницами радити, благихъ милувати, а злобныхъ казнити, яко самъ отъ Христа Спаса власть господарь отецъ владыка маєт; архимандриты благословити, игумены наставляти, поны и дяконы совершати, какъ въ нашей области, въ богоспасаемыхъ городахъ въ Луцку и въ Остроже, и въ селахъ до нихъ прислухающихъ, такжеже и боярь и землянъ нашихъ; а соблазны творсящихъ изверзати, церкви освещати, антихрисмы благословити, еретиковъ и непослушныхъ кляти, никакоже паче благословенія его церкви созиждати, или самовласте разоряти, или спещенниковъ отъ него благословенныхъ отъ церкви отгнати, или дидаскалію основати, мети ставропцію и во всемъ ему, яко настоятелю повинуватися и все со благословеніемъ его творити. А по семъ ненадобе вступоватися ни дотемъ молитъ, ни внучатомъ, ни всему роду моему до вѣка, ни въ люди церковныя, ни во вся суды ихъ,—то все далъ еси церкви Божой. К тому и купцы отъ поповъ по всемъ городомъ и погостомъ и по свободамъ, где суть хрестіане, и своимъ тмыномъ приказуемъ судовъ церковныхъ не судити, ибо мирскимъ не просчено отъ закона Божья доступоватися въ тые ради. Аще ли хто подъ областію нашею въ епархіей Луцкой и Острожской сия преланія отческа и поведенія княженія нашего персступитъ

Любартъ Волынская земля управлялась при посредствѣ состоявшаго при великомъ князѣ совѣта (gady) изъ князей и бояръ, а по городамъ и волостямъ чрезъ княжескихъ воеводъ или старостъ (capitanei), тивуновъ и другихъ органовъ, отправлявшихъ на мѣстѣ земскій рядъ и судъ, подъ общимъ вѣдѣніемъ великаго князя цѣлой страны¹⁾.

Въ такомъ положеніи находились дѣла на Волыни до самой смерти Любарта, когда, по всемъ видимостямъ, сразу произошла коренная перемена въ отношеніяхъ литовскаго господаря къ мѣстнымъ князьямъ, какъ и ко всей землѣ, ставшей подходить подъ общій уровень съ другими областями литовско-русскаго государства. Въ современныхъ актахъ нѣтъ больше рѣчи о старомъ великомъ князѣ Волыни, какъ мѣстномъ „господарѣ“, объединявшемъ въ своемъ лицѣ всѣ составныя части зависѣвшей отъ него непосредственно Волынской земли. Господаремъ послѣдней является послѣ Любарта не его преемникъ, но великій князь литовскій, непосредственно распоряжающійся на Волыни всеми дѣлами на такомъ же точно основаніи, какъ и въ другихъ областяхъ своего государства. Правда, преемникъ Любарта, сынъ Федоръ, еще носитъ титулъ „великаго князя“²⁾, но это лишь одно имя безъ стараго реального значенія: этотъ великій князь не имѣетъ больше никакого отношенія къ Волынской землѣ въ полномъ

дерзаетъ, десять тысячей рублей на насъ и на епископа да казнится и отъ Бога пролгать-будетъ“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 1).

¹⁾ О „совѣтѣ“ и о тивунахъ упоминаетъ приведенная только что фундашная грамота Любарта. Въ числѣ лицъ, подписавшихъ его договоръ съ Казимиромъ (ок. 1366 г.), былъ Иванъ, воевода Луцкій (Arch. Sang., I. № 1). На особомъ положеніи въ Галицкой землѣ находился Дмитрій Дѣтко, Любартовъ намѣстникъ-блюститель, воевода или староста, называвшійся „provizor veu capitaneu terrae Russiae“. Исключительный характеръ обстоятельствъ, при какихъ дѣйствовалъ въ Галичинѣ этотъ представитель Любарта, вынуждалъ, естественно, необходимость въ предоставленіи ему весьма широкихъ полномочій по управленію и защитѣ страны отъ польскихъ притязаній на обладаніе ею. Занятое имъ въ Галичинѣ, повидимому, чуть не княжеское положеніе, сходное съ положеніемъ въ Подоліи Спытка Мельштынскаго въ концѣ того же вѣка, доказывается грамотой Дѣтка, данной торунскимъ купцамъ на право свободнаго приѣзда въ Львовъ ради торговли, какъ и для постоянного жительства (съ признаніемъ за колонистами права приобрѣтенія имѣній,—hereditatem liberam и пр. Skarb., № 366. Ср. Monum. Pol. Hist., II, стр. 621), а также грамотой венгерскаго короля Людовика (1344 г.), обращенной лично къ Дѣтку по дѣламъ копичныхъ купцовъ. См. *Ольсевичъ*, Борьба, 63. О личности Дѣтка, блюстителя власти Любарта въ Галичинѣ, см. тамъ же, 68—69, 76, 80—81, 138—139; Къ вопросу о борьбѣ, 337—338.

²⁾ См., напримѣръ, Arch. Sang., № 8.

ея составѣ и къ сидѣвшимъ въ ней удѣльнымъ князьямъ. Оедоръ Любартовичъ, владѣвшій лишь частію Волинскаго княжества (въ концѣ концовъ только Владимірскимъ округомъ), ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ князей, сидѣвшихъ на Волини,—наравнѣ съ ними находится въ полной зависимости отъ великаго князя литовскаго. Мало того: вскорѣ послѣ Любарта снова выступаетъ на сцену вопросъ о Волинскомъ „наслѣдіи“, съ старинными притязаніями на него со стороны Польши. Указанная перемѣна въ отношеніяхъ Волини и ея князей къ литовскому господарю, какъ и возобновеніе старыхъ споровъ между Литвой и Польшей по вопросу о наслѣдіи, оставшемся послѣ галицко-волинскихъ князей, несомнѣнно стоятъ въ тѣсной связи со смертью Любарта. Такъ оно и было на дѣлѣ: послѣ него рѣзко обозначился поворотный пунктъ въ исторіи политической самобытности Волини, начался процессъ превращенія ея въ простую провинцію сперва литовскую, а затѣмъ польскую (съ Люблинской уніи), съ утратой всякихъ признаковъ былой ея территориально-политической самостоятельности.

Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что указанная перемѣна въ положеніи дѣлъ на Волини была результатомъ властной воли Владислава-Ягеллы, произвольно лишившаго преемника Любарта принадлежавшихъ ему правъ на Волинское наслѣдіе¹⁾. Любартъ, несомнѣнно,

¹⁾ Отношенія Ягеллы къ Оедору Любартовичу, сдѣланному по смерти отца Волинскимъ княземъ, обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что, въ силу уніи Литвы съ Польшей при Ягеллѣ, Волинь стала считаться присоединенной къ Польшѣ: Любартовичъ далъ *homagium* коронѣ Польской, а чрезъ это самое Волинь была уже „*applicata*“,—Любартовичъ сдѣлался зависимымъ ленникомъ польскаго короля и короны. Но дѣло въ томъ, что отсюда еще было далеко до ограниченія удѣльныхъ правъ Любартовича и до лишенія его лучшей части отцовскаго удѣла (Лудца). И другіе литовскіе князья сложили *homagium* польскому королю и коронѣ, но они не лишались своихъ удѣловъ, не подверглись никакимъ существеннымъ ограниченіямъ въ удѣльныхъ правахъ. Недавно однимъ изъ польскихъ ученыхъ (*Колеску „Jagiello i Witold“*, въ *Przewodnik nauk. i liter.*, 1892, всаз. XIII, р. 682 и слѣд.) сдѣлана попытка выяснитъ иными причинами и обстоятельствами фактъ лишенія Оедора Любартовича Лудскаго княжества и вообще ограниченія его удѣльныхъ правъ. Для объясненія этого факта указываютъ на то обстоятельство, что преемникомъ Оедора Любартовича на Волинское княжество еще съ 1384 г. былъ намѣстечъ Ягеллой Витовтъ: Ягелло не только не желалъ назначить Витовта великимъ княземъ литовскимъ, но и имѣлъ въ виду поставить его въ качествѣ Волинскаго князя въ вполнѣ зависимое отъ себя положеніе. Подготовительной мѣрой для этого и послужило ограниченіе удѣльныхъ правъ наличнаго Волинскаго князя, Оедора Любартовича, котораго долженъ былъ смѣнить Ви-

оставляя въ странѣ добрую память о себѣ; произвольный актъ Владислава едва ли могъ остаться безъ рѣзкаго протеста со стороны населенія въ защиту поправныхъ правъ Любартовича; тѣмъ болѣе, что и сама страна была, понятно, не менѣе заинтересована въ сохраненіи стараго своего положенія. Затѣмъ, вопросъ о наслѣдіи Любартовича разрѣшался какъ разъ въ разгаръ общегосударственныхъ вопросовъ о бракѣ Ягеллы съ Ядвигой и о принятіи первымъ польской короны, а съ ней и о первой уніи Литвы съ Польшей: въ такую пору едва ли было своевременно и въ интересахъ Ягеллы предпринимать не безопасный шагъ—произвольное лишеніе законныхъ правъ преемника такого борца за литовско-русскіе интересы, какъ Любартъ. Вопросъ о Волынскомъ наслѣдіи и разрѣшеніе его въ данномъ направленіи вызваны были, какъ видно, силой самихъ обстоятельствъ, а не властной волей Владислава. И при томъ, въ современныхъ актахъ и дѣтописныхъ показаніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго намека, какъ на произвольный характеръ дѣйствій Владислава въ отношеніи къ Любартовскому наслѣдію, такъ и на какой либо серьезный протестъ со стороны сына Любарта или мѣстнаго населенія. По всему видно, что Владиславъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ по волынскому вопросу, что называется, на совершенно законномъ основаніи. Къ сожалѣнію, современные источники не разъясняютъ категорически-точно, въ чемъ именно заключалось это законное основаніе. Волынский вопросъ разрѣшался, какъ замѣчено, въ разгаръ такихъ обще-государственныхъ дѣлъ, какъ брачная связь представителей двухъ сосѣднихъ государствъ: вопросы эти поглощали общее вниманіе, совершенно засло-

товтъ; отбирая отъ Любартовича Луцкъ въ свое полное распоряженіе, Ягелло будто бы рассчитывалъ послѣ дать этотъ удѣлъ Витовту отъ себя на условіяхъ, согласовавшихся вообще съ политикой Ягеллы въ отношеніи къ Витовту (*Przewodnik*, 1892, в. VIII, р. 684). Быть можетъ, ближайшей подкладкой всего этого дѣла и была дѣйствительно такая именно политика Ягеллы. Но намъ кажется, что не будь въ наличности какихъ-то другихъ обстоятельствъ, Ягелло изъ-за одного антагонизма и противодѣйствія Витовту едва ли бы рѣшился на такой смѣлый шагъ, какъ лишеніе Волынскаго князя лучшей части его отцовскаго удѣла: подобный шагъ былъ бы весьма рискованнымъ для Ягеллы, съ его новымъ положеніемъ польскаго короля, еще далеко не упрочившимся въ Литвѣ и Литовской Руси, въ пору еще не вполне закончившихся общегосударственныхъ вопросовъ (объ уніи и пр.), вызванныхъ принятіемъ Ягеллой польской короны. Обстоятельства, давшія Ягеллѣ возможность осуществить свои планы касательно Волынскаго наслѣдія и дѣйствовать при этомъ, что называется, на совершенно законномъ основаніи, остаются, сколько намъ извѣстно, мало выясненными въ наукѣ.

няли собой вопросы мѣстные, въ томъ числѣ и Волинскій. Въ современныхъ лѣтописяхъ находимъ первыя упоминанія о немъ лишь позже, когда онъ былъ уже совершившимся фактомъ. Не сохранились также акты, которые бы разъясняли весь ходъ развитія Волинскаго вопроса.

Тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя приблизительныя показанія, по крайней мѣрѣ, касательно общихъ основаній разрѣшенія Волинскаго вопроса въ данномъ направленіи. Показанія эти заставляютъ, какъ намъ кажется, предполагать съ полной вѣроятностью, что, во первыхъ, послѣ смерти Любарта, или правильнѣе—его первой жены, Волинское наслѣдіе сдѣлалось „выморочнымъ“ и, во вторыхъ, Ѳеодоръ Любартовичъ не имѣлъ никакихъ законныхъ основаній считаться наслѣдникомъ владѣній, оставшихся послѣ смерти его отца. Дѣло въ томъ, что настоящая и единственная наслѣдница Волинскаго княженія—первая жена Любарта (Анна, дочь Андрея Юрьевича, послѣдняго волинскаго князя изъ рода Даниловичей), умерла бездѣтной; въ 1349 г. Любартъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью Константина Борисовича, князя ростовскаго, племянницей Семсона Ивановича, великаго князя московскаго ¹⁾). Отъ этой-то второй жены Любартъ и имѣлъ 3-хъ сыновей: Ѳедора, Лазаря и Семена (о послѣднихъ двухъ ничего неизвѣстно), изъ коихъ первый былъ послѣ преемникомъ отца по Волинскому княженію ²⁾). Въ силу обычныхъ началъ наслѣдованія, въ одинаковой мѣрѣ примѣнявшихся по древнему литовско-русскому праву въ сферѣ частноправныхъ и публичныхъ отношеній, наслѣдственная выморочность выступала, какъ общее правовое начало, разъ послѣдній представитель (по мужской или женской линіи—безразлично) даннаго рода отчичей умиралъ безъ потомства; выморочная отчина отходила въ распоряженіе той общественной власти, съ какой она, по своимъ специфическимъ свойствамъ, находилась въ ближайшихъ бытовыхъ связяхъ. Нужно полагать, что тѣ же самыя начала регулировали и вопросъ о Волинскомъ наслѣдіи. Дѣйствительно, послѣ бездѣтной смерти первой жены, Любартъ могъ оставаться владѣтелемъ выморочнаго вѣла жены

¹⁾ П. С. Р. Л., VII, 215; X, 221. Русскіе источники даютъ второй жепѣ Любарта имя Агаоин (*Хмыросъ*, Алфавитно-справочный перечень удѣльн. князей, стр. 7, № 207). Изъ актовъ мѣстныхъ видно, что жена Любарта называлась Ольгой (*Arch. Sang.*, I, № 8).

²⁾ *Wolff*, *Röd Gedym.*, 94. *Rulikowski i Radziwiński.*, *Kniazowie i szlachta*, стр. 25.

никомъ образомъ не въ качествѣ отчины, а лишь простаго „доживотья“; къ послѣднему не могли имѣть никакого отношенія дѣти Любарта отъ втораго брака. Волынская земля, по праву выморочности, должна была послѣ Любарта отойти въ полное распоряженіе верховнаго представителя того государства, къ составу котораго эта земля стала принадлежать еще съ тѣхъ поръ, какъ умеръ послѣдній волынской князь рода Даниловичей. Литовскій господарь могъ затѣмъ, уже „отъ себя“, въ видѣ обычнаго пожалованія, предоставить Волынское княжество въ удѣлъ сыну Любарта. Какъ видно по всему, пожалованіе это дано было не на положеніи вотчины, даже не доживотья, а лишь „до воли“. Любартовичъ, при такомъ положеніи дѣла, естественно, долженъ былъ сразу снизойти подъ общій уровень удѣльныхъ князей, служившихъ великому князю литовскому въ силу его территоріальныхъ правъ на пожалованныя имъ удѣльныя владѣнія.

Такъ нужно ставить, если не ошибаемся, вопросъ о Волынскомъ наслѣдіи по смерти Любарта. Время его кончины съ точностью неизвѣстно, какъ и неизвѣстны всѣ условія и обстоятельства, при какихъ Ѳеодоръ Любартовичъ сдѣлался преемникомъ своего отца. Сохранились только заключительные акты, какими закончилось преемство Любартовичемъ отцовскихъ владѣній¹⁾. Можно сказать одно: смерть Любарта и послѣдовавшее затѣмъ принятіе его сыномъ Волынскаго княженія слѣдуетъ относить къ концу 1385 г. или началу слѣдующаго года, то-есть, времени, непосредственно предшествовавшему окончательному рѣшенію вопроса о принятіи Владиславомъ Ягеллой польской короны. Въ февралѣ 1386 г. Любартовичъ уже вступилъ, по договору съ Ягеллой, въ заурядное положеніе удѣльнаго князя, далъ присягу вѣрности королю и вмѣстѣ съ тѣмъ участвовалъ въ общей порукѣ литовскихъ князей по вопросу объ исполненіи королемъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ въ отношеніи къ коронѣ польской²⁾. Февральскій договоръ Ягеллы съ Ѳеодоромъ

¹⁾ Однимъ изъ такихъ актовъ можно считать, напр., отказъ Ѳеодора Любарта съ семьей отъ „отчины“ князей Острожскихъ и всего ихъ „служебнаго“, то-есть, старой службы (покоры, послушанія), какой они обязывались къ Любарту (Arch. Sang., I, № 8). Таковъ же привилей кор. Владислава 4 ноября 1386 г. о подтвержденіи за княземъ Острожскимъ его отчины, съ непосредственнымъ подчиненіемъ его королю, какъ литовскому господарю (ib., № 5).

²⁾ *Stadnicki, Synow.*, II, 122, 161—162. Ср. Arch. Sang., I, стр. 2 и 154. *Cromer, De orig. et rebus Polon.*, ed. 1555, p. 354.

Любартовичемъ можно считать главнымъ актомъ, съ котораго началась дѣятельность послѣдняго въ качествѣ удѣльнаго князя¹⁾.

Какъ замѣчено выше, волинское наслѣдіе по смерти Любарта должно было, по праву выморочности, отойти въ полное распоряженіе литовскаго господаря и уже отъ него поступить въ управленіе Федора Любартовича и то, какъ видно по всему, лишь „до воли“ господарской. Такая именно постановка вопроса о Любартовскомъ наслѣдіи вполне подтверждается всѣми дѣйствіями Владислава-Ягеллы и послѣдующихъ литовскихъ господарей по волинскому вопросу. Первоначально Любартовичъ, несомнѣнно, владѣлъ не только Владимирской, но и Луцкой землей²⁾. Въ грамотѣ 22-го мая 1386 г. онъ еще титулуется: „Dei gracia dux luciensis“³⁾. Вскорѣ затѣмъ Луцкъ отходитъ въ непосредственное распоряженіе короля Владислава-Ягеллы и отдается имъ князю острожскому Федору Даниловичу въ значеніи намѣстничества⁴⁾. Вслѣдъ затѣмъ (4-го ноября 1386 г.) появляется распоряженіе короля касательно удѣльныхъ владѣній того же князя Острожскаго; за нимъ подтверждается Острожскій удѣлъ его отца, съ подчиненіемъ самого князя непосредственной зависимости отъ короля⁵⁾. Одновременно съ этимъ король и Витовтъ опредѣляютъ подробно составъ владѣній и правъ Острожскаго князя, какъ удѣльнаго, въ Луцкой землѣ⁶⁾. Не имѣется точныхъ указаній, при какихъ именно обстоятельствахъ Луцкая земля занята была королемъ. Известно только, что послѣ этого во владѣніи Любартовича оставался одинъ Владиміръ съ его округомъ, которымъ онъ владѣлъ до всту-

¹⁾ Отсюда же, какъ кажется, можно заключать, что Любартъ умеръ предъ заключеніемъ упомянутаго договора, то-есть, въ концѣ 1385 или въ самомъ началѣ слѣдующаго года. 22-го мая 1386 г. Любартовичъ далъ запись королю въ званіи Луцкаго князя (Arch. Sang., I, № 3). Въ грамотѣ Владислава 4 ноября того же года говорится о Любартѣ, какъ о покойникѣ (ibid., № 5). По свидѣтельству Длугоша, Любартъ пережилъ венгерскаго короля Людовика, умеръ въ 1382 г. (L. III, 888). Вольфъ полагаетъ, что Любартъ умеръ около 1384 г., Филевичъ—до 1386 г. (Ród Gedim., 73. Борьба, 117).

²⁾ *Stadnicki*, Syn. Gedym., II, 25. *Wolff*, Ród Ged., 74.

³⁾ Arch. Sang., I, № 3. *Skarbiec*, № 526.

⁴⁾ Грамота на Луцкое намѣстничество князя Острожскаго не имѣетъ даты (см. Arch. Sang., I, № 7): она была дана несомнѣнно скорѣ послѣ упомянутой выше грамоты Федора Любарта. 22 мая 1386 г. (ibid., № 3).

⁵⁾ Здѣсь разумѣется зависимость отъ Ягеллы, какъ „supremus princeps Lithuaniae“ (Arch. Sang., I, № 5).

⁶⁾ Arch. Sang., I, № 6.

пленія Витовта (въ 1392 г.) на великокняжескій столъ ¹⁾. Удаленный Витовтомъ изъ Волыни ²⁾, Ѳеодоръ Любартовичъ перешелъ сначала въ удѣлъ, данный ему въ Сѣверщинѣ, а затѣмъ сидѣлъ до смерти Витовта въ небольшомъ гор. Жидачевѣ ³⁾. Длугошъ сообщаетъ, что, послѣ смерти Витовта, король возвратилъ въ 1431 г. князю „Ѳеодюшку“ (Любартовичу) старый его удѣлъ—Владимиръ съ его округомъ, но не надолго: въ томъ же году Любартовичъ умеръ безпотомно, записавъ королю Владиславу всѣ свои клейноты, скарбъ и вообще все имущество движимое и недвижимое ⁴⁾.

Луцкая земля, какъ мы знаемъ, чуть ли еще не въ первый годъ княженія Ѳеодора Любартовича поступила въ непосредственное владѣніе короля Владислава-Ягеллы. Въ исходѣ 1387 г. король отдалъ

¹⁾ Это видно, напримѣръ, изъ поручной записи (1387 г.) Витовта и другихъ литовскихъ князей, въ томъ числѣ и Ѳеодора Любарт., предъ королемъ Владиславомъ за галицкаго воеводу Бенедикта. Въ этой грамотѣ Любартовичъ титулуется: „Fodarius de Ladomi(ri)a“, княземъ Владимирскимъ (*Prochaska, Cod. epist.*, № 35) Такой же титулъ Любартовича (*Dei gracia dux Wladimiriensis*) находимъ въ его присяжной грамотѣ 1393 г., данной королю Владиславу на вѣрность при пожалованіи ему удѣла въ Сѣверщинѣ (*Arch. Sang.*, I, № 14).

²⁾ *Stadnicki, Syn.*, II, 166. Лишившись въ 1392 г. Владимирскаго удѣла, Ѳеодоръ Любартовичъ еще носилъ титулъ „dux Wladimiriensis“, но волости не имѣлъ вовсе и, наконецъ, удовлетворился въ 1393 г. тѣмъ, что ему предложили,—частью Сѣверской земли. Въ присяжной грамотѣ (1393) по поводу этого пожалованія, Любартовичъ послѣдній разъ титулуется: „Dei gracia dux Wladimiriensis“ (*Arch. Sang.*, I, № 14. Ср. *Андрияшевъ*, 230—231).

³⁾ На восточномъ рубежѣ Львовской земли (*Baliński i Lipiński, Staroż. polaka*, 2-е изд., II, 758). Неизвѣстно съ точностью время, когда Любартовичъ перешелъ въ Жидачевъ; Стадницкій относитъ этотъ переходъ къ 1413 (*Syn. Ged.*, II, 170), *Вольфъ*—къ 1411 (*Röd*, 75), *Андрияшевъ*—къ 1408 г. (*Очеркъ*, 231). Сохранилось нѣсколько правыхъ грамотъ (1421—1430) Ѳеодора Любартовича по дѣлу Жидачевскихъ отчичей Балацкаго и Дѣдушицкаго (*А. З. Р.*, I, № 90). О Сѣверскомъ удѣлѣ Любартовича см. *Arch. Sang.*, I, №№ 14 и 15.

⁴⁾ *Długosz*, IV, 413, 420. *Wolff*, *Röd*, 76. Съ смертью Ѳеодора Любартовича прекратился родъ Любартовичей. Но словамъ *Вольфа*, извѣстія о потомствѣ Ѳеодора Любартовича появились не раньше второй половины XVI столѣтія, когда стали составляться родословныя литовскихъ князей (напримѣръ, II. С. Р. Л., VII, 256), также компиляціи тогдашнихъ геральдиковъ Напроцкаго (*Herbu, wyd. Tyrowskiego*, 828) и др. Извѣстія о потомкахъ Любартовича имѣютъ совершенно вымышленный характеръ или же относятся къ Ѳеодору Ольгердовичу (*Wolff*, 76). Стадницкій признаетъ существованіе потомства Любартовича на основаніи одного тараго синодика (*Syn. Ged.*, II, 171, 260); но здѣсь, какъ справедливо замѣчаетъ *Вольфъ* (стр. 76), перечисляются не дѣти Любартовича съ ихъ потомками, а вообще умершіе его предки и родичи.

Луцкую и Владимирскую земли въ удѣлѣ Витовту, въ вознагражденіе за великое княженіе, предоставленное Скиргайлу Ольгердовичу ¹⁾. Въ 1390 г. Луцкій удѣлъ былъ отобранъ у Витовта, перешедшаго на сторону нѣмецкаго ордена ²⁾; впрочемъ, сдѣлавшись черезъ два года великимъ княземъ литовскимъ, Витовтъ завладѣлъ, какъ сказано выше, не только Луцкимъ удѣломъ, но и всей Волинью. До самой смерти Витовта Волинь считалась его личнымъ удѣломъ; при немъ Луцкъ былъ южной столицей государства, гдѣ зачастую проживалъ Витовтъ ³⁾.

Послѣднимъ волинскимъ княземъ считается Свидригайло-Болевславъ Ольгердовичъ. вмѣстѣ съ занятіемъ великокняжескаго стола по смерти Витовта, Свидригайло вступилъ въ права послѣдняго и по владѣнію Волинскимъ удѣломъ, который оставался въ его рукахъ и послѣ лишенія званія великаго князя литовскаго (въ 1492 г.). Послѣ примиренія Свидригайла съ королемъ (1437 г.), послѣдній оставилъ за нимъ Волинь, гдѣ Свидригайло жилъ до своей смерти ⁴⁾. Еще въ бытность его великимъ княземъ литовскимъ возобновились

¹⁾ Лѣтописи, изданная Даниловичемъ, стр. 39, 44. *Вызовецъ*, 31. Script. rer. Pruss., IV, 713. *Prochaska*, Cod. epist., № 63. Ср. *Stadnicki*, Syn., II, 164—165. *Konecny*, *Przewodn.* 1892, IX, 771. Еще въ 1384 г., вмѣстѣ съ предоставленіемъ Витовту Подляхін и Гродненскаго княжества (въ Черной Руси), Ягелло призналъ Витовта также волинскимъ княземъ, но только въ 1387 г. Витовтъ вступилъ въ управленіе Волинскимъ удѣломъ (*Konecny*, *ibid.*, II, 107; IX, 771 и сл.).

²⁾ *Stadnicki*, Syn., II, 164.

³⁾ *Stadnicki*, Syn., II, 165—166. Стадницкій полагаеть, что Витовтъ не былъ самостоятельнымъ владѣтелемъ Волини, а получилъ ее отъ короля лишь въ значеніи польскаго „feudum“ (Syn., II, 172—175). Свое положеніе Стадницкій основываетъ на сообщеніи Длугоша и Кромера о томъ, что въ 1387 г. (то-есть, въ то время, когда Витовтъ будто бы уже былъ луцкимъ княземъ) король посадилъ въ замкѣ Луцкомъ, съ его округомъ, для управленія имъ отъ имени короля, Креслава Курозвенскаго, каштеляна Сандомирскаго (*Kromer*, стр. 247). Но дѣло въ томъ, что Витовту уступленъ былъ Луцкъ лишь въ слѣдующемъ году; да и самый фактъ назначенія польскаго старосты въ Луцкъ оспаривается позднѣйшими польскими историками. *Нарбутъ*, напримѣръ (*Hist. Litwy*, V, 410), относитъ назначеніе упомянутаго польскаго старосты не къ Луцку, а Холму. Затѣмъ, Стадницкій полагаетъ, что Витовтъ владѣлъ Волинью по пожалованію короля въ значеніи „feudum“, именно потому, что этотъ край считался польскимъ „завоеваніемъ“, — воззрѣніе, которое мало оправдывается фактами. Витовтъ владѣлъ Волинью въ зависимости отъ короля на такихъ же основаніяхъ, какъ и всей Литвой, — основаніяхъ, сформулированныхъ Городельской уніей 1413 г.

⁴⁾ Вмѣстѣ съ Волинью Свидригайло получалъ также Кіевъ (*Wolff*, *Röd Ged.*, 166. Ср. *Skarb.*, №№ 744, 746).

польскія притязанія на волынское наслѣдіе. Преемникъ Свидригайла по великому княженію, Сигизмундъ Кейстutowичъ, обязанный своимъ возвышеніемъ полякамъ, формально уступилъ было Польшѣ всю Волинскую землю, долженствовавшую по его смерти перейти въ вѣдѣніе къ коронѣ польской ¹⁾; но до этого не допустилъ сидѣвшій въ то время на Волини Свидригайло. Впрочемъ, и самъ Свидригайло, при формальномъ признаніи за нимъ въ 1437 г. Волинскаго удѣла, вынужденъ былъ войти въ такое же соглашеніе съ королемъ Владиславомъ III: признавъ свою зависимость отъ короля, Свидригайло, вмѣстѣ съ своею радой, обязался вѣрно служить королю польской, при чемъ рада, съ согласія своего князя, обязалась, по его смерти, не признавать никого своимъ господаремъ, кромѣ польскаго короля ²⁾. Договоръ этотъ, впрочемъ, былъ нарушенъ волинскимъ княземъ вслѣдъ за вступленіемъ на великокняжескій столъ Казимира-Ягеллона. Получивъ отъ послѣдняго подтвержденіе пожизненнаго владѣнія Луцкомъ и всею Волинскою землей ³⁾, Свидригайло отрекся отъ подчиненія польскому королю и цѣловалъ крестъ на вѣрность новому великому князю литовскому. На сеймахъ долго, затѣмъ, велись ожесточенные споры между польскими и литовскими панями изъ-за Волинскаго наслѣдія. Литовцы требовали возвращенія занятыхъ поляками въ разное время волинскихъ замковъ, какъ исконныхъ русскихъ земель, принадлежавшихъ литовскимъ господарямъ. Поляки, въ свою очередь, заявляли притязанія на полное присоединеніе къ Польшѣ всей Волины, ссылаясь на то, что ею владѣли прежніе короли польскіе (Людвикъ и др.), а также на Городельскую унію и другіе акты, въ особенности на сравнительно недавній договоръ Сигизмунда Кейстutowича о формальномъ подчиненіи этого края Польшѣ и пр. Споры эти, однако, не привели ни къ чему: каждая сторона оставалась при своихъ фактическихъ владѣніяхъ ⁴⁾. Въ виду польскихъ притязаній Свидригайло на смертномъ одрѣ ⁵⁾ обязалъ волин-

¹⁾ Skarbiec, № 1630.

²⁾ *Długosz*, Hist., X, 696. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 362.

³⁾ *Stadnicki*, *Bracia*, 364.

⁴⁾ *Любаскій*, *Областное дѣленіе*, 41.

⁵⁾ Свидригайло умеръ въ концѣ 1451 г. Послѣдняя его грамота принадлежитъ 24 сентября 1451 г. (*Arch.*, *Sang.*, I, № 47). 3-го января слѣдующаго года король Казимиръ уже распоряжается удѣломъ Свидригайла: даетъ жалованную грамоту пану Мышкову на имѣнія въ Владимірскомъ и Перемышльскомъ повѣтахъ (*ibid.*, № 50). Очевидно, Свидригайло умеръ въ промежутокъ времени между датой обѣихъ грамотъ.

скихъ князей и пановъ не отдавать послѣ него Волинь никому, кромѣ великаго князя литовскаго. Предсмертная воля послѣдняго волинскаго князя была исполнена: волинскіе замки были заняты послѣ его смерти литовскими гарнизонами, и вся страна поступила въ управление великокняжескихъ намѣстниковъ¹⁾. Какъ видно изъ грамотъ Свидригайла, сохранившихся въ значительномъ числѣ отъ времени княженія его на Волини, онъ управлялъ ею на общемъ положеніи удѣльнаго князя. Въ грамотахъ Свидригайло обыкновенно титулуется: „милостию Божею великій князь“. Грамоты, дававшіяся на имѣнія и по другимъ случаямъ, составлялись отъ имени князя, всегда „порадився (досмотрѣвъ) з нашими князи и паны, з нашею вѣрною радою“. Рада эта, состоявшая обыкновенно изъ мѣстнаго владыки, князей и пановъ, является главнымъ органомъ управления княжествомъ. Въ числѣ радныхъ пановъ упоминаются всѣ главные волинскіе урядники времени Свидригайла, составлявшіе его дворъ или управлявшіе отдѣльными городами и волостями княжества. Таковы: маршалки дворные и земскіе, канцлеръ, подканцлерій, подскарбій, ключники, крайчіе, воеводы, старосты и др.²⁾

Послѣ Свидригайла не было больше великихъ князей волинскихъ. Съ этихъ поръ Волинь утрачиваетъ удѣльный характеръ, окончательно отходить къ непосредственнымъ владѣніямъ великихъ князей литовскихъ. Къ составу Литовско-Русскаго государства Волинская земля принадлежала до Люблинской уніи 1569 г., когда она, вмѣстѣ съ Подоліей, Кіевскою землею и частію Подляхін, отошла къ числу

¹⁾ *Длугошъ* (Hist., V, 96) сообщаетъ, что, узнавъ о близкой кончинѣ Свидригайла, король послалъ въ Луцкъ Николая Панховскаго для опредѣленія положенія дѣла на мѣстѣ и (въ случаѣ смерти князя) для принятія присяги на вѣрность королю со стороны жены умершаго князя, старосты и бояръ луцкихъ (А. В. Р., I, № 53. *Stadnicki, Syn. Ged.*, II, 177 и слѣд. *Wolff, Ród Ged.*, 166. *Tabelnotekki, Zródła*, VI, стр. LVIII). Жена Свидригайла не осталась въ Волини но получила отъ короля въ „доживотье“ Здитовъ, Городокъ и Дворцы въ Шинскомъ Погѣсьи (Ревизія пуцъ, 330, 334 и др. *Wolff*, 166).

²⁾ Arch. Sang., I, № 85, 36, 38 и др. А. Ю.-З. Р., I, № 19—21, 24, 25, 30. *Антоновичъ*, Грамоты великихъ князей литовскихъ, стр. 18. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, № 20. Археогр. сборн., VII, стр. 2. Ревизія пуцъ, стр. 327. *Вольфъ* приводитъ изъ Литовской Метрики двѣ грамоты Свидригайла, 1446 и 1451 г. (Ród, 98). Кстати замѣтимъ, что въ актахъ, относящихся къ исторіи юго-западной Россіи, и другихъ сборникахъ даты нѣкоторыхъ грамотъ не вѣрно обозначены; поправки дасть находимъ у *Вольфа* (стр. 98).

непосредственныхъ польскихъ провинцій. Въ составѣ Польши Волянь числилась отдѣльнымъ воеводствомъ ¹⁾.

Кромѣ „великихъ князей“ (въ особенности Любарта, Витовта и Свидригайла), стоявшихъ въ главѣ всей Полицкой земли и въ своемъ лицѣ объединявшихъ ее въ цѣльную, относительно самостоятельную область, на Воляни существовали, въ литовскую эпоху, другіе удѣльные князья — Белзско-Холмскіе, Ратненскіе (Сангушки), Острожскіе и др. Одни изъ нихъ принадлежали несомнѣнно къ потомкамъ старыхъ русскихъ князей, каковы: князья Острожскіе (съ ихъ отраслю — кн. Заславскими), Друцкіе, Четвергенскіе — Святополки и др. Объ этихъ потомкахъ старыхъ русскихъ князей Длугошъ и Кромеръ сообщаютъ, что одни изъ нихъ подчинились Любарту, первому великому князю на Воляни въ литовскую эпоху, другіе были имъ удалены изъ ихъ удѣловъ, очевидно, за отказъ въ „покорѣ“ ²⁾. Большинство удѣльныхъ князей на Воляни принадлежало къ Гедиминовичамъ. Таковы князья Ратненскіе—Сангушки, Степанскіе, Корецкіе и др. ³⁾. Нѣкоторые волянскіе князья происходятъ отъ другихъ родовъ старыхъ литовскихъ князей, не-Гедиминовичей, какъ, напримѣръ, князья Дубровицкіе, принадлежавшіе, какъ мы уже знаемъ, вмѣстѣ съ князьями Гольшанскими къ одному роду литовскихъ князей—Ольгимунтовичей ⁴⁾. Опись волянскихъ замковъ, 1545 г., раздѣляетъ мѣстныхъ князей на „головныхъ“, „меньшихъ“ и князей—„повѣтниковъ“, числившихся въ ряду простыхъ землянь. Къ главнымъ князьямъ относились лишь крупные магнаты-землевладѣльцы, напримѣръ, князья Острожскіе, Сангушки, Вишневецкіе и др. Неизвѣстно, въ чемъ заключалось различіе между князьями главными и меньшими ⁵⁾. Въ актахъ XV и XVI столѣтія упоминается цѣлый рядъ мелкихъ князей, владѣнія которыхъ располагались въ особенности въ Луцкой

¹⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., II. Dodatki, стр. XV. *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е изданіе. III, 4 и слѣд.

²⁾ *Długosz*, Hist., IX, p. 1087. *Kromer*, L., IX, p. 308.

³⁾ Въ источникахъ упоминаются въ числѣ волянскихъ князей нѣкоторые Гедиминовичи, удѣлы которыхъ неизвѣстны; таковы: Дмитрій, Левъ и Василій Коріатовичи, Патрикій Паримунтовичъ, о которыхъ упоминаетъ Воскресенская лѣтопись (И. С. Р. Л., VIII, 34), безъ указанія на ихъ удѣлы (*Wolff*, *Ród*, 71. *Smolka*, *Kiejstut*, 10). Въ той же лѣтописи упоминается князь Дмитрій Михайловичъ Волянскій, который, по предположенію Смольки, могъ быть сыномъ Коріата по крещенію получившимъ имя Михаила (*Smolka*, *Kiejst.*, 27).

⁴⁾ См. выше о княжествѣ Гольшанскомъ въ собственной Литвѣ.

⁵⁾ Памяти. Кіевск. комм., IV, отд. 2, стр. 41.

землѣ; князья эти, большею частію, лишь упоминаются въ актахъ, безъ точнаго указанія на ихъ владѣнія, обозначающіяся только по мѣстнымъ фамиліямъ князей. Въ XVI столѣтіи всѣ такіе малкіе князья получили значеніе высшаго класса мѣстной шляхты—служилыхъ князей, сохранявшихъ съ княжескимъ титуломъ свои микро-скопическіе удѣлы-вотчины, безъ всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ страны ¹⁾.

На западной окраинѣ Волинской земли (по сосѣдству съ Червонной Русью и Люблинской землей) располагались двѣ русскія области, тянувшія изстари къ Волини,—земли *Белзская* и *Холмская*. Территориальное положеніе ихъ на окраинѣ юго-западной Руси, подъ бокомъ и на виду у сильнаго сосѣда (Польши), должно было отражаться на ихъ историческихъ судьбахъ; чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ присоединенія къ Литовско-Русскому государству Холмско-Белзская земля подчинилась западному своему сосѣду, подобно Червонной Руси вовсе вышла изъ состава волинскихъ областей. При первомъ же литовскомъ князѣ на Волини—Любартѣ Гедиминовичѣ, Белзъ и Холмъ съ ихъ волостями отошли къ Польшѣ, сперва по договору литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ въ 1366 году ²⁾, затѣмъ окончательно по договору 1377 года ³⁾. Послѣ присоединенія къ Польшѣ Белзская земля составила отдѣльное воеводство, Холмская же Русь была причислена къ воеводству Русскому, составившемуся изъ бывшей Червонной или Галицкой Руси ⁴⁾. Во второй половинѣ

¹⁾ Такимъ образомъ, въ ревизіи замковъ волинскихъ 1545 г. упоминается нѣкій рядъ мелкихъ князей въ особенности Луцкой земли: Остроженскіе (изъ Острожска), Велицкіе (изъ Велички), Замлицкіе (изъ Замлицъ), Козики и др. Сюда же причисляются выходцы литовскіе и сѣверскіе: Масальскіе (изъ Тарговицы), Сѣнскіе и др. (*Tablowski, Źródła dziejowe, t. VI, стр. XXXI, XXXIV, LXX. Ср. Arch. Sang., I, 102, 132; III, 67, 188, 256, 323, 325; IV, 114, 162, 354*). Въ актахъ XV столѣтія упоминаются въ числѣ волинскихъ князей Путяты, имѣвшие владѣнія, кромѣ Волини, также въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства (*Arch. Sang., I, стр. 33, 50, 61, 70, 85, 86, 138. А. Ю.-З. Р., I, № 19 А. З. Р., № 107. Skarbiec, №№ 1359, 1562, 1603*).

²⁾ Skarbiec, № 432.

³⁾ Какъ замѣчено раньше, по смерти Казимира (въ 1370 г.) Белзъ и Холмъ отошли было къ Любарту съ другими волинскими городами, занятыми Польшей, и лишь послѣ новаго завоеванія Польшей западной окраины Волини въ 1377 г. Белзско-Холмская земля была окончательно присоединена къ польскимъ владѣніямъ (см. *Филевичъ, Борьба, 110—112*).

⁴⁾ *Baliński, Staroż. Polska, 2-е изд., II, 911; III, 332. Sulimierski, Słown. geogr., I, 129, 553* и др.

XIV столѣтія Белзская земля составляла удѣльное владѣніе князя Юрія (какъ полагаютъ новѣйшіе изслѣдователи, сына Наримонта Гедиминовича)¹⁾, наравнѣ съ другими литовскими князьями бывшаго въ зависимости отъ великаго князя волынскаго Любарта Гедиминовича. Когда именно Юрій Наримунтовичъ получилъ Белзскій удѣлъ, неизвѣстно²⁾; извѣстно только, что Юрій былъ всегда ближайшимъ сподвижникомъ Любарта въ борьбѣ съ польскимъ королемъ Казимиромъ за самостоятельность Волынской земли и до 1366 г. владѣлъ Белзомъ на общемъ удѣльномъ положеніи³⁾. Въ 1366 году, когда по договору съ Казимиромъ, Белзъ и Холмъ отошли къ Польшѣ, Юрій Наримунтовичъ удержалъ за собой оба удѣла, по пожалованію Казимира (*jure feudali*), въ качествѣ вассальнаго польскаго владѣтеля⁴⁾. Послѣ окончательнаго присоединенія Холмско-Белзской земли къ Польшѣ въ 1377 году, Юрій Наримунтовичъ, вмѣсто утраченнаго имъ стараго его удѣла, получилъ во владѣніе Любачевъ⁵⁾; Белзскій удѣлъ отданъ королемъ Семовиту, мазовецкому князю, Холмская же земля была присоединена къ королевскимъ владѣніямъ⁶⁾. Въ позднѣйшее время бывшіе князья белзскіе, Юрій Наримунтовичъ и его сынъ Иванъ, упоминаются въ источникахъ до конца XV столѣтія въ числѣ литовскихъ князей, но безъ точнаго указанія ихъ владѣній⁷⁾.

¹⁾ По словамъ Андрияшева, „князь Юрій—лицо въ высшей степени загадочное; трудно даже опредѣлить, славянинъ ли этотъ князь, или онъ литовскаго происхожденія; одни изслѣдователи считаютъ его сыномъ Наримонта Гедиминовича, другіе склонны видѣть въ немъ внука извѣстнаго волынскаго князя Мстислава Даниловича и отцомъ его считаютъ Данила Мстиславича, о жизни котораго неизвѣстно ровно ничего“ (*Андрияшевъ*, Очеркъ, 84—85). Стадницкій, напротивъ, различаетъ Юрія Нарим. отъ жившаго будто бы одновременно съ нимъ Юрія Даниловича, князя русскаго—белзскаго и холмскаго, что Вольфъ считаетъ рѣшительно невѣрнымъ: по мнѣнію послѣдняго, белзскимъ княземъ былъ Юрій Наримунтовичъ (*Ród Gedym.*, 15).

²⁾ *Филевичъ*, Борьба, 93.

³⁾ *Андрияшевъ*, Очеркъ, 85.

⁴⁾ *Нарушевичъ*, Hist., VII, 117—118. Skarbiec, № 432. *Stadnicki*, Syn., II, Dodat. III. *Smolka*, Kiejstut, 10.

⁵⁾ Съ частью соляныхъ доходовъ въ Бохнін. См. *Филевичъ*, Борьба, 112.

⁶⁾ *Андрияшевъ*, Очеркъ, 85, 230. *Stadnicki*, Syn., II, Dodat. IV.

⁷⁾ Такъ, князь Белзскій упоминается въ числѣ литовскихъ князей, ручавшихся въ 1387 г. за воеводу галицкаго Бенедикта (*Prochaska*, Cod. epist., № 35). Тотъ же князь участвовалъ въ предпріятіи Витовта въ 1388 г. на сосѣднія польскія провинціи, а въ 90-хъ годахъ жилъ вообще при Витовтѣ (*Wolff*, 16). Юрій Наримунтовичъ умеръ въ концѣ XIV столѣтія; его сынъ Иванъ перечисляется въ

На территории собственно *Владимірской земли* существовали въ литовскую эпоху удѣльныя владѣнія Гедиминовичей—князей *Сангушекъ* ¹⁾, подраздѣлявшихся позже на нѣсколько отдѣльныхъ линій. Главныя владѣнія князей Сангушекъ сосредоточивались въ сѣверо-западномъ углу Владимірской земли (къ сѣверу отъ Владиміра), по рѣкѣ Туріи и Припети, въ теперешнемъ Ковельскомъ уѣздѣ. Древнѣйшимъ владѣніемъ князей Сангушекъ считаются города Ратно, Любомля и Ветлы. Какъ видно изъ договора литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ 1366 года, города эти съ ихъ округами тянули къ Владиміру, то-есть, принадлежали къ владѣніямъ Любарта Гедиминовича. Въ 1366 году они, вмѣстѣ съ Владиміромъ, отошли было къ польскимъ владѣніямъ ²⁾ и лишь по смерти Казимира (въ 1370 г.) возвращены были въ составъ Владимірской земли. Образование особаго Ратно-Любомльскаго удѣла князей Сангушекъ принадлежитъ промежутку времени между 1370 и 1375 г., когда въ актахъ впервые упоминается князь Ратненскій ³⁾. По литовской лѣтописи, удѣлъ перваго князя Сангушки (Федора Ольгердовича) состоялъ, кромѣ Ратно, также изъ Любомля ⁴⁾. Къ старой же отчинѣ Сангушекъ принадлежитъ замокъ Ветлы. За участіе въ враждебныхъ дѣйствіяхъ Свидригайла, Сангушки лишились было въ 30-хъ годахъ XV столѣтія своего стараго удѣла; но затѣмъ, при великомъ князѣ Казимирѣ, Сангушки получили, вмѣсто отобраннаго удѣла, сначала владѣнія въ Каменецкомъ и Берестейскомъ повѣтахъ, а потомъ, въ 1443 году, имъ возвращена была старая ихъ отчина—Ратно, Любомля и Ветлы ⁵⁾. Эти города еще въ XVI столѣтіи составляли владѣнія князей Сангушекъ ⁶⁾. Кромѣ указанныхъ городовъ, въ составъ

ряду литовскихъ князей, павшихъ въ битвѣ съ татарами на Ворсклѣ въ 1399 году (И. С. Р. Д., IV, 104, 142. *Wolff*, 15—16).

¹⁾ Кромѣ имени Сангушекъ и Сангушковичей, въ старыхъ актахъ зачастую встрѣчаемъ наименованіе князей Сангушкѣ также *Сендюшко*, *Сендюшковичи* (см., напримѣръ, Археогр. Сборн., I, стр. 75, 81).

²⁾ *Skarbiec*, № 432.

³⁾ *Prochaska*, Cod. epistol. Vit., стр. 13, 35. *Skarb.*, № 1677. *Bonieski*, 292.

⁴⁾ *Быжовель*, стр. 22: „Федоръ Сангушко (сынъ Ольгерда)—удѣлъ его Любомль“.

⁵⁾ *Wolff*, *Ród Ged.*, 121. *Stadnicki*, *Syn. Ged.*, II, 66. *Skarbiec*, № 1791. *Arch. Sang.*, I, стр. 36, 38.

⁶⁾ Въ описи границъ литовскихъ и польскихъ 1546 г. говорится: „Ратенъ и Любомль были князей нашихъ Сендюшковичевъ“ (Археогр. Сборн., I, стр. 84). После присоединенія Волыни къ Польшѣ Ратно и Любомль вошли въ составъ Холмскаго повѣта Русскаго воеводства (*Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, 925—927).

удѣла князя Ратненскаго, Оедора-Сангушки Ольгердовича, входилъ также Жидачевъ ¹⁾, перешедшій, какъ мы знаемъ, въ началѣ XV столѣтія (1400 г.) во владѣніе Свидригайла. Означенныя владѣнія ²⁾ составляли до позднѣйшаго времени удѣлъ потомковъ князя Сангушки Оедоровича, одного изъ сыновей князя Ратненскаго, Оедора Ольгердовича, основателя рода князей Сангушковичей ³⁾. Другой его сынъ, Ромаць, какъ мы уже знаемъ, получилъ въ удѣлъ Кобринское княжество. Третій сынъ, князь Гурко, владѣлъ особымъ удѣломъ — Красничинымъ (между Красноставомъ и Грубешовомъ); по смерти князя Гурко принадлежавшій ему удѣлъ былъ пожалованъ (около 1433 г.) князю Сангушку Оедоровичу, въ добавокъ къ Ратненской волости ⁴⁾. Въ XV столѣтіи удѣльныя владѣнія князей Сангушекъ увеличиваются новыми приобрѣтеніями. Изъ раздѣльнаго акта (1502 г.) князей Сангушекъ видно, что въ это время главной ихъ „отчиной и дѣдиной“ считалась Кошерская волость (также повѣтъ), располагавшаяся по сосѣдству съ Ратно и Любомлей и состоявшая изъ дворовъ Кошора (Кошера или Каменя Кошерскаго), Несухоѣже, Божковича, Холопеча и цѣлаго ряда тянувшихъ къ каждому изъ этихъ дворовъ, сельскихъ поселеній ⁵⁾. Несухоѣже и Милановичи, какъ мы знаемъ, составляли первоначально удѣльное владѣніе князей Кобринскихъ, затѣмъ позже перешли къ Сангушкамъ ⁶⁾. Въ началѣ 40-хъ годовъ XV столѣтія Кошерскій повѣтъ (*districtus Cosserlensis*) составлялъ,

¹⁾ „Князь Оедоръ Олгидневичъ, королевъ братъ“ подтверждаетъ въ особомъ актѣ (безъ даты), писанномъ въ Жидачовѣ, разграниченіе селъ Тушилова и Сваричова, принадлежавшихъ къ Жидаченскому округу (*Przeгляд Archeologiczny*, I, стр. 77. *Wolff*, 116—117. *Stadnicki*, *Syn.*, II, 170).

²⁾ Кромѣ Ратно и Любомли, отошедшихъ къ Польшѣ при королѣ Казимирѣ, какъ это видно изъ описи границъ великаго княжества Литовскаго и Польскаго королевства, составленной въ 1545 г. (*Археогр. Сборн.*, I, стр. 61, 75, 81).

³⁾ *Wolff*, *Kniaz. Kobruńscy*, р. 5. *Bonieski*, 292—300.

⁴⁾ Неизвѣстны причины лишенія сыновей Гурко отцовскаго удѣла. Князь Гурко (по Вольфу, отъ имени Гурій, какъ Сангушко—отъ имени Семень), вмѣстѣ съ братомъ Романомъ Кобринскимъ, жилъ въ 1412—1416 г. при дворѣ Владислава-Ягелла; въ 1416 г. подписался на королевск. привилей церкви въ Страдѣ (*Acta grod. i ziem.*, III, 169). Умеръ до 1433 г., когда его удѣлъ отошелъ къ Сангушкамъ. Послѣ Гурко осталась вдова съ сыновьями, ихъ насильно вынудили изъ владѣній мужа. Вольфъ полагаетъ, что лишеніе наследниковъ Гурка отцовскаго стола стояло въ связи съ участіемъ кн. Гурки въ дѣлѣ Свидригайла (*Wolff*, 120, 126—128. *Arch. Sang.*, I, стр. 32. *Supplementa ad hist. Rusa. monum.*, 518).

⁵⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 147—148.

⁶⁾ *Wolff*, 125.

вѣстѣ съ сосѣдной Ратненской волостью, основное владѣніе князей Сангушекъ, какъ это видно изъ грамоты короля Владислава (1441 г.) объ отобраніи отъ Сангушекъ (за измѣну) всего Кошерскаго повѣта; отчина ихъ возвращена лишь чрезъ три года Казимиромъ¹⁾. Къ старымъ же владѣніямъ князей Сангушекъ принадлежатъ гор. Ковель (на рѣкѣ Туріи) съ его округомъ и Локачи (въ Владимірскомъ повѣтѣ)²⁾. Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія къ владѣніямъ Сангушекъ присоединяются новыя пожалованія (Казимира и Александра) въ Владимірскомъ повѣтѣ: Хвалимичи, Заечичи, Шинковичи и Звеничъ³⁾. Въ началѣ XVI столѣтія князь Андрей Сангушко получилъ „заставнымъ правомъ“ замокъ Владимір съ его волостями (Литовижомъ и друг.) чуть ли не на такомъ же *jus ducale*, на какомъ раньше владѣлъ Снытко Мельштынскій цѣлымъ рядомъ подольскихъ замковъ съ ихъ волостями⁴⁾. Вскорѣ затѣмъ (въ 1517 г.) князь Романъ Андреевичъ Сангушко получилъ отъ Сигизмунда I „до живота“ замки Браславскій, Вишницкій и Звенигородскій⁵⁾. Кромѣ старыхъ „отчинъ“ и пожалованій господарскихъ, князья Сангушки пріобрѣтали „нѣмшія“ частнымъ путемъ (купли-продажи); таковы, напримѣръ, волости въ Владимірскомъ и Кремешецкомъ повѣтахъ: Цеценевцы, Бай-

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 36, 38. Skarb., № 1791. *Stadnicki*, Syn., II, 66. *Wolff*, 121.

²⁾ О Ковелѣ см. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, 69. *Wolff*, 125. О Васильѣ Михайлов. Сангушковичѣ, князѣ *Ковельскомъ*, упоминаютъ акты 1519, 1538 и др. годовъ (А. Ю.-З. Р., II, № 116. Arch. Sang., III, стр. 188. О Локачахъ см. *Baliński*, II, 65. Arch. Sang., III, 182, 350). Въ 1516 г. Сигизмундъ I дозволилъ князю Василю Мих. Сангушкѣ—*„villa sua haereditaria“* Ковель преобразовать въ городъ (*oppidum*) на правѣ Магдебургскомъ. Съ этихъ поръ появляются князья Ковельскіе (Arch. Sang., III, стр. 182—184). Волость Локачи составляла въ 1529 г. выслугу князей Четвертенскихъ (*ibid.*, III, 350. Ср. *Bonieski*, 294).

³⁾ Arch. Sang., I, стр. 91, 119. *Skarbiec*, № 624.

⁴⁾ Въ 1508 г. Сигизмундъ I отдалъ „въ заставу“ князю Андрею Сангушкѣ замокъ Владимірскій съ мѣстечкомъ Литовижомъ и другими волостями, тянувшими къ замку „со всеми правомъ и панствомъ и со всею властностію, жадного хуса не выдумючи, ани жаднымъ обычаемъ отдаляючи. А въ томъ замку мветься онъ радити и справовати, какъ самъ напередъ разуменячи, а мы не маемъ ижо больша тое волости и села кому отдавати от того замку, ани платовъ местскихъ, ани далей жадныхъ от него отнимати, ани ихъ кому отпущати. Нехай онъ то все мощно держитъ“. По его смерти тѣ же права переходятъ къ его наслѣдникамъ, пока замокъ не будетъ выкупленъ (Arch. Sang., III, 56—57).

⁵⁾ А. Ю.-З. Р., II, № 104. Изъ одного акта 1569 г. видно, что въ это время князь Романъ Сангушко состоялъ „воеводой“ браславскимъ (Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 13).

маковцы, Дубица и друг. ¹⁾). Наконецъ, вмѣстѣ съ удѣльными владѣніями на Волини, князья Сангушки получали въ разное время (съ XV столѣтія) пожалованія въ сосѣднихъ русскихъ и польскихъ областяхъ. Къ такимъ владѣніямъ князей Сангушекъ относятся: въ Каменецкомъ повѣтѣ—Тростяницы; въ Подляхіи—Сошно (въ Берестейскомъ повѣтѣ, въ замѣнъ Тростяницъ) и Лосиче (въ Мельницкомъ повѣтѣ); въ Минскомъ повѣтѣ—Деречинъ и Лошица; позже въ Люблинскомъ воеводствѣ—Левартовъ (позднѣйшій Любартовъ) и пр. ²⁾).

Въ 40-хъ годахъ XVI столѣтія Ковель, составлявшій центральную часть владѣній князей Сангушекъ, отошелъ къ *королеви Бонѣ*, давшей князю ковельскому, Василю Михайловичу Сангушковичу (съ его согласія), замѣнъ Ковеля, принадлежавшія ей владѣнія въ Минскомъ повѣтѣ—Смоляны, Обольце и Горволь (ими владѣла Сангушки еще въ XVII столѣтіи). Кромѣ Ковеля, королева Бона одновременно приобрѣла (какимъ путемъ—неизвѣстно) сосѣднія волости съ гор. Милановичи и Вызвой. Волинскія владѣнія Боны управлялись особымъ старостой ковельскимъ, милановицкимъ и вызвовскимъ. Волинскія владѣнія числились за королевой Боной до отъѣзда ея въ Италію (въ 1556 г.), когда Ковель съ волостями отошелъ къ великокняжескимъ владѣніямъ. Въ 1564 году Сигизмундъ-Августъ далъ Ковель въ „доживотье“ московскому выходцу—князю Андрею Курбскому; послѣ него Ковель съ волостями вошелъ въ составъ волинскихъ староствъ ³⁾).

Что касается происхожденія князей Сангушковъ, то этотъ во-

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 63, 119.

²⁾ Arch. Sang., I, стр. 43, 91, 121. Skarbiec, № 624. *Stadnicki*, Syn., II, 266. *Wolff*, 121, 124. Въ половинѣ XVI столѣтія, какъ видно изъ описанія границъ вел. кн. Литов. и Польши (1545 г.) и люстраціи замковъ Владимирскаго, Лудскаго и Кременецкаго (1546 г.), имѣнія князей Сангушекъ были разбросаны на всемъ пространствѣ Владимирскаго и Лудскаго повѣтовъ. Главныя владѣнія сосредоточивались въ сѣверо-западномъ углу Владимирскаго повѣта: замки Камень (в. Каменецкій), Несухонжи, Турейскъ и болѣе 20-ти волостей, отдѣльныхъ имѣній и дворовъ въ разныхъ мѣстахъ Владим. повѣта (Археогр. Сборн., I, стр. 72, 75, 77, 80, 83, 84, 102. Памятн. Киевск. Комм., IV, отд. II, стр. 141, 177, 178, 181—185). Въ Лудкомъ повѣтѣ князьямъ Сангушкамъ принадлежало до 15 имѣній, составлявшихъ иногда обширныя волости: Голытинъ, Завѣсичи, Губанъ, Зинячье, Гороховъ, Поремьль и друг. (Памятн., IV, отд. 2, стр. 75, 107—109, 111—112, 114, 117, 118, 140, 142, 180, 181). О владѣніяхъ Сангушекъ см. *Bonicki*, *Poczet rodów*, 292—300.

³⁾ Arch. Sang., I, № 136. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, стр. 69, 70, 78. *Bonicki*, 294. *Люблинскій*, 124, 260.

прось стала разъясняться лишь въ сравнительно недавнее время. Старые польскіе геральдики и историки причисляли князей Сангушковъ къ роду Любартовичей, считали ихъ потомками Любарта Гедиминовича, перваго „великаго князя“ Волинской земли въ литовскую эпоху ¹⁾.

Существуетъ также ничѣмъ не мотивированное предположеніе о томъ, что первый князь Сангушко (Федоръ) былъ сынъ новгородъ-сѣверскаго князя Дмитрія-Корыбута ²⁾. Старый знатокъ исторіи литовскихъ князей. Стадницкій, весьма обстоятельно доказалъ неосновательность предположенія о принадлежности Сангушковъ къ роду Любарта Гедиминовича; но затѣмъ и самъ пришелъ къ ничѣмъ не доказанной мысли о томъ, что Сангушковъ слѣдуетъ считать потомками не Гедиминовичей, а старыхъ русскихъ князей ³⁾. Лишь въ трудахъ новѣйшихъ ученыхъ (въ особенности Волифа) установилось строго обоснованное на документальныхъ данныхъ воззрѣніе о при-

¹⁾ Основаніемъ такого воззрѣнія по вопросу о происхожденіи князей Сангушковъ служили: родословная князей литовскихъ, составленная въ XVI столѣтіи (П. С. Р. Л., VII, 256), и частная родословная рода Сангушковъ, составленная въ 1640 г. Геронимомъ, княземъ Сангушкомъ, бывшимъ смоленскимъ епископомъ (*Stadnicki*, Syn. Ged., II, 262). Тамъ и здѣсь родоначальникомъ Сангушковъ считается Любартъ Гедиминовичъ. Это воззрѣніе принято старыми польскими геральдиками—*Липровскими* (*Herbu*, изд. *Туровскаго*, 828), *Околевскими* (*Herbarz*, I, 542), *Несецкими* (*Korona Pol.*, IV, sub voce „Sanguszku“) и др. Въ новомъ изданіи *Herbarz'a Несецкаго* (VIII, 236) ближе опредѣляется происхожденіе главныхъ линий рода Сангушковъ. По мнѣнію Несецкаго, князья Сангушки-Несухожевскіе происходятъ отъ Александра Дмитріевича, сына Любарта Гедиминовича; другія линии рода Сангушекъ — князья Ковельскіе, Кошерскіе и Михоловичи имѣли своимъ ближайшимъ родоначальникомъ Михаила, другаго сына Дмитрія Любартовича. Воззрѣнія о происхожденіи Сангушковъ отъ Любарта Гедиминовича держатся и нѣкоторые изъ новыхъ польскихъ историковъ (см., напримѣръ, *Dzieła Jul. Bartoszewicza*, III, 871).

²⁾ Предположеніе это высказано не такъ давно польскимъ ученымъ Соколовскимъ. въ предисловіи къ изданному имъ „*Listam kn. Zbarażskich*“ (*Pisarze dziejów Pol.*, V, стр. 3). Извѣстно, что Федоръ Корыбутъ, съ которымъ отождествляется Федоръ Сангушко, умеръ безпотомно (*Wolff*, *Röd Ged.*, 155).

³⁾ *Stadnicki*, *Wracia Jagielly*, 38, 241, 262—269. Изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ того же мнѣнія о русскомъ происхожденіи Сангушковъ держится Яблоновскій. По его словамъ, сами Сангушки, русскіе князья по своему происхожденію, стали позже выдавать себя за потомковъ Гедиминовичей (именно Любарта), считая для себя болѣе выгоднымъ происхожденіе отъ Гедиминовичей, владѣвшихъ въ Литвѣ и Польшѣ верховной властью (*Zródła dziejowe*, t. VI, стр. LXVIII—LXIX).

надлежности князей Сангушковъ къ роду Ольгердовичей ¹⁾). Древнѣйшія преданія о происхожденіи князей Сангушковъ, вполне подтверждающіяся позднѣйшими документальными данными, сохранились въ русскихъ и литовскихъ лѣтописяхъ. По литовской лѣтописи (изданной Нарбутомъ), шестымъ сыномъ отъ первой жены Ольгерда считается „Федоръ-Сангушко—удѣль его Любомль“ ²⁾). На основаніи этого показанія Стрыйковскій выводитъ родъ князей Сангушковъ отъ „шестого сына Ольгерда—Федора“ ³⁾). Тѣ же самыя показанія находимъ въ цѣломъ рядѣ русскихъ лѣтописей: 1-й Новгородской, Софійскомъ временникѣ, Воскресенской лѣтописи и друг. ⁴⁾). Въ синодикахъ Кіево-Печерской лавры записанъ, вмѣстѣ съ родомъ князей Кобринскихъ, также родъ князей Ольгердовичей Сангушковъ ⁵⁾). Что касается, затѣмъ, показаній актовъ, относящихся къ князьямъ Сангушкамъ, то до XVI столѣтія они не имѣютъ никакихъ приточныхъ фамилій. Въ актахъ XIV и XV столѣтій князья Сангушки, по большей части, именуется по ихъ главному удѣлу ⁶⁾), или обозначаются просто родовымъ наименованіемъ Сангушковъ и Сангуш-

¹⁾ Сколько намъ извѣстно, впервые указалъ на такое происхожденіе рода Сангушковъ проф. В. Антоновичъ. Еще въ началѣ 1860-хъ годовъ онъ высказалъ положеніе о томъ, что „въ сѣверныхъ частяхъ Волыни, около Ковеля, получилъ удѣлъ Федоръ Ольгердовичъ, родоначальникъ князей Сангушковъ“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, стр. XIX); положеніе это, однако, не было мотивировано никакими документальными данными и потому осталось безъ вліянія на дальнѣйшее разъясненіе спорнаго вопроса. Изъ польскихъ изслѣдователей ту же самую мысль высказалъ впервые Радзивицскій, въ своей монографіи о князьяхъ Кобринскихъ (*Rozprawy i sprawozd. z posied. wykladu hist.-filosof. Ak. Umiejętn., XVII, 6—7. 18*). Собственно же Вольфу принадлежитъ заслуга строго-научнаго изслѣдованія вопроса о происхожденіи Сангушковъ именно отъ Ольгердовичей (см. *Röd Ge, dim., 116 - 126*). Мы укажемъ на главныя документальныя данныя, говорящія въ пользу мысли о происхожденіи Сангушковъ отъ Ольгердовичей.

²⁾ *Вызовецъ*, стр. 22.

³⁾ *Kronika*, изд. 1846, т. II, стр. 57.

⁴⁾ П. С. Р. Л., IV, 72; V, 236; VIII, 25; XV, 436.

⁵⁾ *Wolff*, 119, 126.

⁶⁾ Первый князь Сангушко именуется въ актахъ XIV столѣтія по имени своего удѣла *Fedorius de Rathin* или *Rathnensis* (*Prochaska, Cod. epist., стр. 13, 35 и др.*). Въ актѣ 1394 г., помѣщенномъ въ „*Inventarium arch. król. Pol.*“, изд. въ Парижѣ Рыкачевскимъ, говорится о *Theodorus Rohatynensis*, тогда какъ въ этомъ актѣ, упоминающемся въ „*Scarbic*“ Даниловича (№ 647), рѣчь идетъ несомнѣнно о Федорѣ Ратненскомъ. То же ошибочное наименованіе Ратненскаго князя находимъ въ другомъ актѣ 1387 г. (*Golebiewski, Hist. Wlad.-Jag., I, прим. 182. Stadnicki, Syn. Ged., II, 127*).

ковичей (Ссидюшскъ, Ссидюшковичей). Въ значеніи потомковъ Ольгердовичей князья Сангушки обозначаются въ актахъ XVI и начала XVII столѣтія. Такъ, надгробная надпись, сохранившаяся въ Яромірѣ (въ Чехіи) на памятникѣ князя Дмитрія Сангушки, именуеть его Ольгердовичемъ. Въ актахъ городскихъ Владимирскихъ сохранилось завѣщаніе 1602 г. „князя Григорія Ольгердовича Сангушко Львовича Кошерскаго“. Такимъ же образомъ, въ люстраціи Подолін 1628 года упоминается Александръ-Адамъ Ольгердовичъ, князь Сангушко-Кошерскій, воевода Подольскій ¹⁾). Объ общемъ происхожденіи Ягеллоновъ ²⁾ и князей Сангушковъ вспоминаеть князь Михаилъ Воротынскій. въ своемъ письмѣ Сигизмунду-Августу 1567 года ³⁾.

¹⁾ Źródła dziejowe, V, 151.

²⁾ Ягелло-Владиславъ и Феодоръ Сангушко были сыновья Ольгерда.

³⁾ Skarbicz, № 2875. Всея изложенія данныя приведены у *Вольфа* (*Ród*, 125—126). Впервые Сангушки стали называться Любартовичами въ актахъ въ концѣ 30-хъ годовъ XVII столѣтія, очевидно, подъ влияніемъ династическихъ тенденцій того времени, а также показаній гербовниковъ, составлявшихся современными польскими изслѣдователями—Папроцкимъ и др. (*Stadnicki. Syn. Gedym. II, 267. Wolff, 126*). Въ недавно изданной монографіи: „Князь Феодоръ-Любартъ Ольгердовичъ и его потомки князья Сангушки“ (см. Труды Вилен. отдѣленія Моск. предварительнаго комитета по устройству въ Вильнѣ IX археол. съѣзда, 1893, стр. 276 и слѣд.) А. Лонгиновъ высказалъ мысль о томъ, что хотя Сангушки дѣйствительно (согласно съ мнѣніемъ Вольфа) были потомками Феодора Ольгердовича, но тѣмъ не менѣе они „съ полнымъ правомъ могли называться и Любартовичами“. По мнѣнію г. Лонгинова оказывается, что родоначальникомъ Сангушекъ нужно считать *Феодора—Любарта*, сына Ольгерда Гедиминовича. Главнымъ основаниемъ для г. Лонгинова служатъ извлеченія изъ Холмскаго помянника, сдѣланныя епископомъ И. Сушею, гдѣ различаются два Любарта: Гедиминовичъ и Ольгердовичъ,—последній, по догадкѣ г. Лонгинова, и былъ родоначальникомъ Сангушекъ. Свою догадку г. Лонгиновъ, затѣмъ, подтверждаетъ помянникомъ Києво-Печерской лавры, гдѣ находятся свидѣнія о родѣ Сангушковъ: „родъ княз Сенкушковъ Федоровичъ“; „князъ Феодора Олкирдовичъ кня(гн)юю его Олгу“. Сопоставляя эти указанія помянниковъ съ грамотой 1386 г. Феодора-Любарта Луцкаго князя (*Arch. Sangusz. I, № 3, — см. выше*) и затѣмъ съ грамотой того же года „великаго князя“ Федота съ братьями Лазаремъ и Семеновъ и матерью ихъ Ольгою объ отказѣ ихъ отъ права на „отчину“ князя Острожскаго (*ibid. № 8*), г. Лонгиновъ приходитъ къ тому заключенію, что въ первой грамотѣ рѣчь идетъ о Феодорѣ—Любартѣ Ольгердовичѣ (будто бы получившемъ въ удѣлъ Луцкъ отъ Владислава—Ягеллы), а во второй грамотѣ—о его жещѣ Олгѣ и трехъ ихъ сыновьяхъ,—вопреки мнѣнію Вольфа и Радзивиискаго, полагающихъ, что въ обѣихъ грамотахъ говорится о „великомъ князѣ“ Феодорѣ Любартовичѣ и его братьяхъ съ матерью (см. Труды, стр. 277—278, 280—282). Свою догадку г. Лонгиновъ изложилъ въ рефератѣ, доложенномъ на бывшемъ

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Сангушки, по общему обычаю старыхъ литовскихъ князей, владѣли своими удѣльными отчинами по „дѣльницамъ“ ¹⁾, откуда въ теченіе XV столѣтія образовалось нѣсколько отдѣльныхъ линій рода Сангушковъ. Таковы князья *Ковельскіе* (до новѣйшаго времени сохранившійся родъ Сангушковъ), *Кошерскіе* (Коширскіе), *Несухожскіе-Локацкіе* и *Михноловичи* ²⁾. Дѣльницы

Виленскомъ сѣздѣ и вызвавшемъ рядъ возраженій со стороны г. Радзминскаго. Последний не только не соглашается съ догадкой г. Лонгинова о происхожденіи Сангушковъ отъ Федора-Любарта, но и совершенно отрицаетъ его существованіе. Проф. П. П. Филевичъ въ отчетѣ о IX Археологическомъ сѣздѣ въ г. Вильнѣ (см. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1894 г., январь, стр. 11), воиолѣ соглашается съ мнѣніемъ г. Радзминскаго. Дѣйствительно, проф. Филевичъ, какъ намъ кажется, съ полной основательностію утверждаетъ, что „великій князь“ Федотъ грамоты, помѣщенной въ Arch. Sangusz., I, № 8, могъ быть только Федоръ Любартовичъ: только онъ могъ называться „великимъ княземъ“, какъ сынъ великаго князя Любарта Гедиміновича,—только онъ могъ быть понуждаемъ Ягеллой къ признанію независимости отъ себя князя Острожскаго. Затѣмъ, послѣдній получилъ грамоту, по догадкѣ Лонгинова, отъ жены и сыновей Федора—Любарта, а не отъ него самого,—обстоятельство, совершенно не выясненное г. Лонгиновымъ. По словамъ г. Лонгинова, названіе Сангушковъ далъ предполагаемый третій сынъ Федора—Любарта, Сементъ, упоминающійся въ грамотѣ 1386 г. (Arch. Sang., I, № 8). Между тѣмъ, изъ литовской хроники, изд. Нарбутомъ (Pomniki do dziejów. 22), видно, что „Сангушкой“ назывался Федоръ Ольгердовичъ: шестой сынъ Ольгерда—„Федоръ Сангушко, удѣлъ его Любомль“. Федоръ-Любартъ упоминается въ одномъ холмскомъ помянникѣ; между тѣмъ, извѣстно, что помянники не представляютъ собой точныхъ родословій,—ихъ показанія могутъ имѣть значеніе лишь въ такомъ случаѣ, когда они подтверждаются другими документальными данными, чего въ данномъ случаѣ вовсе не имѣется. Въ виду изложеннаго слѣдуетъ полагать, что рефератъ г. Лонгинова нисколько не измѣняетъ вопроса, разъясненнаго Вольфомъ касательно личности родоначальника Сангушковъ, какъ и касательно данныхъ, заключающихся въ упомянутыхъ выше двухъ грамотахъ 1386 года.

¹⁾ Въ старое время кн. Сангушки, подобно другимъ мѣстнымъ князьямъ, пользовались обычными правами удѣльныхъ князей, управляли дѣльницами чрезъ своихъ урядниковъ, имѣли своихъ бояръ и пр. Изъ люстраціи Волынскихъ замковъ 1546 г. видно, что еще въ это время князья Сангушки имѣли своихъ бояръ. Въ описаніи „городенъ“ замка Луцкаго упоминается городня Корначова, боярина, князя Коширскаго; эту городню исправляли крестьяне принадлежавшаго Корначову имѣнія Подгаецъ (Памяти. Киевск. Комм., IV, отд II, стр. 117).

²⁾ *Wolff*, 125. *Baliński*, III, 69. *Niesiecki*, Herb., VIII, 284, 236. *Boniński*, *Rozset*, 295 и слѣд. Ср. также Arch. Sang., I, предисл., стр. VI. Родъ князей Несухожскихъ превратился въ концѣ XVI столѣтія, Кошерскихъ — въ половинѣ слѣдующаго вѣка (*Wolff*, 125). Въ «пописи» Волынскихъ земель 1528 г. упоминаются только князья Ковельскіе; Михноловичи и Несухожскіе въ то время,

Сангушковъ, какъ видно по всему, уже во второй четверти XVI столѣтія имѣли значеніе не самостоятельныхъ удѣльныхъ владѣній, но простыхъ служебныхъ „отчинъ“; съ ихъ владѣніемъ связывалась для отчичей обычная земская служба, обязательная вообще для всѣхъ классовъ литовско-русской шляхты. Князья Сангушки въ это время числились въ ряду мѣстныхъ служилыхъ князей, утратили старое значеніе независимыхъ удѣльныхъ владѣтелей ¹⁾).

На территоріи Владимірской земли, повидимому, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ владѣніями князей Ковельскихъ и Коширскихъ, находились владѣнія князей *Ружинскихъ* (Рожинскихъ) ²⁾. Главныя владѣнія князей Ружинскихъ находились въ Владимірскомъ повѣтѣ: Ружинь, Горовъ и Твориничъ ³⁾; другая часть владѣній, г. Роговичи, принадлежала къ Луцкому повѣту ⁴⁾. Роговичи составляли особую дѣльницу князей Ружинскихъ, называвшихся по имени этой дѣльницы также князьями *Роговицкими* ⁵⁾. Князья Ружинскіе, какъ полагаютъ, сдѣлались удѣльными князьями еще при Ольгердѣ; въ мѣстныхъ актахъ они впервые упоминаются лишь во второй половинѣ XV столѣтія ⁶⁾. Князья Ружинскіе-Роговицкіе удерживали зна-

очевидно, уже вышли изъ состава Волинскихъ земель (Arch. Sang., III, стр. 823) Волость Локачи, составлявшая вмѣстѣ съ Несухожимъ удѣлъ князей Локачинъ-Несухожскихъ, принадлежала въ 1529 г. князьямъ Четвертынскимъ въ значеніи «выслуги» (Arch. Sang., III, 350).

¹⁾ Это видно, между прочимъ, изъ упомянутой „пописи“ Волинскихъ земель (1528 г.), къ которымъ на общемъ основаніи относились князья Сангушки, наравнѣ съ другими потомками старыхъ удѣльныхъ князей Волинской земли (Arch. Sang., III, 323 и сл.).

²⁾ Происхожденіе князей Ружинскихъ до сихъ поръ не опредѣлено съ точностью. Ихъ производятъ отъ сыновей Гедимина—Коріата или Наримунта, также отъ сына Ольгерда, Дмитрія-Корыбута (*Paprocki*, Herb., 835. *Okolski*, Orbis Polon., II, 649. *Нарбутъ*, Kron., VII, Dodatki, 105. *Sulimierski*, Stown. geogr., VII, 917; X, 48. *Stadnicki*, Syn., II, 10—12. *Wolff*, 14—15. Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, предисл. XIX). О przudomku Ружинскихъ „*Наримунтовичи*“ см. *Bonieski*, 287.

³⁾ *Zródła dziejowe*, VI, стр. 11.

⁴⁾ *Ibid.*, 52.

⁵⁾ *Ibid.*, 20—21, 52. *Bonieski*, 288, 286, 293.

⁶⁾ Князь Иванъ Ружинскій упоминается въ 1486 г., князь Михаилъ въ 1487—1488 г. (*Wolff*, 14, изъ Лит. Метрики). Въ 1510 г. князь Михаилъ Роговицкій помѣнялся было имѣніями съ князьями Сангушками—далъ имъ Ружинь и получилъ вмѣсто него Заечичи и Волковичи; но эта сдѣлка не состоялась (*Bonieski*, 286). Въ 1522 г. упоминается, повидимому, тотъ же князь, но уже подъ именемъ князя Ружинскаго. Въ ревизіи замковъ Владимірскаго и Луцкаго, 1545 г.,

ченіе удѣльныхъ владѣтелей, повидимому, еще въ началѣ XVI столѣтія ¹⁾.

Между Ковельскимъ и Владимірскимъ повѣтами располагались владѣнія князей *Дольскихъ* ²⁾. Центральнымъ пунктомъ ихъ владѣній былъ Старый Дольскъ, съ прилегавшей къ нему обширной волостью (Угриниче, Червище, Горскій и пр.). Къ владѣніямъ Дольскихъ князей принадлежалъ, кромѣ того, на южной окраинѣ Пинскаго Полѣсья (ниже Пинска) г. Новый Дольскъ (Любяшевѣ) съ пригородомъ Зарѣчьемъ. Князья Дольскіе упоминаются еще въ первой половинѣ XVI столѣтія. Позже ихъ владѣнія перешли къ князьямъ Вишневецкимъ ³⁾.

Къ старымъ волынскимъ князьямъ относятся князья *Козеки* (Козики, Козѣки, Козечины, Козечицы). Ихъ отчина слагалась изъ нѣсколькихъ волостей въ разныхъ мѣстахъ Владимірскаго повѣта — Зимно (на р. Лугѣ, близъ Владиміра), Бискупичи, Росновъ, Хворостовъ и др. Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія князьямъ Козекамъ принадлежали господарскія „выслуги“ — Мокрець и рядъ дворовъ (Великовское, Ходоровское, Кошелевское, Докторовское, Мниховское и др.) въ Владимірскомъ повѣтѣ. Позже упоминаются другія волости князей Козекъ: Нерожинъ, Ружчаловичи, Осьмикевичи и др. ⁴⁾. Князья Козеки впервые упоминаются въ первой половинѣ XV столѣтія, при волынскомъ князѣ Свидригайлѣ. Изъ одной грамоты этого князя (1445 г.) видно, что князь Федоръ Козека входилъ въ составъ волынской рады ⁵⁾. Со второй четверти XVI столѣтія князья Козеки упоминаются въ актахъ въ значеніи господарскихъ „дворянъ“ и волынскихъ „землянъ-повѣтниковъ“ ⁶⁾. Происхожденіе князей Козекъ

упоминаются князья Роговицкіе Иванъ, Василій и Федоръ, а также князь Стефанъ Ружинскій (Źródła dziejowe, VI, 20—21, 62). О раздѣлѣ владѣній князей Ружинскихъ въ 1606 г. см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, 313—337. См. *Wolff*, 14—15.

¹⁾ *Sulimierski*, Słown. geogr., VII, 917; IX, 874; X, 48. Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, введ. сл., XIX; ч. VI, т. I, 313—337, 464 и др. Памяти. Кіевск. Комм., IV, 23. Arch. Sang., I, 72; III, 72, 199, 278, 325. IV, 104, 146, 149. *Wolff*, Ród Ged., 14—15. *Boniecki*, Rocznik rodów, 286—289.

²⁾ Происхожденіе ихъ вовсе невѣдомо.

³⁾ Arch. Sang., III, 325; IV, 183, 191. Słown. geogr., II, 103; *Baliński*, III, 68. *Niesiecki*, Herb., III, 361. *Boniecki*, 45.

⁴⁾ О владѣніяхъ Козекъ см. Памяти. Кіевск. Комм., IV, отд. 2, стр. 15, 24, 25, 27, 41, 146—148, 185. *Boniecki*, 151. *Baliński*, III, 61.

⁵⁾ *Boniecki*, Rocznik, 151.

⁶⁾ Arch. Sanguaz., III, 325, 462. Памяти., IV, отд. 2, стр. 15, 24 и др.

неизвестно. Во второй половинѣ XVI столѣтія упоминаются Козеки (Козьики) въ ряду простыхъ волинскихъ земель, безъ княжескаго титула; это, очевидно, захудалая отрасль стараго владѣтельнаго рода Козекъ ¹⁾.

На территоріи Владимірской земли располагались владѣнія мѣстныхъ князей *Полубинскихъ*. Старой ихъ отчиной считается Полуница съ рядомъ тянувшихъ къ ней селъ (Мсинское и др.), находившихся близъ западной границы Владимірской земли съ польскими областями ²⁾. Великій князь Александръ далъ князю Василию Андреевичу Полубенскому въ „держанье“ замокъ Владимірскій съ волостями, что было подтверждено королемъ Сигизмундомъ въ 1507 г. ³⁾. Въ XV и XVI столѣтіяхъ упоминаются „выслуги“ и „купленыи“ князей Полубенскихъ въ повѣтахъ: Кіевскомъ (Варевцы, Берновъ, Коготовъ), Мстиславскомъ (Деречинъ близъ Слонома), Мстиславскомъ (Лиханичи), Витебскомъ (дворецъ Микитино на р. Дрюти) и Полоцкомъ ⁴⁾. Въ источникахъ князя Полубенскіе упоминаются до начала XVII столѣтія. Особую отрасль князей Полубенскихъ составляли князья *Дуды*; родоначальникомъ ихъ считается князь Иванъ Федоровичъ Полубенскій, жившій въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія ⁵⁾.

Въ источникахъ первой половины XVI столѣтія упоминаются, наконецъ, владимірскія отчины и выслуги князей *Головни* или *Головинныхъ* (Фальчевское, Рожанецъ, Соломени Градъ, Дубко, — всё на границѣ съ Польшей) ⁶⁾, *Курцевичей* (Туричинъ — пограничное имѣніе, на польской границѣ), *Путятъ* (пол. Мозоръ) и какой-то княгини *Мниховой* ⁷⁾.

На территоріи *Луцкаго* княжества располагался также цѣлый рядъ княжескихъ владѣній, тянувшихъ къ Луцку.

¹⁾ *Boniński*, 151—152. *Walicki*, Star. Pol., III, 61.

²⁾ Археогр. Сборн., I, 50—53.

³⁾ *Boniński*, 253.

⁴⁾ Arch. Sangusz., III, стр. 23, 178, 266. Археогр. Сборн., I, стр. 50—53. *Boniński*, 253—255.

⁵⁾ О князьяхъ Полубенскихъ см. Arch. Sang., III, 74, 263, 335, 410 и др. Археогр. Сборн., II, № 11. О князьяхъ Дудахъ-Полубенскихъ см. *Boniński*, 253, 255.

⁶⁾ Археогр. Сборн., I, 56—57. Памятн., IV, отд. 2; стр. 16. *Boniński*, 83. О князьяхъ Головинныхъ см. ниже—о владѣніяхъ Луцкихъ удѣльныхъ князей.

⁷⁾ Объ имѣніяхъ Курцевичей въ Владимірскомъ повѣтѣ см. Памятн., IV, отд. 2, стр. 41, и Археогр. Сборн., I, 83—85; Путятъ—Памятн., IV, 185; княгини Мниховой—*ibid.*, 146. О князьяхъ Курцевичахъ см. ниже о Луцкихъ удѣльныхъ князьяхъ, о князьяхъ Путятахъ—см. выше о Витебскихъ удѣльныхъ князьяхъ.

Къ сѣверу отъ Луцка располагались удѣльные владѣнія князей *Чарторыскихъ* (Чарторыжскихъ, Чорторыскихъ). Стольный центръ ихъ удѣла, Чарторыйскъ (Чарторыскъ) на Стыри, притокѣ Припечи, по лѣтописному преданію, уже въ XII столѣтіи входилъ въ составъ волостей кievскаго князя Давида Игоревича ¹⁾; позже имъ владѣли князья галицко-волинскіе. Въ литовскую эпоху Чарторыскъ составлялъ „главное вотчинное имѣніе“ волинскихъ удѣльныхъ князей — Чарторыскихъ ²⁾. Въ половинѣ XV столѣтія (около 1459 г.) къ владѣніямъ князей Чарторыскихъ присоединяется, по пожалованію Казимира, обширная волость (къ востоку отъ Луцка) Клеванъ (на р. Стубель, притокѣ Горыни) съ цѣлымъ рядомъ пригородовъ и другихъ

¹⁾ Ипат. лѣт., 180.

²⁾ Памяти. Кіевск. Комм., IV, отд. II, стр. 63. Ср. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, 45. По позднѣйшимъ лѣтописнымъ показаніямъ, родовымъ владѣніемъ князей Чарторыскихъ былъ также Черниховъ—поселеніе на Волини же къ югу отъ Кременца, на р. Стрыпѣ, притокѣ Днѣстра. По имени этого владѣнія литовская лѣтопись называетъ Чарторыскихъ также князьями Черниховскими (Лѣтоп., изд. Нарбутомъ, Быховець стр. 22). Какъ увидимъ ниже, показаніе Быховца о Константинѣ Ольгердовичѣ, какъ князѣ Чарторыскомъ и Черниховскомъ, лишено всякой исторической достовѣрности; нужно поэтому считать болѣе чѣмъ сомнительнымъ и показаніе о принадлежности въ какое бы то ни было время Чернихова князьямъ Чарторыскимъ. Дѣло въ томъ, что указаніе на Черниховскій удѣлъ Чарторыскихъ находимъ только у одного Быховца. Въ половинѣ XV столѣтія, при жизни первыхъ же, исторически достовѣрныхъ, князей Чарторыскихъ, какъ видно изъ раздѣльнаго акта (1468 г.) владѣній князей Збаражскихъ, «дѣдиной» и «отчиной» послѣднихъ считался Черниховъ (Черниховъ, Черниховъ), безъ малѣйшаго намека на пріобрѣтеніе его отъ Чарторыскихъ. „Дѣдиной“ едва ли могло называться данное владѣніе, разъ оно назадъ тому 3—4 десятилѣтія (Константинъ Ольгердъ упоминаетъ въ 80-хъ годахъ XIV столѣтія,—собственно князья Чарторыскіе—съ начала 30 или 40-хъ годовъ XV столѣтія) принадлежало князьямъ Чарторыскимъ и затѣмъ позже перешло къ Збаражскимъ (*Arch. Sang.*, I, стр. 54, 184). О положеніи волинскаго Чернихова см. карту древней Польши 1772 г., изд. Оргельбрандомъ въ приложеніи къ сочин. *Балинскаго*: *Staroż. Polska* (2-е изд., т. IV). При составленіи въ 1545 г. описи замковъ Владимірскаго, Луцкаго и Кременецкаго, съ цѣлью точнаго опредѣленія замковой „службы“ (постройки и исправленія замковъ и пр.) мѣстныхъ „земинъ“, кн. Чарторыскіе заявляли королевской комиссіи, что «главное вотчинное имѣніе наше, Чарторыйскъ, находится не въ Волинскомъ, а въ Литовскомъ повѣтѣ» (Памяти. Кіевск. Комм., т. IV, отд. II, стр. 63), и потому не считали себя обязанными отиравлять замковую службу въ отношеніи къ Владиміру или Луцку. Въ заявленіи кн. Чарторыскихъ, очевидно, дается указаніе не на другое ихъ владѣніе того же имени, находившееся въ Литвѣ, а лишь на то, что Чарторыйскъ въ дѣлѣ замковой службы тинулъ въ данное время къ сосѣдней Литовской области,—нужно полагать къ Пинскому или Брестскому повѣту.

последней (Пересопница, Жуковъ, Житашъ, Бубновъ и пр.). Позже Клеванъ становится главнымъ пунктомъ удѣла князей Чарторьскихъ. ставшихъ называться съ XVI столѣтія князьями „на Клеваню“¹⁾. Почти въ одно время (около 1446 г.) съ Клеваномъ князья Чарторьскіе получили отъ Казимира волость Хлопы, на р. Случи, притокъ Горыни (къ сѣверо-востоку отъ Клевая)²⁾. Въ половинѣ XV столѣтія князь Михаилъ Вас. Чарторьскій получилъ, по завѣщанію брата его жены, Войны Немировича, въ Владимірской землѣ гор. Литивождъ съ волостями: Кречовъ, Горки и Олеско³⁾. Кромѣ владѣній волынскихъ, князья Чарторьскіе получали съ половины XV столѣтія, по пожалованіямъ великихъ князей литовскихъ, владѣнія въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ. Въ 1446 г. князю Михаилу Чарторьскому данъ привилей на часть Клещеля съ волостью, въ Подляхія, на р. Нурцѣ (между Бѣльскомъ и Дрогичиномъ)⁴⁾. Послѣ возвращенія изъ Москвы (1460 г.)⁵⁾, князь Александръ Васильевичъ Чарторьскій получилъ привилей на обширную волость въ Бѣлорусіи (въ Минской землѣ)—Логойскъ, Осташинъ, Споровъ и Каменецъ (Литовскій)⁶⁾. Около 1463 г. одинъ изъ Чарторьскихъ является владѣльцемъ Брацлавскаго староства. Самымъ позднимъ приобруѣніемъ Чарторьскихъ считаются подольскіе замки—Грановъ и Кубл съ тянувшими къ нимъ волостями⁷⁾. Замки эти достались Чарторьскимъ отъ князей Четвертынскихъ въ XVI столѣтіи. По общему обычаю, практиковавшемуся во всѣхъ княженіяхъ Литовско-Русскаго государства, князья Чарторьскіе владѣли своей отчиной по „дѣламъ“ или „отдѣламъ“. Какъ видно изъ актовъ XV столѣтія, первые же

¹⁾ *Stadnicki*, *Bracia Jagiełły*, 381. *Źródła*, VI, стр. LXIX. *Baliński*, *Staroż. Polaka*, 2-е изд., III, 49—52. *Niesiecki*, *Herbarz*, III, 222. *Boniecki*, 82—86. Пересопница (не далеко отъ Клевая) уже въ XII вѣкѣ составляла удѣльное владѣніе сначала Туровскихъ, а затѣмъ Кіевскихъ князей. Послѣ присоединенія Волыни къ Литовскому государству Пересопница принадлежала къ господарскимъ волостямъ; при Казимирѣ была пожалована въ значеніи отчины князьямъ Чарторьскимъ (*Baliński*, III, 51).

²⁾ *Wolff*, *Kód Gedyrn.*, 99.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 7, 12, 81.

⁴⁾ *Wolff*, 99. *Baliński*, *Staroż. Polaka*, III, 442.

⁵⁾ Въ Москву бѣжалъ Алекс. Чарторьскій еще въ 1440 г., послѣ совершеннаго имъ убійства великаго князя литовскаго Сигизмунда Кейстутовича (*Długoss*, I, XII, 723; XIII, 318).

⁶⁾ *Wolff*, 97. *Boniecki*, 23.

⁷⁾ *Sulimierski*, *Słown. Geogr.*, II, 465, 796; IV, 10. *Baliński*, *Staroż. Polaka*, 2-е изд., III, 467, 482.

князья Чарторыскіе, упоминающіеся въ источникахъ (братья Александръ, Иванъ и Михайлъ), имѣли свои особы „отдѣлы“, оставшіеся во владѣніи ихъ нисходящихъ, какъ видно, до начала XVI столѣтія, когда за пресѣченіемъ потомства старшихъ братьевъ-родоначальниковъ, вся отчина Чарторыскихъ перешла въ родъ младшей линіи—къ потомкамъ Михайла Васильевича ¹⁾).

Происхождение рода князей Чарторыскихъ принадлежитъ къ числу не рѣшенныхъ вопросовъ по исторіи юго-западной Руси. Историки польскіе, по преимуществу интересовавшіеся нашимъ вопросомъ, не пришли до настоящаго времени ни къ какому безспорному рѣшенію. Геральдики конца XVI столѣтія (Папроцкій, а за нимъ Окольскій и др.) выводятъ родъ князей Чарторыскихъ отъ Любарта Гедиминовича, не приводя никакихъ прочныхъ основаній подобной родословной Чарторыскихъ ²⁾. Несецкій, польскій геральдикъ XVIII столѣтія ³⁾, утверждаетъ, что князья (Иванъ и Александръ), упоминающіеся въ источникахъ впервые подъ именемъ князей Чарторыскихъ еще при Скиргайлѣ и Витовтѣ, были сыновья Корыгайла, одного изъ сыновей Ольгерда Гедиминовича ⁴⁾. Предположеніе Несецкаго, однако, вовсе не подтверждается позднѣйшими изслѣдованіями по исто-

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., т. VII, ч. I, стр. 31, 35. О владѣніяхъ князей Чарторыскихъ см. *Boniecki*, *Rozset rodow*, 32-36. По описи границъ великаго Литовскаго княжества (1545) и иллюстраціи Волинскихъ замковъ (1546), князья Чарторыскіе владѣли въ половинѣ XVI столѣтія въ Луцкой землѣ замками: Чарторыскомъ, Клеванемъ, Бѣвенымъ и цѣлымъ рядомъ волостей (Пересопница, Грибово, Малотерги, Дядковичи, Земно, Шепель, Колятичи, Осмычичи, Выкорычъ, Шпраховъ). Кромѣ того, имъ же принадлежали въ Владимірскомъ повѣтѣ замокъ Литовожъ (Литовижъ) и отдѣльныя волости и имѣнія (Сельце, Горля, Заболотье, Смиловичи, Молнково, Жучаровъ). См. Арх. Сборн., I, стр. 70, 71, 92—94. Памяти. Кіевск. Комм., IV, отд., II, стр. 19, 80, 84, 91, 105, 106, 109, 129, 133, 139, 141, 177, 185.

²⁾ *Boniecki*, 32. *Paprocki*, *GniazdoSpoty* (1578) и *Herby rycerstwa Pol.* (1584), 328. *Okolski*, *Orbis Poloniae* (1641), II, 205. Въ доказательство происхожденія Чарторыскихъ отъ Любарта Гедиминовича Папроцкій, а за нимъ и послѣдующіе польскіе геральдики приводятъ извѣстный привилей, данный князьямъ Чарторыскимъ въ 1492 г. Владиславомъ Варненичомъ, королемъ венгерскимъ и польскимъ, съ признаніемъ Чарторыскихъ своими родственниками „*kręwnymi*“ (*consanguinei*) и съ дозволеніемъ имъ пользоваться литовскимъ гербомъ. Но дѣло въ томъ, что въ упомянутомъ привилей нѣтъ ни слова о Любартѣ (*Stadnicki*, 1743 г. *Bracia*, 388—391; *Syn. Ged.*, II, 261).

³⁾ Первое изданіе сочиненія Несецкаго: „*Korona Pol.*“ относится къ 1728—1743 г. Его „*Herbarz*“ изд. *Бродовичемъ* въ 1839—1845 г.

⁴⁾ *Niesiecki*, *Herb*, III, 222. *Boniecki*, 32.

ри рода Гедиминовичей: Корягайло-Казимиръ Ольгердовичъ умеръ въ 1390 г. бездѣтнымъ, и, слѣдовательно, Чарторыскихъ нельзя никакимъ образомъ считать его потомками ¹⁾.

Въ настоящее время существуютъ по нашему вопросу двѣ гипотезы, имѣющія за собой извѣстныя историческія данныя. По одной гипотезѣ (Вольфа и Смольки) родоначальникомъ князей Чарторыскихъ нужно считать Константина Ольгердовича (1383—1386) ²⁾, по другой (Стадницкаго, Бартошевича, Яблоновскаго) Чарторыскіе — потомки не Гедиминовичей, но русскихъ удѣльныхъ князей, подобно Острожскимъ, Четвертинскимъ и др., удерживавшихъ въ литовскую эпоху старыя свои отчины или получавшихъ отъ литовскихъ государей на Волыни новыя удѣльныя владѣнія ³⁾.

Гипотеза принадлежности Чарторыскихъ къ роду Гедиминовичей возникла не раньше XVI столѣтія, и при томъ, какъ видно изъ источниковъ, по инициативѣ и при прямомъ содѣйствіи самихъ князей Чарторыскихъ. Какъ извѣстно, князья Чарторыскіе впервые упоминаются въ достовѣрныхъ источникахъ не раньше 1440 г., какъ участники въ заговорѣ противъ великаго князя литовскаго Сигизмунда Кейстутовича и въ послѣдовавшемъ затѣмъ его убійствѣ ⁴⁾.

¹⁾ *Stadnicki*, *Bracia*, 389—391. *Dziela Jul. Bartoszewicza*, III, 375. *Wolff*, *Ród Gedym.*, 162. Происхожденіе въ XVIII вѣкѣ гипотезы о принадлежности Чарторыскихъ къ роду Корягайловичей Бартошевичъ объясняетъ современными политическими обстоятельствами, именно рожденіемъ Станислава-Августа отъ княжны Чарторыской, по показаніямъ тогдашнихъ геральдиковъ принадлежавшей къ роду Гедиминовичей; показанія эти ближе опредѣлены Песоцкимъ въ смыслѣ принятой имъ гипотезы происхожденія Чарторыскихъ отъ Корягайла (*Dziela Bartoszewicza*, III, 373).

²⁾ *Wolff*, *Ród Gedim.*, 87, 95—96. *Smolka*, *Kiejstut*, 9. *Boniescki*, 82.

³⁾ *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 382 и слѣд. *Dziela Jul. Bartoszewicza*, III, 374—377. *Jablonowski*, *Zródła dziejowe*, t. VI, стр. LXVI, LXVIII.

⁴⁾ Лѣтописи подъ упомянутымъ годомъ говорятъ о трехъ братьяхъ—Иванѣ, Александрѣ и Михаилѣ Васильевичахъ князьяхъ Чарторыскихъ (*Boniescki*, *Rozset*, 32—33). Въ убійствѣ Сигизмунда участвовали старшіе два брата—Иванъ и Александръ. Заговоръ противъ Сигизмунда, по всему виду, былъ дѣломъ Свидригайла, котораго Сигизмундъ, при помощи поляковъ, смѣстилъ съ велико-княжескаго стола и который послѣ того, какъ замѣчено раньше, сидѣлъ на Волыни въ качествѣ великаго князя. Орудіемъ мести Свидригайла явились его сговорники—братья Чарторыскіе. Изъ нихъ Александръ, послѣ убійства Сигизмунда, ушелъ въ Москву и въ 1443 г. былъ посаженъ московскимъ намѣстникомъ въ Псковѣ; въ Литву возвратился лишь въ 1460 г. Другіе участники въ заговорѣ, Иванъ Чарторыскій и младшій его братъ Михаилъ, ушли послѣ убійства Сигизмунда

Въ послѣдующихъ актахъ Чарторьскіе упоминаются лишь подъ собственнымъ именемъ, безъ всякаго намека на ихъ принадлежность къ Гедиминовичамъ. Послѣдній вопросъ официально возбуждается на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г., когда бывший въ то время волынскимъ воеводой Александръ Чарторьскій, во время присяги волынскихъ пановъ на вѣрность коронѣ польской, заявилъ королю публично, на сеймѣ же, свою просьбу считать „домъ“ Чарторьскихъ дѣйствительною отраслюю рода князей литовскихъ, въ удостовѣреніе чего представленъ имъ на сеймѣ привилей, данный въ 1442 г. въ Будѣ королемъ венгерскимъ и польскимъ Владиславомъ Варненчикомъ князьямъ Чарторьскимъ, какъ его братьямъ, кровнымъ (*fratres, consanguineos*), съ дозволеніемъ имъ пользоваться ихъ фамильнымъ гербомъ. Привилей 1442 г. утвержденъ Сигизмундомъ-Августомъ на томъ же сеймѣ 1569 г. Заявленіе на сеймѣ о родствѣ съ Ягеллонами, по словамъ самого князя, сдѣлано имъ съ тою цѣлью, чтобы „домъ его всегда имѣлъ мѣсто въ господарской радѣ въ силу его княжескаго достоинства“¹⁾.

Привилей 1442 г., бывший извѣстнымъ въ Литвѣ, очевидно, еще раньше Люблинскаго сейма, вмѣстѣ съ официальнымъ признаніемъ на этомъ сеймѣ родства Чарторьскихъ съ Ягеллонами, послужилъ затѣмъ твердой основой для построения различныхъ гипотезъ касательно ближайшаго родоначальника Чарторьскихъ, — гипотезъ, какія стали появляться въ составлявшихся приблизительно около того времени родословныхъ литовскихъ князей, особенно же въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ и компиляціяхъ польско-литовскихъ геральдиковъ XVI—XVIII столѣтій. Первое по времени указаніе на ближайшаго родоначальника Чарторьскихъ принадлежитъ родословной литовскихъ князей, составленной въ XVI столѣтіи²⁾. Чарторьскіе князья: Иванъ, Александръ и Михаилъ, по этой родословной, счи-

подъ защиту Сымдригайла и оставались при немъ въ Трокахъ до полученія отъ Казимира охраннаго листа; съ 1446 г. они стали уже получать отъ литовскаго господара земельныя пожалованія (*Długosz*, L. XII, 723; XIII, 318. *Wychosem*, 49. П. С. Р. Л., III, 113; IV, 211; V, 29; VIII, 107. *Stadnicki*, Bracia, 381. *Barcossowicz*, Dziela, III, 376—377).

¹⁾ Дневникъ Любл. сейма 1569, изд. *Коллосичемъ*, стр. 385.

²⁾ Родословная эта, подъ заглавіемъ: „Начало государей литовскихъ“, открыта въ Воскресенской лѣтописи и отпечатана въ „Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей“, т. VII, стр. 253—256. Родословная князей Чарторьскихъ приводится на стр. 255.

таются сыновьями князя Василия и внуками Константина Ольгердовича, который в родословной называется князем Чарторыским¹⁾. Та же гипотеза происхождения Чарторыских принята в летописном своде, известном под именем хроники Быховца и принадлежащем той же эпохе, что и упомянутая родословная²⁾, а затем усвоена последующим литовским летописателем—Стрыйковским³⁾. Что гипотеза происхождения Чарторыских от Константина Ольгердовича, предложенная в XVI столетии составителями родословных и летописных сводов, не считалась уже в то время удовлетворительной, видно из показаний целого ряда современных летописателей и геральдиков—Кояловича, Папроцкого и других, по собственным домыслам выводивших род Чарторыских, как замечено раньше, не от Константина, а от других сыновей Ольгерда: Любарта или Корыгайла⁴⁾.

Из изложенного ясно видно, что единственной основой всех комбинаций и гипотез по вопросу о происхождении Чарторыских от Гедиминовичей служил упомянутый выше привилей 1442 г. Обращаясь к ближайшему рассмотрению этого, во всяком случае, замечательного акта, замечим прежде всего, что в истории Литовской Руси XVI вѣкѣ, особенно время с Люблинской уни, прекращения династии Ягеллонов и установления избирательной системы преемства господарской власти, было знаменательным временем, когда чуть ли не все выдающееся магнатство юго-западной Руси и Литвы проникалось, в большей или меньшей степени, династическими тенденциями, всячески старалось обезпечить за собой прочное положение в господарской радѣ и вообще в вновь возникавшем политическом

¹⁾ *Стадницкий*, известный знаток литовско-русской истории, считает родословную Воскресенской летописи не первоначальной, а позднейшей, переработанной копией, с примесью многих измышленных фактов (*Stadnicki, Brasia, 388—388, 394*).

²⁾ См. Летопись *Быховца* в издании *Нарбута*, стр. 22.

³⁾ *Strzykowski*, *Kronika* (впервые издана 1594 г.), изд. 1846, т. II, 57 и 89.

⁴⁾ О Папроцком, Окольском и Несецком сказано выше; что касается Кояловича, то в своей истории Литвы (*Hist Lith.*, изд. 1650, т. I, 358), а также в замѣткѣ в стлуду о Чарторыских в *Herbarz'a* Несецкого Коялович слѣдует мнѣнію Папроцкого о Любартѣ, как родоначальникѣ Чарторыских; но затемъ къ своему (рукописномъ) гербовникѣ Кояловичъ указываетъ, кромѣ Любарта, еще на Андрея Ольгердовича (бывшаго полоцкимъ княземъ), который также могъ быть, по его мнѣнію, родоначальникомъ Чарторыских (см. *Stadnicki, Brasia Jagelły, 389*).

строѣ, закончившемся извѣстной Люблинской уніей Литвы съ Польшей. Изъ-за такихъ тенденцій шла дѣятельная фабрикація родословныхъ и привилеевъ на княжескіе титулы и гербы, подъ прикрытіемъ которыхъ мѣстные магнатскіе роды соприсчислялись въ XVI столѣтіи къ Гедиминовичамъ и кандидатамъ на господарскій тронъ. Одновременно съ князьями Чарторыскими и въ одинаковомъ съ ними на правленіи дѣйствовали, какъ извѣстно, представители такихъ магнатскихъ родовъ въ Литвѣ и на Руси, предки которыхъ никогда не пользовались княжескими правами. Лучшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ исторія приобрѣтенія княжескихъ правъ родомъ Сапѣговъ, предки которыхъ до XVI столѣтія считались простыми „панамъ“, безъ всякихъ притязаній на княжеское достоинство. Сфабрикованный Сапѣгами въ XVI столѣтіи привилей на это достоинство во многомъ напоминаетъ извѣстный привилей Чарторыскихъ. Въ родовомъ актѣ на княжество Сапѣговъ король Владиславъ Варненчикъ выводитъ ихъ родъ отъ Наримонта Гедиминовича; Сигизмундъ Старый подтверждаетъ въ 1512 г. ихъ родословную; а Сигизмундъ Августъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. даетъ сеймовую санкцію княжескому диплому, данному Сапѣгамъ въ Будѣ, какъ и Чарторыскимъ ¹⁾. По словамъ польскихъ историковъ, въ то время, какъ одни магнатскіе роды добивались въ XVI столѣтіи выдающагося положенія въ государствѣ безъ шума, незамѣтно, другіе (какъ Чарторыскіе и Сапѣги) брали первыя мѣста въ радѣ господарской и на урядахъ „szturmet, krzykliwe“, путемъ сеймовой санкціи поддѣльныхъ актовъ и дипломовъ на княжеское достоинство и на родство съ Ягеллонами, заправлявшими тронами литовскимъ и польскимъ ²⁾.

¹⁾ *Dzieła Bartoszewicza*, III, 378.

²⁾ „Rodzina Czartoryskich występowała na wielką skalę z przywłaszczeniem, fałszowała historję, narzucała się królowi i potomności. Było to niezmierne zuchwalstwo. Inni kniaziowie pocichu podrabiając akta, rodowody, wpierali się do panującej rodziny, nie ze zgiełkiem, nie krzykliwie występowali, jak gdyby dlatego żeby nie rosbudzać czujności, żeby ukradkiem dostać się niespostrzeżonemu od nieprzyjacielskiego obozu. Dumni i ambitni kniaziowie szli do twierdzy szturmem. Publicznie na sejmie rodowód swój wywodzili, samemu królowi nie wahali się mówić, że są jego krewnymi“ (*Dzieła J. Bartoszewicza*, III, 376). По замѣчанію Яблоновскаго, для Чарторыскихъ „widocznie dostojnięj było pochodzić ze krwi litawskiej, posiadającęj władzę zwierzchniczą w kraju i panującęj na tronie polskim: dostojnięj i praktycznięj może—w widokach wywyższenia się po nad tłumy pospolitego, spowszedniałego kniaziowstwa.... Woleli przecie uchodzić za krew Ol-

Критическій разбор привилей 1442 года ¹⁾, принадлежаній та-
кимъ знатокамъ исторіи Литвы и юго-западной Россіи, какъ Стад-
ницкій и Бартошевичъ, приводитъ къ несомнѣнному заключенію о
томъ, что привилей Чарторыскихъ принадлежитъ къ практиковав-
шимся въ XVI столѣтіи поддѣлкамъ привилеевъ на княжеское до-
стоинство различныхъ магнатскихъ родовъ въ литовскихъ и русскихъ
областяхъ. Дѣйствительно, внимательное изученіе упомянутаго при-
вилея возбуждаетъ цѣлый рядъ сомнительныхъ вопросовъ, не даю-
щихъ никакой возможности признать его подлинность. Ни по своей
формѣ и содержанію, ни въ особенности въ виду современныхъ об-
стоятельствъ, при какихъ появился этотъ памятникъ, онъ не пред-

gierdową, za krew „Jagiellońską“, by się tém łatwiej dostać do dziedzicznej rady
hospodarskiej, na równi z innymi książętami krwi, jak Stuccy Olelkowicze lub
Jawnutowicze Mćcisławscy“ (Źródła dziejowe, VI, p. LXVIII).

¹⁾ Привилей этотъ впервые обнаруженъ Папроцкимъ въ „Gniazdo spoty“ и
въ послѣдующемъ изданіи Herbarz'a. Часть привилея приводится въ сочиненіи
Стадницкаго—Bracia Jagielly, 392. Памятникъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ
частей. Въ первой приводится латинскій текстъ привилея. Онъ былъ данъ 14 іюня
1442 г. князьямъ Чарторыскимъ въ Будѣ (въ Венгріи) Владиславомъ-Варненникомъ,
королемъ польскимъ и венгерскимъ, за подписью короля и сановниковъ венгер-
скихъ. Содержаніе привилея слѣдующее: „Желая вознаградить (Quomodo cupientes...
honoris intendere) братьевъ нашихъ (fratrum nostrorum): Пвала, Александра и
Михаила, князей Чарторыскихъ (duces de Czartorisko), оказавшихъ особое рас-
положеніе и вѣрность (singulari affectione et fidelitate) къ нашему величеству и
Польскому королевству, а также ради защиты (утвержденія, упроченія) впредь
ихъ княжескаго положенія и достоинства, по радѣ съ нашими прелатами и па-
нами (baronibus) венгерскими и польскими, мы желаемъ и дозволяемъ упомяну-
тымъ князьямъ, нашимъ кровнымъ (duces consanguineos nostros), пользоваться
княжеской ихъ печатью (sigillo eorum ducali), какую они имѣли обыкновеніе
употреблять отъ дѣда и отца (ex avo et patre uti consueverunt), то-есть, лошады
съ сѣдокомъ, нѣбующимъ въ рукахъ обнаженный мечъ“. Вторая часть акта заклю-
чаетъ собственно резолюцію короля Сигизмунда-Августа, данную имъ на сеймѣ
1569 г. вслѣдствіе просьбы Чарторыскаго объ утвержденіи представленнаго имъ
привилея 1442 г. Подтверждая этотъ привилей, Сигизмундъ-Августъ заявляетъ,
что „его предокъ милостиво дозволялъ тому дому (Чарторыскимъ) пользоваться
княжескимъ гербомъ Ёздокъ“ (insigni ducali Pogonia, — въ привилей 1442 г. го-
ворится только о фамильной печати). Привилей утверждаетъ король „не только
въ виду заслугъ и ради защиты того дома, но и потому, что дѣло относится къ
весьма давнему времени, и тотъ домъ по крови соединенъ съ фамиліей Ягелло-
новъ, отъ которой мы происходимъ по отцамъ“ (nam et antiquissima est et cum
incluta Jagellonum familia ex qua nos paternum genus ducimus sanguinis vinculo
conjuncta). См. Стадницкій, Bracia, 392, 396, Dzieła Bartoszewicza, III, 376—377.

ставляетъ никакихъ несомнѣнныхъ признаковъ исторической достовѣрности ¹⁾).

¹⁾ Мы приведемъ вкратцѣ главнѣйшіе доводы Стадницаго и Бартошевича противъ „autenticzności“ привилея 1442 г. Форма изложенія этого памятника, его „frazeologia“, по замѣчанію Стадницаго, указываетъ скорѣе на XVI вѣкъ, чѣмъ на первую половину XV. Сомнѣніе наводятъ время и мѣсто (Венгрія) изданія этого акта, а въ особенности указаніе его на „особое расположеніе и вѣрность оказанныя Чарторьскими королю и коронѣ Польской“, что рѣшительно противорѣчитъ дѣйствительному положенію дѣла. Чарторьскіе были „подданные“ Литвы, съ Польшей не имѣли ничего общаго, не служили ей. Мало того: за два года до предполагаемаго изданія привилея, Чарторьскіе убиваютъ дядю короля, великаго князя Сигизмунда, бывшаго ревностнымъ сторонникомъ польской политики въ Литвѣ. По вѣнчѣ Чарторьскихъ власть Владислава-Варненчика ограничивается одною Польшей,—братъ его Казимиръ правилъ Литвою совершенно самостоятельно. Затѣмъ, послѣ кровавой расправы съ Сигизмундомъ, главный виновникъ его смерти, Александръ Чарторьскій, надолго уходитъ въ Москву; остальные братья его скрываются у яснаго врага той же Польши—Смидригилая и лишь по истеченіи значительнаго времени получаютъ отъ великаго князя Казимира охранительный листъ, а затѣмъ вступаютъ къ нему въ милость и пр. Все это такіе исключительныя обстоятельства, при которыхъ Чарторьскіе никоимъ образомъ не могли оказать какихъ либо дѣйствительныхъ услугъ и „вѣрности“ Польшѣ ни тѣмъ менѣе придти къ мысли объ исходайствованіи льготнаго привилея въ Венгріи у чуждаго для нихъ короля помимо своего ближайшаго законнаго „господаря“ великаго князя Литовскаго (Казимира). Вопли сомнительнымъ представляется также главный предметъ, о которомъ идетъ рѣчь въ привилей 1442 г.,—дозволеніе Чарторьскимъ пользоваться ихъ княжескимъ гербомъ. Разъ послѣдній былъ обычной, стародавней принадлежностью рода Чарторьскихъ, которой они по праву пользовались „отъ дѣда и отца“, не могло быть никакой надобности въ особомъ привилей на пользованіе тѣмъ, что составляло общее „фамиліальное“ достоинствѣ цѣлаго рода Чарторьскихъ. Въ XIV—XV столѣтіи Литовскіе князья пользовались разнообразными фамиліальными гербами,—признаніе герба „Pogonia“ (ѣздока) исключительной принадлежностью князей Гедиминовичей и вообще литовскихъ „господарей“ принадлежитъ позднѣйшему времени. Въ старое время, какъ удѣльные князья русскаго происхожденія принимали гербъ „Pogonia“, такъ и Гедиминовичи (Владиславъ-Ягелло, въ одномъ изъ актовъ 1389 г., потомки Явнута Гедиминовича и другіе) пользовались русскимъ и другими гербами (гербъ Кейстута—воинъ съ мечемъ, сына Сигизмунда—рыцарь въ панцирѣ и пр.); усвоеніе такихъ или иныхъ фамиліальныхъ гербовъ было личнымъ дѣломъ самихъ князей, не требовалось согласія или разрѣшенія господаря на пользованіе старымъ или вновь принятымъ гербомъ. Смысла названія Чарторьскихъ „братьями“ и „кровными“ короля, по объясненію Стадницаго, могли означать родство „pro miczci“ „pro kądzieli“ (мужской и женской линіи), какъ и вообще отдаленное родство; затѣмъ, по старому обычаю, практиковавшемуся на западѣ, титулы: „fratres, consanguinei, vetter, Cousins“ и пр., употреблялись государями въ письмахъ членамъ княжескихъ родовъ, хотя бы они были ихъ подданными и не состояли съ ними въ кровномъ

Остается, затѣмъ, гипотеза Стадницкаго и другихъ польскихъ ученыхъ, признающихъ Чарторьскихъ князьями *русскаго* происхожденія,—гипотеза, которая, на нашъ взглядъ, имѣетъ на своей сторонѣ всѣ шансы на признаніе за ней полной исторической достовѣрности. Русское происхожденіе Чарторьскихъ изслѣдователи основываютъ на показаніяхъ наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ, предшествовавшихъ появленію родословной литовскихъ князей. Лѣтописныхъ сводовъ и компиляцій геральдиковъ XVI столѣтія, съ ихъ произвольной гипотезой принадлежности Чарторьскихъ къ роду Гедиминовичей. Къ источникамъ, дающимъ показанія о русскомъ происхожденіи Чарторьскихъ, относятся записки такихъ польскихъ историковъ, какъ Длугошъ, Мѣховита и Март. Бѣльскій, жившіе еще въ то время, когда весть могла сохраняться память о Чарторьскихъ. виновникахъ смерти Сигизмунда. Въ своей „Исторіи Польши“ Длугошъ называетъ Ивана Васильевича Чарторьскаго, одного изъ участниковъ въ заговорѣ противъ Сигизмунда, „dux Iwan Czartoryski ritus et generis ruthenici“. Русиномъ называетъ тотъ же историкъ въ другомъ мѣстѣ и Михаила, младшаго брата Чарторьскихъ ¹⁾. То же самое происхожденіе приписывается Чарторьскимъ и въ хроникѣ Мѣховита; здѣсь приводится, между прочимъ, показаніе старой народной пѣсни объ убійствѣ великаго князя Сигизмунда „смѣлыми русскими князьями“ ²⁾. О русскомъ же происхожденіи Чарторьскихъ свидѣтельствуетъ Март. Бѣльскій ³⁾. Показаніе о русскомъ происхожденіи Чарторьскихъ встрѣчаемъ, наконецъ, въ одной изъ псковскихъ лѣтописей, подъ 1443 г., въ извѣстіи о прибытіи въ Псковъ Александра Чарторьскаго, одного изъ *русскихъ* князей, посланнаго великимъ княземъ московскимъ (Василіемъ Вас.) въ Псковъ въ ка-

родствѣ. Наконецъ, по справедливому замѣчанію Бартошевича, разъ Чарторьскіе были кровные родичи Гедиминовичей, убійство ими Сигизмунда Кейстутовича навлекло бы на нихъ вину въ посягательствѣ на жизнь близкаго, „кровнаго“, о чемъ мѣстные лѣтописцы не могли бы не упомянуть, тѣмъ болѣе, что лѣтописцы могли бы воспользоваться указанымъ обстоятельствомъ, какъ однимъ изъ доказательствъ притѣсненій, какія въ отношеніи къ князьямъ дозволялъ Сигизмундъ, возбуждшіи противъ себя общее неудовольствіе своей приверженностью польской политикѣ (*Stadnicki, Bracia Jagielly, 393—396. Dziela Bartoszewicza, III, 376—377*).

¹⁾ *Długosz, Hist. Polon. L. IV, 574; V, 608—9; XII, 723.*

²⁾ *Math. de-Michovia, Chronica Polon., IV, 309.*

³⁾ *Mart.-Bielski, Kronika Swiata, 329.*

чествѣ княжескаго намѣстника ¹⁾). Исторически достовѣрные князья Чарторыскіе (Иванъ, Александръ и Михаилъ), участвовавшіе въ заговорѣ противъ Сигизмунда, подчинялись господарю литовскому. но въ то же время, несомнѣнно, считались также подручниками Свидригайла. въ бытность его великимъ княземъ волинскимъ ²⁾). Изъ грамоты послѣдняго видно, что въ составъ его волинской рады входили, кромѣ мѣстныхъ пановъ или бояръ, также волинскіе удѣльные князья, между которыми на первомъ мѣстѣ стояли князья Чарторыскіе (выше Сангушковъ, Четвертынскихъ и др.) ³⁾). Въ 1445 г. Михаилъ Васильевичъ Чарторыскій занималъ урядъ дворнаго маршалка при Свидригайлѣ на Волини ⁴⁾). Въ свою очередь, подобно всѣмъ удѣльнымъ князьямъ, Чарторыскіе давали отъ себя грамоты ⁵⁾, имѣли своихъ пановъ-бояръ ⁶⁾ и пр. Вообще этотъ родъ удѣльныхъ князей Волини удерживалъ старое владѣтельное значеніе и послѣ того, какъ Волинь потеряла великихъ князей и вошла въ составъ непосредственныхъ владѣній великихъ князей литовскихъ. Лишь въ началѣ второй четверти XVI столѣтія Чарторыскіе, наравнѣ съ другими волинскими князьями, окончательно становятся служилыми князьями, входятъ въ общій составъ мѣстныхъ „землянъ“ ⁷⁾.

¹⁾ 1-я Псковская лѣтопись, 222.

²⁾ Несецкій упоминаетъ о князьяхъ *Козерскихъ*, какъ объ особой отрасли рода Чарторыскихъ. О Козерскихъ, впрочемъ, имѣемъ весьма мало достовѣрныхъ свидѣній (*Niesiecki*, Herbarz, III, 222).

³⁾ См., напримѣръ, Arch. Sang. I, стр. 44—45, 47.

⁴⁾ А. З. Р. I, № 45. Skarbiec, № 1803.

⁵⁾ Князю Михаилу Васильевичу Чарторыскому принадлежитъ, напримѣръ, правая грамота (А. Ю. З. Р. II, № 125). Какъ видно изъ другихъ актовъ, этотъ князь жилъ въ половинѣ XV столѣтія (Arch. Sang. I, стр. 45, 47, 50); въ виду этого правую грамоту Михаила Чарторыскаго слѣдуетъ относить къ XV, а не къ XVI столѣтію, какъ это обозначено въ датѣ грамоты въ „Летахъ, относящ. къ исторіи западной Россіи“ (II, № 125).

⁶⁾ Въ одномъ актѣ 1458 г. упоминается „панъ Стецко Лисович, бояринъ князя Михаила Чарторыскаго“ (Arch. Sang. I, стр. 52).

⁷⁾ См. Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. I—Предисл., стр. XXIII и слѣд. Въ сеймовой „попискѣ“ *землянъ* Волинской земли (1528 г.) на первомъ мѣстѣ стоятъ князь Федоръ Михайловичъ Чарторыскій, староста Луцкій (Arch. Sang. III, № 340). Въ описи замковъ Волинскихъ 1545 г. князья Чарторыскіе отнесены къ числу „головныхъ“ князей, въ отличіе отъ князей меньшихъ и князей „повѣтниковъ“, простыхъ землянъ (Памяти. Кіев. Комм., IV 2-е отд., стр. 41). Въ XV столѣтіи Чарторыскіе занимали высокія мѣста къ господарной радѣ, въ качествѣ воеводъ, старостъ и пр. Главнѣйшіе акты касательно Чарторыскихъ см. А. З. Р. I, № 30

Сѣверо-восточный уголъ Волынской земли, до присоединенія ея къ Литовско-Русскому государству, занимали три отдѣльные княжества: Городецкое, Дубровицкое и Степанское, образовавшіяся изъ княжествъ бывшей Погоряны — Пересопницкаго и Дорогобужскаго ¹⁾. О Городецкомъ княжествѣ, отошедшемъ въ литовскую эпоху къ Пинскому Полѣстью, сказано выше. Теперь мы остановимся на княжествахъ Дубровицкомъ и Степанскомъ.

Дубровицкое княжество, съ главнымъ городомъ Дубровицей (на рѣкѣ Горыни, южномъ притоцѣ Припети) ²⁾, располагалось выше Чар орыска, между Городецкимъ и Степанскимъ княженіями. Дубровица становится извѣстной уже во второй половинѣ XII столѣтія, какъ удѣльное владѣніе князей Юрія Ярославича и его сына Глѣба Дубровицкаго (ум. 1195 г.) ³⁾. Съ присоединеніемъ Волыни къ Литовско-Русскому государству, Дубровицкая волость входила первоначально въ составъ Луцкой земли, затѣмъ позже принадлежала, вмѣстѣ съ Городненской волостью, къ Пинскому Полѣстью ⁴⁾. Литовскіе князья, владѣвшіе Дубровицей, упоминаются со второй половины XIV столѣтія. Какъ раньше замѣчено ⁵⁾, князья Дубровицкіе происходят не отъ Гедиминовичей, но имѣютъ вмѣстѣ съ князьями Гольшанскими общаго родоначальника,

45, 212. А. Ю. З. Р., I, № 18, 41, 56; II, 69, 112, 125. *Антоновича* Грамоты стр. 18. Археографическій Сборникъ VII, 2. Ревизія пущъ, стр. 327. Skarbiec, № 1803 и др. Арх. Ю. З. Р. ч. II, т. I, № 1, 3, 11, 15, 19 и др.; ч. VII, т. I, № III. Памятн. Киев. Комм. I, отд. 2, стр. 48—65; IV, отд. 2, стр. 18, 32, 40 и др. Arch. Sang. I, 44, 50, 52; III, 50, 75, 122, 148, 175, 205, 262, 340; IV, 78, 81 и др.

¹⁾ *Андрилинскъ*, Очеркъ, 38, 50.

²⁾ Кромѣ Дубровицы Погоряны, въ Владимирскомъ повѣтѣ существовало другое поселеніе того же имени, принадлежавшее къ удѣлу Владимирскихъ князей. Въ 1450 г. Волынской великій князь Свидригайло далъ своему слугѣ Мыткови привилей на Бутятичи, Тимковичи, *Дубровицу*, Лѣшную и Стяги въ Владимирскомъ повѣтѣ (Arch. Sang. I, стр. 45, 47. Арх. Ю. З. Р. ч. VII, т. I, стр. 8—9).

³⁾ Юрій Ярославичъ получалъ Дубровицу за женой, въ качествѣ ея приданаго, отъ ея отца—князя Всеволода Городненскаго. Сынъ Юрія, Глѣбъ, владѣлъ Дубровицей, какъ особымъ удѣломъ, и назывался княземъ Дубровицкимъ (*Андрилинскъ*, 80).

⁴⁾ *Balinski*, *Staroż Polska*, 2 изд., IV, 655. Въ составѣ же Пинскаго Полѣся Дубровица и Городенъ показаны на польской картѣ 1772 г., изданной въ 1887 г. Оргельбрандомъ въ приложеніи ко второму изданію *Staroż. Polski* Балинскаго и Линискаго (IV, 720).

⁵⁾ См. выше—о Гольшанскомъ княжествѣ въ Литвѣ и Глуской волости въ Минской землѣ.

именно въ лицѣ одного изъ представителей стараго литовскаго рода— князя Ольгимунта, владѣвшаго особымъ удѣломъ въ Литвѣ (Гольшанами) въ первой половинѣ XIV столѣтія ¹⁾). Кромѣ Дубровицкой волости въ Волинской Погоринѣ, князьямъ Дубровицкимъ принадлежала также одна изъ Минскихъ волостей, именно Глускѣ Дубровицкій, на Птичѣ, сѣверномъ притокѣ Припети ²⁾). Князья Дубровицкіе упоминаются до второй половины XVI столѣтія ³⁾, когда, съ прекращеніемъ ихъ рода, принадлежавшія имъ владѣнія отошли по праву „близкости“ къ князьямъ Гольшанскимъ ⁴⁾). Князья Дубровицкіе пользовались такими же владѣтельными правами, какъ и князья Гольшанскіе ⁵⁾).

Степанъ (на Горыни, ниже Дубровицы) упоминается впервые въ концѣ XIII столѣтія. Въ 1292 г. умеръ Иванъ Глѣбовичъ, князь Степанскій, „и нача княжити в него вмѣсто сынъ его Володимеръ“ ⁶⁾). Происхожденіе этихъ князей неизвѣстно ⁷⁾). Значеніе особой удѣльной волости Степанъ удерживалъ за собой и послѣ присоединенія Волини къ Литовско-Русскому государству. О Степанскомъ княжествѣ на Волини вообще сохранилось мало свѣдѣній. Въ источникахъ упоминаются изъ рода первыхъ князей Степанскихъ литовской эпохи только два князя „на Степаню“: въ послѣдней четверти XIV и началѣ XV столѣтія—князь Семень (по нѣкоторымъ актамъ Сем. Ивановичъ) ⁸⁾ и въ половинѣ XV столѣтія—князь Иванъ. Сохранилось извѣстіе о томъ, что въ 1396 г. князь Семень Степанскій участвовалъ, вмѣстѣ съ Витовтомъ и другими литовскими князьями, въ осадѣ

¹⁾ *Wolff*, *Röd Gedum.*, 49.

²⁾ *Balinski*, *Staroż. Polska*, 2 изд., IV, 693. См. выше—о Глуской волости въ Минской землѣ.

³⁾ Напримѣръ, въ одномъ актѣ 1542 г., упоминается Янушъ Юрьевичъ, князь Дубровицкій, бывшій въ то время Киевскимъ воеводой (*Arch. Sang.* I, стр. 97. Ср. *Wolff*, 30). Во время описи замковъ Волинскихъ, въ 1545 г., Дубровица еще находилась во владѣніи князей Дубровицкихъ (*Źródła dziejowe*, VI, стр. 115).

⁴⁾ *Balinski*, IV, 693.

⁵⁾ *Wolff*, 30, 39, 57. *Bonieski*, 51. Ср. *Бартошевичи Dzieła*, III, 371. *Яблоновскаго*, *Źródła dziejowe*, VI, стр. LXIX, 105. *Stadnicki*, *Bracia*, 95. *Sulimierski Stown. geogr.* I, 931. *Niesiecki*, *Herb.* III, 432. *Андришевскій*, *Очеркъ*, 33, 50, 80. *Петрова*, *Бѣлоруссія*, 17. *Малишевскаго*, *Очеркъ исторіи Турова*, стр. XLIII. *Arch. Sang.* I, 97; III, 47, 84, 193, 237, 378. IV, 14, 75, 83, 153, 304. А. Ю. З. Р. I, № III. *Памят. Киев.* Ком. IV, отд. 2, стр. 41, 225.

⁶⁾ П. С. Л. II, 226. *Памят. глѣт.* (нов. изд.), 616.

⁷⁾ *Андришевскій*. *Очеркъ*, 80. *Wolff*, 21.

⁸⁾ *Prochaska Cod. epist.* Vit, 268. *Ср. Arch. Sang.* I, стр. 11.

Идвигой Галича, бывшаго во власти венгерскаго короля ¹⁾. Въ слѣдующемъ году тотъ же князь Степанскій помогаль Витовту въ борьбѣ съ поляками ²⁾. Упомянутое о Семенѣ Степанскомъ находимъ также въ актахъ 1375, 1387 и 1403 годовъ ³⁾. Что касается князя Ивана Степанскаго, то извѣстіе о немъ находится въ открытой Вольфомъ въ литовской метрикѣ грамотѣ (1450 г.) короля Казимира — о подтвержденіи правъ князя Ивана Степанскаго на его „отчину“ — Черясель ⁴⁾. Оба князя Степанскіе, какъ видно изъ источниковъ, подчинялись непосредственно литовскому господарю, наравнѣ со всѣми удѣльными князьями того времени ⁵⁾. Происхожденіе князей Степанскихъ литовской эпохи съ точностью не извѣстно ⁶⁾. Въ одной изъ грамотъ Витовта находимъ, впрочемъ, довольно темное указаніе на принадлежность Семена Степанскаго къ князьямъ литовскаго происхожденія, хотя указаніе это еще не даетъ достаточныхъ основаній для безспорнаго рѣшенія вопроса о родословной князей Степанскихъ ⁷⁾.

¹⁾ *Andrijaševs*, 228.

²⁾ *Stadnicki*, Syn. II, 127. *Gołębiowski* Hist. Wład. Jagielly, I, прим. 152.

³⁾ *Prochaska*, Cod. epist. Vit, № 35, 39, 268. По всей вѣроятности, тотъ же князь Степанскій упоминается подъ именемъ: Семена Ивановича, въ поручной записи литовскихъ князей за Олехно (Arch Sang. I, № 11). Въ актѣ 1403 г. говорится о Семенѣ Ивановичѣ, князѣ Степанскомъ (*Prochaska*, 268).

⁴⁾ *Wolff*, Rod Gedum., 22.

⁵⁾ Стадницкій полагаеть, что князья Степанскіе вообще подчинялись Волынскимъ князьямъ (Syn Ged. II, 24). Положеніе это можетъ быть принято лишь въ отношеніи къ Свидригайлу. Федоръ Любартовичъ, какъ мы уже знаемъ, имѣлъ значеніе простаго удѣльнаго князя, ничѣмъ не превышавшагося надъ другими удѣльными князьями Волыни (см. выше).

⁶⁾ По этому вопросу въ литературѣ существуютъ лишь предположенія, не основанныя на точныхъ документальныхъ данныхъ. Такъ, Стадницкій относитъ Семена Степанскаго вообще къ братьямъ Ягеллы и Витовта (Syn. Gedim. I, 21; *Wacław Jagielly*, 39). По мнѣнію Вольфа, Семенъ Степанскій могъ быть братомъ князя Василія Михайловича Пинскаго (Михалъ—сынъ Наримонта Гедиминевича),—положеніе, обоснованное лишь на близкомъ соудѣствѣ Степана съ Пинскомъ (Rod Gedum., 21—22). Бартошевичъ и Мблоновскій считаютъ Степанскихъ князей потомками старыхъ русскихъ князей, но опять-таки не приводятъ никакихъ основаній въ пользу своего положенія (*Dziela Bartoszewicza*, 569. *Jablonski*, *Źródła dziejowe* VI, стр. LXVI).

⁷⁾ „Nos Alexander alias Vitoldus dei gracia dux Brestensis et Haradiensis etc. una cum *fratribus nostris dilectis eadem gracia ducibus videlicet Georgio alias Debek* (?), Fedario de Rathin, Vassilio de Pinsko, Fedario de Ladomi(ri)a, Gregorio Stuczsko et *Symeone Stepany* etc. (*Prochaska*, Cod. epist. Vitoldi, № 35). Выраженіе „*fratres*“ могло быть употреблено здѣсь въ общемъ смыслѣ „родныхъ“ по крови; хотя при этомъ нужно также имѣть въ виду приведенное выше замѣ-

Дальнѣйшая судьба Степанскаго княжества извѣстна только въ общихъ чертахъ. Есть несомнѣнныя указанія, что во второй половинѣ XV столѣтія прекратился родъ князей Степанскихъ и ихъ отчина отошла къ господарскимъ волостямъ. Изъ привилеевъ великихъ князей Александра и Сигизмунда (конца XV и начала XVI столѣтія) видно, что еще при Казимирѣ замокъ Степань съ его волостями, очевидно, по ирану выморочности, сдѣлался господарскимъ владѣніемъ, которое было пожаловано „до воли“ князьямъ Юрьевичамъ (нѣкоторое время называвшимся князьями Дубровицкими). Въ 1511 г. король Сигизмундъ, въ силу принадлежавшаго ему права на Дубровицкую волость, пожаловалъ ее вѣчно, на потомственномъ вотчинномъ правѣ, князю Константину Острожскому, въ родѣ котораго Степань оставался до его прекращенія ¹⁾.

чаніе о томъ, что въ средневѣковыхъ памятникахъ такія выраженія, какъ „frater, vetter, cousins“ употреблялись въ сношеніяхъ между собой владѣтельными лицъ въ общемъ смыслѣ лицъ равнаго, „княжескаго“ достоинства, а не „родныхъ по крови“. Словомъ, вопросъ о родословной князей Степанскихъ нужно считать совершенно открытымъ.

¹⁾ Великій князь Александръ привилеемъ 1499 г., дозволяя старостѣ Луцкому, князю Семену Юрьевичу, учредить въ „его“ мѣстѣ Степань, ярмарку, что было въ 1510 г. подтверждено привилеемъ на имя жены упомянутаго князя. Въ слѣдующемъ году замокъ Степань съ его волостями взятъ былъ королемъ Сигизмундомъ къ своей „рукѣ“ и пожалованъ князю Острожскому въ вѣчное владѣніе привилеемъ того же года: „Тое имѣніе далъ былъ отецъ нашъ (Казимиръ) князю Юрію Семеновичу до своей воли, а што колье отецъ кому далъ до его милости воли, то-есть въ нашей воли. Мы взевши его къ нашей руке зъ особливы гаски нашею дали есмо и вѣчно даровали и записали симъ нашимъ привилеемъ князю Константину (Острожскому) и его княгини и ихъ дѣтемъ и на потомъ будучимъ ихъ счадкомъ замокъ Степань зъ мѣстомъ, и зъ ихъ боиры и зъ слугами путными и въ мѣщаны, и зъ данники, людьми туглыми, зъ селы боярскими... зо всѣмъ правомъ и панствомъ и властностію, ничого на насъ и на наши наслѣдки не оставляючи“ (*Baliński, Staroż. Polska*, 2 изд., III 519—620). Изъ ревизіи замковъ Волынскихъ 1545 г., видно, что въ Луцкомъ замкѣ Степанская городня (ея устройство и ремонтъ составляли повинность жителей Степанской волости) отнесена не къ Острожскимъ, а къ *королеви Бонѣ* и что въ пользу послѣдней взысались поборы съ жителей Степани (Памят. Киев. Ком. IV, отд. 2, стр. 109, 225. *Źródła dziejowe*, VI, стр. 52, 105). Очевидно, въ это время Степанская волость составляла владѣніе королевы Бонны, вѣроятно, въ силу временной уступки ей князьями Острожскими. Позже Степань составляла опять волость Острожскихъ. Есть извѣстіе, напиримѣръ, о томъ, что въ началѣ XVII столѣтія, Иуза Острожскій, ревностный сторонникъ католической пропаганды на Волыни устроилъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ цѣлый рядъ католическихъ монастырей и костеловъ, въ томъ числѣ: въ Степани—въ 1614 г. (*Петрови Волынъ*, 123).

По сосѣдству съ кievской землей располагался удѣлъ князей *Корецкихъ* ¹⁾. Корець (древній Корческъ), на рѣкѣ Корць (Корчикѣ), при впаденіи ея въ Случь. между Ровно и Новградъ-Волинскомъ (др. Звягелемъ), впервые упоминается въ лѣтописяхъ въ половинѣ XII столѣтія, какъ окраинный, укрѣпленный пунктъ Погорины, составлявшей волость князя Мстислава Изяславича ²⁾. Послѣ присоединенія Волыни къ Литовско-Русскому государству, Корець принадлежалъ первоначально къ числу пригородовъ Острожскаго княжества. Въ такомъ значеніи Корець упоминается въ подтвердительномъ привилеѣ Владислава-Игеллы и Витовта, данномъ въ 1386 году князьямъ Острожскимъ на владѣніе ихъ вотчиной ³⁾. Позже (въ концѣ XIV столѣтія), на основаніи привилеевъ Витовта и послѣдующихъ литовскихъ государей, а также, какъ нужно полагать, вслѣдствіе уступки князей Острожскихъ, Корець, бывший пригородъ послѣднихъ, выдѣляется въ самостоятельную удѣльную волость князей *Корецкихъ*, во владѣніи которыхъ оно остается затѣмъ до прекращенія рода этихъ князей въ половинѣ XVII столѣтія ⁴⁾, когда ихъ владѣнія, по праву „близкости“, отошли къ князьямъ Чарторыскимъ ⁵⁾. Къ позднѣйшимъ владѣніямъ, приобретеннымъ князьями *Корецкими* по пожалованіямъ великихъ князей литовскихъ, относятся волости: Торговица въ Луцкомъ же повѣтѣ ⁶⁾ и Суцаны въ повѣтѣ Киевскомъ ⁷⁾. Изъ

¹⁾ По словамъ Стецкого, Корець съ его волостями по рѣкѣ Случи представлялъ не микроскопическій удѣлъ, какихъ не мало было въ старой Волыни, но „огромне dobra kijađt Koreckich od wsi Smolderowa ađ do Mokwina siggajace“; лишь позже, съ половины XVII ст., съ раздѣленіемъ бышняго удѣла *Корецкихъ* между нѣсколькими владѣльцами (сначала Чарторыскими, потомъ Яблоновскими, Млодежскими и короной), *Корецкая* волость стала „smutnoi; ponuro wygladec, jak i sam Korzec, niegdys gđowna rezidencya XX. Koreckich“ (*Stecki, Wolyń, I, 279*)

²⁾ *Андриашева* Очеркъ, 79.

³⁾ Arch. Sang. I, стр. 6.

⁴⁾ Памятн., I, отд. 8, стр. 314, 356. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 391, 397, 398.

⁵⁾ *Wolff, Ród. Gedym. 18. Baliński, Staroż. Polska, 2-e wyd., III, 42. Boniecki, 141—144.*

⁶⁾ На картѣ 1772 г., изданной Оргельбрандомъ, въ приложеніи ко второму изданію *Балинскаго: Staroż. Polska (IV, 720)*, Торговица обозначена на р. Стыри, между Луцкомъ и Дубно съ одной стороны, Гороховымъ и Муравицею съ другой. Въ 1446 году Свидригайло пожаловалъ Торговицу (Торговицкое село) съ другими сосѣдними поселеніями слугѣ своему Олиферу (Arch. Sang. I; стр. 42, 193). Позже Торговица принадлежала Немиру Резановичу (*Baliński, III, 514*). Изъ ревнѣиіи замковъ Волинскихъ, 1646 г., видно, что въ это время Торговица (дворъ съ приселками) составляла пожалованное имѣніе князей *Корецкихъ* (Памят. Киев. комм. IV, отд. 2-е, стр. 90, 181).

⁷⁾ Привилеемъ 1508 г. король Сигизмундъ пожаловалъ Федору Ивановичу,

люстрацій Брацлавскаго замка 1552 года видно, что Брацлавъ въ это время находился во владѣніи одного изъ князей Корецкихъ въ значеніи староства¹⁾. Есть также извѣстіе о томъ, что въ половинѣ XVI столѣтія одинъ изъ представителей князей Корецкихъ (Богданъ Оедоровичъ) владѣлъ староствомъ Житомирскимъ²⁾.

Происхожденіе князей Корецкихъ различно объясняется въ источникахъ по исторіи Волини. Со временъ Длугоша утвердилась гипотеза происхожденія этихъ князей отъ Бутавы, сына Ольгерда Гедиминовича³⁾; въ настоящее время можно считать вполне доказаннымъ положеніе о томъ, что въ числѣ сыновей Ольгерда не было никакого Бутавы⁴⁾. Показаніе лѣтописнаго свода XVI столѣтія, извѣстнаго подъ именемъ хроники Выховца⁵⁾, легло въ основу второй гипотезы, по которой родоначальникомъ князей Корецкихъ считается другой сынъ Ольгерда, Дмитрій старшій, бывшій Брянскій князь⁶⁾. Вольфъ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ литовско-русской старины, считаетъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію принятое имъ положеніе о происхожденіи князей Корецкихъ отъ Наримонтовичей, именно отъ бывшаго Стародубскаго князя, Александра, сына Патрікія Наримонтовича (Наримонтъ—сынъ Гедимины),—положеніе, обоснованное на показаніяхъ русскихъ и литовскихъ источниковъ—родословныхъ удѣльныхъ князей, старыхъ синодиковъ Киево-Печерской лавры и пр.⁷⁾. Изъ другихъ современныхъ историковъ Бартошевичъ

князь Корецкому, мѣнше Суцанъ въ Олевской волости Киевскаго повѣта, конфискованное у князей Глинскихъ послѣ ихъ изгнѣнія и ухода въ Москву (ДЗР II, № 37).

¹⁾ Арх. Ю. З. Р. ч. VII, т. II, стр. 19—20.

²⁾ *Jablonowski, Źródła dziejowe*, VI, LXIX.

³⁾ *Długosz, Dziej. Pol.* III, 379; X, 61. Его гипотеза затѣмъ принята польскими геральдиками *Ляпоукимъ* (Herbu, 764), *Околевскимъ* (Orbis Polon. I, 546), *Нессекимъ* (Herbarz, V, 228). Изъ новыхъ историковъ ту же гипотезу раздѣляетъ *Балинскій* (Staroż. Polska, 2-е изд. III, 41).§

⁴⁾ Извѣстенъ Бутаво-Генрикъ, въ числѣ сыновей Кейстуза; но онъ еще въ 1369 г. ушелъ къ нѣмцамъ. То же самое сдѣлалъ въ 1381 г. единственный сынъ Бутавы—Вайдутта. Ни тотъ, ни другой не возвращались больше въ Литву. *Stadnicki Syn. Ged.* (1881) I, 42. *Ею же* Olgerd i Kiejstut, 75—82. Wolff, стр. 55, 79—87.

⁵⁾ *T. Narbutt, Pomniki do dziejów Lit.*, стр. 22.

⁶⁾ Показаніямъ Выховца слѣдуютъ Коляловичъ (Hist. Lith. I, 354) и Стрыковский (Kronika, изд. 1846, II, стр. 57—68), а изъ новыхъ изслѣдователей—Нарбутъ (Dzieje staroż. narodu Lit.), производящій родъ Корецкихъ отъ сына Ольгерда—Дмитрія Корецкаго, родивш. 1859 г., ум. 1399 г.

⁷⁾ *Wolff*, стр. 18—19.

признаетъ лишь вообще литовское происхожденіе (отъ Гедиминовичей) князей Корецкихъ, безъ точнаго указанія не только на ихъ ближайшаго родоначальника, но и вообще на родъ Гедиминовичей, къ которому могли принадлежать князья Корецкіе¹⁾. К. Стадницікій вообще не соглашается съ гипотезой принадлежности князей Корецкихъ къ роду Гедиминовичей, но не высказываетъ съ своей стороны никакого категорическаго положенія о томъ, принадлежали-ль эти князья къ другимъ литовскимъ родамъ не-Гедиминовичей (какъ князья Гольшанскіе-Дубровицкіе), или же ихъ нужно считать потомками старыхъ русскихъ князей—Рюриковичей²⁾. Мысль о русскомъ происхожденіи Корецкихъ недавно высказана Яблоновскимъ³⁾. но безъ всякихъ указаній на какія либо документальныя основанія, что, понятнo, лишаетъ высказанную мысль научнаго значенія, особенно же въ виду другихъ положеній по тому же вопросу, обоснованныхъ, какъ сейчасъ увидимъ, на исторически вѣрныхъ показаніяхъ.

На нашъ взглядъ, заслуживаютъ одинаковаго вниманія гипотезы о происхожденіи князей Корецкихъ, какъ отъ Ольгердовичей, такъ и Наримонтовичей, именно потому, что въ основѣ такихъ гипотезъ лежатъ нѣкоторыя данныя съ несомнѣнными признаками исторической достовѣрности.

Остановимся прежде всего на вопросѣ о принадлежности Корецкихъ къ роду *Ольгердовичей*. Если указанія на Бутаву или Дмитрія Ольгердовичей, какъ на ближайшихъ родоначальниковъ князей Корецкихъ, нужно считать не больше, какъ произвольными домыслами Длугоша или Быховца, принятыми на вѣру послѣдующими польскими бытописателями и составителями гербовниковъ, то тѣмъ не менѣе, какъ намъ кажется, нѣтъ основанія совершенно отрицать достовѣрность нѣкоторыхъ данныхъ, указывающихъ на Корецкихъ, какъ Ольгердовичей. Таково показаніе о томъ, что нѣкоторые изъ князей Корецкихъ въ позднѣйшее время въ своихъ подписяхъ называли себя (Ольгердовичами. Таково же сохранившееся свѣдѣніе о надписи на надгробномъ памятникѣ Самуила Корецкаго, умершаго въ 1622 году:

¹⁾ По словамъ Бартошевича „*obok pierwotnych kniazdz (Рюриковичей) pokazują się (на Волини) odzwy napływowi. Są Czartoryscy, Sanguszkowie, Coreccy itd. Nowe to nazwiska. Podanie opowiada, że to wszystko są potomkowie panujących książąt litewskich rodziny Giedymina i Olgierda*“ (Dziela J. Bartoszewicza, III, 371).

²⁾ *Stadnicki*, Bracia Jagiełły, стр. 371—377 Ср. *Wolff*, стр. VI.

³⁾ *Jablonowski*, Zrodła dziejowe t. VI, p. LXIX.

„Clara ducum soboles, *Olgerdi sanguine cretus*, Princeps milita, gloria gentis Lechiasae, terror Tartariae“ etc ¹⁾). Надпись эта не была произвольнымъ домысломъ ея составителей, но несомнѣнно имѣла въ своей основѣ существовавшее въ то время преданіе о происхожденіи Корецкихъ отъ Ольгердовичей. Изъ того же преданія, по всему видно, почерпали бытописатели, если не общую гипотезу о личности родоначальника Корецкихъ, то во всякомъ случаѣ, обстоятельныя въ подробностяхъ свѣдѣнія о дѣятельности князей Ольгердовичей, владѣвшихъ Корецкой волостью ²⁾).

Съ другой стороны, нѣтъ никакихъ основаній отвергать также историческую достовѣрность показаній источниковъ о принадлежности князей Корецкихъ къ роду *Наримонтовичей*. Такіе достовѣрные источники, какъ родословная литовскихъ и русскихъ князей ³⁾, синодики Кіево-Печерской лавры ⁴⁾ и др. единогласно говорятъ о Наримонтѣ Гедиминовичѣ, какъ о родоначальникѣ князей Корецкихъ ⁵⁾).

Согласить противорѣчащія другъ другу показанія о князьяхъ Корецкихъ, какъ объ Ольгердовичахъ и въ то же время Наримонтовичахъ, представляется, какъ намъ думается, вполне возможнымъ, разъ допустимъ предположеніе о томъ, что князья того и другаго рода Гедиминовичей владѣли Корецкимъ княжествомъ въ *различное время*, и что въ позднѣйшихъ преданіяхъ оба рода князей сливались въ общемъ представленіи о нихъ—то какъ объ Ольгердовичахъ, то Наримонтовичахъ. Преданіе въ первомъ смыслѣ, по всему видно, держалось до позднѣйшаго времени въ литовской Руси, тогда какъ московское преданіе (съ начала XV столѣтія въ Москвѣ были также князья Корецкіе, выходцы изъ Литвы) указывало на происхожденіе Корецкихъ отъ Наримонтовичей. Въ литовской Руси преданіе о князьяхъ Корецкихъ-Ольгердовичахъ могло быть усвоено самими князьями, особенно въ XVI и XVII вѣкахъ, когда, какъ мы уже

¹⁾ *Baliński*, Star. Polska, 2-е изд., III, 42.

²⁾ *Strykowski*, Kronika, II, 57—58. *Baliński*, III, 48 и др.

³⁾ Древн. Росс. Виліюниа, XVII, стр. 193 (родословная князей Корецкихъ); Родословная книга князей и дворянъ, которая извѣстна подъ названіемъ „Бархатной книги“ и пр. (1787), I, 42—43. II. С. Л. VII, 253.

⁴⁾ См. *Wolff*, 19.

⁵⁾ Въ синодикахъ Кіевской Лавры, хранящихся нынѣ въ рукописномъ отдѣленіи Московскаго Румянцевскаго музея, такъ опредѣляется родословная Корецкихъ: „князи Габъ (это имя принялъ по крещеніи Наримонтъ Гедим.), Патрикій, Іосифъ, Василій, Михаилъ, Александръ, Левъ, Іоаннъ и пр. (*Wolff*, 19).

знаемъ, въ средѣ литовско-русскаго магнатства господствовали династическія тенденціи, стремленіе такъ или иначе примкнуть къ разнымъ родамъ Гедиминовичей. Для Корецкихъ было выгодно считаться потомками Ольгерда, бывшаго „господаря“ литовско-русскаго государства, чѣмъ числится въ родѣ менше выдающихся удѣльныхъ князей-Наримонтовичей.

Какъ видно изъ приведенныхъ выше показаній Длугоша, Стрыйковского и др., а также изъ показаній современныхъ актовъ, Корець, бывший пригородъ Острожскаго княжества, выдѣляется въ значеніи самостоятельнаго удѣла Ольгердовичей. въ промежутокъ времени между 1386 г., когда былъ изданъ подтвердительный привилей Владислава-Ягеллы Острожскимъ на владѣніе ихъ отчиной, въ томъ числѣ и Корцемъ ¹⁾. и приблизительно около 20—30-хъ годовъ XV столѣтія — времени перехода Корца во владѣніе бывшаго Стародубскаго князя, Александра Патрикѣевича ²⁾. Время перехода Корца отъ Острожскихъ къ князьямъ Корецкимъ-Ольгердовичамъ съ точностью неизвѣстно. У Стрыйковского и другихъ современныхъ бытописателей сохранилось лишь общее преданіе о томъ, что предполагаемый первый князь Ольгердовичъ (Бутова-Константинъ), получившій во второй четверти XIV столѣтія на Волини въ удѣлъ Корецкую волость „zbudował zamek na miejscu wzgorzystym na skale nad rzeczką Korzec“ и т. д. ³⁾. Во владѣніи Ольгердовичей Корецкая волость могла находиться, какъ уже замѣчено, до 20—30-хъ годовъ XV столѣтія, когда она сдѣлалась удѣломъ Наримонтовичей. Изъ исторіи Стародуба Сѣверскаго намъ извѣстно, что въ 1406 г. мѣстный князь, Александръ Патрикѣевичъ (шукъ Наримонта Гедиминовича), за попытку къ измѣнѣ во время войны Витовта съ великимъ княземъ Московскимъ, былъ лишенъ свободы и удѣла и лишь по истеченіи значительнаго времени получилъ вмѣсто утраченнаго Сѣверскаго удѣла Корецкую волость ⁴⁾. Одинъ изъ сыновей Александра Патрикѣевича, Семень, ушелъ въ Москву уже послѣ полученія отцомъ Корецкаго княжества, почему за Московскимъ выходцемъ и его потомствомъ удержался до позднѣйшаго времени родовой титулъ князей Корецкихъ. Московскій родъ этихъ князей прекратился уже въ третьемъ поколѣніи, какъ это видно изъ родословной книги русскихъ князей

¹⁾ Arch. Sang. I, стр. 6.

²⁾ См. ниже.

³⁾ Baliński, Staroż. Polska, 2-е изд., III, 42.

⁴⁾ Wolff, 18.

и дворянъ, гдѣ, по случаю безпотомной смерти послѣдняго князя Корецкаго (Ивана Богдановича), сообщается, между прочимъ, о существованіи князей того же рода „въ Польшѣ“ ¹⁾. Къ такимъ князьямъ относились потомки другаго сына Александра Патрикѣевича—Василія Корецкаго. Съ точностью не извѣстно время полученія Александромъ Патрикѣевичемъ Корецкаго удѣла. Изъ привилей короля Казимира, даннаго князьямъ Корецкимъ, въ подтвержденіе старыхъ привилеевъ Витовта и Свидригайла на владѣніе Корецкой волостью ²⁾, видно, что волость эта могла быть пожалована Александру Патрикѣевичу еще при Витовтѣ (именно до 1430 г.—времени его кончины). Около 1443 г., очевидно, по смерти Александра Патрикѣевича, его удѣлъ перешелъ къ сыну его—Василію Александровичу. Сохранилось извѣстіе о грамотѣ Волинскаго великаго князя Свидригайла, 1443 г., въ которой онъ обязываетъ бояръ и землянъ Корецкой волости „служить князю Василію, какъ служили его отцу, князю Александру“ ³⁾. Тотъ же Корецкій князь, Василій Александровичъ, получилъ отъ Казимира ⁴⁾ подтвержденіе старыхъ привилеевъ, данныхъ Витовтомъ, Свидригайломъ и самимъ Казиміромъ князьямъ Корецкимъ на владѣніе ихъ удѣломъ. Такой же точно привилей данъ былъ въ 1493 г. великимъ княземъ Александромъ сыну Василія—Ивану Корецкому ⁵⁾. Князья Корецкіе удерживали за собой отчинныя владѣнія до прекращенія ихъ рода въ половинѣ XVII столѣтія. Послѣднимъ Корецкимъ княземъ считается Самуилъ Карлъ Корецкій, староста Робчинскій, умершій бездѣтно въ 1651 г. Послѣ его смерти Корецкая волость, по праву „близкости“, перешла къ князьямъ Чарторыскимъ ⁶⁾.

¹⁾ „Родъ Корецкихъ князей на Москвѣ извелся, а нынѣ того роду князи въ Польшѣ, а кто—того не вѣдомо“ (Родословная книга князей и дворянъ, I, 43; Wolff, 19).

²⁾ Wolff, 18

³⁾ Luccorine 9 Novemb. indictione 7 (1443) privilegium Swidrigelonis in boiarios et curiae feruos circa Korce statuta tenentes: „Vasilio duci omnem exhibete obedientiam prout parenti ipsius Alexandri exhibuistis“. О грамотѣ Свидригайла сообщаются свѣдѣнія у Околяскаго (*Okolski, Orbis Polon., I, 547. Ср. Wolff, 18*).

⁴⁾ Очевидно, послѣ 1452 г., когда умеръ Волинскій великій князь Свидригайло и Волинь перешла въ непосредственное распоряженіе великаго князя литовскаго Казимира (*Dlugosz, V, 95. Okolski, I, 547. Wolff, 18, 166*).

⁵⁾ Wolff, 19.

⁶⁾ *Baliński, Star. Polaka, 2-е изд., III, 41—42. Sulimierski. Słown. geogr. IV, 432. Niesiecki, Herbarz, V, 228.*

Что касается, наконецъ, общаго положенія князей Корецкихъ, какъ удѣльныхъ владѣтелей, то, по всему видно, до начала XVI ст. они пользовались такими же правами, какъ и другіе удѣльные князья на Волыни. Изъ актовъ второй половинны XV вѣка видно, что, подобно князьямъ Острожскимъ, Чарторыскимъ и др., Корецкіе имѣли своихъ маршалковъ и бояръ-пановъ, стоявшихъ отдѣльно отъ „королевскихъ бояръ“¹⁾. Есть указанія въ источникахъ, что князья Корецкіе не совсѣмъ утратили старыя владѣтельныя права еще въ первой четверти XVI ст.²⁾ Изъ сеймовой „пописи“ Волынскихъ земель (1528 г.) и другихъ актовъ видно, что въ это время князья Корецкіе состояли на общемъ положеніи „землянъ“ и „господарскихъ“ дворянъ³⁾.

Ф. Леонтовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ актѣ 1466 г. княгини Кобринской упоминается Елюкимъ, бояринъ князя Корецкаго (Wolff, 129. См. также Вольфа „Kniaziowie Kobryńscy“, стр. 12, прим. 39. Ак. Вил. Комм., III, стр. 4). Въ томъ же актѣ, помѣщенномъ въ „Arch. Sang.“ (I, стр. 58), князь Корецкій замѣненъ „княземъ Юрьемъ“. Въ текстѣ Вольфа цитата грамоты 1466 г. читается такъ: „Елюкимъ, князя Корецкаго бояринъ“; въ Архивѣ Санг.: „Елюкимъ, князя Юрья бояринъ“; въ Актахъ Вилен. Ком.: „Елюкимъ, князь Корецкій, бояринъ“; Бонцкій (стр. 141) считаетъ послѣднее чтеніе болѣе правильнымъ и потому говоритъ объ Елюкимѣ, какъ первомъ Корецкимъ князѣ, упоминающемся въ источникахъ; но при такомъ чтеніи выходило бы, что князь Корецкій былъ „королевымъ бояриномъ“, что едва ли можно допустить. Вотъ текстъ конца грамоты 1466 г. по Актамъ, гдѣ говорится о свидѣтеляхъ, бывшихъ при ея составленіи: „А при томъ были добрые люди *королевые бояре*: Олександро Ходковичъ, Тышко братъ его, Елюкимъ, князь Корецкій, бояринъ; а къ тому *бояре наши* (княгини Кобринской) Кобринскіе и Грушевскіе: Юсифъ Верещана, Данило“ и т. д. По спискамъ Вольфа и Архива светками были исключительно *бояре* короля, князя Корецкаго и княгини Кобринской, что болѣе согласно съ положеніемъ дѣла. Въ другихъ актахъ того же времени упоминается о маршалкѣ и бояряхъ-панахъ князя Юрія. Въ актѣ 1468 г. упоминается: „князь Юревыхъ бояре: пан Патрикѣй Краевскій и пан Гаврило *маршалко* его: а пан Ивашко *дядю* дѣтей князя Юрьема“ (Arch. Sang. I, стр. 50). Акты 1466 г.: „пан Патрикѣй князя Юрьева бояринъ“ (ib., 61, 62).

²⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. I, стр. 23 и слѣд. Słown. geogr. IV, 432.

³⁾ Arch. Sang. III, № 125, 340; IV, 220. Ср. Арх. Ю. З. Р. ч. II, т. I, № 1. 3. 12.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІ.

1894.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°, Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	15
— Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей	66
А. А. Дмитриевъ. Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири (окончаніе)	243
А. Н. Веселовскій. Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ купальской обрядности	287
Ө. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права (продолженіе)	319
И. Н. Ждановъ. Василий Вуолаевичъ и Волкъ Вославъевичъ (продолженіе)	369

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Н. Веселовскій. Слѣды народной Библии въ славянской и древнерусской письменности. Изслѣдованіе В. Мочульскаго. Одесса. 1893	413
С. Ө. Ольденбургъ. Смерть въ представленіи современныхъ бретонцевъ	427
А. Л. Липовскій. <i>K. Jireček. Posolství republiky dubrovnické k císařovně Katořině II v l. 1774—1775. V Praze. 1893</i>	442
— Книжныя новости	445
— Наша учебная литература (разборъ 12 книгъ)	9

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Отчетъ о состояніи С.-Петербургскихъ вышнихъ женскихъ курсовъ за 1892—1893 годъ	93
Е. П. Ковалевскій. Народное образованіе на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго (окончаніе)	110

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. И. Ростовцевъ. Оновѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ (окончаніе)	65
Н. Н. Платонова. „Риторика“ Аристотеля (продолженіе)	102

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ	33
--	----

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го февраля).

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКАГО ПРАВА ¹⁾.

VII.

На юго-восточной окраинѣ Волынской земли, въ бывшей Погорипѣ, по сосѣдству съ Корецкой волостью, располагалось одно изъ самыхъ обширныхъ удѣльныхъ владѣній на Волыни — княжество *Острожское* ²⁾. Стольный городъ этого княжества, Острогъ, расположенный при слияніи Иквы съ Горынью, впервые упоминается въ лѣтописи подъ 1100 г., когда, по рѣшенію князей на Витичевскомъ съѣздѣ, Давидъ Игоревичъ получилъ взамятъ Владимірскаго удѣла города: Острогъ, Дубень и Чарторыскъ ³⁾. Послѣ 1100 г. Острогъ не встрѣчается больше въ лѣтописи и упоминается снова въ началѣ

¹⁾ *Продолженіе*. См. январскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ О князьяхъ Острожскихъ см.: *Максимовичъ*, Письма объ Острожскихъ князьяхъ (Собр. соч., I). *Андріашевъ*, Очеркъ ист. Волынской земли, 3, 88, 61—52, 77—79, 210, 229. *Антоновичъ*, Моногр., I, 46. *Молчановскій*, Очеркъ изв. о Подольской землѣ, 70. *Малышевскій*, Очеркъ исторіи Турова, 4 и слѣд. *Филевичъ*, Борьба Польши и Литвы-Руси, 69, 81—82. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 39 и др.; его же Волынь, 63 и др. *Петровъ*, Исторія родовъ русскаго дворянства, 197. *Wolff*, *Ród Gedym.*, 20, 74, 119. *Rulikowski i Radziwiński*, Ostrogacy и Zaslawsy (въ соч. *Kniaziowie i szlachta*). *Bartoszewicz*, Ostrogscy (Encykl. Powsz., XX, 155 и слѣд.); *его же*, *Dzieła*, III, 369. *Stadnicki*, *Synow. Ged.*, II, 163, 173. *Stecki* *Wolyń*, I, 307, 313, 316; *его же*, *Książęce gniazdo* (1885). *Jablonowski*, *Źródła dziejowe*, t. VI, стр. LXVI, LXVII, LXXII. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., III, 21, 26, 41. *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, IV, 432; VII, 682. *Niesiecki*, *Herbarz*, V, 228; VII, 176. *Boniecki*, 229—239. *Копецкы*, *Przewodn.*, 1892, XII, 1061.

³⁾ *Ипат. лѣт.*, 180. *Андріашевъ*, Очеркъ, 79. *Молчановскій*, Очеркъ, 70. *Baliński*, *Star. Polska*, III, 26.

XIV столѣтія, въ одной изъ первыхъ грамотъ великаго князя волинскаго, Любарта Гедиминовича, именно въ приведенномъ выше фундушевомъ привилеѣ 1322 г. на нѣкія, пожалованныя Любартомъ соборной Луцкой церкви и владыкѣ луцкому и острожскому, Климентію. Въ этомъ привилеѣ Любартъ говоритъ о Луцкѣ и Острогѣ, какъ о „нашей области“ ¹⁾. Острогъ въ это время представлялъ такое же владѣніе, состоявшее подъ верховной властью Любарта, какъ и другія Волинскія области. Упомянутое объ Острогѣ, какъ отдѣльнымъ княжествѣ, принадлежитъ времени, послѣдовавшему за привилеемъ 1322 г. Данилъ, князь „острожскій“, упоминается въ актахъ впервые подъ 1340 г., когда онъ, въ союзѣ съ Дмитріемъ Дѣткою, принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ польскимъ королемъ Казимиромъ изъ-за обладанія Галицкой Русью ²⁾. Какъ увидимъ ниже, князь Данилъ Острожскій владѣлъ удѣломъ на Волини „по отцамъ“, въ значеніи отчины, а не пожалованія великаго князя волинскаго, Любарта Гедиминовича ³⁾. Въ извѣстномъ договорѣ 1366 г. литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ Острогъ, несомнѣнно составлявшій въ это время удѣлъ князя Данила, упоминается въ числѣ городовъ, оставшихся по-прежнему въ составѣ владѣній Любарта ⁴⁾. Въ 1386 г., при подчиненіи Острожскаго княжества непосредственной зависимости отъ верховнаго государя великаго княжества Литовскаго (Владислава-Ягеллы), князья Острожскіе владѣли тѣми же городами, что и при Любартѣ, и обязались отправлять государю литовскому тѣ же службы (*servicia*), какія до того лежали на нихъ въ отношеніи къ Любарту; затѣмъ и сами наследники послѣдняго отказались тогда же отъ своихъ правъ на отчину и службы („служебные“) князей Острожскихъ ⁵⁾.

¹⁾ Владыка луцкій и острожскій „имаетъ архимандриты благословити, игумены наставляти, попы и дьяконы совершати, какъ *отъ нашей области*, въ богоспасаемыхъ городахъ въ Луцку и въ Остроге, и въ селахъ до нихъ прислухающихъ, такожде и бояръ и землянъ нашихъ... Аще ли кто подъ *областію нашею* въ епархій Луцкой и Острожской“ и пр. (Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, № 1, стр. 9). Владыкѣ пожалованы подъ Острогомъ „село наше Бусчу, зъ дворянствомъ Брестовскимъ, Мезочъ Малый и Великий, Будорожъ, Пичевъ Точывско“ (*ib.*, стр. 2—3).

²⁾ *Андріашевъ*, Очеркъ, 210. *Филевичъ*, Борьба, 81. *Стомер*, L. XII, 206. *Długosz*, wyd. 1876, L. X, 218.

³⁾ Иначе ставится вопросъ у Андріашева (стр. 77) и Бартошевска ((*Encykł. Powsz.*, XX, p. 156).

⁴⁾ *Skarbiec*, № 432.

⁵⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 5—6, 8.

Указанія касательно территориальнаго состава Острожскаго княжества при князѣ Данилѣ находимъ въ привилеѣ Владислава-Ягеллы и Витовта, данномъ въ 1386 г. преемнику Даниила, его сыну Ѳеодору, на Острожское княжество, съ тяпувшими къ нему „districti“, какими владѣлъ его отецъ. Къ такимъ округамъ-повѣтамъ, принадлежавшимъ къ Острогу еще при князѣ Данилѣ, въ привилеѣ 1386 г. отнесены: Корець, Заславъ, Хлапотинъ, Иванинъ, Хрестовичъ, Красле и Крупа ¹⁾). Нѣтъ никакихъ свѣдѣній, сразу ли всѣ эти волости пожалованы князю Даниилу, или же онъ приобрѣлъ ихъ въ различное время. Послѣ Даниила Острожское княжество увеличивалось новыми приобретениями князей по пожалованіямъ литовскихъ государей и по частнымъ актамъ — дарственнымъ записямъ, купчимъ и пр. Старыя владѣнія Даниила были привилеями Владислава и Витовта въ 1386 г. признаны за преемникомъ Даниила, Ѳеодоромъ Даниловичемъ, въ качествѣ его потомственной отчины ²⁾). Не видно, чтобы при этомъ

¹⁾ „*Damus, donamus plenam omnimodam potestatem castrum ipsius Ostrog et cum districtibus sitti Ostroviensis, sicut pater ipsius dux Daniel habuit, ad dictum castrum Ostrog pertinencium, istos districtus nominamus: Korzecz, Zoslaw etc. ad dictum castrum Ostrog spectantibus*“ (Arch. Sang., I, стр. 6). Позднѣйшимъ привилеемъ Витовта 1396 г. за Ѳеодоромъ Даниловичемъ Острожскимъ были подтверждены старыя волости, какими владѣлъ его отецъ, а также владѣнія, приобретенныя собственно при Ѳеодорѣ Даниловичѣ. Въ ряду послѣднихъ нѣтъ ни одного поселенія, которое бы упоминалось въ привилеѣ Владислава 1386 г. (Arch. Sang., I, стр. 20. О Хлапотинѣ см. Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, стр. 416, 440 — 442; о Крупѣ—*ibid.*, стр. 2).

²⁾ Сюда принадлежать три привилеи: 1) привилея Владислава-Ягеллы, данный имъ въ качествѣ „*Lithuanie princeps surgemus*“ съ общимъ признаніемъ „службы“ и отчинныхъ правъ Ѳеодора Даниловича на Острожское княжество (Arch. Sang., I, стр. 5); 2) привилея Владислава и Витовта съ ближайшимъ обозначеніемъ территориальнаго состава княжества, а также владѣтельныхъ правъ Ѳеодора Даниловича, какъ удѣльнаго князя острожскаго (*ibid.*, стр. 6); 3) привилея Ядвига („*Lithuanie princeps surgemus*“) — съ тѣмъ же содержаніемъ, что и первый привилея Владислава. Привилея Ядвига зарегистрирована въ инвентарѣ королевскаго архива Кромера подъ 1386 г. (*Stadnicki, Syn.*, II, 163), между тѣмъ какъ въ сборникахъ Грабовскаго (*Źródła do dziej. Pol.*, I, стр. 151), также *Aktach grodz. i ziemsk.* (V, № 20) и *Archivum Sang.* (I, стр. 15) тотъ же привилея обозначена датой 1393 г. Дѣло въ томъ, что съ 1392 г. Витовтъ становится самостоятельнымъ литовскимъ государемъ,—съ этихъ поръ Ядвига едва ли могла имѣть, помимо Витовта, какія либо отношенія къ литовскимъ владѣніямъ. Въ виду этого нужно считать подлинной дату, показанную въ инвентарѣ Кромера. Кромеръ имѣлъ въ рукахъ актъ, хранящійся въ королевскомъ архивѣ; въ дру-

сдѣланы были какія либо новыя пожалованія въ пользу Острожскаго князя ¹⁾. О новыхъ приобрѣтеніяхъ князей Острожскихъ говорятъ по-

гихъ же сборникахъ текстъ акта взять изъ архивовъ Оссолинскихъ и Сангуш-ковъ (См. *Stadnicki*, Syn., II, стр. 163. *Stacki*, Wolyń, I, 307—308). Второй привилей 1386 г., данный отъ имени Ягеллы и Витовта, считается польскими учеными подложнымъ, съ тѣмъ, на нашъ взглядъ, едва ли можно согласиться. Сомнѣніе въ подлинности этого акта заявилъ впервые проф. Соколовскій („Листы князей Збаржскихъ“, въ *Archiwum Komisji histor.*, II, р. 5), главнымъ образомъ, въ виду стили акта, напоминающаго XV вѣкъ. На подложности этого акта, затѣмъ, настаиваютъ Руликковскій и Радзивиловскій (Княз., р. 29—30), также Конечный (*Przewodn.*, 1892, в. XII, р. 1062). Свое сомнѣніе они мотивируютъ тѣмъ, что содержаніе обоихъ привилеевъ 1386 г. одно и то же, только во второмъ привилей размѣръ „*padania*“ больше, чѣмъ въ первомъ: „*nie mogą być dwa padania, jedno mniejsze, drugie obzerniejsze, z tego samego dnia i ten powód wystarcza*“. Оба акта, между тѣмъ, далеко не однородны по содержанію: второй актъ, не всему видно, служить необходимымъ дополненіемъ къ первому. Въ привилей, данному отъ имени одного Ягеллы, рѣчь идетъ лишь о признаніи „службъ“ Феодора Даниловича и объ условіяхъ подчиненія его Ягеллѣ, какъ королю польскому и вмѣстѣ съ тѣмъ „*Lithuanie princepsa supremus*“. И привилей Іддинги тоже касается, главнымъ образомъ, вопроса о „службѣ“ Острожскаго князя королевѣ, считавшейся также „*Lithuanie princepsa suprema*“ (*Arch. Sang.*, I, р. 15). Затѣмъ, привилей, данный отъ имени Ягеллы и Витовта, ближайшимъ образомъ опредѣляетъ территоріальный составъ Острожскаго княжества и владѣтельные права, соединенныя съ его обладаніемъ. Что касается стили акта, то въ этомъ отношеніи можетъ быть рѣчь лишь объ испорченности текста акта, а не о его подложности. Подлинность сомнительнаго акта подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что онъ зарегистрированъ Кромеромъ въ его „Инвентарѣ королевскаго архива“.

¹⁾ Такія пожалованія признаютъ *Стадницкій* (Syn. Ged., II, 163), *Стецкий* (Wolyń, I, 307) и *Бартошевичъ* (Encykl. Powoz., XX, 155). По ихъ словамъ, князь Феодоръ Даниловичъ получилъ отъ короля Владислава для себя и потомства замокъ Острогъ, „*ażeby nie mieniono, że król uczynił ten krok tylko jako W. X. Litewski, a więc jako pan zwierzchni wszystkich z Litwą połączonych ziem, król dodaje temuż książcowi cały do Ostroga należący powiat, oraz ziemie Korzec, Zasław, Chłopotin prawem polskiem, a królowa Jadwiga potwierdza te nadania: wszystko w r. 1386*“. Приведенное выше извлеченіе изъ привилей 1386 г., даннаго отъ имени Владислава и Витовта, вовсе не подтверждаетъ положенія Стадницкаго. Корець, Заславъ и другія Острожскія волости даны были Феодору Даниловичу не въ видѣ новаго пожалованія, но именно *отчиму*, которой владѣлъ его отецъ, князь Даниилъ (См. *Arch. Sang.*, I, стр. 6). Стадницкій, очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе Кромеромъ, который въ своемъ инвентарѣ королевскаго архива неправильно суммируетъ содержаніе привилей 1386 г. Въ инвентарѣ Кромера говорится: „*Vladislaus rex Poloniae et Vitoldus M. D. Lithuaniae castrum Ostrog cum districtu Ostroviensi, nec non districtus Corec, Zasław, Chłopotyn, Theodoro Danielowicz duci confuerumunt eum libertate terrigenarum regni Po-*

слѣдующіе акты. Такъ, въ томъ же 1386 г. князь Острожскій получилъ Бродово по дарственной записи Чурила Бродовскаго ¹⁾. Въ 1390 г. король Владиславъ, за защиту Вильны (*ob defensionem castrī nostri Vilmensis vitam suam mortis periculo exponens etc.*), подтверждаетъ старыя права Федора Даниловича на потомственное владѣніе Острожскимъ княжествомъ, но безъ новыхъ пожалованій ²⁾. О новыхъ приобрѣтеніяхъ князя Федора Даниловича говорится въ подтвердительномъ привилеѣ великаго князя литовскаго Витовта, 1396 г., князю Федору Даниловичу на владѣніе Острожскимъ княжествомъ, какъ было при его отцѣ, князѣ Данилѣ, при чемъ литовскій господарь „придалъ“ князю Федору рядъ селъ Острожскаго же повѣта ³⁾. Какъ видно по всему, села эти приобрѣтены княземъ еще раньше, путемъ частныхъ актовъ; въ 1396 г. они были подтверждены Витовтомъ за острожскимъ княземъ на вѣчномъ наслѣдственномъ правѣ ⁴⁾.

loniae“ (*Stadnicki*, Syn. Ged., II, стр. 163, прим. 283, подъ лит. b). Здѣсь допущена существенная ошибка: отдѣленіе Острожскаго округа отъ другихъ округовъ — Корца и друг. (изъ чего Стадницкій вывелъ заключеніе, что послѣдніе округа были вновь пожалованы Федору Даниловичу, при его отцѣ не принадлежали къ Острожскимъ волостямъ), тогда какъ въ текстѣ привилея 1386 г. категорически говорится о Корцѣ и другихъ волостяхъ, какъ именно *Острожскихъ* округахъ, которыми владѣлъ еще князь Данилъ, отецъ Федора Даниловича. Предположеніе Стадницкаго о пожалованіи Острожскому княжеству „польскаго права“ также основано на невѣрномъ суммированіи привилея 1386 г. въ инвентарѣ Кромера. См. объ этомъ ниже.

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 2.

²⁾ Поселеніе *Бродовы*, о которомъ говорится въ привилеѣ 1390 г., по замѣчанію издателя архива Сангушковъ (I, стр. 183), есть село Бродово, приобрѣтенное раньше княземъ Острожскимъ по дарственной записи Чурила Бродовскаго.

³⁾ Arch. Sang., I, стр. 20.

⁴⁾ Къ такимъ селамъ принадлежали: Бродовъ, Радоселки, Радогоща, Межирѣчье, Дьяковъ, Свищово, съ приселками: Озоряны, Городница и два Ставка (въ текстѣ привилея, помѣщеннаго у *Prochaski*, Cod., № 127, — „*Dwastawki*“). Бродовъ, какъ раньше замѣчено, приобрѣтенъ Федоромъ Даниловичемъ еще въ 1386 г. по частной записи. Андрияшевъ (Очеркъ, 77) не безъ основанія полагаетъ, что и другія поселенія, упоминающіяся въ привилеѣ 1396 г., раньше приобрѣтены Федоромъ Даниловичемъ; Витовтъ лишь подтвердилъ за нимъ владѣніе упомянутыми волостями. Новыхъ пожалованій на территоріи Острожскаго княжества литовскій господарь не могъ дѣлать въ 1396 г., такъ какъ еще раньше, въ 1386 г., при подчиненіи этого княжества непосредственной зависимости отъ литовскихъ господарей, владѣтельныя права на него, въ цѣлой его совокупности, были признаны за князьями Острожскими. Новыя приобрѣтенія на территоріи княжества

Путемъ такихъ же частныхъ сдѣлокъ переходили во владѣніе князей Острожскихъ имѣнія въ ихъ княжествѣ также въ XV и слѣдующихъ столѣтіяхъ ¹⁾. Затѣмъ, путемъ пожалованій литовскихъ государей князя Острожскіе въ XV столѣтіи приобрѣли обширныя владѣнія внѣ своего княжества, въ Волинскихъ повѣтахъ — Луцкомъ, Владимірскомъ и Кременецкомъ ²⁾. Кромѣ Волини, князя Острожскіе имѣли съ XV столѣтія владѣнія въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ—Пинскомъ Полѣсьи, повѣтахъ Трокскомъ, Оршанскомъ и пр. ³⁾.

Оддоръ Даниловичъ могъ дѣлать въ значеніи не удѣльнаго князя, а лишь частнаго землеуладѣльца, могъ на этомъ основаніи приобретать „имѣнія“ у мѣстныхъ земанъ (напримѣръ, въ 1386 г. у Чурла Бродовскаго). Эти-то приобретения Оддора Даниловича и могли быть подтверждены Витовтомъ привилеемъ 1396 года. Руликівскій и Радзимиинскій (Kniaziowie i szlachta, 33—35) считаютъ подложнымъ привилей Витовта, данный 3 іюля 1396 г., на томъ основаніи, что Витовтъ, бывшій въ Ковнѣ въ апрѣлѣ того же года, оставался тамъ до 28 іюля, когда было объявлено „розмирье“ съ крестоносцами, — не могъ, слѣдовательно, быть въ Луцкѣ 3 іюля и заниматься тамъ дѣлами. Гг. Руликівскій и Радзимиинскій не обратили вниманія на подпись, имѣющуюся въ концѣ привилея 1396 г.: „княгини великая правила“; такая же подпись встрѣчается и на другихъ актахъ Витовта (см., напримѣръ, Arch. Sang., I, стр. 29). Подобная подпись обозначалась на актахъ великаго князя въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ отсутствовалъ и его именемъ дѣлами „правила“ великая княгиня. Руликівскій также указываетъ на Бродовъ, который раньше приобрѣтенъ княземъ Острожскимъ и, слѣдовательно, не могъ быть пожалованъ ему Витовтомъ; но, какъ замѣчено выше, привилей 1396 г. имѣетъ значеніе лишь *подтвержденнаго* акта на владѣнія, приобретенныя раньше княземъ Острожскимъ.

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 56, 57, 60, 68, 77 и др.

²⁾ Въ Луцкой землѣ: Выромля, Новосельцы, Корсовъ, Сестратинъ, Озбыръ и Зитѣнецъ (А. Ю.-З. Р., I, № 29); Уздолбица, Глинско, Урвена, Дерманъ, Лебедь, Кунинъ, Вѣздчи, Коршовъ, Ледова, Богдановъ и Долбуновъ (А. З. Р., I, № 138; Arch. Sang., I, стр. 113). Дубно (на Иквѣ—принадлежало Острожскимъ еще съ XIV столѣтія; въ 1498 г. перенесено „de jure vilano in jus civile“, то-есть, преобразовано въ „мѣсто“—Arch. Sang., I, стр. 114; *Baliński*, *Staroż. Polska*, III, 21), Звяголь (съ 1499 г.,—Arch. Sang., I, стр. 117) и др. Въ Владимірскомъ повѣтѣ—Новосельцы (А. Ю.-З. Р., I, № 29); въ Кременецкомъ повѣтѣ — Полоный (Arch. Sang., I, стр. 143, 144; III, 80, 87, 167; *Baliński*, III, 101), Красковъ (на Случи), два Дубища, Барщевовъ, Чергѣновъ, Колчинъ, Колчинчи, Баймаковъ (Arch. Sang., I, стр. 113; *Baliński*, III, 98) и др.

³⁾ Изъ актовъ начала XVI столѣтія видно, что Туровъ съ его волостями входилъ въ составъ владѣній князей Острожскихъ (А. З. Р., II, №№ 105, 157). Въ Трокскомъ повѣтѣ имъ принадлежала волость Здѣчало (Arch. Sang., I, стр. 116), въ Оршанскомъ повѣтѣ — Смоляне (А. З. Р., II, № 118) и др. Въ поздѣйшее время тѣмъ же князьямъ принадлежали староства Кременецкое, Винницкое, Звенигородское и Брацлавское (Encykł. Powaz., XX, 155. А. Ю.-З. Р., II, № 104).

По словамъ Максимовича, въ концѣ XVI столѣтія въ составъ владѣній князей Острожскихъ входили: 25 городовъ, 10 мѣстечекъ и 650 сельскихъ поселеній ¹⁾. Своими волостями Острожскіе князья владѣли сообща, какъ это было, напримѣръ, въ послѣдней четверти XV столѣтія, при князьяхъ Михаилѣ и Константинѣ Ивановичахъ ²⁾, хотя несомнѣнно могъ практиковаться въ Острожскомъ княжествѣ обычный въ то время порядокъ удѣльнаго владѣнія по „дѣльницамъ“. „Дѣль“ Острожскаго княжества во второй четверти XV столѣтія на особыя „дѣльницы“ между князьями Иваномъ и Юрьемъ Васильевичами послужилъ основаніемъ образованія изъ такихъ дѣльницъ особыхъ княжествъ — собственно Острожскаго (въ родѣ Ивана Васильевича) и Заславскаго (въ родѣ Юрія Васильевича) ³⁾. Старое единство волостей князей Острожскихъ возстановляется въ началѣ XVII столѣтія, когда, за прекращеніемъ рода князей Острожскихъ, ихъ обширныя владѣнія, по праву „близкости“, перешли къ князьямъ Заславскимъ ⁴⁾.

Русское происхожденіе князей Острожскихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; оно доказывается несомнѣнными историческими данными. Дѣлались, затѣмъ, разными учеными попытки установить ближайшимъ образомъ генеалогическую связь князей Острожскихъ съ тѣми или другими представителями мѣстныхъ княжескихъ родовъ, въ особенности съ старыми князьями Пинскими, также Друцкими и Волянеками; но все такія попытки не имѣють твердыхъ, документальныхъ основаній ⁵⁾.

¹⁾ Въ Острожскихъ имѣніяхъ числилось болѣе 600 православныхъ церквей и до 10 монастырей (*Максимовичъ*, Собр. соч., I, стр. 191. *Петровъ*, Волянь, 63, 122).

²⁾ Arch. Sang., I, стр. 68, 77, 84, 86, 143 и пр.

³⁾ На первыхъ порахъ послѣ „дѣла“ оба брата продолжали по старому титуловаться князьями Острожскими; но, затѣмъ, позже князь Юрій усваиваетъ себѣ, по имени главнаго центра своей дѣльницы (Заслава), титулъ князя Заславскаго (Заславскаго). См. Arch. Sang., I, стр. 44, 62 и пр. О князьяхъ Заславскихъ см. ниже.

⁴⁾ *Stecki*, Wołyń, стр. 313, 316. *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е изд., III, 28, *Sulimierski*, Słown. geogr., IV, 492.

⁵⁾ На русское происхожденіе князей Острожскихъ находимъ прямыя указанія у старыхъ польскихъ историковъ. *Длугошъ* (L. XI, 217) называетъ „Ruthenis“ Дашка (Daschkone), сына Ѳедора Даниловича Острожскаго. Точно также острожскій князь Василій Красный именуется у *Кромера* (L. XX, 297) русскимъ: „Basilium ducem Russum, cognomento Crasni“. Русское происхожденіе Острожскихъ признають все новѣйшіе историки Воляни—*Бартошевичъ* (Encykl. Powst., XX, 157), *Пуликовскій* (Kniaziowie, 58), *Боневскій* (Poczet rodów, 229), *Конечный*

Въ источникахъ не
 образованія Острожскаго
 жество это образовалос
 отъ него; первымъ Ос
 защищавшій въ 1340
 отъ притязаній польск
 скихъ историковъ и;
 никогда не владѣль

(*Przewodnik*, 1892, XI
 время Максимовича
 Турово-Пинскихъ кня
 новичамъ, именно от
 Святослава Изяслави
 жать старые помянн
 въ Луцкомъ повѣтъ
 сочин., I, 166 и сл.:
 лнск. земли, 77;
 руссія, 89 и др.; I
 I, стр. 107 и сл.).
 и Конечнаго (*Prz*
 ставляютъ не то
 перечень лицъ,
 на родословную
 ние на общее п
 въ Киевскомъ
 мовъ св. княз
 Пинскихъ, а
Wkowaki i R
Strzykowski
 рода съ кня
 мана Мстис
Niesiecki,
 ковъ (Енс
 предполож
 славичей,
 Святосла
 (см. Dz
kowaki,
 хожден
 рія ро
 никъ
 счита

его сына, князя Федора Даниловича, по мнѣнію однихъ ученыхъ (Руликовскаго и Радзимиинскаго) при Любарть, по мнѣнію другихъ (Бартошевича) при Владиславѣ-Ягеллѣ¹⁾. Въ послѣднее время польскіе историки (Конечный) стали высказываться въ пользу предположенія о томъ, что не только князь Данилъ владѣлъ Острогомъ при Любарть, но и еще до него уже существовали князья Острожскіе²⁾. Намъ кажется, что послѣднюю мысль слѣдуетъ признать наиболѣе близкой къ истинѣ. Принадлежность Острога князю Данилу, защитнику Галичины, подтверждается показаніями Кромера и другихъ польскихъ лѣтописцевъ, называющихъ защитника Галичины „Daniel Ostrogio“³⁾. Мало того: привилей 1386 года, данный Владиславомъ-Ягеллой Федору Даниловичу Острожскому, категорически заявляетъ, что князьями Острожскими (*duces Ostrogovienses*) назывались еще *предки* (*progenitores*) Федора Даниловича⁴⁾. По этому поводу Конечный совершенно вѣрно замѣчаетъ, что „не только отецъ, но и по меньшей мѣрѣ дѣдъ Федора былъ уже княземъ Острожскимъ. Были они тамъ еще предъ Любартомъ. Когда Любарть занималъ Волинь, онъ оставилъ Острогъ во владѣніи природнаго (*godzimego*) русскаго князя, Данила, по смерти котораго Острогъ по наслѣдству перешелъ къ его сыну Федору“⁵⁾. И дѣйствительно, можно съ полной вѣроятностью утверждать, что Острожское княжество образовалось еще въ до-литовскую эпоху и вообще принадлежало къ такимъ же старымъ волинскимъ удѣламъ, какъ и другіе удѣлы бывшей Погорини—княжества Степанское, Дубровицкое и пр. При-

¹⁾ См. *Rulikowski i Radziwiński*, *Kniaziowie*, 16. *Encykl. Powsz.*, XX, 155. Впрочемъ, Руликовскій въ другомъ мѣстѣ (стр. 25) сознается, что въ привилей Ягеллы 1386 года предки (*progenitores*) Федора Даниловича называются „*duces Ostrogovienses*“, „*a tem samem i jemu* (Федору Даниловичу) *dano odtąd prawo do tego miana*“.

²⁾ *Konieczny*, *Jagiello i Witold (Przewodn.)*, 1892, s. XII, p. 1061).

³⁾ *Cromer*, I. XII, 206. У Яна и Дугоша князь Данилъ, по ошибкѣ, названъ *Daniel de Ostrow* (*Kron. Jana z Czarnkowa*,—*Bielowski*, *Monum. hist. Pol.*, II, 621. *Długosz*, L. IX, 213),—ошибка, какая повторяется также въ привилей 1393 г., гдѣ Федоръ Даниловичъ названъ „*Fedario de Ostrow* (*Grabowski i Przesiecki*, *Źródła*, I, 150).

⁴⁾ *Arch. Sang.*, I, 5—6. *Rulikowski*, *Kniaz.*, 24: „*Illustris princeps dominus Fedor et sui progenitores duces Ostrogovienses majestatem nostram et predecessores nostros duces Lithwanie et Russie sunt actenus venerati*“, etc.

⁵⁾ *Przewodnik*, 1892, s. VIII, 684; XII, 1061.

веденное выше сообщеніе Длугоша и Кромера ¹⁾ о подчиненіи барту мѣстныхъ, „природныхъ“ русскихъ князей, сидѣвшихъ волынскихъ волостяхъ, несомнѣнно относится и къ Острожскимъ, владѣвшимъ при Любартѣ Острогомъ, какъ свѣтлицей, а не выслугой, пожалованной Любартомъ. Правда, въ актахъ XIV столѣтія говорится объ Острогѣ, какъ о владѣніи Любарта, но именно лишь въ общемъ смыслѣ области, лежавшей надъ предѣлахъ подвластной ему земли и, наравнѣ съ другими княжествами, подчинившейся его верховной власти ²⁾. Изъ источниковъ, Даниилъ Острожскій умеръ при Любартѣ, и Острожское княжество перешло по праву „близкости“ къ Оеодору Даниловичу ³⁾.

Значеніе князей Острожскихъ, какъ удѣльныхъ владѣльцевъ, дѣлалось прежде всего общимъ положеніемъ дѣлъ на время присоединенія ея къ Литовско-Русскому государству. Мы уже знаемъ, первый литовскій „великій князь“ на вѣки Любартъ Гедиминовичъ преемственно вступилъ во вѣдѣніе князей волынскихъ. Любартъ являлся такимъ же господиномъ Галицко-Волынской земли, какъ и его предшественники великіе князья рода Даниловичей. Въ „послушаніи“ (serwicia) Любарту, какъ общему волынскому господарю, старому обычаю всѣ мѣстные удѣльные князья. Въ таинственности отъ волынскаго великаго князя находился и первый острожскій князь. Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что служившая отправлявшаяся въ пользу Любарта преемникомъ князя Данииломъ Оеодоромъ, и всецѣло перешедшая послѣ Любарта къ

¹⁾ *Dlugoss*, L. IX, p. 1087. *Cromer*, L. IX, 308.

²⁾ Въ приведенной выше фондушевой записи Любарта (1486) называется Острогъ „нашею областью“ (Арх. Ю.-З.-Р., ч. I, т. I, л. 10). Такой же смыслъ имѣетъ и указаніе договора 1366 года (Служба владѣніи Любарта, въ числѣ которыхъ упоминается и Острогъ, бывшійся удѣломъ князя Даниила Острожскаго).

³⁾ Это видно изъ привилея Ягеллы 1386 г. (Arch. Sang., т. I, л. 10). Этому привилею, Ягелло не даетъ Оеодору Даниловичу никакихъ вѣдомствъ, а лишь подтверждаетъ за нимъ старую его отчину: „eo quod quibus dictus D. Pheodor illustri principi olim Domino Luminariensi patruo nostro carissimo, ab antiquo dinoscitur servivisse“ (в. *Badsimiński*, *Kniaziowie*, 24).

днславу-Ягеллѣ, какъ верховному господарю (*supremus princeps*) Литовско-Русскаго государства ¹⁾, получила свое начало еще при Даниилѣ Дмитріевичѣ, именно съ момента подчиненія Любарту Острожскаго князя. Служба эта выразилась, между прочимъ, въ защитѣ Даниломъ Острожскимъ, вмѣстѣ съ Дмитріемъ Дѣтко, Любартовскаго наслѣдія въ Галиціи отъ польскихъ притязаній. Эта-то „старая служба“ Данила Острожскаго, какъ справедливо замѣчаютъ исследователи, послужила „основнымъ камнемъ“ значенія князей Острожскихъ во все послѣдующее время ²⁾. Какъ видно изъ договора Любарта съ польскимъ королемъ (послѣ 1366 г.), „князь Даниилъ“, въ силу тѣхъ же служебныхъ отношеній, являлся ближайшимъ думцемъ-раднымъ напомъ волинскаго господаря ³⁾.

По смерти Любарта Гедиминовича и его вѣрнаго сподвижника, князя Данила Острожскаго, значительно измѣнилось положеніе князей Острожскихъ и принадлежавшаго имъ удѣла. Переѣмна эта, по общему воззрѣнію историковъ польскихъ и русскихъ, состояла ни болѣе ни менѣе, какъ въ чуть ли не полномъ выдѣленіи Острожскаго удѣла изъ состава Литовско-Русскаго государства съ прямымъ подчиненіемъ его зависимости отъ польской „короны“. Преемникъ Данила, его сынъ Федоръ Даниловичъ, по установившемуся воззрѣнію, очутился при Владиславѣ-Ягеллѣ въ прямой зависимости „отъ Польши“.

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 5, привилей Владислава-Ягеллы 1386 г.

²⁾ *Филевичъ*, Борьба, 82. *Шараневичъ*, Исторія Галицко-Волинской Руси, 158—159.

³⁾ Къ договору приложены печати, очевидно, главныхъ членовъ волинской рады Любарта: владыки луцкаго Андрея, князя Данила и трехъ мѣстныхъ бояръ, въ томъ числѣ—Ивана, воеводы луцкаго. Какъ видно по всему, подъ именемъ „князя Данила“ разумѣется именно Данилъ Острожскій (Arch. Sang., I, стр. 1). Князю Данилу Острожскому принадлежитъ грамота (безъ даты) о пожалованіи Чепеля острожской церкви св. Николая (помѣщ. Руликковскимъ въ „Kniaziowie“, р. 14—15). Руликковскій, заподозрѣвшій подлинность многихъ волинскихъ актовъ, считаетъ и настоящую грамоту подложной и оспариваетъ свое сомнѣніе лишь на томъ, что грамота эта не имѣетъ даты, и не упомянуты въ ней свидѣтели,—мотивъ, не имѣющій собственно никакого научнаго значенія. Есть много актовъ стараго времени безъ датъ и свидѣтелей, однако никто не сомнѣвается въ ихъ подлинности. Къ памятникамъ XIV столѣтія едва ли слѣдуетъ предъявлять требованія актовой практики, установившіяся прочно лишь въ позднѣйшее время. Какъ видно изъ словъ Руликковскаго, грамота Данила Острожскаго была подтверждена въ 1592 г., а также виссена въ луцкія книги въ 1634 г. и въ острожскія въ 1692 г.

подчинился не Витовту, сначала великому князю волинскому, а затѣмъ литовскому, но непосредственно польскому королю Владиславу и польской коронѣ. Въ это-то время будто бы на Волини не только стало развиваться управленіе по польскимъ порядкамъ („*goda korońska polska objęła rząd*“ на Волини), но и „вмѣсто общаго всеѣмъ прежде русскаго права появляются мѣстности съ *польскими правами*“. Острогъ, какъ полагаютъ, былъ отданъ Владиславомъ-Ягеллой Федору Даниловичу на польскомъ правѣ, „*cum libertate terrigenarum regni Poloniae*“, что, по мнѣнію польскихъ историковъ, шло въ разрѣзъ съ единствомъ литовскаго „феодализма“ (*przegrywało jedność litewskiego feudalizmu*)¹⁾.

При ближайшей провѣркѣ означеннаго воззрѣнія по достовѣрнымъ историческимъ даннымъ оказывается, что воззрѣніе это далеко не отвѣчаетъ дѣйствительному положенію дѣлъ на Волини и въ Острожскомъ княжествѣ при Владиславѣ-Ягеллѣ. Зависимость отъ него преемника князя Данила не подлежитъ никакому сомнѣнію; но все дѣло въ томъ, что зависимость эта, какъ показываютъ источники, установилась далеко не въ томъ направленіи, на какое указываетъ существующее по данному вопросу воззрѣніе ученыхъ. На дѣлѣ ни князь Острожскій не выдѣлялся при Владиславѣ изъ общаго положенія другихъ удѣльныхъ князей того времени, ни его удѣлъ вовсе не зналъ никакого польскаго права, которое бы замѣняло собой „общее всеѣмъ прежде русское право“.

Старый вопросъ о Волинскомъ „наслѣдіи“, какъ показано нами раньше, возникъ послѣ смерти Любарта и его жены, послѣдней представительницы законныхъ отчичей Волинскаго наслѣдія. По праву выморочности, наслѣдіе это должно было, само собой, отойти къ короннымъ владѣніямъ литовскихъ государей; вмѣстѣ съ тѣмъ и все удѣльные князья на Волини, въ томъ числѣ, конечно, и князья Острожскіе, должны были сами собой перейти въ непосредственную зависимость отъ того же государя литовскаго. Вотъ гдѣ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ искать главный источникъ перемѣны въ положеніи князей Острожскихъ, какъ и остальныхъ удѣльныхъ князей на Волини,—перемѣны, дѣйствительно происшедшей въ быту Волинской земли при Владиславѣ-Ягеллѣ, въ то время верховномъ государѣ

¹⁾ См. *Stadnicki*, Syn. Gedym., II, стр. 163, 173. *Stecki*, Wołyń, I, 307. *Bartoszewicz*, Ostrożcy kniaziewie (Encykl. Powasz., XX, 156). *Аудріановъ*, Очеркъ исторіи Волинской земли, 3, 229.

(*supremus princeps*) Литовско-Русскаго государства. Подчиненіе волынскихъ князей Владиславу-Ягеллѣ не освобождало ихъ въ то же время отъ обычнаго послушанія „великому князю“ волынскому, каковымъ при Ягеллѣ (съ 1384 г.) считался Витовтъ ¹⁾). Одновременная зависимость Ѳедора Даниловича, князя Острожскаго, отъ Владислава и Витовта доказывается, какъ нельзя лучше, привилеемъ (вторымъ) 1386 г., даннымъ отъ имени обоихъ господарей литовскихъ, съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ владѣній и правъ, предоставляемыхъ Острожскому князю ²⁾). Прямая зависимость Острожскаго князя отъ Витовта подтверждается также привилеемъ послѣдняго, даннымъ въ 1396 г. Ѳедору Даниловичу, съ утвержденіемъ за нимъ на полномъ наслѣдственномъ правѣ имѣній, раньше приобрѣтенныхъ княземъ Острожскимъ ³⁾).

Что касается, затѣмъ, вопроса о зависимости Ѳедора Даниловича „отъ Польши“, то сюда относится положеніе привилея Владислава 1386 г. о томъ, что князь Ѳедоръ, его дѣти и наслѣдники, съ ихъ людьми, которыхъ они имѣютъ или будутъ имѣть, обязуются быть въ послушаніи и служить (*famulatus et servicia exhibere sint astricti*) королю, его наслѣдникамъ и коронѣ польской на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ князь Ѳедоръ по обычаю (*ab antiquo*) служилъ Любарту, князю Владимірскому ⁴⁾). Какъ извѣстно, послѣ при-

¹⁾ *Konieczny, Przecodn.*, 1892, IX, 771 и сл.

²⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 6. Выяснѣ съ тѣмъ, какъ выяснилась судьба Волынскаго наслѣдія послѣ смерти Любарта въ смыслѣ выморочнаго владѣнія литовскихъ господарей, наслѣдники Любарта, естественно, должны были отказаться отъ всякихъ притязаній на Любартовское наслѣдіе, въ томъ числѣ и отъ правъ на „отчизну и служебные“ (*regicia*) князей Острожскихъ, что, какъ мы уже знаемъ, вызвало извѣстный привилей Любартовичей (вдовы Любарта и его сыновей—Ѳедора, Лазаря и Семена), обязавшихся „не уступатися у его (Ѳедора Даниловича) отчизну и у его служебные“ (*Arch. Sang.*, I, стр. 8).

³⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 20. Непосредственное подчиненіе Ѳедора Даниловича Острожскаго Витовту доказывается также другими современными актами. Въ привилей Витовта евремъ 1388 г. въ числѣ „свѣтковъ“ на первомъ планѣ стоитъ „князь Ѳедоръ, воевода Луцкій, будущій того часу“; здѣсь Острожскій князь является членомъ рады Витовта (*A. Z. P.*, I, стр. 26). Первымъ между такими же „сведками“ является Ѳедоръ Острожскій и въ привилей, данномъ Витовтомъ въ 1393 г. луцкимъ доминиканамъ (*Grabowski i Przesdsiocki, Źródła*, I, p. 150). также въ листѣ Витовта крестоносцамъ 1403 г. (*Sokolowski—Szujski, Cod. epist. saec. XV, t. I, p. 23—24*).

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 5. Въ присяжномъ листѣ Ѳедора Даниловича, данномъ имъ въ томъ же 1386 г. въ качествѣ Луцкаго намѣстника, не говорится вовсе о послушаніи и службѣ коронѣ польской (*ibid.*, стр. 7).

нтія Владиславомъ польской короны всѣ литовско-русскіе князья и папы обязывались, въ особыхъ присяжныхъ листахъ, присягой „послушанія и службы“ не только королю, но и коронѣ польской; но отъ подобной службы до непосредственной зависимости „отъ Польши“ было еще весьма далеко. Формулой „службы коронѣ польской“ намѣчались въ актахъ конца XIV столѣтія лишь первые опыты новаго направленія польско-литовской политики,—опыты, повторявшіеся затѣмъ не разъ и приведшіе въ результатѣ чрезъ полтора вѣка къ Люблинской уніи ¹⁾). Въ такомъ же смыслѣ нужно, конечно, понимать и ту „службу“ коронѣ польской со стороны острожскаго князя, о какой идетъ рѣчь въ привилеѣ 1386 г. Служба эта не даетъ никакихъ основаній заключать ни о подчиненіи острожскихъ князей „Польшѣ“, ни объ утвержденіи въ Острожскомъ княжествѣ при Владиславѣ польскихъ административныхъ порядковъ, а тѣмъ менѣе о введеніи въ немъ права польскаго, будто бы замѣнивашаго собой дѣйствовавшее въ княжествѣ до тѣхъ поръ, общее всѣмъ русское право.

Дѣло въ томъ, что какъ предположеніе о „придачѣ“ Огдору Даниловичу цѣлаго ряда Острожскихъ волостей въ видѣ новаго пожалованія, такъ и мысль о введеніи при Владиславѣ въ Острожскомъ княжествѣ польскаго права, сложились въ польской исторической литературѣ подъ влияніемъ показанія Кромера, какъ сказано выше, неправильно суммировавшаго въ инвентарѣ королевскаго архива содержаніе привилея Владислава 1386 г. Въ своей регистровкѣ архивныхъ актовъ Кромеръ приводитъ подъ 1386 г. привилею короля Владислава и Витовта о пожалованіи Огдору Даниловичу, князю Острожскому, замка Острога и тянувшихъ къ нему волостей „cum libertate terrigenarum regni Poloniae“ ²⁾). Изъ показанія Кромера дѣйствительно оказывается, что при пожалованіи Огдору Даниловичу Острожскихъ волостей „земяне“ Острожскаго княжества получили если не польское право, то во всякомъ случаѣ „вольности“ (libertates), какими въ то время пользовались земяне въ королевствѣ Польскомъ. Но дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ подлиннаго текста упомянутого привилея ³⁾, въ послѣднемъ рѣчь идетъ исключительно лишь о

¹⁾ *Даниловичъ*, Monogr., I, 230—231.

²⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., II, 163, прим. 233, лит. b.

³⁾ Привилея 1386 г. изданъ лишь въ сравнительно недавнее время (въ сборникахъ: *Arch. Sang.*, I, № 6, и *Sokolowski—Szujski*, Codex epistol., № 8) и потому подлинный его текстъ могъ быть неизвестенъ прежнимъ историкамъ—Стадницкому

„вольностей“ и правах острожскаго князя,—нѣтъ ни малѣйшаго намека на польское право и какія бы то ни было вольности острожскихъ земель. Для болѣея наглядности приведемъ въ параллели латинскій текстъ привилея 1386 г. и по возможности точный его переводъ:

„Statuimus et facimus predictum ducem Feodor Danielovicz et ipsius heredes et successores legitimos supra dictum castrum Ostrog et districtus ad idem castrum pertinentes in eadem libertate, sicut alii terrigene nostri regni Polonie iusti et veri heredes et perpetui possessores ita, sicut addiderat pater noster, dux magnus Lubarth, parti ipsius Daniel, duci in ipsius castro Ostrog, theloneum tvurthoye ¹⁾ a solenoye mito, theloneum salis in Luczko, et nos ei damus et confirmamus perpetualiter“ (Arch. Sang., I, стр. 6—7).

Устапвляемъ и назначаемъ (предоставляемъ) вышесказанному князю Фёдору Даниловичу, его наследникамъ и потомкамъ надъ упомянутымъ замкомъ Острогомъ и принадлежащимъ къ нему округомъ какъ вольности (права), какими пользуются другіе земляне (напы) въ нашемъ королевствѣ Польскомъ, въ значеніи законныхъ и дѣйствительныхъ отчичей (heredes) и наследственныхъ владѣльцевъ, такъ и (права) предоставленныя отцомъ нашимъ, великимъ княземъ Любартомъ, его (Фёдора Даниловича) отцу Даниилу—на пошлину съ товаровъ и соли въ его замкѣ Острогѣ и на пошлину съ соли въ Луцкѣ,—и мы (всѣ эти вольности) ему (Фёдору Даниловичу) даемъ и утверждаемъ навсегда (вѣчно).

Въ привилеѣ Владислава не разъясняется подробно сущность „вольностей“ польскихъ земель, предоставленныхъ Острожскому князю. По всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ Владиславъ сдѣлалъ первый опытъ того уравненія вотчинныхъ и служебныхъ правъ магнатовъ литовско-русскихъ и польскихъ, которое вскорѣ получило широкое

и Стецькому. Въ своемъ положеніи о пожалованіи въ 1386 г. Фёдору Даниловичу Острога и его волостей „на польскомъ правѣ“ они могли основываться лишь на показаніи „инвентаря“ Кромера. Новѣйшій изслѣдователь исторіи Волыни, Андрияшевъ, очевидно, принялъ на вѣру вышеприведенное положеніе польскихъ историковъ, не проверивъ его съ подлиннымъ текстомъ памятника. Последній помѣщенъ въ сборникѣ Соголовскаго и Шуйскаго, изд. въ 1876 г., и въ Архивѣ Сангушкоть, изд. въ 1887 г.; наследованіе г. Андрияшева появилось въ печати въ 1888 году.

¹⁾ Издатели „Архива Сангушкоть“ полагаютъ, что выраженіе: „tvurthoye“ есть двогноје. Подъ theloneum и мыто въ старыхъ памятникахъ разумѣлась не просто дань или сборъ съ дворовъ и пр., а таможенная пошлина, стоявшая въ связи съ торговлей, особенно съ „гостьбой“. Въ данномъ случаѣ, быть можетъ, рѣчь идетъ вообще о торговой „товарной“ пошлинѣ или „воротномъ“, взимавшемся при провозѣ товаровъ чрезъ городскія ворота.

развитіе на основаніи извѣстныхъ земскихъ привилеевъ¹⁾. Можно думать, что подъ „вольностями“, о какихъ идетъ рѣчь въ привилееѣ 1886 г., разумѣлись признанныя за княземъ Острожскимъ полныя владѣтельные права на его удѣль, безъ всякихъ ограниченій въ пользу территоріальныхъ правъ литовскаго господаря. Земельныя пожалованія послѣдующаго времени, очевидно, на основаніи такихъ „вольностей“ даются князьямъ Острожскимъ „вѣчно (у вѣки), ближнимъ и щадкамъ“, „cum omni iure dominio et proprietate habendi, tenendi, utifruendi, pacifice et quiete possidendi, vendendi, commutandi, obligandi, alienandi et in suos suorumque successorum usus et commoditates beneplacitas convertendi, prout sibi et sui successoribus melius et utilius videbitur convertendi, perpetuo in evum“²⁾.

Какъ видно изъ источниковъ, князья Острожскіе до позднѣйшаго времени пользовались обычными правами удѣльныхъ владѣтелей. Они даютъ монастырямъ, церквамъ, служилымъ людямъ и частнымъ лицамъ такія же жалованныя грамоты, листы и привилеи, какъ и великіе князья литовскіе³⁾. Въ отношеніи къ населенію своего княжества острожскіе князья считались господарями⁴⁾; „послушаніе“ князьямъ Острожскимъ составляло общую обязанность всего населенія княжества—землянъ, мѣщанъ, слугъ и всѣхъ „людей“⁵⁾. Спеціальная служба въ значеніи военной „выправы“ лежала въ особенности на землянахъ, пангахъ и служилыхъ людяхъ, получавшихъ отъ острожскихъ князей имѣнія подъ такими же условіями „службы“, подъ какими великіе князья литовскіе обыкновенно раздавали боярамъ и панамъ имѣнія изъ господарскихъ волостей⁶⁾. Въ источникахъ упоминаются бояре

¹⁾ Zbiór praw lit., p. 1. Skarbiec, № 589, 1025 и др. Ср. Антонович, Моногр., I, 290—291.

²⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 29. Arch. Sang., I, стр. 114. Ср. ibid., II, 20, 116, 117. А. З. Р., II, № 138 и пр. Въ актахъ находимъ лишь немногіе случаи пожалованій въ „доживотье“, напримѣръ, „до двухъ животовъ“—князя и его сына (А. З. Р., II, № 118).

³⁾ А. З. Р., II, №№ 96, 105, 157. Arch. Sang., I, №№ 40, 64 и др. Въ 1522 г. король Сигизмундъ предоставилъ князьямъ Острожскимъ „воскомъ черленнимъ всякіе листы свои печатовати, до насъ господаря своего, або до кого когже будетъ о чемъ писати, по тому яко иншіи княжата наши черленнимъ воскомъ печатають“ (А. З. Р., II, № 115).

⁴⁾ См., напримѣръ, Arch. Sang., I, № 59.

⁵⁾ Ibid., №№ 141, 148 и др.

⁶⁾ Въ 1466 г. панъ Янко Чапличъ получилъ отъ князя Ивана Васильевича Острожскаго дворъ Межирѣчье и обязался: „имаю князю его милости с того

и дворяне князей Острожских¹⁾, воеводы²⁾, маршалки³⁾, подскарби⁴⁾, служилые люди (слуги), разные урядники⁵⁾ и вообще княжескій дворъ, по личному составу вполне однородный съ дворомъ великихъ князей литовскихъ. Въ свою очередь, князья острожскіе очень рано (уже при Владиславѣ-Ягеллѣ, въ 80-хъ годахъ XIV столѣтія) стали занимать высокіе земскіе уряды—намістниковъ, воеводъ и т. д.⁶⁾. Какъ видно изъ „пописа“ волинскихъ земель 1528 г., князья Острожскіе по прежнему сохраняли значеніе „головныхъ“ князей на Волини, вовсе не числились въ составѣ мѣстныхъ земель⁷⁾. До и послѣ Люблинской уніи не могло безслѣдно исчезнуть упрочившееся за князьями Острожскими значеніе самостоятельныхъ удѣльныхъ владѣтелей.

Родъ князей Острожскихъ прекратился въ началѣ второй четверти XVII столѣтія⁸⁾. По праву „близкости“ Острожскія владѣнія перешли къ князьямъ Заславскимъ, владѣльцамъ старой „дѣльницы“ Острожскаго княжества, отдѣлившейся отъ него, какъ раньше замѣчено, въ половинѣ XV столѣтія и образовавшей съ тѣхъ поръ отдѣльное княжество. Заславъ (на р. Горыни, ниже Острога), бывший столыннымъ центромъ этого княжества, упоминается въ лѣтописи довольно

имѣнья служить вѣчно до моего живота и дѣти моѣ мають его дѣтемъ служить вѣчно; а не имаю отхилеи быти никуды с тымъ имѣнемъ отъ его отчипы отъ Острога; а не имаю ни продати ни отдати ни замѣнити ни по души дати, нежли маю князю его милости с того вѣчно служить до моего живота и дѣти моѣ послѣ моего живота имають его дѣтемъ служить вѣчно.. а коли быхъ я хотѣлъ отъ князя его милости прочъ ѣхати, а любо дѣти мое не хотѣли бы его дѣтемъ служить, тогда я и дѣти моѣ мають ѣхати куды хотятъ, а той дворъ Межирѣчье маєт князя его милости вѣчно быт и его дѣтей“ (Arch. Sang., I, № 64. Ср. *ibid.*, №№ 88—90 и пр.).

¹⁾ Arch. Sang., I, № 52; III, 55, 388, 398; IV, 40, 47, 140, 257, 329, 367, 552.

²⁾ См., напримѣръ, Arch. Sang., I, № 59.

³⁾ *Ibid.*, I, № 59; IV, 46, 277, 315, 475, 477.

⁴⁾ *Ibid.*, IV, 45, 284, 380, 417.

⁵⁾ *Ibid.*, I, № 55, 60; III, 55, 179, 203; IV, 15, 31, 40, 46, 47 и пр.

⁶⁾ Федоръ Даниловичъ былъ намістникомъ луцкимъ въ 1386 г. (Arch. Sang., I, № 7). Константинъ Ивановичъ Острожскій въ 1491 г. занималъ уряды „пана виленскаго, гетмана господарскаго, старосты лудскаго, brasлавскаго и винницкаго, маршалка земли Волинской“ (*ibid.*, № 100).

⁷⁾ Arch. Sang., III, 323—325.

⁸⁾ Послѣдніе представители дома Острожскихъ князья Лнушь и сынъ его Александръ умерли въ 1629 г. (*Stecki, Wolyń*, I, стр. 311—313. *Максимовичъ*, Собр. сочин., I, стр. 190—192. *Baliński, Star. Polska*, 2-е изд., III, 126—128. *Sulimierski, Słownik geogr.*, IV, 432. *Niesiecki, Herbarz*, VII, 175).

поздно, во время Батыева нашествія на Южную Русь ¹⁾. Въ привилеіи Владислава и Витовта, данномъ ими въ 1386 г. Федору Даниловичу на потомственное владѣніе Острожскимъ княжествомъ, Заславъ упоминается въ числѣ Острожскихъ волостей, какими владѣлъ еще князь Данииль ²⁾. Касательно времени отдѣленія Заславскаго удѣла въ особое княжество не сохранилось точныхъ, документальныхъ свѣдѣній. Изъ одного акта 1448 г. ³⁾ видно, что въ это время уже были если не вполнѣ, то частью намѣчены „дѣльницы“, изъ коихъ затѣмъ образовались два особые удѣла — собственно Острожскій и Заславскій, отдѣлившійся отъ перваго въ значеніи отдѣльнаго княжества. Окончательное выдѣленіе послѣдняго могло имѣть мѣсто лишь не раньше смерти (октябрь 1450) ⁴⁾ Василя Федоровича Краснаго, послѣдняго Острожскаго князя, владѣвшаго своимъ княжествомъ въ полномъ территориальномъ его составѣ. По „дѣлу“ (при жизни ли Василя Краснаго и по его волѣ, или же послѣ его смерти, — съ точностью неизвѣстно) между сыновьями Василя Краснаго, Иваномъ и

¹⁾ „И приде (Батый) Каменцю Изаславию (и Заславию), взять я“ (Ипатьевск. лѣт., 523). Стрыйковскій, впрочемъ, относитъ Заславъ къ числу городовъ, отданныхъ въ 1100 г. въ удѣлъ Давиду Игоревичу по рѣшенію князей на Витчевскомъ съѣздѣ (Кгон., I, 179); но это показаніе не согласуется съ сообщеніемъ лѣтописи о составѣ удѣла Давида только изъ трехъ городовъ: Острога, Дубно и Черторыска (Ипат. лѣт., 180). Полагаютъ, что Волынскій Заславъ основалъ кѣмъ-то изъ русскихъ князей; нѣкоторые исследователи указываютъ на кіевскаго князя Изаслава, какъ основателя этого города (*Stęcki, Wołyń, I, 309*).

²⁾ Arch. Sang., I, стр. 6. *Boniecki*, 405.

³⁾ Arch. Sang., I, стр. 44; *Rulikowski i Radsimiński, Kniaziowie, 63—64*. Этотъ актъ — листъ Юрія Васильевича, князя Острожскаго, о продажѣ брату своему князю Ивану Острожскому Ивановской „дѣльницы“, доставшейся первому „въ дѣлу“ съ братомъ. Въ „Архивѣ“ этотъ листъ имѣетъ датой индиктъ 71 — 1448 г., у Руликовского — тотъ же индиктъ (XI), но переведенный на 1463 г. Последнюю дату индиктала Архива считаютъ подлинной, въ виду того, что отецъ упомянутыхъ князей, Василій Красный, умеръ послѣ 1448 г.; трудно допустить, чтобы сыновья его, еще при жизни отца, владѣли своими особыми удѣлами, а тѣмъ менѣе одинъ изъ нихъ могъ еще при отцѣ продать другому часть полученнаго удѣла (*Arch., I, стр. 160*). Намъ кажется, что Василю Красному могъ еще при жизни своей намѣтить „дѣльницы“, которыя по его смерти должны были перейти къ его сыновьямъ; каждый изъ нихъ могъ затѣмъ при отцѣ же владѣть частью своей будущей дѣльницы и распоряжаться этой частью по своему усмотрѣнію, — могъ, слѣдовательно, и продать ее брату при жизни же отца. Во всякомъ случаѣ, едва ли слѣдуетъ безъ особой нужды измѣнять дату, одинаково обозначенную въ обоихъ изданныхъ текстахъ „индиктомъ 71“ — 1448 г.

⁴⁾ *Rulikowski, Kniaziowie, 59*.

Юрьемъ, княжество Острожское разбилось на двѣ „дѣльницы“ (удѣла), которыя съ половины XV столѣтія составили отдѣльные княжества: собственно Острожское, оставшееся во владѣніи Ивана Васильевича и его потомковъ (до прекращенія ихъ рода въ началѣ XVII столѣтія), и Заславское, перешедшее въ потомственное владѣніе Юрія, другаго сына Василя Краснаго ¹⁾. Не существуетъ также точныхъ свѣдѣній о территориальномъ составѣ Заславскаго княжества, ни въ моментъ отдѣленія его отъ Острога, ни въ послѣдующее время. Извѣстно только, что въ составъ Заславской дѣльницы вошелъ было, кромѣ Заслава, Иванинъ съ его волостью; вскорѣ, впрочемъ, Иванская „дѣльница“ отошла опять (путемъ купли-продажи) къ Острожскому удѣлу ²⁾. Затѣмъ изъ актовъ начала XVI столѣтія видно, что „мыто“ Острожское и Луцкое, которымъ владѣлъ еще князь Даниилъ (почему мыто Луцкое еще въ XVI вѣкѣ называлось „Даниловщиной“) ³⁾, отошло (первое—въ „половинѣ“, второе, повидимому, полностью) къ князьямъ Заславскимъ ⁴⁾. Затѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что князья Заславскіе, подобно Острожскимъ, получали за „службу“ земельныя пожалованія отъ литовскихъ государей ⁵⁾. Особенно же

¹⁾ *Rulikowski i Radziwiński, Książowie i szlachta*, 60. *Stecki, Wołyń*, I, 308. Стецкий ошибочно полагаетъ, что Острогъ съ волостями достался князю Федору Васильевичу (вмѣсто Ивана Васильевича). Кромѣ традицій объ общемъ происхожденіи князей Острожскихъ и Заславскихъ, существуютъ еще явно вымышленныя родословныя, по которымъ родъ князей Заславскихъ на Волыни, по своему происхожденію, не имѣетъ ничего общаго съ родомъ князей Острожскихъ. Нѣкоторые (*St. Trembicki, Chronolog. Synoptica*) выводятъ родъ Заславскихъ отъ никогда не существовавшаго литовскаго князя Василя-Корыбута (ср. *Wolff, Rod Ged.*, 152); другіе (старые польскіе геральдики—до Песенцаго) смѣшиваютъ князей Заславскихъ, Литовскихъ и Волынскихъ и производятъ ихъ то отъ Ольгерда, то Гедимина (*Stecki, Wołyń*, I, 308). Стрыйковскій, производящій Заславскихъ на Волыни отъ одного корня съ Острожскими, замѣчаетъ, однако, въ одномъ мѣстѣ своей хроники, что будто бы Витовтъ, отобравши Смоленскъ у Юрія Святославича Смоленскаго, далъ ему „z ławki“ Заславъ на Волыни,—отъ него и пошли князья Заславскіе (*Хрон.*, II, 110).

²⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 44.

³⁾ *Ibid.*, стр. 133.

⁴⁾ *Ibid.*, I, стр. 133; II, 201.

⁵⁾ Примѣръ такихъ пожалованій представляетъ имѣніе Дворецъ въ Кременецкомъ повѣтѣ, данное въ 1501 г. великимъ княземъ Александромъ князю Ивану Юрьевичу Заславскому (*ibid.*, I, стр. 122). Изъ описи Кременецкаго замка въ половинѣ XVI столѣтія видно, что въ Кременецкомъ повѣтѣ числилось за князьями Заславскими обширное имѣніе—„выслуга“, въ Кузьминской волости; имѣніе состояло изъ двухъ главныхъ частей—Дворца и замка Зубовцы съ 11 селами, тянувшими въ Кременецкому замку (*Памятн.*, IV, 2 отд., стр. 199—200, 229—230).

важнымъ приобрѣтеніемъ князей Заславскихъ, сразу поднявшимъ ихъ роль и значеніе въ ряду другихъ волынскихъ князей и землянъ, было присоединеніе къ Заславщинѣ, въ концѣ 20-хъ годовъ XVII столѣтія, по праву „близкости“, обширныхъ владѣній прекратившагося рода князей Острожскихъ ¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что князья Заславскіе наслѣдовали общія владѣтельные права рода Острожскихъ. Особый титулъ „Заславскихъ“ (Жаславскихъ или Жославскихъ) князей находимъ въ первыхъ же актахъ послѣ отдѣленія Заславской „дѣльниці“ отъ Острожскаго княжества ²⁾. Встрѣчаемъ также двойной титулъ— „князей Заславскихъ и Острожскихъ“, особенно послѣ присоединенія къ Заславу Острожскихъ владѣній ³⁾; позже князья Заславскіе пользовались обычнымъ титуломъ: „князья зъ Острога на Заславу“ ⁴⁾. Территориальныя права князей Заславскихъ на ихъ удѣлъ были тѣ же, что и князей Острожскихъ ⁵⁾. Подобно всѣмъ удѣльнымъ князьямъ, князья Заславскіе распоряжались по своему усмотрѣнію не только земельными владѣніями, составлявшими ихъ „отчину“, но и принадлежавшими имъ финансовыми правами на дани, мыто и пр. Изъ одного акта начала XV столѣтія видно, что „мыто“ Острожское и Луцкое, наслѣдованное еще отъ времени Данила Острожскаго, было отдано въ концѣ XV или началѣ XVI столѣтія княземъ Заславскимъ „въ заставу“ жиду Луцкому Легоновичу ⁶⁾.

Со второй четверти XVI столѣтія князья Заславскіе, наравнѣ съ другими удѣльными князьями на Волыни, вошли въ общій составъ мѣстныхъ „землянъ“, утратили бывшее значеніе удѣльныхъ владѣтелей ⁷⁾. Въ концѣ третьей четверти слѣдующаго столѣтія, съ смертью

¹⁾ *Stecki*, *Wołyń*, I, 313.

²⁾ Князь Юрій Васильевичъ, напримѣръ, подписался „княземъ Заславскимъ“ на одномъ актѣ 1455 г. (*Niesiecki*, *Herb.*, X, 91. *Stecki*, *Wołyń*, I, 309. Ср. А. Ю.-З. Р., I, № 234. *Arch. Sang.*, I, стр. 53, 62, 77 и пр.).

³⁾ *Stecki*, *Wołyń*, I, 313. Памятники, IV, стр. 108.

⁴⁾ *Niesiecki*, *Herb.*, X, 91. *Baliński*, *Star. Polska*, III, 104. *Arch. Sang.*, II, 101, 200.

⁵⁾ Въ 1501 г. было пожаловано князю Ивану Юрьевичу Заславскому имѣніе въ Кременчугскомъ повѣтѣ на такомъ же положеніи, какъ и ихъ отчина,— „вѣчно, непорушно, ему, его дѣтямъ и потомъ будущимъ ихъ щадкомъ“, со всѣми „данями, доходами и податями“, съ правомъ „отдать, продать, замѣнить, прибавить“ и пр. (*Arch. Sang.*, I, стр. 122. Ср. А. Ю.-З. Р., I, № 234).

⁶⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 133.

⁷⁾ Въ „пописѣ“ земель волынскихъ 1528 г. князья Заславскіе занимаютъ послѣ Чарторьскихъ первое мѣсто; за ними уже идутъ Сангумки, Вилшевскіе и др. (*Arch. Sang.*, III, стр. 323).

(около 1673 года) послѣдняго Заславскаго князя Александра (сына князя Владислава-Доминика), окончательно прекратился на Волыни родъ князей Острожскихъ. Старая Острожчина и Заславщина, по браку дочери послѣдняго Заславскаго князя, сдѣлались достояніемъ мѣстныхъ князей Любомирскихъ ¹⁾.

Кромѣ владѣній русскихъ князей Острожскихъ и Заславскихъ, въ Луцкой землѣ существовали въ литовскую эпоху владѣнія другихъ князей тоже несомнѣнно русскаго происхожденія. Таковы были князья *Четвертенскіе* ²⁾, носившіе позже также названіе *Святополковъ*. Главная ихъ „вотчина“, городъ (позже замокъ) Четверть (или Четвертня), на р. Стыри, южною притоку Припяти, раньше XV столѣтія не упоминается въ источникахъ ³⁾; тѣмъ не менѣе на болѣе раннее существованіе Четвертня указываетъ названіе ея владѣльцевъ по имени вотчины, встрѣчающееся въ памятникахъ второй половины XIV столѣтія ⁴⁾. Какъ видно изъ описи Луцкаго замка (1545

¹⁾ *Stecki, Wołyń, I, 309, 315.* Въ „помянникѣ“ князей Острожскихъ и Заславскихъ, принадлежащемъ Дерманскому монастырю, находимъ запись о смерти послѣдняго представителя рода Острожскихъ: „князя Александра, который южъ *остатній* князя Остроже и Заславске, року „Джог преставися“ (Памяти. Киевск. Комм., IV, отд. I, стр. 108). О князьяхъ Заславскихъ см. Arch. Sang., I, стр. 44, 53 и пр.; III, 38, 59, 201, 398; IV, 13, 22, 30, 34, 78 и пр. Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, №№ 8, 10, 11, 15, 19. *Boniński, 405—411.*

²⁾ Такъ называются эти князья во всѣхъ старыхъ памятникахъ. Лишь позже они стали именоваться Четвертынскими (*Czetwertynski*). Позднѣйшему же времени принадлежитъ и „*przydomek*“ — Святополки (*Światopełk*). Послѣдній титулъ услоенъ Четвертенскими не раньше XVI и даже XVII вѣка, именно съ того времени, когда въ средѣ литовско-русскихъ князей и инновъ, какъ мы уже знаемъ, развилась было сильная династическія тенденціи (см., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 266, 395, 347). Подъ влияніемъ общаго настроенія и Четвертенскіе могли принять громкое имя Святополковъ, чтобы придать своему роду больше значенія указаніемъ на древности его княжеской родословной (См. *Jabłonowski, Źródła, VI, стр. LXVIII. Baliński, III, 46*). Наименованіе Четвертенскихъ Святополками имѣетъ такую же историческую достовѣрность, какъ и наименованіе Сангушковъ Любартовичами.

³⁾ Въ спискѣ поселеній въ Луцкой землѣ, до конца XIV вѣка, составленномъ *Андрияшевымъ* (Очеркъ ист. Волыиск. земли, 61—84), не находимъ Четвертня.

⁴⁾ Собственно замокъ Четверть устроенъ въ позднѣйшее время. Одинъ изъ князей Четвертенскихъ въ XVI вѣкѣ перенесъ свою резиденцію въ одно изъ со-сѣднихъ поселеній, въ Боровичи, и устроенный здѣсь замокъ названъ „Новой“ Четвертней или Четвертью; прежній центръ удѣла сталъ съ этихъ поръ называться „Старой Четвертней“ (*Baliński, Star. Polska, III, 46*). Въ описи замковъ

года), къ послѣднему тянули, кромѣ Четвертни, и другія „прадѣдовскія, дѣдовскія и вотчинныя имѣнія“ князей Четвертенскихъ. Изъ такихъ имѣній упоминается: Вышковъ, Лютогощи, Лукомъ, Хлапотинъ, Яровица (подъ Луцкомъ) и Голузія ¹⁾. Къ выслугамъ этихъ князей принадлежали: Рогачовскъ (Луцкаго повѣта) и Козлово (Владимірскаго повѣта). Въ Кременецкомъ повѣтѣ къ такимъ выслугамъ принадлежали: Зубовцы ²⁾ и Антоновцы, съ цѣлымъ рядомъ тянувшихъ къ нимъ селъ и дворовъ—Стожекъ, Туловцы и др. ³⁾. Въ 1514 году князьямъ Четвертенскимъ было пожаловано во Владимірскомъ повѣтѣ въ значеніи „выслуги“ имѣніе, конфискованное у князя Глинскаго послѣ измѣны и ухода его въ Москву, Уйма и Цевеличи ⁴⁾. Изъ актовъ 20-хъ годовъ въ XVI столѣтіи и описи Владимірскаго замка, 1545 года, также видно, что къ старымъ выслугамъ князей Четвертенскихъ принадлежало „мѣсто“ Локачи (между Владиміромъ и Луцкомъ), отошедшее во второй половинѣ XVI столѣтія во владѣніе Сангушковъ ⁵⁾. Выслуги давались князьямъ Четвертенскимъ, какъ и другимъ князьямъ того времени, большею частію, на полномъ вотчинномъ правѣ—„вѣчно и непорушно, со всемъ правомъ и панствомъ и властью“ и пр. ⁶⁾. Нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы

Луцкой земли 1545 г. замокъ „Четверть“, повидимому, также отличается отъ „Четвертни“ (Памяти. Кіевск. Комм., IV, отд. 2, стр. 180, 183. Ср. также *Źródła dziejowe*, VI, стр. 81—82, 85). На древность Четвертни указываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что мыто въ ней бралось еще по установленію Витовта (*Źródła*, VI, 61).

¹⁾ Памяти., IV, отд. 2, стр. 151—152, 185.—(О „вотчинныхъ имѣніяхъ“ князей Четвертенскихъ см. *ibid.*, стр. 89, 108—109. *Boniński*, 37—40. —По имени отчима Вышковъ князя Четвертенскіе назывались также князьями Вышковскими (*Boniński*, 38).

²⁾ Зубовцы (Кузьминской волости) пожалованы Четвертенскимъ въ 1496 г. (*Arch. Sang.*, I, стр. 130). Первоначально „пустошь“, Зубовцы къ половинѣ слѣдующаго столѣтія разрослись въ обширное имѣніе съ замкомъ и 11-ю селами и въ такомъ составѣ, вѣроятно, путемъ продажи перешли во владѣніе князей Заславскихъ (Памятники, IV, отд. 2, стр. 229—230. *Boniński*, 38).

³⁾ Памяти., IV, отд. 2, стр. 208, 223. Ср. *Źródła*, VI, 97.

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 60. Въ описи Кременецкаго замка 1545 г. изъ этихъ двухъ поселеній составилось одно: въ изданіи Яблоновскаго—„*Uimcelewiczi*“, въ Памятникахъ Кіевск. Комм.—Уймцалевичи“ (*Źródła dziejowe*, VI, стр. 85. Памят., IV, отд. 2, стр. 183). Въ одномъ изъ позднѣйшихъ актовъ (1695 г.) опять восстанавлиются старыя поселенія: Уйма, два Цевеличи (Памяти., I, отд. 2, стр. 87—88).

⁵⁾ *Archiv. Sang.*, III, стр. 350. *Źródła*, VI, стр. 85. Памяти., I, отд. 2, стр. 67—68; IV, отд. 2, стр. 83. Ср. *Bakiński*, *Star. Polska*, III, 65. *Boniński*, 38.

⁶⁾ См., напримѣръ, А. Ю.-З. Р., I, № 60. *Arch. Sang.*, I, стр. 181 и пр.

въ старое время князья Четвертенскіе, подобно другимъ удѣльнымъ князьямъ, владѣли своими имѣніями по „дѣльницамъ“¹⁾. Въ составъ „вотчинныхъ“ правъ князей Четвертенскихъ, по старымъ удѣльнымъ обычаямъ, входило, между прочимъ, право взиманія „мыта“ (таможенныхъ пошлинь) въ своихъ владѣніяхъ,—одно изъ владѣтельныхъ правъ старыхъ удѣльныхъ князей, удержавшееся за князьями Четвертенскими, какъ и за другими „головными“ князьями, еще въ пору описи Волинскихъ замковъ (въ половинѣ XVI столѣтія), когда мѣстные князья, въ томъ числѣ и Четвертенскіе, уже отошли въ рядъ „землянъ“²⁾.

Принадлежность князей Четвертенскихъ къ потомкамъ старыхъ удѣльныхъ князей чисто русскаго („варяжскаго“, по выраженію Бартошевича и Яблоновскаго) происхожденія можно считать положеніемъ безспорно принятымъ въ наукѣ. Что касается, затѣмъ, вопроса о ближайшемъ родѣ князей русскихъ, отъ котораго ведутъ свое начало князья Четвертенскіе, то въ этомъ случаѣ едва ли есть возможность дать вполне удовлетворительный отвѣтъ, который бы точно указывалъ на подлиннаго родоначальника князей Четвертенскихъ. Съ голоса старыхъ польскихъ геральдиковъ, опиравшихся главнымъ образомъ на усвоенный Четвертенскими „przydomek“ Святополковъ (см. выше), большинство изслѣдователей полагаетъ, что князья Четвертенскіе принадлежатъ къ роду великаго князя кievскаго Святополка Изяславича³⁾. Бартошевичъ, одинъ изъ извѣстныхъ знатоковъ литовско-русской старины, давно уже высказался съ полной основа.

¹⁾ Въ описи Луцкаго замка 1545 г. находимъ, впрочемъ, указанія на то, что хотя въ это время князья Четвертенскіе утратили бывшее значеніе удѣльныхъ владѣтелей, но все-таки у нихъ практиковался еще старый обычай удѣльнаго владѣнія по дѣльницамъ. Замковая служба (устройство „городень“ и пр.) от правлялась Четвертенскими не вмѣстѣ, но двумя отдѣльными группами. Князья Андрей и Матей съ матерью, княгиней Федоровой, строили и содержали городня своими особыми имѣніями, отдѣльно отъ князя Ивана. Точно также имѣніе Голузинъ составляло владѣніе только Андрея и Матеея съ матерью (Памятн., IV отд. 2, стр. 42, 73, 108—109, 185).

²⁾ Памятн., IV, отд. 2, стр. 130.

³⁾ *Niesiecki*, Herb., III, 225 и слѣд. *Baliński*, Star. Polska, III, 46. Для примѣра укажемъ на одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей, Яблоновскаго, который полагаетъ, что Четвертенскіе—того же происхожденія, что и князья Острожскіе съ Заславскими, подобно послѣднимъ берутъ свое начало отъ князей Турово-Пинскихъ, будто бы прямыхъ потомковъ великаго князя кievскаго Святополка Изяславича (*Źródła dziejowe*, VI, стр. LXVIII).

тельность противъ традиціи, развитой старожителемъ, не утратившей своего кредита въ глазахъ современнаго '). Намъ кажется, въпрочемъ проф. В. Б. Антоновичъ, странно мнѣніемъ, что князья Четвертевскіе—и князья, признавшихъ надъ собой власть князя '). Указать на вѣдимаго родоначальника связующими звеномъ рода князья или нѣмкіе родомъ старыя русскія возможности, при полномъ недостаткѣ стовѣрныхъ данныхъ по этому вопросу, Александръ, упоминающійся въ XIV столѣтіи '), долженъ считаться начальникомъ, съ котораго началъ Князь Александръ является современно упоминается въ актахъ на второніи во Владимірѣ. Удѣльныя владѣнія, образовались еще при Личныхъ именно обстоятельствахъ пожалованія великаго князя Волывертенскій принадлежалъ къ тѣмъ которыхъ, по свидѣтельству Кбартъ въ разныхъ мѣстахъ не удалилъ изъ нихъ удѣловъ, чѣмъ въ этомъ вопросамъ ровне Оедора Любартовича источникъ какъ и о многихъ другихъ мѣстачекъ незначительнаго удѣла

1) Бартошевичъ указываетъ на кращеніи рода князей Святополкосто лѣтъ раньше занятія Волыни III, 369).

2) Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т.

3) Князь Александръ Четвертинскій, данной въ 1387—1388 г. Острожскимъ, Кобринскимъ и (Arch. Sang., I, стр. 11). Тотъ (Prochaska, Cod. epist., № 26

4) Kromer, L. IX, p. 308

мали участія въ дѣлахъ своей стралы и потому долго не упоминаются въ актахъ и мѣстныхъ лѣтописяхъ. Значеніе князей Четвертенскихъ, какъ видно изъ актовъ, стало подниматься лишь при Владиславѣ-Ягеллѣ, когда князья Четвертенскіе, вмѣстѣ съ Любартовичами и другими волинскими князьями, стали непосредственно подчиняться великимъ князьямъ литовскимъ—сначала Ягеллѣ, потомъ Витовту и послѣдующимъ государямъ Литовско-Русскаго государства. Поручная запись (1387—1388) Четвертенскаго и другихъ мѣстныхъ князей за Олехно ясно указываетъ на ихъ подчиненіе Владиславу-Ягеллѣ ¹⁾ Описъ Волинскихъ замковъ половины XVI столѣтія упоминаетъ объ „установленіи“ Витовта касательно взиманія мыта въ своихъ владѣніяхъ Четвертенскими и другими мѣстными князьями ²⁾; для нихъ было обязательно установленіе Витовта, какъ общаго ихъ государя. Какъ видно изъ актовъ, князья Четвертенскіе удерживали за собой старыя владѣтельные права до начала XVI столѣтія, когда они стали входить въ разрядъ „господарскихъ слугъ (служилыхъ людей), дворянъ и земль“ ³⁾. Въ описи Волинскихъ замковъ 1545 г. князья Четвертенскіе отнесены не къ „головнымъ“ или „меньшимъ“ князьямъ, но къ простымъ „повѣтникамъ“ ⁴⁾, то-есть, землянамъ, подлежащимъ общеземскимъ службамъ наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ и владѣвшимъ своими „дѣльницами“ на положеніи частныхъ вотчинъ и выслугъ.

Упомянемъ еще объ одномъ родѣ русскихъ князей, подчинявшихся въ старое время великимъ князьямъ литовскимъ, именно о князьяхъ *Друцкихъ*, имѣвшихъ въ Бѣлоруссіи владѣнія на общемъ положеніи удѣльныхъ князей и сдѣлавшихся (съ 80-хъ годовъ XV столѣтія) также владѣльцами въ Луцкой землѣ. Одинъ изъ представителей этой отрасли Друцкихъ, князь Богданъ Васильевичъ *Любецкій*, получилъ въ 1487 г., по завѣщанію своей тетки, Оедки Шилоничевой, ея вѣновное имѣніе—Любче (Любче) съ приселками (Доросынъ, Друзка, Залесцы и Козинъ-Островъ) въ „вотчину“; вотчина эта была затѣмъ утверждена королемъ Казимиромъ за княземъ Любецкимъ подъ условіемъ службы („а памъ нехай с того имени служит“) ⁵⁾,

¹⁾ Wolff, 119. *Jablonowski*, *Źródła*, VI, стр. LXVIII.

²⁾ *Źródła dziejowe*, VI, стр. 6. Памяти. Кіевск. Ком., IV, отд. 2, стр. 127, 130.

³⁾ Arch. Sang., I, стр. 130, 131; III, 323.

⁴⁾ *Źródła dziejowe*, VI, стр. 20 и пр.

⁵⁾ Arch. Sang., I, стр. 140—143. Любче и Доросынъ съ другими поселеніями въ Луцкомъ повѣтѣ были пожалованы въ вотчину въ 1451 г. Казимиромъ Ягел-

въ качествѣ не княжескаго удѣла, а лишь частнаго владѣнія, на общемъ вотчинно-служебномъ правѣ. Князья Любецкіе, основавшіеся на Волини съ конца XV столѣтія, съ первыхъ же поръ вошли въ составъ мѣстныхъ „землянъ“ и „господарскихъ дворянъ“, какъ они и именуются въ актахъ XVI столѣтія ¹⁾. Въ томъ же столѣтіи появляются въ качествѣ луцкихъ „землянъ-обывателей“ представители другихъ отраслей рода князей Друцкихъ, именно: князья Друцкіе—*Горскіе* и *Соколинскіе* (Сокольскіе), также безъ всякихъ владѣтельныхъ правъ, какими въ старое время пользовались въ Бѣлоруссіи князья Друцкіе ²⁾.

Въ составѣ Луцкихъ князей, причислявшихся съ XVI столѣтія къ мѣстнымъ „повѣтникамъ-землянамъ“, несомнѣнно были представители другихъ княжескихъ родовъ, первоначально пользовавшихся на Волини правами удѣльныхъ владѣтелей. Такими князьями, по всему видно, считались *Курцевичи* (Курчовичи, Курчи) ³⁾. Первые документальныя извѣстія объ этихъ князьяхъ и принадлежавшихъ имъ владѣніяхъ сохранились въ актахъ половины XV столѣтія. Въ 1451 году король Казимиръ Ягеллонъ далъ князю Михаилу Курцевичу подтвердительный привилей на владѣніе отчиной, состоявшей изъ нѣсколькихъ имѣній въ повѣтахъ Луцкомъ, Перемыльскомъ и

лономъ пану Оливару Шидовичу; послѣ его смерти имѣніе это перешло къ его женѣ въ качествѣ вѣна (*Balski*, III, 516). О Любчѣ, какъ главной вотчинѣ князей Любецкихъ, см. Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 11; Памяти. Кіевск. Комм., IV, отд. 2, стр. 82, 104. Изъ описи Луцкаго замка 1545 г. видно, что, кромѣ Любча, князьямъ Любецкимъ принадлежали еще имѣнія: Корче и Окорскъ (Памяти., IV, отд. 2, стр. 78, 88, 117—118; *Źródła*, VI, стр. 36, 38, 41, 50, 52, 57). Скорче и Корче, какъ кажется, разные наименованія одного и того же поселенія (Пам., стр. 78 и 88; *Źródła*, 36 и 41).

¹⁾ Arch. Sang., III, 24, 30, 323. Въ описи Луцкаго замка 1545 г. князья Любецкіе считаются простыми „повѣтниками“, то-есть, мѣстными (повѣтовыми) земле-владѣльцами—панами или землянами (Памяти., IV, отд. 2, стр. 78, 104 и др.). О волинскихъ князьяхъ Друцкихъ-Любецкихъ см. Памяти., I, отд. I, стр. 12, 204; Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 39, 176. *Wonięcki*, 165.

²⁾ *Wonięcki*, 165. Точныхъ свидѣній о владѣніяхъ этихъ князей мы не имѣемъ. О князьяхъ Друцкихъ-Горскихъ на Волини см. Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 39. Arch. Sang., III, 24, 400. О князьяхъ Соколинскихъ см. Памяти., I, отд. 2, стр. 9; IV, отд. 2, стр. 42, 74, 87, 108. Arch. Sang., III, 268; IV, 483. *Wonięcki*, 89, 322.

³⁾ Последнее наименованіе этихъ князей не встрѣчается въ документальныхъ актахъ. О „Курчахъ“ упоминаютъ польскіе гербовники, какъ о первоначальномъ наименованіи князей Курцевичей (*Niesiecki*, Herb., V, 452).

Владимірскомъ ¹⁾. Ничего неизвѣстно, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ приобрѣтены Курцевичами имѣнія, считавшіяся въ половинѣ XV столѣтія ихъ отчиной ²⁾. „Вотчиннымъ“, главнымъ имѣніемъ Курцевичей въ Луцкомъ повѣтѣ были: Буремель (Боремель, Выромля) на р. Стыри, ниже Луцка, и Новосельки (Новосельцы). Другой отчиной Курцевичей въ томъ же Луцкомъ повѣтѣ считались: Обзырь (Озбырь) и дворець Змищець. Какъ видно изъ актовъ, имѣніе это располагалось въ сѣверной части Луцкой земли, на рубежѣ съ Пинскимъ Полѣсьемъ, по сосѣдству съ удѣломъ Сангушковъ ³⁾. Затѣмъ, вотчинныя имѣнія Курцевичей находились въ Перемыльскомъ повѣтѣ (ниже Луцка)—Корсовъ и Сестратинъ (Стратинъ), какъ видно, не далеко отъ Буремля. Въ привилеѣ 1451 года, кромѣ того, упоминается въ числѣ вотчинныхъ владѣній Курцевичей дворець Новосельцы въ Владимірскомъ повѣтѣ ⁴⁾. Всѣ эти вотчин-

¹⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 29. Тотъ же привилеѣ помѣщенъ въ извлеченіи въ издѣльной монографіи *Вольфа* (Ród Geduz., 24), а также въ сочиненіи *Балинскою* (Staroż. Polska, 2-е изд., III, 515).

²⁾ Буремель, главный центръ владѣній Курцевичей, принадлежалъ къ числу поселеній, которыхъ касалось „установленіе“ Витовта о мытахъ на Волини; установленіе это подтверждено затѣмъ великими князьями Казимиромъ и Александромъ (Памяти. Кіевск. Комм., IV, отд. 2, стр. 124—126). Неизвѣстно, владѣли ли князья Курцевичи Буремель при Витовтѣ.

³⁾ Въ ревизіи пуць Пинскаго Полѣся, предпринятой въ половинѣ XVI столѣтія, упоминается принадлежавшее князю Михаилу Курцевичу имѣніе Обзырское съ селомъ Дрмжелинскимъ. Имѣніе это лежало близъ границы Луцкаго „ключа“ съ Пинскимъ Полѣсьемъ (Ревизія пуць, стр. 3, 12). Изъ одного акта начала XVI столѣтія (1509 г.) видно, что владѣнія князей Курцевичей (очевидно, Обзырское имѣніе) въ сѣверной Волини находились по сосѣдству съ волостью князей Сангушковъ: озеро Освятое, очевидно, лежавшее на границѣ владѣній Сангушковъ и Курцевичей, составляло общее ихъ владѣніе (Arch. Sang., III, 69).

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 29; *Baliński, Staroż. Polska*, III, 515. *Wolff, Ród, 24. Boniecki*, 168. О „вотчинныхъ имѣніяхъ“, принадлежавшихъ Курцевичамъ, см. Памяти. Кіевск. Комм., IV, отд. 2, стр. 117. О Буремлѣ (Боремлѣ) см. Памяти., I, отд. I, стр. 181; IV, отд. 2, стр. 86, 126, 129, 140. *Źródła dziejowe*, VI, 40, 61, 62, 67. О Новоселькахъ Луцкаго повѣта см. Памяти., II, отд. I, стр. 242—259—264; IV, отд. 2, стр. 77, 87, 114. *Źródła*, VI, 36, 41, 54, 116. Arch. Sang., I, стр. 64, 94. Объ Обзырѣ см. Памяти., IV, отд. 2, стр. 186; *Źródła*, 86; Ревизія пуць, стр. 3. О Корсовѣ и Сестратинѣ см. Памяти., IV, 90; *Źródła*, 43. На картѣ 1772 г., изд. Оргельбрандомъ въ приложеніи къ новому изданію *Балинскаю „Staroż. Polska“* (IV, 720), Буремель помѣченъ ниже Горохова, между Луцкомъ и Кременцемъ. На картѣ Андріяшева (стр. 232) Перемыль (съ Перемыльскимъ повѣтомъ) обозначенъ тоже между Луцкомъ и Кременцемъ, къ западу отъ Дубень.

ныя имѣнія князя Курцевича подтверждены литовскимъ господаремъ, „ничого на себѣ не вымѣняючи“, съ правомъ „полѣпшивати и разширивати и на новомъ корени посадити, вѣчно а непорушно, и его жонѣ и дѣтемъ и его ближнимъ и его щадкомъ“¹⁾). Кромѣ вотчинныхъ имѣній, князья Курцевичи владѣли также господарскими выслугами. Въ половинѣ XVI столѣтія къ такимъ выслугамъ относились: въ Луцкомъ повѣтѣ замокъ Ровенскій (Ровное и Ровно), на р. Устыи, притокѣ Горыни, между Клеванемъ и Корцемъ, къ востоку отъ Луцка²⁾, имѣніе Дрижелинское. въ сѣверной части Луцкой земли (около Обзыра)³⁾, и въ Пинскомъ повѣтѣ имѣнія Одрыжинское и Вудыжиное⁴⁾.

Происхожденіе князей Курцевичей съ точностью неизвѣстно. Составители старыхъ польскихъ гербовниковъ относятъ Курцевичей къ волынскимъ князьямъ русскаго происхожденія, не признають ихъ потомками литовскихъ князей⁵⁾. Въ позднѣйшее время, когда Курцевичи, подобно Сангушкамъ, Четвертепскимъ и Вишневецкимъ, усвоившимъ особые „*przudomki*“ Любартовичей, Святополковъ и Корыбутовъ, стали называться „Коріатовичами“⁶⁾, появилась традиція происхожденія Курцевичей отъ старыхъ литовскихъ князей, именно отъ бывшихъ владѣтелей Подолин—Коріатовичей, принадлежавшихъ къ роду одного изъ сыновей Гедимиша, Коріата-Михаила⁷⁾. Затѣмъ, основаніемъ гипотезы о литовскомъ происхожденіи этихъ князей служить, по замѣчанію Вольфа, тождественность именъ и отчества одного изъ потомковъ князей Пинскихъ (рода Паримонта Гедиминовича), Ми-

¹⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 29.

²⁾ Памяти., IV, отд. 2, стр. 46, 226. () Помнюмъ см. Arch. Sang., I, 79, 87, 92, 101, 120 и ир. *Baliński, Staroż. Polska*, III, 52.

³⁾ Ревизія пущъ, 3, 12.

⁴⁾ Ревизія пущъ, 96. О владѣніяхъ Курцевичей см. также Описаніе границъ вел. княжествъ Литовскихъ, 1545 г. (Археогр. Сборн., I, стр. 83, 103, 106, 107)

⁵⁾ Русское происхожденіе князей Курцевичей признаеть въ особенности Окольскій (*Orbis Polonus*, I, 510. Ср. *Niesiecki, Herb.*, V, 452. *Wolff, Ród*, 71).

⁶⁾ *Dziela J. Bartoszewicza*, III, 399.

⁷⁾ Такая родословная князей Курцевичей принята Долгоруковымъ въ изданной имъ „Россійской родословной книгѣ“ (I, 387), Коссинымъ въ его „*Przewodnik heraldyczny*“ (II, 240) и проф. Антоновичемъ (Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. , предисл., стр. XX). Иблоневскій также, повидимому, ничего не имѣеть противъ традиціи происхожденія Курцевичей отъ литовскихъ князей Коріатовичей (*Źródła dziejowe*, VI, стр. LXX). Вольфъ, лучшей знатокъ исторіи рода Гедиминовичей, считаетъ несправедливою гипотезу происхожденія Курцевичей отъ Коріата Гедиминовича (*Ród*, 71).

халла Константиновича, бывшаго въ концѣ XV столѣтія владимирскимъ старостой ¹⁾, и его одноименника—князя Михаила Константиновича, получившаго въ 1451 году отъ Казимира Ягеллона привилей на Буремлю и другія отчинныя владѣнія Курцевичей ²⁾. Дѣло въ томъ, что тождественность именъ и отчество сама по себѣ еще не можетъ служить основаніемъ для признанія также тождественности лицъ, носившихъ одинаковыя имена. Въ данномъ случаѣ противъ признанія тождественности князей Пинскаго и Курцевича говорить различіе въ обозначеніи наименованія втораго князя по спискамъ привилей 1451 года, помѣщеннымъ у Вольфа (Михаилъ *Курцевичъ*) и въ Актахъ Юго-Западной Россіи, а также у Балинскаго (Михаилъ *Константиновичъ*). Последнее отчество, очевидно, по ошибкѣ переписчика, замѣняетъ собой родовую фамилію князя Михаила.

Въ заключеніе замѣтимъ, что по вопросу о происхожденіи князей Курцевичей слѣдуетъ признать, какъ намъ кажется, наиболѣе достовѣрной традицію, записанную въ старыхъ польскихъ гербовникахъ о *русскомъ* происхожденіи этихъ князей. Окольскій, составлявшій свой гербовникъ въ началѣ XVII столѣтія (изданъ въ 1641 г.), записалъ въ него, очевидно, еще твердо державшуюся въ то время традицію о русскомъ происхожденіи Курцевичей. Традицію эту едва ли можно считать личнымъ домысломъ польскаго историка, имѣвшаго менѣе другихъ основаніе выдумывать произвольную гипотезу о „русскомъ“ происхожденіи князей, замѣнять своей гипотезой дѣйствительную традицію о литовскомъ ихъ происхожденіи, разъ такая традиція имѣла историческія основанія и держалась въ народной памяти. Нужно также имѣть въ виду, что первые по времени польскіе гербовники (въ томъ числѣ и Окольскаго) составлялись въ то время, когда литовскій „*przydomek*“, усвоенный князьями Курцевичами, не получилъ еще общаго признанія; составители гербовниковъ могли руководиться въ данномъ случаѣ лишь державшеюся въ народной памяти традиціей (какъ Окольскій) или же обходить ее полнымъ молчаніемъ (какъ Папроцкій).

Первымъ исторически достовѣрнымъ представителемъ рода князей

¹⁾ А. З. Р., I, № 9.

²⁾ *Wolff*, *Réd.*, 24—25. Въ текстѣ привилей 1451 г., помѣщеннаго у Балинскаго (III, 515) и въ Актахъ, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи (I, № 29), говорится просто о „князѣ Михаилѣ Константиновичѣ“; тотъ же привилей, открытый Вольфомъ въ Литовской Метрицѣ, говоритъ о „князѣ Михаилѣ Курцевичѣ“ (*Wolff*, *Réd.*, 24).

Курцевичей нужно считать князя Михаила Курцевича, получившаго въ 1451 году привилей на потомственное владѣніе принадлежавшаго ему отчиной ¹⁾. Во второй половинѣ XV столѣтія жили два сына князя Михаила — Василій и Ѳеодоръ ²⁾. Второе поколѣніе князей Курцевичей состояло изъ сыновей Василя—Ивана и Льва, и сыновей Ѳеодора—Семена и Александра ³⁾. Между этими представителями рода князей Курцевичей, какъ видно изъ актовъ, еще во второй половинѣ XV столѣтія была раздѣлена ихъ родовая отчина на особыя „дѣльницы“. Князь Левъ Курцевичъ получилъ въ удѣлъ главное вотчинное имѣніе — Буремель, и уже въ 1494 году, какъ видно изъ одного акта этого года, сталъ называться княземъ *Буремскимъ* ⁴⁾. Его братъ Иванъ Васильевичъ получилъ сѣверную дѣльницу—имѣніе Обзырь, лежавшее по сосѣдству съ удѣломъ Сангушковъ ⁵⁾ и оставшееся затѣмъ во владѣніи его потомковъ; съ половины XVI столѣтія потомки князя Ивана Васильевича стали называться князьями Курцевичами *Булыгами* ⁶⁾. Остальныя вотчинныя имѣнія Курцевичей, въ Перемышльскомъ и Владимірскомъ повѣтахъ (Корсовъ, Состратинъ и Новоселки), были раздѣлены первоначально также на двѣ дѣльницы между князьями Семеномъ и Александромъ (сыновьями Ѳеодора Михайловича Курцевича). Въ 1510 г. князь Семень уступилъ брату свою дѣльницу ⁷⁾, которая затѣмъ до позднѣйшаго вре-

¹⁾ *Wolff*, 71—72.

²⁾ О князѣ Василю см. *Wolff*, 72; О Ѳеодорѣ—*Arch. Sang.*, III, 79.

³⁾ Объ Иванѣ и Левѣ Курцевичахъ см. *Arch. Sang.*, III, 69; I, 102, 132; о Семенѣ и Александрѣ—*ibid.*, III, 79.

⁴⁾ *Arch. Sang.*, I, 102, 132. *Wolff*, 25, 72.

⁵⁾ Въ 1509 г. князь Иванъ Васильевичъ имѣлъ судебный споръ съ княземъ Сангушкой изъ-за озера Освятаго, лежавшаго на границѣ ихъ удѣловъ; по судебному приговору оно признано общимъ ихъ владѣніемъ (*Arch. Sang.*, III, 69).

⁶⁾ Наименованіе князей Курцевичей *Булыгами* произошло отъ названія выслуженнаго ими въ Пинскомъ повѣтѣ имѣнія Булыжинаго (или Булыга), вошедшаго въ половинѣ XVI столѣтія въ общій составъ владѣній князей Курцевичей (Ревизія пущь, стр. 96). О принадлежности князьямъ Булыгамъ Обзырскаго имѣнія, лежавшаго, какъ раньше замѣчено, въ сѣверной части Луцкой земли, см. Ревизію пущь, стр. 5. Принадлежность Булыгъ къ роду Курцевичей доказывается однимъ актомъ 1601 г., на которомъ находится подпись „Булыги Яна Курцевича, подстаростія Черкаскаго“ (*Арх. Ю.-З. Р.*, II, стр. 38). Въ „понимсѣ“ волынскихъ земель 1528 г. Булыги не упоминаются (*Arch. Sang.*, III, 323 и сл.). Князья Курцевичи-Булыги появляются въ актахъ съ половины XVI столѣтія (*Памятн.*, IV, отд. 2, стр. 226. Ревизія пущь, 5. *Арх. Ю.-З. Р.*, II, 38. Ср. *Wolff*, *Röd*, 25).

⁷⁾ *Arch. Sang.*, III, стр. 79. Къ сожалѣнію, надатели „Архива“ ограничились лишь краткимъ указаніемъ на содержаніе записи князя Семена Курцевича, не

мени оставалась во владѣніи потомковъ князя Александра Фодоровича, удержавшихъ за собой родовое имя *Курцевичей*, безъ особаго „ругдошка“ ¹⁾). Изъ изложеннаго видно, что родъ князей Курцевичей, подобно Сангушкамъ, Друцкимъ и другимъ удѣльнымъ князьямъ, раздѣлялся съ половины XV (уже во второмъ поколѣніи) на отдѣльныя вѣтви, изъ коихъ каждая владѣла особымъ вотчиннымъ имѣніемъ и до позднѣйшаго времени составляла самостоятельный родъ князей Курцевичей ²⁾).

Что касается общаго положенія князей Курцевичей, то по этому вопросу сохранилось мало извѣстій. Подобно другимъ мелкимъ князьямъ, владѣвшимъ сравнительно незначительными удѣлами, князья Курцевичи не могли играть въ своей землѣ такой выдающейся роли, какъ „головные“ князья—Острожскіе, Сангушки или Чарторыскіе, и ограничивались лишь скромной ролью „меньшихъ“ князей, знавшихъ лишь свои дѣльницы и принимавшихъ мало участія въ общихъ дѣлахъ страны. Утвержденіе королемъ Казимиромъ-Ягеллономъ за Курцевичами ихъ отчины, въ качествѣ потомственнаго владѣнія, „ничого на собѣ не вымѣняючи“ ³⁾, указываетъ именно на владѣтельный ха-

ломѣстия самаго текста этой записи. Семенъ Фодоровичъ продалъ брату двѣ трети принадлежавшей ему „отчины“ за 100 копъ грошей, третью же часть написалъ ему же въ видѣ дара „на вѣчность“. Въ сообщеніи объ этой записи не указанъ составъ дѣльницы, уступленной княземъ Семеномъ брату.

¹⁾ Что касается выслуженныхъ имѣній князей Курцевичей, то, какъ видно изъ актовъ, замокъ Ровенскій и имѣніе Дрижелинское (близъ Обзыра) составляли личную выслугу князей Курцевичей-Булыгъ (Ревизія пущь, стр. 12. Памят., IV, отд. 2, стр. 226). Пяньскія имѣнія считались въ половинѣ XVI столѣтія общимъ владѣніемъ Курцевичей, повидимому, безъ раздѣленія его на постоянныя дѣльницы. Впрочемъ, имѣніе Булыжиное могло на первыхъ порахъ составлять личную выслугу князей Булыгъ, какъ это видно изъ ихъ названія по имени главнаго ихъ владѣнія (Ревизія пущь, 96).

²⁾ Въ „попискѣ“ волыньскихъ земель 1528 г. упоминается: „княгиня Александрова Буремская“, затѣмъ отдѣльно „князь Буремскій“ и, наконецъ, „княгиня Иванова“ (Arch. Sang., III, 323, 325). Въ описаніи Лудскаго замка 1546 г. и въ ревизіи Пяньскихъ пущь половины XVI столѣтія находимъ три вѣтви рода Курцевичей, удерживающіяся затѣмъ до позднѣйшаго времени. Каждая отрасль князей Курцевичей имѣетъ свою особую „отчину“; представители отдѣльныхъ отраслей уступаютъ одинъ другому свои дѣльницы, ведутъ изъ-за нихъ искъ, отправляютъ земскія службы съ своихъ имѣній каждый въ отдѣльности и пр. (Памят., IV, отд. 2, стр. 86, 226 и пр. Ревизія пущь, 12, 96. Ср. Wolff, 25, 72. Arch. Sang., III, 19, 42, 69, 79, 103, 214, 216, 218, 238, 259, 275, 294, 296, 323, 325, 370, 449, 462, 478; IV, 61, 101, 168, 236, 323, 486, 498, 500).

³⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 29.

рактерь правъ князей Курцевичей. Сво они первоначально владѣли на болѣ простые земляне-паны. съ ихъ служеб принадлежавшія имъ выслуги-вотчины. жибныхъ князей и землянъ Курцевичи Какъ видно изъ „пописа“ волинскихъ льнскихъ замковъ 1545 г., князья вполне вошли въ составъ „землянъ-чались отъ мѣстныхъ землевладѣльцъ“

На территоріи Луцкой земли въ удѣль—*Заборольскій*, принадлежави свицкому, повидимому, сыну извѣ князя Ѳедки Несвицкаго, родонач невецкихъ и другихъ отраслей (Центръ Заборольскаго удѣла сос поселениями: двумя Житанами, I и Пытковымъ. Заборольскій удѣ жавшихъ ниже Луцка (между и зовался ли этотъ удѣль еще п или же онъ пожалованъ послѣд Въ 1467 г. ³⁾). Юрій Ѳедорови Заборольскій удѣль своей же шель къ сыну—Семену Юры кажется, прекратился родъ I еще при его жизни отошли

¹⁾ Arch. Sang., III, 323. На 163 и слѣд. О полной захудалос см. *Dziela Bartoszewicza*, III, 8

²⁾ *Stecki, Wołyń*, II, 403. S

³⁾ Запись князя Юрія Ѳед актахъ подъ 1412 г., какъ обз Вольфъ извлекъ тотъ же актъ 1467 г. (*Ród Ged.*, 158). По Юрія Ѳедоровича, князь Ѳед великаго князя Свидригайла

⁴⁾ *Stecki, Wołyń*, II, 46

⁵⁾ Въ луцкихъ актахъ ыча пану Даниловичу на актовъ послѣдующаго врег зинным, очевидно, по му 118, 126).

(послѣ его смерти) были приписаны къ господарскимъ имѣніямъ, тянувшимъ къ Луцкому замку ¹⁾.

Въ памятникахъ второй половины XV столѣтія упоминаются въ той же мѣстности удѣльныя владѣнія другихъ отраслей того же рода князей Несвицкихъ. Таковъ замокъ *Ровно* (Ровное, также Шульжинце), лежавшій ниже Заборольской волости; затѣмъ дворы *Квасиловъ*, *Городокъ* и *Дворецъ*, лежавшіе на границѣ Кременецкаго повѣта. Всѣ эти владѣнія принадлежали въ 60-хъ годахъ XV столѣтія къ удѣлу Семена Васильевича Несвицкаго-Колоденскаго. Послѣ его смерти они перешли сперва къ его женѣ Маріи (называвшейся съ тѣхъ поръ княгиней Ровенской), а затѣмъ къ дочери, бывшей замужемъ за княземъ Острожскимъ. Къ послѣднему перешли всѣ бывшія владѣнія князя Колоденскаго, въ томъ числѣ и Ровно, съ другими имѣніями въ Луцкомъ повѣтѣ ²⁾. Кроме того, въ раздѣльномъ актѣ (1463 г.) владѣльцевъ Збаражчпы упоминается отчина князей Збаражскихъ—дворъ Студеняковцы въ Луцкомъ же повѣтѣ ³⁾.

Въ ближайшемъ же сосѣдствѣ съ Заборольской волостью находился *Несвицъ* (Несвижъ, Несвидъ) ⁴⁾, по общепринятому мнѣнію ⁵⁾, родовое „гнѣздо“ князей Несвицкихъ, раздѣлившихся со второй половины XV столѣтія на отдѣльныя отрасли князей Збаражскихъ, Вишневец-

¹⁾ Какъ видно изъ описанія волинскихъ замковъ 1545 г., въ это время Забороль съ другими сосѣдними поселеніями принадлежалъ къ Луцкому „ключу“, былъ въ закрѣпленіи господарскаго ключника, управлявшаго волостью Луцкаго замка (Памятн., IV, отд. 2, стр. 163, 167). Вскорѣ затѣмъ Заборольское имѣніе отошло во владѣніе пановъ Борзобогатыхъ (см. описаніе Заборольскаго имѣнія, составленное въ 1566 г., въ Памятн., III, отд. 2, стр. 1—16).

²⁾ Ровно и Квасиловъ были прибрѣтены покупкою у частныхъ лицъ (Arch. Sang., I, стр. 53, 64). Городокъ и Дворецъ упоминаются въ раздѣльномъ актѣ 1463 г., въ составѣ отчинъ владѣльцевъ Збаражчпы (ib., 53, 70, 76, 79). О лудкяхъ владѣніяхъ потомковъ князей Несвицкихъ см. также Arch. Sang., III, 44, 166. Памятн., IV, отд. 2-е, стр. 199, 206, 209.

³⁾ Arch. Sang., I, стр. 53—54. О дальнѣйшей судьбѣ этой части удѣла князей Збаражскихъ ничего неизвѣстно. Студеняковцы упоминаются въ описаніи замка Луцкаго 1545 г. (Памятн., IV, отд. 2, стр. 39 и слѣд.). Ср. *T. I. Stecki, Miasto Równie* (1880).

⁴⁾ Изъ инвентаря (1598 г.) Полоннаго имѣнія князей Сангушковъ-Коперскихъ видно, что съ этимъ имѣніемъ сходилась граница и Заборольскаго имѣнія и Несвижскаго (Памятн., III, отд. 2, стр. 174, 175. О названіи Несвица, „Несвижъ“ см. *ibid.*, 177 и пр.).

⁵⁾ *Stadnicki*, Syn. Gedyrn. (1881), I, 205. *Ею же*, *Bracia*, 107. *Bartoszewicz* въ *Encykl. Powsz.*, XXV, 886; XXVII, 227. *Stecki*, *Wołyń*, II, 127, 208. *Wolff*, 166.

нихъ и пр. ¹⁾). Дѣло въ томъ, что мнѣніе о принадлежности Волинскаго Несвича князю Оедору (Оедкѣ) Несвицкому и его потомкамъ далеко не подтверждается при ближайшей провѣркѣ съ документальными данными. Въ источникахъ нѣтъ, сколько намъ извѣстно, никакихъ указаній, чтобы Несвичь подъ Луцкомъ *когда либо* принадлежалъ волинскимъ князьямъ Несвицкимъ. Въ спискѣ поселеній Луцкаго княжества до конца XIV столѣтія, составленномъ Андріашевымъ, вовсе не встрѣчается Несвичь ²⁾). Первые документальныя указанія на него находимъ лишь въ источникахъ половины XVI столѣтія, именно въ описаніи волинскихъ замковъ 1545 г. Здѣсь впервые упоминается въ числѣ имѣній, тянувшихъ по „замковой службѣ“ къ Луцку, Несвичь, принадлежавшій въ то время *землянамъ Несвицкимъ* ³⁾). Эти же земляне упоминаются въ „пописѣ“ волинскихъ землевладѣльцевъ 1528 г. ⁴⁾). Въ спискѣ земель Луцкаго повѣта, данныхъ въ 1569 г. присягу вѣрности королѣ при присоединеніи Волыни къ Польшѣ, упоминаются, между прочимъ, „Несвицкіе зъ Несвеча“ ⁵⁾). Затѣмъ, на болѣе раннее существованіе Несвича подъ Луцкомъ указываетъ приведенный въ описи волинскихъ замковъ (1545 г.) привилей Казимира Ягеллона о таксаціи мыта въ волинскихъ городахъ и мѣстечкахъ, „какъ было за Витовта“; къ числу такихъ поселеній въ Луцкомъ повѣтѣ принадлежалъ также Несвичь ⁶⁾). По уставу Витовта, подтвержденному Казимиромъ, въ Несвичѣ, принадлежавшемъ въ то время къ господарскимъ волостямъ, мытъ взимался по полгрошу съ накладнаго воза; при королѣ Александрѣ (1495—1506 гг.) количество мыта въ Несвижѣ удвоилось ⁷⁾). Этотъ-то удвоенный мытъ, быть можетъ, и былъ установленъ съ тѣхъ поръ, какъ Несвичь былъ пожалованъ одному изъ мѣстныхъ пановъ, потомки котораго въ актахъ XVI столѣтія называются „землянами“ Несвицкими. Какъ бы то ни было, но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что земляне Несвицкіе не имѣютъ ничего общаго съ современными имъ князьями Зба-

¹⁾ См. объ этомъ ниже, о Збаражскомъ удѣлѣ.

²⁾ *Андріашевъ*, Очеркъ, 61—81.

³⁾ Въ описаніи Владимірскаго, Луцкаго и Кременецкаго замковъ 1545 г. упоминаются Денисъ, Илья, Михайлъ и Левко Несвицкіе, владѣвшіе сообца Несвичемъ (Памятн., IV, отд. 2, стр. 84, 86, 107).

⁴⁾ *Arch. Sang.*, III, стр. 324.

⁵⁾ Левко, Петръ, Василій и Адамъ (Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 7 и 12).

⁶⁾ *Памятн.*, IV, отд. 2, стр. 126—127.

⁷⁾ *Ibid.*, 126, 129.

ражскими или Вишневецкими, потомками старых князей Несвицких¹⁾. Еслибы владѣльцы Несвича подъ Луцкомъ принадлежали къ одному роду съ князьями Несвицкими и ихъ потомками—Збаражскими и др., то несомнѣнно Несвиць упоминался бы въ составѣ, какъ „данинь“, какими въ 1434 г. владѣль князь Ѳедко Несвицкій²⁾, такъ и „дѣльницъ“, на какія съ XV столѣтія раздѣлились отчины и выслуги его потомковъ³⁾, чего на дѣлѣ, однако, не было. Какъ увидимъ ниже (въ очеркѣ Збаражскаго удѣла), названіе князей Несвицкихъ беретъ свое начало дѣйствительно отъ стараго ихъ удѣльнаго владѣнія—Несвижа. но только находившагося не подъ Луцкомъ, а въ сѣверномъ Полѣсьи.

Въ Луцкомъ же повѣтѣ находились владѣнія нѣкоторыхъ Владимірскихъ князей, именпо *Козекъ* и *Ружинскихъ*. Какъ видно изъ описи Луцкаго замка (1545 г.), первымъ принадлежало имѣніе Долгій, вторымъ—Роговиць, „родовое гнѣздо“ князей Ружинскихъ-Роговицкихъ⁴⁾.

Въ источникахъ XV и XVI столѣтій упоминаются, кромѣ того, мелкія владѣнія въ Луцкомъ повѣтѣ, принадлежавшія цѣлому ряду мѣстныхъ князей. Таковы: *Головни*, *Сокольскіе*, *Кропотки*, *Величкіе* и другіе. Они считались въ XVI столѣтіи Луцкими „повѣтниками“—простыми землянами и дворянами, безъ владѣтельныхъ правъ, какими въ старое время въ большей или меньшей степени несомнѣнно пользовались всѣ „головные“ и меньшіе князья волинскіе⁵⁾.

¹⁾ Бонецкій (стр. 212) ошибочно смѣшиваетъ князей и земель Несвицкихъ, причисляеть ихъ къ одному роду мѣстныхъ князей. Въ одно время съ землянами Несвицкими и потомками князей Несвицкихъ жили также „паны“ Вишневице, владѣвшіе въ Белзскомъ повѣтѣ (принадлежавшемъ Польшѣ) въ 1545 г. имѣніемъ Торки на границѣ съ Владимірской землей, и князья Вишневицкіе (или Вишневецкіе), владѣвшіе на Волини по той же границѣ и въ то же время имѣніями Устилугъ и Езово (Археогр. Сборн., I, 87—89, 100). Паны и князья Вишневицкіе не имѣли между собой ничего общаго точно такъ же, какъ и земляне и князья Несвицкіе въ Луцкомъ и Збаражскомъ повѣтахъ на Волини.

²⁾ *Крутовичъ*, Собр. госуд. и частн. актовъ, I, №№ 16 и 17.

³⁾ Arch. Sang., I, стр. 54 и пр.

⁴⁾ Памятн. Киевск. Комм., IV, отд. 2, стр. 74, 89, 110, 115.

⁵⁾ Приведемъ указанія актовъ объ отчинахъ и другихъ владѣніяхъ такихъ князей. Князья *Головни* (*Головини*)—*Острожецкіе* имѣли главной своей отчиной Острожець; кромѣ того, упоминается ихъ „материзна“: Дернь, Одерадъ, Оховиць и Мощеницы. Въ 1524 г. князья Головини получили господарскій привилей на основаніе въ ихъ отчинѣ Острожцѣ „мѣста“ съ Магдебургскимъ правомъ. Головини владѣли также выслугами; въ Луцкомъ повѣтѣ имъ принадлежала

Таковъ территориальный составъ Владимірскаго и Лудскаго кня-

половина Туличева и въ Владимірскомъ—Рожанецъ и др. (см. выше). Упомянутся, наконецъ, частныя пріобрѣтенія тѣхъ же князей: Воротневъ, Жебринъ, Досинъ и половина Романова (о владѣніяхъ князей Головини-Острожскихъ см. Памятн., IV, отд. 2, стр. 16, 79, 82, 90, 103, 105, 178. Археог. Сборн., I, стр. 56—57. Arch. Sangusz., III, 169. *Vonieski*, 83—84). Происхождение этихъ князей неизвестно; упоминаются въ актахъ со второй половиною XV столѣтія. Въ актахъ начала слѣдующаго столѣтія князя Головини-Острожецкіе числятся въ составѣ Волынскихъ „дворинъ“ (Arch. Sangusz., III, стр. 99) и занимають нерѣдко выдающееся положеніе, напримеръ, „приказанемъ“ господарскимъ стоять во главѣ комиссіонныхъ судовъ (*ibid.*, 88, 99). Въ ревизіи Лудскаго замка 1545 г. князя Головини-Острожецкіе отнесены въ Лудкѣмъ „повѣтникамъ“ (Памятн., IV, отд. 2, стр. 42 и др.). Князьмъ Сокольскимъ принадлежала въ Лудкомъ повѣтъ отчавъ Соколъ и Вышковъ; кромѣ того, изъ актовъ видно, что князя Сокольскіе имѣли какія-то права на имѣніе въ Шилинскѣ, бывшее въ началѣ XVI столѣтія во владѣніи пановъ Мусіатовичей, также на нѣкоторыя владѣнія князей Четвертескихъ. Князья Сокольскіе владѣли своей „отчиной“ по особымъ дѣльникамъ: какъ видно изъ „пописъ“ волынскихъ земанъ 1528 г., князья Солтанъ, Андрей и Юрій Сокольскіе ставили коней на „земскую потребу“, каждый отдѣльно съ своей особой дѣлянцой (о кн. Сокольскихъ см. Памятн., IV, 73, 89, 108. Arch. Sangusz., III, 216, 218, 310, 323 и пр. *Vonieski*, 325—326). Князья Кропотки (въ ревизіи Лудскаго замка 1545 г. они называются князьми Крокотками; см. Памятн., IV, 74, 84) упоминаются въ актахъ со второй половиною XV столѣтія. Князь Иванъ Дмитріевичъ Кропотка получилъ отъ Казимира имѣніе въ Лудкомъ повѣтѣ: Еловичи, Ворениъ, Чеконъ и Котелевъ; съ этихъ поръ Кропотки, по имени главнаго владѣнія, стали называться также князьми Еловичскимъ. Въ томъ же повѣтѣ имъ принадлежала волость Бѣловичи. Въ началѣ XVI столѣтія князь Андрей Кропотка состоялъ въ московской службѣ, былъ въ 1500 г. однимъ изъ вождей рати великаго князя московскаго Ивана Васильевича (*Карамзинъ*, IV, прим. 512. О кн. Кропоткахъ см. Памятн., IV, 74, 84. Arch. Sangusz., III, 323. *Vonieski*, 156). Князья Велицкіе владѣли своей отчиной Велицкѣ по пожалованію Свидригайла; въ 1525 г. кор. Сигизмундъ далъ князьмъ Велицкимъ подтвердительный привилей на ихъ отчину. Со времени того же Свидригайла князьмъ Велицкимъ принадлежало имѣніе Путиловское (островъ). Первый владѣтель Велицка назывался при Свидригайлѣ княземъ *Кисимовичемъ* (Памятн., IV, 72, 81, 104. Arch. Sangusz., III, р. 188, 323. *Vonieski*, 366). Князья Масальскіе (сѣверскіе выходцы), какъ видно изъ ревизіи Лудскаго и Кременецкаго замковъ 1545 г., владѣли въ Лудкомъ повѣтѣ волостями: Торговицей (раньше принадлежала князьмъ Корецкимъ) и Тершовымъ, въ Кременецкомъ—волостями: Муничъ, Овасковичи и пр. (Памятн., IV, 88, 90, 105, 117, 197, 202, 209. Arch. Sang., III, 460. *Vonieski*, 174). Наконецъ, къ числу лудскихъ „повѣтниковъ“ ревизіи Лудскаго замка 1545 г. относятся князей: *Перекальскіи* (ихъ волость Перекаль въ Дубенскомъ повѣтѣ принадлежала въ 1527 г. князьмъ Корецкимъ: Памятн., IV, 75; Arch. Sang., III, 304), *Замлички* (отчина Замличъ: Памятн., IV, 113), *Преоръ* (отчина Новый Ставъ: *ibid.*, 107), *Речицки* и *Молецки* (*ib.*, 42). Въ „пописѣ“ волынскихъ

жествъ. Каждое изъ нихъ удерживало за собой названіе „земли“¹⁾, составляло въ административномъ отношеніи (въ особенности по ратной и городской или замковой службѣ населенія) отдѣльный округъ: „повѣты“ Владимірскій, Луцкій²⁾. Въ другомъ положеніи находилось южное порубежье Волинской земли (ниже Владиміра и Луцка), простиравшееся вдоль границы съ Подольской и Львовской землями. Находившіеся здѣсь города и волости стояли въ сторонѣ отъ Владимірскаго и Луцкаго княжествъ, и при томъ не только въ XIV столѣтіи, когда между Польшей и Литвой шла борьба изъ-за обладанія Волинской землей, но и во все послѣдующее время, чуть ли не вплоть до Люблинской уніи. Мало того: южная Волинская украинна, стоявшая особнякомъ отъ Владимірскаго и Луцкаго княжествъ, и сама не составляла ничего цѣльнаго въ административномъ отношеніи, дробилась на нѣсколько отдѣльныхъ частей, не имѣвшихъ между собой ничего общаго³⁾. Чуть ли не каждый городъ южной Волини съ при-

земель 1528 г. упоминаются князья *Галичанскіе*, участвовавшіе въ поставкѣ коней съ отчисл. на „земскую потребу“ (Arch. Sangusz., III, p. 323). О мелкихъ удѣльныхъ князьяхъ Луцкаго повѣта см. *Jablonowski, Źródła dziejowe*, VI, p. XXXI—XXXIV, LXX. Arch. Sang., I, p. 83, 50, 61, 70, 85, 102, 132; III, 67, 188, 323 и пр.; IV, 144, 162, 354. Skarbiec, №№ 1359, 1562, 1603 и др. А. З. Р., I, № 107 и т. д.

¹⁾ См., наиримѣрь, Arch. Sang., I, стр. 12.

²⁾ О Владимірскомъ повѣтѣ см. Arch. Sang., I, стр. 45—47, 91; III, 15, 27, 34 и пр.; IV, 11, 17, 28 и пр. О Луцкомъ повѣтѣ—*ibid.*, I, 30, 38, 42, 53 и пр.; III, 4, 5, 7 и пр.; IV, 12, 37, 44. О Луцкомъ старостѣ—*ibid.*, IV, 326. О Луцкомъ ключѣ—*ib.*, III, 162; IV, 402, 405. Названіе Волини „землей“ постоянно встрѣчаемъ въ источникахъ вплоть до Люблинской уніи (*ibid.*, I, 25, 27, 69, 72, 113; III, 44, 84 и др. IV, 1, 3, 6, 12 и т. д.).

³⁾ Замѣтимъ при этомъ, что г. Любавскій, настаивающій на своей теоріи политико-административнаго единства литовско-русскихъ земель и послѣ отгнѣны удѣльнаго ихъ строя, долженъ былъ отказаться отъ этой теоріи касательно земскаго единства Волини послѣ отгнѣны въ ней великокняжескаго стола; по словамъ Любавскаго, Владимірскій повѣтъ „стоялъ внѣ вѣдома луцкаго старосты“ (Обл. дѣленіе, 213), называемаго, однако, авторомъ „главой и старшиной“ великокняжескихъ урядниковъ *всей* Волинской земли (*ibid.*, 209 и слѣд.). За то почтенный ученый крѣпко держится своей гипотезы административнаго единства Луцкаго повѣта и южной Волини. Данниа касательно Збаражчины мы рассмотримъ ниже. Здѣсь уважемъ на доводы, приводимые Любавскимъ въ подтвержденіе своей мысли о главенствѣ луцкаго старосты надъ урядниками другихъ волостей восточной половины Волини. Такихъ доводовъ—два: одинъ взятъ изъ актовъ, извѣстныхъ въ печати (Arch. Sang., I, № 99), другой—изъ Литовской Метрики. На основаніи акта 1491 г., помѣщеннаго въ „Архивѣ Сангушковъ“, авторъ утверждаетъ,

надлежавшей къ нему волостью составлялъ особый „повѣтъ“ или княжескій удѣлъ, волость, повидимому, рѣшительно безъ всякихъ административныхъ связей съ другими городами и повѣтами. Такими особняками по источникамъ представляются: Кременецъ, Олеско (до присоединенія къ Польшѣ въ 30-хъ годахъ XV столѣтія), Збаражъ и т. д. Повѣты всѣхъ этихъ украинскихъ замковъ южной Волыни ничѣмъ не связаны между собой; населеніе каждаго изъ нихъ знаетъ „службу“ только въ своемъ замкѣ, не имѣетъ никакого отношенія ни къ сосѣднимъ „повѣтникамъ“, ни къ повѣтникамъ луцкимъ и владимірскимъ. Въ описаніи Владимірскаго, Луцкаго и Кременецкаго замковъ 1545 года, въ числѣ мѣстныхъ „повѣтниковъ“ встрѣчаемъ князей южной Волыни — Збаражскихъ и Вишневецкихъ, но именно потому, что въ повѣтахъ указанныхъ замковъ находились ихъ выслуженныя имѣнія, населеніе которыхъ должно было отправлять замковую службу въ Владимірѣ, Луцкѣ и Кременцѣ¹⁾. Главныя вотчины этихъ князей въ Збаражскомъ повѣтѣ тянули службой исключительно къ своимъ замкамъ. Такъ было, конечно, и раньше. Административное единство южныхъ волынскихъ городовъ и ихъ повѣтовъ устанавливается лишь послѣ Люблинской уніи, когда Волынская земля вошла въ составъ польскихъ провинцій и образовала отдѣльное вое-

что староста луцкій, князь Семень Юрьевичъ Гольшанскій, предсѣдательствовалъ въ 1491 г. на „сеймѣ“ (терминъ, изобрѣтенный самимъ авторомъ) земли Волынской по дѣлу земель Цеценевичей съ княземъ Александромъ Сангушкой. Предсѣдательство на этомъ мнимомъ сеймѣ авторъ приписываетъ луцкому старостѣ, какъ „главѣ и старшинѣ“ волынскихъ великокняжескихъ урядниковъ. Между тѣмъ, авторъ не обратилъ никакого вниманія на показаніе акта 1491 г. о томъ, что этотъ „сеймъ“ и „предсѣдательство“ на немъ луцкаго старосты имѣли мѣсто „приказанемъ юсодаря“ (кор. Казимира Ягеллона). Какъ замѣчено раньше, князья и земiane во всемъ Литовско-Русскомъ государствѣ подчинялись только суду господара съ радой. Въ данномъ случаѣ ни луцкій староста, ни другіе урядники, сами по себѣ, не могли имѣть никакого отношенія къ спору землянина и князя подсудныхъ одному господарю: послѣдній и поручилъ „третейское“ разбирательство этого спора мѣстнымъ урядникамъ и другимъ лицамъ. Словомъ, здѣсь рѣчь можетъ идти о порученіи разбирательства лишь на данный случай, а нисколько не о главенствѣ луцкаго старосты. На такой же системѣ „господарскихъ приказаній“ посредническаго суда лишь на данный случай, несомнѣнно, основанъ и другой случай „суда“, приводимый авторомъ изъ Литовской Метрики (стр. 212). Впрочемъ, самый актъ объ этомъ судѣ не приведенъ авторомъ, а потому нѣтъ возможности проверить точность его суммированія авторомъ.

¹⁾ Памятн., IV, отд. 2, стр. 115, 116, 200, 201 и пр.

водство, состоявшее изъ трехъ главныхъ повѣтовъ: Владимірскаго, Луцкаго и Кременецкаго ¹⁾).

Чѣмъ объясняется обособленность южной Волини отъ Владимірскаго и Луцкаго княжествъ и дробленіе ея на мелкія волости, повѣты и княжества, стояшіе особнякомъ, безъ всякаго сколько нибудь прочнаго, административнаго единства? Конечно, тутъ имѣли силу не „виды политическаго равновѣсія“, имѣвшаго мѣсто, какъ полагаютъ изслѣдователи ²⁾, въ пору борьбы Польши и Литвы изъ-за обладанія Волинскимъ наслѣдіемъ, но причины болѣе общаго и постояннаго свойства, коренившіяся въ условіяхъ административнаго строя Литовско-Русскаго государства, а также въ мѣстныхъ условіяхъ быта южной Волини. Чуть ли еще не съ первыхъ временъ образованія Литовско-Русскаго государства, при Гедиминѣ, постепенно стала вводиться въ литовскихъ, а затѣмъ и русскихъ областяхъ, по мѣрѣ присоединенія ихъ къ Литовскому княжеству, система земской обороны слаганнагося государства,—обороны, отправлявшейся населеніемъ, въ видѣ обязательной повинности, по установившимся изстари волостямъ. съ XIV столѣтія называвшимся также повѣтами ³⁾. Осу-

¹⁾ О Волинскомъ „воеводствѣ“ см. Памятн., I, отд. I, стр. 4, 9, 11 и пр. Ср. *Baliński, Staroż. Polska*, 2-е изд., III, стр. 8 и слѣд. О составѣ Кременецкаго повѣта послѣ Люблинской уніи см. *Baliński*, III, 75—110.

²⁾ Андрияшевъ полагаетъ, что Кременецкій удѣлъ, обособленный въ половинѣ XIV столѣтія отъ Владимірскаго и Луцкаго княжествъ, „устроенъ былъ въ *видѣ политическаго равновѣсія*, такъ какъ владѣніе Кременцомъ, безспорно сильнѣйшей крѣпостью на Волини, дало значительный перевѣсъ той изъ борящихся сторонъ, которой оное принадлежало“. Кременецъ „имѣлъ значеніе только, какъ точка опоры, пунктъ, владѣніе которымъ обезпечивало владѣльцу господство надъ окружающею страной“ (Очеркъ ист. Волинской земли, 60). Сказаннымъ обстоятельствомъ можно объяснить не самое образованіе удѣла Кременецкаго вообще, а лишь предоставленіе его особому удѣльному князю, Юрію Наримонтовичу. Кременецъ, подобно другимъ городамъ южной Волини, несомнѣнно и до договора 1352 г., какъ и долго послѣ него, стоялъ всегда особнякомъ отъ Волинскаго и Луцкаго княжествъ, представлялъ съ своей небольшою волостью такую же точно самостоятельную административную единицу, какъ и обширный „повѣтъ“ Луцкій или Владимірскій. Существовали, значитъ, какія-то общія и постоянныя условія, вызывавшія и поддерживавшія обособленность Кременца и другихъ городовъ и волостей южной Волини. „Виды политическаго равновѣсія“ тутъ не могли имѣть ровно никакаго значенія.

³⁾ Обыкновенно полагаютъ, что дѣленіе Литовско-Русскаго государства на „повѣты“ было впервые *сведено* извѣстнымъ земскимъ привилеемъ 1387 г. (*Zbiór pr. Litew.*, стр. 1. *Skarbiec*, № 539). Бестужевъ-Рюминъ (*Русск. Ист.*, II, 62), а за нимъ Мисинскій (*Устанн. земскія грамоты*, 17), полагаютъ, что Владиславъ-Игелло

жденное на постоянную борьбу съ сосѣдями (нѣмцами съ сѣвера, Польшей съ запада, татарами съ юга и Русью съ востока), Литовско-Русское государство должно было приспособлять къ этой борьбѣ все свое внутреннее устройство. Систематическаго дѣленія государства на военные округа (какъ, напримѣръ, при Петрѣ I на губерніи) не могло быть, конечно, ни при Гедиминѣ или Ольгердѣ, ни въ послѣдующее время. Учреждался замокъ, выдѣлялось нѣсколько селъ въ держаніе или удѣлъ,—господарскіе замки, держанья и удѣлы являлись особыми волостями-повѣтами, тянувшими земскую службу отдѣльно отъ старыхъ волостей, группировавшихся около господарскихъ и княжескихъ замковъ, центровъ военной организаціи слагавшагося государства. Главной связью, сводившей населеніе каждой волости-повѣта въ одно цѣлое (подъ общимъ титуломъ „повѣтничковъ“), является прежде всего общая для всѣхъ ратная и замковая „служба“ („потреба“) ¹⁾. Позже тѣ же волости-повѣты являются съ общимъ значеніемъ административно-судебныхъ округовъ, но такъ могло быть и раньше. Мѣстные центры военной организаціи государства, повѣтовые замки, изстари являлись также главными цен-

второй статьёй привилей 1387 г. установилъ раздѣленіе Литвы на кастеланіи и повѣты. На самомъ же дѣлѣ въ этомъ актѣ говорится только объ учрежденіи въ каждомъ округѣ-кастеланіи, повѣтѣ или землѣ (*castellania et districtu vel territorio*) по одному *iudex* и по одному *justitiarius*. Дѣленія государства сразу на волости-повѣты и кастеланіи никогда не было и не могло быть. Въ пору изданія привилей 1387 г. существовали истаринныя земли и волости-повѣты, но документальнымъ указаніямъ встрѣчающіеся еще во времена Гедимина (ум. 1341 г.). Такимъ образомъ, Ольгердъ, будучи еще удѣльнымъ княземъ, даетъ въ 1337 г. грамоту дворянину своему Григорію Тункелю на земли въ „*поветтахъ Эйшишскомъ и Радуньскомъ*“, подъ условіемъ отправленія съ нихъ „земской службы“ (Skarbiec, № 552). Привилей 1386 г. говоритъ о пожалованіи князю Острожскому замка Острога „*cum districtu Ostrogoviensi*“, а также „*districtu*“ — Корець, Заславъ и др., которыми еще владѣлъ Данилъ Острожскій (Arch. Sang., I, 5—7). Можно указать и на другіе акты, изданные раньше земскаго привилей 1387 г., въ которыхъ упоминаются повѣты, не только въ литовскихъ, но и въ русскихъ областяхъ. Отъ 1383 г. сохранилась жалованная грамота Витовта Василію Караческому о предоставленіи ему права „сидити село Княжю Луку, на сиромъ корени, у Подольской землѣ, у *Каменецкомъ поветтѣ*“ (А. З. Р., I, № 6). По словамъ Ярошевича, Литва уже раздѣлялась на повѣты при заключеніи Ягеллой и Кейстутомъ въ 1379 г. мирнаго договора съ нѣмецкимъ орденомъ (*Ярошевичъ, Обзоръ Литвы*, I, 121, 155. Ср. Skarbiec, № 464). О совершенно произвольномъ толкованіи г. Дюбавскимъ (Обл. дѣленіе, 77) значенія „повѣтовъ“ и „волостей“ скажемъ ниже, въ отдѣлѣ объ областномъ управленіи.

¹⁾ *Дитюновичъ*, Моногр., I, 137.

трами областной администраціи; „повѣтники“ тянутъ къ своей волости-повѣту ¹⁾), къ своему замку, не только въ пору ратной „потребы“ или замковой „службы“, но и по суду, данямъ и т. д.

Обособленность волостей-повѣтовъ и ихъ замковъ должна была установиться особенно рѣзко на „украинахъ“ Литовско-Русскаго государства. Во внутреннихъ областяхъ, не подвергавшихся постоянной опасности непріятельскихъ набѣговъ, могла мѣстами, въ ббльшей или меньшей степени, поддерживаться изстаринная земская связь между повѣтами, — „повѣтники“ меньшихъ замковъ могли тянуть ратной и замковой службой къ главному центру области. Иначе должно было установиться положеніе украинскихъ волостей-повѣтовъ. Въ виду постоянной опасности непріятельскихъ набѣговъ украинныя замки должны были имѣть въ населеніи тянувшихъ къ нимъ волостей-повѣтовъ ²⁾ безсмѣнныхъ „повѣтниковъ“, которые бы отправляли „военныя потребности“ и „замковыя службы“ исключительно въ своихъ замкахъ, не отвлекаясь потребями и службами въ другихъ мѣстахъ государства. Тутъ же, въ своихъ замкахъ, украинныя повѣтники находили судъ и управу въ лицѣ своихъ удѣльныхъ князей или господарскихъ намѣстниковъ, державцевъ, старостъ и воеводъ. Такъ было на всѣхъ литовско-русскихъ рубежахъ, по которымъ располагалась чуть ли не непрерывная сѣть пограничныхъ замковъ съ ихъ волостями-повѣтами, стоявшими особнякомъ отъ областей, къ которымъ они принадлежали по своему географическому положенію. На сѣверномъ и сѣверо-западномъ рубежахъ, по сосѣдству съ нѣмецкими вла-

¹⁾ По замѣчанію проф. Антоновича, терминъ „повѣтъ“ возникъ, вѣроятно, отъ того, что намѣстникъ, созывая жителей своего округа „на военную потребу“, призывая ихъ въ судъ или сообщая имъ административныя распоряженія, „повѣщалъ“ ихъ или „давалъ имъ вѣсти“, какъ тогда выражались офиціально. Разсмысла разныхъ „вѣстей“ и вообще ѣзда въ повѣтъ, по порученію замковыхъ намѣстниковъ, державцевъ или старостъ, составляла повинность особаго класса населенія повѣтовъ—„путныхъ бояръ“ и „замковыхъ слугъ“ (Моногр., I, 246). Съ подобнымъ объясненіемъ можно было бы согласиться, еслибы было доказано, что „повѣтъ“—самородный, литовско-русскій, а не заимствованный изъ старо-польской административной системы институтъ. Какъ извѣстно, польскія области еще со времени Болеслава I дѣлились на кастеляншіи и повѣты (powiaty),—последніе въ смыслѣ *отчезлыхъ* округовъ (повѣтѣя, повѣты), населеніе которыхъ тянуло каждое къ своему земскому вѣчу (*Bandtkie*, Hist. Pol. pr., 70, 258. *Maciejowski*, Hist. prawod. słow., I, 58. *Временн. общ. ист. и древн.*, 1855, кн. 22, стр. 14).

²⁾ Напримѣръ, Кузьминская волость, тянувшая къ замку Кременецкому, называлась въ актахъ и волостью, и повѣтомъ (Arch. Sang., I, 131. Памяти., IV. отд. 2, стр. 199, 205, 227—230).

дѣніями, Литва имѣла свою украинну—особнякъ, слагавшійся изъ пограничныхъ жмудскихъ и завилейскихъ повѣтовъ и княжествъ (Биржанскаго, Утянскаго и пр.). По западному рубежу Литовско-Русскаго государства тянулась длинной полосой украинна (украиница) Подляшская ¹⁾ съ своими замками—Воннь, Нуръ и Визна, стоявшими обособленно отъ другихъ городовъ Подляхін ²⁾. Точно также по восточнымъ и юговосточнымъ рубежамъ Литовско-Русское государство отгораживалось Задѣпровской украинной—длинной сѣтью обособлявшихся другъ отъ друга сѣверскихъ княжествъ и кievскихъ порубежныхъ замковъ-повѣтовъ.

Изъ такихъ же особняковъ, волостей-повѣтовъ и княжествъ, слагалась въ литовскую эпоху, особенно въ XIV и XV столѣтіяхъ, южная Волинь, состоявшая изъ нѣсколькихъ группъ украинныхъ замковъ и волостей (господарскихъ и княжескихъ), безъ всякихъ административныхъ связей ихъ съ Владимірской или Луцкой землями. Отдѣльную группу украинныхъ замковъ Волини составляли въ XIV столѣтіи Кременецъ, Стожокъ, Даниловъ, Шумскъ, Закамень и Олеско, занимавшіе западный уголъ южной Волини и уже въ пору составленія договора литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ 1366 года составлявшіе, каждый въ отдѣльности, особый „territorium“—повѣтъ, стоявшій особнякомъ отъ другихъ замковыхъ округовъ южной Волини ³⁾. Вторая группа такихъ же замковъ съ повѣтами (къ югу отъ Кременца) состояла изъ удѣльныхъ владѣній потомковъ стараго рода князей Несвицкихъ — Збаража, Вишнева, Манева, Олексинца и др.

Остановимся прежде всего на *Кременцѣ*. Основаніе его нѣкоторые изслѣдователи ⁴⁾ относятъ еще къ IX или X ст. Преданія и легенды, записанныя въ трудахъ старыхъ польскихъ историковъ и

¹⁾ Въ старину такая же „украинна“ отгораживала отъ Польши русское Забужье—Люблинскую землю (*Олесичъ*, Борьба, 189—190).

²⁾ *Андрияшевъ*, Очеркъ ист. Волинской земли, 96.

³⁾ Въ хроникѣ Яна Чариковскаго находимъ слѣдующее сообщеніе о договорѣ 1366 г.: „Pax autem in formam coaluit hanc: Lubardo Luceoriensis terra cum omnibus territoris et villis quemadmodum fuit a principio, i. e. Stożek, Danilów, Zakamień, Szumsk, Ostrog, Polonne et Międzyboże (*Stecki, Wołyń*, II, 92). Во главѣ такихъ округовъ-повѣтовъ стоятъ Стожокъ—ближайшій сосѣдъ Кременца, несомнѣнно имѣвшаго въ то время также свой territorium, который вмѣстѣ съ замкомъ Кременцемъ, по тому же договору 1366 г., отошелъ къ Польшѣ (см. ниже).

⁴⁾ *Stecki, Wołyń* II, 102.

геральдикомъ, указываютъ на существованіе Кременца уже въ концѣ XI вѣка ¹⁾. Въ послѣдующее время Кременецъ не разъ упоминается въ лѣтописи, какъ одна изъ древнихъ, выдающихся твердынь Волинской земли ²⁾. При первомъ литовскомъ князѣ, Любартѣ Гедиминовичѣ, Кременецъ принадлежалъ первоначально къ составу его волинскихъ владѣній. Въ договорѣ литовскихъ князей съ королемъ польскимъ Казимиромъ 1352 года говорится объ одномъ замкѣ (*castrum*) Кременецѣ ³⁾. Какъ замѣчено раньше, въ пору составленія договора 1366 года Кременецъ, подобно другимъ замкамъ южной Волини, раздѣленнымъ между Любартомъ и Казимиромъ, уже имѣлъ значеніе особаго округа (*territorium*). Кременецкій повѣтъ (*districtus*) рядомъ съ замкомъ (*castrum*) упоминается въ привилеѣ Владислава-Игеллы, данномъ имъ въ 1392 году Скиргайлу на Кременецкій удѣлъ ⁴⁾ и именно не въ смыслѣ новой волости, впервые при Скиргайлѣ прибавленной къ замку Кременецкому, а какъ стараго округа, присоединеннаго къ нему раньше привилея 1392 года. Въ одномъ изъ актовъ XV ст. упоминается Кременецкая „земля“, въ значеніи не отдѣльной области (какъ „земля“ Луцкая, Владимірская, Волинская), а лишь земельныхъ владѣній Кременца ⁵⁾. Территориальный составъ „волости“ Кременецкаго повѣта ⁶⁾ опредѣляется довольно точно позднѣйшими люстраціями 1545, 1552 и 1563 гг. (первыя двѣ люстраціи были произведены еще въ то время, когда Кременецъ составлялъ удѣлъ королевы Боны). Изъ этихъ люстрацій вообще видно, что Кременецкій повѣтъ, по своему территориальному составу, предста-

¹⁾ Ibid., 90, 102—103.

²⁾ Изъ лѣтописнаго сообщенія о первомъ нашествіи Батыевой орды на южную Русь въ 1240 г. извѣстно, что Кременецъ не могли взять татарскія полчища и лишь позже, въ 1261 г., по требованію татаръ, волинскій князь Василько долженъ былъ уничтожить укрѣпленія Владиміра, Луцка и Кременца (Ипат. лѣт., 508, 523, 568. *Stecki, Wołyń*, II, 102—104. *Baliński*, III, 75. *Петровъ*, Волинь, 46 — 47).

³⁾ А. З. Р., I, № 1. Андрияшевъ полагаетъ, что Кременецъ въ XIV столѣтій, кромѣ собственно городской земли, вообще не имѣлъ особой территоріи, тянувшей къ замку (Очеркъ, 60), что, однако, не совсѣмъ вѣрно.

⁴⁾ *Sokołowski i Szujski*, Cod. epist., 17. *Skarbiesc*, № 623.

⁵⁾ „А от Земельское криници простиае черес дуброву до Кременецкое земли, а на другую сторону тоежь дороги дуброва и лесы ничого тое земли от Манева не отошло“ (*Arch. Sang.*, I, стр. 76).

⁶⁾ О Кремен. повѣтѣ см. *Arch. Sang.*, I, стр. 87, 50, 95, 113, 123 и пр. О Кременецкой волости—*ibid.*, III, 452. *Арх. Юго-Зап. Россіи*, ч. VII, т. II, стр. 31, 75 и слѣд.

влялъ незначительную волость. бывшую въ распоряженіи владѣтелей Кременецкаго удѣла ¹⁾.

Сохранилось извѣстіе, не лишенное, повидному, основанія, о томъ, что Кременецъ гораздо раньше договора 1352 года, еще при Гедиминѣ (ум. 1341 года), сдѣлался удѣломъ Юрія Наримонтовича (племянника волинскаго князя, Любарта Гедиминовича ²⁾), по весьма вѣроятному предположенію, владѣвшаго и Белзомъ также раньше упомянутаго договора ³⁾. Завоеваніе русскихъ земель польскимъ королемъ Казимиромъ въ 1349 году, распространилось на Кременецъ и вообще на всю западную часть южной Волыни (съ г. Олеско) ⁴⁾. Этимъ завоеваніемъ объясняется участіе Казимира въ надѣленіи, по договору 1352 года, Юрію Наримонтовичу въ удѣлъ Кременца, даннаго ему отъ имени не однихъ литовскихъ князей, но и Казимира: „а Кременецъ держати Юрью Наримонтовичу отъ князей литовскихъ и отъ короля за 2 лѣтъ, а города не рубити, а коли миръ станетъ, Юрью князю города лишится“ ⁵⁾. Кременецъ данъ Юрью лишь на два года. Неизвѣстно съ точностью, когда именно Юрій „лишился“ своего удѣла. Въ современныхъ актахъ сохранилось указаніе, что въ началѣ 60-хъ годовъ Кременцомъ владѣлъ Казимиръ. Въ его привилеѣ 1361 г., на имя Ходка Выбельскаго, упоминается въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ при составленіи привилея, панъ Лѣсота, воевода кременецкій, очевидно, управлявшій Кременцомъ отъ имени короля ⁶⁾. По договору 1366 года, Кременецъ вмѣстѣ съ большей частью Владимірскаго княжества и съ западной половиной южной Волыни (съ Олеско и Перемылемъ) былъ уступленъ Ольгердомъ и Любартомъ

¹⁾ По люстраціи 1545 г. волость, тянувшая къ Кременецкому замку, состоитъ всего изъ 18 замковыхъ селъ, съ очень незначительнымъ составомъ населенія, въ количествѣ 240 тяглыхъ и 34 путниковъ въ цѣлой волости, то-есть, среднимъ числомъ, по 15 тяглицевъ на одно поселеніе. Кромѣ того, на территоріи той же волости было 8 селъ, принадлежавшихъ князьямъ Острожскимъ, Четвертевскимъ. также мѣстнымъ панамъ и землянамъ; принадлежавшія имъ села тянули къ Кременцу лишь по „военной потребѣ“ (Памятн., IV, отд. 2, стр. 194 и слѣд.). Приблизительно такой же составъ имѣетъ Кременецкая волость и по люстраціямъ 1552 и 1563 г. (Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, стр. 31—34, 75 и слѣд.).

²⁾ *Baliński*, *Star. Polska*, 2-е изд., III, 76. Къ сожалѣнію, Баллинскій не указываетъ на источникъ, откуда онъ почерпнулъ свое сообщеніе о принадлежности Кременца Юрію при Гедиминѣ.

³⁾ *Филевичъ*, *Борьба*, 93.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ А. З. Р., I, № 1.

⁶⁾ *Akta grodz. i ziemskie*, I, № 5. Ср. *Филевичъ*, *Борьба*, 94.

польскому королю ¹⁾. Сохранилось извѣстіе, что вся западная часть Волини (въ томъ числѣ и Кременецъ), отошедшая къ Польшѣ по договору 1366 года, была отдана королею въ удѣлъ племяннику Любарта, подольскому князю Александру Коріатовичу, подъ условіемъ подчиненія Польшѣ ²⁾. По смерти Казимира въ 1370 году Любартъ, при помощи Кейстута, взялъ обратно волинскіе города, занятые поляками по договору 1366 года, въ томъ числѣ и Кременецъ ³⁾. Черезъ 7 лѣтъ Кременецъ снова становится владѣніемъ короля польскаго и венгерскаго Людовика и лишь по смерти послѣдняго (въ 1382 году) окончательно отходитъ къ Любарту ⁴⁾. По смерти послѣдняго ⁵⁾ Кременецъ, бывший вмѣстѣ съ Владимірскимъ княжествомъ нѣкоторое время въ управленіи Федора Любартовича, отошелъ къ непосредственнымъ владѣніямъ литовскихъ государей ⁶⁾. Взамѣнъ уступленнаго Витовту велико-княжескаго удѣла, Скиргайло получилъ въ 1392 году отъ короля Владислава-Ягеллы и Витовта въ потомственное владѣніе Кременецкій удѣлъ, которымъ онъ и владѣлъ до своей смерти (въ 1396 г.) ⁷⁾. Судьба Кременецкаго удѣла въ начальные годы XV столѣтія не совсѣмъ опредѣленно представляется въ источникахъ. Несомнѣнно, однако, что, подобно Владиміру и Луцку, Кременецъ составлялъ личный удѣлъ Витовта вплоть до его смерти и управлялся назначенными имъ старостами ⁸⁾. Есть из-

¹⁾ Skarbiec, № 432.

²⁾ *Stecki, Wołyń*, II, 113—114. *Smolka*, Kiejstut, 10.

³⁾ Александръ Коріатовичъ, уѣхавшій въ то время въ Краковъ на погребеніе Казимира, не возвращаясь больше на Волинь, а ушелъ въ свой Подольскій удѣлъ, гдѣ, какъ полагаютъ, онъ былъ убитъ татарами (*Stecki, Wołyń*, II, 115).

⁴⁾ *Stecki, Wołyń*, II, 116—117. *Baliński, Star. Polska*, III, 76.

⁵⁾ Въ концѣ 1385 г. или въ началѣ слѣдующаго года. См. выше.

⁶⁾ *Stecki, Wołyń*, II, 118—119. *Андриашевъ*, Очеркъ, 60.

⁷⁾ *Sokolowski i Szujski, Cod. epist.*, стр. 17. *Prochaska, Cod. epist. Vitoldi* № 98. Skarbiec. № 623. Cp. *Wolff, Ród*, 150. *Stadnicki, Bracia*, 174, 279. *Stecki, Wołyń*, II, 119. *Baliński, Star. Polska*, III, 76.

⁸⁾ *Стадницкій* (*Syn. Gedym.*, II, 174), *Стенскій* (*Wołyń*, II, 119, 127) и *Молчановскій* (Очеркъ, 248, 255) спутываютъ вопросъ своимъ произвольнымъ предположеніемъ о томъ, что Дмитрій Корибутъ при Витовтѣ владѣлъ Кременецемъ въ качествѣ удѣльнаго князя. Предположеніе это взято изъ Стрыйковскаго (*Крон. изд.* 1846, II, 101), сообщающаго о томъ, что въ 1398 г. Витовтъ будто бы пожаловалъ Корибуту, вмѣсто утраченнаго имъ удѣла въ Сѣверщинѣ, новый удѣлъ въ Подоліи и Волини—Брацлавъ, Винницу, Соколецъ и Кременецъ. По свидѣтельству вполне достовѣрнаго источника, литовско-русской хѣтониси (*изд. Данпловичемъ*, стр. 52), Витовтъ, послѣ удаленія въ 1393 г. изъ Подоліи Федора Коріат.,

вѣстіе о томъ, что еще при Витовтѣ Кременецкій удѣлъ достался было на непродолжительное время Свидригайлу ¹⁾; востояннымъ же удѣльнымъ владѣтелемъ Кременца Свидригайло сдѣлался лишь съ 1430 года, когда онъ получилъ великокняжескій столъ. Съ тѣхъ поръ Кременецъ оставался личнымъ удѣломъ Свидригайла до самой его смерти (въ 1451 году) ²⁾, когда Кременецъ отошелъ къ непосредственнымъ владѣніямъ литовскихъ государей ³⁾. Удѣльная обособленность Кременца возстановляется на прежнихъ основаніяхъ въ началѣ XVI столѣтія. Король Сигизмундъ I предоставилъ Кременецкій повѣтъ, вмѣстѣ съ городомъ Тихомлей (позд. Ямполемъ) на рѣкѣ Горыни, въ удѣлъ князю литовскому Янушу, епископу виленскому (какъ полагають, побочному сыну Сигизмунда). Послѣ перехода (въ 1536 г.) князя Януша на Краковскую кафедру, его удѣлъ былъ пожалованъ Сигизмундомъ-Августомъ послѣдней удѣльной владѣтельницѣ Кременца—королевѣ Бонѣ, во владѣніи которой оставался этотъ замокъ до выѣзда ея изъ Литвы въ 1556 году ⁴⁾. До какой степени сознавалась населеніемъ Кременца его удѣльная обособленность, даетъ весьма характерное показаніе люстрація Кременецкаго замка (удѣла королевы Бонны), предпринятая въ 1545 году, по непосредственному приказу литовскаго государя. Посланецъ Сигизмунда-Августа, Юрій Фальчевскій, епископъ луцкій и берестейскій, составлявшій на мѣстѣ, по порученію государя, описаніе главныхъ волынскихъ замковъ—Владимірскаго, Луцкаго и Кременецкаго, потребовалъ, между прочимъ, отъ кременецкихъ мѣщанъ точныхъ показаній о положеніи и устройствѣ ихъ замка, о его оборонительныхъ средствахъ и вообще о годности его къ защитѣ въ случаѣ нужды. Бурмистры и радцы кременецкіе наотрѣзъ отказались исполнить требованіе люстратора, и именно потому, что они обязаны „послушаніемъ“ одной королевѣ Бонѣ, ихъ прямой государынѣ. По словамъ описи 1545 г., „каждый (изъ бурмистровъ и радцевъ) дорогою своею пошелъ, а отказали,

часть ея уступилъ Владиславу-Ягеллѣ, а для управленія остальной частью Подоли, а также Кременца, назначилъ старость; ни Дмитрій-Корыбутъ, ни его сыновья никогда не владѣли никакимъ удѣломъ на Волынѣ (*Wolff*, 159).

¹⁾ *Baliński*, III, 76.

²⁾ *Stecki*, *Wołyń*, II, 129, 131.

³⁾ *Stecki*, *Wołyń*, II, 131—133. *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, IV, 776.

⁴⁾ При Бонѣ Кременецкій повѣтъ управлялся ея намѣстниками и старостами (*Stecki*, *Wołyń*, II, 134—136. *Baliński*, *Star. Polska*, 2-е изд., III, 77, 106, 108. *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, IV, 776).

ижъ деи мы до королевского посланца ничего не маемъ окромъ до королевое ея милости“¹⁾). Со второй половины XVI столѣтїя Кременецъ навсегда утрачиваетъ былую удѣльную обособленность, управляется на одинаковомъ основанїи съ другими господарскими замками.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Кременцомъ находились въ XIV столѣтїи замки: Стожекъ, Даниловъ и Шумекъ, вошедшіе позже въ составъ Кременецкаго повѣта.

Стожекъ (къ сѣверо-востоку отъ Кременца)—одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ Волинской землѣ²⁾). По договору литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ, 1352 г., Стожекъ былъ избранъ мѣстомъ суда, назначеннаго по договору для разбирательства дѣла о „нѣтствѣ“ Любарта³⁾). Повѣтъ (*territorium*) Стожекъ стоитъ на первомъ плацѣ въ числѣ округовъ и городовъ, оставшихся по договору 1366 г. во владѣнїи волинскаго великаго князя Любарта; въ это время Стожекъ считался однимъ изъ большихъ замковъ на Волини⁴⁾). Затѣмъ, вмѣстѣ съ Кременцомъ Витовтъ отдалъ въ 1392 г. въ значенїи потомственного удѣла Скиргайлу и Стожковскій повѣтъ (*districtus*)⁵⁾). Съ тѣхъ поръ, какъ видно изъ люстрацій XV и XVI столѣтїй, не прерывалась связь, установившаяся въ 1392 г. между обоими замками: Стожекъ сталъ принадлежать къ Кременецкому повѣту, хотя и оставался еще на положенїи замка съ господарскимъ дворцомъ⁶⁾). Въ люстраціяхъ Кременецкаго замка XVI столѣтїя Стожекъ упоминается уже въ числѣ сельскихъ поселеній, принадлежавшихъ къ Кременецкому повѣту. Въ началѣ XVI столѣтїя опъ перешелъ, въ значенїи господарской „выслуги“, сначала къ князьямъ Четвертепскимъ, а затѣмъ позже къ Збаражскимъ и Вишневецкимъ⁷⁾),

¹⁾ Памятн., IV, отд. 2-е, стр. 224. Немногимъ лучше были, впрочемъ, и отношенїя волинскихъ князей и землянъ къ люстратору, постоянно встрѣчаемому „непослушанїе“ съ ихъ стороны его распоряженїямъ, дѣлавшимся отъ имени литовскаго господара (см., наприм., *ibid.*, стр. 134—135).

²⁾ По старымъ польскимъ гербовникамъ Стожекъ вмѣстѣ съ Кременцомъ появляется уже во второй половинѣ XI столѣтїя (*Stecki, Wol.*, II, 90). Въ лѣтописи Стожекъ упоминается впервые въ татарскую эпоху, послѣ 1260 г. (Ипат. лѣт., 562, 600).

³⁾ А. З. Р., I, № 1.

⁴⁾ *Stecki, Wol.*, II, 92. *Skarbiec*, № 432.

⁵⁾ *Sokolowski-Szujski, Cod.*, стр. 17. *Prochaska, Cod.*, № 98. *Skarbiec*, 628. *Stadnicki, Syn.*, II, 174

⁶⁾ *Stecki, Wol.*, 92.

⁷⁾ Памятн., IV, отд. 2, стр. 206, 228. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 24. *Stecki, Wol.*, II, стр. 90—93. *Андріашевъ*, Очеркъ, 69.

Даниловъ и *Шумскъ*, лежавшіе въ близкомъ сосѣдствѣ съ Кременцомъ, несомнѣнно, принадлежали къ такимъ же древнимъ волинскимъ городамъ, какъ Кременецъ и Стожекъ ¹⁾. Въ договорѣ литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ, 1366 г., Даниловъ и Шумскъ числятся въ составѣ округовъ, оставшихся по договору за Любартомъ; подобно Кременцу и Стожку, оба упомянутыя поселенія считались во второй половинѣ XIV столѣтія значительными замками Волинской укранны ²⁾. Въ послѣдующее время Шумскъ, подобно Стожку, вошелъ въ составъ Кременецкаго повѣта, числился въ люстраціяхъ XVI столѣтія въ ряду сельскихъ поселеній Кременецкаго повѣта ³⁾. Что касается послѣдующей судьбы Данилова, то въ актахъ послѣ 1366 г. не находимъ никакого намека на Даниловъ. эту старую твердыню южной Волини. Въ люстраціи Кременецкаго замка 1545 г. Даниловъ не упоминается; рядомъ и, очевидно, по сосѣдству съ Стожкомъ и Шумскомъ стоитъ въ этой люстраціи *Тилевка*, въ значеніи села Кременецкой волости. Быть можетъ, Тилевка и есть тогдашнее названіе Данилова. Подлинное названіе его могло быть измѣнено или испорчено самимъ люстраторомъ, составлявшимъ опись замка, какъ и позднѣйшими ея переписчиками. Какъ видно изъ описи Кременецкаго замка, Тилевка вмѣстѣ съ Стожкомъ и другими селами Кременецкой волости была пожалована въ началѣ XVI столѣтія, въ качествѣ господарской „выслуги“ князю Василю Четвертенскому ⁴⁾.

¹⁾ Какъ видно изъ лѣтописи, Даниловъ предъ татарскимъ нашествіемъ былъ такой же крѣпкой твердыней на Волини, какъ и Кременецъ: подобно послѣднему, Данилова въ 1240 г. не могли взять Батманы полчища. Шумскъ лежалъ на р. Виліи въ востокъ отъ Кременца (не далеко отъ него) на территоріи старой Погорини. Въ лѣтописи упоминается Шумскъ впервые годъ 1149 г., когда онъ былъ взятъ галицкимъ княземъ Владиміромъ. Въ 1152 г. Ізяславъ, великій князь кievскій, домогался отдачи ему Шумска Владиміромъ, чего, однако, тотъ не исполнилъ. Подъ 1170 г. Шумскъ упоминается въ числѣ городовъ, принадлежавшихъ къ удѣлу дорогобужскаго князя Владиміра Андреевича. Позже Шумскъ выдѣляется въ особый удѣлъ князя Святослава Шумскаго, погибшаго въ 1224 г. въ битвѣ на Калкѣ. Въ 1261 г. княжество Шумское принадлежало Василю, князю владимірскому, который въ этомъ году въ Шумскѣ приносилъ повинную предъ татарскимъ ханомъ Бурондаемъ (Ипат. лѣт., 508, 523, 562, 573, 586. Никон. лѣт., II, 353. *Stecki, Wołyń*, II, 38—42. *Андрияшев*, Очеркъ, 70—71).

²⁾ *Skarbiec*, № 432.

³⁾ Памятн., IV, отд. 2-е, стр. 202, 207.

⁴⁾ *Źródła dziejowe*, VI, 97, 104. Памятн., IV, отд. 2, стр. 208, 223. Въ инвентарѣ имѣній, принадлежавшихъ въ XVII столѣтїи князьямъ Вишневецкимъ, не

Въ крайнемъ западномъ углу южной Волыни, на границѣ съ Галичиной, существовали въ XIV столѣтїи двѣ главныя твердыни, обегавшія Волынскую землю отъ Польши съ юго-западной стороны, — замки Олеско и Закамень, стоявшіе съ своими повѣтами, подобно Кременцу, особняками отъ главныхъ центровъ Волыни. *Олеско*, лежавшій на верховьяхъ р. Стыри, у самой границы съ Львовской землей ¹⁾, впервые упоминается въ договорѣ 1366 г., какъ передовая волынская крѣпость съ южной стороны. До 30-хъ годовъ XV столѣтїя замокъ Олеско вообще раздѣлялъ одинаковую участь съ Кременцомъ: они вмѣстѣ отходятъ къ Польшѣ, вмѣстѣ же и возвращаются въ составъ владѣній Любарта. Причисленный по договору 1366 г. къ владѣніямъ польскаго короля Казимира (въ составѣ Галицкой Руси), замокъ Олеско затѣмъ, по смерти Казимира (1370 г.), отходитъ вмѣстѣ съ Кременцомъ къ Волыни; чрезъ семь лѣтъ Олеско съ Кременцомъ занимаютъ венгерскимъ гарнизономъ и лишь по смерти польско-венгерскаго короля Людовика (1382 г.) становятся опять въ ряды волынскихъ замковъ. При Сигизмундѣ Кейстutowичѣ, въ 1432 г., Олеско окончательно отходитъ къ Польшѣ, становится однимъ изъ пограничныхъ польскихъ замковъ въ Галичии ²⁾. Еще меньше свѣдѣній сохранилось о *Закаменѣ*, другомъ замкѣ, принадлежавшемъ, повидимому, къ южной Волыни. Онъ упоминается только въ договорѣ 1366 г. въ числѣ волынскихъ замковъ, оставшихся во владѣніи Любарта ³⁾. Полагаютъ, что Закамень договора 1366 г. позже извѣстенъ былъ подъ именемъ Подкаменя, числившагося въ составѣ галицкихъ городовъ и лежавшаго на р. Свири, на южномъ

речисляются главныя владѣнія ихъ на Волыни, и въ числѣ ихъ упоминается „Даниловщина“, волость, состоявшая изъ 12-ти селъ; въ числѣ послѣднихъ, впрочемъ, нѣтъ Данилова. Не стоитъ ли названіе этой волости въ связи съ старымъ замкомъ Даниловымъ? (*Przedświecki, Podole, I, 58*).

¹⁾ Въ актахъ XVI столѣтїя встрѣчается въ Холмской землѣ другое поселеніе того же имени — село Олеско въ Любомъскомъ староствѣ (см. Люстрацію этого староства, 1664 г., въ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 361 — 362. Ср. *Baliński, II, 926*).

²⁾ *Skarbies, № 432, Stecki, Wolyń, II, 132. Андрияшевъ, Очеркъ, 61. Baliński, Star. Polska, II, 741*. Въ послѣдней четверти XV столѣтїя владѣнія князей Збаражскихъ въ южной Волыни (Вишневецъ съ его волостями) простирались длинной полосой къ западу „до самой границы Олескоа“ (*Arch. Sang., I, стр. 71*. Ср. Археогр. Сборникъ, I, стр. 108—109).

³⁾ *Skarbies, № 432*.

порубежьы Волини съ Галичиной ¹⁾. Неизвѣстно, когда именно Закамень перечисленъ въ составъ галицкихъ замковъ, послѣ ли Люблинской уніи, когда вся Волинская земля уже отошла къ Польшѣ, или же раньше, напримѣръ, въ 1432 г., одновременно съ замкомъ Олеско. Съ нѣкоторой вѣроятностью можно полагать, что Закамень отошелъ къ Польшѣ раньше Люблинской уніи: въ то время было существенно важно въ польскихъ интересахъ оттянуть отъ Волини двѣ пограничныя ея твердыни и сдѣлать ихъ опорными пунктами съ польской стороны противъ Литовскаго княжества. Послѣ Люблинской уніи Закамень, сдѣлавшись простымъ, внутреннимъ городомъ, во всякомъ случаѣ потерялъ бывшее значеніе, какимъ онъ, несомнѣнно, пользовался до присоединенія Волини къ Польшѣ, какъ одинъ изъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ на границѣ государства ²⁾.

Ф. Леонтовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

¹⁾ На картѣ Волинской земли Андрияшева (Очеркъ, 292) Закамень помѣченъ между Олеско и Кременцомъ, почти по прямой линіи между ними, что едва ли вѣрно. Какъ мы знаемъ, послѣдніе два города, по договору 1366 г., отошли къ Польшѣ, тогда какъ Закамень по прежнему остался въ составѣ волинскихъ владѣній Любарта. При обозначеніи положенія Закаменя по Андрияшеву выходитъ, что приобрѣтеніи Польши раздѣлялись владѣніями Любарта, чего на дѣлѣ, конечно, не могло быть. Правильнѣе, какъ кажется, обозначено положеніе Подкаменя на картѣ старой Польши 1772 г., въ прибавленіи ко 2-му изданію сочиненія Балинскаго: *Staroż. Polska* (IV, стр. 720). Здѣсь Подкамень помѣченъ къ югу отъ Кременца и къ юго-востоку отъ Олеско, по сосѣдству съ Олександрцемъ (къ западу отъ него), владѣніемъ князей Збаражскихъ.

²⁾ *Андрияшевъ*, Очеркъ, 70—71. *Stecki*, *Wolyń*, II, 41. *Baliński*, *Star. Polska*, II, 781.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ ССХСII.

1894.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
— Программа журнала „Византійскій Временникъ“	1
О. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права (окончаніе)	1
И. Д. Чечулинъ. Проектъ Императорскаго совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II	68
И. Н. Ждаповъ. Василій Вуславичъ и Волкъ Вославъевичъ (окончаніе)	88
И. А. Шляпкинъ. Ов. Питиримъ епископъ Пермскій	135

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Ив. А. Тихомировъ. Забвѣніе отеческое. Сочиненіе И. Т. Посошкова. С.-Пб. 1893	146
Ив. А. Тихомировъ. Страничка изъ исторіи высшаго духовнаго просвѣщенія въ Россіи	167
Д. М. Поздѣевъ. У-тай, его прошлое и настоящее. Д. Покотилова. С.-Пб. 1893	171
И. Н. Страховъ. Человѣкъ какъ предметъ воспитанія. Константина Ушинскаго. Изданіе 8-е, сокращенное, подъ редакціей К. К. Сентъ-Илера и Л. Н. Модзалевскаго. С.-Пб. 1894	184
— Книжныя новости	186
И. Е. Скворцовъ. Современное педагогическое образованіе учителей нѣмецкихъ гимназій	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Неофилологическое общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ за 1891—1893 годы	1
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	49

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

И. Н. Платонова. „Риторика“ Аристотеля (окончаніе)	113
А. М. Ловягинъ. Извѣстія классическихъ писателей о началѣ первой Пунической войны	125
В. К. Ершtedтъ. Въ Мірскихъ комедіяхъ Эзопа	150

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ	65.
--	-----

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 4-го марта).

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКАГО ПРАВА ¹⁾.

VII.

По сосѣдству съ Кременецкимъ удѣломъ располагалась *Збаражчина*, состоявшая въ XV столѣтіи изъ удѣльныхъ владѣній потомковъ старыхъ князей *Несвицкихъ*. Владѣнія ихъ занимали западную половину Волынской Украйны, простирались внизъ отъ Кременецкой волости до Подольской и Львовской границы на югѣ, отъ Олеско съ запада, по р. Серету до Горыни и далѣе по долинамъ р. Иквы, Случи и Вилии, до границъ Кузминскаго и Каменецкаго повѣтовъ съ востока ²⁾. До XV столѣтія вся эта мѣстность была слабо населена, представляла собой такое же „кошарище“ (степное пастбище), какъ и порубежье Владимірскаго повѣта съ Белзской землей еще въ половинѣ слѣдующаго столѣтія ³⁾. Въ пору образованія Збаражскаго княжества (въ XV столѣтіи) его территория, называвшаяся „Вороново стадо“, сохраняла во многомъ старый степной характеръ ⁴⁾. Лишь со второй половины XV столѣтія Збаражчина стала постепенно покрываться сплошной сѣтью пограничныхъ замковъ съ тянувшими къ нимъ волостями.

Збаражъ, на р. Гнѣздо, впервые упоминается въ 1434—1435 гг., въ присяжныхъ листахъ Ѳедора (Ѳедки), князя Несвицкаго, въ качествѣ принадлежавшей ему „данины“. Неизвѣстно, когда именно Зба-

¹⁾ *Окончаніе*. См. февральскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ Арх. Сборн., I, № 31, стр. 109 — 120. *Stecki, Wołyń, II, 206. Encykl. Powst., XXVII, 228.*

³⁾ Археогр. Сборн., I, стр. 94.

⁴⁾ *Stadnicki, Bracia, 108. Stecki, Wołyń, II, 211.*

ражъ пожалованъ князю Несвицкому ¹⁾. Несомнѣнно, однако, что Збаражъ составлялъ не вотчину, а лишь пожизненную „данину“ князя Несвицкаго ²⁾. Послѣ его смерти Збаражъ на такомъ же правѣ „доживотья“ перешелъ было въ 1442 г. къ одному изъ волинскихъ землянъ—Дениску Мокосѣю или Мукосѣевичу ³⁾, но затѣмъ снова возвратился въ родъ прежняго владѣльца, перешелъ къ его сыну, князю Василю Оодоровичу Несвицкому. Кромѣ Збаража, послѣдній получилъ и другія, тяпущія къ его удѣлу, поселенія—Вишневецъ, Маневъ и пр. ⁴⁾. Въ слѣдующемъ поколѣнн князей Несвицкихъ, при сыновьяхъ Василя Оодоровича Несвицкаго, Збаражчина стала дробиться на особые удѣлы (дѣльницы), сдѣлавшіеся затѣмъ „отчинами и дѣдинами“ различныхъ отраслей рода князей Несвицкихъ. Первый опытъ раздѣла Збаражчины на „дѣльницы“ принадлежитъ 1463 г. Въ этомъ году „милостю Божею“ князья Василий, Семень и Солтанъ, сыновья Василя Оодоровича Несвицкаго, раздѣлили свою Збаражскую отчину на 4 удѣла:

1) *Збаражъ* съ тянувшей къ нему волостью (изъ 30 селъ)—удѣлъ князя Василя Васильевича, родоначальника послѣдующихъ князей Збаражскихъ;

2) *Колоденъ* съ волостью (изъ 21 села)—удѣлъ князя Семена Васильевича Колоденскаго ⁵⁾;

3) *Вишневецъ* (на Горыни) съ волостью (изъ 8 селъ) — удѣлъ князя Солтана Васильевича;

4) *Маневъ* съ волостью (изъ 10 селъ) ⁶⁾ — пожизненный удѣлъ матери перечисленныхъ князей ⁷⁾.

Вскорѣ, впрочемъ, по смерти владѣтельницы Манева, послѣдній отошелъ къ Вишневецкому удѣлу князя Солтана Васильевича, на основаніи рѣда, принятаго князьями при первомъ же раздѣлѣ ихъ

¹⁾ Князь Оедко Несвицкій является дѣйствующимъ лицомъ на Волыни въ 30-хъ годахъ XV столѣтія, лишь со временъ великаго князя Свидригайла (*Wolff. Ród*, 157). Около этого времени Збаражъ, вѣроятно, и пожалованъ Свидригайломъ князю Несвицкому.

²⁾ *Stecki, Wolyń*, II, 127. *Wolff*, 157—158.

³⁾ *Крыновичъ*, Собр. I, № 19. А. Ю.-З. Р., II, № 73.

⁴⁾ *Stecki*, II, 208.

⁵⁾ О названіи Семена Васильевича княземъ Колоденскимъ см. *Arch. Sang.* I, 79.

⁶⁾ О князьяхъ Маневскихъ см. *Arch. Sang.*, I, стр. 80—81.

⁷⁾ *Ibid.*, I, стр. 54—55.

отчины въ 1463 году. Образовавшіеся такимъ образомъ три удѣла: Збаражскій, Колоденскій и Вишневецко-Маневскій существовали отдѣльно до смерти князя Солтана Васильевича въ 1475 г., когда принадлежавшій ему удѣлъ былъ раздѣленъ между оставшимися отчинами Збаражчины: Маневъ отошелъ къ Колоденскому удѣлу, Вишневецъ—къ Збаражскому ¹⁾. Въ 1482 г. Вишневецъ окончательно выдѣлился въ особый удѣлъ князя Михаила Васильевича, родоначальника всѣхъ послѣдующихъ князей Вишневецкихъ ²⁾. Что касается

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 69—71. Раздѣлъ 1475 г. былъ возобновленъ съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями въ 1478 г. (ibid., 75—76).

²⁾ Ibid., I, стр. 80—81. Въ 1593 г. замокъ Вишневецъ съ принадлежавшей къ нему волостью отошелъ было въ родъ князей Чарторьскихъ по браку одной изъ дочерей князя Андрея Вишневецкаго; въ 1614 г. князь Михайлъ Михайловичъ Вишневецкій выкупилъ свою родовую отчину у князей Чарторьскихъ (А. Ю.-З. Р., I, № 208; *Stecki*, *Wotył*, II, 222). Стадицикій (Olgierd, dodatki, стр. VII) и Бартошевичъ (*Dzieła*, III, 380) полагають, что первоначально князья Вишневецкіе жили въ Любомльскомъ староствѣ (въ Холмской землѣ), гдѣ имъ принадлежало родовое гнѣздо-Вишневъ (*Wiśniów*), по имени котораго они первоначально назывались князьями Вишневскими; Вишневецъ Збаражскій былъ позднѣйшимъ ихъ приобрѣтеніемъ. Основаніемъ для такого предположенія служило описаніе границъ между Польшей и Литовскимъ государствомъ, составленное въ 1545 г. (Археологическій Сборникъ, I, стр. 90). Но въ этомъ описаніи нѣтъ нигдѣ ни слова о Вишневѣ, дѣйствительно находившемся въ Любомльскомъ староствѣ. Въ томъ мѣстѣ описи, на которое дѣлается ссылка Стадицикимъ (стр. 90), говорится лишь объ мѣстѣ Езовѣ, принадлежавшемъ князю Александру Вишневецкому (Вишневецкому, какъ онъ называется въ другихъ мѣстахъ описи); но дѣло въ томъ, что мѣстѣ это лежало не въ Любомльскомъ староствѣ (принадлежавшемъ Польшѣ), а „въ великомъ князствѣ“, въ Владимірскомъ повѣтѣ, и при томъ на границѣ не съ Любомльскимъ староствомъ, а гораздо ниже—на границѣ съ староствомъ Городельскимъ Бѣлзскаго повѣта (ibid., 87—90). Изъ той же описи границъ видно, что Любомль, вмѣстѣ съ Ратно, Ковелемъ и Вижвой, чуть ли не до послѣдней четверти XV столѣтія, принадлежали къ удѣлу князей Сангушковъ (имъ же несомнѣнно принадлежалъ и Вишневъ подъ Любомлемъ) и отошли къ Польшѣ при королѣ Казимірѣ. Въ описи границъ говорится: „Ратно и Любомль то было великаго князства и взято (Польшей) за короля Казимера“; „тѣ грани покладаѣ князь Сецяшюко (Сангушко), который держалъ Ковель и Ратень и Любомль и Вижву и вси тѣ села“; „тоє Ратно и Любомль отняли ку коруцѣ за Казимира короля“ (Археогр. Сборн., I, 61, 75). Въ составѣ польскихъ владѣній Любомль съ принадлежавшими ему селами, въ томъ числѣ и Вишневымъ, составилъ особое староство, въ которомъ вовсе не было ничьихъ частныхъ владѣній, какъ это видно, между прочимъ, изъ люстраціи Любомльскаго староства, 1564 г. (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, 345 и слѣд.). Словомъ, Вишневъ, принадлежавшій въ XV столѣтіи къ удѣлу Сангушковъ, а затѣмъ позже къ королевскимъ владѣніямъ въ Польшѣ,

бывшихъ удѣловъ Колоденскаго и Маневскаго, то они держались въ родѣ князей Несвицкихъ до конца XV столѣтія. По смерти перваго ихъ владѣльца, князя Семена Васильевича Колоденскаго, оба удѣла перешли къ его женѣ, княгинѣ Маріи Ровенской, а послѣ нея—къ дочери, бывшей замужемъ за княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ. Послѣдній, еще при королѣ Александрѣ (1492—1506), получилъ особый привилей на владѣніе замками Колоденскимъ и Маневскимъ съ принадлежавшими къ нимъ волостями. Съ тѣхъ поръ бывшія владѣнія князей Колоденскихъ и Маневскихъ вошли въ составъ Острожскаго княжества ¹⁾.

Кромѣ Збаражскихъ отчинъ и дѣдинъ, князья Несвицкіе и ихъ потомки, позднѣйшіе владѣтели Збаражчины, приобрѣтаютъ въ XV, а особенно въ XVI и XVII столѣтіяхъ, путемъ господарскихъ выслугъ и частныхъ сдѣлокъ, обширныя владѣнія въ различныхъ областяхъ литовской Руси. Въ XV столѣтіи общей выслугой владѣтелей Збаражчины считались только немногія имѣнія въ Луцкомъ повѣтѣ (Городокъ, Дворецъ и Студеняковцы), вошедшія въ 1463 г. въ составъ „дѣльницъ“, на какія разбилась Збаражчина ²⁾. Кромѣ того, князья Збаражскіе приобрѣтали въ XV столѣтіи, путемъ частныхъ сдѣлокъ, большую часть въ сосѣднемъ Луцкомъ повѣтѣ, владѣнія, составлявшія личную ихъ отчину, не входившую въ общій раздѣлъ между владѣтелями Збаражчины ³⁾. Выслуги и частныя приобрѣтенія владѣльцевъ Збараж-

ныиномъ образомъ не могъ быть „родовымъ гнѣздомъ“ князей Вишневецкихъ. Въ то время, когда Вишневецъ Збаражскій выдѣлился въ особый удѣлъ князей Вишневецкихъ (1463 г., окончательно—1482 г.), Вишневецъ Любомльскій еще принадлежалъ Сангушкамъ или только что отошелъ къ Польшѣ и былъ причисленъ къ королевскимъ волостямъ. По всей вѣроятности, Стадницкій смѣшалъ князей Вишневецкихъ съ польскими *папами* Вишневецкими, о которыхъ описъ границъ 1545 года говоритъ, какъ о владѣльцахъ имѣнія Торки съ приселками Хусово и Кляже, въ Белзскомъ повѣтѣ (Археографическій Сборникъ, I, 100). Нѣтъ также основаній считать „родовымъ гнѣздомъ“ князей Вишневецкихъ Вишневецъ въ Луцкомъ повѣтѣ, пожалованный еще въ 1428 г. Витовтомъ епископу Андрею Луцкому и принадлежавшій къ владычнымъ имѣніямъ еще во время люстраціи Луцкаго замка 1545 г. (*Prochaska*, Cod. epist. Vitold., № 1322. Памятн., IV, 79, 80, 83, 89, 111).

¹⁾ Arch. Sang., III, 163, 166—168; IV, 288. О судьбѣ Збаражчины въ XVI и слѣдующихъ вѣкахъ см. также Памятн., IV, отд. 2, стр. 226. Археогр. Сборы., I, № 31, стр. 109—121. А. Ю.-З. Р., I, № 208. *Przedwiecki*, Podole, I, стр. 69—74, 79. *Stecki*, Wołyń, II, 191—192, 386, 399, 401—406, 416 и пр.

²⁾ Arch. Sang., I, 53—54, 70, 76, 79.

³⁾ Въ такимъ личнымъ владѣніямъ относились: Ровное (въ Луцкомъ повѣтѣ), хушенное въ 1461 г. княземъ Семеномъ Васильевичемъ Несвицкимъ у Ивашки

чины достигаютъ широкихъ размѣровъ собственно въ XVI и XVII столѣтiяхъ; но всѣ эти выслуги и купленныя принадлежали князьямъ Вишневецкимъ и Збаражскимъ на простомъ вотчинномъ правѣ, безъ стараго удѣльнаго значенiя ¹⁾.

Дычко Василевича и перешедшее послѣ къ его женѣ (Марiи, княгинѣ Ровенской), а затѣмъ къ князьямъ Острожскимъ (Arch., I, 53, 120; III, 166); Забороль съ волостью—личный удѣлъ князя Юрiа Федоровича Несвицкаго, записанный имъ въ 1467 г. его женѣ за вѣно (*Stadnicki*, I, 205; *Wolff*, 158); Квасилевъ, купленный княземъ Семеновъ Василевичемъ въ 1470 г. у Свирдѣевича (Arch., I, 64; III, 44, 166) и пр.

¹⁾ Въ XVI столѣтiи князьямъ Вишневецкимъ принадлежали обширныя владѣнiя не только на Волыни, но и въ Бѣлоруссiи и Литвѣ. Волынскiя владѣнiя состояли изъ 9 мѣстечекъ и 150 селъ въ Вишневецкомъ имѣнiи, а также изъ другихъ владѣнiй, разбросанныхъ чуть ли не по всѣмъ Волынскимъ повѣтамъ. Въ Кременецкомъ повѣтѣ Вишневецкiя владѣнiя состояли изъ цѣлага ряда отдѣльныхъ имѣнiй: Кушникъ, Подгайцы, Овникъ, Таразь, Камарнянъ, Котлинъ, Овнинъ, Залѣсцы, Кушминъ, Моравица и др. (Памяти., IV, отд. 2, стр. 200, 209. Арх. Ю.-З. Р., VII, отд. II, стр. 24—25, 58. А. Ю.-З. Р., I, № 208). Въ Луцкомъ повѣтѣ Вишневецкимъ принадлежали: Перемыль, Дривичъ и Ежова (Памяти., IV, 113, 115, 181. Arch. Sang., III, 404. *Stecki*, *Wołyń*, II, 213); въ Владимiрскомъ повѣтѣ: Ведута, Езово, Матеевъ, Моровицы, Мышовъ, Устилузь, Дзвинь и Черняковъ (Памяти., IV, 17, 23, 25, 87, 113, 115, 181. Археогр. Сборн., I, 80, 87—89, 91. А. Ю.-З. Р., I, № 208). По инвентарю князя Дмитрiя Вишневецкаго въ XVII столѣтiи числилось за нимъ на Волыни до 16 городовъ и „ключей“ съ обширными волостями (*Przedzielski*, *Podole*, I, стр. 57 и слѣд. *Stecki*, *Wołyń*, 341—343). Затѣмъ въ XVI столѣтiи князьямъ Вишневецкимъ принадлежали въ различныхъ Бѣлорусскихъ повѣтахъ (Минскомъ, Новгородскомъ, Опшянскомъ, Слонимскомъ, Лидскомъ и Городенскомъ) до 15 городовъ, мѣстечекъ и дворцовъ съ принадлежавшими къ нимъ волостями (А. Ю.-З. Р., I, 208); въ концѣ XVI столѣтiя Бѣлорусскiя имѣнiя Вишневецкихъ отошли къ князьямъ Радзивилламъ-Биржанскимъ и другимъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ (*ibid.*). Въ собственной Литвѣ князья Вишневецкiе владѣли двумя имѣнiями: Дзильвой и Великимъ Можейковымъ (*Przedzielski*, *Podole*, I, 60). Въ XVII столѣтiи главныя владѣнiя князей Вишневецкихъ сосредоточивались въ Заднѣпровской Украинѣ, Брацлавщинѣ и Латичевскомъ повѣтѣ Подолiи. О Полтавскихъ имѣнiяхъ Вишневецкихъ см. выше. Въ Черниговщинѣ: Ичня, Голѣнка, Самборъ и пр. По инвентарю Михаила Дмитрiевича Вишневецкаго, въ Заднѣпровьи ему принадлежало до 60 городовъ, мѣстечекъ и дворцовъ съ обширными волостями, въ которыхъ числилось „господарей“ (крестьянъ, владѣвшихъ отдѣльными хозяйствами) до 39.610 (*Przedzielski*, I, 41—44. *Stecki*, II, 280). Въ Брацлавщинѣ князьямъ Вишневецкимъ принадлежало 4 замка (Монастырище, Дашовъ, Погребнице и Борщеговка), 5 мѣстечекъ и 31 село; въ Латичевскомъ повѣтѣ — замокъ Черный Островъ и 14 селъ (Арх. Ю.-З. Р., VII, отд. II, стр. 532, 543—544). Въ общей сложности владѣнiя князей Вишневецкихъ заключали до 60-ти городовъ и мѣстечекъ съ громаднымъ

Въ XVI же столѣтіи образуются „дѣльницы“ трехъ новыхъ отраслей рода князей Збаражскихъ—князей *Порицкихъ*, *Воронецкихъ* и *Войновъ-Воронецкихъ*, имѣвшихъ значеніе не старыхъ удѣльныхъ владѣтелей, а лишь служилыхъ князей, числившихся въ ряду мѣстныхъ „господарскихъ дворянъ“. Порицкъ, главное владѣніе князей Порицкихъ, упоминается впервые при Витовтѣ. Въ 6045 г. (до 1430 г.) Витовтъ далъ папу Ильѣ Вячковичу привилей на потомственное владѣніе селами: въ Владимірскомъ повѣтѣ—двумя Порицкими, Гриковичами и Трубками; въ Луцкомъ повѣтѣ—Ворончинымъ, Тристеномъ и Стыденомъ ¹⁾. Во владѣніи Ильичей (потомковъ Ильи Вячковича) имѣніе ихъ находилось до 1500 г., когда, вслѣдствіе брака послѣдней наследницы Ильичей съ княземъ Ѳеодоромъ Васильевичемъ Збаражскимъ, Порицкъ и другія владѣнія Ильичей перешли въ родъ князей Збаражскихъ ²⁾. Этотъ-то князь Ѳеодоръ Збаражскій считается родоначальникомъ князей Порицкихъ и Воронежскихъ ³⁾. Они упоминаются въ числѣ Волинскихъ „земянъ“ въ 1528 г. ⁴⁾. Какъ видно изъ описанія границъ Польши и Литовскаго княжества 1545 г., а также изъ описанія волинскихъ замковъ того же года, владѣнія князей Порицкихъ сосредоточивались на границѣ Волини съ Белзской землей и состояли изъ замковъ Порицка и Грушова или Хрущова ⁵⁾; кромѣ того, въ Збаражчинѣ князьямъ Порицкимъ при-

числомъ сельскихъ поселеній. По обширности владѣній съ Вишневецкими могли равняться только Острожскіе и Радзивиллы—князья Бржанскіе въ Лятвѣ. Что касается князей Збаражскихъ, то, кромѣ Збаражской отчины, имъ принадлежали въ XVI столѣтіи лишь немногія выслуги на Волини. Таковы имѣнія въ Кременецкомъ повѣтѣ: Озеровцы, Лабунь, Городище и Колющаницы; въ Луцкомъ повѣтѣ: Поворскъ и Карасинское; въ Владимірскомъ повѣтѣ: Морозовичи (Памятн., IV, отд. 2, стр. 200. Археогр. Сборн., I, 91. Ревизія пущъ, 2, 3, 5).

¹⁾ *Baliński*, *Star. Polska*, III, 524—525.

²⁾ *Ibid.*, III, 68.

³⁾ Традиція о происхожденіи князей Порицкихъ и Воронежскихъ отъ Збаражскихъ сохранялась въ полной силѣ еще въ XVII столѣтіи. Въ актахъ того времени князья Порицкіе и Воронежскіе обыкновенно именуется князьями „изъ Збаража“. Въ одномъ актѣ 1682 г. встрѣчаемъ такую подпись: „Stephan ze Zbaraża książę Pogucki, ręką swą“. Волинскіе паны, въ инструкціи посламъ, отправленнымъ на Варшавскій сеймъ 1641 г., между прочимъ, поручаютъ посламъ ходатайствовать о вознагражденіи за труды, понесенные „сігса bonum patriae odważnymъ хіеціемъ Jerzymъ ze Zbaraża Woronieckimъ“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 173, 277).

⁴⁾ *Arch. Sang.*, III, 323, 325.

⁵⁾ *Памятн.*, IV, 118, 132. Археогр. Сборн., I, 93.

надлежали два имѣнія: Лозовое и Баймаковцы,—оба на границѣ съ Подоліей ¹⁾).

Что касается князей Воронежскихъ, то принадлежавшія имъ въ 1545 г. владѣнія въ Луцкомъ повѣтѣ—Ворончинъ и Тристенъ, какъ сказано выше, при Витовтѣ были пожалованы Ильѣ Вячковичу и затѣмъ въ началѣ XVI столѣтія, очевидно, вмѣстѣ съ Порацкомъ, перешли къ Ѳеодору Васильевичу Збаражскому. При его сыновьяхъ бывшая отчина Ильиничей раздѣлилась на двѣ дѣльницы: Александръ Ѳеодоровичъ Порацкій получилъ Волинскую отчину ²⁾; его же братъ, Юрій Ѳеодоровичъ, наследовалъ отчину Луцкую—Ворончинъ и Тристенъ, и съ тѣхъ поръ сталъ называться княземъ Воронежскимъ ³⁾. Когда именно отдѣлились князья Войны-Воронцкіе, съ точностью неизвѣстно. О нихъ упоминаетъ, какъ кажется, впервые люстрація (1545 г.) Владимірскаго и Луцкаго замковъ ⁴⁾.

Касательно происхожденія князей, владѣвшихъ Збаражчиной, существуетъ нѣсколько традицій, различно рѣшающихъ данный вопросъ. Наиболѣе распространенной традиціей, имѣвшей до послѣдняго времени значеніе общепризнаннаго научнаго положенія, считается гипотеза о литовскомъ происхожденіи волинскихъ князей Несвицкихъ и ихъ потомковъ. По литовской традиціи, родоначальникомъ удѣльныхъ владѣтелей Збаражчины въ XV столѣтіи былъ Дмитрій-Корыбутъ, сынъ Ольгерда Гедиминовича, который, вмѣсто удѣла, отнятаго у него въ Сѣверцигѣ, получилъ въ концѣ XIV столѣтія (около 1396 г.) отъ великаго князя Витовта новыя владѣнія въ Подоліи и Волини, въ томъ числѣ и Кременецъ, и основанные имъ въ южной окраинѣ Волини замки—Вишневецъ и Збаражъ передалъ своему сыну, Ѳеодору (Ѳедкѣ), князю Несвицкому, ближайшему родоначальнику послѣдующихъ владѣльцевъ Збаражчины. Традиція эта воспроизводится старыми польскими геральдиками и историками ⁵⁾, какъ и позднѣйшими изслѣдователями исто-

¹⁾ Археогр. Сборн., I, 117.

²⁾ Объ Александрѣ Ѳеодоровичѣ Порацкомъ см. Arch. Sang., III, 392, 409; IV, 88, 84 и др.

³⁾ Памятн., IV, 42, 75, 85, III. Arch. Sang., III, 325.

⁴⁾ Памятн., IV, отд. 2, стр. 8. О князьяхъ Порацкихъ и Воронежскихъ см. *Niesiecki*, Herbarz, VII, 424; X, 115.

⁵⁾ *Paprocki*, Herbu, изд. Туровскаго, 862. *Okolski*, Orbis Polon., III, 308 и слѣд. *Niesiecki*, Herbarz, VII, 424; IX, 345; X, 115. *Strykowski*, Kronika, изд. 1846, II, 58, 101—102.

ріи Волини и отдѣльныхъ ея княжествъ ¹⁾). Той же традиціи держатся и нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ южно-русскаго края ²⁾). Въ польской исторической литературѣ еще въ недавнее время высказана была мысль о литовскомъ происхожденіи старыхъ владѣтелей Збаражчины, съ тѣмъ лишь различіемъ отъ установившейся традиціи, что ихъ родоначальникомъ считается не Ѳеодоръ Кобытовичъ, а его братъ, Иванъ Кобытовичъ ³⁾).

Традиціи о литовскомъ происхожденіи владѣтелей Збаражчины имѣютъ тѣ же самые династическіе корни, что и традиціи другихъ выдающихся княжескихъ родовъ на Волини, напримѣръ, Сангушковъ-Любартовичей, Чарторыхскихъ-Ольгердовичей, Курцевичей-Коріатовъ и пр. Усвоеніе княжескими родами на Волини особыхъ „*przodków*“, указывавшихъ на происхожденіе ихъ отъ рода Гедиминовичей-Ягеллоновъ, какъ раньше замѣчено, было дѣломъ самихъ же представителей княжескихъ родовъ. Стремленіе къ усвоенію родовыхъ Ягеллонскихъ именъ, по собственной инициативѣ князей, замѣчается въ особенности послѣ Люблинской уніи, когда пресѣкъсь домъ Ягеллоповъ и установилась избирательная система преемства власти господарей польско-литовскихъ. Представители выдающихся княжескихъ родовъ измышляли родословныя и вообще всячески старались установить родство съ бывшей династіей Ягеллоновъ и этимъ поднять династическое значеніе своихъ родовъ. Усвоенное князьями Збаражскими и Вишневецкими вскорѣ послѣ Люблинской уніи родовое имя „Кобытовъ“, одной изъ боковыхъ Ягеллонскихъ линій; ставило ихъ (особенно же Вишневецкихъ, выдававшихся уже въ XVI столѣтіи изъ ряда другихъ литовско-русскихъ князей по ихъ богатству, обширности владѣній и пр.) прямо въ ряды кандидатовъ на королевскій тронъ, что, какъ извѣстно, и было достигнуто позже

¹⁾ *Przedziecki*, Podole, I, 84 и слѣд. *Stecki*, Wołyń, II, 120—127 (Исторія Кременца). *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е изд., III, 68, 90. Ср. также *Encykl. Powsz.*, XX, 157 и др. Традицію о предоставленіи Витовтомъ въ 1396 г. Брацлава, Винницъ, Сокольца и Кременца въ удѣльное владѣніе Дмитрію-Кобыту признаетъ и Стадницкій (*Sup. Ged.*, II, 174).

²⁾ См., напримѣръ, *Молчановскій*, Очеркъ извѣст. о Подольск. землѣ, стр. 248. Петровъ, въ своей „Подолія“ (стр. 36), повидимому, также не имѣетъ ничего противъ литовской традиціи о происхожденіи старыхъ владѣтелей Збаражчины.

³⁾ См. *Sokołowski i Radziwiński*, Wstęp do listów x. Jerzego Zbaraskiego (Pisarze dziejów polskich V. Archiwum Komisji historycznej, II, стр. 6—7).

представителями „королевской линии“ дома князей Вишневецких¹⁾. Династическія тенденціи въ этомъ направленіи проявляются въ родѣ потомковъ старыхъ князей Несвицкихъ тотчасъ же послѣ Люблинской уніи. Первый опытъ усвоенія Ягеллонскаго имени „Корыбутовъ“, на сколько извѣстно, принадлежитъ князю Стефану Андреевичу Збаражскому. Въ одномъ изъ актовъ 1579 г. этотъ князь титулуется такъ: „кнежата Стефанъ *Корыбутовичъ* Збаражскій, воевода Троцкій“ (раньше Витебскій)²⁾. Затѣмъ въ XVII столѣтіи, какъ видно изъ современныхъ актовъ, династическое имя „Корыбутовъ“ становится общепризнаннымъ, родовымъ „*przudomkem*“ князей Вишневецкихъ. Они сами подписываются Корыбутами; то же династическое имя усваивается ими въ разныхъ официальныхъ актахъ, напри- мѣръ, въ люстраціяхъ староствъ, въ инструкціяхъ волынскихъ, кievскихъ или брацлавскихъ пословъ, отряжавшихся на сеймы, и пр.³⁾. Это-то официальное признаніе Ягеллонскаго происхожденія владѣльцевъ Збаражчины должно было, естественно, превратиться въ твердо установившуюся традицію, развитую затѣмъ какъ въ родословныхъ, составлявшихся въ старыхъ польскихъ гербовникахъ, такъ и въ легендарныхъ сказаніяхъ современныхъ польскихъ историковъ (Стрыйковского и др.). Традиція, созданная такимъ образомъ самими же князьями изъ-за династическихъ тенденцій и закрѣпленная вымыш-

¹⁾ О королевской и княжеской линіяхъ XVI и XVII столѣтій, начавшихся съ князей Александра и Ивана Михайловичей Вишневецкихъ, см. *Stecki, Wołub*, II, 215 и слѣд.

²⁾ Актъ 1579 г. представляетъ запись, составленную по имѣнію женой князя Збаражскаго, урожденной княжной Мстиславской (Ягеллоновской крови). Княжна эта сама себя титулуетъ: „княжна Мстиславская княгиня Стефанова Корыбутовича Збаражскаа“ (А. З. Р., III, № 114).

³⁾ Въ инструкціи волынскихъ пословъ 1639 г. знаменитый Іеремія Вишневецкій упоминается подъ слѣдующимъ титуломъ: „*Oświecony książę Jego Mość Jeremi Korabut Wiszniowiecki*“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 253; ср. 277, 284, 386). Въ инструкціяхъ пословъ кievскихъ, волынскихъ и брацлавскихъ (1655, 1661 и 1662 г.) упоминается: *jasny oświecony książę jego mość Dumitr Jerzy Korabut na Zbarażu Wiszniowiecki*“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. II, 10, 101, 124). Въ Волынской инструкціи 1662 г. говорится о 5-ти князьяхъ Вишневецкихъ: Дмитріи, Іереміи, Михаилѣ, Томашѣ и Константинѣ, всѣ—*Корыбуты* (*ibid.*, 141—142). Въ люстраціи Кіевского воеводства первой половины XVII столѣтія есть слѣдующее мѣсто: „*Tego starostwa (Обручскаго) był possessorem sławnéj ramięci oświecony Michał Korabut książę Wiśniowiecki, który świeżo teraz umarł*“ (*Źródła dziejowe*, V, 79).

ленными родословными старыхъ геральдиковъ, принимается на вѣру всѣми послѣдующими историками края, держится до послѣднихъ дней, какъ беспорная научная аксіома.

Первые опыты строго-научной, критической разработки вопроса о литовскомъ происхожденіи князей Несвицкихъ и послѣдующихъ владѣтелей Збаражчины появляются въ сравнительно недавнее время. Заслуга надлежащей оцѣнки и разработки этого вопроса принадлежитъ современнымъ польскимъ историкамъ—Стадницкому, Бартошевичу и въ особенности Вольфу. Стадницкій и Бартошевичъ раскрыли неосновательность традиции собственно о литовскомъ происхожденіи перваго, исторически-достовернаго владѣтеля Збаражчины — князя Оедки Несвицкаго; они первые указали на чисто-русское, а не литовское его происхожденіе. Стадницкій, между тѣмъ, все-таки держится легенды, пущенной въ ходъ Стрыйковскимъ, о Дмитріѣ-Корыбутѣ, какъ удѣльномъ владѣтелѣ Кременца, основавшемъ Збаражъ и Вишневецъ ¹⁾. Затѣмъ, Стадницкій, а за нимъ и Бартошевичъ не признаютъ ничего общаго между первымъ владѣтелемъ Збаражчины, княземъ Оедоромъ Несвицкимъ, и послѣдующими его преемниками—князьями Збаражскими и Вишневецкими, прямо отрицаютъ княжеское ихъ происхожденіе, причисляютъ Збаражскихъ къ боярскому роду Мокосѣевъ. Лишь Вольфу удалось распутать, какъ слѣдуетъ, старыя традиции и новые домыслы о происхожденіи владѣльцевъ Збаражчины,—удалось доказать документально *единство* ихъ рода, происходящаго отъ русскаго, а не литовскаго корня ²⁾.

Достоверность традиции о литовскомъ происхожденіи князей Несвицкихъ опровергается документальными данными. Вольфъ, какъ замѣчено выше, раскрылъ вполне легендарный характеръ данныхъ, сообщаемыхъ Стрыйковскимъ о Дмитріѣ-Корыбутѣ, какъ объ удѣль-

¹⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., II, 174.

²⁾ *Stadnicki*, Bracia, 105—109. *Ею же*, *Olgiard*, Dodatki, стр. 7. *Bartoszewicz*, Encykl. Powsz., XXVII, 227; *Dzieła*, III, 373, 378—380. *Wolff*, Ród, 156. Кстати укажемъ на замѣчательный сдвѣдъ мыслей и положеній по занимающему насъ вопросу, встрѣчающихся въ извѣстной монографіи Стецкаго по исторіи Волыни,—монографіи, представляющей довольно рѣдкій примѣръ позднѣйшей компіляціи, наполненной непримиримыми противорѣчіями. По нашему вопросу авторъ въ одномъ мѣстѣ принимаетъ гипотезу о литовскомъ происхожденіи князей Несвицкихъ (*Wołuń*, II, 120—127), въ другомъ трактуетъ уже о чисто-русскомъ ихъ происхожденіи (*ibid.*, 208, 212, 401 и др.); въ третьемъ мѣстѣ онъ соглашается, что наны Мокосѣи могли быть „предками“ Збаражскихъ (*ibid.*, 210—211).

номъ князѣ Кременецкомъ, основавшемъ будто бы главные центры Збаражчины, Вишневецъ и Збаражъ, и передавшемъ ихъ своему наслѣднику, князю Ѳедкѣ Несвицкому, предполагаемому сыну Дмитрія Корибута ¹⁾. Измышленная Стрыйковскимъ легенда, по справедливому замѣчанію Вольфа, опровергается показаніями литовско-русской лѣтописи, изданной Даниловичемъ ²⁾. Въ концѣ концовъ оказывается, что на дѣлѣ Корибутъ съ его сыновьями никогда не былъ ни подольскимъ, ни волыньскимъ удѣльнымъ княземъ ³⁾. Затѣмъ, Ѳедоръ Корибутовичъ и Ѳедко Несвицкій, отождествляемые Стрыйковскимъ и польскими геральдиками, по достовѣрнымъ источникамъ являются на дѣлѣ современниками, дѣйствовавшими, какъ отдѣльныя лица, въ совершенно различныхъ сферахъ ⁴⁾. Наконецъ, показаніе польскихъ геральдиковъ о послѣдующихъ владѣльцахъ Збаражчины, какъ потомкахъ Корибутовичей, категорически опровергается родословной литовскихъ князей, составленной въ первой половинѣ XVI столѣтія, то-есть, еще въ то время, когда вовсе не была извѣстна традиція о литовскомъ происхожденіи ни князей Несвицкихъ, ни позднѣйшихъ князей Збаражскихъ и Вишневецкихъ. По показанію упомянутой родословной, родъ Корибута прекратился въ первомъ же поколѣніи: ни одинъ изъ сыновей Корибута не оставилъ послѣ себя потомковъ ⁵⁾.

Такимъ образомъ, въ настоящее время можно считать вполне доказаннымъ положеніе о томъ, что первый удѣльный князь Збаражчины, Ѳедко Несвицкій, не принадлежалъ къ литовскимъ князьямъ рода Гедиминовичей. Что касается, затѣмъ, „отчичей и дѣдичей“, владѣвшихъ Збаражчиной послѣ князя Несвицкаго, то съ конца 60-хъ годовъ между польскими историками Волыни устоялось довольно

¹⁾ *Strzykowski*, Kronika, изд. 1846, II, 58, 101—102.

²⁾ Лѣтописецъ Литвы и хроника русская, 1827, стр. 52.

³⁾ Вольфъ полагаетъ, что взаимно утраченныхъ владѣній въ Сѣверщинѣ Корибутъ получилъ иной удѣлъ, но какой именно—неизвѣстно (*Wolff*, 153); по мнѣнію Стецкаго (*Woluy*, II, 204), Корибутъ не оставилъ своимъ сыновьямъ ничего, кромѣ династическаго имени Корибутовичей. Выше указаны удѣлы, полученные Корибутомъ взаимно Сѣверскихъ, — именно литовскія волости Лощая и Лндская (А. З. Р., I, № 214).

⁴⁾ *Wolff*, 155.

⁵⁾ О сыновьяхъ Корибута завязано въ родословной литовскихъ князей слѣдующее извѣстіе: „Корибутове сынове Иванъ да Жигимонтъ да Ѳедоръ бездѣтны“ (И. С. Р. Я., VII, 255).

прочно мнѣніе о томъ, что отчичи эти не имѣли ничего общаго съ первымъ владѣльцемъ Збаражчины, принадлежали не къ княжескому, а простому боярскому (землянскому) роду, и лишь позже произвольно присвоили себѣ княжескій титулъ, вмѣстѣ съ династическимъ „*rgzdomkem*“ Корубутовъ. Мнѣніе это, высказанное впервые довольно нерѣшительно Стадницкимъ, развито было въ видѣ несомнѣнной доктрины другими историками, въ особенности Бартошевичемъ, Стецкимъ, Яблоновскимъ и др. ¹⁾ Главнымъ основаніемъ изложеннаго воззрѣнія послужилъ привилей, данный въ 1442 г. Казиміромъ-Ягеллономъ Дениску Мокосѣю на Збаражъ, отданный ему въ „доживотье“, и на имѣніе изъ 19 селъ (въ Кременецкой волости), пожалованныхъ ему же съ потомствомъ „на вѣчные часы“ ²⁾. Оба эти пожалованія, какъ полагаютъ, удержались за потомками Мокосѣя, ставшими позже именоваться князьями Збаражскими, и пр. ³⁾ Дѣло въ томъ, что изложенная доктрина, на вѣру принятая польскими историками, рѣшительно опровергается несомнѣнными документальными данными, впервые открытыми въ мѣстныхъ архивахъ самими же творцами доктрины боярскаго происхожденія князей Збаражскихъ. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что „отчичи и дѣдичи“, владѣвшіе послѣ Дениски Мокосѣя Збаражемъ съ принадлежавшими къ нему волостями, именовались не Мокосѣями, а князьями Несвицкими, по имени перваго удѣльнаго князя Збаражчины. Упомянутый выше раздѣлъ Збаражчины въ 1463 г. на дѣльницы между „отчичами и дѣдичами“ Збаражскими, какъ оказывается изъ раздѣльной записи, открытой въ Луцкихъ актахъ, произведенъ былъ „Васплиемъ, Семеномъ и Сол-

¹⁾ См. *Stadnicki*, *Bracia Jagiełły*, 106, 109. *Bartoszewicz*, *Dzieła*, III, 378—379; ср. также *Encykl. powsz.*, XXVII, 227, 838; XXVIII, 387. *Stechi*, *Wołyń*, II, 210—211. *Jabłonowski*, *Źródła dziejowe*, VI, стр. LXIX. Бартошевичъ, первоначально признававшій происхожденіе князей Збаражскихъ и Вишневецкихъ отъ князя Федки Неспицкаго (*Encykl. Powsz.*, XXV, 886), въ послѣдующей монографіи: „*Kniaź i książe*“, прямо заявляетъ: „*Pomyliłiśmy się w Encyklopedyi powszechnej prowadząc Zbaraskich od Fedka z Nieświdu, nie od Mokosieja*“ (*Dzieła*, III, 379).

²⁾ *Круповичъ*, *Собр. госуд. и частн. актовъ*, I, № 19. А. Ю.-З. Р., II, № 78. *Stadnicki*, *Bracia*, 108.

³⁾ Бартошевичъ полагаетъ, что оба пожалованія даны Мокосѣю въ видѣ „заставы“, за денежную ссуду, съ предоставленіемъ королю права выкупить ихъ у наследниковъ. Застава эта, однако, не была выкуплена, во второмъ или третьемъ поколѣніи владѣльцевъ обратилась въ ихъ родовую отчину (*Dzieła*, III, 378—379).

таномъ, сыновьями Василя князя Несвицкаго“ (внуками князя Оедки Несвицкаго) ¹⁾. Изъ другаго акта 1461 г., также открытаго въ Луцкихъ актовыхъ книгахъ, видно, что одинъ изъ отчичей Збаражскихъ, „князь Семень Васильевичъ Несвицкій“, купилъ у Ивашки Дычка его отчину, мѣсто Ровне, вошедшее въ составъ Колоденскаго удѣла Збаражскихъ князей; въ 1507 г. тотъ же князь Семень Несвицкій записалъ женѣ своей Маріи мѣсто Ровне, перешедшее вскорѣ со всѣмъ Колоденскимъ удѣломъ по наслѣдству къ ихъ дочери Илишѣ, бывшей замужемъ за княземъ Константиномъ Острожскимъ ²⁾. Въ 1518 г. король Сигизмундъ I далъ князю Острожскому привилей на потомственное владѣніе Колодно, Ровнымъ, Ковлинымъ, Хоцинымъ и другими имѣніями, доставшимися ему по наслѣдству отъ дѣда и бабки его жены—„Семена Васильевича Несвицкаго“ и его жены, Маріаны Ровенской ³⁾. Съ другой стороны, одновременно съ князьями Несвицкими—отчичами и дѣдичами Збаражскаго удѣла, въ актахъ второй половины XV вѣка постоянно упоминаются потомки Дениска Мокосѣя (или Мукосѣя), получившаго въ 1442 г. привилей на пожизненное владѣніе Збаражемъ, подъ ихъ родовыми именами Мукосѣевъ, Мукосѣевичей, Мукосѣевъ-Денисковъ, Денисковичей и пр. ⁴⁾.

¹⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged. (изд. 1881), I, 207.

²⁾ *Stadnicki*, Syn. (1881), I, 206. *Stecki*, Wołyń, II, 408. *Wolff*, 158.

³⁾ Этотъ привилей зарегистрированъ въ Луцкихъ актахъ подъ такимъ титуломъ: „1518 Fra. 3. Ipso die s. Floriani Cracoviae, Privilegium a Serenissimo Sigismundo Rege Poloniae super arcam Kolodno, Rowne, Kozlin, Chociń, ac alia, Ducі Constantino Iwanowicz Ostrogski, post olim Simeonem Wasilewicz *Nieswiczki* et Marianna Rowieńska uxorem Ejus avum et aviam, Edicti Ducis Constantini Iwanowicz Ostrogaki uxoris, in Eandem uxorem, ac Liberos ipsae jure Successionis devolutae collatum“ (*Stadnicki*, Syn. Ged., изд. 1881, II, 206. *Stecki*, Wołyń, II, 402. *Sp. Arch. Sang.*, III, стр. 166).

⁴⁾ На одной купчей 1448 г. подписался Гринко Мукосѣй; на купчей 1466 г. панъ Дениско Мукосѣевичъ и пана Денискова сынъ п. Сенко; на двухъ записяхъ 1466 г.—п. Денисъ Мукосѣевичъ, п. Андрей и Сенко Денисковичи. Въ 1475 г., по судебному дѣлу князей Михаила и Семена Збаражскихъ о раздѣлѣ удѣла ихъ брата, князя Солтана Збаражскаго, упоминается въ числѣ свидѣтелей Гринко Мукосѣевичъ, показавшій о томъ, что при немъ князья Збаражскіе производили раздѣлъ своей отчины. Тотъ же Гринко Мукосѣевичъ упоминается въ другомъ актѣ 1486 г. Потомки Дениска Мукосѣя упоминаются также въ актахъ XVI и XVII столѣтій. Изъ одного акта 1527 г. видно, что владѣнія князей Корецкихъ въ Дубенскомъ повѣтѣ граничили съ „землей пана Стецка Мукосѣевича“. Въ „дописѣ“ Волинскихъ земель 1528 г. упоминаются Иванъ и Михаилъ Дениски. Въ илюстраціи Кременецкаго замка 1545 г. перечисляются имѣ-

Изъ изложенныхъ данныхъ явствуетъ съ полной очевидностью, что, по смерти Дениска Мокосѣя, пожалованный ему въ „доживотье“ Збаражъ отошелъ въ распоряженіе короля и затѣмъ, по новому пожалованію, сдѣлался „отчиной и дѣдиной“ потомковъ перваго владѣтеля Збаража, князя Ѳедки Несвицкаго. Что касается втораго владѣнія Дениска, даннаго ему „на вѣчныя часы“, именно имѣнія изъ 19 селъ, расположенныхъ на территоріи не Збаражской, а Кременецкой волости, то, по всему видно, имѣніе это, по смерти Дениска Мокосѣя, перешло къ его потомкамъ въ качествѣ наследственной отчины. Въ половинѣ XVI столѣтія Денисковичи владѣли еще тремя отчинными селами (Вербой, Матвѣвцемъ и Пещатинцемъ) изъ числа пожалованныхъ въ 1442 г. Денискѣ Мокосѣю; остальные поселенія отошли въ то время къ другимъ владѣльцамъ ¹⁾.

Предположеніе, впервые высказанное Стадницкимъ и затѣмъ принятое послѣдующими польскими историками, о *рускомъ* происхожденіи перваго владѣтеля Збаражскаго удѣла, князя Ѳедки Несвицкаго, родопачальника послѣдующихъ князей, владѣвшихъ Збаражиной, находитъ для себя подтвержденіе въ старой традиціи, за-

нія въ Кременецкой волости, принадлежавшія мѣстнымъ землянамъ, въ томъ числѣ—Петру и Михаилу Денисковичамъ. Записъ 1677 г. подписанъ „Иванъ Мокосій—Дениско, судья земскій Кременецкій“ (Arch. Sang., I, стр. 44, 57, 61, 62, 70, 84; III, 304, 328. Памятн., I, отд. 1, стр. 190; IV, отд. 2, стр. 201, 210, 219, 223).

¹⁾ Въ хюстраціи Кременецкаго замка 1545 г. упоминаются въ составѣ поселеній Кременецкой волости 9 селъ изъ числа пожалованныхъ въ 1442 г. Мокосѣю: Вербой, Матвѣвецъ, Пещатинець, Ляховцы, Подгайцы, Татаринцы, Барщовка, Радомиля и Ходаковцы (последнее село—въ Кузьминской волости). Изъ нихъ во владѣніи Денисковичей остались только первыя три поселенія; остальные перешли къ другимъ землянамъ—Сенютѣ, Цату и пр. Село Подгайцы, первоначально принадлежавшее Денисковичамъ, въ 1545 г. числилось за князьями Вишневецкими. На той же территоріи Кременецкой волости упоминается другое поселеніе съ тѣмъ же названіемъ, принадлежавшее къ „вѣковѣчнымъ“ замковымъ селамъ, тянувшимъ къ Кременецкому замку. Въ Луцкомъ повѣтѣ были также три Подгайцы; изъ нихъ одно поселеніе—замковое, остальные мѣстныхъ землянъ. Точно также въ Кременецкой волости существовали три Вербои; одно поселеніе принадлежало Денисковичамъ, другое—князьямъ Вишневецкимъ, третье—пану Солтану, послѣднее по пожалованію короля Александра (Памятн., IV, отд. 2, стр. 110, 117, 167, 178, 200—202, 209—210, 218, 226, 228). Подгайцы кн. Вишневецкихъ упоминаются также въ хюстраціи Кремен. замка 1568 г. (Арх. Ю.-В. Р., ч. VII, т. II, стр. 80).

писанной Длугошемъ и мѣстной (Львовской) лѣтописью ¹⁾. Въ настоящее время остается недостаточно разъясненнымъ лишь вопросъ о первоначальномъ „гнѣздѣ“ владѣльцевъ Збаражчины, давшемъ имъ родовое имя князей „Несвицкихъ“. Обыкновенно полагаютъ, что такимъ гнѣздомъ былъ Несвичъ (Несвидъ, Несвѣжъ и пр.) подъ Луцкомъ ²⁾. Выше замѣчено, что положеніе это не подтверждается документальными данными. Разъ согласимся, что Несвичъ подъ Луцкомъ былъ дѣйствительно гнѣздомъ, давшимъ родовое наименование владѣльцамъ Збаражчины, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что поселеніе это уже существовало въ первой четверти XIII столѣтія, такъ какъ съ этого именно времени начинаютъ упоминаться въ источникахъ князья Несвицкіе. Существованіе же на Волини Несвича въ это раннее время, однако, болѣе, чѣмъ сомнительно: какъ уже замѣчено раньше, о немъ вовсе не упоминаетъ составленный весьма тщательно Андрияшевымъ перечень поселеній на Волини въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Несвижъ (Несвѣжъ) дѣйствительно былъ первоначальнымъ удѣльнымъ владѣніемъ князей Несвицкихъ; но только удѣлъ этотъ нужно искать на территории не Луцкой земли, а сѣвернаго Полѣсья. Всѣ князья Несвицкіе, о какихъ идетъ рѣчь въ источникахъ чуть ли не до конца первой четверти XV столѣтія, принадлежали не Волини, а литовской Руси. Откуда-то беретъ свое начало родъ князей Несвицкихъ, жившихъ сначала на Нѣманѣ, затѣмъ въ 80-хъ годахъ XIV столѣтія появляющихся въ Сѣверщинѣ и, наконецъ, окончательно водворяющихся на Волини въ началѣ второй четверти слѣдующаго столѣтія.

¹⁾ Длугошъ (Hist. Polon., IV, 451—454, 481, 488) признаетъ русское происхожденіе князя Федка (dux Fedko), даваго въ 1434 г. присягу вѣрности королю Владиславу-Ягеллѣ, но при этомъ ошибочно называетъ его княземъ Острожскимъ (dux Fedko na Ostrogu). Въ своей присяжной записи князь Федко называетъ себя Несвицкимъ, а не Острожскимъ (*Крупновичъ*, Собр. акт., № 16). Одноименные князья Острожскій и Несвицкій были современниками; по достовернымъ источникамъ, Острожскіе никогда не считались владѣльцами Збаража (*Wolff*, 156). Въ Червонной Руси до позднѣйшаго времени сохранялась традиція о русскомъ происхожденіи князей Вишневецкихъ, а съ ними и другихъ отраслей стараго рода князей Несвицкихъ. Львовская лѣтопись подъ 1649 г. называетъ извѣстнаго князя Геремію Вишневецкаго „lacheмъ (католикомъ) pochodzenia ruskiego“ (*Szarganiewicz*, *Lwowaki Latopis od r. 1498 do r. 1649*, стр. 86. См. *Stadnicki*, *Olgiard*, *dodatki*, стр. VII. *Bartoszewicz*, *Dziela*, III, 380).

²⁾ *Wolff*, 156 и др.

Какъ мы уже знаемъ, на территоріи сѣвернаго Полѣсья, еще до присоединенія его къ Литвѣ, располагался у истоковъ Нѣмана (къ юго-востоку отъ Новгорода, позже называвшагося Литовскимъ) Несвижъ съ его волостью—удѣльное владѣніе мѣстныхъ русскихъ князей ¹⁾. Къ этимъ-то старымъ владѣльцамъ Несвижа на Нѣманѣ относится князь Юрій Несвижскій, павшій въ 1225 г. въ битвѣ съ татарами на р. Калкѣ ²⁾. Послѣ присоединенія Полѣсья къ Литвѣ, русскіе князья Несвижскіе, подчинившіеся великимъ князьямъ литовскимъ, продолжали по-старому владѣть своимъ удѣломъ. Первые извѣстія о князьяхъ Несвижскихъ литовской эпохи принадлежатъ послѣдней четверти XIV столѣтія. Въ числѣ лицъ, давшихъ въ 1387 г. королю Владиславу-Ягеллѣ, въ Луцкѣ, поручную запись въ вѣрности службы Олехны Дмитровича, упоминается „Iwan Neswizki“ ³⁾. По всей вѣроятности, тотъ же самый „dux Iwan de Nieswics“ подписалъ въ числѣ другихъ лицъ, въ 1403 г., актъ великаго князя литовскаго Витовта, въ которомъ послѣдній заявляетъ, что безъ вѣдома короля Владислава не заключить мира съ нѣмецкимъ орденомъ ⁴⁾. Въ этомъ актѣ князья Острожскій и Несвицкій (оба названы „magnifici duces“) стоятъ на первомъ планѣ; за ними уже идутъ Янъ изъ Тенчины каштелянъ, Янъ изъ Тарнова, воевода Краковскій и др. По замѣчанію Руликовскаго, „оба князья, очевидно, высоко стояли въ радѣ Витовта, разъ имѣли первенство предъ первѣйшими представителями малопольскихъ родовъ, занимавшими высшіе урядовые посты въ Польшѣ“ ⁵⁾. Изъ актовъ послѣдней четверти XIV столѣтія видно, что

¹⁾ Владѣтели Несвижа, какъ полагаютъ, подчинялись князьямъ кievскимъ или волынскимъ, а, быть можетъ, и сосѣднимъ минскимъ (*Sulimierski, Słown. Geogr.*, VII, 118. *Baliński, Staroż. Polska*, IV, 504).

²⁾ И. С. Р. Л., I, 219.

³⁾ *Sokołowski i Szujski, Cod. Epist.*, 12. *Rykaszewski, Inventarium*, 271. См. *Wolff*, 119, 156. Изъ того обстоятельства, что поручная запись дана въ Луцкѣ, еще нельзя заключать, что всѣ лица, ее подписавшія, имѣли свои владѣнія тутъ же, въ Луцкой землѣ, подобно князьямъ Острожскому и Четвертенскому, участвовавшимъ въ ручательствѣ за Олехно. Выѣстъ съ Несвицкимъ ручались за Олехно также Романъ Федоровичъ, князь Кобринскій, и Семень Ивановичъ Трубецкій, никогда не имѣвшие удѣльныхъ владѣній на Волыни. Запись 1387 г. даетъ лишь указаніе на то, что князья Несвицкій, Кобринскій и Трубецкій были въ то время въ Луцкѣ и вообще лично знали Олехно, а потому могли за него поручиться.

⁴⁾ *Sokołowski i Szujski, Cod.*, 23—24. *Prochaska, Cod.*, 92. См. *Wolff*, 157. *Rulikowski, Kniaziowie*, 35. *Bonicki, Poczet rodów*, 209.

⁵⁾ *Rulikowski i Radziwiński, Kniaziowie*, стр. 35.

въ это время князья Несвижскіе, кромѣ своего роднаго удѣла въ Полѣсьи, имѣли владѣнія также въ Сѣверщинѣ, именно въ Новгородсѣверскомъ княжествѣ, принадлежавшемъ Дмитрію-Корыбуту. Въ числѣ членовъ рады послѣдняго, давшихъ въ 1388 г. присягу вѣрности королю Владиславу-Ягеллѣ и коронѣ польской за своего „господаря“ Корыбута и за себя „со всеми своими землями и города з бояры и с людьми“, упоминаются „князья Григорій и Иванъ Несвижскіе“ (Несвѣжскіе, Несвискіе) ¹⁾. Сохранилось, затѣмъ, извѣстіе о томъ, что „князь Ѳедко“ (по всей вѣроятности, сынъ упомянутого выше князя Ивана Несвижскаго), основатель рода князей Несвицкихъ на Волини, еще въ 1430 г. владѣлъ литовскимъ Несвижемъ ²⁾. Съ того же года князь Ѳедко является главнымъ сподвижникомъ Свидригайла, жившимъ при немъ во все время, пока тотъ состоялъ великимъ княземъ литовскимъ ³⁾. Въ качествѣ ближайшаго радцы Свидригайла, князь Ѳедко Несвицкій подписалъ въ 1431 г. договоръ Свидригайла съ королемъ Владиславомъ-Ягеллой и нѣмецкимъ орденомъ, а въ слѣдующемъ году подписалъ вмѣстѣ съ другими литовскими князьями и панами поручную запись о томъ, что предыдущій договоръ не будетъ нарушенъ съ литовской стороны ⁴⁾. Послѣ того, какъ Свидригайло оставилъ въ 1432 г. велико-княжескій столъ и удалился въ свой Волинскій и Подольскій удѣлъ, за нимъ перешелъ въ южную Русь и князь Ѳедко и получилъ здѣсь отъ Свидригайла Подольское староство ⁵⁾. Къ этому-то времени, по всеѣмъ видимостямъ, слѣдуетъ

¹⁾ Въ Skarbiec (№ 555) и *Rykaszewski* (Inventarium, 375) — „Georgius Iwan Niewiezski duczes; въ Archiv. Sangusz., I, стр. 8, и *Gołębiowski* (Panowanie Wład. Jag., стр. 9) — „Григорій да Иванъ Несвижскій“. Wolff, 94, 156. У Бонецкаго не упомянуты эти князья (Poczet rodów, 209). Послѣдующая судьба князей Несвижскихъ, владѣвшихъ удѣломъ въ Сѣверщинѣ, не извѣстна. По всей вѣроятности, ихъ родъ скорѣ прекратился, или же они перешли въ XV столѣтіи на Волинь вмѣстѣ съ другими князьями своего рода, жившими до тѣхъ поръ въ Полѣсьи.

²⁾ Извѣстіе это находимъ въ Słown. Geogr. *Sulimierskiego* (VII, 118) и у *Балинскаго*, въ Staroż. Polska (IV, 505). Слѣдуя общепринятой традиціи, Балинскій полагаетъ, что князь Ѳедко былъ литовскаго происхожденія, а авторъ статьи въ географическомъ словарѣ прямо называетъ его Корыбутовичемъ, внукомъ Ольгерда. Къ сожалѣнію, оба автора не сообщаютъ, откуда почерпнуто ими свѣдѣніе о томъ, что въ 1430 г. князь Ѳедко владѣлъ Несвижемъ литовскимъ. Вскорѣ Несвижъ перешелъ въ родъ Кишкочъ.

³⁾ Wolff, 158.

⁴⁾ Skarbiec, № 1562, 1603 (Ѳедко Niewiezski). *Наниерскій*, Русско-Ливонскіе акты, № 1304, 1324 (Ѳедко Nyesweczkoj). Wolff, 158.

⁵⁾ *Hildebrand*, Liv.-Est.-u. Curl. Urkundenbuch, VIII, 383, 395: „herzog

относить пожалованіе Свидригайломъ князю Несвицкому Збаражчини, сдѣлавшейся потомъ, какъ мы знаемъ, „отчиной и дѣдиной“ князей Збаражскихъ и другихъ потомковъ князя Ѳедки Несвицкаго. Родовое имя „Несвицкихъ“ владѣтели Збаражчины сохраняли, какъ видно изъ актовъ, еще въ первой четверти XVI столѣтія ¹⁾. Съ тѣхъ поръ въ актахъ не упоминаются больше князья Несвицкіе; вмѣсто нихъ вездѣ выступаютъ представители отдѣльныхъ отраслей, на какія раздѣлился родъ старыхъ князей Несвицкихъ. Потомки ихъ существовали до 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія ²⁾.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что князья Несвицкіе, утвердившіеся въ южной Волыни съ 30-хъ годовъ XV столѣтія, продолжали по прежнему пользоваться обычными правами удѣльныхъ владѣтелей. Въ актѣ 1463 г. о раздѣлѣ Збаражскихъ владѣній на удѣлы (дѣльницы) между наследниками князя Василя Ѳедковича Несвицкаго, наследники эти титулуются такъ: „*Милостію Божіею* мы князь Василей, князь Семен, князь Солтанъ Васильевичи *отчичи и дѣдичи* Збаражскимъ“ ³⁾. Тотъ же титулъ отчичей и дѣдичей усваивается ими и въ другихъ актахъ ⁴⁾. Старые князья Несвицкіе, имѣвшіе удѣль-

Vetko hauptman us der Podolie; herzog Felke in Podolian Swidrigals hauptman“ etc. См. Skarbies, № 1592. *Wolff*, 157. Въ актѣ Свидригайла 1432 г. князь Ѳедко называется старостой подольскимъ (Skarbies, № 1592). Какъ извѣстно, князь Ѳедко Несвицкій участвовалъ въ битвѣ подъ Вилькомиромъ 1-го сентября 1435 г. и былъ взятъ въ плѣнъ; съ тѣхъ поръ въ источникахъ не упоминается. (*Малковскій*, 378. *Петровъ*, Подолія, 45).

¹⁾ *Stecki*, *Wolyn*, II, 402—404. *Wolff*, 158. Къ приведеннымъ выше актамъ, въ которыхъ упоминаются князья Несвицкіе на Волыни, прибавимъ еще найденный Боневскимъ въ Литовской Метрицѣ привилей короля Казимира о пожалованіи Бокіеву въ 1530 г. двора въ повѣтѣ Слонимскомъ, которымъ предъ тѣмъ владѣлъ князь Борисъ Несвицкій (*Roczet godów*, 212).

²⁾ Раньше всѣхъ прекратился родъ князей Збаражскихъ. Послѣдній его представитель, князь Юрій Янушковиць Збаражскій, канцелярь Краковскій, умеръ въ 1620 г. Родъ князей Вишневецкихъ прекратился въ лицѣ Михаила Константиновича Сервацера, умершаго въ 1735 г. Послѣдній представитель князей Шорницкихъ, Стефанъ Александровичъ, встрѣчается въ актахъ въ послѣдній разъ въ 1637 г. Князья Воронежскіе упоминаются еще въ первой четверти XVII столѣтія (*Bonieski*, *Roczet godów*, 259, 376, 387, 415).

³⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 54.

⁴⁾ Въ продажной записи 1470 г. говорится: „Се я Ванко Скердѣвич... освещеному князю Семену Васильевичу *дѣдичу* Збаражскому продал еси ему вѣчную отчину свою... а князь Семен дѣдич и отчич Збаражскій знаетъ мѣти, держати и поживати“ etc. (*ibid.*, стр. 64—65).

ныя владѣнія въ сѣверномъ Полѣсьи, непосредственно подчинялись великимъ князьямъ литовскимъ. Какъ замѣчено выше, князя Острожскій и Иванъ Несвицкій, подписавшіе въ 1403 г. поручную запись литовскаго господара Витовта, высоко стояли въ его радѣ, имѣли въ ней первенство предъ другими, выдающимися представителями государства. Князя Несвицкіе, владѣвшіе въ послѣдней четверти XIV столѣтія „землями и городами“ въ Сѣверскомъ удѣлѣ князя Дмитрія-Корыбута, наравнѣ съ другими мѣстными князьями, относились къ нему, какъ къ своему непосредственному „господарю“, были въ „послушаніи“ отъ него и числились членами его „вѣрной рады“¹⁾. Въ такомъ же непосредственномъ послушаніи великому князю Свидригайлу находился князь Оедко Несвицкій и послѣ того, какъ Свидригайло, лишенный великокняжескаго удѣла, удалился на югъ въ подольскія и волинскія владѣнія. По смерти (въ концѣ 1451 г.) Свидригайла, послѣдняго „великаго князя“ владимірскаго и луцкаго, владѣльцы Збаражчины, наравнѣ съ другими удѣльными князьями на Волини, подчинились непосредственному „послушанію“ отъ литовскаго господара. Впрочемъ, современные акты, повидимому, указываютъ также на административное подчиненіе владѣльцевъ Збаражчины велико-княжескимъ урядникамъ на Волини, въ особенности старостѣ луцкому. Въ 1463 г. наслѣдники князя Василя Оедковича Несвицкаго дѣлили „промеж себе“ принадлежавшій ему Збаражскій удѣлъ „перед паномъ Михайломъ Монтовтовичомъ, старостою Луцкимъ“, при многихъ „свѣткахъ, добрыхъ людяхъ“²⁾. На такое же подчиненіе указываетъ листъ того же года, выданный Михайломъ Монтовтовичемъ, старостою луцкимъ, и паномъ Олизаромъ, маршалкомъ Волинской земли. Изъ этого листа видно, что на другой же день послѣ раздѣла Збаражчины на дѣльницы князя Василя и Семеня Васильевича Збаражскіе явились къ упомянутымъ велико-княжескимъ урядникамъ и заявили о состоявшемся между ними соглашеніи касательно совмѣстнаго владѣнія Ивачевскимъ ставомъ, лежавшимъ на границѣ ихъ дѣльницъ. Луцкій староста и волинскій маршалокъ дали имъ листъ „для подтвержденія“ состоявшагося между ними соглашения³⁾. Въ послѣдующихъ актахъ находимъ ближайшія указанія, разъясняющія характеръ „подчиненія“ Збаражскихъ князей мѣстнымъ велико-

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 8—9.

²⁾ Arch. Sang., I, стр. 54—55.

³⁾ Arch. Sang., I, стр. 55—56.

княжескимъ урядникамъ. Въ 1475 г. происходилъ раздѣлъ удѣла умершаго князя Солтана Збаражскаго между владѣльцами другихъ Збаражскихъ дѣльницъ тоже предъ велико-княжескими урядниками. но не въ силу общаго ихъ значенія административныхъ „главъ и старшинъ“ области, а лишь по порученію („приказанію“) господаря великаго князя Казимира, сдѣланному имъ специально на данный случай. Наслѣдники удѣла умершаго князя Солтана приступили было сами къ раздѣлу доставшагося имъ наслѣдства; раздѣлъ этотъ, однако, не могъ состояться послѣдствіе возникшихъ между наслѣдниками несогласій. Наслѣдники обратились, поэтому, къ посредничеству литовскаго господаря, который и поручилъ „того досмотрѣти и свѣтковъ опытати“ главнымъ своимъ урядникамъ на Волини: князю Александру Сангушковичу, намѣстнику кременецкому, вмѣстѣ съ паномъ Михайломъ Монтовтовичемъ, старостою луцкимъ, и паномъ Олизаромъ Шиловичемъ, маршалкомъ Волинской земли и старостою владимірскимъ ¹⁾). Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что и раздѣлъ Збаражчины въ 1463 г. производился предъ старостою Луцкимъ также по данному на этотъ случай „приказанію“ литовскаго господаря, а не въ силу общаго административнаго главенства Луцкаго старосты и подчиненія ему другихъ волинскихъ велико-княжескихъ урядниковъ, какъ и мѣстныхъ князей, владѣвшихъ самостоятельными удѣлами на Волини. Такое подчиненіе волинскихъ князей, въ томъ числѣ и потомковъ князей Несвицкихъ, стало устанавливаться на дѣлѣ лишь съ тѣхъ поръ. какъ всѣ вообще мѣстные князья утратили старое свое положеніе самостоятельныхъ удѣльныхъ владѣтелей и превратились въ простыхъ служилыхъ князей—„господарскихъ слугъ и дворянъ“, ничѣмъ больше не отличавшихся отъ мѣстныхъ пановъ и землянъ. О князьяхъ Вишневецкихъ и Збаражскихъ, сдѣлавшихся, подобно князьямъ Четвертенскимъ и другимъ, „господарскими дворянами“, встрѣчаемъ первыя указанія въ актахъ начала второй чет-

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 69—70. Старшинство, предоставленное въ данномъ случаѣ кременецкому старостѣ предъ старостами луцкимъ и владимірскимъ, вовсе не подтверждаетъ высказаннаго, какъ мы видѣли, недавно мнѣнія о томъ, что, послѣ упрядненія княжескихъ столовъ въ Луцкѣ, Владимірѣ и Кременцѣ, административнымъ „главою и старшиной“, первенствовавшимъ среди другихъ велико-княжескихъ урядниковъ Волинской земли, сдѣлался велико-княжескій урядникъ—староста, который утвердился въ Луцкѣ, резиденціи удѣльнаго князя всей Волинской земли, и какъ бы вступилъ въ его права по управленію этой землей (*Любаскій*, Обл. дѣленіе, стр. 209).

верти XVI столѣтія ¹⁾). Съ этихъ поръ потомки князей Несвицкихъ вошли въ составъ Волынскихъ „землянь“, стали подчиняться общимъ административнымъ порядкамъ, безъ былаго, относительно самостоятельнаго значенія принадлежавшихъ имъ удѣльныхъ владѣній.

VIII.

Подольская земля ²⁾ въ начальную пору русской исторіи была сельбищемъ южно-русскихъ племень, — части полянь на верховьяхъ восточнаго Буга, части хорватовъ на верховьяхъ Днѣстра, Прута и Серета, а главнымъ образомъ тиверцевъ и уличей — по теченію

¹⁾ Arch. Sang., III, стр. 272, 302, 323, 325.

²⁾ *F. Łajko*, Odpowiedź na wykład poprzedzający praw Polski do Rusi Czerwonej u Podola (1773; франц. переводъ—1773). *I. hr. Potocki*, Histoire ancienne du govern. de Podolie (1805). *X. Wawrs. Marcyński*, Statystyczne, topograficzne i historyczne opisanie gubernii Podolskiej (1820—1823). *A. Przesiecki*, Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów (1841). *M. Baliński*, Spytko z Melsztyna (Bibliot. Warsz., 1844, т. III). *Ею же*, Województwa Podolskie i Braclawskie (Staroż. Polska, изд. 1886, т. III). *Тверитиновъ*, Подольская губ. (1849). Историческое описаніе Каменецъ-Подольска (*Заря Галицкая*, 1854, №№ 2 и 3). *J. Kalasanty Radziejowski*, Podole, stan obecny etc. (1859). Болоховъ и Болоховскій монастырь (Шематизмъ св. Сиятеля чина св. Великаго въ Галиции, 1867). *Н. Данильченко*, Этнограф. свѣдѣнія о Подольской губ. (1869). *М. Симашиевича*, Римское католичество и его іерархія въ Подоліи (1872). *Ею же*, Историческій, географическій и этнографическій очеркъ Подоліи (1877). О urządникахъ, urządach i ludności Kamieńca (Przegląd Polski, 1873, № 4). *D-r Antoni J. (Rolle)*, Kamieniec Podolski (Przegl. Lwowski, 1873, т. VI). *Ею же*, Zameczki Podolskie (1880). *Ею же*, Побожье въ XVII и XVIII вѣкахъ (*Кіевская Старина*, 1890, сентябрь). *П. Житецкій*, Грамота 1375 г. князя подольскаго Юрія Смотрицкаго монастырю (Очерки звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 1876). *Ею же*. Слѣна народностей въ южной Руси (*Кіевская Старина*, 1884, ноябрь). Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской губ. (1876—1889). *М. Тышкаwski*, Spytko z Melsztyna, wojewoda Krakowski, założyciel Sambora (1876). *Н. Данишевичъ*, Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи (Труды III Археологическаго. Съѣзда II, 1878). *Ею же*, О занятіи Подолья литовцами (*Кіевск. Унив. Изв.*, 1882, № 10). *Ею же*, Повѣйшіе домысли о Болоховѣ и Болоховцахъ (ibid., 1884, июнь). *Ф. К. Брунь*, Черноморье (1879). *A. Jabłonowski*, Zagry stanu Podola u schyłku XV w. (*Ateneum*, 1882, т. II и III). *Ею же*, Sprawy Wołoskie za Jagiellonów (Źródła dziejowe, т. X). *К. М.*, Путевые очерки Подоліи (*Кіевская Старина*, 1884, октябрь). Матеріалы для исторіи Подольской губ. (1885). *Н. Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г. (*Унив. Изв. Кіевск.*, 1885; Сборникъ сочиненій студентовъ университета Св. Влади-

Днѣстра и по берегамъ Чернаго моря отъ Днѣпра до Дуная ¹⁾. До XII столѣтія вся эта область, получившая позже названіе Понизья и Подоліи, вовсе не входила въ составъ владѣній ни кіевскихъ, ни другихъ русскихъ князей. За южными рубежами Волинскаго и Кіевскаго княжествъ, между Днѣстромъ и Днѣпромъ, вплоть до Черноморскаго побережья, простиралась въ до-монгольское время вольная степь, на которой располагались кочевья печенѣговъ, половцевъ и другихъ бродячихъ инородцевъ.

Въ первой половинѣ XII вѣка, въ верховьяхъ восточнаго Буга и Днѣстра появляются владѣнія (города Божьскій или Бужскій, Межибожье, Котельница) князей кіевскихъ (позже волинскихъ), составлявшія въ то время южную окраину Русской земли ²⁾. Со времени усиленія галицко-волинскихъ князей, съ половины XII столѣтія, имъ стала подчиняться также западная часть Поддѣстровья—*Понизье* (въ отличіе отъ нагорной части Галицкой земли), или *Галицкая Украина*, обнимавшая сравнительно незначительное пространство между Днѣстровскими притоками. Серетомъ и Ушицей ³⁾. Затѣмъ, въ остальной части Понизья—въ бассейнѣ Днѣстра и Буга, образовались, путемъ свободной заимки, отдѣльныя колоніи Побужья и Поросья, располагавшіяся, главнымъ образомъ, по окраинамъ Галицко-Волинской и

міра, вып. II, 1886. Отд. 1886). В. Антоновичъ, О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ Подольской губ. (Труды VI Археол. Съѣзда въ Одессѣ, 1886, т. I). *Ею же*, Грановщина (*Кіевская Старина*, 1888, январь—мартъ). D-r Maryański, Podole (*Sulimierski*, Stowp. Geogr., 1887, VIII, 442). К. Мельникъ, На Днѣстровскомъ побережьи (*Кіевская Старина*, 1887, августъ). Е. Стиминскій, Бакота, древняя столица Понизья (1889). Ц. Г. Нейманъ, Старая Брацлавщина и ея люди (*Кіевская Старина*, 1889, октябрь). В. К. Гульдманъ, Подольская губ. (1889). Н. И. Петровъ, Подолія. Историческое описаніе. Изд. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. И. Батюшковымъ (1891). Lewicki, Powstanie Swidrygiełły (*Rozprawy Krak. Akad.*, XXIX). *Konessny* (*Przewodnik*, 1892).

¹⁾ Барсовъ, Очеркъ русской исторической географіи, 116, 118 и др. Уличи и тиверцы, первоначально сидѣвшіе по Бугу и Днѣпру до Дуная, позже, послѣ покоренія ихъ Игоремъ, а главнымъ образомъ подъ напоромъ печенѣговъ и половцевъ, переселились съ низовьевъ Днѣпра къ западу, въ область между восточнымъ Бугомъ и Днѣстромъ (*Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ, 17—19, 23, 26, 36).

²⁾ Андрияшевъ, Очеркъ исторіи Волинской земли, 50, 71, 73, 190. *Молчановскій*, Очеркъ, 102. *Петровъ*, Подолія, 10—11.

³⁾ Въ лѣтописи „Понизье“ впервые встрѣчается подъ 1226 г. См. *Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ, 95. *Антоновичъ*, Моногр., I, 122.

Киевской земель и стремившіяся стать внѣ всякой зависимости отъ сосѣднихъ владѣній русскихъ князей ¹⁾).

Въ XIII столѣтіи всѣ эти колоніи Понизья, большею частью, добровольно подчиняются напавшей на южную Русь татарской ордѣ и этимъ обезпечиваютъ для себя относительную самостоятельность ²⁾. Ко второй половинѣ XIV столѣтія, времени занятія Подолья литовскими князьями, образовался за южными рубежами Галицко-Волинской земли независимый отъ хановъ Золотой Орды татарскій улусъ, дѣлившійся на „тѣмы“ и волости и управлявшійся темниками и князьями—„отчичами и дѣдичами“ Понизья (въ волостяхъ сидѣли „атаманы“, повидимому, представители мѣстнаго населенія). Подчинившіяся татарамъ русскія колоніи Понизья (Болоховская земля, Бакота и др.) упоминаются въ лѣтописи подъ общимъ именемъ „людей татарскихъ“, или „городовъ, сидящихъ за татары“. Къ татарскому же улусу стала тянуть и Галицкая Украина; къ XIV столѣтію она окончательно вошла въ составъ обширнаго татарскаго улуса,

¹⁾ Изъ такихъ свободныхъ колоній, повидимому, составилаь загадочная Болоховская земля, упоминающаяся въ лѣтописи въ XIII столѣтіи. До сихъ поръ съ точностью неизвѣстны, ни мѣстность, гдѣ находились Болоховскіе города (Болоховъ, Деревичъ, Губинъ, Кобудъ, Кудинъ и др.), ни значеніе сидѣвшихъ въ этихъ городахъ князей, ни вообще внутренняя организація Болоховской земли. Скорѣе всего можно думать, что земля эта представляла не „федерацию“ городовъ, разбросанныхъ, какъ полагаютъ, на весьма обширномъ пространствѣ по территории земель Киевской, Волинской, Галицкой и Подольской, но такую же группу южно-русскихъ городовъ, какъ и другія поселенія старой Погоринны, лежавшія особняками, вплотную одно около другаго, напримѣръ, въ XIII и XIV вѣкѣхъ Кременецъ, Даниловъ, Стожекъ, Шумскъ и др., Полонный, Камень, Микулинъ и Колодежскъ, или еще раньше, при Изяславѣ Владиміровичѣ, Бужескъ, Тихомль, Выгошевъ, Гнойница и пр. (См. *Андріашевъ*, Очеркъ, 69—74). Группа Болоховскихъ городовъ скорѣе всего занимала свободную территорию на юго-западномъ рубежѣ Волыни, въ сторону Галиціи, на что указываетъ, между прочимъ, постоянное тяготѣніе Болоховцевъ къ Галицкой землѣ. Въ половинѣ XIII столѣтія къ этой группѣ примыкаетъ, очевидно, лежавшее съ Болоховцами по сосѣдству Межибожье, принадлежавшее до того къ составу Погоринныхъ волостей Волыни. Кромѣ этой группы, на свободной территории Понизья были также другія колоніи—Возвагине, Сѣмодъ, Потетеревь, Бакота, Чернятинцы, Бѣлобережцы и пр. О Болоховцахъ и другіяхъ колоніяхъ см. *Дашкевичъ*, Даниль Галиц., 51—54; *то же*: Болоховская земля, также: Новѣйшіе домыслы о Болоховцахъ (см. выше). *Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ, 104—143. *Андріашевъ*, Очеркъ исторіи Волинской земли, 17, 72—73, 187—191. *Антоновичъ*, Моногр., I, 123. *Максимовичъ*, Собраніе сочиненій, I, 137. *Петровъ*, Подолія, 19—21.

²⁾ *Андріашевъ*, Очеркъ исторіи Волинской земли, 190.

получившаго съ этого вѣка названіе „Подолія“ ¹⁾). Этотъ-то Подольскій улусъ со второй половины XIV столѣтія становится достояніемъ литовскихъ князей и, подъ общимъ названіемъ „Подольской земли“ ²⁾, входитъ въ составъ Литовско-Русскаго государства.

Подолія занята была литовцами послѣ пораженія татарскихъ князей въ Синеводской битвѣ (1362 г.). Новый край, до окончательнаго присоединенія къ Литовско-Русскому государству, занималъ приблизительно пространство, ограниченное съ запада сѣверными притоками Днѣстра—Дзурыпомъ и Стрыной, среднимъ теченіемъ Днѣстра съ юга и областью восточнаго Буга, до средняго его теченія, съ юго-востока; сѣверная граница приблизительно совпадала съ границами нынѣшнихъ Подольской и Волынской губерній ³⁾. Дальнѣйшія завоеванія Ольгерда на югѣ расширяютъ литовскія владѣнія въ глубь Черноморскихъ степей. Въ составъ территоріи Литовскаго государства въ это время входитъ чуть ли не вся лѣвая половина бассейна Днѣстра, отъ впаденія въ него Серета до самаго моря, затѣмъ весь бассейнъ южнаго Буга и правобережное Поднѣпровье, отъ устья Роси до моря ⁴⁾. Вскорѣ, впрочемъ, границы литовскихъ владѣній на югѣ значительно суживаются: послѣ Ольгерда татары заволокли было почти всю Черноморскую степь. Въ концѣ XIV или началѣ XV столѣтія литовскія владѣнія на югѣ снова восстанавливаются въ прежнихъ границахъ, намѣченныхъ при Ольгердѣ; Витовтъ успѣлъ расширить литовскія границы вплоть до Черноморскаго побережья. Въ записи о южныхъ границахъ великаго княжества Литовскаго, составленной приблизительно при Сигизмундѣ I, по показаніямъ „старыхъ людей“ (киевлянъ, черкасцевъ и каневцевъ), опредѣляются довольно точно южные предѣлы литовскихъ владѣній, установившіеся со временъ Ольгерда и Витовта. „Земля великаго княжества Литовскаго почалася отъ Марахвы рѣчки, которая впадала въ Днѣстръ, и на низъ Днѣстромъ, по половинѣ Днѣстра, мимо Тегиню, ажъ гдѣ Днѣстръ упалъ въ море; а оттоль съ устья Днѣстрова Лименомъ пошла граница мимо Очаковъ, ажъ до устья Днѣпрова; а Очаковъ на земли вашей милости стоять; а отъ устья

¹⁾ В. Антоновичъ, Моногр., I, 120—124. Sulimierski, Słown. geogr., VIII, 455. Молчановскій, Очеркъ, 69, 95—99 и др. Петровъ, Подолія, 24—25.

²⁾ „Подольская земля“ встрѣчается въ источникахъ уже второй половины XIV столѣтія, какъ бывшее во всеобщемъ употребленіи наименованіе Подолія (Молчановскій, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ, 168).

³⁾ Молчановскій, Очеркъ, 12—18. Петровъ, Подолія, 2.

⁴⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 126—128.

Днѣпрова до Тавани, а у Тавани перевозки были вашей милости господарскіе наполю съ Перекопскимъ царемъ. А по той сторонѣ Тавани съ Перекопскою землею граница вашей милости по Овечу воду и у верхъ Овечее воды, а отъ верховъ Овечее воды уверхъ Сомора (Самары) и уверхъ Оргѣя, ажъ до Донца, а отъ Донца по Тихую Сосну¹⁾. Границы собственной Подоліи, о которой въ XV столѣтіи шель споръ между Польшей и Литвой, по К. Стадницкому, обнимали пространство: а) между восточнымъ берегомъ р. Злотой Липы (начинающая отъ с. Козова, съ небольшими перерывами около гор. Подгайцы и Бучачъ, принадлежавшими къ Галицкой Руси) и р. Стрыпой до впаденія обоихъ притоковъ въ Днѣстръ; б) между р. Стрыпой и р. Серетомъ, начиная отъ мѣстечка Янова до впаденія Серета въ Днѣстръ; в) между р. Серетомъ и Збручемъ (на австрійскихъ картахъ Подгорце или Подборце), отъ впаденія Збруча въ Днѣстръ до мѣстечка Тарноруда на сѣверѣ; д) наконецъ, отъ впаденія р. Збруча въ Днѣстръ вдоль юго-восточнаго бассейна Днѣстра до р. Буга²⁾.

Изъ Сигизмундовой записи, между прочимъ, видно, что литовскія владѣнія, ниже Брацлава, къ востоку и югу отъ днѣстровскаго притока Мурахвы, принадлежавшія первоначально къ Подоліи³⁾, тянули

¹⁾ А. З. Р., II, № 199. Первое извѣстіе о принадлежности Черноморья Литвѣ принадлежитъ началу XV столѣтія. Въ спискѣ городовъ, принадлежавшихъ въ 1402 г. Свиригайлу, упоминаются: Czagnyrod (у устья Днѣстра), Kaszakenow (Кочубеевъ) Maуak, Karawull, Doschau (Дашовъ, Очаковъ, Skarb., № 746). По свидѣтельству Де-Лануа, въ началѣ XV столѣтія каменецкій староста Гедьгольдъ управлялъ всей областью вдоль Днѣстра до моря и строилъ крѣпость на Днѣстр. Лиманѣ противъ Аккермана (Materjały do dziej., wyd. Lelewel, 414). Въ 1416 г. Владиславъ-Ягелло вывозилъ изъ гавани Хаджибей (Одессы) хлѣбъ въ Константинополь (Антоновичъ, Мопогр., I, 127). Въ договорѣ Владислава-Ягеллы съ Свиригайломъ, 1431 г., упоминаются въ числѣ владѣній послѣдняго — Качубей, Дашовъ (Naruszewicz, Hist. Litwy, VII, dodat., IV. Skarbiec, № 1562; здѣсь вмѣсто Качубей стоитъ: „Kazubinyow“). Въ началѣ нашего очерка приведено изъ Чацкаго указаніе на Кочубееву гавань, какъ владѣніе Излонецкихъ, 1442 г. Въ 1449 г. король Владиславъ далъ въ доживотье и. Бучацкому замки: Караулъ на Днѣстрѣ, Черный городъ при его устьи и Качибей (Молчановскій, 379). По ярлыку крымскаго хана Менгли-Гирея, 1506 — 1507 г., къ литовскимъ владѣніямъ принадлежать: Хачибіевъ маякъ и Дашовъ (А. З. Р., II, № 6). Качибіевъ маякъ съ землями и водами, въ значеніи литовскихъ владѣній, упоминается еще въ договорѣ Сигизмунда-Августа съ крымскимъ ханомъ Саипъ-Гиреемъ, 1540 г. (А. З. Р., II, № 200).

²⁾ Stadnicki, Суп., 2-ое изд., I, стр. 132.

³⁾ Кромѣ приведеннаго выше извѣстія Де-Лануа, Кромеръ (Descriptio Pol., въ Rezerubl. Polon., 40, 47) отиссаетъ къ подольскимъ владѣніямъ, между прочимъ,

позже не къ Подоли, а къ сосѣднему Черкасскому намѣстничеству, входившему въ составъ владѣній кievскихъ князей Олельковичей. Описание границъ южныхъ владѣній Литовскаго государства было составлено по показаніямъ не подолянъ, а кievлянъ, черкасцевъ и каневцевъ—„старыхъ людей“, близко знавшихъ литовскіе рубежи въ Черноморьи и прилегавшихъ къ нему южныхъ областяхъ. Самое обозначеніе границъ литовскихъ владѣній въ этой мѣстности, прилегавшихъ на западѣ къ владѣніямъ Молдавскихъ воеводъ, а на югѣ—Перекопскихъ „царей“, сдѣлано было во второй половинѣ XV столѣтія по распоряженію кievскаго князя Семена Олельковича (1454—1471 г.). Какъ видно изъ приведенной выше записи, кievскій князь посылалъ на границы принадлежавшихъ ему Черноморскихъ владѣній намѣстника своего Спиридова, „который отъ него Черкасы держалъ, и тотъ по тымъ мѣстцомъ разъѣзджалъ и по тымъ урочищамъ границы клалъ, яко съ землею Татарскою, такъ и съ Бѣлымъ-городомъ, такъ тежъ и съ землею Волоскою“¹⁾. Въ такихъ предѣлахъ литовскія владѣнія на югѣ держались, какъ видно, еще въ 40-хъ годахъ XVI столѣтія. Южная граница этихъ владѣній, при Витовтѣ заключавшая въ себѣ южную степь вплоть до Черноморья, подъ напоромъ крымскихъ татаръ отодвигается позже (въ концѣ XVI столѣтія) далеко къ сѣверу, въ концѣ кон-

Очаковъ и вообще сѣверное побережье Чернаго моря. Тоже у Стрийковского, Вѣльскаго и др. (*Автономичъ*, Мовопр., I, 127).

¹⁾ А. З. Р., II, № 199. Другое указаніе на принадлежность въ XV столѣтіи къ Кievской, а не Подольской землѣ, литовскихъ владѣній ниже Брацлава, къ востоку и югу отъ впаденія р. Мураховы въ Днѣстръ, находимъ въ извѣстіи о томъ, что около половины XV столѣтія Шашкевичи основали замокъ Комаргородъ и получили грамоту на прилегавшія къ нему земли еще въ 1459 году отъ кievскаго князя Семена Олельковича (*Петровъ*, Подоля, 66). Комаргородъ, какъ видно изъ карты 1772 года (*Balkijski, Staroż. Polska*, IV, 720), лежалъ на р. Русавѣ, притокѣ Буга, къ востоку отъ р. Мураховы, ниже Брацлава (*ibid.*, III, 473). Показанія Сигизмундовой записи и извѣстія о Комаргородѣ послужили для г. Любавскаго основаніемъ утверждать, что, по смерти Свидригайла, восточное Подолье отдано было во владѣніе кievскихъ князей, и что только по упраздненіи кievскаго удѣла великіе князья стали назначать въ Подольскіе замки своихъ намѣстниковъ (стр. 60). Намъ кажется, что упомянутая записъ и извѣстіе о Комаргородѣ даютъ указанія на принадлежность кievскимъ князьямъ не Брацлавщины, а лишь Черноморскихъ стеной, начинавшихся въ XV столѣтіи ниже Брацлава, къ югу отъ рѣки Мураховы, устье которой служило первоначально южнымъ предѣломъ Брацлавщины. Лишь позже южная граница Брацлавщины и Кievскаго Поддѣстровья нѣсколько подвинулась на югъ, остановилась на линіи Ягорлыка, Кодыма и Тясина, среднихъ притоковъ Днѣстра, Буга и Днѣпра.

цовъ достигаетъ Ягорыка, Кодыма и Тясмина, среднихъ притоковъ Днѣстра, Буга и Днѣпра, линіи, бывшей во все послѣдующее время южнымъ предѣломъ Подольской и Кіевской земель¹⁾. Къ югу отъ этой линіи простирались во всѣ стороны „дикія поля“ — пустынная степь, сдѣлавшаяся съ XVI столѣтія поприщемъ неустанной борьбы русскихъ колонизаторовъ юга съ крымскими татарами и кочевавшей вдоль Черноморскаго побережья Ногайской ордою²⁾.

Въ началѣ настоящаго очерка приведены въ главныхъ чертахъ лѣтописныя указанія на обстоятельства, при конхъ состоялось занятіе Подольской земли литовскими князьями. Указанія эти даются въ литовской лѣтописи тотчасъ послѣ разказа о пораженіи на Синей водѣ князей татарскихъ (Хачебея, Кутлубуга и Дмитрія), „отчичей и дѣдичей“ Подольской земли. По словамъ лѣтописи, братъ Ольгерда, побѣдителя татаръ на Синей водѣ, Коріать, владѣвшій Новогородкомъ (литовскимъ), имѣлъ четырехъ сыновей: Юрія, Александра, Константина и Федора³⁾. Эти-то братья Коріатовичи, съ „прозволеніемъ“ Ольгерда и съ „помочію Литовской земли“, пошли въ Подольскую землю, вошли „оу приязнь“ съ мѣстными „атаманами“, стали боро-

¹⁾ Линія эта идетъ немного выше теперешней Балты къ „Витовтовой Мытницѣ“ на Бугѣ, какъ эта послѣдняя обозначена на картѣ Подольской земли, приложенной къ соч. *Молчановскаю*—„Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“. См. также карту 1772 года, приложенную къ IV тому соч. *Балинскаю*—*Staroż. Polska* (2-го изданія).

²⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 245—246. Главныя данныя касательно литовскихъ владѣній на Черноморьи собраны въ недавно изданной монографіи проф. Новорос. Унив. *А. И. Маркевича*, „Городъ Качибей или Гаджибей, предшественникъ города Одессы“ (*Записки Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн.*, т. XVII; отд. Од. 1894).

³⁾ Въ источникахъ находимъ указанія, кромѣ того, на трехъ сыновей Коріата Гедиминовича: Льва, Василя и Дмитрія. Первый упоминается въ лѣтописяхъ въ числѣ литовскихъ князей, павшихъ въ битвѣ съ татарами на Ворсклѣ 1399 года (П. С. Р. Л., IV, 104, 142; Лит. лѣтоп. *Даниловича*, 218; *Выховецъ*, 36). Василь Коріатовичъ въ 1403 г. далъ присягу вѣрности королю Владиславу-Ягеллѣ (*Rykaszewski*, *Inventarium*, стр. 378; *Skarbiec*, № 761). Дмитрій Коріатовичъ упоминается въ родословной литовскихъ князей (см. объ этихъ князьяхъ—*Wolff*, *Ród. Geduz.*, 71). Позднее упоминаніе объ этихъ трехъ Коріатовичахъ (именно въ то время, когда подольскіе Коріатовичи уже сошли съ исторической сцены) даетъ основаніе полагать, что въ пору занятія Подольской земли, Левъ, Василь и Дмитрій Коріатовичи, быть можетъ, просто по молодости не могли принимать никакого участія въ дѣятельности старшихъ своихъ братьевъ въ Подольской землѣ.

нить Подольскую землю отъ татаръ и не стали больше давать ордынскимъ баскакамъ „выходъ“ (татарскую дань). Нашедъ „твержо“ (крѣпкое мѣсто) на р. Смотричи, Коріатовичи устроили здѣсь городъ Смотричъ ¹⁾, затѣмъ „нарядили“ на горѣ городъ Бакоту, „оумуровали“ въ лѣсу городъ Каменецъ, „а съ того вси Подольскіи города оумуровали и всю землю Подольскую осели“ ²⁾.

Раньше было уже замѣчено, что рѣшающее значеніе въ дѣлѣ занятія литовскими князьями Подольской земли имѣло не поражение татаръ на Синей водѣ, но „пріязнь“ Коріатовичей съ подольскими „атаманами“ ³⁾, то-есть, иначе говоря, Коріатовичи заняли бывшій Подольскій улусъ не путемъ завоеванія, а по соглашенію и при содѣйствіи самого населенія, стремившагося, при помощи литовскихъ князей, освободиться отъ ордынской зависимости ⁴⁾. Съ точностью неизвѣстно время занятія Подолія Коріатовичами; во всякомъ случаѣ оно должно было состояться вскорѣ послѣ Синеводской битвы (1362 г.); въ 1366 г., когда князь Александръ принялъ въ управленіе Владиміръ. Подолія уже, какъ кажется, составляла владѣніе Коріатовичей.

Цѣтъ также точныхъ свѣдѣній и о томъ, какъ владѣли Коріатовичи занятой ими областью: раздѣлили ль ее между собой на особые удѣлы, или управляли ею совмѣстно ⁵⁾. Лѣтописный разказъ о занятіи Подолія Коріатовичами даетъ понять, что они не сразу „осѣли“ Подольскую землю, а лишь постепенно, путемъ основанія въ разныхъ мѣстахъ Подолія новыхъ городовъ и укрѣпленія (умурованья) ста-

¹⁾ По словамъ литовской лѣтописи (въ томъ же разказѣ о занятіи Подолія литовскими князьями), въ то время въ Подольской землѣ „не былъ ни одинъ городъ, ни древомъ рубленны, а ни каменемъ боудованы“.

²⁾ Лѣт. *Даниловича*, 49—50; лѣт. *Попова*, 44; *Бышовецъ*, 19. Ср. *Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ, стр. 170—173.

³⁾ О значеніи подольскихъ атамановъ, какъ старшинъ язъ мѣстныхъ же жителей, управлявшихъ при татарахъ отдѣльными русскими волостями и коловіями Подольскаго улуса, см. основательную замѣтку *Молчановскаго*, въ его Очеркѣ извѣстій о Подольской землѣ, стр. 156—158.

⁴⁾ *Молчановскій*, Очеркъ, 179, 182.

⁵⁾ У Балинскаго и другихъ историковъ находимъ указанія на первоначальный раздѣлъ Подолія между Коріатовичами. Юрію будто бы достался въ удѣлъ Каменецъ, Константину—Бакота, Александру—Смотричъ и Ѳедору—Скала и Брацлавъ (*Baliński, Staroż. Polska*, III, 114, 140, 150, 171, 468 и др. *Sulimierski, Słown. geogr.*, I, 345; III, 748; VIII, 442; X, 919. *Niesiecki, Herbarz*, V, 246 и пр.). Но все это личные домыслы историковъ, не основанные на документальныхъ данныхъ.

рыхъ. При такихъ условіяхъ едва ли могъ имѣть мѣсто раздѣлъ Подоліи на удѣлы при первомъ же занятіи ея литовскими князьями; по всемъ видимостямъ, дѣятельность ихъ въ данномъ случаѣ имѣла совмѣстный характеръ. Кориатовичи вмѣстѣ пришли въ Подолію, сообща вступили въ „пріязнь“ съ Подольскими атаманами, сообща же принимали и мѣры (основаніе и укрѣпленіе городовъ) ради береженія Подоліи отъ татаръ ¹⁾. Кориатовичи явились въ Подолію въ значеніи не ея „отчичей“ и „дѣдичей“, которые могли бы по отчеству своему тотчасъ же подѣлить ее между собой на „дѣльницы“, но въ значеніи совершенно новыхъ дѣятелей, лишь постепенно упрочившихъ свое положеніе и власть въ краѣ. Самая задача (береженіе отъ татаръ), ради которой мѣстное населеніе вступило въ „пріязнь“ съ Кориатовичами, непременно предполагаетъ со стороны послѣднихъ совмѣстную дѣятельность, особенно на первыхъ порахъ, когда бывшіе „отчичи и дѣдичи“ Подольскаго улуса, не отказавшіеся отъ своихъ отчинныхъ на него правъ, естественно должны были добиваться возвращенія отнятаго у нихъ улуса, и потому Подолія могла ежеминутно угрожать опасности враждебныхъ дѣйствій со стороны татаръ. Кориатовичи и все населеніе, поэтому, должны были держаться постоянно на чеку, имѣть наготовѣ совмѣстныя силы на случай вражескихъ вторженій въ страну. Боевое положеніе послѣдней, во всякомъ случаѣ, требовало отъ Кориатовичей постоянной, совмѣстной дѣятельности, а не въ разбивку, въ своихъ особыхъ владѣніяхъ.

Затѣмъ, мы видимъ, что какъ только упрочилось самостоятельное положеніе занятой Кориатовичами области, большинство ихъ старается заручиться удѣлами въ другихъ мѣстахъ. До позднѣйшаго времени въ Подоліи, по всему видно, не было собственно личныхъ владѣній Кориатовичей, которыя могли бы удерживать ихъ отъ ухода въ удѣлы, добытые ими въ другихъ мѣстахъ. Федоръ Кориатовичъ раньше другихъ братьевъ, именно черезъ два-три года послѣ занятія Подоліи, ушелъ изъ нея въ отцовскій удѣлъ (Новгородъ Литовскій), сдѣлавшійся свободнымъ по смерти его отца ²⁾, и появляется въ Подоліи снова,

¹⁾ См. *Молчановскій*, Очеркъ, 195.

²⁾ Кориатъ Гедиминовичъ жилъ еще въ 1358 г. Въ этомъ году онъ подписалъ договоръ Ольгерда съ Мазовецкими князьями. Затѣмъ, его имя уже не встрѣчается въ числѣ литовскихъ князей, заключившихъ въ 1366 г. извѣстный договоръ съ польскимъ королемъ Казимиромъ. Отсюда историки заключаютъ, что Кориатъ умеръ въ промежутокъ времени между 1358 и 1366 г. (*Stadnicki*, Syn. Gedyrn., 2-е изд., I, 141). Литовская летопись, кромѣ того, говоритъ, что въ числѣ Кориа-

лишь спустя четверть вѣка (въ концѣ 80-хъ годовъ XIV ст.), послѣ смерти другихъ братьевъ, управлявшихъ Подольской землей¹⁾. Вскорѣ затѣмъ оставилъ Подолію и Александръ Коріатовичъ, получившій отъ польскаго короля Казимира въ управленіе Владиміръ Волинскій вслѣдъ за заключеніемъ договора 1366 года; Александръ возвратился въ Подолію лишь по смерти Казимира (въ 1370 г.)²⁾. Точно также Юрій Коріатовичъ не долго принималъ участіе въ управленіи Подольской землей. Около 1374 года онъ ушелъ въ сосѣднія владѣнія Молдавскихъ воеводъ, гдѣ былъ избранъ воеводой и тамъ же вскорѣ умеръ (какъ полагають, отъ отравы)³⁾. Такимъ образомъ, безсмѣннымъ правителемъ Подольской земли оставался лишь одинъ Константинъ Коріатовичъ.

Братъ его, Александръ, лишенный Волинскаго удѣла въ 1370 году и участвовавшій съ тѣхъ поръ въ управленіи Подоліей, погибъ въ битвѣ съ татарами около 1378 года. Пережившій его братъ Константинъ Коріатовичъ управлялъ одинъ Подольской землей до своей смерти, въ концѣ 80-хъ годовъ XIV столѣтія, когда Подолія перешла въ управленіе Федора Коріатовича⁴⁾.

Первыя начала разрѣшенія вопроса объ ордынской зависимости Подольской земли заложены Коріатовичами съ самаго момента занятія ими этой земли. По словамъ литовской лѣтописи, братья Коріатовичи, пришедшіе въ Подольскую землю и вступившіе въ „пріязнь“ съ мѣстными атаманами, открыли свою дѣятельность основаніемъ цѣлаго ряда городовъ и укрѣпленій при главныхъ Подольскихъ поселеніяхъ, ради защиты страны отъ татаръ,—Коріатовичи „почали боронити землю отъ татаръ, а босакомъ (баскакамъ татарскимъ) *выхода не почали давати*“⁵⁾. Вся послѣдующая дѣятельность Коріатовичей въ Подоліи

товичей, пришедшихъ въ Подолію вскорѣ послѣ Сяневодской битвы (1362 г.), былъ также Федоръ Коріатовичъ, будущій наследникъ отцовскаго удѣла, очевидно, при жившемъ еще въ это время отцѣ не принимавшій участія въ управленіи его удѣломъ и потому имѣвшій полную свободу отправиться съ остальными братьями въ Подолію. Такимъ образомъ, смерть Коріата можно относить къ 1363—1366 годамъ; въ этотъ же промежутокъ времени Федоръ Коріатовичъ могъ уйдти изъ Подоліи въ Новгородъ Литовскій.

¹⁾ Лѣтопись *Даниловича*, 14—15.

²⁾ См. объ этомъ ниже.

³⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., 2-е изд., I, 150—152. *Молчановскій*, Очеркъ, 202—203, 206. *Петровъ*, Подолія, 33.

⁴⁾ *Stadnicki*, Syn. Gedum., 2-е изд., I, 143—181. *Молчановскій*, Очеркъ, 195, 200, 214—226, 224—225.

⁵⁾ *Молчановскій*, Очеркъ, 173.

дѣйствительно была направлена главнымъ образомъ на полное „очищеніе“ подчинившейся имъ страны отъ бывшей ордынской зависимости. Энергическая борьба съ татарами, во всякомъ случаѣ, составляетъ историческую заслугу Кориатовичей, сумѣвшихъ до конца отстаять независимость подвластнаго имъ края,—тѣмъ болѣе, что борьба съ татарами велась Кориатовичами, по большей части, совершенно самостоятельно, на свой собственный рискъ и страхъ, безъ всякаго участія въ ней другихъ литовско-русскихъ князей, въ свою очередь занятыхъ въ то время упорной борьбой съ западными и сѣверными сосѣдями Литовско-Русскаго государства—нѣмцами и поляками. Послѣ занятія Подолія литовскими князьями ханы татарскіе еще долго не переставали считать ее, какъ и другія южно-русскія области Литовскаго государства, въ числѣ своихъ данническихъ земель, при первой возможности пытались не разъ возстановить вооруженной силой бывшее владѣніе Подольскимъ улусомъ. Объ одной изъ такихъ попытокъ сохранилось въ лѣтописи извѣстіе подъ 1373 годомъ: „ходиша Литва ратью на татарове, на Темирреза, и бысть межѣ ими бой великій“¹⁾. Процессъ „очищенія“ Подолія отъ татарской зависимости не закончился и позже. Князья Александръ и Константинъ Кориатовичи до послѣднихъ дней своей жизни заняты были защитой ихъ страны отъ притязаній на нее со стороны татаръ. Какъ извѣстно, Александръ Кориатовичъ погибъ въ борьбѣ съ татарами вскорѣ послѣ 1378 года²⁾. Общій вопросъ о татарскихъ притязаніяхъ на обладаніе южными областями Литовско-Русскаго государства разрѣшенъ окончательно въ пользу послѣдняго лишь Витовтомъ въ началѣ XV столѣтія³⁾.

Что касается дани (выхода, ордынщины), уплачивавшейся мѣстнымъ населеніемъ татарскимъ князьямъ—„отчицамъ и дѣдичамъ“ бывшего Подольскаго улуса, то, какъ видно изъ приведеннаго выше лѣтописнаго извѣстія, однимъ изъ первыхъ же шаговъ Кориатовичей послѣ занятія ими Подолія было освобожденіе населенія отъ ордынской дани и всякихъ службъ, лежавшихъ на немъ въ пору принад-

¹⁾ Никон. лѣт., IV, 40 Антоновичъ, Моногр., I, 128.

²⁾ Подъ 1378 г. этотъ князь въ послѣдній разъ упоминается въ источникахъ. Къ одному изъ ближайшихъ годовъ и нужно относить сообщеніе литовской лѣтописи о томъ, что князь Александръ палъ въ битвѣ съ татарами (*Theiner*, *Monum. Polon.*, I, 748. *Stadnicki*, *Syn. Ged.*, 2-е изд., I, 156—158. *Молчановскій*, *Очеркъ*, 216).

³⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 128.

лежности Подоліи къ числу татарскихъ улусовъ. Выходъ татарскій прекратился въ Подоліи одновременно съ Волынской и Кіевской землями. Вся забота удѣльныхъ князей въ этихъ земляхъ по татарскому вопросу ограничивалась позже лишь мѣрами огражденія подвластныхъ имъ земель отъ татарскаго разоренія устройствомъ городовъ-замковъ и другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, вмѣстѣ съ организаціей боевыхъ силъ (замковой и ратной службы), всегда готовыхъ къ отраженію татарскихъ полчищъ. Правда, въ памятникахъ упоминается „серебро“ и „дань въ татары“, „tributum Thartharogum“; но отсюда нельзя еще заключать¹⁾, что подоляне на старыхъ основаніяхъ продолжали подлежать татарской дани, если не при Ягеллѣ и Витовтѣ, то во всякомъ случаѣ при Кориатовичахъ. Въ литовской лѣтописи нѣтъ никакихъ указаній, чтобы Кориатовичи, отказавшіеся, какъ мы видѣли, отъ татарскаго выхода съ первыхъ же поръ занятія Подоліи, когда либо вынуждены были со всѣмъ населеніемъ страны вновь подчиниться ордынской зависимости, подъ условіемъ которой только и возможно было бы обложеніе подолянъ при Кориатовичахъ татарскимъ выходомъ. Самая борьба, какую неустанно вели Кориатовичи съ татарами, указываетъ на то, что во все время княженія Кориатовичей Подолія не подчинялась формальной зависимости отъ татаръ, и, слѣдовательно, населеніе ея не могло подлежать ордынской дани на старыхъ основаніяхъ. Дѣло въ томъ, что въ памятникахъ не только XIV, но и слѣдующихъ столѣтій (даже въ началѣ XVII столѣтія) татарская дань, ордынщина и службы ордынскія упоминаются въ составѣ обычныхъ сборовъ и повинностей, практиковавшихся во всемъ Литовско-Русскомъ государствѣ. Подъ ордынскими службами и данями разумѣлись тягловые „consuetudines“, удержавшіе отъ татарской эпохи старыя названія, — временныя земскіе сборы и службы, входившія въ составъ повинностей населенія данной мѣстности или всего государства. „Дань въ татары“, упоминающаяся въ грамотахъ Кориатовичей (1375 и 1392 г.)²⁾, также „tributum Thartharogum“

¹⁾ Какъ это дѣлаетъ, на примѣръ, Стадницкій, утверждающій, что Кориатовичи „niewątpliwie haracz (татарская дань, выходъ) Tatarom składać musieli, chociaż chwilowy opór często się wydarzał. Haracz zaś ustał dopiero, gdy Witold i Władysław-Jagiello ukazali się na widnokręgu Rusi zachodniej“ (Syn. Gedym., 2-е изд., I, 124—125). Молчановскій полагаетъ, что татары при Кориатовичахъ „повидимому“ взимали съ жителей дань (стр. 179).

²⁾ Въ грамотѣ Александра Кориатовича, 1375 г., на имяніе Смотрицкому доминиканскому монастырю, говорится: „штожь коли вси земляне имѣють давати

грамоть Свидригайла (1405 г.)¹⁾ означали не старый „ордынскій выходъ“, но лишь временные сборы съ населенія (платившаго дань не постоянную, но „коли вси земляне имѣють давати дань у татары“), устанавливавшаяся, главнымъ образомъ, на случай татарскихъ набѣговъ, на исправленіе замковъ и наемъ солдатъ, иногда также на выкупъ плѣнниковъ, зачастую въ то время попадавшихъ въ татарскую неволю („полоняничныя деньги“ Московскаго государства) и проч.²⁾ „Ордынщина“, какъ временный сборъ съ городовъ и волостей (каждый разъ по особымъ окладамъ для каждой общины и на опредѣленные сроки), учреждавшійся лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, упоминается въ западно-русскихъ актахъ чуть ли не до XVII столѣтія, какъ общая финансовая мѣра, практиковавшаяся во всемъ Литовско-Русскомъ государствѣ³⁾. Въ Кіевскомъ воеводствѣ еще въ XVII столѣтіи существовали земскія службы и повинности, подъ общимъ названіемъ „służb orduńskich“, — терминъ, очевидно, удержавшійся отъ татарской эпохи⁴⁾.

Отставивъ самостоятельность Подоліи въ борьбѣ съ бывшими „отчичами и дѣдичами“ Подольскаго улуса, Коріатовичи, вмѣстѣ съ тѣмъ, сзумыли обезпечить политическую независимость Подольской земли также отъ не менѣе опаснаго сосѣда на западѣ—Польши. Въ то время, какъ Волынь, съ первыхъ же поръ присоединенія ея къ Литовско-Русскому государству, сдѣлалась объектомъ продолжительной и упорной борьбы изъ-за обладанія ею между Польшею и Литвою-Русью, Подольскія владѣнія Коріатовичей, вплоть до конца XIV столѣтія, не возбуждали никакихъ столкновеній и споровъ между упомянутыми государствами. Въ источникахъ нѣтъ никакого намека на польскіе захваты въ Подоліи при Коріатовичахъ и вообще на какія

дань у татары, то серебро ямають такоже тѣмъ людѣ дати“ (*Молчановскій*, Очеркъ, 220—221). То же самое правило повторяется въ грамотѣ Федора Коріатовича слугѣ Бердышку на имѣніе въ Червоногородской волости, 1392 г. (*ibid.*, 225—226).

¹⁾ Въ грамотѣ Свидригайла, 1405 г., на имѣніе Смотрицкому доминиканскому монастырю, въ числѣ повинностей упоминается: „*poddancisna et tributum Thartharogum et aliis consuetudines nostrae terrae Podoliensis*“ (*Przedziecki*, Podole, I, 194).

²⁾ *Молчановскій*, 182.

³⁾ А. З. Р., I, № 193; II, № 61, 70, 71, 168; ср. *Ясинскій*, Уст. грам., 198.

⁴⁾ Люстрація Кіевского воеводства, 1616 г., упоминаетъ, между прочимъ, о „służbie Orduńskiej“, въ числѣ стародавнихъ мѣстныхъ повинностей, отправлявшихся въ пользу Овручскаго замка населеніемъ имѣнія „посессоровъ“ Костишковичей (*Źródła dziejowe*, V, стр. 81).

либо притязанія на обладаніе ею со стороны польскихъ королей Казимира и Людовика ¹⁾). Захваты въ Подоліи сдѣланы были Казимиромъ далеко раньше занятія Коріатовичами Подольской земли. Вмѣстѣ съ Львовско-Галицкой землей, Казимиръ въ 1349 г. завладѣлъ также лѣтописнымъ Понизьемъ, принадлежавшимъ въ старое время къ владѣніямъ галицко-волинскихъ князей и въ татарскую эпоху прикинувшимся къ Подольскому улусу. Какъ замѣчено раньше, изъ-за обладанія Галицкой землей и частью Подольскаго улуса (Понизьемъ) Казимиръ вынужденъ былъ признать себя ханскимъ данникомъ ²⁾. (Одновременно съ Понизьемъ, составлявшимъ западную окраину Подольской земли (къ востоку отъ р. Стрипы, лѣваго притока Днѣстра, до Днѣстровскаго же притока Сереты ³⁾), какъ видно по всему, были присоединены къ Польшѣ Казимиромъ и другія окраинныя волости западной Подоліи — Теребовль и Стѣнка, сосѣднія съ Приднѣстровскимъ Понизьемъ ⁴⁾. Тѣ же самыя волости, расположенныя между

¹⁾ Молчановскій, Очеркъ, 226.

²⁾ Филевичъ, Борьба, 52.

³⁾ См. Szaraniewicz, *Rus wewnętrz. stosunk. etc.*, 106. Филевичъ, Борьба, 102.

⁴⁾ На основаніи привилей 1395 г., изъ подольскихъ владѣній, пожалованныхъ Владиславомъ-Ягеллой на княжескомъ правѣ Смытѣ Мельштынскому, исключены „districti“: Теребовль и Щенка (Стѣнка), оставшіеся на старыхъ правахъ, какъ было при Казимирѣ и Владиславѣ Опольскомъ: „non obstante donatione huiusmodi districtus Trebowlensis et Sczenca iura ea, in quibus tempore felicitis et eterne recordationis incliti Kazimiri, regis Poloniae, nostri predecessoris et Ladislai ducis Oppoliensis, alias tenutarii illarum parcium, observantur“ (Arch. Sang., I, стр. 19). Другомъ (Lib. IX, стр. 1559) относится захватъ Теребовленской волости еще ко времени перваго вторженія Казимира въ Галичину (въ 1340); но тогда, какъ мы знаемъ, предпріятіе Казимира кончилось ничѣмъ; поляки вскорѣ были вытѣснены изъ Галичины русской ратью при помощи Ордынцевъ. Больше вѣроятія представляеть предположеніе объ одновременности (въ 1349 г.) присоединенія къ Польшѣ волостей Теребовля и Стѣнки вмѣстѣ съ сосѣднимъ же (къ югу отъ Теребовля) лѣтописнымъ Понизьемъ (см. Молчановскій, Очеркъ, 12, 187—189. Шараневичъ, *Rus wewnętrz. stos.*, 51, 105. Филевичъ, Борьба, 102. *Baliński*, *Star. Polska*, II, 887). Въ договорѣ Казимира съ литовскими князьями, 1352 г., Галичь и Понизье съ Теребовлемъ и Стѣнкой, вообще вся мѣстность между Стрипой, Серетомъ и Гнѣзной, разумѣются подъ общимъ титуломъ Львовской земли, отошедшей по договору къ владѣніямъ Казимира (А. З. Р., I, № 1). Теребовль—нар. Гнѣзной, гнѣвомъ притокъ Серета, выше Червонограда (*Baliński*, *Star. Polska*, II, 887). Sczenca, упоминающаяся въ договорѣ 1366 г., въ старину называлась Стѣнкой,—нынѣшнее поселеніе въ восточной Галиціи, въ Злочовскомъ повѣтѣ (Arch. Sang. I, стр. 191). На картѣ Молчановскаго (въ его „Очеркѣ изв. о Подольской землѣ“) Стѣнка обозначена въ двухъ различныхъ мѣстахъ: а) выше Теребовля на той же рѣкѣ

р. Стрипой, Серетомъ и Гнѣзной, принадлежали къ польскимъ владѣніямъ и при Кориатовичахъ; ни откуда не видно, чтобы Казимиръ или его преемники пытались дѣлать какія либо новыя приобрѣтенія въ Подольской землѣ съ тѣхъ поръ, какъ она была занята Кориатовичами. Привилей короля Казимира, дававшіеся имъ польской шляхтѣ на земли во внутреннихъ волостяхъ Подоліи и служащіе подтвержденіемъ его верховныхъ правъ на эту землю, не безъ основанія относятся исследователями къ числу поддѣльныхъ актовъ ¹⁾. Польскія

Гнѣзной, притокъ Серета, на какой обозначенъ и Теребовль; б) ниже Бучача, на Днѣстрѣ, не далеко отъ впаденія въ него р. Стрипы, къ западу отъ нея,—слѣдовательно, на территоріи собственной Галиціи, что едва ли вѣрно. Въ текстѣ своего „Очерка“ Молчановскій, руководясь показаніемъ описанія границъ великаго княжества Литовскаго, 1546 г. (Археогр. Сборн., I, 118), полагаетъ, что мѣстность Щенка (Стѣнка) тянулась въ нижней части угла, образуемаго р. Серетомъ и его притокомъ Гнѣзной (Очеркъ, 189). Затѣмъ, Молчановскій въ другомъ мѣстѣ (стр. 14) предлагаетъ также догадку, что Sczepca привилей 1395 г., быть можетъ, нынѣшнее поселеніе Черче на р. Смотричѣ (см. *Baliński*, III, 163); на это едва ли такъ: Черче принадлежитъ къ внутреннимъ поселеніямъ Подоліи, куда не могли доходить завоеванія Казимира въ 1349 г.

¹⁾ Таковъ привилей, данный въ 1368 г. (въ подтвержденіе пожалованія 1360 г.) Казимиромъ пану Прандотъ Шувонцкому на село Пилавцы въ Каменецкомъ повѣтѣ (*Baliński*, *Star. Polska*, 2-е изд., III, 194. *Stadnicki*, *Syn. Ged.*, 2-е изд., I, 136. *Филевичъ*, Борлаба, 107. *Молчановскій*, Очеркъ, 188). Но справедливому замѣчанію Молчановскаго, изъ привилей Казимира оказывается, что Пилавцы еще въ 1360 г. стояли въ Каменецкомъ повѣтѣ, на границѣ съ принадлежавшимъ королю имѣніемъ Кузминъ; между тѣмъ, на дѣлѣ, поселеніе Пилавцы (Пилевцы, Половцы) возникло лишь въ 1538 г., что видно изъ описи границъ Польши и великаго княжества Литовскаго 1546 г. (*Dogiel*, *Limites etc.*, p. 192. Археогр. Сборн., I, 121). Въ 1360—1363 г. мѣстность, гдѣ позже возникли поселенія Кузминъ и Пилавцы, несомнѣнно, находилась во власти Любарта Гедиминовича и тянула къ Луцкому удѣлу вѣстѣ съ Межибожьемъ (*Молчановскій*, 188). Въ описаніи границъ великаго княжества Литовскаго, 1546 г., село Пилавцы или Половцы помѣщено выше Межибожья, близъ границы съ Кузминской волостью южной Волини (Археогр. Сборн., I, 121). Тамъ же помѣщено это поселеніе (ныне Межибожья и Латичова) и на картѣ Польши 1772 г. Изъ привилей 1368 г. видно, что Казимиръ распоряжался не только Волинскими волостями — Кузминомъ и Пилавцами, но и всей Подольской землей, какъ ихъ полновластный государь: „Chcąc, aby ziemia podolska, będąca w stanie zupełnego zniszczenia i wyludnienia, z powodu napadów Tatarów, najsroższych krzyża św. i naszych nieprzyjaciół, przez obecność szlachty osiedloną została (praesentia nobilium personarum collocaretur et inhabitetur)“ etc. Между тѣмъ, въ 1360 г., когда Казимиръ впервые пожаловалъ пану Прандотъ Пилавцы, земля Подольская составляла еще ордынскій улусъ, которымъ вполне спокойно владѣли татарскіе князья—„отичичи и дѣдичи“ Подольской земли. Точно также, подтвердительный привилей появился въ 1363 г. опять

притязанія на обладаніе Подольской землей возникаютъ лишь со времени Витовта, когда радикально измѣнилось положеніе этой земли въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

Данная постановка польскаго вопроса въ Подоліи при Кориатовичахъ, свобода ея отъ всякихъ притязаній со стороны западнаго союда, стоятъ несомнѣнно въ тѣсной связи съ своеобразнымъ положеніемъ, въ какое съ первой же поры занятія Подольской земли Кориатовичи стали въ отношеніи къ польскому королю и литовскому господарю. До занятія Подоліи Кориатовичи, по всему видно, не выходили изъ общей сферы литовско-русскихъ интересовъ, держались въ польскомъ вопросѣ той же политики, что и другіе литовскіе князья. Въ договорѣ 1352 г., по которому Галичина отошла къ польскому королю Казимиру, Юрій Кориатовичъ упоминается въ числѣ литовскихъ князей, стоявшихъ на сторонѣ Литвы въ вопросѣ о принадлежности исконныхъ русскихъ земель ¹⁾. Въ иномъ положеніи оказались тѣ же самые Кориатовичи, лишь только имъ удалось занять Подольскую землю: они, можно сказать, сразу и безъ колебаній, какъ бы по напередъ данной программѣ, переходятъ на сторону польскаго короля, съ нарушеніемъ всякой солидарности съ остальными литовскими князьями. Договоръ 1366 г. даетъ въ этомъ отношеніи весьма важныя показанія, до сихъ поръ не достаточно оцѣненныя историками. Въ его заключеніи принимали участіе двѣ стороны, преслѣдовавшія совершенно противоположныя интересы: на одной сторонѣ стояли представители интересовъ территоріальной цѣльности Литовско-Русскаго государства—великій князь литовскій Ольгердъ и его братья, Кейстутъ, Евнутій и Любартъ съ ихъ дѣтьми; съ другой стороны, представителями чисто польскихъ интересовъ, рассчитанныхъ на „добываніе насущнаго хлѣба“ въ русскихъ земляхъ, являлись: король

такъ какъ разъ въ то время, когда Кориатовичи мирно заняли ту же Подольскую землю и стали распоряжаться въ ней „умурованьемъ“ городовъ. Это-то рѣзкое противорѣчіе привлекъ Казимира съ цѣлымъ рядомъ несомнѣнныхъ, историческихъ данныхъ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ повдѣйшей и при томъ весьма грубой поддѣлки этого акта.

¹⁾ А. З. Р., I, № 1. Существуетъ даже не совсѣмъ лишенное основаній предположеніе о томъ, что въ пору заключенія договора 1352 г. Юрій Кориатовичъ имѣлъ на Волыни или въ Червонной Руси какой либо удѣлъ, и потому, всецѣло заинтересованный судьбой литовскихъ владѣній въ южной Руси, принималъ участіе въ договорѣ литовскихъ князей и польскаго короля по вопросу о раздѣлѣ между ними этихъ владѣній (*Молчановскій*, Очеркъ, 202).

Казимиръ и „милостію Божьею княжата Юрій (Наримонтовичъ Белзскій) и другой Юрій, также Александръ“ (оба послѣдніе, несомнѣнно, Кориатовичи, князья Подольскіе) ¹⁾. Новая позиція Кориатовичей, шедшая на первый же взглядъ въ рѣшительный разрѣзъ съ политикой остальныхъ литовскихъ князей, была занята ими, очевидно, еще раньше договора 1366 г., а главное — позиція эта, по всему видно, являлась общепризнаннымъ фактомъ, не возбуждала никакихъ пререканій и неладицы между Кориатовичами и другими литовскими князьями, почему-то мирившимися съ польскимъ сторонничествомъ Кориатовичей. Того же положенія весьма устойчиво держатся Кориатовичи и во все послѣдующее время. Вслѣдъ за заключеніемъ договора 1366 г., тѣ же самые сторонники польскаго короля, по его же пожалованію, вступаютъ въ управленіе новыми его владѣніями, признанными за нимъ по договору 1366 г. Белзская земля отдается Юрію Наримонтовичу, принятому королемъ „In servium et homagialem principem, et terram Belzensem feudali jure ad vitae duntaxat tempora tenendam concessit“ ²⁾. Въ то же самое время и на томъ же правѣ „доживотья“ Владимірское княженіе, признанное за королемъ польскимъ по договору 1366 г., переходитъ въ управленіе другого его сторонника, Александра Кориатовича, князя Подольскаго ³⁾. Изъ послѣдующихъ актовъ видно, что и позже поддерживалась связь, установившаяся между Кориатовичами и польскимъ королемъ. Привилей Казимира 1368 г. на имѣніе, пожалованное Ивацу Кмитѣ, данъ въ присутствіи того же Александра Кориатовича (presentibus dominis, magnifico duce Alexandro Coriati etc.), считавшагося въ то время, очевидно, въ числѣ радныхъ пановъ короля ⁴⁾. По показанію Яна изъ Чарнкова, Александръ Кориатовичъ служилъ королю „вѣрою и правдою“ до самой смерти короля (1370 г.), когда Владиміръ былъ занятъ Любартомъ Гедиминовичемъ, Александръ же изъ Кракова (куда онъ уѣхалъ было на похороны короля) возвратился въ свой Подольскій удѣлъ ⁵⁾. Въ такихъ же союзныхъ отношеніяхъ къ польскому

¹⁾ *Rykaszewski*, Inventarium archivii Cracoviensis, 371. Skarbiec, № 432.

²⁾ *Naruszewicz*, Hist. nar. Pol., VII, p. 117.

³⁾ Янъ изъ Чарнкова, — *Bielowski*, Mon. Pol. Hist., II, 631. *Długosz*, Lib. IX, 1150. *Stadnicki*, Syn. Ged., 2-е изд., I, 154 — 155. *Caro*, Gesch. Polens, II, 345. *Молчановскій*, Очеркъ, 203, 214.

⁴⁾ *Akta Grodzkie i Ziemskie*, VII, 12.

⁵⁾ *Bielowski*, Mon. Pol. Hist., II, 643. *Stadnicki*, Syn. Ged., I, 155. *Молчановскій*, Очеркъ, 215.

королю, несомнѣнно, находились и другіе Коріатовичи ¹⁾). Можно, затѣмъ, съ достовѣрностью утверждать, что положеніе Коріатовичей, установившееся при королѣ Казимирѣ, не измѣнилось и при его преемникахъ, пока вообще Коріатовичи стояли во главѣ Подольской земли ²⁾). Въ теченіе всего этого времени, вплоть до удаленія Коріатовичей изъ Подолія, не могло быть рѣчи о серьезныхъ притязаніяхъ Польши или Венгріи на Подольскія окраины. „Коріатовичи могли входить въ сношенія съ польскими и венгерскими королями, могли искать ихъ дружбы и поддержки, заводили торговые сношенія съ западомъ и т. д., но само Подолье, населенное по преимуществу русскимъ племенемъ, занимало при Коріатовичахъ политически самостоятельное положеніе“ ³⁾).

Политику Коріатовичей, бывшихъ въ постоянныхъ, можно сказать, обязательныхъ связяхъ съ польскими королями, обыкновенно объясняютъ сосѣдствомъ Подолія съ польскими владѣніями, натянутыми отношеніями и неладницей Коріатовичей съ ихъ дядями, стремленіемъ Коріатовичей къ полной удѣльной самостоятельности, обособленностью ихъ владѣній на русской окраинѣ и пр. Все это, полагаютъ, заставляло Коріатовичей, склоняться на сторону поляковъ, искать „дружбы“ и поддержки польскихъ и венгерскихъ королей, вступать съ ними въ формальные союзы, становиться ихъ подруч-

¹⁾ *Stadnicki, Syn.*, I, 159. *Молчановскій*, 202—203, 217.

²⁾ Основываясь на темномъ, правда, показаніи ливонской хроникѣ Германа Вартбергскаго, Стадницкій не безъ основанія, какъ намъ кажется, полагаетъ, что Александръ Коріатовичъ, вмѣстѣ съ волынскимъ княземъ, Любартомъ Гедиминвичемъ, дали около 1377 г. присягу вѣрности королю Людовику (*Stadnicki, Syn.*, I, 156—157). Молчановскій, повидимому, не признаетъ достаточно достовѣрнымъ показаніе Ливонской хроникѣ (Очеркъ, 215). Сохранялось также извѣстіе о томъ, что Федоръ Коріатовичъ, вступившій по смерти братьевъ въ управленіе Подольскимъ удѣломъ, далъ присягу вѣрности Владиславу-Ягеллѣ, какъ собственно королю Польскому, вмѣстѣ съ признаніемъ своей зависимости отъ короны польской (*Молчановскій*, Очеркъ, 224). Впрочемъ, Кромеръ, сообщающій объ этомъ подъ 1392 г. замѣчаетъ, что присяга дана была Федоромъ Коріатовичемъ, *raulo post haec tempore* (*Cromer, De reb. Polon.*, lib. XV, p. 248). Дѣйствительно, у Даниловича, въ *Skarbiec* (№ 779), присяжный листъ Федора Кор. зарегистрированъ подъ 1403 г. Въ это время Федоръ Кор. уже былъ удаленъ изъ Подолія и жилъ въ Венгріи, въ своемъ владѣніи Мункачъ; но имени этого владѣнія, въ листѣ 1403 г. къ старому титулу (князь Подольскій) прибавленъ также титулъ „*rapa na Munkaszi*“.

³⁾ *Молчановскій*, Очеркъ, 226—227.

никами ¹⁾. Дѣйствительно, вся дѣятельность Кориатовичей въ Подоліи показываетъ, что изъ-за какихъ-то побужденій и интересовъ, не совсѣмъ для насъ ясныхъ по источникамъ, Кориатовичи стояли во все время ихъ княженія въ Подоліи гораздо ближе къ польскимъ королямъ, чѣмъ къ господарямъ литовскимъ. Кориатовичи, несомнѣнно, держались политики, въ силу которой связь Подоліи съ Литвой не только „была менѣе тѣсной, нежели связь съ нею другихъ, занятыхъ литовцами, русскихъ земель“ ²⁾, но и вообще едва ли имѣла какой либо прочный, „федеративный“ характеръ. Внимательное изученіе историческихъ данныхъ, относящихся къ нашему вопросу, заставляетъ предполагать, что Кориатовичи не только стремились къ полной удѣльной самостоятельности, но и въ дѣйствительности, *de jure* и *de facto*, пользовались таковою самостоятельностью. Въ самомъ дѣлѣ, въ источникахъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ указаній, чтобы Кориатовичи находились въ такомъ же близкомъ „послушаніи и покорѣ“ литовскимъ господарямъ, какъ другіе удѣльные князья (кромя развѣ Кейстута и Любарта),—чтобы Кориатовичи, помимо интересовъ Подоліи, принимали какое-либо дѣятельное участіе въ дѣлахъ всего государства, бывали въ составѣ господарской рады, давали подписи и печати на грамотахъ великихъ князей литовскихъ и т. д. Въ этомъ отношеніи подольскіе князья являлись такими же полными особняками, какъ и князья верховскіе въ Сѣверщицѣ литовской эпохи.

Съ другой стороны, какъ мы уже знаемъ, Кориатовичи открыто, на виду у всѣхъ, стояли въ ряду сторонниковъ польскаго короля, не только въ пору заключенія договора 1366 г. (то-есть, чрезъ два-три года послѣ занятія Подоліи), но и во все послѣдующее время. Сторонничество это являлось, такъ сказать, общепризнаннымъ фактомъ; Кориатовичи спокойно сидѣли въ своихъ Подольскихъ владѣніяхъ, изъ-за польской „службы“ никто ихъ не беспокоилъ—ни сосѣдніе

¹⁾ Молчановскій, Очеркъ, 193, 202—203, 214—217, 224 — 227. *Stadnicki*, *Syn. Ged.*, I, 154 и сл. *Любарскій*. Области дѣленіе, стр. 57.

²⁾ Молчановскій, Очеркъ, 227. Впрочемъ, нѣкоторые изъ историковъ не дѣлаютъ въ этомъ отношеніи никакого различія между Подоліей и другими литовско-русскими областями, полагаютъ, напримѣръ, совершенно голословно, что Кориатовичи все время платили изъ доходовъ страны опредѣленную дань, ежегодно вносившуюся въ литовскій скарбъ (*Prsesdzicki*, *Podole*, I, 117—118). Финансовая зависимость Подоліи отъ Литвы при Кориатовичахъ, во всякомъ случаѣ, болѣе чѣмъ сомнительна.

князя литовской Руси, ни государь всего Литовско-Русскаго государства, почему-то мирившійся съ польской политикой Кориатовичей. Предполагаемая историками „натянутыя отношенія“ и неладница между Кориатовичами и ихъ дядями (Ольгердомъ, Любартомъ и др.) вовсе не подтверждаются показаніями источниковъ, и, какъ кажется, приняты историками на вѣру, ради разясненія болѣе или менѣе вѣроятныхъ причинъ, изъ-за которыхъ Кориатовичи держались постоянно на сторонѣ поляковъ.

Есть основаніе полагать, что первыя начала польскаго сторонничества Кориатовичей, безъ всякой прочной солидарности съ другими князьями литовскими; заложены были еще въ то время, когда Ольгердъ, великій князь литовскій, давалъ Кориатовичамъ свое „прозволеніе“ на занятіе Подольской земли. По всѣмъ видимостямъ, при этомъ имѣлось въ виду не одно занятіе Подоли (собственно для этого едва ли и нужно было согласіе литовскаго государя), но нѣчто другое, болѣе существенное и важное, что дѣйствительно могло нуждаться въ соизволеніи и санкціи верховнаго представителя государства. Дѣло въ томъ, что, вступая въ „пріязнь“ съ Кориатовичами, принимая ихъ услуги изъ-за „сопротивленія татарскому режиму“, стремленія выйдти изъ ордынскон неволи, подоляне въ то же время едва ли могли имѣть въ виду замѣну неволи татарской литовскою, быть можетъ, еще болѣе тяжелою, чѣмъ ордынскій режимъ, ограничивавшійся для населенія подвластныхъ татарамъ земель, главнымъ образомъ, исправнымъ взносомъ татарскаго выхода (дани). Въ виду этого есть вѣроятность полагать, что „пріязнь“ подольскихъ атамановъ съ Кориатовичами касалась соглашенія не объ одной оборонѣ населенія отъ татаръ и освобожденія его отъ ордынскаго выхода; при этомъ соглашеніи возникалъ, самъ собой, вопросъ объ установленіи въ Подоли такого режима, который бы, подобно татарскому, не могъ вызывать противъ себя сопротивленія со стороны населенія. Такимъ режимомъ могло быть лишь подчиненіе подолянъ ихъ ближайшимъ нарядникамъ, мѣстнымъ князьямъ, съ сохраненіемъ полной политической самостоятельности страны, не обязанной подчиняться никакой иной, внѣшней власти, будь то власть татарская, польская или литовская. Эти-то требованія подолянъ, по всѣмъ соображеніямъ, и должны были лечь въ основу „пріязни“ Кориатовичей съ атаманами и опредѣлить всю послѣдующую ихъ дѣятельность въ качествѣ оберегателей независимости страны отъ пріязаній не только татаръ, но и литовцевъ и поляковъ. И дѣйстви-

тельно, мѣстные источники даютъ ясный намекъ на то, что до времени Витовта Подольская земля управлялась своими князьями независимо отъ непосредственнаго подчиненія ея литовскимъ господамъ; до окончательнаго присоединенія къ Литвѣ Подольская земля „не хотела послушна быти князя великого Витовта и Литовскои земли, какъ же и предъ тѣмъ послушна не была“¹⁾). Слѣдуетъ думать, во всякомъ случаѣ, что занятіе Подоли Коріатовичами устроилось далеко не такъ просто, какъ говоритъ объ этомъ литовская лѣтопись. Указанныя условія и требованія должны были точно опредѣлиться раньше того времени, когда Коріатовичи явились въ Подольскую землю и окончательно упрочили „пріязнь“ съ населеніемъ. Въ данномъ случаѣ долженъ былъ предшествовать предварительный „рядъ“, и при томъ не съ одними Коріатовичами, но и съ великимъ княземъ литовскимъ, въ „послушаніи“ котораго состояли Коріатовичи. Этотъ-то предварительный рядъ, санкционированный „прозволеніемъ“ литовскаго господара, и открылъ Коріатамъ возможность войти въ Подолію и вступить „въ пріязнь“ съ населеніемъ. Литовскій господарь, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ согласиться на требованіе подолянъ—признать за ихъ страной полную удѣльную самостоятельность. Единственной связью Подоли съ Литвой явились собственно Коріатовичи, остававшіеся въ личномъ „послушаніи“ литовскимъ господамъ наравнѣ съ другими удѣльными князьями. Въ данномъ случаѣ для великаго князя литовскаго Ольгерда имѣлъ мѣсто простой расчетъ: Подольская земля, управлявшаяся вполне самостоятельными князьями, формально все-таки входила въ составъ государства и представляла изъ себя, во всякомъ случаѣ, надежную охрану южныхъ границъ государства съ татарскаго фронта. Съ упроченіемъ власти Коріатовичей на мѣстѣ связи Подоли съ Литовскимъ государствомъ могли болѣе и болѣе крѣпнуть; рано или поздно независимая пока Подольская земля войдетъ въ болѣе тѣсныя, органическія связи съ государствомъ. Важно было установить какую либо, хотя бы весьма отдаленную, чисто внѣшнюю связь государства съ русской окраиной; остальное сдѣлаютъ время и обстоятельства.

Затѣмъ, есть еще другая, не менѣе существенная и важная сторона вопроса. Коріатовичи, въ качествѣ подольскихъ князей, принимали на свои плечи не легкую задачу—боронить подчинившуюся имъ страну отъ татаръ, очищать ее отъ ордынской зависимости и,

¹⁾ Лѣт., изд. Поповичъ, 45.

одновременно съ тѣмъ, вести еще болѣе трудную и опасную борьбу съ другого фронта—боронить Подольскую землю отъ польскихъ притязаній, тяжесть и напряженность которыхъ могли быть хорошо извѣстны Кориатовичамъ, въ виду шедшей въ то время борьбы Литвы съ Польшей изъ-за Галицко-Волинскаго наслѣдія. Для успѣшнаго веденія борьбы на два фронта разомъ, ради береженья Подольской земли одновременно отъ татаръ и поляковъ, Кориатовичи, понятно, не имѣли на мѣстѣ достаточныхъ силъ, которыя бы сколько нибудь могли гарантировать успѣшный исходъ борьбы на два фронта. На литовскую помощь въ данномъ случаѣ была плохая надежда: главныя литовскія силы постоянно были заняты охраной государства на обширномъ протяженіи его границъ. Для Кориатовичей оставалось одно: сосредоточить силы страны на одномъ фронтѣ—татарскомъ,—съ западнаго же фронта обезпечить себя и свою страну не одной личной „дружбой“ и поддержкой поляковъ, но формальнымъ, хотя бы на первый разъ оборонительнымъ союзомъ съ польскимъ королемъ ¹⁾, лишь бы этотъ союзъ не грозилъ странѣ потерей политической ея независимости. Для поляковъ въ данномъ случаѣ былъ прямой расчетъ не отказываться отъ союза съ Кориатовичами; но въ охранной Подольская окраина являлась для польскихъ владѣній надежнымъ оплотомъ съ татарской стороны. Затѣмъ, опираясь на формальный союзъ съ подольскими князьями, Польша могла еще при нихъ заложить въ этой русской окраинѣ первыя начала и зародыши, какъ общаго культурнаго вліянія (его проводниками являлись проникавшіе въ Подолію еще при Кориатовичахъ польскіе паны—Бучацкіе, Язловецкіе и др.), такъ и политическаго господства, въ недалекомъ будущемъ дѣйствительно разросшагося до возможности безнаказаннаго захвата бѣльшей половины Подоліи, окончательно вошедшей въ 30-хъ годахъ слѣдующаго столѣтія въ составъ польскихъ владѣній.

Вотъ цѣлый рядъ условій, которыя, какъ намъ кажется, должны были стоять на первомъ планѣ при первоначальномъ „рядѣ“ о княженіи Кориатовичей въ Подольской землѣ. Признаніе такихъ условій, то-есть, какъ полной удѣльной независимости Подольской земли съ одной стороны, такъ и необходимости въ формальномъ союзѣ подольскихъ князей съ Польшей съ другой, должно было лечь въ основу

¹⁾ Напримѣръ, хоть по образцу договора Любарта, заключеннаго имъ съ королемъ польскимъ Казимиромъ вскорѣ послѣ общаго договора литовскихъ князей 1366 г. (Arch. Sang. I, стр. 1).

„прозволениа“, даннаго великимъ княземъ литовскимъ Коріатовичамъ при вокняженіи ихъ въ Подольской землѣ, а также послѣдовавшей затѣмъ „пріязни“ Коріатовичей съ подольскими атаманами, чрезъ нихъ же и со всѣмъ населеніемъ страны. Въ такомъ положеніи, какъ намъ кажется, стоялъ подольскій вопросъ во все время княженія въ Литвѣ Ольгерда. Послѣ его смерти (1377 г.) подольскія дѣла не могли сразу измѣниться. Для Владислава-Ягеллы, въ бытность его великимъ княземъ литовскимъ, когда разрѣшались такіе вопросы общегосударственной важности, какъ принятіе польской короны и уніа съ Польшей, было не своевременно касаться не безопаснаго при данныхъ обстоятельствахъ вопроса о политической самостоятельности русской окраины, привыкшей уже считать своей неотъемлемой „старинной“ свободу отъ татарскаго и литовскаго режима и вполнѣ солидарной въ этомъ отношеніи съ своими удѣльными князьями. Иначе долженъ былъ отнестись къ нашему вопросу Витовтъ, сдѣлавшійся съ 1392 г. великимъ княземъ литовскимъ: не стѣсняемый въ своей объединительной политикѣ никакими побочными условіями и обстоятельствами, Витовтъ, естественно, долженъ былъ потребовать „послушанія и покоры“, не только лично отъ самихъ подольскихъ князей (ихъ личное „послушаніе“ никогда не прерывалось), но и отъ всей подвластной имъ земли, независимое положеніе которой, при измѣнившемся положеніи дѣлъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ, не могло имѣть для Витовта никакого обязательнаго значенія. Съ Витовта, такимъ образомъ, наступаетъ новая эпоха въ исторіи Подольской земли, вошедшей при немъ въ общій составъ литовско-русскихъ областей, безъ бывшей политической ея независимости.

Изъ сказаннаго выше объ отношеніяхъ Подольской земли и ея князей къ великимъ князьямъ литовскимъ видно, что Коріатовичи управляли своими владѣніями, какъ вполнѣ самостоятельные „господари“. Въ этомъ отношеніи Коріатовичи стояли на ряду съ другими современными имъ князьями (каковы, напримѣръ, Кейстутъ или Любартъ Гедиминовичи), пользовавшимися полной удѣльной самостоятельностью. Въ своихъ грамотахъ Коріатовичи обыкновенно титулуются: „Милостію Божьею князья и господари Подольской земли“¹⁾.

¹⁾ *Молчановскій*, Очеркъ, 208, 220. *Przedziecki*, Podole, 119, 144. *Źródła dziejowe*, V, 21. Сколько намъ извѣстно, наименованіе „господарей“ въ официальномъ титулѣ встрѣчается, главнымъ образомъ, въ грамотахъ Коріатовичей; въ грамотахъ другихъ удѣльныхъ князей этотъ титулъ не всегда упоминается. Онъ составлялъ главную принадлежность титула великихъ князей литовскихъ— „господарей“ всего Литовско-Русскаго государства.

Объ уставной и административной дѣятельности Коріатовичей сохранилось мало извѣстій въ источникахъ. До настоящаго времени сохранилось шесть грамотъ Коріатовичей, изданныхъ ими въ качествѣ князей подольскихъ (1374—1392). Изъ этихъ грамотъ наиболѣе замѣчательна грамота 1374 г., данная отъ имени братьевъ Юрія и Александра Коріатовичей г. Каменцу на права и вольности по нѣмецкому (магдебургскому) праву ¹⁾. Кроме того, Юрію приписывается пожалованіе имѣнія Смотрицкому доминиканскому монастырю; въ 1375 г. пожалованіе это было подтверждено грамотой Александра Коріатовича ²⁾, которому, кроме того, принадлежитъ самостоятельная грамота, данная въ томъ же году Краковскимъ горожанамъ на право свободной торговли въ Подольской землѣ ³⁾. То же самое право было подтверждено въ 1385 г. грамотой Константина Коріатовича ⁴⁾. Последнему (виѣсть съ Федоромъ Коріатовичемъ) приписывается также жалованная грамота 1388 г., данная слугѣ Немирѣ на владѣніе Бакотой; подлинность этой грамоты, впрочемъ, подлежитъ большому сомнѣнію ⁵⁾. Наконецъ, Федору Коріатовичу приписывается жалованная грамота, 1392 г., данная слугѣ Бердышку на имѣніе въ Червоногородскомъ округѣ ⁶⁾. Подольскіе князья Коріатовичи управляли своей областью при посредствѣ мѣстной рады и подчиненныхъ князьямъ старость, воеводъ и другихъ органовъ. Въ грамотахъ Коріатовичей упоминаются въ числѣ членовъ рады староста Подольскій и воеводы Каменецкій, Смотрицкій и Червоногородскій, управлявшіе своими округами въ качествѣ княжескихъ намѣстниковъ ⁷⁾.

Присоединеніе Подольской земли при Витовтѣ къ великокняжескому удѣлу историки обыкновенно объясняютъ, какъ результатъ „возстанія“ (buntu) подольскаго князя Федора Коріатовича, не хотѣвшаго подчиниться „сильной рукѣ“ новаго литовскаго господаря. Объясненіе въ этомъ смыслѣ, сколько извѣстно, впервые предложено было К. Стадницкимъ. По его словамъ, Федоръ Коріатовичъ княжилъ

¹⁾ Молчановскій, Очеркъ, 206—213. Авторъ цѣлымъ рядомъ историческихъ данныхъ вполне доказалъ подлинность этой грамоты и изложилъ замітку о дѣйствіи магдебургскаго права въ Подоліи.

²⁾ Ibid., 220—221. А. З. Р., I, № 4.

³⁾ Ibid., 219.

⁴⁾ Ibid., 200.

⁵⁾ Ibid., 201.

⁶⁾ Zrodła dziejowe, V, 21. Молчановскій, Очеркъ, 225, 226.

⁷⁾ Przeglądcs, Podole, I, 120, 144. Молчановскій, Очеркъ, 209, 221.

въ Подоліи не долго. По соглашенію короля Владислава-Ягеллы съ Витовтомъ въ 1392 г., послѣдній получилъ велико-княжескій удѣлъ, сдѣлался литовскимъ господаремъ. Перемиѣна эта не понравилась (nie podobala się) князьямъ изъ рода Гедимина, правившимъ въ то время „samowładnie“ своими удѣльными владѣніями въ Литвѣ и на Руси и опасавшимся сильной руки (silnej dłoni) Витовта. Произошли отдѣльные восстанія (pojedyncze bunty), въ томъ числѣ и Ѳедора Коріатовича въ Подольской землѣ. Усмиреніе „бунта“ князей съ лишеніемъ ихъ удѣловъ было однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго великаго князя литовскаго ¹⁾. Объясненіе, предложенное Стадницкимъ, повторяется затѣмъ съ незначительными вариантами всѣми послѣдующими польскими и русскими историками ²⁾. Между тѣмъ, нашъ вопросъ представляется въ литовской лѣтописи въ иномъ свѣтѣ: удаленіе Ѳедора Коріатовича изъ подвластной ему земли и присоединеніе послѣдней къ великокняжескому удѣлу (1393 г.) было, какъ оказывается, результатомъ не „восстанія“ подольскаго князя, а отказа въ „послушаніи“ Витовту со стороны самой Подольской земли, которой въ то время управлялъ Ѳедоръ Коріатовичъ. Вотъ показаніе наиболѣе достовѣрнаго по нашему вопросу источника—литовско-русской лѣтописи, изданной Поповымъ и Даниловичемъ:

¹⁾ *Stadnicki, Syn. Gedym., 2-е изд., I, 179—179.*

²⁾ Приведу мотивировку удаленія Ѳедора Коріатовича изъ Подоліи, предложенную двумя новѣйшими русскими историками Подоліи—Молчановскимъ и Петровымъ. По словамъ Молчановскаго, „передача великокняжеской власти въ руки Гедиминовича (Витовта Кейстутовича), который при томъ же считалъ необходимымъ стать подъ знамя католицизма, встрѣтила сильную оппозицію со стороны *Олмердошичей*, правившихъ въ земляхъ съ русскимъ населеніемъ. Въ завязавшей непродолжительной борьбѣ Витовтъ развиваетъ необыкновенную дѣятельность: въ теченіе 1392 и 1393 г. онъ подавляетъ попытки сопротивленія и лишаетъ удѣловъ“ князей Новгородъ-Сѣверскаго, Кіевскаго, Витебскаго и Подольскаго (*Молчановскій*, Очеркъ, 231—232). О такихъ же „восстаніяхъ князей“, въ томъ числѣ и Ѳедора Коріатовича, говорятъ и Петровъ, почти буквально повторяющій приведенное выше замѣчаніе по нашему вопросу К. Стадницкаго. „Въ 1392 г. послѣдовало соглашеніе между Владиславомъ-Ягелломъ и Витовтомъ, въ силу котораго послѣдній получилъ званіе великаго князя литовскаго. Эта перемиѣна не понравилась князьямъ изъ рода Гедимина, которые въ то время самостоятельно управляли дѣлами литовскихъ и русскихъ земель и не безъ основанія опасались сильной руки Витовта. Поэтому, произошли отдѣльные восстанія, и, между прочимъ, Владимира Ольгердовича Кіевскаго и Ѳедора Коріатовича Подольскаго. Усмиреніе этихъ восстаній было однимъ изъ первыхъ дѣяній Витовта въ новомъ его званіи“ (*Петровъ*, Подолія, 34. Ср. *Prochaska, Latopis litewski*, 19. *Lewicki, Powstanie*, 147).

„Въ тыи лета князь Витовтъ государемъ сталъ на Литовской земли, и Подольская земля *не хотела послушиана быти князя великаго Витовта и Литовской земли, какъ же и предъ тѣмъ послушиана не была*“¹⁾).

Лѣтописное показаніе въ данномъ случаѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ на Воляни. Какъ мы уже знаемъ, главнымъ условіемъ „пріязи“ Коріатовичей съ населеніемъ подчинившейся имъ земли была полная независимость послѣдней отъ литовскихъ государей; единственной связью Подоли съ Литовско-Русскимъ государствомъ являлись сами Коріатовичи, которые въ качествѣ литовскихъ князей оставались въ личномъ „послушаніи“ и „покорѣ“ своимъ природнымъ государямъ. Если бы въ 1393 г. шелъ вопросъ о непослушаніи самого подольскаго князя, то дѣйствительно это было бы съ его стороны возстаніемъ противъ законнаго господаря. На дѣлѣ, однако, оказывается, что „возстаніе“, имѣвшее мѣсто въ Подоліи, произошло вовсе не отъ того, что подольскому князю было не по душѣ назначеніе Витовта великимъ княземъ, „сильной руки“ котораго, будто бы, опасался Федоръ Коріатовичъ, какъ и другіе самостоятельные князья литовской Руси. Дѣло шло, какъ видно изъ литовской лѣтописи, объ установленіи надъ подолянами новаго политическаго режима, какаго до тѣхъ поръ не существовало въ Подольской землѣ,—о „послушаніи“ этой земли великому князю литовскому, которому она, какъ категорически заявляетъ лѣ-

¹⁾ Лѣтоп. *Попова*, 45. Въ лѣтописи *Даниловича* (51) вмѣсто: „послушна не была“, стоитъ: „послушна была“. Частица *не*, очевидно, пропущена. Иначе представляется дѣло въ лѣтописномъ сводѣ *Быховца*, изд. Нарбутомъ. Здѣсь „бунтъ“ Подольской земли отнесенъ еще къ эпохѣ перваго занатія Подоліи при Ольгердѣ. Подольская земля, по показанію Быховца, отказала въ послушаніи Ольгерду, который поэтому и завладѣлъ всѣми Подольскими замками, а бывшаго въ то время подольскимъ княземъ Федора Коріатовича выгналъ изъ Подоліи и Литвы (*Быховецъ*, 19—20). Показанія этихъ-то двухъ литовскихъ лѣтописей, очевидно, были извѣстны Стрыйковскому, который механически свелъ ихъ въ своей хроникѣ. По Стрыйковскому выходитъ, что въ Подоліи были два однородныя возстанія: во время Ольгерда и Витовта, и при каждомъ изъ нихъ управлялъ Подоліей князь съ однимъ и тѣмъ же именемъ—Федоръ Коріатовичъ, дважды изгнанный изъ своего удѣла, при Ольгердѣ и Витовтѣ (*Strzykowski*, 1го т. Litwy, wyd. 1846, II, 18, 104, 106). Та же путаница имѣетъ мѣсто у Нарушевича и другихъ польскихъ историковъ. Надлежащая критическая оцѣнка показаній по нашему вопросу литовскихъ лѣтописей и старыхъ польскихъ историковъ принадлежитъ К. Стадницкому (*Syn. Gedym.*, 2-е изд., I, 160—166).

топясь, до тѣхъ поръ „послушна не была“¹⁾. Ясное дѣло, что, если такъ можно выразиться, личная унія (Personal-Union), установившаяся между Подоліей и Литовско-Русскимъ государствомъ при первомъ занятіи Подоліи Кориатовичами, больше не удовлетворяла потребностямъ слагавшагося государства, остававшагося безъ всякихъ, сколько нибудь прочныхъ, органическихъ связей съ нимъ областей, входившихъ въ его территоріальный составъ. Установленіе такихъ именно связей, по всему видно, и имѣлъ въ виду Витовтъ въ своемъ требованіи послушанія отъ подолянъ. Сопротивленіе, оказанное ими въ этомъ случаѣ, нельзя называть собственно возстаніемъ или бунтомъ: возстаніе предполагаетъ дѣйствительное существованіе того режима, противъ котораго протестуетъ возставшее населеніе, чего на дѣлѣ, какъ мы знаемъ, не было вовсе. Въ своемъ сопротивленіи подоляне стояли собственно на законной почвѣ, могли по праву опираться на первоначальный рядъ съ Ольгердомъ о сохраненіи за Подоліей независимости отъ послушанія и покоры литовскому государю. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно: вопросъ, поднятый Витовтомъ изъ-за общегосударственныхъ интересовъ, шелъ въ прямой разрѣзъ съ мѣстными интересами подолянъ, крѣпко стоявшихъ за свою областную самобытность, и потому не могъ разрѣшиться путемъ мирнаго соглашенія съ населеніемъ,—послѣднее было приведено къ „покорѣ“ путемъ вооруженной силы. По всѣмъ соображеніямъ, первоначально едва ли предполагалась отмѣна удѣльнаго строя Подоліи, вмѣстѣ съ полной инкорпорацией ея съ Литовско-Русскимъ государствомъ, какъ это въ концѣ концовъ оказалось на дѣлѣ. Какъ при Гедиминѣ и Ольгердѣ, такъ и при Витовтѣ, русскія области, не отказывавшіяся отъ непосредственной „покоры“ литовскимъ государямъ, оставались при своихъ старыхъ князьяхъ и удерживали за собой относительную областную самостоятельность. То же самое могло быть, по всѣмъ видимостямъ, и въ данномъ случаѣ, еслибы подоляне не оказали упорнаго сопротивленія требованіямъ Витовта, вынужденнаго для прине-

¹⁾ Въ такомъ же положеніи, какъ замѣчено рашше, находилась и Киевская земля при Владимірѣ Ольгердовичѣ. Въ лицѣ киевскаго князя, который, по лѣтописному показанію, „не восхотѣ покоры учинити и челомъ оударити великому князю Витовту“ (Лѣтоп. Лопова, 39. Лѣт. Даниловича, 46), отказывалась отъ покоры литовскому государю собственно Киевская земля, стоявшая за свою старую областную самобытность. Тѣ же самыя обстоятельства, какъ видно по всему, сопровождали инкорпорацию при Витовтѣ Витебскаго и Новгородскаго княжествъ. Вездѣ отказъ въ покорѣ шелъ отъ самихъ земель, а не отъ однихъ князей.

денія подолянъ къ „послушанію“ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, брать на щитъ подольскіе замки одинъ за другимъ и т. д. Борьба, какъ извѣстно, закончилась въ 1393 г. полной инкорпорацией Подоліи съ непосредственными владѣніями Витовта, вмѣстѣ съ отмѣной въ ней стараго удѣльнаго режима и съ лишеніемъ всѣхъ владѣтельныхъ правъ, принадлежавшихъ послѣднему подольскому князю изъ рода Коріатовичей. Инкорпорацию Подоліи при Витовтѣ едва ли можно подводить подъ техническое понятіе „завоеванія“, въ смыслѣ добыванія государствомъ, путемъ вооруженной силы, новой области, не входившей въ его территоріальный составъ. Какъ раньше замѣчено, Подолія съ первыхъ же поръ занятія ея Коріатовичами стала принадлежать къ Литовско-Русскому государству, именно въ значеніи автономной земли, обособленной въ территоріальномъ и политическомъ отношеніи волости литовскихъ же князей, подлежавшихъ, на общемъ основаніи съ другими удѣльными князьями литовской Руси, личному послушанію и покорѣ литовскому великому князю. Словомъ, при Витовтѣ Подольская земля не вновь вошла въ составъ подвластнаго ему государства, а лишь стала въ болѣе тѣсныя связи съ нимъ,— была собственно не завоевана, а лишь инкорпорирована съ тѣмъ самимъ государствомъ, къ территоріальному составу котораго она принадлежала и раньше.

Какъ видно изъ лѣтописи, Витовтъ, вслѣдъ за занятіемъ подольскихъ замковъ (въ 1393 г.), вездѣ поставилъ своихъ старостъ ¹⁾ и вообще сталъ распоряжаться Подоліей, какъ полновластный ея государь ²⁾. Не долго, впрочемъ, Подольская земля, въ цѣломъ ея составѣ, оставалась подъ властью Витовта; вскорѣ послѣ удаленія изъ Подоліи Федора Коріатовича Витовтъ вынужденъ былъ силой обстоятельствъ уступить значительную часть своихъ подольскихъ владѣній польскому королю Владиславу-Ягеллѣ. Въ 1395 г., въ распоряженіи

¹⁾ Лѣтоп. *Даниловича*, 52. Лѣт. *Попова*, 45—46. Несомнѣнно достоверное показаніе литовской лѣтописи о предоставленіи Витовтомъ Подоліи въ управленіе своихъ старостъ вполнѣ опровергаетъ сообщеніе Стрийковскаго (*Крон.*, wyd. 1846, II, стр. 101) о томъ, что Дмитрій-Корыбутъ, вмѣсто отнятаго у него Витовтомъ Сѣверскаго удѣла, получилъ отъ него въ управленіе восточную Подолію—Брацлавъ, Соколецъ и Винницу (*Wolff, Ród Gedum.*, 53. Ср. *Молчановскій*, *Очеркъ*, 248, 252).

²⁾ Уже 5-го мая 1393 г. Витовтъ жалууетъ слугѣ своему Василю Карачевскому пустошь Князью Луку, на р. Морахвѣ, въ Каменецкомъ повѣтѣ (*Prochaska, Cod. epist. Vitoldi, № 106. А. Ю.-З. Р., I, № 6. Въ Актахъ ошибочно обозначена дата грамоты).*

последняго уже находились подольскіе замки съ ихъ округами—Каменець, Смотричь, Червоногородъ, Скала, Бакота, Межибожь, Божске и Винница; за Витовтомъ осталось только среднее Побужье съ замками Сокольцемъ и Брацлавомъ. По этому поводу литовская лѣтопись сообщаетъ, что король польскій, Владиславъ-Ягелло, провѣдавъ о занятіи Подолія литовцами, сталъ просить Витовта отдать ему эту землю; Витовтъ почему-то согласился на эту просьбу и за 20 тысячъ копъ отдалъ Владиславу-Ягеллѣ половину Подолія, заложенную королею тогда же и за ту же сумму краковскому воеводѣ, Спытку Мельштинскому. Изъ лѣтописнаго разказа ¹⁾ видно, что первоначально Витовтъ уступилъ польскому королю только пять замковъ: Каменець, Смотричь, Скалу, Червоногородъ и Бакоту, которые и пошли въ „заставу“ Спыткѣ. Вскорѣ затѣмъ Владиславъ-Ягелло получилъ (очевидно, тоже путемъ продажи) отъ Витовта Межибожь, Божске и Винницу, которые, какъ видно изъ привилей (1395 г.) Мельштинскому, не вошли въ составъ владѣній послѣдняго, а остались въ непосредственномъ распоряженіи короля ²⁾. Первоначальное заставное право (зачастую практиковавшееся въ то время въ Польшѣ), на какомъ получилъ Спытко во владѣніе пять замковъ западной Подолія, скорѣ превращается въ вѣчное и потомственное пожалованіе (*donatio perpetua et irrevocabilis*) на полныхъ правахъ княжескихъ ³⁾.

¹⁾ Вотъ подлинныя слова литовской лѣтописи (изд. *Цюнова*, 46): „Тогда пакы король просити началъ великого князя Витовта рекоучи: милми брате, дай тебе Богъ, добыхъ еси Подольской земли, оучни тоую честь, дай ми Подольскую землю. И князь великии далъ Подольской земли половиною королю, оу ѣ (20) тысячехъ, Каменець данъ (далъ), а Смотричь, а Скалоу, а Черлении городокъ (Червоногородъ), а Бакоту. А на нихъ на всихъ Подольскихъ городехъ князь Витовтъ свои старосты посажалъ: на Браслови, и на Сокалци, и на Венице. А король тии города оу ѣ тысячехъ пану Спытку заставилъ“.

²⁾ *Prochaska*, Cod. epist. Vitold., № 15. Arch. Sang., I, стр. 18—20.

³⁾ Молчалиовскій полагаетъ, что лѣтописный разказъ страдаетъ неточностью характеристики правъ, предоставленныхъ Спытку на данныя ему замки. По его мнѣнію, права эти точно опредѣляются привилеемъ 18-го іюня 1395 г., даннымъ Спытку на Подольскіе замки: „приобрѣтенное такъ или иначе отъ Витовта Подолье король польскій не „заожилъ“ Спытку изъ Мельштина, какъ утверждаетъ лѣтописецъ, но отдалъ его этому магнату въ вѣчное и потомственное владѣніе“ (Очеркъ, 237). Мы не видимъ никакихъ основаній отвергать достоверность показанія лѣтописи о первоначальномъ заставномъ правѣ, на какомъ получилъ Спытко подольскіе замки, и прежде всего потому, что привилей 18-го іюня 1395 г. нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ показаніемъ лѣтописи. По всему видно, что этотъ привилей данъ былъ Спытку не при первоначальной передачѣ ему подоль-

Перемѣна эта принадлежитъ привилею 13-го іюня 1593 г. Король польскій заявляетъ въ немъ, что, желая вознаградить Спытка за важныя услуги и поощрить его на вѣрную службу въ будущемъ. даруетъ ему, его дѣтямъ и наслѣдникамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе на полныхъ княжескихъ правахъ, какими пользуются другіе князья литовскіе и русскіе (*specialiter pleno jure ducali, quo ceteri nostri duces Lithuaniae et Russiae frui soliti sunt*), замки свои Каменецъ, Смотричъ, Червопогродъ, Скалу и Бакоту, со всеми ихъ округами, селами и владѣніями, угодьями, землями и доходами, съ обязательствомъ для Спытка и его наслѣдниковъ отправлять въ пользу короля и его наслѣдниковъ службы, какія отправляютъ другіе князья литовскіе и русскіе. вмѣстѣ съ тѣмъ, король отказывается отъ всякихъ правъ и притязаній на пожалованные Спытку замки, которые онъ и его наслѣдники могутъ, по своему усмотрѣнію, держать въ своемъ владѣніи и пользованіи, закладывать, обмѣнивать, продавать, дарить и отчуждать въ качествѣ вѣчныхъ и наслѣдственныхъ владѣльцевъ этихъ замковъ. Округи (*districti*) Межибожскій, Божскій и Випницкій остаются въ непосредственномъ владѣніи короля; Теребовленскій же и Щенскій округи удерживаютъ за собой права, какими пользовались при королѣ Казимирѣ и князѣ Владиславѣ Опольскомъ ¹⁾).

слихъ владѣній, какъ думаетъ, повидимому, Молчановскій, а нѣсколько позже, когда первоначальная „застава“, за особыя услуги и службу Спытка, была превращена королемъ въ наслѣдственное удѣльное владѣніе. Превращеніе въ отчины „заставныхъ“ имѣній, получавшихся отъ королей, въ старое время, само по себѣ, было обычнымъ явленіемъ въ Польшѣ и Литвѣ; застава, остававшаяся обыкновенно не выкупленной, во второмъ — третьемъ поколѣніи владѣльцевъ становилась для нихъ обыкновеннымъ вотчиннымъ владѣніемъ, вступала въ общій составъ истаринныхъ „маетностей“ на обычныхъ, вотчинныхъ правахъ. Какъ пожалованіе „до воля“ или „въ доживотье“ нерѣдко переходило въ наслѣдственную „отчину“, такъ и „застава“, дававшаяся сперва на время, до выкупа, могла потомъ быть предметомъ пожалованія на общемъ, вотчинномъ положеніи.

¹⁾ *Prochaska*, Cod., № 15. Arch. Sang., I, стр. 19. Пожалованіе западной части Подолія (по Длугошу—*donatio perpetua sed feudalis*,—*Hist. Pol.* X, стр. 150) сразу ставило Спытка въ положеніе удѣльнаго владѣтеля, самостоятельно управлявшаго своими владѣніями, дававшего по разнымъ случаямъ привилей на общемъ положеніи удѣльнаго князя и пр. Ивѣстенъ, напримѣръ, привилей Спытка, данный имъ уже 5-го октября 1395 г., гдѣ онъ титулуется: „*dominus et haeres ducatus Podoliensis*“ (*Молчановскій*, Очеркъ, 247). Въ иллюстраціи Подольскаго воеводства, 1616 г., упоминается привилей Спытка Каменцу на доходы (*Źródła dziejowe*, V, 16). У Окольскаго (*Orbis Polon.*, II, 65) Спытко

Такова фактическая постановка подольскаго вопроса въ первое время послѣ присоединенія Подоліи къ великокняжескимъ владѣніямъ. Здѣсь естественно возникаетъ рядъ принципиальныхъ вопросовъ, не разрѣшаемыхъ категорически ни лѣтописью, ни актовыми данными. На первомъ планѣ стоитъ прежде всего вопросъ о судьбѣ западной Подоліи, уступленной польскому королю и вскорѣ переданной имъ въ наследственное удѣльное владѣніе Спыткѣ съ его потомствомъ: нужно ли считать уступку эту присоединеніемъ части Подоліи къ Польшѣ, продолжали ли владѣнія Спытка числиться въ составѣ удѣловъ Литовско-Русскаго государства, или же Спытко съ своими владѣніями тянулъ къ Польшѣ,—вопросъ, который до настоящаго времени, какъ оказывается, можетъ возбуждать въ изслѣдователяхъ довольно серьезныя недоразумѣнія. Еще въ XV вѣкѣ, въ пору особенно жаркихъ споровъ поляковъ съ литвинами изъ-за Подоліи, сложилось между первыми упорное убѣжденіе въ томъ, что уступка Витовтомъ западной Подоліи королю Владиславу-Ягеллѣ была первымъ опытомъ присоединенія къ Польшѣ этой русской окраины,—воззрѣніе, которое, сколько намъ извѣстно, доселѣ раздѣляется изслѣдователями, внимательно изучавшими историческія судьбы южно-русскихъ окраинъ бывшаго великаго княжества Литовскаго. Недавно высказана довольно смѣлая гипотеза, идущая въ рѣшительный разрѣзъ съ давно установившимся воззрѣніемъ по данному вопросу. Полагаютъ, что воззрѣніе это не подтверждается ни дарственнымъ актомъ Ягеллы Спыткѣ Мельштинскому, ни позднѣйшими распоряженіями Ягеллы относительно Подоліи. „Уступка Витовта, по всѣмъ даннымъ, имѣла характеръ чисто личной сдѣлки съ Ягелломъ, которому онъ уступилъ *доходы* съ этой земли, а тотъ, въ свою очередь, переуступилъ ихъ Спытку Мельштинскому. И Витовтъ, и Ягелло не касались при этомъ *государственно-правовою положенія* Подольской земли: обязательство, наложенное на Спытка Мельштинскаго служить королю Ягеллу и его преемникамъ, нисколько не говоритъ о присоединеніи этой земли къ Польшѣ, ибо подобное обязательство взято было со всѣхъ литовско-русскихъ князей и самого великаго князя Витовта. По ясному указанію дарственной записи, Спытко Мельштинскій вступилъ въ *права литовско-русскаго князя*, а вмѣстѣ съ правами и въ

титлуется: „Князь Tetragcha Podoliensis“. Въ русскихъ лѣтописяхъ (П. С. Р. Л., IV, 104, 142) Спытко, павшій въ битвѣ съ татарами на Ворсклѣ въ 1399 г., называется „Спытко Краковскій князь“.

обязанности. Вотъ почему въ 1399 г. мы видимъ его подъ знаменемъ великаго князя Витовта на Ворсклѣ, гдѣ онъ и положилъ голову свою вмѣстѣ со многими литовско-русскими князьями¹⁾. Выходить, словомъ, что до и послѣ пожалованія Спыткѣ западная Подолія не переставала все-таки числиться въ составѣ литовско-русскихъ областей,—по своимъ правамъ и обязанностямъ, удѣльный владѣтель западной Подоліи, Спытко, тянулъ по старому положенію къ великому княжеству Литовскому. Рѣшаемся думать, что эта смѣлая гипотеза не вноситъ въ науку никакого серьезнаго приобрѣтенія, представляетъ собой лишь новый „историческій миражъ“, подобный тѣмъ, какіе, какъ мы замѣчали раньше, въ немаломъ количествѣ накопились въ трудахъ новѣйшихъ польскихъ и русскихъ изслѣдователей южно-русской старины.

Въ виду важности спорнаго вопроса необходимо ближе разсмотрѣть главныя послышки, на какихъ основано новое, только что предложенное разрѣшеніе этого вопроса.

Остановимся прежде всего на положеніи о томъ, что будто бы Витовтъ уступилъ Ягеллѣ только *доходы* съ Подольской земли, а Ягелло, въ свою очередь, переуступилъ тѣ же самые доходы Спытку Мельштинскому. Что касается самаго Ягеллы, то въ источникахъ дается лишь общее указаніе на уступку ему подольскихъ замковъ съ ихъ округами, безъ подробнаго и категорическаго опредѣленія всей совокупности правъ, приобрѣтенныхъ при этомъ Ягеллой. Права эти опредѣляются весьма точно въ его грамотѣ объ уступкѣ Спытку приобрѣтенныхъ отъ Витовта подольскихъ замковъ: предметомъ такой уступки со стороны Ягеллы могло быть, понятно, лишь то, что было имъ приобрѣтено и чѣмъ въ дѣйствительности онъ самъ могъ пользоваться и распоряжаться. Ягелло пожаловалъ Спытку пять подольскихъ замковъ, не только „cum eorum censibus, redditibus, pro-

¹⁾ *Любавскій*, Областное дѣленіе, стр. 57—58. Мысль о томъ, что по акту 1395 г. Спытко будто бы поступилъ на службу къ Витовту, высказана Смольковъ еще въ 1882 г. (см. *Szkice hist.*, I, p. 49). Неосновательность такой мысли доказываетъ *Левницкій* (*Rozprawy Ak. Krak.* t. XXIX, p. 135, 419, прим. 22). *Левницкій* справедливо замѣчаетъ, что Спытко подчинялся не Литвѣ и не коронѣ польской, а лично польскому королю (къ послѣднему перешла западная Подолія, какъ раньше Галичина къ королю Казимиру, въ значеніи „królewiaszczuzku“, а не короннаго владѣнія Польши). По поводу мнѣнія Смольки о поступленіи Спытка по акту 1395 г. на службу къ Витовту, *Левницкій* говоритъ: „Jakimże idyotą zresztą byłby ten Jagiełło, jeżeliby tak się wysługiwał Witoldowi na własną szkodę“ (ibid., 419, прим. 22).

ventibus, obventionibus, theloneis et dationibus“, но и со всѣми угодыми, землями и водами, тлпнувшими къ замкамъ и ихъ округамъ, волостямъ и селамъ¹⁾. Всѣ эти угоды, земли и воды были пожалованы „pleno iure ducali omnibusque aliis iuribus et dominio — habenda, tenenda, pacifice possidenda, utfruenda, obliganda, commutanda, vendenda, donanda, alienanda et pro ipsius Spithconis militis, suorum liberorum, heredum et legitimorum successorum voluntate et utilitate omnimode convertenda, prout sibi et eisdem molius et utilius videbitur expedire²⁾. Пожалованія Спытку на такихъ широкихъ основаніяхъ, конечно, не было бы, разъ Ягелло, какъ полагаютъ, получилъ отъ Витовта одни доходы въ Подольской землѣ. Въ перечнѣ владѣній, составлявшихъ „dominium“ Ягеллы и переуступленныхъ имъ полностью Спытку Мельштинскому, census, redditio, proventus, obventio, theloneum и datio представляли лишь часть всей совокупности тѣхъ княжескихъ правъ, какія на дѣлѣ были уступлены Витовтомъ польскому королю и его преемникамъ.

То же самое приходится сказать и о постановкѣ другаго вопроса— о правахъ и обязанностяхъ, въ какія вступалъ Спытко Мельштинскій на основаніи привилея 13 іюня 1395 года. Обязательство, подобное тому, какое было наложено на Спытка Мельштинскаго служить королю Ягеллѣ и его преемникамъ, какъ полагаютъ, взято было со всѣхъ литовско-русскихъ князей и самого великаго князя Витовта и потому нисколько не говоритъ о присоединеніи Подольской земли къ Польшѣ. По ясному указанію дарственной записи (привилея 13 іюня 1395 г.) Спытко Мельштинскій вступалъ въ права литовско-русскаго удѣльнаго князя, а вмѣстѣ съ правами и въ обязанности“³⁾.

1) Arch. Sang., I, стр. 18—19. Prochaska, Cod. epistol. Vitoldi, № 15.

2) Подольскіе замки были пожалованы Спытку Мельштинскому „cum eorum omnibus opidis, civitatibus, municionibus, suburbiis, districtibus, villis, prediis, alodiis, censibus, redditibus, proventibus, obventionibus, fructibus, agris, campis cultis et incultis, pratis, graminetis, gais, virgultis, rubetis, dumis, quercetis, meritis, boris, pinetis, silvis, nemoribus, collibus, vallibus, planiciebus, mellificiis, venacionibus, aucupationibus tam magnarum quam parvarum ferarum et avium quarumcunque molendinis, obstaculis, piscinis, fluviis, rivulis, aquis, earum decursibus, theloneis, navigiis, portibus, naulis, dationibus et pagamentis quibuscunque, stagnis, lacubus, paludibus, piscaturis, utilitatibus, usufructibus, pertinenciis et appendiis ac emoluentis universis, jam factis et in posterum quomodolibet fiendis, quibuscunque nominibus nuncupentur“.

3) Любавскій, Обл. дѣл., стр. 57—58.

Но въ томъ-то и дѣло, что „службы“, наложенныя на Спытку въ силу привилея 13 іюня 1395 года, не имѣли ничего общаго съ тѣми обязательствами, о какихъ на дѣлѣ шла рѣчь въ присяжныхъ листахъ, дававшихся Владиславу-Ягеллѣ и польской коронѣ литовско-русскими князьями послѣ того, какъ Ягелло принялъ польскую корону. Дѣло шло въ данномъ случаѣ лишь объ одномъ признаніи удѣльными князьями литовскими и русскими личной уніи, установившейся между Польшей и великимъ княжествомъ Литовскимъ въ силу брака Ягеллы съ польской королевой Ядвигой и принятія первымъ польской короны; рѣчь шла лишь о простой „присягѣ вѣрности“, *hold'ъ*, *homagium* литовско-русскихъ князей Ягеллѣ, первому польскому королю изъ рода Гедиминовичей, и ни о чемъ больше. Изъ такой присяги никоимъ образомъ не могли возникнуть для литовско-русскихъ удѣльныхъ князей тѣ реальныя сервитуты (служба ратная, дань съ населенія и пр.), какіе обуславливались всегда пожалованіемъ князьямъ территоріальныхъ владѣній. Съ *homagium* князей въ указанномъ смыслѣ нельзя отождествлять и „службы“, наложенныя на Спытку по привилею 1395 года и представлявшія дѣйствительно полную аналогію съ реальными сервитутами старыхъ удѣльныхъ князей. Весь вопросъ лишь въ томъ, въ пользу кого налагались эти службы, и кто предоставлялъ Спытку права удѣльнаго князя. Разъ Спытку, по своимъ правамъ и обязанностямъ, числился въ ряду литовско-русскихъ князей, тянулъ со всѣми своими службами не къ Польшѣ, а къ великому княжеству Литовскому, нужно полагать, что установленіе правъ и наложеніе обязанностей, неразрывно связанныхъ съ владѣніемъ литовскимъ удѣломъ, не могло обойтись безъ прямого участія въ этомъ дѣлѣ со стороны Витовта, бывшаго въ то время литовскимъ господаремъ. Пожалованіе литовско-русскимъ князьямъ удѣльныхъ владѣній и связанныхъ съ ними правъ и обязанностей несомнѣнно составляло одну изъ главныхъ прерогативъ великаго князя литовскаго, каковымъ считался Витовтъ въ то время, когда Спытку получалъ удѣльныя владѣнія въ западной Подоліи. Нужно бы полагать, что пожалованіе такихъ владѣній Спытку, въ качествѣ литовско-русскаго удѣльнаго князя, должно бы было исходить, если не исключительно отъ Витовта, какъ литовскаго господара, то, во всякомъ случаѣ, съ его согласія и при непремѣнномъ участіи его въ этомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ это было, напримѣръ, въ 1386 году, когда король польскій Владиславъ-Ягелло и великій князь литовскій Витовтъ особымъ привилеемъ сообща опредѣляли владѣтельныя права

Федора Даниловича, князя Острожскаго ¹⁾). По „ясному указанію“ привилея 13 іюня 1395 г., пожалованіе Спытку Мельштинскому удѣльныхъ владѣній въ Подоліи было дѣломъ одного Владислава-Ягеллы, безъ всякаго намека на участіе въ этомъ Витовта. Точно также самыя службы, „наложенныя“ на Спытку Владиславомъ при пожалованіи ему Подольскаго удѣла, онъ долженъ былъ отправлять въ пользу Владислава и его преемниковъ, *королей польскихъ* (nobis et postgis successoribus, regibus Poloniae), — о службѣ великому князю литовскому Витовту и его преемникамъ, непосредственнымъ господарямъ Литовско-Русскаго государства, нѣтъ при этомъ ни малѣйшаго намека. Очевидно, неправильная постановка вопроса о правахъ и обязанностяхъ Спытка Мельштинскаго, какъ литовско-русскаго, а не польскаго удѣльнаго князя, была прямымъ результатомъ невѣрнаго истолкованія относящейся къ нашему вопросу цитаты въ текстѣ привилея 13 іюня 1395 г. Цитата эта ²⁾ была понята, какъ видно по всему, въ смыслѣ признанія за Спыткой владѣтельныхъ правъ и обязанностей, какъ за литовско-русскимъ удѣльнымъ княземъ, тогда какъ въ привилеѣ 1395 г. лишь опредѣляется одинъ объемъ правъ и соединенныхъ съ ними „службъ“ Спытка Мельштинскаго, именно въ тѣхъ же самыхъ границахъ и съ тѣмъ же составомъ политическихъ правомочій, прерогативъ и сервитутовъ, какими въ то время пользовались удѣльные князья литовскіе и русскіе.

Отсюда же естественно должна была опредѣлиться и соответственная постановка вопроса о появленіи въ 1399 г. Спытка Мельштинскаго „подъ знаменемъ“ великаго князя Витовта на Ворсклѣ: полагають, что Спытку, въ данномъ случаѣ, стоялъ рядомъ съ Витовтомъ будто бы въ силу своей принадлежности къ литовско-русскимъ удѣльнымъ князьямъ.—положеніе, съ которымъ тоже едва ли есть возможность согласиться. Притязанія татаръ въ одинаковой мѣрѣ грозили опасностью подольскимъ владѣніямъ Литвы и Польши; въ борьбѣ съ татарами, поэтому, одинаково были солидарны представители обонхъ

¹⁾ Arch. Sang., I, стр. 6—7.

²⁾ Вотъ мѣста привилея 1395 г., относящіяся къ нашему вопросу: „Castrа nostra.. cum eorum pertinenciis et appendiis ac emolumentis unversis.. et specialiter pleno iure ducali, quo ceteri nostri duces Lithuanie et Russie frui soliti sunt... dedimus, donavimus“ etc. „Racione cuius donationis ipse Spithco miles, sui liberi et heredes ac successores legitimi nobis et nostris successoribus, regibus Polonie, pro tempore, prout alii nostri duces Lithuanie et Russie, dum requisitus vel requisiti fuerit vel fuerint servire perpetue teneantur“ (Archiv. Sang., I, стр. 19).

государствъ. Въ битвѣ съ татарами на Ворсклѣ участвовали, въ силу такой именно солидарности, не одни русскіе и литвины, но и многие изъ поляковъ ¹⁾, едва ли бывшихъ „послушными“ Витовту или другимъ литовско-русскимъ удѣльнымъ князьямъ.

Перейдемъ теперь къ основному положенію о томъ, что уступка Витовтомъ западной Подоліи польскому королю „имѣла характеръ чисто *личной* сдѣлки“ между ними,—что будто бы „и Витовтъ, и Ягелло не касались при этомъ *государственно-правового* положенія Подольской земли“ ²⁾. На сколько мы понимаемъ это положеніе, въ немъ выражается та мысль, что Подольская земля (собственно западная ея половина) не переставала принадлежать къ великому княжеству Литовскому и послѣ того, какъ она была уступлена польскому королю; уступка эта не вызывалась никакими общегосударственными интересами Польши, а тѣмъ менѣе Литвы, но зависѣла лишь отъ добровольнаго соглашенія Владислава-Ягеллы съ Витовтомъ,—соглашенія, нисколько не измѣнявшаго общаго положенія русской окраины, бывшей предметомъ данной сдѣлки. Выше мы показали, что Витовтъ уступилъ Владиславу-Ягеллѣ не одни доходы съ Подольской земли, но весь *dominium*, всю совокупность княжескихъ правъ на нее, принадлежавшихъ раньше Коріатовичамъ и перешедшихъ затѣмъ къ Витовту. Источники показываютъ также съ достаточною ясностью, что Спытко Мельштинскій, получившій отъ польскаго короля на полномъ княжескомъ правѣ пять подольскихъ замковъ съ ихъ округами, по своимъ владѣтельнымъ правамъ и обязанностямъ тинулъ со всѣмъ своимъ удѣломъ непосредственно къ Польшѣ, или, правильнѣе, лично къ польскому королю ³⁾, а не къ великому княжеству Литовскому. Значить, „личная сдѣлка“ Витовта и Ягеллы *кореннымъ* образомъ измѣняла „государственно-правовое положеніе“ доброй половины Подольской земли: вся западная часть ея, по этой сдѣлкѣ, цѣликомъ отошла къ польскимъ владѣльцамъ.—за Литвой осталась лишь юго-восточная половина Подоліи съ двумя главными замками (Брацлавомъ и Сокольцомъ). Затѣмъ, если Владиславъ-Ягелло могъ по одной личной инициативѣ вступить съ Витовтомъ въ сдѣлку касательно Подоліи, то трудно понять, почему самъ Витовтъ, съ такой усиленной энергіей добивавшійся обладанія Подоліей и вооруженной силой подчинившій ее своей власти, вскорѣ

¹⁾ *Молчановскій*, Очеркъ, 254.

²⁾ *Любаевскій*, Областное дѣленіе, стр. 57.

³⁾ *Lewicki*, *Rozprawy Ak. Krak.*, t. XXIX, p. 135.

затѣмъ, безъ всякой борьбы, по одной личной сдѣлкѣ съ польскимъ королемъ, отказался отъ своихъ правъ на значительную часть Подоліи, добровольно уступилъ ее Польшѣ. Были, нужно полагать, какія-то постороннія обстоятельства и причины, въ силу которыхъ Витовтъ не могъ удержать въ своихъ рукахъ Подолію во всей ея цѣлости и вынужденъ былъ, *volens-polens*, согласиться на сдѣлку, предложенную польскимъ королемъ. Съ полной несомнѣнностью можно утверждать, что сдѣлка между Ягеллой и Витовтомъ далеко не имѣла „чисто-личнаго“ характера, и что во всякомъ случаѣ оба представителя сосѣднихъ государствъ дѣйствовали не советѣмъ добровольно. Самъ по себѣ, Владиславъ едва ли бы рѣшился предложить Витовту сдѣлку, безъ явнаго риска потерпѣть полное фіаско, еслибы за спиной Владислава не стоялъ цѣлый рядъ польскихъ дѣятелей, заставившихъ его добиваться, въ общегосударственныхъ интересахъ, присоединенія Подоліи къ польскимъ владѣніямъ ¹⁾.

Есть основаніе полагать, что сдѣлка Ягеллы съ Витовтомъ, закончившаяся уступкой Польшѣ западной Подоліи, стоитъ, можно сказать, въ генетической связи съ „возстаніемъ“, или точнѣе—отказомъ Подольской земли отъ послушанія Витовту, что повлекло за собой присоединеніе Подоліи въ 1393 г. къ великокняжескимъ владѣніямъ. Пока Подоліей управляли Коріатовичи, Польша молчала, не заявляла никакихъ притязаній на Подолію: Коріатовичи все время состояли въ личномъ союзѣ съ польскимъ королемъ, являлись какъ бы его подручниками. Обстоятельство это, какъ раньше замѣчено, положило первые зародыши политическаго вліянія Польши на Подолію и еще при Коріатовичахъ открыло для польскихъ магнатовъ возможность пріобрѣтенія „насущнаго хлѣба“ (въ видѣ богатыхъ помѣстій) въ этой русской окраинѣ, считавшейся въ средѣ польскихъ пановъ, по замѣчанію Длугоша, чуть не земнымъ раемъ, благодатной страной, „изобилующей медомъ, млеко́мъ и скотомъ“ (*terram notabileni, melle, lacte et pecore refertam*) ²⁾. Не можетъ быть, далѣе, сомнѣнія въ томъ, что въ сопротивленіи подолянъ Витовту, потребовавшему отъ нихъ „послушанія“ себѣ, какъ литовскому господарю, должны были принять наиболѣе дѣятельное участіе польскіе паны (Буцацкіе, Изловецкіе и др.), успѣвшіе при Коріатовичахъ пріобрѣсти помѣстья

¹⁾ *Stadnicki*, Syn. Gedyrn., 2-е изд., I, 186 и слѣд. *Молчановскій*, Очеркъ, 239 и сл. *Lewicki*, *Rozpr.*, XXIX, 147.

²⁾ *Długosz*, *Hist. Pol.*, lib. X. p. 150 (rok 1396).

въ западной Подоліи и несомнѣнно вліявшіе въ бѣльшей или меньшей степени на общественныя дѣла страны. Тѣмъ менѣе могли мириться польскіе паны съ „завоеваніемъ“ Подоліи Витовтомъ, закрывавшимъ для нихъ всякую возможность пріобрѣтать „насущенный хлѣбъ“ въ русской землѣ. Спротивленіе польскихъ пановъ Подоліи новому режиму, задуманному Витовтомъ, должно было, въ силу самыхъ обстоятельствъ, сразу придать подольскому вопросу общегосударственное значеніе. Едва успѣлъ Витовтъ занять Подолію, въ правящихъ польскихъ сферахъ тотчасъ же стали заявляться и съ замѣчательной быстротой и энергіей усиливаться притязанія на Подолію. Сохранилась, между прочимъ, записка Витовта еще отъ 1394 г., изъ которой видно, что онъ вслѣдъ за занятіемъ Подоліи вынужденъ былъ дать, въ качествѣ ея новаго владѣтеля, присягу вѣрности королю, съ заявленіемъ о полученіи отъ него Подоліи въ качествѣ леннаго владѣнія (*in feudum*) ¹⁾. Но это мало удовлетворяло польскихъ пановъ, и понятно почему: пока Подолія оставалась во владѣніи Витовта, поляки не могли рассчитывать на сколько нибудь успѣшное осуществленіе своей политики добыванія на Руси „насущенного хлѣба“. Нужно было, поэтому, такъ или иначе прибрать къ своимъ рукамъ, если не всю Подолію, то хотя западную ея часть, гдѣ поляки еще при Кориатовичахъ успѣли довольно прочно утвердиться. По настоянію радныхъ пановъ, съ королевой Ядвигой во главѣ ²⁾, Владиславъ-Ягелло вступилъ съ Витовтомъ въ сдѣлку, окончившуюся, какъ мы уже знаемъ, продажей польскому королю всей западной половины Подольской земли. Въ правящихъ польскихъ сферахъ весьма вѣрно рассчитывали на уступчивость Витовта. Въ то время онъ находился въ затруднительномъ положеніи, по неволѣ долженъ былъ искать опоры и поддержки въ польскихъ правящихъ кружкахъ и потому не могъ

¹⁾ Въ инвентарѣ Кромера присяжная записка Витовта зарегистрирована такъ: „Vladuslaus rex Camenecensem arcem et territorium Vitoldo duci Lithuaniae et haeredibus ejus dat in feudum anno 1394“ (*Stadnicki, Syn. Ged.*, 2-е изд., I, 188). Тотъ же листъ зарегистрированъ въ *Skarbiec Дамилосича*, подъ № 649. Въ своей хроникѣ (*De reb. Polon.*, lib. XV, p. 248) Кромеръ сообщаетъ о той же запискѣ слѣдующее извѣстіе: „Postremo extat exemplum diplomatis ipsius Vladislai regis sub titulo et signo Alberti archiepiscopi Gnesnensis, ex ipso exemplari descriptum, quo rex indicat, Camenecensem arcem ac territorium Vitoudo et haeredibus ejus in feudum, ut vocant, a se dari, idque anno Christi 1394 factum esse“ (см. *Молчановскій*, Очеркъ, 239).

²⁾ *Stadnicki, Syn. Ged.*, 2-е изд., I, 186. *Молчановскій*, Очеркъ, 240. *Lewicki, Rozprawy*, XXIX, p. 147 и сл.

отказаться отъ предложенной ему сдѣлки, не рискуя при этомъ полнымъ разрывомъ съ Польшей, что еще больше ухудшило бы положеніе дѣлъ въ Литвѣ, когда Витовту грозила война со всѣхъ сторонъ—съ нѣмецкимъ орденомъ, татарами, далеко не примирившимися съ Витовтомъ литовско-русскими князьями и пр. ¹⁾

При такихъ обстоятельствахъ разрѣшеніе подольскаго вопроса въ концѣ XIV вѣка склонилось, повидимому, окончательно на сторону польскихъ притязаній. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, уступая по необходимости часть Подолія Польшѣ, Витовтъ далеко не отказывался попытаться при первой же возможности возвратитъ въ свои руки потерянную имъ русскую окраину, какъ это и показываютъ всѣ послѣдующія его дѣйствія по подольскому вопросу. Ему помогла въ этомъ случаѣ до извѣстной степени та самая польская партія, которая съ такой настоятельностью и энергіей добивалась обладанія Подоліей, и именно помогла своей торопливой политикой, отличавшеюся съ самаго начала чрезмѣрностью притязаній по подольскому вопросу. Дѣйствительно, не довольствуясь только-что пріобрѣтенной безъ большихъ затрудненій западной половиной Подолія, польскіе паны, въ лицѣ королевы Ядвиги, стоявшей все время во главѣ польскихъ притязаній на Подолію, поспѣшили заявить въ 1396 году Витовту о томъ, что Русь и Литва отданы Ядвигѣ мужемъ въ видѣ брачнаго вѣна, и потому потребовали отъ Витовта, какъ вассальнаго владѣтеля Литвы-Руси, уплаты Ядвигѣ ежегодной дани со всѣхъ его владѣній. Въ виду такихъ польскихъ притязаній Витовтъ сразу нашелъ крѣпкую поддержку во всемъ литовско-русскомъ боярствѣ, естественно заинтересованномъ судьбами не только своихъ собственныхъ владѣній, но и всей ихъ родины. На общей радѣ, созванной Витовтомъ изъ литовскихъ и русскихъ бояръ, послѣдніе заявили, что никогда никому дани не платили и платить не стануть, что Литва —

¹⁾ *Stadnicki*, Syn., I, 188. По поводу соглашенія Витовта съ Ягеллой касательно западной Подолія, усугубленной затѣмъ Смыткѣ Мельштинскому, Каро (*J. Caro*, *Gesch. Polens*, III, 169, 194) и Смолька (*Szkice historyczne*, 47) высказываютъ предположеніе о томъ, что дѣло Смытка не обошлось безъ интриги Витовта, будто бы содѣйствовавшаго уступкѣ Подолія Смытку, съ цѣлью произвести расколъ въ правящей партіи въ Краковѣ и выѣсть съ тѣмъ привлечь на свою сторону самого Смытка, одного изъ наиболее сильныхъ и влиятельныхъ членовъ этой партіи. Неосновательность подобнаго предположенія довольно обстоятельно доказана Молчановскимъ (см. Очеркъ, 241 и слѣд. Ср. *Lewicki*, *Rozprawy*, XXIX, p. 147—148).

вольное государство ¹⁾). Притязанія поляковъ, естественно, должны были вызвать сильную оппозицію во всемъ литовско-русскомъ боярствѣ, въ общемъ сознаніи грозившей опасности сразу сплотившемся около своего господаря ²⁾ и давшемъ ему возможность почувствовать подъ собой твердую почву и дѣйствовать съ бѣльшей увѣренностью въ свои силы въ борьбѣ съ притязаніями Польши ³⁾).

Таково было положеніе подольскаго вопроса въ самомъ концѣ XIV столѣтія, когда Спытко Мельштинскій, владѣвшій на княжескомъ правѣ спорной частью Подольской земли, палъ въ битвѣ съ татарами на Ворсклѣ (1399 г.), и его удѣлъ, за малолѣтствомъ наследниковъ, остался безъ постоянного владѣльца. Къ тому же времени выступаетъ вопросъ о примиреніи Ягеллы и Витовта съ ихъ общимъ противникомъ, интриговавшимъ въ особенности противъ послѣдняго изъ-за занятаго имъ великокняжескаго стола. Ягелло (какъ видно изъ источниковъ, на этотъ разъ по соглашенію съ Витовтомъ) рѣшился отдать Свидригайлу бывший удѣлъ Спытка, выкупленный у его вдовы, вмѣстѣ съ рядомъ другихъ владѣній на Руси ⁴⁾). Подольскими замками Свидригайло владѣлъ уже въ 1400 году, какъ это видно изъ его договора, заключеннаго въ этомъ году съ молдавскимъ воеводой Стефаномъ; въ договорѣ Свидригайло титулуется: „dominus Podoliae“ ⁵⁾). Данный Свидригайлу удѣлъ, однако, не примирилъ его ни съ Ягеллой, ни съ Витовтомъ: въ 1402 году онъ уже былъ въ Пруссіи при дворѣ магистра въ Мариенбургѣ и сопутствовалъ ему въ походѣ на литовскія владѣнія ⁶⁾). Для охраны подольскихъ зам-

¹⁾ См. *Prochaska*, *Ostatnie lata Witolda*, стр. 11. *Молчановскій*, *Очеркъ*, 252. *Lewicki*, *Rozprawy*, XXIX, 147—148. Слѣдствія объ этомъ интересномъ эпизодѣ заимствованы изъ нѣмецкаго хрониста—*Joh. Posilge* (въ *Script. rer. Pruss.*, 1866, III, 219—223). Самый актъ помѣщенъ въ сборникѣ *Rzyszczewskiego i Muszkowskiego*—*Cod. dipl. Pol.*, II, № 333, и *Piekosińskiego*—*Cod. eccles. Cath. Crac.*, II, № 410.

²⁾ Нѣмецкій же хронистъ *Posilge* сообщаетъ, что энтузіазмъ и единодушіе, обнаруженныя теперь литовско-русскимъ боярствомъ, высказались, между прочимъ, въ провозглашеніи Витовта королемъ,—вещь неслыханная, по выраженію хрониста (*Молчановскій*, *Очеркъ*, 252).

³⁾ *Молчановскій*, *Очеркъ*, 252—253. *Lewicki*, *Rozpr.*, 148.

⁴⁾ Кромѣ замковъ, бывшихъ во владѣніи Спытка, Свидригайлу даны были слѣдующіе замки на Руси: Жидачовъ, Стрый, Шядловцы, Другина, Стобница и Уетье (*Stadnicki*, *Syn. Gedym.*, 2-е изд., I, 193).

⁵⁾ *Ibid.*, 194. Договоръ помѣщенъ въ соч. *Gołębiowski*, *Dzieje Wł.-Jag.*, I, 84. *Lewicki*, *Rozpr.* 180—182.

⁶⁾ *Stadnicki*, *Syn.*, I, 194.

ковъ Свидригайло оставилъ своихъ сторонниковъ. Съ ними-то пришлось имѣть дѣло Ягеллъ, рѣшившему, въ виду явной измѣны Свидригайла, овладѣть его замками, что и удалось ему, однако, не безъ значительныхъ усилій и борьбы съ сторонниками Свидригайлы; отнятыя у него замки Ягелло занялъ польскими гарнизонами, а для общаго управленія страной посадилъ въ западной Подоліи своего старосту ¹⁾. Свидригайлу принадлежитъ грамота, данная имъ Каменецкимъ доминиканамъ на с. Зубовцы (на нижнемъ Смотричѣ),—единственный, извѣстный до сихъ поръ, достовѣрный памятникъ пребыванія Свидригайла въ Подоліи въ началѣ XV столѣтія ²⁾. Подольскій вопросъ вскорѣ затѣмъ принимаетъ обратное теченіе, направляется въ сторону интересовъ литовско-русскихъ, именно благодаря усилившемуся могуществу Витовта, требованіямъ котораго относительно западной Подоліи польскій король не могъ противостоять. Въ 1410 году состоялось между Ягеллой и Витовтомъ соглашеніе о выкупѣ послѣднимъ (за 40 тысячъ копъ грошей) всей западной Подоліи: Витовтъ, такимъ образомъ, снова сдѣлался господаремъ всей Подольской земли и продолжалъ владѣть ею до самой смерти ³⁾. Ради успокоенія поляковъ, встревоженныхъ потерей перешедшей было къ нимъ во владѣніе западной Подоліи, Витовтъ далъ свое согласіе польскому королю оставить польскіе гарнизоны въ главныхъ городахъ отошедшей отъ него части Подоліи, не предпринимая, конечно, этимъ вопроса о ея принадлежности ⁴⁾.

Вопросъ этотъ былъ безповоротно разрѣшенъ лишь послѣ смерти Витовта (1430 г.). Въ то время, какъ Свидригайло, избранный преемникомъ Витовта (не безъ содѣйствія польскаго короля), устраивался въ Вильнѣ, пограничные польскіе старосты съ Михаиломъ Вучацкимъ ⁵⁾ во главѣ успѣли, при содѣйствіи начальниковъ польскихъ

¹⁾ Времени съ 1408 до 1410 гг. принадлежитъ нѣсколько грамотъ польскаго короля на имѣнія разнымъ лицамъ въ Каменецкомъ повѣтѣ и другихъ мѣстахъ западной Подоліи (*Stadnicki, Syn. Ged., I, 193. Молчановскій, Очеркъ, 266—267.*)

²⁾ Грамота эта издана Пршездѣцкимъ (*Podole, I, 193*) и помѣчена 1405 г., что послужило для *Стадникаю* основаніемъ утверждать, что Свидригайло и послѣ 1404 г. не лишень былъ Подольскаго удѣла (*Syn. Ged., I, 196*). Но теперь вполне доказано, что грамота Свидригайла принадлежитъ не 1405 г., а 1401 г. (*См. Молчановскій, Очеркъ, 267—269.*)

³⁾ О выкупѣ Подоліи Витовтомъ см. Лѣт. *Даниловича, 53*, и *Потова, 46*. Ср. *Stadnicki, Syn. Gedum., 2-е изд., I, 197. Молчановскій, Очеркъ, 241, 271—273.*

⁴⁾ *Stadnicki, Syn., I, 197—198.*

⁵⁾ Ему принадлежали въ западной Подоліи крупныя помѣстья, и потому онъ наиболѣе былъ заинтересованъ возвратомъ Подоліи во владѣніе Польши.

гарнизонъ въ подольскихъ замкахъ, занять на Корону всю западную половину Подоліи съ главными замками — Каменцемъ, Смотричемъ, Скалой и Червоногородомъ. Узнавъ о событіяхъ въ Подоліи, Свидригайло и слышать не хотѣлъ объ уступкѣ Польшѣ захваченныхъ замковъ и, задержавъ въ Вильнѣ польскаго короля съ его радой (прибывшихъ на коронацію Свидригайла), принудилъ короля дать приказъ главному подольскому старостѣ (Буцацкому) сдать литовскимъ начальникамъ замки, захваченные поляками. Вместе съ тѣмъ радные польскіе паны тайно дали знать подольскому старостѣ о вынужденномъ характерѣ посланнаго ему приказа и требовали не сдавать замковъ литовцамъ, что и было исполнено ¹⁾. Возгорѣвшая затѣмъ въ Подоліи ожесточенная война изъ-за захваченныхъ поляками замковъ продолжалась не долго и окончилась перемиріемъ (1431 г.), въ силу котораго каждая сторона осталась при томъ, чѣмъ фактически владѣла. Король удержалъ за собой замки: Каменецъ, Смотричъ, Скалу, Червоногородъ съ ихъ повѣтами, также съ вновь приобретенными Каменецкими волостями—Голзудаелымъ и Ильхушовымъ. Свидригайло обязался въ теченіе перемирія ограничиться остальными замками Подоліи: Брацлавомъ, Сокольцемъ, Звенигородомъ, Качубеемъ (Кочубеевымъ маякомъ другихъ памятниковъ, нынѣшней Одессой), Дашковымъ (Очаковымъ) и Латичовымъ. Замокъ Бакоту обѣ стороны обязались въ теченіе перемирія не занимать своими старостами и урядниками, также не укрѣплять и не исправлять; земляне и другіе обыватели повѣта, тянувшаго къ Бакотѣ, обязаны, по договору, отбывать всѣ повинности и службы и платить дани той изъ договаривающихся сторонъ, которой каждый изъ нихъ подчинялся до перемирія; кметамъ Бакотскихъ волостей до истеченія перемирія предоставлено было пользоваться свободой. Замокъ Сѣноничъ оставленъ въ полномъ распоряженіи короля. Вместе съ разграниченіемъ владѣній положено было учредить полюбовный судъ, который бы безпристрастно и навсегда рѣшилъ принципиальный вопросъ, какой изъ договаривающихся сторонъ должна принадлежать впредь во всей совокупности Подольская земля ²⁾. Вскорѣ послѣ заключенія договора

¹⁾ *Stadnicki*, Syn. Gedym., I, 200—202.

²⁾ Договоръ 1431 г. помѣщенъ *Нарбутомъ*, въ его „*Historia Litwy*“, т. VII, dodatek IV; затѣмъ въ *Skarbies*, № 1562; *Supplementum Turczeneva*, 303 — 306. Ср. *Caro*, *Gesch. Polens*, IV, 20, прим. I; *Молчаноскій*, *Очеркъ*, 360. *Stadnicki*, Syn. Ged., 2-е изд., I, 203—204. *Lewicki*, *Rozpr.*, XXIX, 229—230.

1431 года Свидригайло далъ отъ себя польскому королю присягу вѣрности, съ заявленіемъ о томъ, что онъ, по договору съ королемъ, получилъ отъ него Подолію „in feudum“ и обязывается отдавать подольскіе замки въ управленіе полякамъ и не покровительствовать „схизматикамъ“ ¹⁾). Въ слѣдующемъ году послѣдовала рѣзкая пере- мѣна въ положеніи дѣлъ въ Литвѣ: Свидригайло былъ свергнутъ съ великокняжескаго стола; его мѣсто занялъ Сигизмундъ Кейстутовичъ, ставленникъ и ревностный сторонникъ Польши ²⁾). Ему-то принадле- житъ актъ, de jure безповоротно рѣшившій судьбу западной Подо- лии. Сигизмундъ далъ въ 1432 году запись ³⁾ на имя польскаго ко- роля, въ которой онъ, въ качествѣ великаго князя литовскаго, отре- кается за себя, своихъ преемниковъ и всѣхъ жителей Литвы отъ всякихъ притязаній на Подолію и признаетъ ее вѣчнымъ достояніемъ Польши ⁴⁾). Дѣло въ томъ, что Сигизмундъ не владѣлъ ни пядью Подольской земли въ то время, когда онъ такъ рѣшительно отре- камся отъ нея въ пользу Польши ⁵⁾). Тѣмъ не менѣе, обстоятельство это нисколько не умаляетъ важнаго значенія записи Сигизмунда. Въ данномъ случаѣ вѣдь дѣло шло не о фактическомъ владѣніи Подо- лій, а лишь о верховныхъ территоріальныхъ правахъ на нее, несо- мѣнно принадлежавшихъ въ то время одному литовскому господарю. Не говоря о Брацлавщинѣ, бывшей въ фактическомъ владѣніи Свид- ригайла и тѣмъ не менѣе входившей въ территоріальный составъ Ли- товско-Русскаго государства, западная половина Подоліи, бывшая на дѣлѣ въ польскихъ рукахъ, de jure не переставала, однако, бытѣ все-таки литовско-русской областью,—ни одинъ литовскій господарь до Сигизмунда не отрекался окончательно и безвозвратно отъ вер- ховныхъ территоріальныхъ правъ на эту часть Подоліи.

¹⁾ Этотъ актъ зарегистрированъ въ инвентарѣ Кромера такъ: „Swiðrygall promittit se cum rege tractatum esse pro accepta in feudum Podolia. Et quod schismaticis non faverit, ac tantum Polonis arces comendabit. Anno 1431“. (*Stadnicki*, Syn. Ged., 2-е изд., I, 204).

²⁾ *Молчановскій*, Очеркъ, 363. *Lewicki*, *Rozpr.*, 278.

³⁾ Она цѣликомъ помѣщена у *Длугоша*, X, 613—617.

⁴⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., I, 206. *Молчановскій*, Очеркъ, 363. *Lewicki*, *Rozpr.*, 280—282. Подобное же обязательство дано было Сигизмундомъ также въ 1433 и 1434 гг., очевидно, по требованію поляковъ (*Rykaszewski*, *Inventarium*, 382).

⁵⁾ Западная Подолія въ то время находилась въ польскихъ рукахъ; Брацлавщиной же управлялъ Ѳедко, князь Несвижскій, въ качествѣ старосты Свидригайла.

Запись Сигизмунда не помѣшала, однако, Свидригайлу ¹⁾ удержать въ своихъ рукахъ восточную Подолію. Заслуга обороны ея отъ польскихъ притязаній всецѣло принадлежитъ стороннику Свидригайла, князю Ѳедкѣ Несвижскому, бывшему въ то время подольскимъ старостой Свидригайла ²⁾. Дѣло послѣдняго было до значительной степени испорчено имъ самимъ: изъ-за какого-то подозрѣнія Свидригайло распорядился арестомъ своего старосты, князя Несвижскаго, и этимъ лишился поддержки одного изъ главныхъ своихъ сторонниковъ. Освобожденный вскорѣ изъ заключенія поляками, князь Несвижскій, какъ мы уже знаемъ, отрекся отъ Свидригайла и перешелъ на сторону его противниковъ. Въ 1434 г. бывший староста подольскій далъ новому королю, Владиславу Варненчику, присягу вѣрности и получилъ отъ него въ „доживотье“ подольскіе замки Брацлавъ, Винницу и Соколецъ ³⁾. Вместе съ присягой за Подолію, князь Несвижскій заявляетъ въ своей записи, что по его смерти всѣ пожалованные ему замки должны отойти къ коронѣ польской, и обязывается ставить въ эти замки только такихъ старостъ, которые дадутъ присягу вѣрности польскому королю и обяжутся сдать замки по его смерти полякамъ ⁴⁾. Вскорѣ, впрочемъ, князь Несвижскій помирился съ Свидригайлой,—записи перваго вслѣдствіе этого потеряли всякое юридическое значеніе ⁵⁾.

¹⁾ Послѣ потери великокняжескаго удѣла Свидригайло ушелъ въ южную Русь и здѣсь отстаивалъ свои Волынскія и Подольскія владѣнія при помощи своихъ сторонниковъ.

²⁾ О борьбѣ князя Несвижскаго съ поляками см. *Stadnicki*, *Syn. Ged.*, I 207—209. *Молчановскій*, *Очеркъ*, 365—369, 373, 375. *Lewicki*, *Rospr.*, 372.

³⁾ *Stadnicki*, *Syn.*, I, 211. *Молчановскій*, 375 и слѣд.

⁴⁾ *Собр. госуд. и части. акт.*, изд. Виленск. Арх. Комм. подъ редакціей Круповича, I, №№ 16 и 17. *Skarbiec*, № 1703. Ср. *Молчановскій*, *Очеркъ*, 376—377.

⁵⁾ Да и помимо этого обстоятельства, записи Ѳедора, князя Несвижскаго, далеко не имѣютъ такого рѣшающаго значенія въ подольскомъ вопросѣ, какъ упомянутыя выше записи литовскаго господара Сигизмунда Кейстутовича. Какъ бывшій подольскій староста, Ѳедко Несвицкій не имѣлъ никакого права уступать польскому королю замки, которыми онъ только управлялъ въ качествѣ старосты, а не владѣлъ ими на положеніи удѣльнаго князя; да и въ послѣднемъ случаѣ сдѣлка удѣльнаго князя едва ли могла имѣть полную юридическую силу безъ согласія на нее со стороны литовскаго господара. Затѣмъ и въ качествѣ подручника польскаго короля, которому князь Несвижскій далъ было присягу вѣрности, послѣдній не могъ распоряжаться своимъ пожалованіемъ, даннымъ лишь „въ доживотье“, а не на полномъ княжескомъ правѣ. Все это мы говоримъ съ цѣлію показать неосновательность мнѣнія историковъ, признающихъ

Положеніе дѣль, созданное актами 1432 и 1434 г., само собою, не могло удовлетворить ни поляковъ, ни тѣмъ менѣе литвиновъ. Тѣ и другіе добивались полнаго обладанія всей Подоліей,—споры изъ-за этого велись почти до Люблинской уніи. Самъ князь Несвижскій, повидимому, долженъ былъ силой добывать себѣ права, выговоренныя въ записи 1434 г. Еще въ этомъ году Брацлавъ управлялся польскимъ старостой (Дерславомъ Властовскимъ), который только силой вынужденъ былъ сдать замокъ литовцамъ ¹⁾. Примирившись съ королемъ по смерти князя Оедки Несвижскаго (около 1435 г.), Свидригайло получилъ отъ короля въ ленное владѣніе замки восточной Подоли и управлялъ ими чрезъ особаго старосту ²⁾. Съ избраніемъ Казимира Ягеллона великимъ княземъ литовскимъ (1440) Свидригайло отрекся отъ подчиненія Польшѣ, присягнувъ на вѣрность литовскому господарю и затѣмъ, въ качествѣ литовско-русскаго удѣльнаго князя, владѣлъ восточной Подоліей до своей смерти (1452 г.) ³⁾. Послѣ Свидригайла восточная Подолія отошла къ велико-княжескимъ владѣніямъ и управлялась господарскими намѣстниками, но большей части, изъ князей Волинской земли ⁴⁾.

Раздѣленіе Подоли на восточную и западную половины, окончательно установившееся со временъ Сигизмунда Кейстутовича (съ 1432 г.), держалось до Люблинской уніи приблизительно въ тѣхъ же границахъ, какъ и во время договора Свидригайла съ польскимъ ко-

1434 г.—времена дачи Оедкой Несвижскимъ записи королю на Подолію—рѣшительнымъ моментомъ въ исторіи Подоли. Такъ, Молчановскій утверждаетъ, что договоръ князя Несвижскаго 1434 г. „намѣчаетъ пунктъ, съ котораго Польша является неоспоримой владѣтельницей западнаго Подоля и съ котораго исторія нашей земли разбивается на два противоположныя теченія“ и т. д. (Очеркъ, 377—378). Такія теченія de jure обозначались раньше—съ 1432 г., времени появленія записи въ томъ же духѣ литовскаго господаря Сигизмунда Кейстутовича.

¹⁾ *Długosz*, XII, 692,

²⁾ *Lewicki*, *Kojar*, XXIX, 404. О подольскихъ старостахъ Свидригайла см. напримѣръ, А. Ю.-З. Р., I, № 20. А. З. Р., I, № 36 и др.

³⁾ *Stadnicki*, *Syn. Ged.*, I, 212; II, dodatki, стр. 15. *Молчановскій*, Очеркъ, 379. *Петровъ*, Волинь, 88; Подолія, 45. *Lewicki*, 410. По Длугошу, въ первые же годы княженія Казимира во власти латовцевъ находились, кромѣ замковъ собственно Брацлавщины, также Межиборъ, Хмельникъ и Карауль: „Castra terrae Podoliae Międzyboże, Chmielnik, Karawol, que Lithuani noviter occupata detinebant cum terrigenis Podoliae recuperavit“ (*Молчановскій*, 379).

⁴⁾ Выше сдѣлано замѣчаніе о неосновательности положенія г. Любавскаго о томъ, что будто бы по смерти Свидригайла восточное Подолье отдано было во владѣніе кievскимъ князьямъ (*Любавскій*, Области. дѣленіе, 60).

ролемъ 1431 г. ¹⁾). На основаніи акта Люблинской уніи 1569 г. Подоля, вмѣстѣ съ другими южно-русскими областями, вошла окончательно въ составъ польскихъ провинцій. Западная Подоля образовала особое воеводство еще съ 1434 г.; особое Брацлавское воеводство появляется только послѣ Люблинской уніи ²⁾). Въ 1773 г. западная окраина Подолиі по рѣку Збручъ (повѣтъ Червоногородскій) была присоединена къ Австріи; остальная часть Подолиі отошла къ Россіи въ 1793 г. ³⁾).

Кромѣ староствъ и пожизненныхъ „держаній“, дававшихся, большею частію, волинскими князьямъ и управлявшихся ими въ качествѣ господарскихъ намѣстниковъ и старостъ ⁴⁾), въ литовской части Подолиі находились также вотчинныя имѣнія цѣлаго ряда князей, владѣвшихъ ими первоначально, повидимому, на общемъ удѣльномъ положеніи. Такимъ владѣніемъ князей *Вишневецкихъ* былъ замокъ Монастырице, позже Немпровщина; князей *Збаражскихъ*—Бершава ⁵⁾). Князья *Святополки Четвертенскіе* владѣли въ XV—XVI столѣтіяхъ обширнымъ удѣломъ въ литовской Подолиі, обнимавшимъ пространство отъ Животова до Днѣстра, съ цѣлымъ рядомъ городовъ (Немировъ, Животовъ, Грановъ, Кубличъ и др.) и волостей ⁶⁾). Грановъ и Кубличъ въ XVI столѣтіи перешли отъ Четвертенскихъ къ *Чарторскимъ* ⁷⁾). Съ XV столѣтія князья *Санушки* владѣли въ Подолиі Пятигорами, Тытевымъ и пр. ⁸⁾). Таковы же владѣнія князей *Соколовскихъ*—Уйсинъ на Собѣ, кн. *Короткихъ* (съ XIV столѣтія)—Ладжинь, Сокулецъ, Кіевецъ, Катаринь и другія волости и поселенія (до 30), разбросанныя по Бугу, Собу и Сельницѣ. Въ началѣ XVI столѣтія родъ князей Короткихъ прекратился; ихъ владѣнія перешли частію къ князьямъ *Збаражскимъ*, частію остались въ родѣ дочерей послѣдняго владѣльца, Богуша Короткаго ⁹⁾). Послѣднимъ отголос-

¹⁾ *Молчановскій*, 379—380.

²⁾ *Петроп*, Подоля, 45, 48.

³⁾ *Baliński*, *Starożytna Polska*, 2-е изд., III, 111. *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, VIII, 442.

⁴⁾ См. *Любавскій*, *Областн. дѣленіе*, 60, 262—263.

⁵⁾ *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, I, 154. *Baliński*, *Staroż. Polska*, III, 478, 483. *Niesiecki*, *Herb.*, IX, 345.

⁶⁾ *Słown. geogr.*, II, 796; IV, 10, 298; VII, 91. *Baliński*, III, 473, 487.

⁷⁾ *Słown.*, II, 465, 796; IV, 10. *Baliński*, III, 482.

⁸⁾ *Baliński*, III, 506. А. Ю.-З. Р., II, № 104.

⁹⁾ *Słown. geogr.*, V, 569. *Baliński*, III, 470. *Arch. Sang.*, III, 75. *Źródła dziejowe*, VI, стр. 44.

комъ удѣльной системы въ Подоліи были въ половинѣ XVI столѣтія владѣнія *королевы Бонн*, выкупившей у пановъ Одровонжей замокъ Ровъ (переименованный королевой въ „Баръ“), которымъ эти паны владѣли съ XV столѣтія „заставнымъ правомъ“. Кромѣ Бара, королевѣ Боннѣ принадлежалъ также Іолтушковъ на Ладавѣ ¹⁾.

Волости, принадлежавшія съ XIV столѣтія въ Брацлавщинѣ мѣстнымъ князьямъ, представляли собой какъ бы продолженіе ихъ удѣловъ на Волини. Князьямъ волинскимъ принадлежать первыя начала прочной колонизаціи юго-восточныхъ окраинъ Подольской земли. Занимая Брацлавскія пустыни, подвергавшіяся постояннымъ татарскимъ набѣгамъ, подольскіе князья въ теченіе XV—XVI столѣтій заселяли, по мѣрѣ возможности, южно-русскія окраины цѣлымъ рядомъ поселеній, охраняемыхъ отъ татарскаго разоренія цѣпью пограничныхъ укрѣпленій и замковъ. Четвертенскіе, Вишневецкіе и другіе „отчичи“ литовской Подоліи въ большинствѣ удерживали владѣтельныя права до временъ Сигизмунда I (1506—1530); собственно лишь при немъ владѣнія мѣстныхъ княжескихъ родовъ постепенно входятъ въ общій составъ шляхетскихъ вотчинъ, частію же отчисляются къ короннымъ владѣніямъ ²⁾.

6. Леонтовичъ.

¹⁾ *Stecki*, Wołyń, II, 138. *Baliński*, III, 212—218.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, Предисл., стр. 29. Ср. *Sulimierski*, Słown. geogr., I, 909; VI, 655. Въ XVI—XVII столѣтіяхъ принимаютъ дѣятельное участие въ колонизаціи Подоліи и другіе волинскіе князья—*Ружинскіе*, *Корецкіе*, *Дручкіе* и др., сосредоточивавшіе въ своихъ рукахъ нерѣдко обширныя вотчинныя (Słown. geogr., III, 10, *Baliński*, III, 479, 498. Arch. Sang., III, 83, 199 и др.).